Леонид Данилович Кучма
После майдана 2005-2006. Записки президента

Аннотация

В книге собраны выдержки из записей дневникового характера, которые автор, президент Украины (1994-2004), вел на протяжении 2005-2006 годов. Он анализирует текущие политические события в Украине и мире, вспоминает прошлое, рассказывает о встречах с лидерами разных стран: Ельциным, Путиным, Иоанном Павлом II, Берлускони, Колем, Миттераном, Цзян Цзэмином, Чавесом и другими. Говоря об оранжевой революции в Украине (2004), Л. Д. Кучма подчеркивает, что положительно относится только к научно-техническим революциям.

Предисловие

В один из первых дней после того, как закончились мои президентские полномочия, я положил перед собой на стол магнитофон, записную книжку с карандашом и несколько книг. Среди них - книги Уинстона Черчилля, Никиты Сергеевича Хрущева и гетмана Скоропадского. Так сказать, для вдохновения.

Многие политики знают, что будут писать мемуары, и ведут детальные дневники. У меня была противоположная позиция. Я думал об этом как о неблагодарном деле, которым никогда не стану заниматься. Никому ничего ты не докажешь. Передо мной была история Советского Союза, все, что происходило после каждой смены руководства. Новый обливал помоями старого. Из всех обвинений в адрес Хрущева, например, меня больше всего возмущали разговоры о том, что при Сталине он был приспособленцем. Как можно игнорировать историческую обстановку, порядки в государстве и многое другое! Попробуй чирикнуть - будешь уничтожен. А быть уничтоженным мало кому хочется.

Я живой человек, с немалым, очевидно, самолюбием, и если скажу, что ничего из того, что обо мне до сих пор писали и говорили, не задевало меня, никто не поверит. Правда, самые пренебрежительные отзывы о себе слышали и такие люди, как Рейган и Ельцин, Коль и Валенса, оба Буша, даже Маргарет Тэтчер. Я был удивлен, когда узнал, что о ней отзывались как о недалекой, малокультурной «лавочнице», которая не способна понять, для чего нужна Англии хорошая система образования и вообще - все хорошее. Принижая сильных мира сего, люди тем самым возвышают себя. Самоутверждение порождает многие поступки и суждения не только правителей, но и их подданных.

В то же время о каждом из названных мною деятелей можно, по-моему, с полным основанием сказать: человек незаурядный. Кто-то по специальности историк, кто-то - юрист, а кто-то - технарь, у кого-то больше образования, у кого-то - меньше, но есть ведь еще такие качества, как хватка, интуиция, способность к обобщениям, историческому мышлению.

Вот Рейган - с его решением ускорить крах тоталитаризма в СССР небывалой твердостью в отношениях с Москвой и программой «звездных войн». Вся американская наука, вся американская бюрократия, все разведсообщество были убеждены, что тоталитаризм в СССР - это очень надолго, если не навсегда. А Рейган почувствовал, что с «империей зла» можно покончить еще при его жизни. Прошло время, и те же самые американцы, которые издевались над «одной извилиной в мозгу третьестепенного голливудского актера», признали его лучшим с 1945 года - своим президентом.

Борис Николаевич Ельцин. За ним числится одно эпохальное решение, которое я могу назвать с ходу. Упразднение СССР. Считается, что это решение ему подсказали Егор Гайдар или Геннадий Бурбулис, что оно, в общем, вызрело в Межрегиональной депутатской группе первого съезда народных депутатов СССР. Я бы добавил предположение, что на советников Ельцина могли произвести серьезное впечатление результаты украинского референдума, состоявшегося 1 декабря 1991 года. Абсолютное большинство голосов получила идея полной государственной независимости Украины. Это, однако, мало что меняет. Принимать-то решение о встрече в Беловежской Пуще с Кравчуком и Шушкевичем пришлось Ельцину. Он так проникся мыслью о бескровном роспуске СССР, что ее вполне можно считать его собственной.

Решение Ельцина идти от тоталитаризма к демократии одной отдельно взятой страной считаю спасительным. Может, он вспомнил ленинское «открытие» о возможности победы социализма «в одной отдельно взятой стране»? Это выражение знал практически каждый советский человек, учившийся в школе. Что оно означает, не всякий мог сказать, но само выражение знали все. Ельцин понял, что выходить из тоталитаризма и строить демократию лучше всего в одной отдельно взятой России. В этом должен был убедиться (да так до сих пор и не убедился) М. С. Горбачев в дни новоогаревского процесса. Без насилия привести к общему знаменателю таких разных людей, такие разные части советской номенклатуры, как российская, прибалтийская, среднеазиатская и прочие, оказалось невозможно. Решение Ельцина спасло миллионы жизней. Он, по его словам, не может себе простить, что дал себя убедить в легкости победы над чеченскими сепаратистами, хотя главным его мотивом была не легкость победы для подъема своего рейтинга, а боязнь цепной реакции распада России. Некоторые, правда, считают, что ошибка или неудача состояла просто в

том, что Чечню не отпустили сразу, вместе с союзными республиками. А военных действий на ее территории вряд ли можно было избежать в любом случае. Но если ставить Ельцину в вину потери России в Чечне, то тем более нельзя забывать о его заслуге в предотвращении большого кровопролития на всей территории бывшего Советского Союза.

В связи с этим уместно привести высказывание Черчилля о последнем российском императоре Николае Втором.

«Мало эпизодов Великой Войны более поразительных, нежели воскрешение, перевооружение и возобновленное гигантское усилие России в 1916 году. К лету 1916 г. Россия, которая 18 месяцев перед тем была почти безоружной, которая в течение 1915 года пережила непрерывный ряд страшных поражений, действительно сумела, собственными усилиями и путем использования средств союзников, выставить в июле - организовать, вооружить, снабдить - 60 армейских корпусов вместо тех 35, с которыми она начала войну». Это произошло после того, как император стал главнокомандующим вооруженными силами России. «Еще 1 марта 1917 года, - пишет Черчилль, - царь был на своем троне. Российская Империя и Русская Армия держались, фронт был тверд и победа несомненна… Строй, который возглавлял Николай Второй, к этому времени выиграл войну для России».

Черчилль дает также очень высокую оценку тому темпу социально-экономического развития, который Россия набрала в конце XIX века и наращивала вплоть до Первой мировой войны. И дальше проводит следующую мысль: если находится столько охотников ставить в вину императору Николаю известные негативные явления его царствования, если столько желающих подвергать уничтожающей критике его личные качества, то он тем более заслуживает, чтобы ему не было отказано и в признании успехов, достигнутых страной в его царствование. Несправедливо и неблагородно говорить об одном, замалчивая другое.

По- моему, нет такого руководителя государства, который бы не желал, чтобы к нему был применен подход, продемонстрированный Черчиллем.

Если мне ставится в вину все негативное, что произошло в Украине за 10 лет моего пребывания на посту президента, в период, когда надо было перестраивать все и вся, создавать фактически с нуля новое государство, новую политическую систему, принципиально новую экономику, то, по справедливости, на мой счет должно быть отнесено и все позитивное, достигнутое в процессе этих системных преобразований.

Есть, правда, люди, которые скажут, да и говорят, что весь позитив получен не благодаря Кучме, а вопреки ему. Я не знаю, что ответить этим людям, и нужно ли им отвечать. Можно, конечно, сказать, что в России, например, правил не Кучма, а трудности и проблемы переходного этапа там - те же. Не правил Кучма в Узбекистане, в Белоруссии.

Даже в странах Прибалтики, даже в Польше и Чехии, в Болгарии и Румынии (этими странами Кучма тоже не правил ни одного дня) все - похоже. С поправкой на местные условия. Разница в степени, а не в характере, типе, качестве.

Согласно официальной статистике МВФ, с 1989 по 1993 годы ВВП всего региона Восточной Европы сократился на 21 процент. Это, конечно, меньше, чем у нас и в России, но все равно болезненно. Хочу отметить, что производство в Украине начало сокращаться не с 1991 года (первый год независимости), а с 1989-го, то есть еще при советской власти.

Есть в этих сравнениях еще одна деталь, которая, как правило, не учитывается. Я беседовал со статистиками. Беседа с одним скромным, но добросовестным статистиком может быть полезнее, чем с иным политиком-«трибуном». Так вот, наши статистики считают, что при советской власти в отдельных регионах СССР до 30 процентов экономического роста составляли приписки - то, что у Солженицына в «Архипелаге ГУЛАГ» называется «туфтой». Украина не пасла последних в этом отношении. В постсоветских же условиях, особенно в первые годы, 50-60 процентов продукции реализовывалось через теневые схемы. «Туфта» наоборот…

Человек, который вешает всех собак на меня, найдет что сказать в любом случае. Он скажет, что раз характер проблем во всех этих странах одинаков, значит в каждой из них, мол, был свой Кучма, и он-то и виноват. Пусть меня извинит такой читатель, но мне ему сказать действительно больше нечего. Впрочем, можно кое-что добавить. Весь, без исключения, негатив достался мне от периода, в котором меня как руководителя страны не было. Могу представить себе читателя, который скажет: так вы что же, хотите нас убедить, что к негативу не имеете никакого отношения? Нет, не совсем так. Я хочу сказать, что в негативе есть и моя вина, но она не больше вины любого,

кто мог бы быть на моем месте.

Откровенно говоря, я уверен, что ошибок и промахов допустил не больше, а меньше, чем мог бы допустить на моем месте любой из числа тех, кто в 1994 году реально мог претендовать на должность Президента Украины.

Что касается моего вклада в позитив, то он никак не меньше того, который внес бы любой из реальных моих конкурентов. А если быть до конца откровенным, то я считаю, что внес в позитив больше, чем любой, кто мог бы оказаться на моем месте из числа реально действующих лиц украинской политики.

Успокою тех, кто готов упрекнуть меня в самохвальстве. Может быть, их утешит одна выкладка украинского политолога Выдрина. По его подсчетам, от высшего руководства любой страны ход дел зависит на 3 процента. Так что и мои возможные преувеличения и приуменьшения касаются таких незначительных величин, что не стоит особенно волноваться. Правда, с выдринской цифрой решительно не согласен мой многолетний ближайший советник - профессор Анатолий Степанович Гальчинский. Он считает ее до смешного заниженной. Но это другой разговор.

Самое главное, что свершилось при моем президентстве и при моем непосредственном участии: Украине удалось выстоять в условиях жесточайшего экономического кризиса, когда многие в мире и особенно - в России считали, что независимость Украины - это что-то вроде мелкого дорожно-транспортного происшествия, что Украина не выдержит мировых цен на энергоресурсы.

Летом 1991 года американский президент Буш-старший убеждал парламентариев нашей страны не делать «неосторожных шагов» - таких, как выход из СССР. Это касается и главы Международного валютного фонда Камдессю, который уговаривал нас оставаться в рублевой зоне. А Камдессю тогда - это главные мировые деньги, это денежное мировое правительство. Оно не верило, что из Украины получится государство. Никто не высказывал этого вслух, а соответствующим образом действовали все - махнули на нас рукой.

Но Украина состоялась. Это главное. Прямое и весомое участие в этом считаю своим самым большим успехом в жизни.

Книга, которую предлагаю читателю, - не мемуары. Это часть почти ежедневных записей, которые я делал в 2005-2006 годах. Так я откликался на текущие политические события в стране и мире, по ходу вспоминая что-то из прошлого. Это были необычные годы: в Украине пыталась утвердиться новая власть - та, которую олицетворяли вожди «оранжевой революции». Наблюдать за ними было не только очень интересно, но и тревожно - тревожно за Украину.

Может быть, какие-то из моих наблюдений, соображений и воспоминаний заинтересуют читателя и пойдут на пользу нашему общему делу - укреплению украинской государственности и демократии.

2005

2 января

Перед самым Новым годом не стало Георгия Николаевича Кирпы.

Для меня это потеря близкого человека.

Это была неординарная личность. Колоссальный организатор! И для него дело - прежде всего. Ему нравилось служить государству. Он работал круглые сутки. Не все воспринимали его методы. Жесткая дисциплина и ответственность. Он не любил разгильдяев, не любил трепачей, ненавидел людей, которые обещают и ничего не делают.

Я с ним познакомился случайно. Отдыхал в Трускавце, получил письмо от него. Он был тогда начальником Юго-Западной железной дороги. И он мне написал, как можно вывести железнодорожный транспорт из того жесточайшего кризиса, в котором находилась эта отрасль.

Что творилось в те годы в железнодорожном ведомстве, сегодня уже трудно себе представить. Полотно, электровозы и вагоны изнашивались, новая техника не поступала. Железные дороги едва справлялись с транспортными потоками, а резкое увеличение интенсивности движения стремительно увеличивало аварийность.

В то же время «Укрзалізниця» имела прибыли, которые шли отнюдь не в пользу отрасли. Творился полный беспредел: расходы завышались, свободные тарифы устанавливались там, где должны были регулироваться, дисконты к тарифам даровались вопреки интересам отрасли и государства. При этом одним клиентам тарифы безо всяких оснований увеличивались, другим - сни-

жались. Деньги перекачивались в коммерческие структуры, а рядовые железнодорожники и государство оставались ни с чем. Подвижной состав приходил в упадок, а отдельные руководители - железнодорожники и высокопоставленные «пассажиры» - процветали.

В 1999 году «живыми» деньгами была оплачена только пятая часть внутренних грузовых перевозок, а на Донецкой железной дороге этот показатель не превышал 12 процентов. Несбалансированная тарифная политика отпугнула тогда многих клиентов и привела к потере традиционных тарифных перевозок по странам СНГ через территорию Украины. В результате мы теряли каждый год 500 миллионов долларов только от снижения объемов транзитных перевозок!

Кирпа мне написал, наверное, потому, что обратил внимание, что я дважды ездил на Киевский вокзал, чтобы своими глазами посмотреть, какой там развал и беспорядок. Точно: как после гражданской войны! Я осматривал разбитые, ободранные пригородные электрички, все остальное хозяйство - и меня охватывало отчаяние. Я вспоминал тот период, что описан в романе Николая Островского «Как закалялась сталь». Как Павка Корчагин строил узкоколейку Боярка-Киев…

История восстановления железнодорожного транспорта в первые послереволюционные годы известна каждому человеку моего возраста. Большевики разрушили его, но как талантливо они же его восстановили (насколько это было возможно)! Они использовали административно-экономические методы. Одних военно-административных методов было бы мало. Большевики в этом убедились в период военного коммунизма. И вот тут у них нашелся свой Кирпа - человек, который понял, что железную дисциплину надо подкрепить экономическими методами, то есть заинтересовать людей. Это был Дзержинский. Он одинаково владел и военно-административными, и экономическими методами. Судьба с ним обошлась жестоко. В сознание потомков он вошел как чекист, и тут, конечно, ни убавить, ни прибавить. Но за ним числятся и огромные заслуги в деле восстановления экономики, прежде всего железнодорожного транспорта. Под конец жизни он так горел на работе в должности председателя ВСНХ (Всесоюзного совета народного хозяйства - главного хозяйственного органа страны), что его смерть от «грудной жабы» многими была воспринята как самоистребление.

Если Дзержинский покончил с собой не в буквальном смысле, то Кирпа - в буквальном. Мне очень тяжело читать разные домыслы на сей счет и вообще - наблюдать ту, можно сказать, массированную клевету и неблагодарность, которая накрыла этого выдающегося человека. Особенно - после его смерти. Так вот, по силе воли, по способностям, по преданности делу, по исторической роли это был человек, который сделал для Украины то, что в свое время Дзержинский-хозяйственник (подчеркиваю: не чекист) - для Советского Союза.

Прочитав письмо Кирпы, я пригласил его в Трускавец. Мы с ним проговорили несколько часов. Я ему сказал: «Ты согласен взять на себя эту ношу и самому сделать все, что предлагаешь в своем письме?» Перед этим в Украине менялись только руководители транспорта, но ничего не менялось на самом транспорте. Было чудовищное казнокрадство. Мы сошлись с Кирпой во мнении, что ни с казнокрадством, ни с бесхозяйственностью репрессивными методами покончить невозможно. Нужны экономические рычаги и воля организатора. На каждом участке должна быть крупная личность, лидер - такой, как Юрий Бойко в нефтегазовой промышленности, такой, как в «Энергоатоме» Сергей Тулуб.

Меня критикуют за ошибки в кадровой политике. Я и сам критикую себя за это. Ошибки действительно были. Но принципа кумовства при решении кадровых вопросов - того, что сейчас стало злокачественной опухолью, в период моего президентства не было. Упрекать меня можно в другом. При решении кадровых вопросов я, может быть, слишком доверял людям, поэтому не раз ошибался. Но назначение на высокую должность Кирпы - пример и доверия, и интуиции, которая в большинстве случаев меня все-таки не подводила.

Первое, что сделал Кирпа, когда я отдал в его распоряжение все железные дороги, - перекрыл теневые денежные потоки и направил их на организацию движения, на строительство, на ремонт вагонов, станций и вокзалов, на восстановление депо и заводов.

Я ездил, смотрел и не верил своим глазам. За короткое время он смог добиться того, чего не смогли сделать его предшественники за годы. Если до него доля бартера на железной дороге составляла 87, а живых денег поступало 13 процентов, то за год эти цифры поменялись местами. В течение одного месяца долги по зарплате на железнодорожном транспорте уменьшили более чем в три раза! Выручка «живых» денег в сутки выросла с 15 млн. до 25 млн. грн. Была запущена крупномасштабная программа развития скоростного движения поездов в Украине, предполагающая

покрытие шести основных направлений скоростными магистралями с движением поездов скоростью до 200 км/час. Начал функционировать контейнерный поезд по маршруту Ильичевск - Клайпеда.

Таких темпов изменений не знала ни одна отрасль за все годы независимости. Отрасль перестала быть убыточной и стала приносить прибыль. Для того, чтобы любое дело сдвинуть, нужен первичный капитал - вот в чем вопрос. Брать кредит в банке - это упасть в долговую яму, из которой никогда не выберешься, потому что и сегодня проценты еще неподъемные, а в те времена они были под все 100. Кирпа находил деньги в самой отрасли, в своем хозяйстве. Активно искоренялись взаимозачеты, выросла зарплата, значительные инвестиции были вложены в капитальное строительство и ремонт. Так умел работать только Кирпа.

Что такое наши железные дороги сегодня? Это новые современные вокзалы по всей стране; в Киеве вокзал стал украшением города. Это хорошо организованные мощные товарные перевозки, вставшая на ноги инфраструктура. Это заслуга одного человека - Кирпы, и больше никого, кто бы к нему ни примазывался. Благодаря ему Украина начала серьезно заниматься шоссейными дорогами. Появились проекты Закарпатье - Западная Украина и Киев - Одесса.

Конечно, уникальный проект - канал Черное море - Дунай. У нас ведь не было ни одного выхода из Черного моря в Дунай, тогда как у наших соседей - шесть. Когда Бог послал мне Кирпу, я понял, что это дело мы поднимем. Я давно мечтал об этом канале, но для каждого из таких дел нужна личность. Личность, и еще раз личность конкретного исполнителя! Кирпа сразу осознал экономическую сторону этого дела, большую выгоду для Украины. Нам с ним пришлось преодолеть огромное сопротивление внутри страны. Академия наук была против, встала горой. Потому что там заповедник, а он под их эгидой. Поступали гранты, люди неплохо кормились от самой выигрышной из современных тем: защита окружающей среды. Потом их предупредили, что выделение грантов будет прекращено. Кому это понравится? Понятно, что никакой угрозы природе мы со своим каналом не представляли.

Возили туда всевозможных экспертов, дипломатов, показывали: люди добрые, посмотрите, мы не затеваем строительство нового канала, мы хотим восстановить, расчистить старый. Он работал до 1956 года, назначение его было в основном военное, после венгерских событий его закрыли, и он постепенно заилился. В условиях СЭВ Советскому Союзу был один черт - идти через румынский канал или через свой собственный. Выбрали по каким-то соображениям румынский, хотя тот дороже и односторонний, с несколькими плотинами. А здесь можно плыть напрямую, и круглосуточное судоходство. Самое интересное, что никакого вреда экологии не было и быть не могло. То, что нам пришлось выслушать по этому поводу, можно сравнить с маленьким Майданом, где крики: «Геть Кучму!», «Геть Кирпу!» тоже раздавались круглые сутки. Защитники окружающей среды, конечно, замечательные люди (как на подбор!), они очень полезные. Охотно скажу, что они незаменимые люди, но и среди них есть те, кто поддается лоббированию, агитации. А главное - они почему-то не считают нужным глубоко вникать в суть. Бывает, что особенно рьяный защитник природы хуже других разбирается в деле.

К счастью, Кирпа нашел немецкую фирму - всемирно известную, которая занимается этими проблемами, и занимается по-честному и квалифицированно. Она нас поддержала. Когда Кирпа за что-то брался, он шел, как бульдозер, остановить его было невозможно, он не представлял себе, как можно не достичь конечной цели, если он ее наметил. И досконально вникал во все аспекты и тонкости. Когда он занимался каналом, то разбуди его среди ночи - и он расскажет о нем все от «а» до «я»: все проблемы, все «за» и «против», все нюансы. Он поднял старые карты, еще «времен Очакова и покоренья Крыма». С присущей ему энергией и напором он взялся за разъяснительную работу, поскольку понимал, что противников у строительства канала будет более чем достаточно. Каких только экспертов ни повидали на Дунае! Из бюро Рамсарской конвенции, из секретариата Совета Европы, из многих других общественных и межправительственных организаций. Когда Кирпа с кем-то вел диалог, он не просто голосом убеждал - он убеждал фактами, статистикой, историей. Статистика говорила о том, что из-за отсутствия собственного судоходного пути Украина ежегодно теряла до 60 миллионов долларов. Работы велись стремительными темпами. Расчистка канала началась 12 мая 2004 года, а уже 26 августа того же года открылось движение. Сразу пять судов класса «река - море» подняли якоря и отправились вверх по каналу.

Отношения у нас с Кирпой были сугубо служебные, хотя я был знаком с его супругой, Жанной Игоревной, обаятельной женщиной, которая души не чаяла в своем Жоре.

Когда я увидел, как он повел железнодорожное дело, говорю ему: железная дорога может выступить локомотивом всего транспорта, всех его видов! И мы с ним взялись за авиационный транспорт. Назначил его министром транспорта. Все предыдущие министры много говорили с трибун и в прессе, но реальных результатов не показывали. При Кирпе мы стали летать на наших самолетах. Денег в то время не было ни в бюджете страны, ни у заводов, ни у авиакомпаний. Пошли в основном путем лизинга. Были разработаны схемы кредитования авиационной промышленности, в первую очередь - Харьковского авиазавода. На примере этого проекта хорошо видна способность Кирпы мыслить стратегически, видеть перспективы отрасли. Ан-140 и Ан-148, предназначенные для пассажирских и пассажирско-грузовых перевозок, приходят на смену эксплуатирующимся не один десяток лет Ан-24, Як-40. Всем было понятно, что в начале третьего тысячелетия авиакомпании будут вынуждены прекратить эксплуатацию своих Ан-24, Як-40 прежде всего по причине их физического износа. Тем не менее перспективы замены устаревшего самолета новой моделью оставались в тумане. Кто-то должен был взять на себя весь комплекс проблем, связанный с таким шагом. Кирпа - вместе с генеральным конструктором фирмы Антонова Балабуевым, директорами заводов - взял. Их правоту подтвердили и заказы на наш самолет из-за рубежа. Уже в 2001 году поднялся в небо первый серийный самолет, собранный в Иране, начали собирать «сто сороковой» и в России, в Самаре.

Когда- то журналисты спросили Генри Форда, кто, по его мнению, должен быть руководителем. Американец не задумываясь ответил: «Поставленный вопрос равнозначен тому, как если бы вы спросили, кто должен быть тенором в квартете. Конечно же, человек, который может быть тенором». Кирпа был руководителем, который мог руководить. Будь у нас хотя бы десяток таких, думал я в то время, мы могли бы горы свернуть.

7 января

В конце прошлого лета (2004 г.) в Верховной Раде дали мне последний бой по вопросу о рынке земли. Начиная с 1994 года, с принятием моего указа о земельной реформе, мы шаг за шагом двигались в этом направлении. Один Бог знает, каких усилий это стоило. Но я был убежден в правоте своей позиции. В пику этому аграрный комитет Верховной Рады предложил отодвинуть начало этого процесса еще на два года. Перед ним уже лежал соответствующий закон с моим вето. Решили добиваться преодоления этого вето. Многим депутатам почему-то страшно не хотелось, чтобы сельские жители стали наконец полноправными собственниками своей земли. Уже своей - и все еще не совсем своей, раз ее невозможно свободно продать.

За продление моратория выступила Ассоциация фермеров и частных землевладельцев. Президент этой ассоциации Иван Томич заявил, что 70 процентов хозяйств находятся в упадке, поэтому, мол, разрешение торговли земельными участками приведет к массовой распродаже их за бесценок. Я уже не удивлялся таким доводам. По этой логике, за два года 70 процентов запущенных хозяйств станут процветающими, и тогда их нельзя будет купить за бесценок. Но кто будет финансировать такой подъем? А каких новаций можно ожидать от пенсионерского хозяйства? Выполнить требование руководителей ассоциации - значит продлить стагнацию и упадок. Они ставили своей целью по существу принудительное удержание сельских жителей на земле, с которой те не в силах управляться. Да ведь это разновидность крепостничества!

Людям дали право только обменивать землю и передавать ее по наследству. Оставили в силе запрет на внесение паев в уставные фонды хозяйственных обществ. До 1 января 2015 года продлили запрет крестьянам и предприятиям иметь в собственности более 100 гектаров пашни. О какой ипотеке на селе может быть речь? А ведь это основа капитализации. Потенциальные инвесторы отвернутся от сельского хозяйства. В западных странах через ипотеку фермеры получают более 70 процентов кредитов. Земля так и не станет товаром, не получит эффективного собственника. В то же время будут развиваться теневые схемы купли-продажи земли. Без эффективного рынка земли административными мерами их остановить невозможно.

«Речь идет о радикальном свертывании земельной реформы», - заявил я, накладывая вето на антирыночный закон. Мое вето было преодолено. Было подано 304 голоса. Я бы сказал, что это позорно много. Не буду называть конкретных фамилий. Среди них многие из тех, которые считают себя либералами-рыночниками.

Налицо были все условия для полноценного рынка земель. Большинство необходимых актов уже были приняты, остальные можно было бы рассмотреть и принять в кратчайшие сроки. Считаю это сильнейшим ударом по украинской экономике, по аграрному сектору, по благосостоянию на-

ших граждан. Это тем более печально, что очень многие из них, если не большинство, считают, что землей вообще нельзя торговать. Не понимают своей пользы. По большому счету как раз здесь главная причина моего поражения в данном вопросе. Народные депутаты не смогли подняться над своими избирателями.

Обидно, что Верховная Рада оказалась сильнее меня. Мораторий на торговлю сельскохозяйственными землями - бессмысленный и очень вредный мораторий. В Украине более 60 млн. га пахотной земли, в том числе 41,8 млн. га - сельскохозяйственные угодья, из них 33 млн. га - пашня. Около 30 млн. га распаеваны, средний размер пая - 4 га. Это огромное богатство. Оно могло бы работать намного лучше, чем сейчас. Некоторые зарубежные эксперты оценивают один гектар украинской земли в 10 тыс. долларов, наши чиновники - в 10 тыс. гривен. Госкомзем считает, что общая стоимость пашни, которую можно было бы использовать как залог под инвестиции, - 400 млрд. гривен. В любом случае полноценный земельный рынок окончательно оторвал бы Украину от ее советского прошлого и способствовал бы мощному экономическому прорыву.

Когда меня спрашивают, что из наиболее значимого мне не удалось сделать за годы своего президентства, я отвечаю: довести до логического завершения земельную реформу, хотя уже с первых дней моего пребывания на Банковой я все делал для этого. Ленин на эсеровском лозунге «Земля - крестьянам!» в свое время выиграл, а я на этом же лозунге проиграл нынешним ленинцам, их союзникам и единомышленникам в этом вопросе.

18 января

Смеялся сегодня весь день (скоро полночь, а смеюсь до сих пор), да не тем смехом, которым хотелось бы смеяться. Олег Рыбачук, которого прочат на должность вице-премьера «по евроинтеграции», нарисовал сегодня (в интервью «Украинской правде») следующие перспективы этого процесса. Получение Украиной статуса ассоциированного члена ЕС уже в этом году! А через пять лет - полноправное членство! «Мы готовы за год-два выполнить все формальные копенгагенские критерии… Посмотришь!» - сказал он журналисту, уверяя его, что Ющенко того же мнения.

22 января

17 января 2005 года в газете The New York Times появилась статья «Как украинские шпионы изменили судьбу страны». Одного названия статьи для меня достаточно, чтобы подвергнуть сомнению любой ее абзац. В жизни все происходит далеко не так, как в газетных статьях, телепередачах и приключенческих фильмах.

«21 ноября (2004 года. - **Л. К.)**, - говорится в статье, - *когда начались демонстрации протеста, у оппозиции были деньги и организационные структуры, необходимые для длительного гражданского неповиновения. Генерал Попков заявил, что знал об этом, и назначил учения с участием 15 тысяч военнослужащих в столице и ее окрестностях. Он направил несколько тысяч человек на баррикады и посты у правительственных зданий и оставил в резерве более 10 тысяч».*

Как было на самом деле? Как говорит командующий внутренними войсками, он в порядке проверки боевой готовности отдал приказ на движение в сторону Киева и тут же его отменил. Таким образом, говорить о попытке силового выступления власти против Майдана - идиотизм. Нужно понимать, что одной из задач внутренних войск является охрана таких объектов, как здания парламента, Кабинета Министров, Администрации Президента. Не разгонять манифестантов, а охранять главные государственные учреждения, которые в те дни находились под угрозой. Юлия Тимошенко на Майдане прямо обещала повести людей на захват правительственных зданий. Это не могло не беспокоить генерала. Он просто помнил о своих служебных обязанностях и ответственности. И как раз потому, между прочим, не мог двинуться на Киев без моего приказа.

Через несколько часов после тревоги в Белой Церкви мне позвонил госсекретарь США Пауэлл. Была глубокая ночь, и ребята из моего аппарата не стали меня будить. А утром я, конечно, переговорил с ним. Его беспокоило одно: как бы мы тут не вцепились в чубы друг другу. Я сказал ему, что все, что касается моей готовности использовать войска против мирных граждан, - абсурд. Стопроцентная брехня. Я подчеркнул в этом разговоре, что никогда не собирался применять и никогда не применю силу против демонстрантов. Если бы что-то такое затевалось в обход меня, я бы обязательно знал.

А вот что касается противоположной стороны (кажется, как раз тогда ее стали называть «оранжевой»), то она не скрывала, что хочет и может бросить людей на правительственные здания. Я обратил на это внимание Пауэлла: «Вы бы сказали пару слов этим хлопцам. Остудите горячие головы, это в ваших силах.

2005 год

15 февраля

В разгар «оранжевой революции» Сергей Савченко, председатель Всекрымского общества «Просвіта», напоминал публике, что «народный депутат Украины Л. Д. Кучма был одним из четырех народных депутатов, которые 24 августа 1991 года не голосовали за независимость Украины». Если бы он также напомнил, что 19 августа того же года в знак протеста против действий ГКЧП я заявил о выходе из КПСС, то люди заметили бы нестыковку. В день, когда победа ГКЧП многим казалась неизбежной, Кучма не побоялся выйти из партии, а через 5 дней, когда попытка путча уже явно провалилась, - не решился голосовать за Акт независимости Украины? Что-то тут не так, подумал бы всякий непредвзятый человек. Но председатель всекрымской «Просвіти» не обратил на это внимания. У меня часто возникает подозрение, что многим «профессиональным украинцам» враги их дела нужнее, чем друзья. Иначе зачем бы они с таким упорством выдумывали врагов и отталкивали друзей?

Отсутствовать на заседаниях Верховного Совета для меня было привычно. Я был генеральным директором завода, который в одночасье лишился союзных заказов. Надо было думать, как прокормить людей. Не полагаясь на память, на днях решил проверить по парламентским протоколам, был ли я в Киеве 24 августа 1991 года. Оказалось, что да, я таки был на всех заседаниях внеочередной сессии Верховного Совета Украинской Советской Социалистической Республики и голосовал за «Проект постановления Верховного Совета УССР о провозглашении независимости Украины». Это произошло в 17 часов 57 минут и отражено в соответствующем протоколе. В голосовании приняли участие 360 депутатов. За проголосовали 321, против - 2, воздержались - 6 и не голосовали - 31.

Несложное расследование показало, что автором и первым распространителем ложного слуха обо мне был не кто иной, как Левко Лукьяненко, Бог ему судья. Усматриваю две причины. Первая и главная: у этого достойнейшего человека есть упомянутая слабость - ему нужны враги украинского дела, и он неутомимо заносит в их число кого попало. Вторая причина: он был чрезвычайно возбужден в тот исторический момент и воспринимал происходящее вокруг него не совсем адекватно. *«Это было для меня и нашей группы,* - рассказывает он в одном из своих интервью, - *самым большим праздником в жизни. Мы радовались, обнимали друг друга. Разочарованной осталась небольшая группа депутатов коммунистической фракции - человек 50, заядлые коммунисты, которые воспринимали провозглашение как неприятность. Помню, что среди них был Леонид Кучма…».*

Здесь соответствует действительности только то, что «радовались, обнимали друг друга». К чести коммунистов, среди них разочарованных оказалось не «человек 50», а 31. По этому поводу один из депутатов - Александр Сугоняко - теперь вспоминает: *«У меня самого радость была с грустью. Грустно оттого, что коммунисты проголосовали за независимость».* Не знаю, задаст ли кто-нибудь когда-нибудь этому человеку такой вопрос: «За независимость Украины некоторые украинские коммунисты выступали задолго до 24 августа 1991 года - и поплатились жизнью, так что никто даже не знает, где их могилы. Вам тоже грустно, что и они были в числе страдальцев за Украину?»

За год до этого в Киеве, на площади Октябрьской революции, бунтовали студенты. Понимал ли я тогда, к чему все движется? С трудом. Я был занят другим. Если скажу, что жил этими событиями, как жили, допустим, Чорновил или Драч, то погрешу против истины. Разговоры о новом союзном договоре, которые инициировал Горбачев и против чего в общем и целом возражал Ельцин, - это по большому счету меня мало интересовало. В то время мало кто думал, что произойдет такое событие, как развал Советского Союза и «парад суверенитетов». Кстати, когда россияне упрекают Украину, что она была той республикой, которая показала пример всем, то, как бы мне ни хотелось, чтобы так и было, я всегда напоминаю, что нас опередила Россия: она фактически провозгласила свою независимость в июне 1990 года. 12 июня в Москве была принята Декларация о государственном суверенитете Российской Федерации. И только 16 июля того же года народные депутаты Верховного Совета УССР приняли Декларацию о государственном суверенитете Украины.

Так что мы можем считаться более молодой демократией, чем российская.

8 октября 1991 года был принят закон о гражданстве Украины. Он не допускает двойного гражданства. Но предложения и даже требования двойного гражданства с Россией звучат до сих

пор. Более того, двойное гражданство пообещал во время президентской избирательной кампании 2004 года Янукович. Многие и сейчас могут думать, что он сделал это чуть ли не по моей команде. Нет, это было его собственное решение, и отнесся я к нему крайне отрицательно. Я понимаю, что России может быть выгодно иметь в числе своих граждан миллионы жителей Украины, учитывая, что одной из главных российских проблем становится нехватка квалифицированной рабочей силы, а в Средней Азии и на Кавказе ее не найдешь. Но Украине, с точки зрения ее коренных национально-государственных интересов, двойное гражданство совершенно ни к чему.

Думаю, каждому понятно, почему я крайне эмоционально откликнулся на заявление Януковича.

В те дни я получил несколько «писем трудящихся», в которых поднимался вопрос правопреемственности. В чем смысл этой проблемы?

У Советского Союза были огромные долги, и одновременно ему были многие должны. Но кто ходил в должниках - известно. Вот недавно Путин простил Ираку 8 миллиардов, 9 миллиардов - Сирии. Но сказать: «Прощаю всем, кому задолжал Советский Союз», постсоветская Москва не могла. Надо было отдавать. Запад видел, что ни Украина, ни остальные бывшие советские республики отдавать не будут - не из чего отдавать. Тогда Россия предложила себя на роль единственной правопреемницы Советского Союза, берущей на себя все его обязательства и права, в том числе - на заграничную собственность и розданные им кредиты.

Украина, правда, на такой вариант не соглашалась. Но на нас давили международные финансовые институты. Их интересовало одно: получить назад свои деньги. Все прекрасно понимали, что только Россия с ее нефтью и газом способна рассчитаться, что и происходит в ускоряющемся темпе. Мы же, несмотря на все давление, так и не согласились с нулевым вариантом, то есть с тем, что Украина не должна участвовать ни в выплате, ни в получении своей доли долгов, а также бывшей советской заграничной собственности и других активов. Мы готовы были взять на себя ответственность за соответствующую часть внешних долгов Советского Союза. Но тогда нам должны были бы отдать пропорциональную часть золотовалютного резерва, алмазного фонда, огромной собственности за рубежом. И, конечно, часть того, что задолжали Советскому Союзу другие страны. Часть этих долгов относится к категории безнадежных. Тем не менее это многомиллиардные активы. Что-то из них так или иначе мы могли бы себе вернуть.

Но в этом вопросе мы оказались одни. Нас не поддержали остальные члены бывшей советской «семьи народов». Все бывшие республики сразу подмахнули нулевой вариант. Мы все время пытались найти с Россией общий язык по этому вопросу. Мы предлагали: отдайте нам хотя бы часть зданий за рубежом, чтобы мы могли разместить там свои посольства и другие учреждения. Наша доля в советской экономике составляла 17 процентов. Вот и отдайте нам 17 процентов зарубежной собственности. Было даже подписано на сей счет соглашение на уровне премьер-министров. Но Россия стала тянуть время. В Москве все не могли определить, какие объекты подлежат передаче Украине. Так мы ничего и не получили. Пришлось самим покупать здания для размещения посольств и представительств.

Мне это было обидно не только по-государственному, но и, так сказать, по-человечески. Тем более мы же видели, что происходит с бывшей советской собственностью за рубежом - как она растаскивается, распродается. Когда видишь огромные территории и здания посольств бывшего Советского Союза в Берлине (там целый город!), Пекине, Праге и других столицах, то понятно, какие возникают чувства. Сначала съедим твое, потом - каждый свое.

17 февраля

13 октября 1992 года я выступил перед Верховной Радой Украины с моей первой премьерской речью. Напомню ее не только читателю, но и себе по парламентской стенограмме. Не всю, конечно.

«Как вы слышали, вчера президент Украины предложил мне возглавить правительство. Вы понимаете, что ни времени для подготовки выступления, ни, если говорить откровенно, желания у меня не было. Четко сознаю, что нарастающая волна народного недовольства может смыть новое правительство, которое не успеет сделать даже первых шагов. Я не могу в нынешней ситуации выбрать удобную позицию критика или арбитра. Нужно взять на себя ответственность за непопулярные действия правительства, а не прикрываться объективными трудностями, тяжелым наследством, которое досталось нам от бывшего Союза.

Экономика Украины подошла к той черте, когда нужно говорить уже не об экономическом

кризисе, а о катастрофе: обвальное, неуправляемое и почти непрогнозируемое падения рубля, а еще больше - купона, начало обвального роста цен на энергоносителе и как следствие - паралич нашей енергозатратной промышленности, обнищание населения и угроза цепной реакции забастовок. Любые, даже самые энергичные и правильные действия нового правительства уже не смогут улучшить ситуацию в ближайшее время».

И далее:

«Украина никогда не была независимым государством. Украиной руководили, как областным центром. Провозгласив независимость, мы в тот день не смогли вырваться за рамки провинциальной системы управления. Нашим политикам нужно теперь осознать, что власть не дают и власть не берут - власть создают. Нужно создать гибкую, динамичную систему исполнительной власти, которая будет достойна независимой Украины. Кабинет Министров - не декорация в политическом спектакле, а мозговой центр единой структуры исполнительной власти… Необходимо отказаться от создания параллельных Кабинету Министров структур, восстановить единую вертикальную структуру исполнительной власти с опорой на регионы. Именно в регионы, которые меньше всего подвластны разрушительной силе политических страстей, должен переместиться центр тяжести экономической реформы».

Вот с этой минуты и началось то противостояние между могущественной левой частью парламента, стремившейся вернуть советские порядки, и мною, точнее - теми реформаторскими силами, которые я представлял сначала как премьер-министр, потом - как президент. Левые мгновенно поняли, что я не буду служить для них декорацией, а требую реальной власти, требую открыто и, как читатель сейчас убедится, - под аплодисменты:

«В случае моего избрания буду просить президента и Верховную Раду законодательно закрепить двойное подчинение региональных государственных администраций: президенту - по вопросам политики государственного строительства, премьер-министру - по вопросам экономики и управления территориями. (Аплодисменты). В этом случае целесообразно было бы назначать представителей президента, глав государственных администраций указом президента Украины по представлению премьер-министра».

Перечитывая сейчас эту свою речь-экспромт (на подготовку ее у меня был один день), лишний раз убеждаюсь, что за последующие годы ни на шаг не отступил от основных ее положений. Ни на шаг! Вот пожалуйста:

«Необходимо поддержать инициативу регионов в создании свободных экономических зон, дать им пространство для разработки и реализации смелых экономических программ развития городов и регионов».

Речь идет о тех самых зонах, на которые замахнулись сегодня пришедшие к власти вожди «оранжевой революции». Кроме вреда, ничего это не принесет. Я объявил себя убежденным рыночником и в то же время поставил вопрос об усилении роли государства в оздоровительных экономических процессах. У меня не было избытка теоретических познаний в области экономики, но был здравый смысл и была интуиция. В этом пришлось убедиться позже, когда во время отпуска удалось познакомиться с работой одного из крупнейших экономистов-либералов XX века Л. Мизеса. Он пишет о той «подлянке», которой чревато длительное вмешательство государства в хозяйственную жизнь. Тем самым создаются такие тяжелые проблемы, что их невозможно разрешить без… нового вмешательства государства. Получается заколдованный круг. Вот в таком кругу и оказалась Украина к 1992 году. Позади были семь десятилетий сплошного, всеохватного государственного вмешательства во все сферы жизни. Так образовался Монблан проблем, разгрести который посредством только «невидимой руки» рынка было невозможно. Я сказал об этом так:

«На мой взгляд, есть две главные причины обострения экономического кризиса. Первая - отсутствие действующего механизма государственного регулирования экономики. Вторая - отношение государства к предприятию и предпринимателю, как к дойной корове, которая обречена на забой. Пока мы не изменим эту ситуацию, падение производства нам не остановить… Внедрение рыночной реформы нуждается в тонком государственном регулировании, особенно на этапе преодоления кризиса. Говорю так не потому, что я директор крупнейшего в мире ракетно-космического концерна, продукция которого создана в рамках государственных механизмов и признана во всем мире. В мировой практике нет примеров неуправляемого выхода из кризиса, даже в странах со стабильной рыночной экономикой и практически негосударственной формой собст-

венности. Вся суть - в разумном сочетании административных и экономических мер, в темпах и глубине централизации и децентрализации». (Аплодисменты).

Я понимал, да и видел, что особенно горячо мне хлопают не самые убежденные рыночники, а люди, которые надеются, что о «разумном сочетании» я говорю «для политики», а в действительности буду делать упор на привычное им администрирование. Поэтому счел необходимым подчеркнуть:

«После преодоления кризиса без сомнения нужно ограничить прямое государственное вмешательство в экономику».

И чтобы у этой категории моих слушателей не осталось никаких сомнений в отношении моих взглядов - недвусмысленно рыночных, либеральных, высказался против уравниловки. В частности, против поддержки государственных предприятий только на том основании, что они государственные.

«Нам не нужна уравнительная тотальная стабилизация. Нам нужно сохранить и восстановить только то, что потребуется, остановить падение там, где оно достигает критического уровня… Нужно стабилизировать и создать условия для развития тех сфер производства, которые насытят потребительский рынок товарами, где есть экономический потенциал».

И, конечно, не смог я утешить тех, кто надеялся воспользоваться кризисом и фактической остановкой приватизации в стране для того, чтобы было забыто само слово «приватизация». Наоборот, я хотел заставить это слово сиять заново.

«Чтобы начался и эффективно шел процесс приватизации, необходимо законодательно распределить функции между Фондом государственного имущества Украины и Кабинетом Министров…Фонд должен действовать от лица государства как продавец государственной собственности или как основатель акционерных обществ».

Я не обещал ничего нового, небывалого в мире, но не собирался и слепо копировать чей бы то ни было опыт: *«Не нужно создавать экономический гибрид - налоги японские, социальная защита китайская, система управления русская. Мы должны определиться с конкретной моделью, не копировать, а создавать нашу экономику с учетом украинской специфики, чтобы свести риск к минимуму».*

Да, эту речь не только можно было бы повторить сегодня, не изменив в ней ни одной запятой, но и нужно было бы!… Не думал я тогда, что именно сегодня она окажется такой злободневной. Она прозвучала бы как откровение для многих и многих восторженных сторонников «оранжевого» «необольшевизма».

«Заинтересованность в реформах рыночного типа возникла у нас не на основе понимания механизма рынка, а вследствие зависти к богатым витринам развитых стран. Доминировали представления о рынке как о базаре, т. е. системе, в которой результат производственной деятельности становится видим лишь на выходе. Как правило, не понимают, насколько сложным является по сути рыночное хозяйство, какую роль играют такие его институты, как банки, биржи, инвестиционные фонды, трасты и прочее. Такое примитивное понимание рынка привело к экономической анархии, которую нужно преодолеть на этапе стабилизации экономики».

Аплодисменты вызвало следующее место:

«Антироссийские действия в политике, как правило, приводили к антиукраинским экономическим последствиям… Необходимо укротить амбиции тех украинских чиновников, которые вчера молились на Москву, а теперь на нее плюют. Нужно солидно и спокойно договариваться».

Не думал я, что и это место можно будет слово в слово повторить через 13 лет, когда победители «оранжевой революции» вместо того чтобы ехать в Москву договариваться по животрепещущим экономическим вопросам, развернули антироссийскую риторику по всей стране*. Продолжает оставаться злободневным мой тогдашний призыв к политическому согласию в стране:

«Глубоко убежден, что сейчас для нашего молодого государства крайне опасно и невозможно создавать временное правительство. Именно поэтому всем партиям, движениям, фракциям нужно прекратить разрушительные для Украины споры и помочь новому Кабинету Министров выстроить экономические основания нашей независимости. Нам нужна не конфронтация, а коалиция. В противном случае прошу нажать кнопку «против».

А подытожил я так: *«Власть аккумулируется в законе, а не в персоне. Нужно сообща тушить пожар, а не устраивать потасовку пожарных команд среди пламени и дыма».*

18 февраля

Через 13 лет это мое выступление вспомнит один журналист и напишет следующее.

«Впервые выступая перед парламентом 13 октября 1992-го, он много что обещал.

Он выступал за продуманную приватизацию и стал «крестным отцом» «прихватизации», породил касту олигархов.

Он призвал не превращать предпринимателей в «дойную корову» и стал творцом жестокой налоговой системы, которая загнала только что зарождавшийся бизнес в тень.

Он клялся «убить все паразитирующие структуры» и «остановить обнищание народа», но именно после декретов правительства Кучмы «паразитирующие» доверительные общества выгребли у обнищавшего народа остатка сбережений.

Он считал необходимым строить отношения с Россией на жесткой прагматической основе. Но именно его Кабинет стал инициатором соглашения, согласно которому государство взяло на себя долги предприятий перед Россией, не добившись аналогичного шага от Москвы и посадив страну в многолетнюю долговую яму.

Он требовал полномочий для премьера и независимости для правительства и потом с удовольствием превратил Кабинет Министров в придаток собственной канцелярии. Он обещал построить демократическое государство, но вместо этого поставил страну по стойке «смирно».

Ну что можно ответить такому писателю? Я вижу тут крайнюю персонализацию истории. Чем можно объяснить такое преувеличение роли одной личности, в данном случае - моей? Дело, видимо, в том, что автор не просто излагает события, а участвует в политической борьбе. Он находится в том лагере, который считает меня своим врагом. Ему важно принизить меня, а не описать действительность такой, какой она была. Он, я думаю, искренне уверен, что все, что на протяжении всех лет моего пребывания у власти делалось, - делалось неправильно, в ущерб государству. Он не сомневается, что все могло делаться иначе, если бы на моем месте был кто-нибудь другой. Найти виноватого…

Между желаниями и действиями всякого человека есть зазор. Не все, что хочется, можно осуществить. Подростком кто-то мечтал написать вторую «Войну и мир», а в зрелом возрасте оказался автором памфлетов против Кучмы. У руководителя этот зазор больше, чем у рядового человека. Выше руководитель - больше зазор. Ведь между целями руководителя лежат цели множества людей. Это жизнь, которая вносит свои поправки и часто совершенно не считается с действительной позицией руководителя.

Примерно в то самое время, когда я впервые выступал с программной речью перед украинским парламентом, выступали перед своими парламентами деятели моего ранга в других странах. Ельцин, Назарбаев, Клаус, Каримов, Акаев, Валенса… Все эти люди, включая и меня, произносили свои речи, не сговариваясь. Каждый исходил из своего понимания настоящего и будущего, из условий своей страны, каждый ориентировался на свою аудиторию. Прошли годы, и каждый услышал о себе почти то же самое, что и я. Разные люди, разные страны, разные обстоятельства, а результаты - похожие. Я часто говорю об этом, еще чаще - думаю.**

Кучма, пишет мой критик, «требовал полномочий для премьера и независимости для правительства». Сегодня даже политизированный читатель вряд ли поймет, о чем идет речь в этой залихватской фразе, или примет ее на веру, не вдумываясь в ее смысл. В самом деле, что значит «требовал полномочий для премьера»? Разве бывают премьеры без полномочий? Я не требовал, а просил. Правда, моя просьба носила характер одного из условий, на которых я соглашался занять эту должность. И просил не вообще полномочий, а одного конкретного права - права издавать декреты по хозяйственным вопросам. Причем утверждать их, по моему замыслу, должен был президент Кравчук. Тот, однако, от этой «привилегии», как выразился один народный депутат, «красиво ушел». Парламент решил: ну что ж, Кравчука от новой ноши освободим, а Кучму ею обременим, раз просит. При этом мои (точнее - правительственные) декреты не могли иметь силы без утверждения их парламентом. На заседании Кабинета Министров мы принимали проект декрета, отправляли его в парламент, и только если через две недели не получали замечаний или возражений, выпускали этот документ в свет. Похоже ли это на «независимость для правительства», которой я будто бы добивался?

19 февраля

Первые недели и месяцы моего премьерства вспоминаются как кошмар. Из кабинета не выходил целыми днями, иногда там и ночевал. Все работали на износ. В правительство, в аппарат Кабмина пришли люди без опыта государственного строительства. Это была проблема, если не

трагедия. Премьер - в недавнем прошлом «красный директор». Первый вице-премьер - Юхновский, академический ученый. Министр экономики (потом - вице-премьер по экономике) Пинзеник - университетский профессор, вице-премьер по вопросам промышленности и строительства Евтухов Василий Иванович - «красный директор», как и я. А кто был «гуманитарным» вице-премьером, сегодня утром не сразу мог вспомнить. Николай Григорьевич Жулинский, академик НАНУ, литературовед, известнейший в кругах интеллигенции человек! Понимаю, что навлекаю на себя большую критику этим признанием. Вот, мол, на каком месте была для Кучмы «гуманитарка» - не помнит человека, которому ее поручал, да еще такого известного. Но из песни слова не выкинешь. Эта сфера действительно не была для меня на первом или даже на одном из первых мест. Было не до нее. Когда перед вами стоит задача простого физического выживания, вам не до книг и песен.

27 октября 1992 года я представил Верховной Раде свою первую, в качестве главы правительства, информацию о состоянии экономики. Вырвалась фраза, которую потом часто цитировали: *«Я точно знаю: страну мы развалили».* Хотя, надо признать, тогда дела шли намного лучше, чем в 1994 году, когда я стал президентом. То есть худшее было еще впереди. Еще не «доразвалилась». Обломок когда-то монолитного советского поезда еще катился по рельсам, хотя все медленнее, и все чаще останавливаясь. Если бы мне тогда сказали, что будет через два года!… Наши купоны будут валяться по улицам, обесцениваясь с каждой минутой. Будут накапливаться колоссальные долги за газ России. Страна по существу станет банкротом. Если бы Россия хотела объявить «мат» Украине, она бы это сделала. Но и не ставя нам «мат», она давила нас по всему полю. Главное, чего она хотела, - чтобы за газовые долги мы рассчитались нашими предприятиями. К сегодняшнему дню это все забыли. И самыми забывчивыми оказались те, кто обвиняет меня в сдаче национальных интересов, в пророссийской политике.

Мне намекали: хотите получать газ - платите. Нет денег - платите предприятиями. В первую очередь, конечно, стратегическими. Даже не продать, а отдать за долги - и дело с концом. Конечно, совсем прямо никто не говорил: отдавай стратегические предприятия! Но это требование закономерно вытекало из самой обстановки, из нашего тупикового положения - наконец, из характера нашего общения с россиянами.

У читателя может возникнуть вопрос: почему российские должностные лица с нами не говорили прямо о таких жестоких вещах (хотя российская пресса, та не стеснялась)? Думаю, потому, что мой тон не допускал такой постановки вопроса. Тот же Черномырдин прекрасно понимал, что условия капитуляции можно обсуждать с кем угодно, только не со мной, не с представителем Украины. Он понимал меня, я понимал его. Не зря мы подружились. Но это была дружба людей, один из которых упорно гнет линию России, другой - Украины. Если можно назвать беспощадным дружеский торг, то вот он и имел место.

Есть документы, которые особенно наглядно показывают уровень экономического мышления в обществе в те годы. Это, в частности, протоколы заседаний Верховной Рады. Некоторые из них сегодня перечитываю. Это нелегкое чтение. Чем больше читаешь, тем больше удивляешься, как - при таких экономических понятиях народных депутатов - Украина не вернулась к социализму.

Больше, чем 27 октября 1992-го, мне вспоминается 18 ноября 1992 года. Тридцать первое заседание нашего парламента. Почему именно оно? Тогда Верховная Рада дала мне, можно сказать, первый бой на поле власти.

Я не думал о власти. Я думал о том, как добиться реальной возможности принимать срочные решения для спасения экономики. Оказалось, что правительство, которое я возглавил, и парламент живут как бы в разных измерениях, в разных временах. Для правительства счет времени шел на минуты. Каждая минута промедления с конкретными решениями усугубляет катастрофическое положение экономики. А над парламентом не каплет. Парламент ловит, так сказать, кайф народовластия. Любой пустяк рассматривают без спешки, с чувством, с толком, с расстановкой. Депутаты наслаждаются своими выступлениями, своим красноречием, своими склоками, своим буквоедством.

Читая протоколы тех заседаний, можно подумать, что дело происходит в стране со шведским уровнем жизни и шведским же уровнем спокойствия, стабильности. В такой обстановке я решил обратиться к депутатам с просьбой предоставить мне и моему правительству возможность хотя бы немного поработать. Для этого от них требовалось немного: не допускать волокиты при рассмот-

рении наших предложений оперативного характера, направленных на стабилизацию экономики. На практике это означало просьбу о своего рода карт-бланше.

Сев на свое место, я стал ждать реакции. Со стороны многих она оказалась предсказуемой. Люди тоже словно ждали - ждали повода продемонстрировать свою решимость защитить демократический строй в Украине. Вчера еще народный депутат - такой же, как они, я в их изображении превратился в соискателя диктаторских полномочий, в главную помеху на пути к счастливому будущему Украины.

Но больше всего мне запомнилось другое, на первый взгляд, - не самое важное, но только на первый.

Выступает Ещенко Валентина Николаевна от комиссии по делам женщин. Начинает она за здравие. *«У нас, у врачей, есть один принцип. Когда мы видим, что больной крайне нуждается в определенных лекарствах, мы пишем на рецепте слово «цито», и в этом случае аптека быстро выдает медикаменты. Я думаю, в таком контексте и должны проходить правительственные предложения в Верховной Раде. А наш заведующий аптекой вместе с ассистентами, то есть Иван Степанович (Плющ.* - Л. Д.

) *с его аналитическим умом будет работать в этом направлении и будем иметь результаты, которые надо иметь».*

И что же эта остроумная и добрая женщина предлагает рассмотреть в срочном порядке? Какое решение принять?

«В последние годы, - говорит она, - *у нас имеет место устойчивый дефицит фруктового сырья, необходимого для обеспечения им консервной промышленности. В текущем году, например, потребность в семечковых плодах удовлетворена только на 12 процентов. Вместе с тем за девять месяцев 1992 года Каменец-Подольский завод в производтве консервированного сока для отправки за пределы Украины использовал больше 17 тонн яблок. В результате рынок республики не получает натуральных соков, даже простаивают мощности по изготовлению соков».*

Что же предлагается? А вот что: *«Крайне необходимым мы считаем ввести лицензирование плодоовощных консервов детского питания, концентрированных фруктовых соков и томатопродуктов».* Дальше оратор обращается ко мне: *«Хочу обратиться к вашей команде, к вашим ассистентам, уважаемый премьер-министр, пользуясь принципом «цито». Думаю, они должны знать, что вы уважаете женщин (вы уже неоднократно высказывались). Но они не знают о том, что вы очень любите детей».*

Я слушал это все с большой печалью, хотя вида, конечно, не подавал. Вот вам и рыночное мышление, без которого невозможно вывести страну из кризиса. Таких выступлений были десятки и сотни, а по стране - тысячи и тысячи. Их можно слышать по сей день. У людей болит душа за тот или иной участок производства, за то или иное дело, и они не знают иного способа решения проблем, кроме командно-административного. Конечно, эта женщина-врач, наверное, прекрасно разбиралась в своем медицинском деле. Ей очень хотелось, чтобы в стране хватало соков. Она до тонкостей знала, какую пользу соки принесут детям. Но она совсем не думала и не могла думать о неминуемых последствиях своего предложения. Она представляла себе те последствия, которые нарисовало ей ее воображение. Самые положительные последствия! Она была свято уверена: как только чиновники начнут регулировать количество вывозимых за пределы Украины косточковых и семечковых, так страна зальется замечательными натуральными соками. Для нее само собою разумеется, что всеми делами в стране, а такими важными, как соки для детского питания, - в первую очередь должно заниматься правительство и лично премьер-министр, если, конечно, он не на словах, а на деле любит детей, а не только женщин.

Я слушал ее и думал… Ну как ей объяснить, что реализация ее предложения погубила бы Каменец-Подольский завод и другие такие же заводы?*** Лиха беда - начало: завтра где-то обнаружится недостаток жмыха для коров, и кто-то из депутатов потребует лицензировать, то есть ограничить вывоз жмыха за пределы Украины… Какими словами убедить ее, что как раз потому, что всеми такими делами занималось правительство, экономика и оказалась в застое и разрухе?

На этом примере можно видеть, что представляли собой законодательные органы постсоветских стран, что представляла собой демократия, которой требовал от нас Запад, особенно американцы, не говоря уж о доморощенных демократах. Это было собрание неграмотных в рыночном отношении людей. Именно их командно-административный зуд породил сотни законов, которые образовали собой монолитный фундамент коррупции и взяточничества. Именно эти люди, желая

возложить на правительство, на государственный аппарат, на чиновничество все дела в стране вплоть до мельчайших, наделили их такой властью, которой те не могли не воспользоваться в своих интересах. Сделали их такой властью, под которой еще долго будует стонать страна.

В этой ситуации было что-то анекдотично-символическое. С трибуны высшего законодательного органа страны звучит эмоциональное предложение в порядке «цито» запретить вывоз семечковых из Украины - и сразу после этого предоставляется слово мне, новому премьер-министру, рыночнику до мозга своих «номенклатурных» костей!… Конечно, я ни словом не обмолвился об этом выступлении.

Да, я добился тогда особых полномочий - издавать декреты правительства, которые после одобрения парламентом принимали силу законов. Некоторые до сих пор усматривают об этом мое чуть ли не сверхъестественное властолюбие, говорят, что я всегда мечтал о «тоге диктатора». Это верх легкомыслия. В то время мечтать об этом мог только сумасшедший, а я, слава Богу, таковым не был. Я без большого желания шел на премьерскую каторгу и легко с нею расстался. Расстался по своей воле. Подумали бы хоть об этом! Я был единственным из премьеров Украины за все годы ее независимости, кто сам подал в отставку, когда руководимый им Кабинет Министров не получил полномочий, необходимых ему для надлежащего исполнения его обязанностей.

И стал я премьером, кстати, со второй попытки - не моей, а тех людей, которые хотели видеть меня в этой должности. Первую попытку предпринял еще при советской власти председатель Президиума Верховной Совета Украинской ССР Ивашко. Это было осенью 1990 года, когда Масол вынужден был оставить премьерский пост под давлением голодавших студентов. При нашем разговоре присутствовал первый секретарь ЦК КПУ С. И. Гуренко. Я категорически отказался. Все мысли были заняты заводом. Правительство возглавил Фокин. Он предложил мне стать его первым заместителем. Я тоже отказался. Этим хочу сказать, что независимо от своей воли находился в числе возможных кандидатов на высшие посты в Украине, хотя активным участником политической жизни не был.

25 февраля

Теперь у меня есть свободное время, и я не без интереса читаю, что пишут о текущих делах, а также о прошлом, в том числе и обо мне.

Многим не дают покоя мои слова, адресованные народным депутатам, когда я становился премьер-министром: «Скажите, какое общество мы собираемся строить, и я его буду строить». Истолковывают эти слова двояко. Одни говорят, что мне было все равно, что строить: социализм, капитализм или любой другой «изм», лишь бы носить регалии «главного прораба». Другие говорят, что у меня не было никакого стратегического плана, что я не представлял себе, по какому пути вести страну. Неужели не знают, что я произнес эти слова, будучи главой правительства, а не абсолютным монархом? Внутреннюю и внешнюю политику тогда определяли парламент и президент, и я хотел, чтобы они не уклонялись от этой обязанности, а значит - не снимали с себя ответственности за происходящее в стране, за политический курс. В переводе на язык того времени мои слова звучали так: осознайте, наконец, что наша цель - либеральная рыночная экономика на основе частной собственности, и соответствующим образом действуйте. Хватит сознательно или бессознательно надеяться на возврат социалистических порядков и соответственно действовать.

Оказывается, давно обсуждается и вопрос о моей власти - как я ее сосредоточил в своих руках, с какими целями, как это трансформировало общественно-политический строй в Украине и так далее.

Ну, во- первых, если бы я после победы на президентских выборах в 1994 году сел и сказал себе, что вот теперь я должен сосредоточить всю власть в своих руках, у меня ничего не вышло бы.

Я думал о другом: как выполнить то, что обещал во время выборов. У меня действительно была программа преобразований, и я хотел ее осуществить. И я смотрел, что мне нужно для выполнения этой программы, что может помочь, а что - мешает. Во время избирательной кампании я критиковал политику Кравчука, но я не пришел на Банковую с мыслью, что все, что было до меня, - плохо. Большинство сотрудников администрации остались на своих местах.

В то же время я перенес центр принятия решений из Кабинета Министров в Администрацию Президента. Я знал главное: на переходном этапе, в условиях экономического развала, при отсутствии сильных политических партий, при разном видении стратегии развития страны основными политическими силами, центр принятия решений исполнительной власти должен быть один - пре-

зидент. Я хорошо знал взгляды, стиль работы, обычаи Кабинета Министров, возглавляемого Виталием Масолом. Поэтому, придя на Банковую, я вынужден был создать мощный институт советников президента. Считаю, что это способствовало и развитию реальной демократии, коллективного начала, включению в дело интеллектуального потенциала страны. Мне было важно сконцентрировать этот потенциал. Вот самое главное. Первым делом мы в ходе острых дискуссий постарались определиться: как дальше жить, какой должна быть программа действий президента, каких целей мы должны достичь в развитии государства, экономики?

В ноябре 1994 года я представил Верховной Раде свою программу, оформленную в виде официального Послания «Путем радикальных экономических реформ». Позже этот документ был представлен дипломатическому корпусу. Его я презентовал и во время своих многочисленных поездок в другие страны. Послание стало моей визитной карточкой. Это было мое официальное, так сказать, резюме - резюме политика, главы государства. Что бы ни говорили обо мне мои оппоненты, но могу с немалым удовлетворением сказать, что за десять лет моего президентства я ни разу не поступился принципами этой программы.

Я определил шесть основных направлений реформирования страны.

Во- первых, это стабилизация финансово-денежной системы. Главную роль должны были сыграть сбалансированный бюджет и введение национальной денежной единицы -гривни.

Во- вторых -коренное реформирование отношений собственности, читайте - приватизация.

В- третьих -глубокая либерализация экономического процесса, прежде всего ценообразования, валютных отношений.

Четвертое - радикальная земельная реформа (понятно, прежде всего - это введение частной собственности на землю).

Пятое - сохранение высокотехнологического потенциала страны.

Шестое - социальная поддержка незащищенных слоев населения.

Под эту программу действий начал искать людей и в администрации, и в Кабинете Министров, и на местах. Мне нужны были люди, готовые работать над осуществлением того, что я провозгласил целью развития государства. Я не брал людей по таким признакам, как личная преданность, симпатичность, политическая окраска. Я, между прочим, знал, что рано или поздно обо мне станут говорить, что подбираю кадры именно по этим признакам, что не терплю самостоятельно мыслящих, не боящихся мне возражать и так далее. Эти обвинения обязательно должны будут появиться, считал я, как только образуется некая критическая масса не справившихся с работой и по этой причине мною уволенных лиц. Когда их наберется столько, что их хор станет слышным в обществе, тогда ко мне и «пришьется» репутация властолюбца, которому требуются только безгласные и тупые исполнители. Чем темнее ночь, тем, мол, ярче звезда.

Так и вышло. Но обвинения, которые раздаются до сих пор, не подтверждаются фактами. У меня в правительстве первым вице-премьером был Юхновский. Своими указами я назначил вице-премьерами Жулинского и Пинзеника, министрами - Лавриновича, Костенко, Удовенко, Зайца, Головатого. Все эти люди - представители национально-демократических сил, Народного руха Украины. Они никогда не относились к бывшей партийно-советской или хозяйственной номенклатуре. Я всегда ценил их как авторитетных профессионалов, политиков, которые болеют за дело, способны решать сложнейшие управленческие проблемы. Далеко не всех я знал лично до их назначения. Так что разговоры о «личной преданности» совершенно абсурдны.

Это совсем не то, что было после победы Виктора Ющенко, когда из членов «президиума» Майдана сформировали правительство, из начальников областных избирательных штабов «Нашей Украины» - губернаторов, из начальников районных штабов - глав райадминистраций.****

Главным идеологом намеченных нами экономических преобразований был профессор Анатолий Степанович Гальчинский. Он был и практическим куратором всего дела. Он выдвигал основные идеи, он исследовал решающую проблематику, он излагал свои и общие наработки, готовил наиболее принципиальные указы по ключевым вопросам экономики, распоряжения и доклады. Все это он делал собственноручно, на своей пишущей машинке, потом - на компьютере. Он из тех исследователей и организаторов науки, которые пишут сами. Человек исключительной работоспособности, творческой плодовитости и последовательности. Украинец до мозга костей, бескомпромиссный поборник нашей независимости и убежденный демократ-рыночник.

Больше всего мы с ним сошлись на двух вещах. Оказалось, что мы оба одинаково преданны идеалу частной собственности и свободного предпринимательства (знаменитый указ о земельной

реформе делался в его кабинете), а с другой стороны - решительно не желаем прилагать к Украине те реформаторские «матрицы», которые в свое время были разработаны для стран Латинской Америки и Африки. Иными словами, мы считали, что рынок рынком, а для того, чтобы он не свел на нет индустриальные и научные достижения Украины, не разрушил отрасли высоких технологий, нужно включить в дело государство.

Гальчинский создал прекрасный коллектив специалистов. Мне кажется, это была команда, способная обеспечить научные тылы рыночного реформирования любой страны. Не было ни одного сколько-нибудь значительного проекта, предложения, докладной записки, тезисов или набросков президентского доклада, который я не отправил бы на экспертизу, на доделку-переделку Гальчинскому непосредственно или в его «контору» - в Институт стратегических исследований. Мы понимали друг друга с полуслова. Среди сотрудников Гальчинского и его креатур в Администрации Президента были довольно молодые люди. Какое это удовольствие - деловое общение с талантливыми, серьезными, государственно мыслящими, преданными Украине молодыми людьми!

При этом, заметьте, Гальчинский формировал свою команду в НИСИ, когда ему было уже за шестьдесят пять. Иные люди в этом возрасте панически боятся конкуренции со стороны тех, кто моложе, подсознательно отсекают от себя всех потенциально более перспективных. Надо было видеть, насколько иначе действовал Гальчинский! За короткое время он смог собрать вокруг себя команду, в которой здоровое честолюбие и амбиции были подкреплены основательной профессиональной подготовкой. Полтора десятка докторов наук и немного больше кандидатов успели за несколько лет многое - они проводили экспертизу законопроектов и правовых актов, разрабатывали модели развития страны, оптимизировали методологию принятия социально-политических решений, координировали исследования по вопросам национальной безопасности, проводимые разными научно-исследовательскими учреждениями.

Одной из самых основательных работ, к примеру, стала Программа экономического сотрудничества Украины с Российской Федерацией до 2007 года.

И сейчас, когда есть возможность оглянуться, - пожалуй, о чем я серьезно жалею, так это о том, что, решая прагматические, приземленные задачи, диктуемые политическими обстоятельствами, мы не всегда до конца использовали те наработки, которые были в нашем распоряжении.

27 февраля

1995- й -это год глубокой либерализации цен и как следствие - стремительный их рост. Это было очень сложное решение. Я не имел права на ошибку в этом наиболее чувствительном для каждого жителя страны вопросе. Потом меня не раз спрашивали разные люди, как я не побоялся пойти на такой шаг. Имелась в виду возможность массовых волнений. Я мог бы сказать, что перед нашими глазами был опыт такой же либерализации в других странах, в том числе в России. Но если бы даже не было такого опыта, мы бы все равно сделали то, что сделали. Не было иного выхода. Прежде всего на нас давил внешний рынок. На нас давили цены на нефть, газ и на другие виды сырья, которое мы получали от России. Хочу напомнить читателям, что цены на нефть и нефтепродукты подскочили в 1000 раз, на газ - примерно так же. Россия не стала играть с нами в рабоче-крестьянскую или славянскую солидарность. Заработал рынок. Во-вторых, с каждым днем становилось очевидно, что с ценами «от власти» экономика не может нормально существовать. Вечно будет черный рынок, очереди и все, что бывает в таких случаях. Мы это хорошо знали по советским временам.

Общественная реакция на освобождение цен была предсказуемой. Трудно представить себе, чтобы люди обрадовались после того, как было объявлено, что коммунальные услуги подорожают в 7 раз, а электроэнергия - в 5 раз. Но то, что простительно и понятно в устах простых людей, непростительно политикам. Они ведь знают (или должны знать) положение дел в стране, понимать, какие пути выхода из конкретной кризисной ситуации будут реальными, а какие - прожектерством. Поэтому когда опытные политики заводили песню о народных страданиях и кровопийцах-реформаторах, это выглядело как верх цинизма и лицемерия.

Например, Иван Чиж, бывший в ту пору первым заместителем руководителя Социалистической партии Украины Александра Мороза, обвинил меня в том, что я стремлюсь к утверждению частной собственности, класса предпринимателей и крупного национального капитала. Трудно было удержаться от горькой улыбки. Человек словно очнулся после долгого сна. Он не заметил, что прошло то время, когда за одно подозрение в симпатиях к «частнособственническим инстинк-

там» ставили к стенке. О либерализации цен отзывался так: «Правительство Л. Кучмы под видом либерализации цен узаконило создание системы для обогащения достаточно узкого круга лиц посредством утверждения запредельного диспаритета цен». Приведя статистику роста цен (эти цифры не озвучивал только ленивый), Чиж «наехал», конечно же, на посреднические структуры, а затем сделал феноменальный вывод: мол, еще больше бед, чем освобождение цен, принесла стране финансовая стабилизация. «Неоправданно жесткая монетарная политика, направленная на сокращение денег в обороте, вызвала в стране денежный голод, обернувшийся для народа массовой невыплатой зарплат-пенсий, а для производства - шлейфом дополнительных бед», - писал он. И что предлагал конкретно? Во-первых, «консолидацию всех демократических сил общества для реформирования разбалансированного экономического пространства», во-вторых, отказ от политики жесткого монетаризма: «Необходимо существенно пополнить размер денежной массы в экономическом обороте». То есть печатать больше денег и таким образом и дальше раскручивать инфляционную спираль. Конечно, в условиях обнищания населения такие заявления ложились на благодатную почву.

Я взял для примера выступление Чижа, потому что это было выступление представителя социалистов. Их неизменно агрессивное невежество причинило Украине много вреда.

Развал Советского Союза - великое историческое событие, вернувшее к исторической жизни Украину, но и трагедия века. Миллионы людей остались ни с чем, даже «гробовые» деньги потеряли. И тем не менее либерализация цен стала важным звеном в системе рыночных реформ. Мы показали обществу и всему миру, что в прятки с рыночными преобразованиями играть не собираемся. Либерализация стала важным звеном последующей макроэкономической стабилизации. В конечном итоге, как мы и ожидали, стабилизировались и цены, но это произошло уже на иной - естественной, рыночной - основе.

28 февраля

Я считал, что мы должны пройти определенный путь, чтобы установились более-менее спокойные, нормальные отношения между властью и печатью. В то же время было очевидно, что объективности у нас в журналистике нет. СМИ еще долго будут зависимыми - до тех пор, пока не вырастет до какой-то достаточно высокой отметки экономика.

У меня сложилось такое впечатление, что этого не понимают на Западе. Тамошние наши критики думают, что если они добьются полной независимости наших СМИ, то у нас со свободой слова, с «четвертой властью» будет американский «о'кей». Но мы же знаем, что на самом деле до «о'кея» все равно будет очень далеко. Основные наши СМИ принадлежат «олигархам». Мало ли появляется заказных телесюжетов или статей? Причем таких явных, откровенных, что не остается никаких сомнений.

Сначала поднимается кампания в прессе, потом приступают к решению соответствующей экономической задачи. Это бы еще полбеды, но «олигархи», не секрет, занимаются не только бизнесом, но и политикой. Они соперничают и даже воюют друг с другом не только на экономическом, но и на политическом поле. Для этого в первую очередь им, собственно, и нужны свои СМИ. Газеты, журналы, телеканалы в значительной степени служат средствами общения их хозяев друг с другом. Они посылают друг другу «мэсиджи» по важным для них поводам. Таким же образом они вступают в определенные отношения с властью.

Так что мне, чтобы одним махом обеспечить европейские стандарты в этой сфере, пришлось бы отобрать СМИ у частного сектора, где есть и иностранный капитал. Это то же самое, что отобрать завод. Но, во-первых, - по какому праву? У Президента Украины нет права отнимать собственность у кого бы то ни было. Во-вторых, что я с ними делал бы, с отнятыми СМИ? Как их содержать? У государства таких денег нет, а наш рекламный рынок прокормить их не в состоянии. В общем, если спокойно пройти по всей логической цепочке, то придется смириться с тем, что до европейских стандартов нам просто надо дорасти. Не случайно приходилось давать прямые указания - упорядочить, например, налоговые проверки средств массовой информации, установить четкий график, не допускать внеочередных проверок.

Но проблема, и проблема большая, конечно, оставалась до самого конца моего президентства. Не надо лицемерить. Я считал и считаю, что государство должно иметь возможность проводить свою политику через СМИ. К сожалению, нам не удалось наладить для этого нормальный, с моей точки зрения, диалог со СМИ. Виновата, наверное, одна сторона: власть.

Мы многого не понимали. Должен сказать, что и новая - «оранжевая» - власть, кажется, по-

нимает не больше нас. Начали с того, что выпустили обращение к прессе. Слава Богу, что не дал себя втянуть в эту акцию президент Виктор Ющенко. Или к нему не обратились. Обращение подписали премьер Тимошенко, глава парламента Литвин, вице-премьеры Безсмертный и Томенко, министр юстиции (!) Зварич и лидер социалистов Мороз. Последнему принадлежит инициатива письма. Обвинив журналистов в *«намеренной дискредитации новой власти»,* они попросили их воздержаться от *«информационного киллерства».* Из этого письма я узнал, что *«процессы демократических преобразований сопровождаются попытками отдельных влиятельных политических сил расколоть общество, расколоть политиков, которые объединились вокруг президента Виктора Ющенко».* Оказывается, украинская реальность последнего времени характеризуется *«информационными войнами»,* а *«некоторые политики, считая себя, наверно, главными авторами победы в президентской гонке, снова пытаются ввести в политический обиход интриги, «наезды» и информационное киллерство. К подковерным разборкам привлекаются СМИ, известные и влиятельные источники».* Журналистов наставляли: *«Страну нужно вести вперед, а не расшатывать лодку, удовлетворяя корпоративные, часто пустяковые политические интересы».*

Невозможно было понять такое обращение к пишущей братии: *«Наступило время перестройки. В этом деле более всего важно сохранение двух понятий: «товарищ» и «команда».* Что же за демократию, спрашивается, вы решили строить, если призываете в свою команду «четвертую власть», которая по самой своей природе должна находиться вне всяких команд?!

И наконец: *«Журналист не должен быть орудием при решении мелких споров, которые дискредитируют новую власть. Дискредитация (тем более преднамеренная) новой власти - это, по сути, уничтожение надежд на демократию в Украине».* Ни много ни мало.*****

Для журналистов смысл этого обращения более чем прозрачен: не трогайте нас, не придирайтесь к нам, живите с нами дружно. Я в свое время не додумался начать с этого. А если бы додумался, меня, уверен, просто «размазали» бы. В данном же случае, думаю, отнесутся к скандальному письму вождей, как к мелкому происшествию, тем более что первыми и громче всех возмутились, разумеется, такие вечные борцы за свободу печати, как коммунисты. Пресс-служба КПУ предложила журналистам немедленно устроить акцию протеста, поскольку *«факт появления такого обращения и его содержание ставят под сомнение искренность многочисленных заявлений нынешней власти о ее открытости для контроля со стороны общественности, о безусловной приверженности демократическим принципам и нормам».* Суть акции - *«молчание в эфире»:* в течение целого информационного дня не освещать деятельность президента, премьер-министра и других высших руководителей.

Но я далек от злорадства. Поведение новой власти только высветило реальную проблему нашего общественного строя, того исторического этапа, через который невозможно перескочить. Суть проблемы в том, что любая власть нуждается в определенном минимуме авторитета. А завоевать авторитет в стране, где такая бедность и кипят такие страсти, в стране, где нет политики в европейском смысле слова, поскольку нет реальных партий, - страшно трудно.

Опять и опять признаю: во всем, что касалось прессы, я был действительно плохой политик. Вопросы экономики были мне ближе, понятнее. Там я чувствовал себя уверенно, ни на кого не перекладывал подлинно важных решений. Об экономической политике могу сказать без всякой натяжки: это была моя политика, я сам ее разрабатывал (опираясь, конечно, на Кабинет Министров, на советников, которых сам выбирал). А об информационной политике, о связях с общественностью, обо всем, что касается свободы слова, могу теперь откровенно сказать: это была не совсем моя политика, далеко не совсем… Я несу за нее полную ответственность, но она не совсем моя. Я не считал это дело таким уж важным, и многие решения легко перекладывал на других, на аппарат - можно сказать, доверял, не собираясь по-настоящему проверять. Я недооценил последствия. Во многом из-за этого мы проиграли общественное мнение, особенно - в последние годы.

1 марта

Уже обозначились несколько центров влияния в стране. Одним центром стал Порошенко, другим - Третьяков, фигура, кстати, неполитическая, третьим - в какой-то мере Зинченко. И, конечно, Юлия Тимошенко.

Тема неполитических фигур в таких странах, как Украина, Россия и пр., - отдельная. Прежде чем философствовать на эту тему, скажу, что к концу своего второго президентского срока случайно открыл, что в свое время эта тема была болезненной даже в Соединенных Штатах Америки. И в какое время! Это было перед Второй мировой войной и особенно - в годы войны. В моей до-

машней библиотеке давно стоит двухтомник Шервуда «Рузвельт и Гопкинс», и я с большим интересом перечитал его в этом году. На многое смотрю сегодня по-другому - с позиции президентства.

Среди лиц, носивших скромный титул «личный представитель президента», в XX веке больше всех прославился Гопкинс, который был фактически чуть ли не вторым человеком в руководстве США в рузвельтовские годы. Временами работая без зарплаты (так что его жена затруднялась купить себе новое пальто), он даже жил в Белом доме, в кабинете, который назывался «спальней-кабинетом Гопкинса», чтобы в любое время суток быть под рукой у своего ближайшего друга. Более того, в конце своего второго срока Рузвельт прочил его в президенты, и только начавшаяся война заставила его отказаться от этого проекта и остаться на третий срок.

За Гопкинсом числят две главные, поистине исторические, заслуги. Он был не только идеологом нового курса, но и прямым организатором его осуществления, выколачивателем из конгресса и распорядителем огромных средств на помощь безработным посредством общественных работ. А когда началась война, Гопкинс сделал больше, чем кто-либо, для того, чтобы США не остались в стороне. Он, в частности, творец ленд-лиза - беспрецедентной по масштабу программы материальной помощи Англии и России. Умер он вскоре после смерти Рузвельта. Последней его работой (за которую он получал 25 тысяч долларов в год - вдвое больше, чем платил ему Рузвельт) было посредничество при разрешении трудовых споров в швейной промышленности Нью-Йорка.

Рузвельт мечтал после отставки «заняться изданием сельской газеты совершенно нового типа, открыть колледж нового типа или придорожный ларек по продаже горячих сосисок, тоже нового типа». У него с Гопкинсом был также план устроить на двоих рыболовецкий лагерь на островке Чаннел-Ки в Тихом океане. После того, как этот островок пострадал от урагана, Рузвельт надеялся купить его по дешевке. Он нарисовал проект дачного домика, придумал, как его крепить, чтобы не снесло ураганом, - тросами к бетонным якорям, врытым в землю…

Надо сказать, что Рузвельту на протяжении всех 12 лет президентства пришлось иметь дело с оппозицией, которая была, пожалуй, не менее оголтелой, чем та, что портила жизнь мне. В украинских коридорах власти при мне не было человека, которого оппозиция ненавидела бы больше, чем в свое время республиканцы ненавидели Гопкинса. Когда Гопкинс был приставлен к ленд-лизу, председатель комиссии конгресса по ассигнованиям Тэйбер назвал это «тяжелейшим ударом, нанесенным президентом по национальной обороне». Когда Гопкинсу пришлось лечь в военный госпиталь, в конгрессе подняли такой шум, что министерство обороны вынуждено было выступить со специальным обоснованием правомерности этой «привилегии». Его сын, 18-летний морской пехотинец, был убит в бою.

Итак, Гопкинс был, можно, наверное, сказать, классической неполитической фигурой и одновременно одной из ключевых фигур в американском государстве. Когда я читал о нем, то думал, что американский пример может помочь в объяснении нашего, украинского, феномена неполитических фигур, игравших заметную роль в государстве. Как же они появляются, эти фигуры? Какие факторы их рождают? В чем особенность деятельности этих фигур? Каковы плюсы и минусы того, что они существуют в аппарате высшей власти?

Отмечу сразу, что нельзя, кажется, говорить о каком-то сходстве характеров. То есть нельзя сказать, что на роль неполитических фигур везде и всегда выдвигаются люди примерно одного склада.

…Из своего опыта могу сказать, что при людях моего склада неполитическими фигурами те или иные сотрудники аппарата из ближайших сотрудников становятся независимо от первого лица. Первое лицо обнаруживает едва ли не последним, что такой-то его сотрудник стал большой шишкой. Отсюда следует, что большой шишкой его делают люди. Им нужно, чтобы при лидере была такая шишка. Они избирают его тайным и бессознательным голосованием. Это главное - потребность общества или правящей части общества в такой фигуре. Ну а на втором месте стоит, конечно, желание самого кандидата в фавориты.

Откуда они берутся? Почему приобретают вес? Почему руководители им это позволяют?

Посмотрим на функции неполитической фигуры. Очевидно, что неполитическая фигура исполняет те функции, которые по тем или иным причинам не могут быть исполнены политическими фигурами и институтами. Одна из причин - большая острота политической борьбы. Если в каких-то вещах лидер доверяет своему Гопкинсу больше, чем законным учреждениям (правительству в целом или отдельным его подразделениям), значит, эти учреждения по тем или

иным причинам не устраивают его. Обычно можно говорить о недостатке квалификации и лояльности. Рузвельт, кажется, имел дело больше с недостатком лояльности, чем квалификации. Он пришел к власти в результате очень острой политической борьбы. В госаппарате было много его противников. А у него были - и это крайне важно для понимания этой темы! - грандиозные реформаторские планы. К тому же госаппарат просто недостаточно поворотлив, мобилен, он связан множеством писаных и неписаных процедур.

Вспомним Табачника, Белоблоцкого, Кушнарева, Литвина, Медведчука, в разное время возглавлявших мою администрацию. Согласитесь, сложно найти людей, во многих смыслах более не схожих между собой. Но было то, что их объединяет, - умение быть «не первым, но и не вторым лицом в государстве». Мнения опытных, искушенных в украинской политике людей лишний раз подтверждают это.

К примеру, кто-то сказал о Литвине: *«Серый кардинал. Всегда разный, вечно за спинами - только таким способом он может держать позицию».* А ведь вышел Владимир Михайлович из-за спины и держит позицию, и кто скажет, что неуверенно? *«Он хитрый, как сто лисов вместе взятых. Куда там Леониду Макаровичу…»* Это уже о Медведчуке - кажется, Владимир Нечипорук высказался. Другой депутат, социалист Рудьковский, и с этим не соглашается: *«В сто раз хитрее лиса? Медведчук четко знает, чего он хочет. Надо отдать ему должное, он последовательней всех добивается своего. Например, группа «донецких» в подметки не годится в достижении стратегических целей команде Медведчука».* Еще чей-то отзыв: *«Медведчук - агрессивный хищник. Лидер, самец, победитель. Но хищник, которого следует держать на его собственной территории, желательно за колючей проволокой».* Но вот спрашивают Михаила Бродского: *«Вы считаете, что Медведчук в кулуарной игре менее успешен, в отличие от Табачника?»* И Бродский отвечает: *«Да это все дети по сравнению с Табачником, поверьте. Я бы даже сказал, младенцы».*

Как видим, нет различий в сути оценок, есть расхождения в степени и оттенках. Табачника называют «коварным», Литвина - «интеллигентным», Медведчука - «демоническим». Но этот широкий разброс мнений, эта бесконечность споров, «кто хитрее» или, так сказать, «подковернее», говорят об одном: такие люди могут намного больше других. Но важно, чтобы они были подчинены системе, а не система - им.

Во время «кассетного скандала» Владимир Литвин был рядом со мной и по службе, и морально, хотя его самого надо было успокаивать. Когда человека обвиняют в том, в чем он не виноват, - это ужасно. А его обвиняли не в чем-нибудь - в причастности к организации убийства журналиста Гонгадзе. Но вдвойне ужасно, когда он не может себя защитить. Литвин страдал по-настоящему. Это сейчас, с позиции председателя Верховной Рады, он имеет возможность отвечать на обвинения, объясняться и даже переходить в наступление. А в положении главы президентской администрации что ему оставалось делать? Выйти на Крещатик и говорить: «Люди добрые, это провокация!»?

Весь прошлый год ему казалось, что за ним следит СБУ, прослушивает его разговоры. Я это исключаю. Звонил ему: «Прими Смешко. Он тебе все объяснит». - «Смешко не знает, что у него делается в службе». Так не бывает. СБУ - государственное ведомство. Там все делается по форме, все записывается. Как и в МВД. Следили, допустим, за Гонгадзе - все фиксировалось в специальном журнале. Если бы целью слежки было убийство, никаких записей не велось бы. Но дело в том, что такой цели в наше время не может быть ни у МВД, ни у СБУ. Как и слежки за главой парламента.

Приведу только один, и не главный, но, думаю, самый понятный для моего читателя, довод. Грубый, циничный довод, но ничего не поделаешь, жизнь есть жизнь. При нынешнем состоянии наших «органов» они просто не могут удержать в тайне подобные операции. Все обязательно станет явным. Кто-то разоблачит из принципиальных соображений, кто-то - из материальных. Соответствующие руководители это прекрасно знают и понимают. Хочу, чтобы это узнали и поняли и мои читатели.

Если генерал Пукач действительно стоит за гибелью журналиста, он не мог действовать по приказу. Такого приказа, даже устного и сверхтайного, не могло быть по одной названной мною причине, не говоря уж об остальных.

Обратите внимание: уже после убийства журналиста записи в МВД о слежке за ним не были уничтожены. Это значит, что в них не видели ничего криминального. Никто там не связывал слежку по приказу с убийством по приказу. Это совершенно разные вещи. Слежка по приказу

возможна, бывает и необходимой. Убийство по официальному приказу невозможно. По неофициальному - тоже. Может, я чего-то не понимаю или в милиции работают такие уж тупые люди? Сомнительно.

3 марта

Люди, прошедшие школу производства, реальной экономики, на многие вещи смотрят не так, как смотрят на них политики. Те все же упрощенно подходят к проблемам. Политик легко может пообещать людям, что через сто дней жизнь станет лучше. Или через пятьсот - все равно. В Украине это пропагандистское изобретение первой использовала Юлия Тимошенко.

Считается, что в России первым таким изобретателем был Григорий Явлинский, но это не совсем идентичный случай. Явлинский был только одним из десятка авторов программы «500 дней». Вместе с ним ее писали такие авторитетнейшие люди, как С. Шаталин, Н. Петраков и другие. Они не говорили, что через 500 дней жизнь станет лучше. Это за них сделала печать. А они представили рассчитанную на 500 дней программу начальных, неотложных, по их мнению, рыночных реформ. Была объявлена весьма привлекательная цель: *«все, что возможно, взять у государства и отдать людям».* Каким образом? *«Посредством разгосударствления и приватизации, передачи государственной собственности гражданам».* В программе говорилось о равенстве прав на ведение хозяйственной деятельности, о льготных кредитах для малого бизнеса. Право граждан на свободу потребительского выбора и *«справедливые»* цены должна была реализовать *«нормализация потребительского рынка путем либерализации ценообразования».* Упоминалось и право граждан на рост доходов и социальные гарантии. В связи с этим предлагалась индексация денежных доходов и гибкая система социальной помощи беднейшим. Не скрывалось, что все эти изменения невозможны без *«широкой структурной перестройки».* Говорилось, что дорога будет *«не без жертв».*

Как видим, это довольно общий перечень отмены старых, нерыночных законов и правил и принятия новых. А Юлия Тимошенко в 2004 году прямо и неоднократно заявляла (и Ющенко подхватывал), что уже через полгода после свержения *«преступного режима»* население Украины окажется в другой стране по уровню жизни и общего порядка. *«Люди сразу должны почувствовать изменения»... «Если есть политическое решение, серьезнейших экономических изменений можно достичь за несколько месяцев»... «В легальное русло будет введена теневая экономика, снижены налоги и расширена база»...* Это все ее слова. Чтобы они превратились в дела, главное, что нужно, - не оставить *«старые персоны на своих местах»,* говорила она. Еще будучи вице-премьером и отвечая за топливно-энергетический комплекс страны, обещала народу построить газопровод из Туркменистана, минуя Россию, газопровод из Ирана в Украину.

Помню, я тогда сделал вид, что до меня не дошло это ее обещание: было почему-то неловко спросить, зачем она говорит такие глупости. И вот опять. *«Вы еще не отказались от этого проекта?»* - спрашивают ее. *«Нет. Этот трубопровод откроет прекрасные перспективы для Украины».* Голый популизм.

Казалось бы, вы должны понимать, что пройдет полгода - и придется отвечать за свои обещания. Люди спросят: ну и где ваши газопроводы, где реализация «прекрасных перспектив»? Но об этом не думают. Или думают так: когда придет время, найдем, что ответить - кого объявить виноватым и на какие «объективные» причины сослаться.

4 марта

Нам нужны еще десятки лет, чтобы наше общество достигло того уровня зрелости, который мы видим на Западе. Во время выборов у нас работают не столько программы партий и кандидатов, сколько «политические технологии». Главный подход: свой - чужой. Для одной части избирателей «свой» - это Янукович. Для другой - Ющенко. И все. На этом противопоставлении строятся выборные кампании.

Спрашивали недавно, в какой момент у меня появилось понимание того, что Ющенко может победить. Я никогда этого полностью не исключал. Я видел, что у Ющенко есть шансы. Но у Януковича - тоже. Один кандидат - свой для востока и юга, другой - для запада и центра. Но все-таки у Януковича, думалось мне, шансов больше. Ну а после того, как Верховный Суд принял решение о «третьем туре», о переголосовании, уже не осталось никаких сомнений ни у меня, ни в моем, как выражаются, окружении.

Кому- то в обществе всегда доверяют больше, чем человек этого заслуживает. Тут разные причины. Образ формируется не в прямой зависимости от натуры. Это психология. А когда образ

сформировался, разрушить его, развенчать уже почти невозможно. Хотя, конечно, капля камень точит. Если долго и квалифицированно капать на мозги, образ можно скорректировать даже до неузнаваемости, тем более когда за дело берется не только внутренняя пропаганда, но и внешняя, как в нашем случае, когда Янукович изображался злом, а Ющенко -добром или спасением от зла.

Практически в течение всех десяти лет я находился под очень большим прессингом. Не дай Бог! Чего только не писали, чего только не кричали обо мне… Но я никогда не задумывался о каких-то особых пропагандистских действиях, чтобы переубедить «крикунов» и особенно тех, кто их слушает. Возможно, это было моей большой ошибкой. Наверное, это как-то связано с моей основной профессией и многолетней работой в особых условиях. Ракетчикам в советские времена запрещалось говорить не только о своих делах, но и о себе. Этот запрет во многом формировал наши личности. Мы были замкнуты, косноязычны. Мы умели делать ракеты, но не знали, как рассказывать о них, да и не имели права. Это невольно переносилось на все. Будучи президентом, я считал, что за меня должна агитировать в первую очередь экономика, реальные реформы, конкретные дела. Но это не всегда получается. Есть такой фактор, как ожидания людей, особенно когда им тяжело живется. Обостряется общее критическое настроение, ищут виноватого.

Очень хорошо пришлось узнать, что значит разочарование людей. Особенно если оно подогревается твоими политическими оппонентами. Для общества это рискованная ситуация. Она может быть и страшной. Разочарование всегда чревато политическими крайностями. О взвешенности решений речи быть не может.

«Оранжевая революция» - это тоже плод общественных разочарований. Людям хотелось, чтобы обещанный им западный «рай» вступил на нашу землю как можно скорее. Многие из них по советской инерции не жаловали такую систему, как капитализм. Это не мешало им жить с лозунгом в душе, а часто и на устах: даешь нам европейскую жизнь! Но под «европейской жизнью» понимался только ее материальный уровень, а не дух бережливости, умение накапливать средства и ресурсы, трудиться, «вкалывать» по полной программе и учиться, учиться. Только тогда, через такой капитализм, к вам придет то, что называют современным европейским социализмом. Посчитайте, сколько у нас в году праздничных дней, и сколько - в Японии или в Южной Корее. Простой вопрос, а говорит о многом.

Я когда- то читал Василия Леонтьева -американского экономиста русского происхождения, нобелевского лауреата. Он был очень популярен в СССР, причем его одинаково почитали и в номенклатуре, и в кругах интеллигенции. Под его влиянием на многих предприятиях (а на оборонных - на всех) создавали отделы так называемого «сетевого планирования», на которые возлагались не меньшие надежды, чем потом (или перед тем - уже точно не помню) - на АСУ (автоматизированные системы управления) академика Глушкова. Леонтьев писал, что для восстановления «духа частной собственности» новой России потребуется не менее 70 лет. То же самое, безусловно, относится и к Украине. Ну, может, ей потребуется не 70 лет, а 60… А от меня ожидали, что я буду решать - и обязательно решу! - проблему строительства «западного капитализма» в Украине стахановскими методами: пятилетку - в один год. Не получилось, да к этому я и не стремился. В этом - коренная причина разочарований.

5 марта

Юлия Тимошенко «наехала» на российских нефтеторговцев по поводу роста цен на горючее (зачем-то взяли иностранное слово «трейдеры», как будто «торговцы» нашим людям менее понятно).

По словам Тимошенко, при цене на нефть на мировых рынках в $318 за тонну Россия предлагала Украине покупать ее по $340. И все из-за того, что в Украине, дескать, *«создана монополия российской нефти».* При этом Тимошенко прямо обвинила Россию и российские НПЗ в сознательном подрыве экономики Украины: *«Идет сознательное прекращение поставок нефти в Украину… Российские нефтетрейдеры и переработчики нефти хотят дискредитировать новую украинскую власть».* На этом она продолжала настаивать и после того, как Антимонопольный комитет опроверг заявления о сговоре торговцев бензином, и после того, как те же трейдеры в своем открытом письме привели убедительные аргументы, что нет никакого сговора, а есть целый комплекс факторов - от резкого подорожания нефти на внешних рынках до планового ремонта мощностей на украинских нефтеперегонных заводах.

Но и после этого Тимошенко не остановилась. «Остапа понесло». Она заявила, что в связи с этим Украине выгоднее закупать нефть не в России, а на международных рынках, и что Украина

будет закупать нефть у всех других стран, кроме России. Не молчали и другие члены правительства. Зазвучали даже угрозы реприватизации НПЗ, принадлежащих российским компаниям.

Позвольте, господа. Есть рынок, есть спрос, есть предложение, их взаимодействие определяет цены. Мы не можем вечно быть изолированными от этого процесса. У нас и так бензин в три раза дешевле, чем в Европе. Ясно, что подорожание неизбежно. Но «наступление» Тимошенко развивают «дружеские» ей СМИ и народные депутаты. Каждый день она на экранах, говорит неизменно повышенным тоном. Ну чего мы можем добиться этим криком?******

В России тоже крик. В государственной думе шумят о предстоящей посевной. Смысл шума - тот же, что и полвека, и десять лет, и год назад: не хватает того, не хватает этого, паче всего - горючего. Разница в том, что раньше говорили только о нехватках, теперь - и о дороговизне. Российские нефтеперерабатывающие заводы не полностью загружены. Сырьевики спешат заработать: пользуясь растущими мировыми ценами и спросом, гонят нефть за рубеж.

К чему в этих условиях мы можем подтолкнуть Москву своим антироссийским криком? Я знаю кремлевский люд, и не зря был Президентом Украины в самые трудные для нее годы: могу предвидеть российское независимое решение. Оно простое. «Надавить» на сырьевиков, чтобы они все-таки увеличили поставки на отечественные заводы. Но поставки на Запад при этом не уменьшать, а может быть, даже увеличить за счет той нефти, которая досталась бы Украине, если бы ее верные сыны не надрывали глотки антироссийским «галасом». Сделать это России ничего не стоит, ведь нефтепровод «Дружба» заполнен отнюдь не под завязку.

7 марта

Первые шаги новой власти заставили меня предположить, что у нее одна мысль: хоть каким-то образом продержаться. Дрожь в коленях после прихода к власти - обычное состояние всех революционеров. Наши «оранжевые» - не исключение. Если бы они чувствовали себя твердо стоящими на земле, то действовали бы осмотрительно, в том числе в экономике, не обещали бы всем и вся, думали бы о перспективе. Интересно было прислушиваться к разговорам на этот счет. Некоторым показалось, что в стране вообще не стало власти. Они спрашивали себя (кто-то - и меня): как долго может жить страна без власти? Власть, мол, должна куда-то стекать, где-то сосредотачиваться. Место, предназначенное для нее Богом или природой, пусто не бывает. Это такая вещь, которая может, конечно, выпасть из чьих-то рук на дорогу, под ноги прохожих, но долго не валяется. Кто-то обязательно ее подберет - как большевики в 1917-м.

Когда- то, впервые прочитав об этом, я подумал, что так в действительности и было: власть валялась под ногами, и все, что требовалось от Ленина и Троцкого, -наклониться и подобрать ее. Теперь я не думаю, что все было так просто. Наклониться и подобрать - десятая часть дела. Подобранную вещь надо удержать. И не только удержать, но и теми или иными способами добиться, чтобы она заработала. А это означает одно: чтобы ее признали подвластные люди и структуры.

Это - проблема выбора средств и методов осуществления власти. Средства и методы выбирают не только политики, хотя абсолютное большинство даже образованных, серьезно мыслящих политиков уверены, что все зависит в этом деле только от них или от них в первую очередь. Ничего подобного!

Средства и методы власти, руководства, управления выбирают подданные и подчиненные. Понятно, что я это знал всегда, но не сознанием, а подсознанием, инстинктом. Это знает всякий, кому приходится руководить хотя бы десятком человек. Это знает каждый командир отделения в армии и каждый бригадир на стройке. Один подчиненный понимает доброе слово, другой - только крепкое, одного надо поощрять, другого - подгонять, один хочет видеть в начальнике равного себе, и Боже упаси задеть его достоинство, а другому нравится видеть в тебе пана, который - своя рука владыка: хочет - казнит, хочет - милует.

Так и с целыми народами, странами. Одни привыкли к одному обращению, другие - к другому. Демократия, конечно, самая эффективная форма правления, но ее тоже должен выбрать каждый человек и каждый народ, а не его лидер. Тем более - не кто-то со стороны, не ментор в заграничном мундире. Лидер может каким-то образом облегчить и ускорить этот выбор или наоборот - затруднить и замедлить. Это азбучная истина. Ее забывают все критики всякой недостаточно демократической, с их точки зрения, власти. И правильно делают. Их функция - критиковать власть, требовать все большей демократии, «правды и справедливости». Но глава государства не должен слушать и слушаться только их, иначе может потерпеть личное политическое поражение. А заодно - принести немало вреда отечеству. Мы знаем такие случаи, хотя их не очень много. Обычно лица,

достигающие высшей власти, не склонны слишком высоко отрываться от земли. Чаще они медлят, чем спешат, с демократическими реформами, хотя и то, и другое - понятия относительные. Они зависят от того, кто ставит оценку.

А объективный критерий своевременности и правильности любой реформы один: как быстро и в какой степени она прижилась, начала работать, давать результаты.

И правильно сказал Кравчук, что Виктору Ющенко не надо повторять путь Горбачева, который чуть ли не каждый день выступал и думал, дескать, все, что он говорит, тут же выполняется.

2005 год

9 марта

Слушаю, между тем, по телевизору нашего президента. Он обещает разобраться с российским бизнесом в Украине: как он тут оказался, все ли было по всем правилам.

Вспоминаю Карловы Вары в Чехии. Они проданы россиянам чуть ли не до последней собачьей будки. Россияне там скупили более 70 процентов собственности, и город преобразился. И чехи против таких русских ничего не имеют, наоборот - они им рады больше, чем немцам, потому что немец каждую копейку бережет, а русский тратит без оглядки: гуляй, покуда живы - однова живем! Все гостиницы там русские.

Вспоминаю Прагу. Там тоже много объектов продано тем же россиянам, хотя не только им. Большая заслуга в этом разумном деле принадлежит Вацлаву Клаусу. В 1992-1997 годах он возглавлял правительство Чешской Республики. С 2003-го - президент Чехии. Он убежденный антикоммунист и настоящий либерал. Он понимает: кому бы ни были проданы отели, санатории в Карловых Варах, они, Карловы Вары, останутся чешскими. Очень уважаю этого политика, считаю его одной из крупнейших фигур Центральной Европы.

Вот два подхода - Клауса и Ющенко.

В связи с этим разговариваем в семье о Крыме, о Путине. При мне под резиденцию российского президента там была продана дача № 1 - «брежневская». В свое время Горбачев, став генеральным секретарем ЦК КПСС, не захотел в ней жить, и для него была построена дача в Форосе.

Теперь о продаже «брежневской» дачи пишут как о преступлении. Дескать, «Глициния» - лакомый кусочек, к которому дотянулись загребущие руки чиновников президента Кучмы. Дескать, двадцать с лишним гектаров земли у моря с прекрасными зданиями и старым парком были слишком хороши, чтобы остаться государственной собственностью, и ее тайно подарили Путину, прокрутив сложную схему «приватизации почти по закону».

На самом деле никто особенной тайны из этого не делал. С самого начала было сказано, что дача покупается «как официальная резиденция президента России в Крыму». Контракт заключили с госуправлением делами президента РФ. Позже покупателем стал российский «Внешторгбанк», который и сторговался миллионов на 20 долларов. Причем, земля не продавалась, а передавалась в аренду. Россия сразу заплатила треть суммы и оформила нужные документы. Какая здесь «тайна»? И что, 20 миллионов долларов за требующие крупных вложений здания и 20 гектаров отданной в аренду земли - это бесценок?!

Но возопили защитники Отечества. Ющенко, конечно же, сразу отреагировал и принял решение о том, что «незаконно проданные земли» в Крыму в течение двух месяцев должны быть возвращены государству. Ну, а киевский суд превратил это сугубо политическое решение в юридический вердикт.

Трезвых голосов пока не слышно. Я вот задаю тебе, читатель, простейший вопрос: сколько длится курортный сезон в Крыму? С самым большим забросом - 4 - 5 месяцев. Но это чересчур. В мае там приезжих почти нет. Холод! Вода 12 градусов или того меньше. Три-четыре месяца - вот красная цена курортному сезону в Крыму. Скажите, кто из серьезных инвесторов, из людей, которые хотят делать крупный бизнес на обслуживании курортников, будет вкладывать деньги в «наше» Черное море? У него что, нет выбора? Болгария, Румыния, Хорватия, Албания, Черногория - перспективы колоссальные. Не говоря уж о том, что до конца не освоены побережья и острова Испании, Португалии. Причем, в любой из названных стран вкладывать деньги надежнее, чем в Крыму. Таким образом, если в Крым не придут в основном русские деньги, он останется неосвоенным - неосвоенным в современном смысле слова.

Поэтому я и хотел, чтобы Путин имел там госдачу. Я прекрасно понимал, что если туда едет отдыхать российский президент, то с ним - огромная и отнюдь не нищая «свита». Она там денег жалеть не будет на свои удовольствия. Как раньше цари ездили на воды, в те же Карловы Вары

или Баден-Баден, - весь двор ехал. Я считал: будет Путин, а за ним, даст Бог, следующие президенты России отдыхать в Крыму - туда пойдет российский бизнес. Российские предприниматели будут покупать наши запущенные санатории, которые находятся на балансе государства, ждут денег из тощего бюджета. Будут строить новые объекты инфраструктуры: бассейны, без которых Крым всегда будет использоваться на 50 процентов, спортивные комплексы, рестораны. Числятся эти санатории в Министерстве обороны, в Министерстве здравоохранения, в других министерствах и ведомствах. Проанализируйте их загрузку, посмотрите, кто в них отдыхает, - и вы поймете, почему все они убыточные, содержатся на деньги налогоплательщика! Вот чего не понимает так называемый «простой человек», когда требует отобрать у частника тот или иной объект, или радуется, если это уже сделано, «идя навстречу пожеланиям трудящихся».

Я очень надеялся рычагом русских денег если не поднять Крым, то хотя бы сдвинуть его с мертвой точки! Рассчитывать, что Крым по-настоящему, по стандартам двадцать первого века, освоим мы, украинцы, сами - это несерьезно. У нас нет таких бешеных денег. Да и зачем их вкладывать? Что там зимой делать? Или осенью? Там ветры, холодина, слякоть. Чехов жил там недолго - и все время жаловался на погоду и по окончании короткого лета отправлялся в Ниццу. Для зимнего времени в Европе есть места получше. Тут тебе и Франция, и Испания, и Турция, Израиль и те же Карловы Вары - водички попить.

А «оранжевые» ребята не нашли чем заняться, как с первых же дней своей власти ринуться в Крым с ревизией: кто купил, что купил, за сколько купил - не за бесценок ли? А по мне - что завидовать-то? Для меня главное - чтобы каждый объект был приведен в современное состояние, чтобы он на 100 процентов был заполнен отдыхающими. Ну какая нам разница, кто это сделает? Лишь бы сделал и исправно платил налоги.

Когда подняли этот шум, Путин отреагировал мгновенно. Вопрос о резиденции российского президента в Крыму был закрыт. Я бы на его месте сделал то же самое. Он мне сказал: «Мы в эти игры играть не будем». По большому счету, эта шумиха явилась оскорблением главы соседнего государства. Без всяких оснований, по надуманному поводу. И опять же: давайте поинтересуемся, за чей счет содержится эта дача отныне? За счет государственного бюджета. То есть за ваш счет, уважаемые налогоплательщики.

15 марта

Приходят друзья и знакомые, бывшие коллеги. Обмениваемся мнениями о текущем, так сказать, моменте, о новой власти, о новых лидерах. Они, кажется, жаждут крови, мести тем, кого победили. Рассуждаем, надолго ли хватит этой жажды, как она может реализовываться. Что будет, например, с финансово-промышленными группами. Боюсь, что их развалят. Страна от этого только потеряет. Сложилась определенная система хозяйственно-политических отношений, она работает, и работает неплохо. Это дорогого стоит. Даже приостановить ход такого механизма - значит причинить большие убытки. А остановить, ликвидировать всю систему, не имея новой и не зная, как ее создать, - это может отбросить страну далеко назад. Правильно было бы всячески содействовать развитию этих групп, их выходу за рубеж, их деятельности во всем мире. Ведь и США - это 20 крупнейших финансово-промышленных (по-нашему - «олигархических») групп.

В начале этого столетия стремительно ускорились процессы концентрации капитала. Тот же Индустриальный союз Донбасса сегодня нуждается не в «большевистском» контроле, а в мощной морально-политической и дипломатической поддержке государства. Борьба за рынки сбыта - не выдумка Ленина. Эта борьба всегда была, она никогда не прекратится, а мы никак ее по-настоящему не начнем. Это страшно сдерживает наше развитие.

Россияне, те нас опережают. Их «Северсталь» купила вон в Италии сталелитейный завод. Россия подталкивает своих «олигархов»: покупайте всюду и везде все, что вам выгодно. Присутствуйте в мире, пусть вас знают и узнаю'т! Кстати, нынешний генеральный директор «Северстали» Мордашов в свое время приватизировал это предприятие за ваучеры, то есть фактически бесплатно. И никто не кричит, что государство продешевило, что народное добро досталось «олигарху» за бесценок, что надо выставить этот завод на повторную приватизацию. Российский «олигарх» Роман Абрамович купил известный английский футбольный клуб Chelse **а** летом 2003 года за 240 млн. долларов. Разве нельзя было ударить его по рукам? Еще как можно было! Деньги на свою «игрушку» он переводил наверняка откуда-нибудь из офшорной зоны. Но Россия считает, что овчинка стоит выделки. Пусть все знают, что «Челси» - это русская марка. Хороший имидж и денег стоит хороших.

Мне рассказывали, что, когда Абрамович появился в Мюнхене, за ним ходили толпы. Всем хотелось посмотреть на живого Абрамовича, даже полицейские пялились.

А наши «оранжевые» кинулись первым делом все разрушать, замахнулись и на «Динамо», и на «Шахтер». Вице-премьер Николай Томенко заявляет: *«Возможно, в первый пул предприятий, которые возвращаются в государственную собственность, «Динамо» не попадет, но во втором пуле точно будет. «Динамо» принадлежит к тем предприятиям, которые недооценили во время приватизации. В то же время, - сожалеет он, - вряд ли такой лакомый кусок убежит из рук семьи Суркисов, ведь приоритетное право доплачивать нужно предоставить нынешним владельцам».*

А мы ведь вроде в Европу движемся. Но с таким мышлением, какое я наблюдаю в эти дни («хлеб съедим, а булочные сожжем»), можем оказаться совсем в другой стороне.

17 марта

Кто- то говорил: я вам с удовольствием расскажу секрет моего второго миллиона, только не спрашивайте, откуда первый.

Я знаю секреты многих первых миллионов. Чтобы объективно во всем этом разобраться, нужно хорошо уяснить себе ту задачу, которая встала перед страной в 1991 году. Вопрос историей был поставлен очень жестко.

Существовала советская система. Вся промышленность, сельское хозяйство, торговля, транспорт принадлежали государству. Всем распоряжались государственные учреждения, то есть бюрократия. В одночасье эта система рухнула. Все оказалось практически бесхозным. Когда сейчас многие хорошие люди рассказывают друг другу, как надо было поступить с этим добром, они забывают, что нынешние их «указания», пожелания, программы тогда просто некому было выполнять. Власти как таковой, по существу, не было. Не было законов, правил. Не было обычаев, которые бывают важнее законов. Не было понятий, как что должно делаться. Не существовало даже собственной денежной единицы - был купонокарбованец. С болью вспоминаю, как эти, с позволения сказать, денежные знаки «ветер гонял по улицам», и не находилось желающих их подобрать. Все это было.

А главное - не было, и не могло быть, повторяю, настоящей власти, которая ясно и твердо говорила бы: вот это надо делать так-то, а кто вздумает делать по-своему, будет наказан. Это мы сегодня такие «большие», умные, знаем, как все делать правильно. Всему этому предстояло постепенно вызреть, появиться, обкататься и утвердиться - должно было создаться государство Украина, которого, по сути, не было. Этот процесс даже сегодня еще только в самом начале, хотя прошло пятнадцать лет. Но ставшее бесхозным имущество - все эти заводы, шахты и рудники, железные дороги, станции и порты, магазины, коровники и свинарники, бесчисленные постройки всевозможного назначения - не могли стоять в бездействии и ждать, когда к ним будут приложены четкие, разумные, справедливые и твердые как гранит правила отчуждения, владения ими и управления! Они закономерным, самым естественным образом оказались объектами хозяйственной самодеятельности населения. Ими овладела стихия. Каждый думал о том, как выжить, а если повезет, то и нажиться. Каждый действовал по своим возможностям, способностям, понятиям и волевым качествам. Предприимчивости украинцу не занимать. Это прекрасное качество. Оно еще послужит Украине.

У директора завода, у министерского чиновника, у начальника милиции, тем более - у партийного чиновника или комсомольского «лидера» возможностей было больше, чем у токаря или доярки. Повторяю: поставить их всех в равные стартовые возможности, а потом следить, чтобы они конкурировали друг с другом по-честному, было некому. Не существовало такой инстанции. Такой объединенной инстанцией должны были бы по идее стать президент, правительство, парламент. Но когда «в товарищах согласья нет», они только ослабляют друг друга. Этим и пользуются оборотистые, но не самые порядочные лица и группы. Но действуют они в соответствии с нашими законами.

Казалось бы, правильный шаг: раздали гражданам сертификаты на государственную собственность. Каждый таким образом получил частичку общего добра. Но вскоре наиболее предприимчивые скупили эти частички. Спрашивается: можно ли было устроить все как-то иначе, справедливее? Теоретически все можно. А практически… Дело не только в слабости власти на тот период. Дело и в принципиальных вопросах. Если человек получил частичку общего добра, если она стала его собственностью, он должен хотеть что-то с нею делать и знать, что именно, как ее

использовать, чтобы получать прибыль. А для этого - иметь право распоряжаться ею по своему усмотрению. Хоть с кашей съесть! Иначе это не его собственность, а видимость, фикция, обман. Но если есть право продать, не может не быть и права купить.

Я укрепил порядок настолько, насколько было возможно в наших конкретных условиях, понимая, что через этапы не перепрыгнешь. Когда меня первый раз избрали президентом, приватизация еще, по существу, не начиналась. Но в то же время уже почти все было распределено. Этот процесс начался еще во времена горбачевских реформ. Формально или не формально, на прямых или подставных лиц, на видимые или теневые группы, кланы, но - распределено. Почти все, что стояло и лежало на земле, уже находилось в чьих-то руках. Уже были сколочены первые крупные состояния.

Если послушать моих критиков тогда, да и сейчас, то главное, чем я должен был сразу заняться, - приняться разгребать завалы злоупотреблений, устроить великую ревизию и чистку. В связи с этим хотелось бы напомнить одну очень важную вещь: уже были законы, которые не позволяли президенту и кому бы то ни было просто так «отобрать награбленное», как выражались коммунисты. Но дело даже не в этом. У американцев есть принцип: частный капитал решает проблемы экономики лучше, чем государственный чиновник, чем государство в целом. Отобрать все «награбленное» и вернуть государству означало бы реанимировать обанкротившуюся административно-командную экономику. Разве для этого избрали тебя президентом? - думал я. Нужно идти дальше. Нужно искать механизмы, позволяющие соединить интересы частного капитала и государства. Вот проблема, над которой я бился десять лет.

Правда, иногда у меня возникает мысль, поделиться которой хотелось бы с теми, кто больше всех недоволен *прихватизацией.* Ну, хорошо, товарищи и господа. Сегодня мы умнее, чем были вчера. К тому же сегодня и цены на собственность выросли многократно. Давайте-ка исправим ошибки предыдущей власти, и мои в том числе: у всех (подчеркиваю: у всех!) все заберем и поделим заново, более разумно и справедливо. Но через какое-то время окажется, что, во-первых, ошибки и прегрешения были допущены и на сей раз - без этого, согласитесь, невозможно, а во-вторых, цены опять выросли. Что, снова все у всех забирать и делить заново? И так до бесконечности? Не знаю, как вы, а я о последствиях не берусь судить.

20 марта

Целый том можно составить из всего, что было написано и сказано в первые послереволюционные дни о бывшем моем кабинете на улице Банковой, о здании моего Фонда и о других зданиях, в судьбе которых я принимал участие. Больше всего, конечно, говорилось и писалось о здании Фонда, это на улице Пилипа Орлика. Тональность разговоров в целом была такова: да, лакомый кусок себе прихватил Кучма. После открытия Фонда мы сразу же пригласили журналистов посетить наш офис - пожалуйста, смотрите, делайте выводы. Многих возмутили и позолота (ее им, как водится, показалось многовато), и мрамор, и многое другое. Автор одной из публикаций уверенно заявил о «цыганском стиле», который Кучма, мол, придал помещению. Перед тем, как писать, автор, естественно, не поинтересовался, изменили ли мы интерьеры при реставрации, то есть отступили ли хоть немного, так сказать, от исторической правды.

Удивляться нечему - это типичная ситуация. Всякая революция проявляет особый интерес к дворцам, дачам, квартирам, автомобилям (а когда-то - к каретам) бывших правителей. Как будто нет ничего более насущного, первоочередного, такого же интересного. Получается, что нет… Пиночет в свое время совершил в Чили не революцию, а контрреволюцию, но и она первым делом раскрыла перед «голодным» народом домашний холодильник убитого президента Альенде. В нем обнаружили, кажется, две замороженные курицы. Они долго не сходили с экранов телевизоров.

Виктор Ющенко буквально в первые же свои президентские часы стал говорить о том, где он хотел бы жить со своей семьей, а также - в каком здании он может сидеть в главном кресле страны, а где не может, потому что это ему не пристало. Он говорил об этом со всеми - от журналистов до иностранных послов. Его соратники - тоже. Кинулись освящать здания, коридоры, кабинеты, места общего пользования. Из бывшего моего кабинета вынесли всю современную мебель под шум о высокой ее стоимости, заменили ее, как пишут, антикварной, которая, наверное, намного дороже. Может, для того и потребовалось шумовое прикрытие… Все это показывало, что действительно произошла, во всяком случае с их точки зрения, революция. С этой точки зрения, революции для того и делаются, чтобы выгнать из «дворцов и резиденций» одних обитателей и поселить других (предварительно освятив помещения).

По этой мерке моя победа над Кравчуком в 1994 году не была революцией. Победа не вызвала во мне никакого интереса к тому, какой у меня будет кабинет, квартира, дача, на какой машине я буду ездить на работу и с работы. Я целый месяц спокойно ждал, когда Кравчук освободит президентский кабинет. А сразу после объявления победы оставался с одним охранником, который был при мне со времен моего премьерства, и так я ходил весь месяц, не придавая этому значения. Рассказываю это не к тому, что я лучше Ющенко, который после своей победы на некоторое время, кажется, забыл все и с большим увлечением занялся своим обустройством. Просто в той атмосфере, в которой шел к победе я, не было опьяняющего состава.

«Дом с химерами» пришлось ремонтировать, чтобы он сохранился. В нем была часть поликлиники для советской номенклатуры. Я сам осмотрел все уголки здания, внимательно ознакомился с особенностями его архитектуры, с историей сооружения. Огромные трещины шли по всему зданию, сверху донизу. Людям там находиться уже нельзя было. Начал разрушаться фундамент, из-за этого и образовались трещины. Как мне сказали, мог пострадать находящийся совсем рядом театр им. Франко. Мы просто спасали ценное здание. Еще бы год или два, и «Дома с химерами» в Киеве не стало бы (практически такая же ситуация когда-то была и с филармонией). Я собрал всех и вся и поставил задачу все-таки вернуть его в первозданное состояние. Потом стали думать, как его использовать. Делать из него административное здание - это ни в какие ворота не лезет. Возражение против такого назначения - в легендах, связанных с ним, да просто - в самом названии: «Дом с химерами».

По одной из легенд, известный киевский архитектор начала XX века Владислав Городецкий построил дом в память о дочери, утопившейся в Днепре из-за любви. Другая легенда гласит, что дом был построен на пари с другими архитекторами. Те будто бы утверждали, что на обрыве, над самым озером (теперь здесь театр имени Франко), построить такой дом невозможно. Есть также мнение, что реальной была строго практическая мотивация - архитектору, мол, предложили впервые в Киеве возвести дом с использованием цемента, сделать рекламу цементу промышленника Рихтера. Как бы то ни было, дом, отметивший в 2002 году свое столетие, представляет собой большую ценность. Похожего нет нигде в мире. В его стены вмурованы бетонные головы носорогов и слонов, крокодилов и антилоп, а в желобах колонн прячутся ящерицы. На крыше - жабы и морские чудовища, а вместо волос на женских головках - цепи.

При советской власти дом не пустовал. Сначала он использовался как коммуналка, затем - как больница. Мы отреставрировали его в 2003-2004 годах. Вложили почти 30 миллионов долларов, зато полностью восстановили интерьер, росписи. На базе дома создали музейно-культурный центр «Шедевры искусства Украины» - филиал Национального музея. Я горжусь теперь тем, что такой центр есть, что среди его экспонатов, для примера, - знаменитая Острожская Библия печати Ивана Федорова (ей более 400 лет) и многое другое. С самого начала я был сторонником такого варианта.

А для устройства приемов правительственного уровня предполагал и далее использовать Мариинский дворец, предварительно поставив его на капитальный ремонт. Склон, на котором он стоит, ползет, надо спешить, если не хотим остаться без единственного в Киеве представительского здания. Такой вот Киев нам оставила советская власть. Единственное представительское здание на весь город, и того можем лишиться. Столицам других бывших советских республик повезло больше. Правда, на время намечавшейся реконструкции Мариинки у моей администрации должно было быть право иногда устраивать официальные приемы в «Доме с химерами». Я, правда, ни одного приема там так и не устроил, хотя то, как он был восстановлен, мне очень понравилось, и хотелось показывать это всем и каждому. Все возродили один к одному. Ющенко с первых дней начал принимать там высоких гостей.

Помещение для моего Фонда подбиралось, когда я еще был президентом, так что могло найтись и целое, и новое. Но я хотел совместить приятное с полезным. Приятное - для себя и полезное - для города. До этого здания у городских властей руки могли бы не дойти никогда. Мы восстановили его по сохранившимся чертежам и фотографиям. Работы вела мастерская Орленко, которая занимается реконструкцией исторических памятников. Восстановили даже вагон-купе, в котором познакомились мужчина и женщина, в подарок которой он потом построил это здание.

Глядя на этот дом, думаю: никогда не угадаешь, чем ты запомнишься потомкам. Кто бы сейчас помнил чиновника по особым поручениям при киевском генерал-губернаторе Николая Ковалевского, жившего больше ста лет назад? А теперь все мы знаем его по этому, известному всему

Киеву зданию - особняку Ковалевского. Для сооружения дома Ковалевский в начале прошлого века пригласил архитектора Павла Алешина. Для архитектора дом стал настолько близким проектом, что он стремился собственноручно проработать все, вплоть до чертежа дверной ручки. Благодаря этому каждая деталь несла эстетическую нагрузку. Архитектор построил здание как средневековый замок. Пышный декор фасада, мрамор, бронза и другие изыски.

При этом жили люди в доме не только красиво, но и с комфортом. Архитектор использовал последние новинки строительной техники, применил железобетон и искусственный камень, водяное отопление, связал этажи лифтом. Говорят, было даже изготовлено устройство, которое раскачивало ту самую знаменитую комнату-«купе» словно бы во время движения поезда. Впрочем, до нас устройство не сохранилось. Многое другое, увы, - также. В советское время здесь располагались разные государственные ведомства и учреждения, в годы украинской независимости - Министерство иностранных дел. Потом министерство переехало, и здание еще десять лет разрушалось.

Я вообще сторонник того, что исторические памятники, хотя этот дом к ним не относится, надо передавать в частные руки с условием обязательного сохранения всего и вся. Это европейская практика. Мы не переставили ни одной стенки, ничего нигде не добавили, не нарушили. Мне тоже хотелось, конечно, поставить дополнительные перегородки, сделать кабинеты для сотрудников, но тогда помещение потеряло бы свой первозданный вид. Работали не торопясь, спокойно, и вышло, на мой взгляд, блестяще. Не случайно новая власть сразу же положила глаз на это здание. Если бы видели его только снаружи (а снаружи он особенно ничем не примечателен), может, аппетиты разыгрались бы меньше. Но когда побывали внутри, тут двух мнений не было: забрать. Я вообще-то, повторяю, не удивился. Революция ведь без «забрать» - не революция… Почему-то никто не обращает внимания на дом напротив, который практически разрушен. Киевляне называют его «шоколадный домик» за коричневый цвет. В советское время в нем помещался центральный ЗАГС, пока не переехал в построенное для него довольно уродливое здание на Воздухофлотском проспекте.

21 марта

Естественно, возникает вопрос, можно ли было все делать иначе - не допустить появления этих «олигополий» или «кланов», или «промышленно-финансовых групп», или «криминально-бюрократических оргпреступных группировок» (называют их всяк на свой вкус). Этот вопрос задают все, от кого мало что зависело, кому не приходилось принимать серьезных решений, кто смотрел на происходящее со стороны, хотя сам находился внутри событий. Я себе такого вопроса не задаю. Понимаю, что, когда мои записки будут напечатаны, это место будут чаще всего цитировать и выдавать мне за него «на орехи». И все-таки считаю нужным сказать то, что думаю.

В стране не существовало такой силы и таких механизмов, благодаря которым предприниматель, маленький или большой, мог чувствовать себя реально защищенным. По-моему, я уже говорил об этом, и, может, буду говорить еще. Люди, которые рассказывают друг другу, какой дикий капитализм возник в Украине после провозглашения ее независимости, и обвиняют в этом власть, и нас с Кравчуком - в первую очередь, исходят из того, что в моем распоряжении якобы были все силы и средства, все законы и процедуры, все механизмы, все исполнители, которые могли бы по моей команде (или, как любят еще говорить, «политической воле») обеспечить в стране «порядок и честность», защитить собственника и собственность. Или им кажется (хотя они об этом не думают), что в моем распоряжении было что-то вроде военно-бюрократического спецназа. Послал опричное подразделение в ту или иную область, в тот или иной район, в то или иное министерство - и оно там быстро навело порядок…

Для чего предприниматели «двинули» в парламент? Для чего они стали обзаводиться собственными охранными структурами? Для чего они стали учреждать собственные газеты и телеканалы? В первую очередь и главным образом они стали все это делать для того, чтобы защититься от власти. Ее можно именовать «так называемой», но другой не было. И она - руками чиновников, от санитарного врача и пожарного до главы администрации района и области - в любой момент могла стереть человека в порошок, превратить в дым его бизнес и даже его самого. Плюс обычные уголовники, рэкетиры и им подобные. И, наконец, - в большинстве своем по-советски настроенное население, симпатии которого отнюдь не на стороне частника и частной собственности.

Мы до сих пор стоим не только двумя ногами, но и головой в той, советской, системе. Это показал Майдан и то, что стало твориться после Майдана. Какие лозунги, призывы, обещания и угрозы? Сильно ли они отличаются от знаменитого: все отнять и поделить? Чуть ли не в первый

день своего президентства Ющенко заявляет, что у него есть список предприятий - кандидатов на «раскулачивание» из 29 или около того. Юлия Тимошенко тут же говорит, что никакого списка нет и не будет. В свою очередь Кинах настаивает, что список есть, в нем 300 объектов. И я знаю, что он есть, и все, кому это интересно, тоже знают. Список опубликован в интернете, в газетах.

Почему же Юлия говорит, что списка нет? Если говоришь, что списка нет - это надо понимать так, что его *еще* нет, что он в процессе составления, и в него может попасть любой. Так обеспечивается возможность в любой момент на любой бизнес «наехать» и «раздерибанить» его, то есть, опять же, отнять и поделить. И в каждой области, в каждом городе и районе фигурирует свой список. Глава соответствующей администрации рассуждает и, как мне передают, прямо говорит своим несчастным бизнесменам: в Киеве составляют свой список, а мы составляем свой. А ведь прошло не десять месяцев с зарождения частной собственности в Украине, а пятнадцать лет!

Конечно, нарушений, злоупотреблений, беспорядка при проведении приватизации было много. Но те, кто об этом говорит сегодня и хочет все переиграть, забывают, что в начале независимости в глазах большинства населения и управленческого аппарата вся приватизация была вопиющим нарушением той справедливости, того порядка, который нас создал. Это ведь правда. Вся приватизация как таковая не могла быть справедливой в глазах населения, которое вчера еще состояло в коммунистической партии, в комсомоле, в советских профсоюзах. И этим вовсю пользовался каждый, кто желал «пощипать» предпринимателя.

Все предпринимательство делало свои первые шаги во враждебной атмосфере. Все оно было под подозрением. В стране, где на каждом шагу разогревались эти настроения, оно должно было защищаться всеми доступными ему способами. Я это понимал. Для меня было очевидно, что государство, пусть навлекая на себя недовольство населения, обязано стать на страже рождающегося класса собственников. Если проявить слабость, уступить левым настроениям, все посыпется. А недовольство… Что ж, необходимо время, чтобы люди поняли твою правоту. Наберись терпения и гни свою линию.

Итак, я считаю, что если бы не было этих «олигополий», этих «кланов», не было бы и сегодняшней Украины. «Олигополия» осуществляла свою власть на «подведомственной» ей территории. Она делала главное - поддерживала системы жизнеобеспечения, руководствуясь, конечно, своими корыстными мотивами. Только крупный бизнес может взять на себя развитие инфраструктуры, в том числе социальной. И только он может вкладывать средства в высокотехнологическую продукцию. «Олигархи» начинали без капитала. Они проходили этап первоначального накопления так, как могли и как позволяли условия. Значительная часть средств отправлялась на сохранение за границу. Сейчас эти деньги начинают возвращаться. Во всяком случае так было в последние годы моего президентства. Я считаю это положительным явлением. Все было не зря, все дает свой результат. Нам неоткуда было ждать помощи, инвестиций. Кто же повезет свои деньги в страну, где еще нет полноценного государства! Мы на собственном опыте убедились, что частные предприятия работают намного эффективнее, чем государственные. Что это значит? Это значит, что они действительно частные. Они состоялись как частные! Если бы они были какие-то другие - воровские, например, или не поймешь какие, они не были бы эффективнее государственных. Они эффективнее - значит, на каждом есть хозяин.

Вот, собственно, и все. Нельзя было продолжать строить социализм в «одной отдельно взятой» Украине, когда наш главный экономический партнер - Россия - пошел принципиально другим путем. Вот и ответ на вопрос, тем ли путем мы шли. Идти по-другому мы не могли. Другого пути просто не существовало. Были нюансы. Что-то можно было сделать иным образом, грамотнее и эффективнее. Но управленческий опыт - это ведь тоже вещь объективная. Он дается годами. У нас тогда, в середине 90-х годов, такого опыта не было. У нас не было даже своей собственной денежной единицы! Когда создавали Национальный банк Украины, единственным специалистом с соответствующим опытом был Стельмах, сегодняшний его председатель. И того «выписали» из Москвы. И так во всем.

Когда речь идет о созидании, одной оранжевой ленты на лацкане мундира недостаточно. Топтаться по всему, что было сделано раньше, большого ума не нужно. Говорил раньше и повторю сейчас: в стратегических вопросах рыночной трансформации мы не ошиблись. Мы делали то, что и следовало делать. Только политиканы или невежественные люди могут ставить это под сомнение. Есть уже десятки примеров, когда новая власть вынуждена возвращаться к тому, что было отвергнуто в первое время после «оранжевой революции». А кто сосчитает потери, которые по-

несла от этого экономика, общество в целом?

Это касается и «олигополий». Япония и Южная Корея в 70-80-е годы прошлого века проводили официальную государственную политику выращивания национальных монополий - монополий, конкурентоспособных на мировых рынках. Сегодня так же поступает Россия. Я имею в виду тот же «Газпром», который все больше приобретает черты национальной мегамонополии, способной на равных состязаться с ведущими в мире транснациональными корпорациями, алюминиевый бизнес Дерипаски, ряд других компаний.a

23 марта

Нам все время что-то надо строить. Строили светлое будущее - коммунизм. Теперь строим евроинтеграцию. Пропагандистский смысл этого поворота можно было бы понять, если бы он происходил году в 94-95-м, к тому же в условиях контролируемого властью информационного пространства. Тогда ясна была бы задача: вытеснить из умов одну идеологию другой, коммунистическую - демократической. Заодно переориентировать общественную мысль с России на Европу. Сегодня же неуместность этой трескотни бросается в глаза. Общество уже выходит из детского возраста, привыкло к плюрализму взглядов, оно вряд ли воспримет власть как Учителя и Воспитателя, не говоря уже о Мессии.

Какие бы камни ни летели в мой огород, я был и остаюсь твердо убежден, что многовекторная политика - это наилучшая политика вообще и для Украины - в частности. Это была открытая позиция президента. О ней все знали - и на Востоке, и на Западе. В прятки я ни с кем не играл. Для Украины это была единственно возможная политика выживания. Борис Тарасюк резко критикует меня за многовекторность. Понимает он ее так, что я, мол, пугал Европейский Союз тем, что Украина вступит в Единое экономическое пространство, а Россию - тем, что Украина пойдет на Запад. Новой же власти он ставит в заслугу то, что она выбрала одно направление, один вектор - Европейский Союз. Я ни с кем не играл, тем более никого не пугал. Я проводил реалистичную, выгодную Украине политику. Уверен, что Украина вернется к ней. Практик на государственной службе оперирует не словами, не виртуальностями, а конкретными интересами, чем-то, что можно посчитать и измерить. **b**

Уверен, что крупных ошибок во внешней политике при мне не было сделано. Курс был четкий и понятный. Я следил за тем, чтобы он выдерживался. А для тактических дел было достаточно государственных институтов. Они этим и занимались. Не было по этому вопросу разногласий и с Верховной Радой. Моя внешняя политика была подчинена, как и положено, развитию экономики. Экономика - это уравнение со многими неизвестными, и на большинство из них ни у кого ответа нет. Жить и работать по учебникам, которые написаны не в твоей стране, не стоит, да никто так и не делает.

24 марта

На днях был в Москве, встречался с Путиным, Ельциным, с рядом старых друзей. Ельцину позвонил уже из Москвы, он был рад встретиться и потолковать. У него была назначена другая встреча - перенес. Часа три проговорили. Пригласил поехать в Завидово, вместе поохотиться. «Или давай возьмем яхту, поплаваем!»

Политикой не просто интересуется, а вникает до тонкостей во все, что происходит. Знает все. Встает в пять часов утра, но ложится, конечно, не в три. Вспоминали нашу встречу поздней осени 1992 года. 13 октября того года меня утвердили в должности премьер-министра, а 13 ноября - мой первый визит в Москву. Был подписан ряд межгосударственных договоров, в частности, о международном Совете по вопросам космоса и о регулировании межгосударственного рынка ценных бумаг.

Но не это на тот момент было главным. Россия прекратила поставлять нам нефть. Перед вылетом из Киева я сказал у трапа самолета, что если не договорюсь о поставках нефти, то уйду в отставку. Я не готовил этого заявления - вырвалось непроизвольно. Я, что называется, физически чувствовал, что без нефти страна задохнется. Первая встреча была с Егором Гайдаром, который исполнял обязанности премьер-министра России. Приятный, общительный молодой человек. Мне он сразу понравился. Простой, взгляд открытый. Мы быстро обо всем договорились.

Потом мне сказали, что в Кремле меня ждет Ельцин. На вечер была назначена наша пресс-конференция в гостинице «Президентская». В Кремль я поехал один. Говорили тоже один на один. Поговорили, потом он из-за своего стола пересел ко мне за приставной. «Леонид Данилович, как можно было заявить такое: уйду в отставку, если не договорюсь с Россией? Неужели мы можем

оставить вас на произвол судьбы?» Это была первая наша встреча. Сидели долго. В кабинет несколько раз заходили напомнить о времени: пора, мол, на пресс-конференцию. «Подождут!» - отвечал Борис Николаевич. Разговор был партнерский, легкий в том смысле, что равноправный, не было никакой тягости, хотя и в прямом, и в переносном смысле мы были в разных весовых категориях. Впереди нас ждали и другие встречи, по-настоящему трудные, хотя и они всегда заканчивались по-доброму, а эта была замечательная.

Ельцин шутить не любит. Я говорю не об отсутствии чувства юмора, а о привычке говорить по делу, конкретно и коротко. Вопросов может быть много, но на каждый - минимум слов. Решения принимает быстро. Чувствуется большая жизненная школа. Ельцин, каким его показывали по телевизору, - далеко не тот Ельцин, с которым приходилось иметь дело в жизни. Ельцин в жизни - очень серьезный, волевой, глубоко понимающий происходящие вокруг него процессы человек. Ему достались огромные нагрузки. С ними, я думаю, связаны известные его привычки… Испытывал на себе: иногда не знаешь, куда себя деть от пережитого напряжения, неприятности, неудачи. Пойдешь, хватишь 150 граммов - думаешь, что поможет.

При каждой встрече мы говорим о Западе. Ельцин не очень-то верит в искренность Соединенных Штатов Америки, в американские речи о партнерстве. Понимает, что политика движется интересами. Если интересы совпадают, тогда возможно и партнерство. А разошлись интересы - и партнерство забыто. Он в этом глубоко убежден. Он за жесткую политику России в отношении Запада. Тут он серьезно отличается от Путина. Путина критикуют за откат от ельцинской демократии, но к Западу он настроен более положительно, чем Ельцин, хотя не все это замечают. Кто из них прав, покажет время. Наверное, Путин прекрасно понимает, что воевать с Западом (я имею в виду словесную войну) - абсолютно бесперспективно. Только сотрясать воздух. Вот он и пытается договориться, достичь согласия. Но заканчиваются эти попытки тем, что Россию стискивают в ее границах, пытаются вытеснить из ее сфер влияния.

Уже в первую нашу встречу с Ельциным я обратил внимание на то, что у нас с ним одинаковое отношение к коммунизму. Оба мы состояли в КПСС, были в номенклатуре, он - почти на самом верху, я - значительно ниже, хотя тоже достаточно высоко, и оба в нем, в коммунизме, несмотря на то, что идея равенства, братства сама по себе прекрасна, разочаровались. У него не было спокойного отношения к коммунизму: ну, мол, было увлечение, такая была жизнь - что ж теперь… Я думаю, это связано с двумя вещами. Не все коммунисты в советское время относились к коммунизму одинаково. Не все принимали его близко к сердцу. Я и, видимо, Ельцин, - мы в свое время были глубоко, душевно увлечены идеей хорошего коммунизма. Поэтому и разочаровались в нем так же - глубоко, душевно. Во-вторых, мы оба занимали такое положение, каждый в своей стране, что нам больше, чем кому бы то ни было, и самым непосредственным образом докучали постсоветские коммунисты. Они остались на плаву, их не вычеркнули из жизни, а они, как им и положено, расценили это как проявление слабости. И пошли пакостить, пользуясь тем, что в обществе сохранилась часть людей, преданных «идеалам коммунизма». Я этих людей тоже не игнорировал, уважал и уважаю их взгляды, но одно дело - учитывать наличие коммунистических настроений в обществе, а другое - спекулировать на них. Ельцин и в нынешнюю нашу встречу поднимал эту тему. Остались, говорит, не выполненными две задачи: Владимира Ильича Ленина по-христиански похоронить и компартию оттеснить на задворки политической жизни. В Украине хоть мавзолея, слава Богу, нет…

Его терзают две проблемы - Белый дом и Чечня. Расстрел Белого дома в 1993 году и начало войны в Чечне. «В обоих случаях завязались очень тугие узлы». Сам, по своей инициативе, об этих «узлах» я с ним никогда не заговаривал. Если он что-то скажет в порядке информации, то, конечно, выразишь сочувствие… Больше всего его, говорит, поражает предательство людей. «Борис Николаевич, кого вы имеет в виду?» Задумался. «Охранник Коржаков». Потом еще задумался. «Горбачев, наверное, но это не в полной мере… А вообще-то, по сути, меня действительно не предавали». - «Борис Николаевич, у меня положение намного хуже. Все, кто прошел через мои руки, - они сегодня гордятся, что стали моими врагами. Я для них «преступный режим». - «Да и я про себя это слышал. Это не считается».

«Оранжевую революцию» воспринимает как личную трагедию. Нашим демократам стоило бы задуматься, почему «отец российской демократии» занял такую позицию. В том, что произошло, он видит хозяйственную сторону, на которую борцы с «преступными режимами» на постсоветском пространстве не обращают внимания. Им это не дано, а ему - дано. В отличие от них, он

отвечал за стройки, за такую мощную область, как Свердловская, отвечал за Москву и, наконец, за Россию. Его пугает перспектива больших экономических потерь со стороны Украины.

Вспомнили о Березовском. Наина Иосифовна говорит: «Я клянусь вам, что не был он тут у нас никогда! И чтобы я как-то общалась с ним - не было. Речь однажды зашла о каком-то фонде, и тут возник этот Березовский, предложил свои услуги. Но потом я от всего этого отказалась. Он специалист подъезжать на белом коне и показывать, что готов все сделать. Он пообещал и не сделал. Поэтому когда обвиняют нас, что Березовский чуть ли не член семьи, - такой абсурд!»

Борис Николаевич посуровел и промолчал. В таких разговорах он немногословен. Тем более что Березовский одно время общался с его детьми. Но разговоры о том, что он вершил чуть ли не все дела в государстве, - это абсолютная чушь. Ельцин, например, был категорически против назначения его секретарем СНГ. Назначили. Надо было кого-то назначать, а он внешне человек деятельный, исключительно деятельный. Думалось, что он новую струю в СНГ внесет. Пришлось настойчиво убеждать Бориса Николаевича согласиться на эту кандидатуру. Он сказал: «Я промолчу». И получил «фитилей», в том числе от Татьяны: «Папа, как ты мог это сделать?» Папа, наверное, тоже промолчал. А предлагал кандидатуру Березовского - самое удивительное! - я. Для того, чтобы по-настоящему узнать человека, знакомства с его внешней оболочкой мало, а я судил как раз по ней. Оболочка была очень активная. Мотался между столицами СНГ, все время что-то предлагал, идеи были хорошие…

Это человек разрушения, а не созидания. А если речь идет о созидании, то лишь для себя лично: сколачивание собственного капитала. Есть у него и другая сторона - страсть к разрушению человеческих отношений. Поссорить людей, «развести» их и тем самым получить над ними определенную власть - это для него удовольствие. Украину он выбрал как площадку для такой игры. У него азарт, и он готов не пожалеть денег на удовлетворение этого азарта. Очень жаль, что нынешние руководители страны позволили втянуть себя в «Березовские» игры. Это самое неприятное, от чего не так просто будет «отмыться». Спекуляции Березовского по поводу его «помощи украинской демократии» еще долго будут омрачать общественное сознание.

Во время «кассетного скандала» мне говорили, что это под меня «копает» такой «гигант мысли», как Березовский. Я отвечал, что все может быть, но мной он если и занимается, то так, из любви к искусству, а по-настоящему у него голова болит о другом. Для него главное - как-то уничтожить Путина. Люди удивляются: чем ему Путин так насолил? Тем, что дал, мол, возможность привести себя к власти, а потом начал действовать самостоятельно? Не знаю. Есть ли в этом какая-то аналогия с украинскими событиями, тоже не знаю. Березовский относится к числу людей, которые пытаются управлять всеми и вся. Они не понимают, что государство - это такое «существо», которое позволяет собою управлять только тем, кто имеет на это достаточно прав. Объем и характер этих прав бывает разный в разных странах и в разные времена, но всякое государство их хорошо знает и оторвет голову всякому, кто попытается их себе присвоить.

Вспоминали с Ельциным прошлое, перипетии российско-украинских отношений. За все эти годы я ни разу не уловил у него хотя бы намека на сожаление, что Украина ушла из России. Надо отдать ему должное. Если бы не Ельцин (только один этот человек!), то неизвестно, был бы ли и сегодня подписан тот Большой договор (Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Украиной и Российской Федерацией), который мы подписали в 1997 году. Переговоры шли долго и непросто.

Для России как страны и Ельцина как президента, думающего о следующем президентском сроке, важно было максимально тесно увязать подписание договора с решением проблем Черноморского флота. Российская сторона утверждала, что без этого визит Ельцина в Киев может не состояться и договор подписан не будет. Время от времени «высокопоставленные источники» в Кремле сообщали российским СМИ, что визит переносится, увязывая это с пробуксовкой переговоров по флоту. Многие в Москве настойчиво убеждали Ельцина, что в преддверии выборов ему позарез нужен не какой-нибудь, а победоносный визит в Киев. Тезис о флоте рассматривался как выгодный и удобный повод для отмены визита, если возникнет такая необходимость. Кроме того, муссируя этот тезис, российская пропаганда создавала интригу, рассчитанную в первую очередь на российских избирателей.

Мы в Киеве все это хорошо видели и понимали. Я неоднократно заявлял, что процесс необходимо ускорить с тем, чтобы к визиту Ельцина управиться с неразрешенными вопросами двухсторонних отношений. Но в России далеко не все были заинтересованы в этом. Визит все откла-

дывался.

Помню, в очередной раз он был намечен на март 1996 года. Но тут с российской стороны пошли настойчивые предложения, чтобы не Ельцин ехал в Киев, а я - в Москву. Подоплека стала ясной несколько позднее. Ельцин вдруг предложил «несколько новых подходов» к решению проблемы Севастополя. Пожалуй, самая яркая идея состояла в том, чтобы Севастополь просто разделить. Пусть, мол, будет два города: российский Севастополь и украинский Севастополь. До сих пор не могу понять, на что тут был расчет. Я ответил, что человек, согласившийся на такой вариант, сразу же перестанет быть президентом Украины, поскольку в его обязанности не входит раздача территорий вверенного ему государства направо и налево. После этого идея двух Севастополей была потихоньку спущена на тормозах.

Было ясно, что дальше так продолжаться не может. Если обе стороны действительно хотят, чтобы был заключен Большой договор, этот процесс должен перестать быть заложником внутриполитических игр. Поэтому мы с Ельциным сделали все возможное, чтобы не осталось никаких вопросов, прежде всего по флоту. Мы искали компромисс. Таким компромиссом и явилась договоренность о разделе флота и о пребывании российских моряков в Украине не менее двух десятилетий.

Наконец Ельцин сказал: «Все, подписываем. Я приезжаю к вам, и мы подписываем». Приехал, и подписали. После этого многие дали волю эмоциям, в том числе и мы с Ельциным. Он, в частности, заметил, что отношения между Украиной и Россией «немного перекосились за последние годы», признав, что это произошло «в том числе, и по нашей, российской, вине», и выразил удовлетворение, что это «поправляется». Однако в России многие считают иначе. «Независимая газета» в те дни опубликовала на две полосы статью «Российско-украинский договор - обман века». Тема «обмана» раскручивалась несколько лет подряд. Я оценил визит Ельцина как «историческое событие», нисколько при этом не лукавя.

25 марта

В 1993 году, по инициативе местных властей, без согласия Киева, в Крыму прошли выборы крымского президента. Абсолютным большинством голосов (похоже, не без скрытой финансовой и организационной поддержки Москвы) президентом был избран Юрий Мешков, собиравшийся вернуть полуостров России.

Обычная биография активного человека: слесарь, моряк, следователь прокуратуры, адвокат.

И вот - президент Крыма. Поддержку населения он получил во многом благодаря российской пропаганде и деятельности шовинистических кругов московского истеблишмента. Финансовую же поддержку ему оказывал «башмаковский клан» - одна из влиятельных группировок Крыма. Мешков стал издавать указы и распоряжения, смещая с административных постов в Крыму назначенных Киевом чиновников. На их места ставил своих людей. В ответ мы вынуждены были слать директивы и распоряжения, восстанавливающие статус-кво.

«Война указов» спровоцировала рост анархии на полуострове и оживление криминального мира. Киев объявил крымские выборы антиконституционными. Верховная Рада Украины ликвидировала должность президента Крымской автономии и потребовала приведения конституции Крыма в соответствие с Конституцией Украины.

Среди экзотических обещаний Мешкова была, кстати, выплата пенсий на территории Крыма в российской валюте…

Тем временем в Москве бесновались антиукраински настроенные радикалы.

Константин Затулин и Александр Севастьянов, скажем, писали: *«Сдав миллионы русских людей в полное распоряжение последовательным украинским этнократам, утвердившимся в Киеве, мы предаем и обрекаем наших людей на этноцид - внешне бескровный культурный геноцид, постепенно лишающий наших соотечественников их национальной идентичности».*

Или - так:

«Согласившись де-юре с потерей огромной части своих государствообразующих земель и народа в пользу другого государства, Россия тем самым закрепляет свою неполноценность как государство. Под пустые разговоры о «дружбе и партнерстве» между Россией и Украиной, на годы и десятилетия вперед закладывается мина под отношения между русским и украинским народами».

Или - еще дипломатичней: *«Неоспоримые права России на Севастополь прекращаются, что создаст нам массу сложностей во всех сферах существования Черноморского флота и связанной*

с ним инфраструктуры. Собственно, все существование ЧФ ставится после этого в зависимость исключительно от милости победителя - Украины».

Если бы Ельцин повел себя двулично, если бы он позволил своим шовинистам осуществить попытку масштабного подрывного вмешательства в крымские события, могла бы быть спровоцирована украинско-российская война. Вспомним теперь, что такое в то время была Украина для внешнего мира, для тех же США. Ничто! Какое-то аморфное, непонятное образование, то ли оно устоится, то ли нет, какой-то странный кусок России - мало кто знал, где этот кусок расположен: то ли на юге, то ли на севере, то ли где-то возле Китая (который, кстати, выступил в те дни за территориальную целостность Украины, видимо, вспомнив, что Украина всегда выступала за единый Китай). «Цветные» революции сегодня как делаются? Без чужого вмешательства?!. Вот так и Россия в Крыму могла вмешаться.

Моя победа на президентских выборах 1999 года была названа «апофеозом в процессе деградации российских интересов», поскольку Россия *«впервые за время нашего раздельного с Украиной существования так и не выставила четко выраженного «своего» кандидата на украинских выборах».* Начало моего второго президентского срока расценивалось как осуществление самого пессимистического из российских сценариев: *«форсированное наступление на русский язык и культуру, церковное единство с Москвой; беззастенчивая украинизация русского и русскоязычного населения; торговые войны между Россией и Украиной; широкомасштабное воровство газа из транзитных газопроводов; непрекращающиеся конфликты вокруг Черноморского флота; постоянное и все более тесное сотрудничество Украины с Западом и НАТО и попытки последних сделать из Украины главного «троянского коня» на постсоветском пространстве (союз ГУАМ как альтернатива СНГ и Союзному государству России и Беларуси)».*

К этим оценкам я отсылаю тех, кто интересуется моим мнением о причинах и целях направленного против меня заговора, получившего название «кассетный скандал».

26 марта

Я стал президентом страны, которая ни с одним из соседних государств не имела твердо установленных границ.

Некоторые проблемы с этим остаются по сей день. Я имею в виду наши проблемы с Белоруссией. Она ведь так до сих пор и не ратифицировала соответствующий договор. Ссылаются на непогашенный украинский долг - непонятно какой, непонятно кому, ничем не доказанный. Суммировали долги - причем, сомнительные - украинских предприятий белорусским и выставили счет нашему государству. Абсурд! Теперь нам говорят: верните 100 миллионов долларов. Постойте, спрашиваем, откуда эта цифра? Оказывается, неурегулированными остались взаимоотношения между украинскими и белорусскими предприятиями еще за 1992 год. Но это, во-первых, совсем не 100 миллионов, а непонятно сколько, и нет никаких оснований считать эту сумму именно госдолгом. Такого долга попросту быть не может уже хотя бы потому, что в 2001 году была проведена реструктуризация госдолга Украины перед официальными кредиторами в рамках Парижского клуба кредиторов. После этого Украина не имеет неурегулированных государственных долгов ни перед одной страной мира.

Мы искренне пытались решить проблему и другими возможными способами. Осенью 2003 года предложили Беларуси на 80 процентов погасить как-то уточненную - до 50 миллионов долларов - задолженность наших предприятий (повторюсь, отнюдь не государства) обустройством границы и строительством пограничных переходов. Но белорусская сторона отказалась.

Важной победой своего президентства считаю урегулирование вопросов о границе с Россией. Принципиально вопросы были решены, дальше должны были начинать работу соответствующие ведомства и службы: определяться на местности, уже на картах ставить точки над «i». Были проведены демаркация и делимитация сухопутных границ. Оставалось договориться по Азовскому морю и Керченскому проливу. Мы четко договорились, что в Азовском море граница проходит и по поверхности, и по дну, против чего Россия все время резко возражала. Так что это принципиально. По Керченскому проливу окончательно не договорились, но приблизились к взаимному пониманию, что это общее достояние, подлежащее совместной эксплуатации.

Не менее важным делом было и заключение договора с Румынией. В апреле 1993 года Украина получила из Бухареста единственную в своем роде ноту. Ссылаясь на распад бывшего СССР, Румыния провозгласила неправомерным Договор о режиме советско-румынской государственной границы от 27 февраля 1967 года. В 1994 году эта страна в одностороннем порядке под-

твердила свое решение денонсировать этот договор. Только через три года удалось уладить вопрос. После 11 раундов консультаций экспертов между нашими странами был заключен договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. Этому историческому делу способствовала мудрая позиция тогдашнего президента Румынии, профессора Эмиля Константинеску, который заявил, что Румыния готова принести эту «историческую жертву» ради членства в НАТО и ЕС. Его резко осудила румынская оппозиция. Он ожидал этого, надеясь, наверное, что история его оправдает. Остается под сомнением остров Змеиный, есть разночтения по руслу Дуная. Румыны говорят, что Дунай меняет свое русло и что их сторону он омывает больше. Но главное - Змеиный. Я бы не хотел, чтобы мы остались без него.

28 марта

Когда мы ввели на «ножки Буша» 10 процентов ввозной пошлины, американцы были очень недовольны. Но за год восстановилось отечественное птицеводство. И даже оппозиционеры с правого фланга это приветствовали. В структуре потребляемой в стране мясной продукции отечественное производство заняло более 95 процентов. Подчеркну - речь идет о высококачественной продукции. Появилось даже непреложное правило: подавать на стол импортную колбасу - признак плохого тона. Мы гордились этим.

Сейчас курятина подорожала. Власти раздумывают, как сбить внутреннюю цену. Забота о человеке, о потребителе… Правительство выбросило в социальную сферу огромные деньги, не подтвержденные отечественным товаром. Если этим ограничиться, денежная масса будет давить на рынок. Это означает рост цен, инфляцию. Им ничего не остается, как все шире открывать рынок для иностранных товаров, чтобы связать денежную массу. Конечно, это механизм рыночный. Кроме того, отечественный производитель должен быть все время в форме - чувствовать дыхание иностранного конкурента за спиной, иначе вернемся к советской неэффективной модели. Но это исключительно тонкая механика. Нельзя переборщить ни в одну, ни в другую сторону. К сожалению, перебарщивать умудряются сразу во все стороны.

Если не делать резких движений, то «дореволюционный» маховик будет какое-то время вращаться. Таких общеэкономических показателей, как при мне, не будет, но внешне, с точки зрения народного большинства, все будет более-менее пристойно.

Рост инвестиций до сих пор намного опережал рост валового продукта. Взять любой наш завод, любого «олигарха» - увидишь на его примере эту общую тенденцию. Таков смысл и механика развития экономики.

Эту тенденцию задал я. Я задал ее в повседневной изнурительной борьбе с иждивенческими настроениями в обществе. Эти настроения выражала левая часть парламента. Отныне, коль создается атмосфера проедания, атмосфера гонений на бизнес, прежних инвестиций не будет. Созданный за последние годы потенциал будет работать, но - на истощение. Устаревают основные фонды. Без обновления оборудования производство захиреет. В наше время нельзя останавливаться. Замешкался - и ты уже отстал, конкуренты уже тебя обогнали, и ты у разбитого корыта. Банкрот.

С первого апреля начинают действовать новые, повышенные, тарифы на железной дороге. Плюс главное: страх национализации, деприватизации. Каждый день мне рассказывают жуткие истории. Вот один районный центр. Долго шла борьба за кирпичный завод. В конце концов хозяин появился, производство быстро раскрутилось. Сейчас те, что проиграли, возобновили борьбу, судятся. Производство остановилось. Из таких остановок и складывается падение темпов роста ВВП.

Звонит старый товарищ из России: «Леонид Данилович! Чему ты, черт тебя дери, учил этих обалдуев десять лет? Или они такие тупые, что их никто не может научить? Какое дело населению до того, какая фамилия у хозяина завода? Лишь бы завод эффективно работал!» Я ему отвечаю: «Ты хоть раз видел нашу Валентину Семенюк на экране? Слышал, о чем она все время говорит? О «справедливости» и «законности». А таких слов, как «производство», «производительность труда», в ее лексиконе нет. Сколько мог, я таких деятельниц и деятелей «рабочего движения» сдерживал. Теперь настал их час». К ним надо добавить массу тех, кто считает себя обиженным, поскольку не получил должного вознаграждения за свое участие в «революции», - вот и старается самовольно взять то, что ему, по его мнению, положено.

Конечно, «оранжевая революция» - условная революция. Частной собственности она пока не отменила и уже не отменит. Но отвратительный дух необольшевизма над нею витает. Только этим духом я объясняю то, что даже самые большие патриоты как-то забыли об Украине, о ее величии.

Их захватил азарт «черного передела». В России, в общем, никто не отказывается от лозунга «Великая Россия». Просто существуют разные мнения о путях реализации этого лозунга. Вот чем отличается наша ситуация: вожди Майдана чувствуют себя вождями именно Майдана, а не Украины, которую надо поднять на должную высоту.

Юлии Тимошенко, той все равно, какой быть, левой или правой. Но я не предполагал, что Виктор Ющенко до такой степени левый. Что осталось от его либеральной риторики? Совсем не думает об экономике, о том, что производство - это прежде всего соотношение затрат и прибыли, расходов и доходов товаропроизводителя, не государства, а тех, кто создает товары. И это - банкир, премьер-министр правительства, которое считалось более «рыночным», чем все предшествующие…

1 апреля

Ликвидация свободных экономических зон стала фактом. Это не первоапрельская шутка. Уже есть соответствующий закон. Пытаются, правда, применить избирательный подход. Какие-то зоны в каком-то виде, может, оставят. Вся эта акция или операция может быть оценена одним словом: беззаконие. Беззаконие, хоть и приняли закон. Если бы что-то похожее было сделано при мне, шум поднялся бы на весь мир.

Никто не спорит: со свободными зонами надо было разбираться. И мы это начали делать. Без шума и треска, без пропаганды мы приступили к наведению порядка. Потихоньку запрещали те виды деятельности, которые противоречили заявленным целям. Это кропотливая работа. Обухом по голове предпринимателя - это революция, разрушение.

Как и для чего появились эти зоны? Я создавал их своими указами. Задача - поощрить инвестиции, производство, предоставить людям благоприятные условия для производственного накопления. За указами следовали законы. По ходу дела прибавлялись виды разрешенной деятельности. Потом смотрели: что удачно, а что неудачно, что оправданно, а что - нет.

Упразднить все зоны скопом - это не только незаконно, но и неумно. Нужно было обследовать каждую в отдельности. Вот предприятие Х. Есть инвестиционный проект, вложен иностранный капитал, созданы рабочие места, есть прибыль - пусть маленькая, но в бюджет из нее что-то капает. Это предприятие должно остаться. А вот это не имеет перспективы, руководители допускают извращения и злоупотребления - его надо ликвидировать. Во всяком случае - лишить его льгот. Но и то не сразу, а дать ему доработать до конца года. Там же люди, их нельзя выставить за ворота в одночасье. Нет, взяли и бабахнули: с первого апреля свободных экономических зон в Украине нет! В голове не укладывается!

Свободные экономические зоны (СЭЗ) придумали не украинцы. По этим схемам работает весь цивилизованный мир. Бывая за рубежом, я всегда интересовался соответствующим опытом. Речь идет прежде всего о Китае, да и о других странах. В Польше, например, и сейчас много свободных экономических зон - при том, что эта страна давно вступила в ВТО и Евросоюз. Поляки считают необходимым сохранять свои СЭЗ как локомотивы экономического развития. Туда быстрее идут инвестиции.

Я много раз обсуждал эту тему с Квасьневским. У нас получалось хуже, чем у других, было много беспорядка, лазеек, ими пользовались. Но кто, как не мы сами, не парламент своими законами дали такие возможности? Кто мешает новыми законами исправить ошибки, закрыть лазейки, усилить ответственность? Я два раза вносил законопроекты, которые призваны были упорядочить экономические зоны. Я, а не депутаты. Не они, а я говорил, что свободные экономические зоны превращаются в кормушки. В парламенте эти законопроекты подвергались такой правке, что становились неузнаваемыми. Вычеркивалось все, что было невыгодно тем или иным бизнес-группам. Но надо было продолжать борьбу, а не одним махом уничтожать само поле для борьбы.

2 апреля

Четыре пятых государственной собственности в Украине приватизировано на бесплатной основе - это сертификаты в промышленности, земельные паи в сельском хозяйстве, приусадебные участки, квартирный фонд и многое другое. Правительство предлагало только 40 процентов собственности приватизировать за сертификаты, парламент постановил 70. На кого теперь катят бочку «народные заступники»? К чему эти их разговоры о народном добре, которое я будто бы раздал или позволил раздать за бесценок? Был закон. Этот закон приняли вы, депутаты! Я вас не просил его принимать. Более того, мое правительство предлагало вам другой закон. Пользуясь вашим законом, всякий, у кого имелись мозги, скупал сертификаты и получал за них предприятие. А теперь

говорят: «Доплатите или верните!» Это беспредел, который может отбросить Украину назад, в средневековье.

С подобным государственным произволом советский частник столкнулся в конце двадцатых годов. Так сворачивали НЭП и возвращались, по существу, к «военному коммунизму». Но тогда мобилизационная модель была понятнее, логичнее, чем у нас сейчас. Сталинское руководство в конце двадцатых годов посадило народ на голодный паек ради ускоренной индустриализации. Коллективизация преследовала те же цели. Все это было несовместимо с рыночными преобразованиями. Эта задача была несовместима с рыночным хозяйством. А теперь? Теперь от рыночных методов отказываются не для ограничения, а, как надеются, - для увеличения потребления. Абсурд! Даже Ленин в конце концов понял, что повышение благосостояния не может быть достигнуто командно-административными методами, конфискациями да реквизициями. А правительство Ющенко - Тимошенко начало с того, что продемонстрировало всему миру, что не понимает этой азбуки.

Ведь что они говорят народу? «Отберем добро у богатых или заставим их доплатить за приватизированные объекты - и будем на эти деньги хорошо жить». Большевики говорили в этом духе до революции и сразу после нее. У них хватило ума понять собственную ложь или заблуждение. Они прекратили болтовню про рост благосостояния на основе лозунга «грабь награбленное» и попытались дать кое-какую свободу частной хозяйственной инициативе. Потом испугались всего этого и вновь перевели страну на казарменное положение. У Ющенко с Тимошенко не может быть такой цели. Тогда чего они хотят?

Не знаю.

3 апреля

Честно говоря, я не ожидал, что Юлия Тимошенко, когда станет премьером, будет столько внимания уделять саморекламе, пропаганде, «пиару».

«Пиар» - это отношения с общественностью. Одно из тех английских слов, которое прижилось у нас так, что уже не вытравишь. И, как я понимаю, сильно искажен его смысл. Отношения с общественностью свели к обману общественности. К «запудриванию» мозгов, к пропаганде, к приукрашиванию тех или иных структур и лиц. Это что-то невероятное. Каждый день Юлия присутствует на всех экранах, и каждый день говорит что-то такое, что не лезет ни в какие ворота. Никакой мысли о завтрашнем дне! Никакого опасения: «Что я скажу, если завтра окажется, что сегодня я говорила неправду или чепуху? Как я буду оправдываться за легкомысленные обвинения и обещания?»

Набросилась, например, на зернотрейдеров, то есть, зерноторговцев. Выставила их главными виновниками «несправедливых» цен на зерно.

Это обвинение в свой адрес зерноторговцы слышат с библейских времен. Вообще, любой посредник выставляется врагом человечества с первых дней зарождения торговли.

Теоретически можно представить себе жизнь без зерноторговцев. Закупать зерно у крестьян может не частник, а государство по выгодным для них ценам. Но здесь возникает сразу несколько «но». До последнего времени у нашего государства не было денег на эти закупки. Кое-какие деньги появились только в позапрошлом году. Их заведомо не может хватить на закупки всего урожая, что называется, на корню. Да это и нецелесообразно. Достаточно закупать какую-то часть, чтобы влиять на рынок - поддерживать приемлемый уровень цен. Во-вторых, сегодня у государства нет возможности дойти до каждого фермера, до каждого хозяйства. Это по силам только зерноторговцам. На этой основе была создана система частной зерноторговли. Это большое дело, большое достижение. Плохая она или хорошая, но это система, под влиянием конкуренции она развивается и самосовершенствуется. Ломать ее - безумие.

Что мы слышим сегодня от тех крестьян, которым сказали, что государство купит их зерно по такой-то, вроде бы приличной, цене? Человек говорит: «Что мне с этой вашей цены, если от меня до элеватора - сто километров, а везти туда зерно должен я сам? Получится, что год я не работал».

Мне трудно понять, зачем Юлия занимается демагогией, сбивает с толку людей. Ведь власть уже у нее. Теперь задача - удержать власть. А сделать это посредством демагогии, пропаганды, «пиара» намного труднее, чем завоевать. Почти невозможно. Нужны реальные дела, реальные положительные результаты. Особенно в условиях, когда общество не такое закрытое, каким было, например, советское. Существует и политическая конкуренция. Нужно не набрасываться на част-

ных зернотрейдеров, а кропотливо создавать систему госзакупок, сеть государственных закупочных структур, которые выступали бы на рынке как обыкновенные партнеры сельских хозяйств. Причем, государство не должно создавать «своим» структурам тепличные условия, предоставляя им, например, дешевые кредиты или снижая транспортные тарифы. Государственный зернотрейдер должен отличаться от частного только тем, что не будет гнаться за сверхприбылью. Его цель одна: не допустить, чтобы закупочная цена на зерно была ниже его себестоимости. Чтобы не обобрать крестьянина. Но и здесь нужно знать меру, не увлекаться благотворительностью. Конкуренцию отменять нельзя. Конкуренция - основа прогресса. Производитель зерна должен все-таки знать: расслабится - будет разорен. Общество не будет восполнять ему все его затраты, а только те, которые рынок признает рациональными, не бездумными.

И вот от таких серьезнейших жизненных проблем и обстоятельств Юлия Владимировна пытается отговориться броскими фразами с телеэкрана! Не думаю, что это кончится для нее добром. Не думаю.

4 апреля

Послал соболезнование декану Коллегии кардиналов Йозефу Рацингеру в связи со смертью Иоанна Павла II: «Скорблю по поводу смерти великого гуманиста и миротворца Папы Римского Иоанна Павла II». Вспоминал в эти дни (Папа умер вечером 2 апреля) свои встречи с ним. Всего их было четыре: две - в Ватикане, одна - в Польше и одна - в Киеве, во время его визита летом 2001 года. Признаюсь, что только после второй нашей встречи я узнал, что Иоанн Павел II (Кароль Йозеф Войтыла) не только священнослужитель, но и ученый, писатель, поэт. Попросил сегодня друзей найти для меня его стихи. Вот - о матери.

Над твоей могилой белой
жизни белой цвет.
Сколько лет прошло, уплыло
Без тебя, о сколько лет?

«Мои детские и юношеские годы рано означились утратой самых близких, - писал он. - Сначала - матери, которая не дождалась дня моего первого Причастия…». Мать Папы была украинкой.

В его стихотворении «Раскаяние Магдалины» говорится:

Душа стала чище, а похоть все та же в теле.
Хотящую плоть без любви стала мучить боль.
Не кончатся муки от жажды грехов в постели,
Пока плоть в душе ищет похоть, а не любовь.
Все губы о зубы содрали помаду,
Язык, как растенье, во рту, равном аду,
Болит, может, миг, ну, а кажется - годы…

Рассуждение в одной из его проповедей: *«Жизнь современного человека разрывает его на части, в ней избыток целей, которые его затягивают, изнашивая и истощая. Волна занятий увлекает, а увлеченный человек не испытывает к цели подлинного доверия. Избыток же целей разбивает единство и цельность жизни. Человек нуждается в цельности, он чувствовал бы себя намного лучше, будь у него лишь одна цель».*

Во время войны Кароль Войтыла четыре года работал в каменном карьере, состоял в подпольной организации, спасавшей польских евреев. Впоследствии он оказался первым из римских первосвященников, побывавшим в синагоге и мечети.

В Украину Папа приехал по моему приглашению. Первый раз об этом шел разговор во время нашей встречи в Ватикане, потом послал письменное приглашение. Я понимал, как это важно, прежде всего - для шести миллионов украинцев-католиков, а также для самоутверждения Украины как независимого государства.

Мне пришлось сделать непростой выбор. Против визита были многие православные священнослужители и миряне в Украине. Не скрывал своей отрицательной позиции Московский патриархат. Буквально неистовствовала российская «православная общественность», не отставала от нее украинская. В Киеве накануне визита был устроен многолюдный крестный ход, направивший мне обращение, в котором были выражения вроде следующего: «Римский Понтифик едет к нам как незваный гость, как агрессор». «Возмездием Божьим» назывались «ежегодные затопления западных регионов Украины, где больше всего за последние десять лет католики изгнали право-

славных из храмов». Участники крестного хода пророчили «непредсказуемые по своей катастрофичности последствия для Украины». Перед этим все епископы УПЦ во главе с митрополитом Владимиром писали Папе с просьбой не приезжать в Украину. Лидер КПУ Петр Симоненко заявлял, что этот визит «выгоден прозападным силам, которые втягивают Украину в противостояние с Россией».

Не открою чего-то нового, если скажу, что Иоанн Павел II был одним из самых информированных людей на Земле. Он знал все обо всех - то есть обо всех, о ком ему нужно было знать «по работе». Он прибыл в Украину во время «кассетного скандала», в момент, когда меня шумно обвиняли в устранении «неугодного журналиста». Думаю, Папе уже была известна подноготная этого дела и этой кампании лучше, чем мне. С государственным деятелем, который действительно заслужил такие обвинения, он не рискнул бы встречаться. Именно это он дал мне понять во время нашей продолжительной беседы. «Я приехал поддержать тебя в трудную минуту», - сказал он. Не читал мне проповеди, не произносил общих слов. Говорил о своем желании побывать в России. С большой силой подчеркнул, что стремится к преодолению отчуждения между католической и православной церквами. Запомнилось его выражение: «Мы ведь из одного яйца». Наш разговор представлял собой разговор двух политиков, которые понимают, на каком свете они находятся. Тем более, что это был официальный визит главы государства Ватикан.

Естественно, приглашал я посетить Украину и Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Делал я это при каждой нашей встрече как официально, так и неофициально. У нас с ним установились хорошие отношения. Мне кажется, мы понимали проблемы друг друга, связанные с непростыми процессами в украинской и российской церковной жизни. В октябре 2001 года он особым письмом благодарил меня за личное участие в праздновании 950-летия Киево-Печерской лавры, «за радушный прием, оказанный в Киеве членам Священного Синода Московского Патриархата, а также за участие Украинского государства в организации юбилея».

Мы и правда постарались, чтобы гости остались довольны. Патриарх поддержал мое выступление на этом праздновании, выделив мой призыв «не допускать политизации церковных проблем, не позволять использовать их в очередной предвыборной кампании или ради иных политических целей». И, надо сказать, нам в Украине это удалось. Как ни «рубились» с тех пор участники избирательных кампаний, но никто не решился откровенно разыгрывать церковные карты.

Через месяц мы встретились в Кремле у В. В. Путина, состоялся рабочий обед. Разговор шел все о том же - о положении православия в Украине. На следующий день по приглашению Патриарха я впервые побывал в Храме Христа Спасителя. Подъезжая к нему, вспомнил, что Тарас Шевченко, впервые его увидев (когда возвращался в Петербург после десяти лет солдатчины), сравнил этот храм с пышной купчихой, возвышающейся над Москвой. Сейчас храм такого впечатления не производит. Видимо, это связано с тем, что вокруг появилось много достаточно высоких и массивных построек.

Жалею, что Патриарх не смог воспользоваться моим приглашением посетить Украину.

5 апреля

Только что правительство и производители сельхозпродукции договорились снизить импортную пошлину на мясо в 10-16 раз, то есть до 10 процентов с нынешних 100-160. Но это не решение, а только предложение, которое должен рассмотреть парламент. Он явочным порядком взял себе некоторые полномочия правительства. Таможенные пошлины по самой их природе - это такая сфера, которую должно регулировать правительство. Так во всех странах мира. Увидели, что намечается, например, дефицит мяса - снизили ввозную пошлину. Насытился рынок - опять повысили. И так по всем товарам.

В России правительство занимается пошлинами даже на такой важнейший товар, как нефть. А у нас и пошлины, и в целом вся налоговая система - это епархия парламента. Но он не в состоянии оперативно реагировать на изменения ситуации, конъюнктуры рынка. Это все равно делает правительство, но оно должно каждый раз бежать со своим предложением в парламент. А там - процедуры, согласования, там политика, личные и корпоративные интересы. Там думают не о том, чтобы к посевной появилось дешевое дизельное топливо, а каждая фракция - о своих амбициях.

Удивляюсь, почему Юлия не ставит вопрос ребром (сейчас - самое время, у нее ведь большинство в парламенте!) о передаче соответствующих полномочий правительству. Ход ее мысли в данном случае **понятен:** если мяса не хватает у себя, его надо искать на стороне. И найти надо та-

кое мясо, чтобы наши люди могли его купить. Это достигается таможенной политикой, хотя пользоваться этим инструментом надо очень осторожно: всегда помнить, что задача власти - поддержка отечественного производителя. Благосостояние людей зависит прежде всего от этого. Один из недоброжелателей Юлии говорит мне, что, может, она ждет, когда у нее появится возможность сказать, что парламент не позволил ей сделать доброе дело. По-моему, вряд ли. Не тот все-таки случай. Видимо, просто не дошли руки. А мозгов у нее на такие дела больше чем достаточно. Я, кстати, не отношу себя (и никогда не относил) к числу ее главных недоброжелателей, несмотря на то, что каждый день слышу в свой адрес такие «комплименты», что их трудно придумать. Критиком ее действий, ее политики - да, был и остаюсь, а недоброжелательство - не мой стиль, не в моей натуре. Дочка объясняет это тем, что я Лев по гороскопу. Царь зверей в силу своего царского положения относится к ним ко всем одинаково.

7 апреля

Разговорами о приватизации «по-кучмински», «за бесценок», о том, что надо «что-то с этим делать», «оранжевые» не просто вводят людей в заблуждение. Они отбрасывают общественную мысль назад, в нерыночное прошлое. Иногда просто отчаяние берет. Найдется ли кто-нибудь знающий и авторитетный, чтобы объяснить Украине простую, но страшно важную вещь: сегодня практически ни об одном предприятии страны невозможно сказать, сколько оно стоит. У нас еще не прошел самый главный процесс - так называемая капитализация: установление истинной цены предприятия. Это сложный и очень серьезный процесс. Он начинается с ясно выраженного желания собственников этого предприятия узнать, сколько оно стоит. Затем привлекается иностранный аудит, после чего должна сказать свое слово биржа.

Под аккомпанемент «раскулачивания» украинские предприниматели никогда не выставят свое хозяйство на биржу. Они будут всячески оттягивать капитализацию, хотя, кроме вреда, это ничего не принесет. Почему будут оттягивать? Потому что у них нет уверенности, что завтра их не «раскулачат». О какой стабильности можно говорить, когда на их глазах покупают суд, и он забирает завод у одних и передает его другим? Собственнику любого завода могут сказать: он не твой, и начать тяжбу, в ходе которой предприятие придет в упадок. Мы десять лет упорно шли к тому, чтобы в стране появилась законодательная база и общественно-политические условия для капитализации экономики. Подошли вплотную. Еще бы чуть-чуть - и стали бы в этом отношении жить, как все люди. Бах! - грянула «оранжевая революция», «солидаристка» становится во главе правительства, социалистка - во главе Фонда госимущества, социалист - во главе министерства внутренних дел… И все - поехало. **с**

8 апреля

Ага, социалистку Семенюк поставили во главе Госкомимущества, и думают, видимо, что она привлечет инвестиции. Начинает она с того, что поносит «олигархов». Они, мол, нахапали народных денег, положили их в офшоры, а теперь оттуда вкладывают в экономику. Так слава Богу, если вкладывают. Радуйся! Но не радуется Валентина Семенюк. «Поверьте моему опыту, - заявляет она, - инвесторы, которые пришли из-за границы, работают лучше, чем наши олигархи, которые нахватались предприятий, как в народе говорят - «как собаки блох». Дальше наша неутомимая заклеймила позором офшорные компании, куда устремляются, по ее наблюдениям, капиталы, чтобы не возвратиться. Как заметил бы персонаж известного фильма «Гараж», «наблюдательная вы наша!»

Подумай три минуты, прочитай где-нибудь, спроси у знающих людей: что такое офшоры и для чего они создавались? Это ж мировая практика. У американцев есть офшор. У англичан есть офшор. И никто там не говорит, что это плохо. И премьер-министр Великобритании не спрашивает, откуда пришли деньги на команду Челси: с Виргинских островов или с каких-нибудь других. Он знает, что с каких-то островов, и этого ему достаточно, а может быть, вообще не интересуется, откуда они и чьи они.

Посмотрите, как роскошно россияне модернизировали аэропорт «Домодедово». Деньги пришли из-за границы, но говорят, что это российские деньги. Замечательно! Как подумаешь, какие огромные деньги у России и что они могут сделать, когда им будет предоставлен простор и все возможности, - зависть берет. Украина такими деньгами не располагает, но что-то и она держит за границей. Сюда бы их! Но кто же их сюда вернет, если власть спит и видит, как их отобрать?

Я не только не жалею, а горжусь тем, что мы все-таки создали хоть какую-то экономическую

базу для накопления капитала. Да, часть национального капитала находится в офшорах. Но вопрос ведь стоял так: или продолжать прозябать, разваливать страну и экономику, проедать все, что можно и чего нельзя, или все-таки начать думать о механизмах накопления? Тем более, что и думать много не надо: подобные механизмы давно существуют, они используются во всем мире. Можно, конечно, все заработанное предприятием забирать по-советски в казну, но как ему развиваться? Вздумалось правительству забрать в бюджет половину прибыли госпредприятий - так и поступили. А как эти предприятия будут развиваться - вопрос второстепенный… Люди, получившие власть, будто свалились с Луны.

О бедности на пространстве бывшего Советского Союза сказано очень много. Есть специальные исследования, сравнительные анализы. Меня тоже всегда беспокоила эта проблема. Я очень переживаю по этому поводу. Хотя бедность у разных народов протекает по-разному. Есть народы, которые не могут преодолеть ее столетиями, и неизвестно, преодолеют ли когда-нибудь. Европейские привычки: учиться, получать образование и специальность, упорно трудиться, не опускать руки, проявлять во всем рачительность и изобретательность играют (при прочих равных условиях) решающую роль. Глубина, укорененность этих привычек не везде одинаковая даже в пределах одной страны, даже - региона, сельского района. Этот фактор варьируется от села к селу.

Вспоминаю послевоенное время. Бедность была невообразимая. Я рассказываю внуку, в чем ходил в его возрасте, как питался - он не может себе этого представить. «Не надо, дедушка, рассказывать мне страшилки!» Но что больше всего угнетало юношей и девушек и особенно их родителей? Невозможность учиться, продолжать образование. Многие были вынуждены бросать школу после четвертого класса, а после окончания семилетки - большинство. Необходимость обучения, приобретения профессии, карьерного роста была, можно сказать, в крови у нашего народа. Учиться и трудиться. Трудиться и учиться. Обустраиваться, обряжаться, копаться в огороде, обихаживать скотину, сажать «садок вишневий коло хати»… Тогда мне казалось, что у всех народов так. Потом пришлось убедиться, что далеко не у всех. Пришлось убедиться, что и мой народ по этому показателю далеко не самый первый в мире.

Но и не последний. Не последний! В конечном счете я только на этот фактор и возлагаю все надежды. Так или иначе он проявится как фактор, определяющий судьбу Украины.

А пока что возрождается иное. Я имею в виду «социалистический патернализм» - за все в ответе государство. Это обанкротившаяся идеология и практика. Бедность при таком подходе преодолеть невозможно. Бедность преодолевается путем стимулирования среднего класса. Иного пути не существует. Это мировой опыт. Абсурдно поднимать минимальную зарплату только техническим работникам школ, больниц и других учреждений, оставляя неизменными оклады учителей, врачей, инженеров. Мы слишком хорошо знаем эту советскую практику, когда инженер или научный сотрудник, бывало, получал меньше уборщицы.

Государство, которое все свое внимание, все свои финансовые накопления направляет только на поддержание бедных, само беднеет. В конечном итоге бедных становится еще больше. Понимаю сложность, весь драматизм такой диалектики. Но отступать от нее нельзя. Это опасно для будущего. Жалко, что и эта истина сегодня не понимается.

9 апреля

Ющенко заявил, что покончит с коррупцией, что его правительство не будет красть. Один из первых моих указов в 1994 году тоже был об этом. А сколько я затевал антикоррупционных дел - не сосчитать. Я все время ставил перед собой вопрос: можно ли реально что-то сделать в этом плане? И вынужден был сказать давно, говорю и сейчас: нет, по-настоящему пока ничего сделать невозможно.

Коррупция есть во всех странах, в большей или в меньшей мере. На первых же этапах становления страны она подскакивает до небес. Вот американский историк Генри Адамс, тот самый, который придумал для своего народа «американскую мечту», описывает эпоху, наступившую в США после гражданской войны: «Прочтите список конгресса и тех, кто служил в судебных и исполнительных органах в течение двадцати пяти лет, и вы почти не найдете имен людей с незапятнанной репутацией. Период скудный по целям и пустой по результатам». Девять десятых политической энергии, писал Адамс, растрачивалось на пустые попытки подправить, подновить политический механизм, погрязший в коррупции, всякий раз, когда он давал сбой. В конце концов Адамс определил состояние Америки того времени как постоянное колебание между динамомашиной и Святой Девой. Иными словами - между желанием честного порядка, прозрачной конку-

ренции и жаждой наживы с использованием любых средств.

Америка начиналась не со столицы, не с большого города, где люди не знают друг друга, а с поселка и округи, где все и все на виду. В каждом поселении был судья. Судей, по нашим меркам, было очень много. По любому делу сразу бежали в суд. Это вошло в практику, в привычку. А у нас все решалось в кабинетах начальников и в присутственных местах. И пока возникнут новые порядки и привычки, сколько воды утечет?

Запад должен был бы это понимать и не требовать от нас революционных изменений. От них ситуация только усложняется. Сейчас, после «оранжевой революции», это уже стало аксиомой. Пусть еще не для всех, но для многих, если не для большинства.

Я понимаю политиков Запада. С их точки зрения, они требуют от нас самых простых вещей, без которых не мыслят своей жизни: независимой судебной системы, разделения власти и бизнеса, свободных СМИ и т. д. Если мы не предъявляем им этого всего сразу в завершенном виде, они удивляются, возмущаются, призывают нас к порядку, подстрекают наших оппозиционеров.

Это все то же самое, что требовать от подростка, чтобы он завтра с утра встал зрелым сорокалетним мужчиной.

Я часто говорил западным послам: вы требуете от нас революционных изменений - ладно, но сознаете ли вы сами, что требуете от нас именно революционных изменений? Если сознаете, тогда нам с вами будет легче разговаривать. В этом случае разговор должен идти не о демократических преобразованиях, а о возможности, допустимости, плюсах и минусах авторитарной трансформации. Революция и демократия - антиподы. Таким вы хотите видеть происходящее в стране? Тогда вы обращаетесь не по адресу, потому что я признаю только научно-технические революции.

14 апреля

Ко дню моей победы на досрочных президентских выборах в 1994 году Украина была готова разродиться двумя моделями или проектами. Можно было, наверное, пойти (или попытаться пойти) по тому пути, по которому повел Белоруссию Александр Лукашенко. Получилась бы восстановленная, насколько возможно, советская система: видимость частной собственности при жестком централизованном управлении всем и вся. Но это привело бы к окончательной разрухе. Ведь, во-первых, масштабы украинской экономики несоизмеримы с белорусской. Во-вторых, в Белоруссии не было нашей отсталой металлургической промышленности, полуразрушенной - угольной.

Л. М. Кравчук рассказывает об одной встрече Сталина с Пономаренко, одним из руководителей партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Это было сразу после войны. Сталин ему сказал, что в Украине ничего строить не надо, потому что Украина, мол, «для нас» вражеская страна, особенно - Западная. И, конечно, все украинское крестьянство. Кравчуку это рассказывал сам Пономаренко.

Белоруссия не тащила на себе такой груз, как 40 процентов союзной мощности военно-промышленного комплекса, причем, с незамкнутым циклом производства - сборочные заводы размещались в основном в России. И можно было пойти по пути часто непопулярных, но крайне необходимых реальных рыночных реформ тоже при достаточно жесткой централизации управления основными процессами.

Этот путь я и выбрал. Соответствующим образом комплектовалось и мое окружение (мне не нравится понятие «команда»), люди, которые понимали меня и на которых я мог положиться. В этом и вижу свою основную заслугу.

Если присмотреться к людям и политическим силам, которые на протяжении всех десяти лет моего президентства подвергали меня самой жестокой критике, то увидим, что это были левые - от крайних до умеренных. Случайно ли это? Кто громче всех осуждал меня за «авторитаризм», за «издевательство» над демократией? Те, кто по самой своей идеологии, по своей политической родословной ни в грош не ставили демократию. Наиболее респектабельным из этих критиков был лидер социалистов Александр Мороз. Одно время он считался чуть ли не совестью нации. Многие уверены, что он спас страну от еще большего завинчивания гаек с моей стороны. Разбудите среди ночи его поклонника - и он перечислит вам соответствующие его поступки. Среди них не будет одного из первых и для меня самых характерных поступков. Я говорю о циркуляре, который Мороз в качестве спикера парламента направил местным советам с предписанием выполнять только распоряжения Верховной Рады. «Большой демократ» Мороз хотел таким образом, под шумок первых дней моего президентства явочным порядком взять всю власть в стране в свои руки!

И что бы он делал с этой властью? Для решения каких задач, для проведения какой политики

он бы ее употребил? Задайте этот вопрос его самым горячим сторонникам и поклонникам, и вы убедитесь, что они знать не знают его программы, его конкретных предложений. Не читали, не слышали. То есть, кто-то, может, и читал, и слышал, да не вчитывался и не вслушивался. И не вдумывался. Не вдумывался в то, что за демократию Мороз боролся ради строительства социализма. Причем социализма, во многом похожего на советский социализм, не имеющий ничего общего с социал-демократией западного образца, для которой частная собственность так же священна, как и для либералов. Получается, что на словах борьба шла за демократию, а на деле - против нее.

Справа меня никто особенно не критиковал, а если критиковали, то главным образом за «пророссийский» курс. Не проходило дня, чтобы я не жалел, что ни в стране, ни в парламенте у меня нет реальной правой оппозиции. Пусть не очень сильная, пусть какая-никакая, но - реальная, то есть состоящая из серьезных, грамотных рыночников-либералов, способных завоевать голоса хоть малой части избирателей. Мне страшно не хватало силы, которая толкала бы меня в сторону либерализма, обвиняла бы меня в медлительности, непоследовательности, нерешительности - и тем самым помогала бы мне противостоять левым и популистам.

Почему я так и не дождался появления такой силы? Я думаю, потому, в частности, что я как раз и представлял собой искомую реальную правую, или либеральную силу. В экономике ничего правее просто не было. Это подтвердилось не совсем обычным образом.

Оппозиция, которую возглавил Ющенко, считалась либеральной, во всяком случае, недвусмысленно демократической, прозападной, рыночной из рыночных. Но стоило ей стать властью, и что мы увидели? Мы увидели не просто левую политику, а хуже, чем левую, - бал в стране стал править дешевый антирыночный популизм.

Пришлось лишний раз убедиться, что до самого окончания моего второго президентского срока в стране так и не появилась правая оппозиция. Самым правым оставался я, бывший «красный директор». Вспоминаю, каким скепсисом, каким сарказмом была встречена фраза, которую обронил как-то, кажется, в 2001 году в одной из газет Роман Безсмертный: *«Я знаю, что по взглядам Кучма - либерал».* В последний же мой президентский год и в первые месяцы «оранжевой» власти с этим согласились уже многие, даже те, кого весьма трудно было заподозрить в излишне коротких отношениях со мной.

16 апреля

Визит Путина в Германию - конечно, успешный визит. Формально поездка была приурочена к открытию международной Ганноверской ярмарки, в которой приняли участие десятки российских компаний. Фактически же визит вылился в масштабные переговоры в политической, экономической и других сферах. Российский президент провел серию встреч с канцлером Германии Герхардом Шредером.

Помимо совместного рамочного заявления Путина и Шредера «о стратегическом партнерстве в области образования, науки и инноваций», были заключены и конкретные договоренности, подписаны соглашения о сотрудничестве между российскими и немецкими компаниями, предусматривающие значительные инвестиции в российскую экономику. Российский газовый монополист «Газпром» договорился с германской BASF о создании совместного предприятия по строительству Североевропейского газопровода. Концерн E. ON AG получил право приобрести весомую долю в освоении Южно-Русского месторождения, а «Газпром» - эквивалентное участие в активах концерна в области сбыта газа и электроэнергии в Европе. Внешэкономбанк (ВЭБ) подписал кредитные соглашения с Deutsche Bank и Export-Finans Bank.

Производит большое впечатление мощная «раскрутка» в российской печати заявленного Путиным и Шредером намерения строить газопровод по дну Балтийского моря. Это сигнал Украине - как будет действовать Россия, если ей не удастся прийти к согласию с украинскими партнерами относительно перспектив стратегического сотрудничества в газовой сфере. Бросается также в глаза, что громкое объявление о новом транзитном мегапроекте делается спустя несколько недель после визита Путина в Киев, в ходе которого ему не удалось договориться с Ющенко, в частности - о судьбе газотранспортного консорциума.

Менее успешным визит Путина в Германию не мог быть, если учесть немецкую заинтересованность в российском газе, в российской нефти. Шредер обслуживает интересы немецкой экономики. И Путин обслуживает интересы российской экономики. Потому что только экономика может непредвзято засвидетельствовать, успешное правительство или не успешное. Она выставляет

отметки. Я тоже обслуживал интересы украинской экономики. Думаю, это стало особенно видно после того, как завершилось мое пребывание на посту президента.

Ющенко и Тимошенко не стали обслуживать интересы украинской экономики, и она сразу полетела под откос.

Ющенко попытался совершить «десять шагов навстречу людям». В его плане действий предусматривались заманчивые вещи.

Создать 5 миллионов новых рабочих мест (для этого - ввести систему госзаказа, обеспечить гарантированный доступ к кредитам для малого и среднего бизнеса, привлечь в экономику Украины инвестиций в 10 раз больше, чем в последний год моего президентства).

Обеспечить приоритетное финансирование социальных программ.

Увеличить бюджет за счет уменьшения налогов.

Развернуть решительную борьбу с коррупцией.

Создать безопасные условия для жизни людей. **d**

Защитить ценность семьи, уважение к родителям и права детей.

Содействовать духовности, укреплению моральных ценностей.

Содействовать развитию украинского села.

Повысить боеспособность армии, уважение к людям в погонах.

Проводить внешнюю политику в интересах народа Украины.

Легко заметить, что более-менее конкретными можно считать только первые три пункта. Остальное - общие слова. На деле это оказались шаги не к людям, а от людей.

Тимошенко попыталась обслуживать интересы не украинской экономики и не граждан Украины, а свои личные политические и экономические интересы. В результате экономика оказалась на грани тяжелого кризиса.

На этом фоне и стало видно, что я, в отличие от них, обслуживал интересы украинской экономики, и ничего больше.

20 апреля

Вчера говорил с Гальчинским. Обсуждали тему валютного курса. А сегодня доллар рухнул, вернее, его рухнули - резкая ревальвация, и это в условиях падения темпов производства, сокращения экспортного потенциала, наших намерений как можно скорее стать членом ВТО. Мы как чувствовали…

Гальчинский - это человек, который, как говорится, по работе, по долгу службы в свое время строго следил за процессами валютного регулирования в Нацбанке. Он был председателем Совета НБУ. Я всегда прислушивался к его мнению в этих вопросах. В свое время он защитил докторскую диссертацию по денежно-кредитным отношениям. В экономических вузах сегодня изучают теорию денег по его учебнику, написанному еще в начале девяностых годов (на хорошем, между прочим, украинском языке).

Денежно- кредитные отношения -его стихия. Его задача была - не допускать никаких перекосов в денежной политике. Он отрицательно оценивает любые резкие движения в денежно-валютной сфере. Категорически против! Обвальную ревальвацию гривни считает аномальной.

Кстати, при новой власти он оказался - не по своей воле - вне Национального банка. Его попросту оттуда выкинули, хотя срок действия Совета должен окончиться только в 2007 году. Так определено законом о Национальном банке. Для новой власти законы и в этой области оказались ничего не значащими. Типичная политическая расправа с близким сотрудником бывшего президента.

Разговоры о том, что новые власти могут в течение нескольких месяцев или полугода искусственно укрепить гривню, шли несколько последних недель. Но чтобы сделать так непродуманно… У меня это не укладывается в голове. Я думал, что к концу года гривня будет постепенно укрепляться. Но ни в коем случае не так, как случилось, - не одним махом. Я не знаю, что за теоретики там сегодня сидят.

Кажется, Ющенко сейчас попадает в ситуацию, которая мне хорошо знакома. Не знаешь, что делает и что замышляет твоя «свита», и не можешь проверить. Если он сам заявил, что выступает против манипуляции валютным курсом, а она вслед за этим осуществляется, то что это означает? Это означает, что жизнь «свиты» проходит мимо него.

Такие кардинальные вещи, как резкое снижение цены доллара, не должны делаться без президента. То, что цена доллара у нас была завышена и остается завышенной, - очевидно. Когда мы

переходили с купонов на гривню, курс доллара был установлен в 1,87 гривни - это была более-менее реальная цена. Потом, в годы мирового финансового кризиса, курс упал до 5,2 гривни за доллар в 1999 году. В этом были свои минусы и свои плюсы. Мы начали стимулировать экспорт. То же самое сделала и Россия. В свою очередь США с аналогичной целью опускают курс доллара. Ревальвация нам, конечно, нужна, но постепенная, а главное - предсказуемая, плавная. Нельзя было устраивать «дефолт» для людей, имеющих доллары. Нельзя было устраивать «дефолт» и для предприятий, работающих на экспорт, и для банков, значительная часть активов которых также представлена в иностранной валюте.

Когда я слышу, что пострадают одни «олигархи», которые продают за рубеж металл и товары химической промышленности, комментарий могу дать один: абсурд. Эти выживут, хотя их копилки станут более тощими. А как быть многим обычным предприятиям, в первую очередь - малому и среднему бизнесу, тем, кто работает практически с нулевой рентабельностью? К примеру, наша швейная промышленность. Многие фабрики работают на давальческой основе: западные ткани, западные лекала, западное оборудование, своя только рабочая сила, помещение и энергия. Им теперь выжить будет очень трудно.

Все- таки не укладывается в голове, что такое кардинальное решение могло быть принято без президента. Если это правда, то он должен был бы высказаться так резко, чтобы впредь ничего подобного не допускали. Но он молчит. Получается, что он явочным порядком до срока отказывается от своего исключительного положения в системе президентской республики, каковой до Нового года будет оставаться Украина.

С Анатолием Степановичем Гальчинским я познакомился в самом начале моего президентского срока. С этого времени и до конца второго срока мы работали вместе. Сначала он был советником, потом - советником и директором Института стратегических исследований. Вместе с ним работало много известных ученых - моих советников, консультантов, часть - в штате (Либанова, Василик, Кваснюк, Филиппенко), а такие люди, как Геец, Пасхавер, - внештатно. Мы провели много всеукраинских научных конференций. Это была очень полезная работа. Вся она проводилась только через институт Гальчинского. Он мог привлекать людей из других научных учреждений, хотя своих сил в институте было более чем достаточно.

Я с большим уважением отношусь к этим людям, к их интеллекту и патриотизму. На свою работу они смотрели как на служение Украине.

21 апреля

В прошлом году мы создали мощное ведомство, объединившее под одним началом транспорт и связь. У этого решения в годы моего второго президентства было предостаточно критиков. Можно и сегодня спорить, теоретизировать о том, насколько оправдан был такой шаг, но жизнь показала, что результаты работы и транспорта, и связи пошли вверх, и серьезно. Но дело даже не в том, следовало ли дальше оставлять ведомство в таком виде или реформировать его. Дело - в стиле управления, так сказать, в подходах.

После весьма недолгих дискуссий о судьбе ведомства премьер-министр Юлия Тимошенко принимает решение о разделе министерства. Но делает это за спиной министра Червоненко. Он, конечно, недоволен, свое недовольство выражает вслух. Несмотря на все заверения о единстве команды, говорит он, премьер-министр подала президенту свое предложение втайне от самого министра. И вообще, добавляет он, весьма многое ему непонятно. Почему, скажем, содержание подписанных главой правительства документов не совпадает с тем, что было одобрено на заседании этого самого правительства? Червоненко напоминает, что в европейских странах транспорт никто не отделяет от связи, Тимошенко же, мол, решила создать неразбериху, чтобы «подерибанить» ведомство «под выборы».

Есть ли где-нибудь на Земле другие такие примеры? Чем же заканчивается вся эта «дискуссия»? Премьер подает на министра в суд за клевету? Нет. Требует от президента уволить такого министра? Тоже нет. Она спокойно заявляет, что не следует обращать на него внимания. Мол, обижаться на него - все равно, что обижаться на плохую погоду. А на следующий день они в составе «единой команды», как ни в чем не бывало, продолжают свой «европейский выбор».

Я думаю о политической реформе.

Для меня это еще одно убедительное доказательство того, что политическая реформа в Украине крайне нужна. Должно быть что-то одно: или президентская республика, или парламентско-президентская. Или российский вариант, или европейский. Я думаю, лучше второй. Для меня это

было очень непростое решение. Я много сделал для укрепления института президентства. Многое пришлось начинать с нулевой отметки. Благодаря жесткой вертикали президентской власти, нам удалось в условиях глубочайшего экономического кризиса сохранить целостность государства, не потерять его управляемость, преодолеть гиперинфляцию, вывести экономику на траекторию высоких и устойчивых темпов роста.

Но сделать можно было значительно больше, если бы существовали эффективные механизмы взаимодействия правительства и парламента, а у президента - право роспуска парламента в случаях, когда эти механизмы перестают работать. Откровенно говоря, я устал от необходимости ежедневно выступать арбитром между Верховной Радой и Кабмином. Понимаю, что это не добавляло мне славы демократа. Но другого выхода не было: действующая Конституция не создавала должных противовесов. Без этого хаос неизбежен. Думаю, те, кто раньше критиковал меня за идею конституционной реформы, теперь убедились в моей правоте на примере новой власти. Ее первые месяцы показали, что дальше играть в прятки нельзя.

Поразительно! Исполнительная власть получила колоссальную поддержку в парламенте - и не занимается реформами. Все поглощены междоусобицей.

Для меня было неожиданностью то, что Ющенко так поднял роль секретаря СНБО. Он попытался сделать его параллельным премьер-министром, создать противовес Юлии Тимошенко, хотя есть закон, в котором четко определены полномочия СНБО. Никогда не думал, что личностные соображения будут играть такую роль. А ведь в действительности не нужно было изобретать ничего нового. Пусть бы Совет безопасности (точнее - его аппарат) занимался своими делами - подготовкой материалов для рассмотрения на заседаниях Совета. Но эта структура не должна командовать правительством! Кто может сказать, что Радченко, Марчук или Горбулин командовали правительством? Единственное, что мог секретарь СНБО, - написать письмо в правительство, министерство или ведомство с просьбой предоставить ту или иную информацию. Больше ничего!

А сегодня министр жалуется, что премьер подала секретарю СНБО Порошенко сфальсифицированную ею бумагу. Его возмущает не то, что у секретаря СНБО оказались такие полномочия, что ему подаются на утверждение (!) правительственные бумаги, а содержание бумаги…

Если бы я допустил такие изменения в системе власти, какие сегодня произошли в Украине, то был бы скандал на весь мир. Я получил бы десятки протестных заявлений: о том, что я укрепляю режим личной власти, скатываюсь к фаворитизму и прочим «измам».

Глава Администрации Президента назван Государственным секретарем, представляет страну за рубежом, его визиты в регионы освещаются, как премьерские. Мир молчит. Ребята это, наверное, воспринимают как карт-бланш на всю свою жизнь: делайте, мол, что хотите, раз вы «оранжевые революционеры», победители. Но это глубочайшая ошибка. Кажется, это понимают все. Это надругательство над правительством, над всей системой исполнительной власти, над законами Украины. В конечном счете - над Конституцией. Почему это произошло, и сколько мы еще потеряем от подобных управленческих экспериментов?

24 апреля

Став премьер-министром, Юлия Тимошенко начала нападать на руководителя акционерной компании «Нефтегаз Украины» Юрия Бойко, и в середине апреля он был снят. Удивительно не это, а то, как долго он продержался на своем посту после «оранжевой революции». Вчера Тимошенко продолжила свои нападки в грубой, угрожающей форме: «Есть такой руководитель НАК, уволенный Юрий Бойко, который сейчас бьется в истерике на пресс-конференциях. Хочу сказать, что он не зря бьется в истерике, потому что ощущает, что за то, что государство в 2004-м и 2003 годах каждый год недополучало по 6,5 млрд. грн., кому-то за это отвечать придется однозначно». Сама форма этого обвинения показывает, что оно пустое. Такие речи действовали в сталинское время, а сейчас они наверняка повиснут в воздухе.

Думая о подлинных причинах, я вспоминаю некоторые обстоятельства ее деятельности в то время, когда она была вице-премьером в правительстве Ющенко. Подписывалось соглашение о газовом долге Украины. Откуда-то всплыла дополнительная сумма - 450 миллионов долларов. Речь шла о бартерной сделке компании ЕЭСУ с Минобороны России. Через несколько лет после этой сделки Главная военная прокуратура России возбудила дело по нецелевому использованию как раз 450 миллионов долларов, выделенных на закупку стройматериалов в Украине, и предъявила обвинения бывшему начальнику главного управления военного бюджета и финансирования Мин-обороны РФ Георгию Олейнику. Юлия категорически отказалась признать эту сумму долгом

ЕЭСУ. Россия продолжала настаивать на своем. Нас буквально давили. Хотели, чтобы Украинское государство «повесило» на себя 450 миллионов! Но мы сказали: «Не делайте из нас дураков. Один раз вам это удалось, когда Пинзеник по своей неопытности в 1992 году подписал признание долга в сумме 2,2 миллиарда долларов. Больше такого не будет. Тогда это не был долг государства. Это был долг корпоративный, долг частных предприятий. Мы под вашим давлением взяли его на государство. А вы решили второй раз проделать над нами эту же нечестную операцию. Но теперь этот номер не пройдет!»

За мои последние президентские годы мы рассчитались с долгами (миллионов 900 долларов) с Туркменией. Это был долг «Нефтегаза». Рассчитались и с Россией - причем, по такой схеме, что сэкономили, по-моему, 43 процента. Конечно, это большие суммы. В прошлом году (2004) «Нафтогаз» вышел на внешние финансовые рынки. Он разместил облигации, начал осуществлять прямые заимствования. Внешний рынок оценивает экономическую структуру лучше, чем любой внутренний аудит. Смотрят, как она рассчитывается с долгами, есть ли у нее прибыль, в каком состоянии бухгалтерия, и т. д. Когда видят, что все в порядке, охотно дают кредиты, делают скидки, соглашаются на льготные условия. Я это говорю к тому, что снятый Юлией Тимошенко (а сняла его фактически она - президент только подписал указ) Юрий Бойко успешно прошел более серьезную проверку, чем та, что ему устроила Тимошенко.

26 апреля

Продолжаются разговоры о приватизации - о том, сколько и какого добра «при Кучме» было продано «за копейки». При этом предполагается, что объект, который сегодня стоит миллион, столько же стоил и десять лет назад, и пять. Для всех, кто ведет этот разговор и кто его слушает, само собой разумеется, что делалось это по команде или, по крайней мере, с ведома Кучмы и его «приближенных».

Это большая глупость и просто дикая несправедливость. Цена объекта, приватизируемого в условиях кризиса, и цена объекта, приватизируемого в условиях экономического роста, - несоизмеримы. И приватизацию не проводила какая-нибудь одна личность, а Фонд госимущества и Кабмин. Были приняты определенные законы и процедуры. В парламенте многократно и подолгу обсуждался каждый пункт, каждая запятая. Наверное, как раз поэтому и было допущено столько нелепостей и противоречий, что сегодня те же самые депутаты диву даются. «Думали, совки несчастные, не о том, как сделать, чтобы объект быстрее попал в хозяйские руки, а как бы умудриться никому его не отдать - пусть лучше пропадет», - это некоторые из них говорят о себе сегодня. А тогда они говорили о справедливости и государственном интересе.

Плюс - отсутствие опыта. Сегодня мы находимся на таком этапе, когда можем оглянуться по сторонам, поучиться чему-то у других. А тогда нам было просто некогда голову поднять, и никому в мире до нас не было никакого дела. Никто не интересовался нашими объектами, не было ни одной серьезной западной фирмы, которая пришла бы к нам с целью принять участие в приватизации какого-нибудь простого, обыкновенного, не стратегического объекта вроде того же пионерлагеря или ведомственного санатория. Мы варились в собственном соку - с нашим-то советским менталитетом!

И во многом с тем же менталитетом теперь кричим о разворовывании, о раздаче «за так». Украина славилась двумя всесоюзными детскими здравницами. Это «Артек» в Крыму и «Молодая гвардия» в Одессе. Похожая была еще в Евпатории. Слава Богу, что я обратил внимание на «Артек» - такое было имя, такая слава, что я взял его под свой патронат. «Отобрал» эту Вещь с большой буквы у Крыма, то есть у местной власти, и отдал в государственное управление. Международный детский центр «Артек» был подчинен Государственному управлению делами («ДУСе»). Только это и позволило заняться сначала восстановлением, а потом и развитием лагеря. Сейчас его уровень соответствует лучшим европейским стандартам, ЮНЕСКО признала его международным центром. А еще несколько лет назад все рушилось на глазах. К сожалению, сделать в «Артеке» все, что задумывалось, мы не успели.

Иное - детский центр «Молодая гвардия», который по непонятным причинам оказался у «пионеров» - в собственности Союза пионерских организаций Украины. Желающие могут поехать посмотреть, что представляет собой этот объект. Он приходит в упадок. В конечном итоге кто-нибудь снесет остатки и что-то построит на освободившемся месте. А пока сделать что-либо с этим комплексом решительно невозможно. **е**

Наше законодательство (скажем спасибо депутатам, которые всегда стоят на страже… толь-

ко не всегда известно, чего) не позволяет что-либо отобрать у общественной организации. Точно так же невозможно отобрать санатории, базы отдыха у профсоюзов и ведомств. Теоретически все правильно, все либерально, все в духе демократической законности. А практически - огромные ценности предоставлены в распоряжение природным стихиям: дождю, снегопаду, ветру.

Объекты, принадлежащие профсоюзным организациям СССР, перешли в собственность Федерации профсоюзов Украины. Это было, на мой взгляд, фантастически нелепое и неправомерное решение. Передать имущество советских профсоюзов Украины постсоветским украинским профсоюзам - это я могу понять. Но союзные профсоюзы (ВЦСПС) к украинским не имели никакого отношения. Имущество ВЦСПС должно было перейти в государственную собственность Украины. И попытки сделать именно так - передать это имущество Фонду госимущества - были, но так и не увенчалась успехом.

Все профсоюзные санатории, как и все отраслевые санатории и базы отдыха, находятся в ужасном состоянии. Можно критиковать, например, Министерство здравоохранения за пренебрежительное отношение к своей собственности. Но если у него не хватает денег даже на лекарства, то где оно возьмет средства на содержание санатория? И вообще, разве это, по большому счету, вопросы государства? Государство должно обеспечить людям достойную зарплату, чтобы они могли поехать и отдохнуть.

Все дело в том, что не была создана законодательная база, которая позволила бы передать большую часть этого добра в частные руки. Народные депутаты (в первую очередь, естественно, коммунисты и социалисты) не хотели и слышать о таком способе решения проблемы. Оглядываясь назад, я не только радуюсь, но и удивляюсь, как при подобных настроениях нам удалось приватизировать сеть общественного питания - кафе, столовые, буфеты.

А теперь заявляют, что во всем виноват Кучма, что-де он оставил непочатый объем работы для правоохранительных органов. Говоря серьезно, это предмет не для прокуратуры, не для следователей, а для историков - для историков хозяйственной жизни Украины времен независимости. Соберите всех, кто был председателем Фонда государственного имущества с первых дней его существования. Пригласите Александра Пасхавера - он признанный в мире специалист по этим вопросам. Устройте «круглый стол». И пусть каждый расскажет, как он работал, в каком положении находился, что` мог делать и чего не мог.

И где все были… Пригласить и Виктора Ющенко как бывшего премьер-министра, и Бондаря, который при нем был председателем Фонда, и расспросить: кто все-таки повседневно и полноправно занимался приватизацией - правительство, Фонд госимущества, входивший в систему правительства, или президент страны с его администрацией? И убедиться, что все механизмы были в руках правительства.

Другое дело, повторяю, - какие это были механизмы. Всмотреться в них, поднять историю каждого из них, и можно легко убедиться, что все предложения президента были направлены на то, чтобы приватизировать как можно больше, как можно быстрее, как можно выгоднее для будущих хозяев и для страны. И как можно прозрачнее, с минимальными оговорками, ограничениями и рогатками. В этих вопросах я был и всегда оставался сторонником золотого правила: успехи государства определяются успехами частного капитала. Что выгодно компании «Дженерал моторс», то, как известно, выгодно Америке. Для американцев это само собой разумеется. Что выгодно «Азовстали», то выгодно Украине. Украине выгодно и то, что выгодно фермеру, собственнику магазина, просто - торговцу. В стране, которая 70 лет не знала, что такое частная собственность, это, к сожалению, еще не само собой разумеется.

Я говорю об этом не для того, чтобы оправдываться. Несправедливость и безосновательность слов той же Валентины Семенюк: «При Кучме было украдено 25 тысяч объектов», - самоочевидна для всех серьезных людей, а «морозоподобным» я что-либо доказывать не собираюсь.

Как опровергать бред? Опровержением служит сама цифра: 25 тысяч. Когда речь идет о таком количестве, слово «воровство» годится разве что для митингов.

Моя цель другая: напомнить состояние умов, атмосферу, а также реальную экономическую ситуацию, в которой в Украине проводилась приватизация. И как легко люди забывают то, что им не хочется помнить. Ведь и парламент как ветвь власти, и возглавлявшаяся госпожой Семенюк парламентская комиссия по вопросам приватизации несут ответственность за все, что происходило в стране.

27 апреля

Банковая закрыта для пешеходов. Мне такое не приходило в голову даже 9 марта 2001 года, когда толпой была предпринята попытка штурма Администрации Президента. Народ начал возмущаться. В первую очередь возмущаются жители этой улицы. В магазин сходить, просто куда-то выйти, а потом вернуться - проблема. Может, им пропуска выдадут? Невероятно: начать новое правление с попытки устроить посреди Киева китайский «Запретный город»! Ющенко увлеченно рассказывает о своих планах. Он действительно хочет превратить в «Запретный город» Мариинку и прилегающую к ней территорию со зданием Министерства здравоохранения, которое используют под офис и жилье.

Но я ставлю себя на место обычного жителя Киева. Приехал ко мне гость из другого города или страны. Я хочу показать ему такую достопримечательность украинской столицы, как Дом с химерами, - а как его показать? Со стороны театра Ивана Франко? Через черный ход? Но если Банковая закрыта, то как ты подойдешь к Дому с химерами? И закрыта она как раз перед этим домом. Старушке из углового дома, чтобы добраться до станции метро, теперь надо спуститься вниз, потом подняться наверх! Какое-то странное самодурство. А с другой стороны, каждый день перекрывают подходы к президентской Администрации ходоки со всей страны. Как к Ленину…

Почти в каждом выпуске телевизионных новостей присутствует сюжет о каком-нибудь очередном пикетировании Администрации Президента, которая теперь называется Секретариатом. Подсказывается вывод: власть теперь отрыта, как никогда. Каждый может явиться чуть ли не на рабочее место президента и устроить пикет, причем, безнаказанно.

Проблем в стране действительно масса. Трудноразрешимых и вовсе неразрешимых ситуаций - несметное количество. И люди потянулись на Банковую. Не пройти, не проехать. Стало ясно, что пикетированию здесь не будет конца.

Я представляю себе эту неожиданную трудность, возникшую перед Ющенко и руководителями его Секретариата. С одной стороны, свобода есть свобода, а с другой - такая вот нелепость. Если пикетирование продлится еще какое-то время, то в обществе может сложиться мнение, что президент не обращает внимания на требования трудящихся. Да и проводить весь рабочий день в окружении пикетчиков - не хватит, как говорится, никаких нервов.

Так, по- моему, возникло решение закрыть улицу. Получился конфуз, что называется, на пустом месте. При «диктаторе» Кучме улица, где он работал, была открыта, а при «демократе» Ющенко оказалась закрытой. На повестку дня встал вопрос «большой» общественной важности: «Когда откроют Банковую?» Его каждый день задают назойливые журналисты. Ответ в таком случае, естественно, может быть один: скороа.

Жалобщиков теперь направляют по старому адресу, на Шелковичную, 12, где вместо таблички «Приемная Администрации Президента» повесили табличку «Общественная Приемная Президента». Для успокоения людей сообщают, что кадры приемной обновились на 30%, что там уже несколько раз побывал сам Ющенко, а его первый помощник Третьяков заглядывает чуть ли не каждый день. У меня такое впечатление, что хлопцы продолжают предвыборную саморекламу, но начинают уже путаться в ней и все чаще теряются. Им не может быть приятно, когда в каждом телевизионном репортаже с Шелковичной звучат одни и те же слова: ничего не решается, все жалобы все равно возвращаются тем, на кого жаловались. Или такое: «В дни Майдана нас старались укрыть от снега и дождя, обогреть и накормить. Для этого даже захватывали помещения. Теперь же нас спокойно выгоняют под дождь вместе с детьми, как только заканчиваются часы приема».

Еще в начале февраля президентская пресс-служба сообщала: «Отныне улица открыта для пеших прогулок… Виктор Ющенко убежден, что лицо европейского города не ассоциируется с заборами, оградами и шлагбаумами… В прошлом остались времена, когда правительственные здания были отгорожены от народа, и возле каждого из них стояли милиционеры».

Виктор Ющенко убежден, что «отгораживаться заборами от народа - это традиция старой власти, от которой пора отказаться».

Прошло два месяца, и появились заграждения, более внушительные, чем были при «старой» власти. И таблички: «Уважаемые граждане! Проход и проезд временно ограничены в связи с проведением охранных мероприятий (в соответствии с Законом Украины «О государственной охране органов государственной власти Украины и должностных лиц» от 4.3.1998 № 160/98-В)». Как заявила пресс-секретарь Ющенко, ограждение теперь всегда будет устанавливаться во время пребывания Виктора Ющенко на рабочем месте. Дескать, «в помещении на Банковой работает президент, который является охраняемым лицом, и это является требованием Управления

государственной охраны». Пресс-секретарь дополнительно пояснила: «Во время митингов - крики, свистки, гуделки… На Банковой тоже работают люди, а на прилегающих улицах тоже живут люди. Поэтому президент обратился с призывом придерживаться политической культуры» (13.04.2005 г.).

Я не злорадствую. Я думаю, как эти «мелочи» скажутся на результатах будущих парламентских выборов.

История с Мариинским дворцом… Ющенко объявил, что в помещении на Банковой долго работать не будет: над ним, мол, «витает дух Кагановича». Не исключено, что ради этой красивой фразы все и затевалось. Дух Кагановича витает не только над зданием бывшего ЦК КПУ, о котором идет речь. И не только Кагановича. Дух Сталина витает над Кремлем. Над всей Москвой витает дух Ивана Грозного. Над всем Киевом витает дух гитлеровской администрации 1941-1943 годов.

Если следовать логике Ющенко, то не только в Украине и России, но и на всей Земле не найдется подходящего места для такого ранимого человека. Ющенко наметил себе «под кабинет» помещение Министерства здравоохранения, а под резиденцию - Мариинский дворец.

Никто не спешит прислушиваться и к общественному мнению. Оно не так уж единодушно одобряет планы президента. Мне попались на глаза результаты опроса киевлян. 60 процентов опрошенных считают, что нужно было провести общественное обсуждение необходимости строительства или дорогостоящей реконструкции административного здания для президента и его аппарата. У людей нет уверенности, что Виктору Андреевичу понравится в новом помещении. Как едко заметили журналисты: стремясь вырваться из «византийства» на Банковой, с его позолотой и помпезностью, Виктор Андреевич должен будет полюбить или изначальный стиль Мариинки - рококо, или стиль Людовика XVI, в котором дворец был восстановлен после пожара. «Рушники с прялками и сундуками туда вряд ли впишутся», - язвят журналисты.

Все это меня удивляет. Я не думал, что Ющенко будет придавать значение таким вещам, причем - в ущерб своему авторитету.

28 апреля

Короля играет свита. В наше время это аппарат президента. Что он представляет собой? Что это за люди? Какова их психология? Она одновременно и очень простая, и очень сложная. С одной стороны, аппарат, кажется, ловит каждое твое слово, готов выполнить все, что ему скажешь. А с другой стороны, он всегда играет свою игру. Он делает это по двум причинам. Во-первых, большие и малые аппаратчики преследуют свои личные и групповые цели. Во-вторых, люди не всегда могут понять, чего ты от них хочешь. Дело идет хорошо тогда, когда аппарат принимает твои идеи и намерения, как свои. Но добиться этого бывает очень трудно. В таких случаях говорят: сколько вобьешь, столько и въедешь.

И, конечно, допускаются злоупотребления. Всегда находятся смельчаки, которые начинают действовать от твоего имени. Вдруг случайно узнаешь, что ты, оказывается, принял такое-то решение, дал кому-то такое-то поручение. На что рассчитывает работник, который узурпировал твои полномочия? Он рассчитывает на то, что человек, которому он сказал: «Это решение президента», не будет проверять, так это или не так. И обычно такой расчет оправдывается. Возле каждого ведь не поставишь контролера.

А время идет, контора пишет, и вот ты незаметно для самого себя становишься автором политики, которая тебе глубоко чужда. За нее на тебя валятся все шишки, и тебе остается или молча их собирать, или принимать радикальное решение. Что-то похожее происходило со мной и происходит, по-моему, сейчас с Ющенко. Он попадает как раз в такую ситуацию. Он уже, наверное, на 90 процентов не знает, что делает его команда. Вот он вынужден только что заявить, что он против резкого укрепления гривни. Но ее уже укрепили! Значит, такие кардинальные вещи делаются без него, без президента. То есть свита играет свою игру… Иногда даже пытается играть **по-крупному, на уровне большой политики, принципиальных решений.**

Хуже всего, когда люди, приближенные к первому лицу государства, используют свое положение в грязных, преступных целях. Это уже трагедия - трагедия не только для президента, а для общества в целом.

Это и подтолкнуло меня к политической реформе, к схеме: ответственный парламент - ответственное правительство. То есть парламентско-президентская республика. Такая схема позволяет уменьшить риски. Страной управляет коллективный орган. За ним постоянно следят глаза и

уши партий, политических сил, имеющих большинство в парламенте и сформировавших правительство.

Президентская форма плоха тем, что, хочешь ты или не хочешь, многое за тебя решает твое окружение. Я понимаю Путина, который набрал к себе в Кремль своих бывших сослуживцев из Питера. Ему нужен был хоть какой-то минимум уверенности, что они не подведут. Так поступают все и всюду - от США до Японии.

А кого из бывших сослуживцев мог позвать к себе на Банковую я, когда стал в 1994 году президентом? Конструкторов-ракетчиков? И что бы они делали в президентской администрации?

Может быть, я чего-то не понимаю… Осудив резкое укрепление гривни, Ющенко тут же добавил, что вообще-то проводимую правительством и Национальным банком курсовую политику одобряет, но считает, что такую работу «нужно обсуждать и согласовывать».

Я, по своей простоте, спрашиваю себя: кто это говорит? Президент страны или, скажем, лидер какой-нибудь партии? Если с тобой не согласовывают государственные дела первостепенной важности, то как ты можешь работать, выполнять свои обязанности, отвечать ожиданиям людей, которые тебя избрали? И как понять, что ты жалуешься общественности на то, что с тобой не считаются? Или это не жалоба, а обыкновенное высказывание своего мнения?

Может быть и так, что Ющенко сознательно допустил все это в порядке реализации принципа разделения властей… В отличие от меня, он занял такую позицию: у меня есть правительство, я ему доверяю - спрашивайте с него. Это зависит от характера. Все знали, что я, например, экономикой занимался непосредственно. Я проводил совещание за совещанием, встречи, обсуждения. Это все видели. Все принципиальные экономические решения всегда связывали не с правительством, а со мной. Ющенко свою нишу президента, как видно, понимает иначе. Он не хочет «пачкать руки» экономическими проблемами: сколько стоит мясо на базаре или почему растет гривня в ущерб экспортерам. Но покритиковать правительство или председателя Национального банка как бы сверху и со стороны - это он считает уместным и необходимым.

Но ведь все, в том числе и Ющенко, хорошо знают, что руководитель Национального банка Стельмах не такой человек, чтобы единолично принять решение о ревальвации. Это было бы нарушением существующего порядка. Порядок требует, чтобы собрался Совет банка и рассмотрел этот вопрос. По-другому Стельмах поступить не мог. Он до мозга костей банковский человек. И он до мозга костей - преданный президенту человек.

Но если Совет НБУ не собирался, а решение о ревальвации было принято, значит, это было сделано волевым способом через голову Стельмаха. Его вынудили еще и оправдывать это решение. Кто же применил этот волевой способ? Кроме Юлии Тимошенко, некому. Она глава правительства. Значит, у нее уже столько власти, что она может ею злоупотреблять в таких принципиальных вопросах? Не знаю. Или это было коллективное решение… Но что это за коллектив, который может себе позволить принятие такого принципиального решения, которое тут же подвергается президентской критике?!

В общем, не удивлюсь, если все это - игра на публику. Президент не мог не знать, что за блюдо готовится на кухне, где он когда-то был главным поваром и знает все ходы и выходы, все каморки и закутки, - на кухне, где теперь распоряжается такой верный ему человек, как Стельмах.

1 мая

При назначении членов правительства я всегда советовался с основными политическими силами, с их лидерами. Их мнения в той или иной мере, так или иначе учитывались. Всем, конечно, не угодишь, но я не вижу ошибок в назначении министров.

Министрами работали нормальные, квалифицированные люди, хотя не все обладали достаточным опытом. (После «оранжевой революции» ловишь себя на том, что слово «нормальные» невольно приобретает в таком разговоре почти медицинский смысл. Ведь среди членов первого «послереволюционного» правительства пришлось увидеть, как говорят врачи, довольно странных людей как раз с этой, медицинской, точки зрения.)

Ни блаженных, ни буйных, ни кухарок, ни поваров, ни охранников, ни, слава Богу, публицистов с политологами и «политтехнологами» я не ставил руководить целыми отраслями народного хозяйства и государственными ведомствами.

А послушать некоторых представителей перечисленных категорий, так из десяти моих президентских лет только один год был благополучным в отношении кадровых решений - двухтысячный, когда я назначил премьер-министром Виктора Ющенко. Единственное светлое пятно в исто-

рии независимой Украины! Тогда было хорошо, во все остальное время плохо. Не вспоминают, что как раз тогда, с подачи правительства, был включен печатный станок, а инфляция с 10 процентов поднялась почти до 26. Каждая четвертая гривня в бюджете была пустой, ничем не обеспеченной - имела инфляционную природу. В итоге реальная заработная плата уменьшилась на 0,9 процента. Не выросла, как об этом трубят на каждом шагу, а упала. Это - официальная статистика.

Массовое движение, нацеленное против одного правления в пользу другого, против одной эпохи с надеждой на пришествие другой, не может обходиться без мифов и «дутых» фигур. После победы обязательно начинается отрицание и очернение всего, что было связано с прежними порядками. Составляется большой, так сказать, «темник»: о чем надо молчать, а о чем - говорить, и как говорить - отрицательно или положительно, как истолковывать те или иные события прошлого. Такова уж наша ментальность. В немалой степени «темник» составляется стихийно. Так происходит сейчас и в украинском случае. Большой свободы слова после «оранжевой революции» я не заметил. Может, лучше сказать: свободы мысли. В печати и на телевидении стала преобладать одна мысль, один взгляд на недавнее прошлое - негативный. И какая разница, чем продиктовано это единогласие - самовнушением журналистов или внушением со стороны властей?

Выросшую за время премьерства Ющенко инфляцию мы усмирили жестким валютным курсом, хотя в общем к этому способу регулирования старались не прибегать. В то время в стране еще не было такой денежной массы, которая могла бы вызвать то, что видим сегодня. Инфляцию невозможно усмирить административными инструментами. Для меня это было азбучной истиной. У тебя появились деньги, ты пришел в магазин, а товара там мало. Раз товара у меня, продавца, мало, а денег у тебя, покупателя, много, я поднимаю цены, чтобы не упустить свою выгоду. Как сегодня на базаре: сверху на прилавке лежат кости, они дешевые, на ценнике нарисовано то, что продиктовала Юлия Владимировна, а хочешь настоящее мясо - плати в четыре раза дороже. Кто-то сказал, что ей надо дать билет коммунистической партии номер один. Она вернула в страну очереди и дефицит. И, конечно, подняла престиж директоров гастрономов.

Что только ни обещала Тимошенко на протяжении короткого времени, когда цены на мясо вдруг перестали слушаться правительство и взмыли вверх! Какие только экстравагантные «коленца» ни выкидывало это самое правительство в ответ на «непослушание» цен! Сначала уменьшили ввозные пошлины на импортное мясо. Соответственно, пообещали, что цены на мясо за месяц упадут вдвое, а на говядину и вовсе - за полторы-две недели.

Почему- то не упали. Решили проводить интервенции на мясном рынке, а для этого закупать мясо на аукционах. Подписали с птицеводами меморандум о снижении цен на птицу на 10-15 процентов. Можно только догадываться, сколь добровольным был этот шаг со стороны птицеводов. «У нас нет проблем с тем, чтобы контролировать розничную торговлю. Мы имеем политическое решение и не допустим спекуляций на розничных рынках мяса», -заверяла Тимошенко. Объявили о создании на всех рынках мест, где будет торговать исключительно производитель, а никак не спекулянт и перекупщик. «Напрягли» по этому поводу всех губернаторов: создавайте - головой отвечаете за то, чтобы «было, как вам сказали». Ввели ежедневный мониторинг цен.

«Чтобы снижение надбавки производителей не пошло в карман спекулянтов», - заявила премьер. Объявили о сокращении срока выплат дотаций аграриям до двух недель. То есть производитель будет получать теперь дотацию не через полгода, не через год, а в течение двух недель. Параллельно выделили Госрезерву 500 млн. гривен для интервенций на рынке мяса. Заявили об усилении мониторинга цен. «Мы усилили это направление, и мы уже имеем обратную реакцию», - взбадривала себя Тимошенко. Провели аукционы, на которых закупили по ценам, которые давно никто не видел на рынке, свинину и говядину. (При этом никто не стал обращать внимания на то странное обстоятельство, что победителем обоих аукционов стала фирма под названием ООО «Информационные технологии». Что это за «информационные технологии», по которым закупают мясо…) «Думаю, что украинская нация не будет вегетарианцами… Мясо не будет предметом роскоши», - пообещала премьер.

Цены же почему-то упорно не хотели снижаться. Задаться бы вопросом, почему все-таки это происходит. Нет, вместо этого пошла новая волна «пиара», «изюминкой» которого я бы назвал следующее сообщение: «Тимошенко лично контролирует правительственную «горячую» линию для производителей мяса, желающих самостоятельно продавать продукцию». Живо представляется эта картина: премьер дежурит на телефоне, следит, чтобы чутко выслушивали, никого не посылали «куда подальше», всем помогали…

Уму непостижимо. В двадцать первом веке, после победы «революции», которая называется демократической, первым делом, без всяких оснований, на пустом месте восстанавливается большевистский институт уполномоченных! Уполномоченные по наведению ценового «порядка» на базарах. Такие же уполномоченные на бензозаправочных станциях. Отряды «легкой кавалерии» для изобличения и поимки нарушителей, номера телефонов для сбора доносов…b

Диву даешься - ставка в борьбе с инфляцией сделана на импортные товары вместо стимулирования отечественного товаропроизводителя. Вместо того, чтобы активно поддерживать своего производителя, правительство стимулирует импорт.

В моем понимании, это - преступление. Я и дня не держал на службе руководителей, если вдруг обнаруживал в них такой менталитет.

Они пугают, а мне не страшно. Когда-то так выразился один писатель о произведениях другого. А я говорю о лидерах новой власти. Пугают они меня перспективой возвращения к большевистской системе «планового хозяйства» со всеми ее эксцессами. Вплоть до кровавых.

Когда- то я мечтал стать учителем истории или литературы. Так вот, если бы я был сегодня учителем истории, я бы использовал материал текущих экономических событий в Украине для пояснения того, что происходило после победы большевиков в 1917 году. И не только большевиков, и не только в 1917 году. Более чем достаточно и более поздних примеров. Скажем, победа крайних левых в Никарагуа. Я имею в виду логику борьбы -логику, которая приводит победителей к террору. Они приказывают тем же ценам снизиться, а цены не снижаются. Приказывают рынку наполниться товарами, крайне нужными трудящимся, а рынок не наполняется, товары уходят под прилавок, развивается «спекуляция». Что делать? Искать виноватых? Но виноватые уже найдены: торговцы, перекупщики, «несознательные» товаропроизводители, которые думают только о своих прибылях, а не о благе трудящихся. Для начала этих «врагов» предупреждают. Потом - предупреждают строго. Перемен к лучшему, однако, - никаких. Наоборот, чем больше строгостей, тем хуже со снабжением самыми необходимыми вещами. Отсюда сам собой напрашивается вывод: строгости должны быть запредельными. Тюрьма, расстрелы. Вот чем пугают меня меры, которые предпринимает власть для «наведения порядка» на рынке мяса, нефтепродуктов (не знаю, какие товары появятся в этом перечне завтра).

Почему же мне не страшно, а только печально? Потому что на дворе не 1917-й, а 2005-й. Другое время, другая страна, другая внутренняя и международная обстановка. «Оранжевый» необольшевизм обязательно захлебнется. Ребята бросят «этих глупостей», как говорят в Одессе. Мне только очень неловко за них. И отчасти - за себя. Ведь это же мои кадры.

2 мая

Начальником предвыборного штаба Януковича Сергей Тигипко пошел в уверенности, что после победы станет премьер-министром. Правда, как все, он одно время серьезно относился к разговорам, что я планирую остаться у власти. Он тоже думал, что я таки наметил себе усиленное политреформой премьерство при президенте Януковиче. Я ему объяснил: «Сергей! В большой политике я свое отработал. Вот я тебе в глаза смотрю и однозначно говорю: никогда не пойду в премьер-министры. Ты можешь представить меня премьером после президентства - под новым президентом? Я - нет. А разговоры, они разговорами и останутся». Он возглавил штаб Януковича. Состоялся ли у него разговор с Януковичем на тему премьерства, не знаю.

Был бы ли он хорошим премьером? Да. Он прошел хорошую школу, работая в правительстве, в банковской сфере, возглавлял НБУ. Человек либеральных взглядов. В нынешний «большевизм» играть не стал бы.

Согласен, что новая власть могла где-то внести коррективы. Но это тактические задачи. А правительство Юлии Тимошенко изменило стратегию. Вернее, она *изменила моей стратегии.* Не знаю, насколько осознанно она это сделала. Все, что стало твориться в правительстве, - это необольшевистский популизм. Объявляют: звоните нам о таких-то нарушениях, вот номер телефона прямой линии. Это абсурд. Для непосредственной работаты с «письмами и заявлениями трудящихся» существуют соответствующие службы, заведен определенный порядок. Если правительство, вместо того, чтобы заниматься стратегическими вопросами и управлять страной, будет реагировать на десятки тысяч звонков, во что оно превратится? А если не будет реагировать, то зачем делать вид, что будет? И зачем людей провоцировать на жалобы?

Доносы да жалобы - наш национальный жанр. Дальновидно ли создавать целую машину для переработки этой продукции? Ясно, конечно, что никто не собирается ее создавать. Это просто

правительственная самореклама. Но прибавляет ли она солидности правительству? Тигипко, несомненно, не впал бы в эту «детскую болезнь левизны».

3 мая

Не приходится отрицать, что украинский парламент много сделал для демократии. Но в то же время еще больше он сделал для замедления демократического реформирования страны. Серьезное требование разогнать парламент я воспринял бы как сигнал того, что в обществе есть все-таки понимание страшной противоречивости этого учреждения. А то, что такого требования ни разу не поступило, лишний раз свидетельствовало, по-моему, просто о большом равнодушии общества к главной «говорильне» страны. Сейчас у меня нет особой нужды соблюдать политкорректность, поэтому могу высказываться прямее. Если совсем прямо, то должен сознаться, что мне просто скучно говорить на эту тему. Я знаю, что людям она по-настоящему неинтересна. Они решат, что я касаюсь ее по какой-то обязанности.

В известном смысле они правы. Я считаю себя обязанным, насколько возможно, исчерпывающе объясниться по вопросу, который попортил мне очень много крови.

Конституцию, с которой Украина начинала свое независимое существование, я называю советско-украинской. Она устанавливала президентскую форму правления. Наверное, только Петр Симоненко и Александр Мороз (да и то лишь публично, а не в разговоре с серьезными людьми) будут отрицать, что эта форма правления была наиболее близкой и понятной абсолютному большинству народа. Без сильной президентской власти было бы совершенно невозможно оторвать страну от социализма на такое почтительное расстояние, на какое мне удалось ее оторвать, пусть и с огромными потугами. Не случайно практически все постсоветские страны избрали президентскую форму правления. Если бы у нас была парламентско-президентская республика, да при этом - без конституционного механизма обеспечения взаимной ответственности парламента и правительства, стране была бы, как говорится, «хана». Самые необходимые законы топили бы в парламентском словопрении, а самые нелепые и вредные принимались бы на «ура» в зале заседаний и на смех - всему миру.

Кто не верит, пусть для интереса поднимет хотя бы десятую часть законопроектов, которые я забраковал за годы работы президентом. Это - бесценный материал для сатирика. Если бы у нас была парламентско-президентская, а тем более - парламентская форма правления, то весь этот законодательный бред превращался бы в полноценные с юридической точки зрения и разрушительные - с практической законы.

Даже президентская форма правления у нас не могла предотвратить возникновение непреодолимых противоречий между парламентом и правительством. Правительство отвечало за реальную экономику, за проведение во многом непопулярных рыночных реформ, а парламент играл в свои игры. Они имеют очень емкое название: популизм.

В этой ситуации единственным арбитром выступал президент. Располагая возможностью издавать указы, приобретавшие (после определенной процедуры) силу закона, он по сути становился основным действующим лицом в процессе демонтажа старой системы, с одной стороны, и в нормативном обеспечении рыночных преобразований - с другой. Речь идет об указах экономического характера. Это право предоставлялось президенту на ограниченное время.

Соответствующая норма была внесена в «Переходные положения» Конституции 1996 года (раздел XV). Наиболее сложные, непопулярные, ключевые решения по вопросам рыночных преобразований принимались именно указами президента. Не берусь даже называть главные из них. Они касались абсолютно всех сфер - от валютного регулирования и земельной реформы (первые мои указы) до стимулирования высокотехнологичных отраслей. На фоне нынешних неурядиц в секретариате Ющенко я только сейчас начинаю понимать, насколько важную роль в реализации президентских функций играл аппарат моей администрации. На его плечи легла вся тяжесть интеллектуального и организационно-технического обеспечения необходимых решений. А ведь средняя зарплата работников Администрации была ровно в восемь раз меньше нынешней.

Итак, Конституция, при всех ее недостатках, все-таки позволила нам, пусть и со страшным скрипом, преодолеть самый первый этап так называемого «капиталистического строительства». По ходу дела мне становилось все яснее, что дальше с нею нельзя двигаться, если президент не будет иметь хотя бы такого элементарного демократического права, как роспуск парламента в строго определенных случаях. Без этого парламент оказывается совершенно безответственным. С одной стороны, он будет и дальше жаловаться на свое бесправие, на президента, который «сосре-

доточил в своих руках всю власть» или «полноту власти», на «плохой» Кабинет Министров. С другой стороны, парламент будет и дальше «кайфовать», ни за что не отвечая.

Ловлю себя на том, что ни я, ни мои единомышленники так, кажется, и не смогли как следует объяснить населению, что значит «безответственность» и что значит «ответственность» парламента. Не снимая с себя вины за это, еще раз скажу, что в массе не было заметного желания слушать наши объяснения. Их пропускали мимо ушей. Да и «пропагандисты» мы, вероятнее всего, были никудышные. Школу ораторского мастерства не проходили, на митингах много не практиковались. Не случайно сейчас политические оппоненты «оранжевых» проигрывают им пропагандистскую баталию. Не привыкли быть в оппозиции, не умеют жонглировать словами, закатывать глаза и заламывать руки.

Ответственный парламент - это парламент, который назначает людей на ключевые посты в правительстве и предписывает им осуществлять определенную политику, а если она проваливается, он распускается или самораспускается. Безответственный парламент - это парламент, от которого мало зависят кадровые решения и правительственная политика, зато он спокойно проживает свой срок от звонка до звонка. И все, с президентской точки зрения, было бы хорошо, все меня устраивало бы, если бы, повторю в которой уж раз, парламент не саботировал принятие крайне необходимых для углубления реформы законов. И он не только саботировал, но во многих случаях делал это демонстративно, попросту вредничал, как самолюбивый подросток.

Я попытался, насколько возможно, поправить это положение. Для меня особенно важным было право президента распускать парламент, если тот оказывается недееспособным. Это общеевропейская норма. Не получилось. Парламент вошел во вкус и не согласится на уменьшение своего веса и важности, а по существу - безответственности. Годы после обретения Украиной независимости свое сделали. Депутаты укрепили свое материальное положение. Они превратились в солидных бизнесменов. Парламент трансформировался в место, где решаются основные проблемы украинского бизнеса. В этом смысле политика выступает (по Ленину, кажется…) концентрированным выражением экономики. Так получилось. Стыдно и плохо, но это, видимо, было неизбежно.

Я уже говорил о том, что' такое наши «олигополии», какую важнейшую функцию они стали выполнять в переходный период. Это функция защиты предпринимательства от чиновничества, бюрократии, от союза бюрократии и криминалитета. Ту же функцию для каждого конкретного депутата и для депутатских объединений (под политическим, разумеется, прикрытием) стал выполнять их статус. Депутатский статус используют для лоббирования личных и групповых бизнес-интересов. Но также и для защиты бизнеса от чиновничества, для торговли с чинушей с позиции силы - депутатской, парламентской силы.

Замечу еще раз к слову, что очень удивляюсь, как мало внимания обращают на эту сторону дела. Можно сказать, совсем не обращают. Суть важнейших процессов оказывается скрытой от наблюдателей.

Конечно, главный порок «олигополии» (и парламента в целом, и того или иного депутата в отдельности, и той или иной группы депутатов) один и очевиден: они преследуют свои бизнес-интересы, думают не о стране, а о своей прибыли. Конечно, можно и нужно говорить и даже кричать, что они злоупотребляют мандатами, которые народ выдал им совсем для другого: вот, мол, какие они нехорошие, непорядочные, своекорыстные люди! Беда только в том, что на доказательство этой легко доказуемой вещи уходят все силы, весь запал. Вот и не остается ресурса для того, чтобы сказать все-таки и о другом - о функции самозащиты и самоорганизации предпринимательства.

Через несколько лет я, как сразу же сказали мои критики, сделал поворот на 180 градусов. Предложил политическую реформу, с тем чтобы Украина стала парламентско-президентской республикой. Какова философия этого поворота? Вспомним основной, самый для меня важный, пункт. Я давно хотел, чтобы у президента было право роспуска парламента. Для чего? Чтобы повысить ответственность парламента. Ну что ж. Я попытался усилить ответственность парламента тем, что ему придется назначать правительство, вырабатывать для него политику и программу действий со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это гораздо большая ответственность. Это принципиально иная ответственность. И принципиально иные полномочия. И новые возможности. Это уже не президентско-парламентская, а парламентско-президентская форма правления. И уж тут вам не уклониться от принятия системы, которая будет предусматривать возможность

вашего роспуска - как повсюду в цивилизованном мире.

6 мая

Газеты пишут, что Депардье поехал в Крым осматривать (вместе с Ющенко) виноградники. В прошлом году я его принимал, состоялась живая, интересная беседа. У меня есть его подарочное вино. Он рвался в Крым, хотел сначала посмотреть, прислать своих специалистов. Потом заявил в интервью западным газетам, что приобретет в Крыму виноградники, будет делать вино «в одной из неожиданных восточноевропейских стран». Он не может этого сделать, потому что земля у нас все еще не продается (в том числе и благодаря «Нашей Украине»), тем более - иностранцам. Потом он встречался с Ющенко, уже президентом, и тот, как говорят, что-то ему пообещал. О будущей картине «Тарас Бульба», где собирается играть главную роль, Депардье говорит, что это будет выглядеть как блокбастер. Некоторые мои друзья говорят, что меньше всего он думает о Тарасе Бульбе. Подозревают, что все его мысли - о том, как бы «в гриме Тараса» подобраться к нашим виноградникам. Мне в это не верится. Наши виноградники не могут быть такими лакомыми для француза, знающего в этом толк.

7 мая

О взрывах на армейских складах в Хмельницкой области (6 мая) министр обороны Анатолий Гриценко заявляет, что это, вероятно, была диверсия. Так он истолковывает тот факт, что прошлогодняя катастрофа под Мелитополем произошла в этот же день. *«Я не исключаю того,* - говорит он, - *что это не простая случайность. Есть ряд обстоятельств, которые заставляют меня так думать. Во-первых, день в день - годовщина прошлогодней трагедии в Новобогдановке. Во-вторых, согласно докладу командира арсенала, в этом хранилище, где хранилось около тысячи тонн боеприпасов, не выполнялись никакие работы по утилизации. Также в течение года туда не ввозили и оттуда не вывозили ничего. Там, в хранилище, вообще нет электроэнергии, что исключает возможность коротких замыканий. К тому же погода сегодня не настолько жаркая, что могла бы спровоцировать пожар».*

Малоубедительно. Даже совсем неубедительно. Многое элементарно проверяется. Дайте себе какое-то разумное время для этого, потом делайте заявления. Зачем высказывать предположение, основанное на столь зыбкой почве? Нельзя в наше время так легко бросаться словами «диверсия», «террористический акт». Какая-то бездумность. Мне казалось, что Гриценко более-менее серьезный человек. Может быть, так оно и есть, а тут сказывается «послереволюционная» эйфория. Она как бы требует от всех министров, других представителей власти не сходить с экрана и говорить, говорить, говорить… О том, например, нужен ли и Украине, и России Черноморский флот с военной точки зрения, или это, мол, больше политическое решение.

России, я считаю, этот флот обязательно нужен. Турецкий флот в несколько раз мощнее российского. Полностью уступить превосходство нельзя. Турция - член НАТО, у нее также есть свои интересы на Черном море. А к украинскому военно-морскому флоту я отношусь так: нам надо иметь хорошо оснащенный пограничный флот. А тот, что у нас сейчас, включая подводную лодку, вряд ли нужен. Он нам достался по наследству. Деть некуда. Что-то продали, но все не продашь. В мире флот совершенствуется так быстро, что наш становится все более музейным. Не по дням, а по часам. Новые корабли мы не строим, а старые держать - себе в убыток.

И главное: с кем воевать? Я всегда задаю вопрос: с кем воевать? С НАТО? С какой стати? Или с Россией? Я уверен, что Россия никогда с нами воевать не будет. Можно представить себе какие-то мелкие локальные конфликты. В общем, надо ориентироваться на сильный пограничный флот для защиты своей прибрежной экономической зоны. И этого достаточно. Иногда меня даже раздражают вопросы о российском Черноморском флоте - что с ним делать, как его вытеснить. Да, против военного присутствия американцев в Европе бывают даже демонстрации. Но когда американцы заявили, что из ФРГ уходят, немцы заволновались. Это же значит лишиться больших денег, потерять рабочие места. Россия сегодня другая страна, это не Советский Союз. Так ли уж плохо, что она (то есть ее флот) тратит свои деньги в Украине, в Севастополе?

Мы мало думаем о таких вещах. Чего только ни пришлось услышать всего несколько месяцев назад, как только «оранжевая» команда пришла к власти! Секретарь парламентского комитета по вопросам нацбезопасности и обороны Георгий Манчуленко заявил, что пребывание Черноморского флота России в Украине не отвечает ее национальным интересам. Другой народный депутат, заместитель председателя уже другого парламентского комитета - по иностранным делам, Игорь Осташ взялся решительно настаивать на немедленном «правовом оформлении» пребывания рос-

сийских моряков в Крыму. Министр иностранных дел Украины Борис Тарасюк почему-то счел нужным напомнить, что Россия должна согласно украинской Конституции до 2017 года вывести свой флот из Украины.

А какой переполох поднялся после того, как экипаж российского десантного корабля «Николай Фильченков» высадился у крымского берега! Россияне принесли свои извинения. Судя по всему, это было действительно элементарное разгильдяйство российских командиров. Но секретарь СНБО Петр Порошенко тут же заявил: «Не исключаю, что инцидент был спланированной провокацией, чтобы ухудшить отношения между Украиной и Россией». Тот же Тарасюк расценил это как проверку реакции новой власти.

И это дипломат, министр иностранных дел страны! Я бы спросил его, понимает ли он, что такие заявления главы дипломатического ведомства любой страны в адрес соседней обычно означают начало свертывания всех и всяческих отношений…

Глава СБУ Александр Турчинов назвал пребывание российских военных на территории Украины «дискомфортом для государства». Я несколько раз перечитал его слова: «Они будут наглеть настолько, насколько мы будем позволять им это делать…»

В эти же дни Виктор Ющенко сообщает, что не поедет 9 мая в Москву на торжества по случаю 60-летия Победы. «Я буду чувствовать себя неудобно, если в Киеве будут собираться ветераны, а я где-то буду стоять на другой трибуне». В этом ряду и его публичное заявление о необходимости проверить условия пребывания в Крыму российского Черноморского флота - насколько все соответствует действующим договорам.

Хотелось закричать: «Что же вы, безумцы, делаете?! Вы что, действительно решили ни с того ни с сего поссорить Украину и Россию?»

Тем временем началась игра в злого и доброго следователя. После «злых» заявлений одних высших должностных лиц пошли «добрые» - других. В том духе, что «хочется верить, что все-таки это ошибка». Юлия Тимошенко как глава правительства заявила, что Украина не намерена нарушать договоренностей с Россией о флоте. Ющенко заверил, что пребывание российских моряков в Украине не осложнит ее интеграцию в Евросоюз, как будто эта интеграция - дело ближайших месяцев. Кто-то сообщил, что Украина не ставит ультиматумов России, но считает необходимым обсудить все аспекты пребывания российского флота в Крыму…

Я не совсем понимаю этих людей, хотя хорошо знаю каждого из них. Если они не ставят своей целью резкое похолодание отношений с Россией, тогда все, что они говорят и делают, свидетельствует об отсутствии профессионализма. Или они все еще пребывают под влиянием «наркотика революции»? Невольно приходит в голову, что они не готовились брать власть и никак не могут привыкнуть, что теперь она у них в руках. Ведут себя по-прежнему как оппозиционеры, чьи высказывания, акции и кампании не могут существенно повлиять на политику страны, на отношение к ней других стран.

Не могу отделаться от впечатления, что они до сих пор видят на Банковой президента Кучму и дразнят его (а также Путина) своими антироссийскими выходками. Дразнят, хорошо зная, что особых последствий для страны это иметь не будет, поскольку с оппозиции не тот спрос. Но что они будут делать, когда обнаружат, что, так вот валяя дурака, доигрались до настоящей беды?

8 мая

Президент Ющенко в связи с 60-летием победы над Германией наградил посмертно отца Туркменбаши - Атамурата Ниязова орденом Ярослава Мудрого V степени. Соответствующий указ президенту Сапармурату Ниязову 4 мая вручил председатель правления НАК «Нефтегаз Украины» Алексей Ивченко. Вместе с указом было и сопроводительное письмо Ющенко: «Ваш отец не вернулся с войны, оставшись героем, примером верности служения Отчизне». Не удивлюсь, если это Юля придумала. У нее на такие вещи живой ум. Ниязову, может быть, и понравится, хотя не обязательно. Но если рассчитывают что-то получить от него за это, то ошибаются. Уж больно грубо действуют. Поручить эту миссию руководителю «Нефтегаза» - явный перебор. Я бы на месте Туркменбаши сильно поморщился, тем более что военная биография его отца никакого отношения к Украине не имеет.

Рикошетом досталось и мне. Я имею в виду не награду, а кое-что противоположное. Газета «Комсомольская правда» на следующий же день после вручения Туркменбаши отцовского ордена написала:

«Тертые щеголи, чтобы заиметь богатую невесту, обычно бегут с цветами и шоколадкой к

будущей теще. Проверено - способ безотказный. Президент Украины Виктор Ющенко, чтобы получить в обход России дешевый газ, проверил во вторник этот способ на туркменах. Он наградил орденом Ярослава Мудрого отца первого и пожизненного президента Туркмении Сапармурата Ниязова. Самого Туркменбаши наградить не вышло. Ему точно такой же орден уже успел приколоть прежний президент Украины Леонид Кучма еще в 2000 году. Тоже, видимо, сильно газа хотел. Незадача в том, что отца Туркменбаши Атамурата Ниязова нет в живых. Он погиб в 1942 году в боях за осетинское село Чикола. Пришлось награждать посмертно. И ничего, что орден не боевой. Других-то шоколадок у Ющенко нет. Да и у мудрого Туркменбаши не мог быть немудрый отец. Все сошлось. А чтобы никто не сомневался, за что награда, ее вручил Сапармурату Ниязову глава «Нефтегаза» Украины на переговорах о поставках топлива в «желто-блакитную», тьфу ты, в уже «оранжевую» республику. И все довольны. И теща, и щеголь».

По сути написано правильно, но тон меня покоробил. Неуместная глумливость над ни в чем не повинным погибшим солдатом, над Украиной.

Туркменбаши по своему положению и характеру не благотворитель, чтобы делать подарки Украине. Тем более что у него своих проблем больше чем достаточно. А в 90-х годах Украина была ему интересна тем, что, налаживая с нею газовые отношения, он уменьшал свою зависимость от России. Россия в то время брала у него газ по 12 долларов за тысячу кубометров. Мы ему предложили больше. Основной импортер туркменского газа - МГК «Итера» (российско-американская компания через «Нефтегаз Украины») приобретал туркменский газ по 32 доллара за тысячу кубометров с оплатой 50% его стоимости валютой, а еще 50% - товарами и услугами.

Это было намного меньше, чем мы вынуждены были платить России. То есть у нас с Туркменбаши получалась взаимная выгода. Он был тогда в таком положении, что ему некуда было деваться: газ есть, а покупателей, кроме России, нет. Имеются в виду платежеспособные покупатели. Армения, Грузия с удовольствием пользовались туркменским газом, но рассчитывались за него неисправно. Мы же - смогли. А на другие рынки у Туркменбаши газовой трубы нет.

Возможность рассчитываться - это было достижение, которым я горжусь. Некоторые задержки с оплатой случались только в самом начале, а потом мы стали рассчитываться тютелька в тютельку. Когда мы начинали решение газовой проблемы с Туркменбаши, у нас практически не было валюты. Экспортные возможности еще не позволяли что-то зарабатывать. У нас были отрицательные платежные балансы. Потом подтянулась металлургия, химия и появилась, наконец, в нашей банковской системе валюта. Благодаря дешевому туркменскому газу мы смогли оживить свою промышленность.

Одним из главных своих достижений считаю газовую независимость Украины от России. Объем российского газа, который получала Украина, в точности соответствовал оплате транзита российского газа через нашу территорию в Европу. Остальной газ, а это более 30 млрд., мы получали от Туркменистана, с которым у нас был договор до 2007 года. Сразу прекратились разговоры со стороны «Газпрома» о том, что мы крадем его газ. Надо принять любые меры, чтобы этот договор был продлен.с

9 мая

Сегодня День Победы. Как только люди увидели, какое место занимает президент Украины во время парада в Москве, мне пошли звонки.

Действительно, Ющенко сидел рядом с Алиевым и его супругой в первом ряду, во втором за ними - Квасьневский, это все хорошо видно на снимках. Звонили весь день. Спрашивают, почему украинский президент не рядом с российским. Отвечаю: почему - не знаю, но твердо уверен, что руководитель Украины должен занимать место, которое точно соответствовало бы ее вкладу в Победу.

Звонил и писатель Александр Сизоненко. В свои 83 года Александр Александрович часто вспоминает войну. На фронт его взяли в 1943 году. Рассказывал о трагедии, которую мало знают в мире. Это война «серых пиджаков». Когда советские войска отступали в 1941 году, на оставленных территориях было много подростков. Когда советские войска через два года вернулись, этим ребятам было уже по 16-17 лет. Их поголовно брали в действующую армию, они уходили на запад с теми частями, что освобождали от немцев их села и города. То есть этих пацанов сразу ставили в строй - необученных, необстрелянных. Часто не успевали переодеть в военную форму. Поэтому их и называли «серыми пиджаками».

Эти люди в основном погибли.

Сизоненко, правда, дошел до Берлина, там его ранило буквально в последние дни войны, считался убитым. Врачи вытащили его с того света. Он уверен, что «серыми пиджаками» специально пополняли войска, чтобы как-то создать массу живой силы, все равно какой, пока в тылу готовили настоящее пополнение. Людей не считали, не ценили.

Говорили с Сизоненко о проблеме примирения ветеранов Советской Армии и УПА. Он настроен к «бандеровцам» враждебно, а я считаю, что надо все-таки стремиться к примирению. Но это эволюционный процесс, дело времени. Историки, а не политики должны представить обществу правдивую и полную картину событий. И, конечно, 60-летие Победы - не тот день, когда президенту Ющенко уместно категорично ставить этот вопрос. Люди настроены на другое. Да и фон злободневности не совсем подходящий. Говорить о примирении ветеранов в то время, когда власть объявила войну стороне, проигравшей президентские выборы, как-то, по-моему, не с руки. Сначала нужно было бы самим подать пример миролюбия, а не выступать с такими речами, какие слышат Донецк, Днепропетровск и другие города - что все, кто не носил оранжевую ленточку, или враги, или бандиты.

А сегодня? С одной стороны, Ющенко говорит: *«Граждане Украины сегодня как зеницу ока должны беречь память, заботиться о поколении, добывшем победу во Второй мировой и Великой Отечественной войне».* С другой: *«В 1941-1945 годах боролись добро и зло, и добро, как всегда, победило».* В этом контексте он подчеркнул, что *«пять месяцев назад на этом Майдане Независимости - как и по всей Украине - добро и зло боролись в очередной раз, добро победило, потому что люди, которые боролись за него, были едины».*

Значит, те, кто не стоял на Майдане, представляли собой зло? Причем, такое зло, которое президент сравнивает с тем, какое было побеждено 60 лет назад?!. *«И потому»* он призывает ветеранов Советской Армии и Украинской повстанческой армии *«объединиться и подать друг другу руку»: «Для нас должна быть единая Украина как в истории, так и в ее будущем»...*

10 мая

В России болезненно относятся и к украинской ситуации, и к грузинской. Не хотят понимать демонстративно «независимого» поведения новых властей. Конечно, настоящая независимость так не демонстрируется. В этом поведении есть несолидность. Оно предназначено приимущественно для внутреннего употребления, а в России не хотят этого не то что понимать, а принимать. У Кремля тоже свои внутренние задачи. Кремль тоже хочет показать российскому населению свой гонор.

У преемников Шеварднадзе несолидности больше, чем у моих. Затеяли «ультиматум» по поводу вывода российских войск. Три недели назад вроде бы договорились, что войска останутся до 2008 года, и вдруг: «Давай выводи завтра, иначе не приеду в Москву на празднование шестидесятилетия Победы!»

Это вообще глупо - ставить протокольное мероприятие в зависимость от решения такого вопроса. Это все своего рода показуха. Такие вещи всегда вызывают досаду или смех у серьезных государственных деятелей. В работе всякого правительства, всякой власти есть две стороны: внешняя, представительская, и внутренняя, сугубо деловая. Нельзя путать эти стороны.

Ющенко заявляет, что тоже не поедет в Москву - хочет, мол, праздновать 9 мая вместе со своим народом. Ясно, что это демонстрация, и демонстрация очень странная. Потом оказывается, что в Москве будет, что называется, весь мир. Отсутствие высшего представителя Украины в этой ситуации будет выглядеть просто нелепо. Приходится лететь…

А Юлия Владимировна не упустила возможности воспользоваться промашкой соперника. Я, говорит, считаю, что наш президент обязан быть в этот день в Москве, вместе с лидерами всего мира. Она свою линию гнет, ничего ему не спускает. И все-таки, с моей точки зрения, она действует совершенно неправильно, когда идет на конфронтацию с Ющенко. У нее нет никаких идеологических разногласий с ним. К тому же он, кажется, решил ни во что не вмешиваться. Она ж правит Украиной! Что хочет, то и делает. Да, он пожурил ее за мясной и бензиновый кризисы. Ну и что? Она могла бы продолжать в том же духе. Она правит страной, как директор или владелец обыкновенной хозяйственной структуры. В принципе так управлять можно долго, но итогом, конечно, будет поражение.

13 мая

Почему так получилось, что меня и Ющенко как бы переставили местами?

Будучи премьером, он проводил мою политику, исполнял мои распоряжения, пользовался

тем, что было наработано под моим руководством. А в общественном мнении нарисовалась перевернутая картина. Все положительное связали только с ним, с его именем. Загадки здесь для меня нет. Все сделала пропаганда.

Как было улучшено положение, например, с пенсиями?

Действительно, в бытность Ющенко премьером государство вернуло пожилым людям долги - к тому времени они составили миллиард гривен с четвертью. Но заслуги правительства, заслуги Ющенко здесь было не больше, чем предыдущего Кабмина, во главе которого стоял Пустовойтенко. Просто я издал несколько указов, которые позволили существенно пополнить Пенсионный фонд, и именно это решило судьбу основных долгов.

Объясняя свои «пенсионные» успехи, Виктор Андреевич в детали, как правило, никогда не вдавался, разве что бросал вскользь: рассчитаться с пенсионерами, дескать, позволило наведение порядка с расчетами в топливно-энергетическом комплексе - схемы стали «прозрачными».

Смотрим. Годовые начисления пенсионного сбора от НАК «Нефтегаз Украина» и предприятий угольной отрасли в 1999 году не вытягивали и на месячную выплату пенсий по стране. Вот и весь доход от «прозрачности». Откуда же взялись деньги на выплаты? Погасить долги пенсионерам в основном помогли именно мои пять специальных указов, а также рост деловой активности, вызванный действием ряда законов, принятых Верховной Радой.

В частности, в 1997 году я подписал указ, кардинально меняющий правила финансово-бюджетной дисциплины. Была установлена финансовая ответственность коммерческих банков за сбои в перечислении средств в Пенсионный фонд. Не рассчитался с фондом одновременно с выплатой зарплаты - плати штраф. Если в начале 1997 года пенсионная задолженность предприятий по банкам составляла почти четверть от всей суммы, то через три года она едва превысила 1 процент. В 1998 году я издал новый указ - о персонифицированном учете в системе пенсионного страхования, что увеличило поступления в фонд на 10-15 процентов. В том же году (опять по моей инициативе) пенсионерам (с их согласия) начали выплачивать деньги через банковские учреждения. Благодаря тому, что открытие счетов для стариков, зачисления и собственно выплаты осуществлялись бесплатно, на одних почтальонах мы сэкономили более 20 миллионов гривен.

В том же 1998 году я подписал и указ «О неотложных мерах по погашению задолженности и выплате пенсий», введя дополнительные сборы с покупки-продажи валюты, легковых автомобилей, продажи ювелирных изделий из золота, а затем еще одним указом добавил к этому списку курильщиков, покупателей недвижимости и операторов мобильной связи. Этот указ принес в Пенсионный фонд более 3 млрд. гривен (при долге, напомню, в миллиард с четвертью).

Иными словами, я как бы попросил более или менее состоятельных граждан поддержать бедных и бедствующих. Ни со стороны Кабмина, ни от премьер-министра лично никаких инициатив о решении пенсионной проблемы не исходило. Тем не менее когда в 1999-м резко уменьшились долги по пенсиям, да еще начала ускоряться экономика, со страниц прессы вдруг предстал Ющенко в роли спасителя обездоленных пенсионеров.

При этом из поля зрения как-то выпал еще один нюанс. Каждая четвертая гривня, полученная в 2000-м бюджетом, появилась за счет инфляции. От этого, как известно, люди богаче не становятся, а наоборот, беднеют. Но происходит и определенное выравнивание. Если кто-то не получал ничего, а тут ему дали какую-то копейку, он не будет жаловаться, а скажет «спасибо». Все эти «спасибо» достались главе правительства. Он, понятно, не возражал, более того, как раз тогда зарекомендовал себя мастером саморекламы. Вдруг узнаю: ездит по областям и «раздает пенсии». Мне это даже понравилось: человек понимает, как важно подать себя обществу в наиболее выгодном свете. Меня ведь уже начинала посещать мысль о Ющенко как о следующем президенте Украины.

Экономика тем временем продолжала набирать обороты.

Не только внутри страны, но и во внешнем мире СМИ стали рассказывать одну красивую историю: пришел реформатор, и все сдвинулось с мертвой точки. Я не придавал значения этой пропаганде, хотя мне было ясно, что мы имеем дело именно с пропагандой. Кинах или Янукович потом делали не больше и не меньше, чем Ющенко. Действовали они в том же направлении, что и он, - работали над реализацией политики, которая определялась президентом. Но я не могу вспомнить, чтобы в зарубежной печати кто-то назвал их реформаторами.

В публике всегда есть спрос на миф о молодом реформаторе, который подпирает и должен сменить (чем раньше, тем лучше) старого ретрограда. Журналисты вольно или невольно удовле-

творяют этот вечный спрос. Кто-то в таких случаях говорит о «хорошо спланированной информационной кампании», что, впрочем, иногда бывает недалеко от истины. Да одно и не мешает другому.

«Украина, считавшаяся сто лет назад европейской житницей, еще больше погрузилась в нищету после отставки наиболее реформаторски настроенного постсоветского премьер-министра Виктора Ющенко», - писала The Times в редакционной статье. *«Популярный премьер, предпринимавший героические усилия в попытках выправить экономическую ситуацию на Украине, пользовался поддержкой со стороны ориентированных на Запад реформаторов и был потенциальным соперником президента Украины Леонида Кучмы. Позиции самого Кучмы пошатнулись…»* - там же.

Дальше - больше.

«Надежда на то, что новый премьер сможет продолжить начатые Ющенко реформы, невелика… Украина катится в пропасть, отставка Ющенко лишь ускорит возвращение страны на орбиту своего старого имперского хозяина, России… Пришел конец робким попыткам ориентироваться на Запад, которые предпринимались последние 9 лет». Это та же The Times.

А вот - The Wall Street Journal:

«Более года на посту премьер-министра находился известный реформатор Виктор Ющенко, при котором страна совершила экономический поворот. Он повел наступление на теневую экономику, принял меры к сокращению чрезмерной экономической зависимости от России. d *Но внутренний кризис придал финансовым и промышленным олигархам страны смелости для объединения с коммунистами и свержения правительства Ющенко, чтобы попытаться сформировать угодное им правительство. Ослабленный г-н Кучма был вынужден искать ограниченного тактического примирения с Москвой. В этой ситуации возникла угроза для всего позитивного…»* И дальше - в том же духе.

«Отставка самого реформаторского правительства принесет Украине самые мрачные перспективы», - это уже британский *The Economist.* Оказывается, *«бывший банкир Ющенко, известный своей нелюбовью к партийной политике, на удивление быстро нашел общий язык с «простыми украинцами», но он «переживал постоянные нападки со стороны президента Кучмы и его приятелей. Эти выпады частично объяснялись ревностью, частично - раздражением, что правительство станет на пути прибыльных бизнесовых сделок».*

Вот так вот просто: «ревность» и «раздражение».

Журнал The Economist - очень серьезный, очень авторитетный. Это больше, чем просто журнал. К его оценкам, выводам, прогнозам прислушиваются правительственные, академические, исследовательские, журналистские круги многих стран. То, что опубликовано на его страницах, переходит в тысячи изданий, докладов, справок, становится общепринятым мнением. Деятель, названный «реформатором-западником», будет считаться таковым до тех пор, пока не займет соответствующего места и не покажет конкретными решениями, кто он на самом деле. Деятель же, названный «пророссийским ретроградом», может избавиться от этого ярлыка только после своей смерти.

Конечно, глупости, которые изо дня в день повторялись в западной печати о Ющенко и обо мне, в чем-то и были просто глупостями: продукцией поверхностных, легкомысленных и ленивых журналистов, таких же «аналитиков» и политиков. Но в целом это сильно смахивало на сознательную лепку образа «украинского прогрессивного оппозиционера» для продвижения его на высший пост. Не хочется думать, что западное общественное мнение в данном случае создавалось слепцами, дураками и невеждами. Слепцы, дураки и невежды как на Западе, так и в Украине охотно подхватывали и распространяли тезисы из The Economist. Это так. Но авторами этих тезисов были, видимо, отнюдь не дураки. Они знали, что делают и - для чего.

Ну вот. А 15 декабря 2000 года началась акция «Украина без Кучмы». Именно тогда впервые прозвучал призыв: «Кучму - геть!», появились первые палатки.

Я сказал: пусть стоят.

Поводом для начала этих действий послужило оглашение Александром Морозом так называемых «пленок Мельниченко», записанных, по утверждению последнего, в кабинете главы государства. Поводом послужило исчезновение журналиста Гонгадзе. Участники акции требовали отставки президента Леонида Кучмы, главы Администрации Президента Владимира Литвина, министра внутренних дел Юрия Кравченко, генерального прокурора Михаила Потебенько.

Организацию акции взяли на себя социалисты, УНА-УНСО обеспечивало охрану. Позже к акции присоединились даже коммунисты со своим вечным неназываемым лозунгом: «Чем хуже, тем лучше».

После столкновений демонстрантов с милицией 9 марта 2001 года, когда они попытались прорваться в здание офиса президента, 18 членов УНА-УНСО по приговору суда попали в заключение.

Моя позиция была - не препятствовать акции до последней возможности. Если мешать таким делам, будет много исковерканных судеб. Всякая такая акция должна начаться и закончиться в душе человека. Он должен ее прожить и изжить.

Так и вышло. В свой час акция началась, в свой час и выдохлась. Палатки как появились, так и исчезли. Решение о снятии их приняла городская власть. Она обратилась в суд, который постановил в ее пользу. В снятии палаток обвинили, конечно, меня. В разгар кампании «Украина без Кучмы» в Киев прибыли американские конгрессмены. Я их принял, сказал свое мнение о палатках - что это дело города и суда. Где чему стоять, должны решать городские власти. Конгрессмены потом сделали заявление в том духе, что я враг демократии.

Не знаю, плохо или хорошо это характеризует меня, но я на акцию «Украина без Кучмы» обращал мало внимания. Старался ее не замечать. Рузвельт когда-то сказал: если я буду обращать внимание на все негативное, что обо мне говорят и пишут, мне некогда будет работать. По-моему, это правильная позиция. Понятно, что если ты стоишь на этой позиции, тебя обвиняют в пренебрежении общественным мнением, «гласом народа». Но общественное мнение сегодня такое, а завтра другое. На каждый чих не наздравствуешься. Рузвельт прав. Тут действительно надо выбирать: или реагировать на каждый критический выпад в твою сторону, или работать, выполнять ту программу, с которой победил на выборах.

Старался, говорю, не замечать… Но это не значит, что происходящее не брало меня за живое. Приходишь домой - жена сидит над газетами, плачет: «Тут про тебя такое пишут!»

Да, я говорил правоохранителям: «Никого не трогайте. Пусть стоят». Так же я реагировал и в первые дни «оранжевой революции». И в последние. Знаю, что некоторые хотели видеть меня на Майдане, считали, что это был бы сильный ход с моей стороны. Но я не люблю самого этого выражения: «сильный ход». Если не ошибаюсь, это выражение - из области шахмат. Сначала оно перешло в другие виды спорта, а потом его стали употреблять газеты в политических статьях. И незаметно докатилось до того, что и политики, депутаты стали разбрасываться этим выражением направо и налево. Это вредное опошление. Политика - не игра. Во всяком случае она не игра для человека, на котором лежит реальная ответственность. Настоящий политик делает не ходы - он делает жизнь (насколько это в его силах и насколько позволяют обстоятельства).

Я, несомненно, появился бы на Майдане, если бы мог изменить ход событий. Но это было невозможно. Толпа живет по своим законам. Там не работает обычная логика. Толпу нельзя ни в чем убедить, а тем более - переубедить. Толпой можно только манипулировать. А я не манипулятор ни по натуре, ни (в то время) по должности. Толпами манипулируют вожди, а я никогда вождем не был. Я был сначала премьер-министром Украины, потом - президентом.

В какой- то из «оранжевых» дней узнаю: на Майдан стали приходить представители правительства. Ну, говорю, и что? Постоят… В этом -никакой логики. Карьерный инстинкт: желание встроиться в новую власть, отсечь себя от прежней, от той, с которой расправлялся Майдан. Это было невозможно даже для них, а для меня - вдвойне невозможно, втройне. Никакие обращения, никакие речи не помогли бы.

14 мая

Когда арестовали Юлию Тимошенко (февраль 2001 г.), меня не было в Киеве. Многие до сих пор считают, что арестовал ее я. А я, когда узнал об этом, первое, что сказал: «Идиоты!» Генпрокуратура Украины обвинила Ю. Тимошенко в даче взятки бывшему премьер-министру Павлу Лазаренко, в контрабанде газа, должностном подлоге и уклонении от налогообложения в особо крупных размерах в период руководства корпорацией «Единые энергетические системы Украины» (ЕЭСУ, в числе создателей и собственников которой были сама Юлия, ее свекор и муж).

То же самое сказал и тогда, когда арестовали бывшего министра сельского хозяйства Козаченко, к которому я всегда относился с уважением. Идиотизм абсолютный! Что, он собрался бежать? Но сегодня спрятаться невозможно, спросите хоть у Павла Лазаренко. В мире нет такого места, где тебя не могли бы достать рано или поздно. Или он представляет опасность для общест-

ва? В крайнем случае возьмите с него подписку о невыезде.

Арест Юлии Тимошенко обострил ситуацию в парламенте. Напряжение там возрастало по мере того, как длилась кампания «Украина без Кучмы».

Задолго до своего ареста Тимошенко неоднократно заявляла о том, что ей, настойчиво борющейся на правительственном посту с «олигархами», предлагают уйти в отставку в обмен на освобождение ее мужа, арестованного по делам ЕЭСУ. Она говорила, что готова к аресту и возит в багажнике служебного автомобиля сумку со всем необходимым на такой случай. В газетах со ссылкой, естественно, на «надежные источники» рассказывалось о том, что «на Банковой недовольны Потебенько, который не арестовывает Тимошенко».

Тем временем у меня уже лежало представление Генпрокуратуры за подписью Потебенько о необходимости привлечения Тимошенко к уголовной ответственности в связи с возбуждением против нее сразу двух уголовных дел по нескольким статьям. В связи с этим я должен был освободить ее от занимаемой должности. Представление было, на мой взгляд, более чем серьезным, и во второй половине января я подписал указ об освобождении Тимошенко с поста вице-премьера. Но увольнение - отнюдь не арест. И вот я узнаю: Тимошенко арестована. Прокуратура предъявила ей еще одно обвинение - в повторной даче взятки и сменила подписку о невыезде на лишение свободы, воспользовавшись для этого камерой лукьяновского СИЗО.

Турчинов, возглавлявший фракцию «Батьківщини» в парламенте, назвал арест Тимошенко *«циничной политической акцией».* Народный депутат Томенко высказался в том духе, что оппозиция *«должна быть благодарна человеку, инициировавшему арест Тимошенко».*

И с ним трудно было не согласиться… Известный политолог Владимир Малинкович заявил, что *«в Украине появился реальный хозяин - его звать Марчук».* Мол, Кучма «спрятался за широкую спину Марчука», который взялся обезвредить его конкурентов-врагов. Результатом всего этого, по Малинковичу, должна была стать концентрация власти в руках Марчука.

Инициаторы акции «Украина без Кучмы» Чемерис и Матвиенко привязали арест Тимошенко совсем к другому - к моим переговорам с Путиным в Днепропетровске: *«Кучма решил перейти к более жестким действиям и получил на это согласие старшего брата».*

Дальше, понятно, суета вокруг ареста нарастала, как снежный ком. Тимошенковцы из «Батьківщини» взялись энергично пикетировать Лукьяновку. Адвокат Тимошенко стал рассказывать о тяжелом состоянии здоровья арестованной. Уполномоченная по правам человека в парламенте Карпачева посетила Тимошенко в тюрьме и, конечно же, сообщила, что ей там нелегко. Народный депутат Степан Хмара предложил посадить себя вместо Тимошенко. Турчинов на митинге в Киеве говорил о том, что арестом Тимошенко власть пытается запугать граждан.

Затем в его выступлениях появилась новая версия: арест - это только начало акции властей, конечной целью является физическое уничтожение Тимошенко. Тему тут же подхватили. Один профессор судебной медицины заявил в суде, что арест Тимошенко был *«как минимум негуманен».* Хмара сообщил общественности, что условия пребывания Тимошенко под арестом подпадают под определение «пытки», поскольку из нее пытаются сделать *«физического инвалида».* Развивая этот мотив, кто-то из фракции «Яблоко» со ссылкой на «источники, заслуживающие доверия», поведал, что готовится физическое уничтожение Тимошенко, для чего, мол, некий «специалист по сердечным приступам» уже посетил Тимошенко в тюрьме, а дальше будет инсценировка «самоубийства» или «сердечный приступ». В суд с ходатайством о немедленном освобождении Тимошенко обратилась Карпачева. Группа из 72 депутатов выразила готовность взять экс-вице-премьера на поруки.

Обо всем этом каждодневно сообщала пресса, телевидение и другие СМИ.

Дело было сделано. Очередной опрос общественного мнения в марте месяце показал: практически треть украинских граждан (что-то около 32 процентов) объясняют арест Тимошенко намерением властей отвлечь внимание страны от «кассетного скандала». Еще процентов 20 выразили уверенность в том, что арест был вызван стремлением власти нанести удар по оппозиции. И только что-то около 18 процентов опрошенных высказали мнение, что первопричиной стала борьба с коррупцией.

Сейчас мне яснее, чем тогда, что 18 процентов здравомыслящих граждан - это, если учесть накал кампании в защиту «невинно пострадавшей героической дочери Украины», много. Я мысленно каждому из них жму руку.

Дальше последовала эпопея с освобождением Тимошенко, ее повторным арестом и новой

волной возмущения «украинской и мировой» общественности. Чего стоит одно лишь заявление неутомимого докладчика от ПАСЕ Ханны Северинсен! *«Действуя по прямому указанию президента Леонида Кучмы,* - сказала она, - *киевский городской суд отменил решение суда низшей инстанции»!*

Можно ли себе представить подобное заявление в адрес главы любого из государств, входящих в тот же Евросоюз? В принципе я, наверное, мог подать заявление в какой-нибудь суд, с тем чтобы госпожа Северинсен представила доказательства моих «прямых указаний». Но что толку? Снежный ком нарастал. «Информированные» источники сообщали, что я встречался с судьей Замковенко, чтобы обсудить дело Тимошенко и, понятно, подсказать «правильное» решение накануне суда: не освобождать.

То, что сведения всех этих «источников» не стоят ломаного гроша, подтвердили дальнейшие события: вышеупомянутый судья преспокойно выпустил Тимошенко из-под ареста. После чего у нас появились… Да, уже два «мученика»: Тимошенко и Замковенко. Последнего как раз привлекли к ответственности, как говорится, по делам давно минувшим. Но теперь уже никого не интересовало, что это за дела. Не послушавшись президента, вступился за Тимошенко - значит, правдолюбец и страдалец.

Так благодаря одному аресту мы получили двух мучеников и дальнейшее падение доверия к власти. Кто от этого выиграл?

Те силы в парламенте, которые поддерживали меня, не могли безразлично наблюдать кампанию беспрецедентной травли президента и его окружения. Я считаю, это было естественно. Напряжение выплеснулось в отставку Ющенко. Это - однозначно. Связь между кампанией «Украина без Кучмы» и отставкой Ющенко с поста премьер-министра прямая.

Я никогда не ставил вопроса об этой отставке, тем более всего через год после назначения. Но, очевидно, эта отставка многим была нужна. Одним она была нужна из принципиальных политических соображений. Премьер-министр, который отмалчивается, когда президента подвергают беспрецедентной травле, выглядит странно. Другие, наверное, решили, что пришло время поднять Виктора Ющенко на более высокое положение в общественном мнении: к репутации «реформатора-западника» прибавить ореол «пострадавшего от преступного режима».

Газеты стали писать, что партия власти (прежде всего в лице Кучмы и Медведчука) крайне недовольна Виктором Ющенко, поскольку тот не ведет борьбу с оппозицией. Посему, мол, дни Ющенко-премьера сочтены, на смену ему придет Медведчук или кто-то другой, менее зловещий, а Виктор Андреевич неминуемо возглавит оппозицию.

Очень интересно сегодня вспоминать речи тех дней. Скажем, Геннадий Удовенко от имени фракции НРУ в парламенте заявил: отставка правительства Ющенко приведет к полной дестабилизации в стране. Как он понимает «полную дестабилизацию», объяснять не стал. К нему присоединились «зеленые». Слава Стецько, возглавлявшая Конгресс украинских националистов, произнесла главное: *«Народ Украины был бы рад видеть Ющенко своим президентом».* Кажется, она была первой, кто озвучил давно намеченную конечную цель…

От «общественности» выступил банкир, он же, по совместительству, глава Всеукраинского объединения «Общественная позиция» Александр Сугоняко: *«Отставка Ющенко приведет к ассимиляции Украины Россией».*

В том же духе высказалась научная общественность в лице профсоюза Академии наук.

В кампанию включились религиозные деятели. Филарет как предстоятель УПЦ КП, Любомир Гузар как глава украинских греко-католиков и предстоятель Украинской автокефальной церкви Мефодий устроили пресс-конференцию, на которой предупредили верующих и неверующих: в случае отставки Ющенко в стране обострится политическая ситуация.

Да что там обострится! Лидер ПРП Виктор Пинзеньк пригрозил дефолтом, а Олег Соскин (Украинская национальная консервативная партия) предложил при *«попытке убрать премьер-министра Ющенко»* запретить компартию, закрыть украинско-российскую границу, закрыть базу Черноморского флота РФ и т. д. Политический вес Пинзенька и Соскина несоизмерим. Пинзеньк был и остается солидным политическим деятелем и признанным экспертом-экономистом, тогда как Соскин известен как автор комично-экстремистских призывов и предложений. Но в данном случае они оказались на одной доске. За прошедшие годы я ни разу не спросил Пинзенька, где же предсказанный им дефолт…

Верховная Рада не послушалась ни Соскина с Пинзеньком, ни «святых отцов», ни престаре-

лой Славы Стецько с юным Сугоняко. Ющенко был отправлен в отставку. По-моему, вряд ли это было одно из самых удачных решений украинского парламента. Но и терпеть премьер-министра, фактически покинувшего президентскую команду в труднейший момент, пропрезидентское большинство в Верховной Раде не могло.

Реакция не заставила себя долго ждать. *«Отставка украинского правительства значительно усложнит отношения Украины с Европой»,* - написала «Файненшнл таймс», о которой можно сказать то же самое, что про «Экономист»: больше, чем газета. *«Последний оплот стабильности в Украине испарился с отстранением премьера-реформатора»,* - это уже «Индепендент». *«Отставка Ющенко усиливает политический кризис и угрожает реформам»,* - «Вашингтон пост». *«В отставку должен был пойти не Ющенко, а Кучма»,* - высказалась The Guardian.

По- моему, массированная пропагандистская и политическая кампания против украинской «партии власти» и против меня персонально -это была кампания не только против недостатков нашего правления (например, против коррупции), но и против Украины. Говорить, что мы определенно хуже всех в Европе, можно только имея определенные цели. Я считаю, что цели недругов Украины во многом совпали с целями моих личных недругов в самой Украине - именно личных, а не политических. Это была уже и проба сил в ходе подспудной подготовки «оранжевой революции». Да, они готовились заранее.

15 мая

Новый министр транспорта отчитывается о первых ста днях своей работы тем, что поносит своего предшественника, покойного Кирпу. Оказывается, Кирпа строил и почти построил не автобан Киев - Одесса, а обыкновенную дорогу, притом плохую.

Видите ли, он, Евгений Червоненко, отказывается называть трассу Киев - Одесса автобаном. Дальше у него идет вообще что-то такое, что может быть воспринято только совершенно некомпетентным человеком. Украден, говорит, третий слой полотна, а кое-где и второй. Откуда он это все узнал? Оказывается, он «объездил Италию, нашел все документы, которые хотели спрятать, о реальном состоянии дел», о «нарушени многих технологий». Что в итоге? «Министерство транспорта и связи Украины намерено достроить автобан Киев - Одесса, несмотря на злоупотребления со стороны предыдущих руководителей министерства». Судя по всему, главное, для чего он принялся поносить предыдущую власть, изложено в следующих словах: «Мы надеемся сейчас получить кредит 100 миллионов». Хотя «чтобы закончить дорогу, нужны колоссальные деньги - несколько миллиардов».

Его было просто стыдно слушать. Все работы контролировала итальянская фирма. Итальянцы, как всем известно, едва ли не лучшие строители дорог в мире. Более придирчивых контролеров Украина еще не видела. Обнаружив изъян, они заставляли переделывать все, от начала до конца. Строительство велось по всем канонам. Автобан минует населенные пункты. Из Киева в Одессу можно будет доехать за считанные часы. До того, как в июне 2003 года я перерезал символическую ленту, открыв автобан, всего за полтора года на трассе было сооружено 11 мостов и 29 путепроводов, построено 29 транспортных развязок. Скорость движения по автобану рассчитана на 140 км/час. Был реконструирован участок в 235 километров. При этом автобан стал частью девятого международного транспортного коридора, который соединяет Финляндию, Россию, Украину, Молдову, Румынию, Болгарию и Грецию.

Червоненко обманывает людей. Или сам, по невежеству, обманывается. Есть пословица: дураку полдела не показывают. Я не хочу сказать, что это прямо относится к Червоненко. Но он просто некомпетентный человек. Ему показали незаконченные участки дороги, а он подумал, что она считается законченной, и кинулся ее поносить. Это как с дорогой от Киева до Борисполя. Пока не был положен верхний слой, ее нельзя было называть дорогой. Строительство ее было завершено до осени позапрошлого года, а последний слой положили только в прошлом году (2004 г.) летом. Так требует технология. В течение нескольких месяцев интенсивной эксплуатации выявляются все изъяны, и только потом кладется верхний слой. Когда едешь по такой дороге, ощущаешь легкую вибрацию. Так должно быть, чтобы предотвратить скольжение. Кирпа все делал добротно. Добротно, но быстро. Его главный лозунг: чем быстрее сделаешь, тем меньше украдут. Совершенно правильный лозунг, и - на все времена. Мы знаем по советским временам: «долгострой» всегда разворовывали.

В общем, Кирпа - это уникальнейший человек. Я не сразу понял, почему он выходил из себя, когда ему препятствовали в осуществлении каких-то конкретных его планов, почему он так на-

стойчиво требовал от меня поддержки, помощи. Поддержка, помощь должна была заключаться, в общем, в одном: снять то или иное препятствие, охладить того или иного чиновника. Он хотел *успеть,* поэтому и выходил из себя, когда ему мешали. А как только ты помог ему свалить барьер, он весь отдается работе и больше ничего не знает. Дорогу Киев - Одесса можно было строить пять лет, а он отпустил себе год.е

16 мая

В Узбекистане восстание. Кажется, пока только в одном городе - Андижане. Дай-то Бог, чтобы только в одном. Говорят о пятистах погибших. Меньшей цифры никто не называет. А больших, как всегда в таких случаях, - достаточно. Не могу уверенно судить, кто за этим стоит. Каримов в Андижан не пускает никого - точно как во времена СССР. Кажется, он надеется, что американцы, в благодарность за то, что он допустил их присутствие в стране, посмотрят на это сквозь пальцы. Я давно с ним не встречался. У нас с ним были хорошие отношения, очень доверительные. Хотя… Восток дело тонкое.

Он очень талантливый человек. Но мне нелегко понять, почему, например, в его стране до сих пор сохраняются разные валютные курсы. Там невозможно прийти в обменный пункт и свободно купить или продать валюту. До июля 1994 года у нас было такое же. Одним из первых моих президентских указов в 1994 году был указ о валютном регулировании. Созданная тогда система успешно работает и сегодня.

Может быть, у Каримова свое понимание этой проблемы. Узбекистан добывает 80 тонн золота в год. Господи! Это огромное количество. У него не только хлопок. Там есть нефть, там есть газ. Богатейшие возможности для развития. Может быть, он боится выпустить бразды правления? Считает, что в этом отношении лучше перегнуть палку, чем недогнуть? Я не раз от него слышал: «У меня проблема выживания, Леонид!». Он имел в виду не свое личное политическое выживание, а сохранение страны. Было время, когда он оказался один на один с Афганистаном, с талибами. Страшная проблема. Могли перейти границу в любой момент. Получить серьезную помощь от России он не мог, и не очень, наверное, хотел. Поэтому, когда американцы разнесли талибов, он потянулся к США как к единственной реальной силе в мире, которая помогла ему решить эту главную для страны проблему. По-моему, он ее только и видел. Он, кажется, не ожидал, что произойдет взрыв внутри страны. Человек восточный, Каримов любит говорить собеседнику приятное. «Ты должен знать, Леонид, что твоя Украина для всех нас в СНГ - это барометр. От вашей погоды зависит очень многое в моей пустыне!» Но из ГУУАМа вышел, ссылаясь на изменение политических составляющих, хотя когда мы создавали это объединение, то не ставили никаких политических целей. Мы не поступали в пику России. Говорю об этом совершенно искренне. Мы хотели создать дееспособный, по современным стандартам, транспортный коридор. Я рад, что эта цель процентов на 70 выполнена. Чтобы продолжать сотрудничество, двигаться дальше в сторону Центральной Азии, нужна реальная заинтересованность всех, необходимы соответствующие экономические обоснования, чтобы не получилось так, как с трубопроводом Одесса - Броды: построили, а он болтается между небом и землей, и неизвестно, будет ли когда-нибудь достигнуто то, ради чего его строили.

Мне очень хотелось бы, чтобы идеи ГУУАМА не были похоронены. Ведь речь идет, в частности, о проекте глобального значения - об аналоге Шелкового пути, который тысячелетиями связывал Восток с Западом (но ни в коем случае - о каком-то политическом проекте, направленном против России).

К. Затулин заявляет, что сейчас, после трагедии в Андижане, Узбекистан изменит отношение к России: *«Я думаю, что Узбекистан начал пересматривать свою внешнюю политику. Долго Узбекистан и его руководство рассчитывали, что если они поддержат любые решения США, например, в ООН, если откроют двери американскому и западному капиталу, поторопятся разместить у себя военные базы, все это поможет укрепить существующий в Узбекистане строй. Оказалось, наоборот».*

Все может быть. Не должно быть, по-моему, одного: злорадства, с которым делает свои прогнозы российский политик. Ведь Каримов потянулся к Америке не потому, что хотел обидеть Россию. Он выбирал ту силу, которая сможет защитить его народ от такой чумы, как талибы. Не его вина, что не Россия на тот момент оказалась этой силой.

Константин Затулин - депутат госдумы России. Я объявлял его персоной нон грата в 1995 году. Он громче всех, не считая Лужкова, требовал вернуть России Крым. Надо признать, что кро-

ви он нам попортил тогда немало, но в конечном счете можно, наверное, сказать, что это пошло в известном смысле на пользу Украине. Мы тогда лишний раз убедились, что великодержавные настроения в России - это всерьез и надолго, и надо держать ухо востро. Затулин с Лужковым, сами того не желая, способствовали консолидации Украины.

18 мая

Польша кипит перед парламентскими и президентскими выборами, а в ее отношениях с Россией - резкое охлаждение. Это работает история. Дошло до того, что поляки вон даже бойкотируют гастроли Большого театра. Трудно представить себе что-то более аномальное. В речи по случаю 60-летия Победы Путин ничего не сказал о вкладе поляков. Существует ось: США - Польша. Русским неприятно это знать. Существует президент Квасьневский - более коммуникабельного человека трудно себе представить. Это тоже, видимо, неприятно русским, потому что его коммуникабельность - не для них. С ним можно говорить один на один обо всем. Но это - мне, президенту Украины. А можно ли с ним обо всем говорить президенту России? Не знаю. У меня нет уверенности. Нет ее, думаю, и у президента России.

В Румынии была предвыборная кампания, и канал Черное море - Дунай был одним из главных пунктов в претензиях тамошней оппозиции к власти. Она, мол, позволила такой-сякой Украине сделать этот канал. А «такая-сякая» Украина предложила устроить транспортный коридор контейнерных перевозок с Дальнего Востока в Европу через Россию и Украину. Мы искали выходы из нашего трудного экономического положения. Как выжить? На чем заработать? Как лучше и быстрее использовать наши транзитные возможности? Пока что 80 процентов грузов доставляются морем. Доставлять их по суше через Китай и по Байкало-Амурской магистрали было бы намного быстрее. Долгая дорога - это надолго замороженные оборотные средства. Это то же самое, что держать груз на складе. К сожалению, у нас все делается не очень быстро. Было несколько совещаний с Россией, с Польшей, с ЕС. Большое дело, жалко, что я не успел с ним управиться.

Мне также очень нравится путь «из варяг в греки» - с самого севера на юг. Это Млечный путь. А когда-то варяги ориентировались по Млечному пути, по звездам. Тогда это была единственная, так сказать, магистральная нить между странами Скандинавии и Средиземноморья. И сегодня этот путь не менее актуален. По варяжскому пути везти грузы поездами до Одессы, дальше - паромная переправа в Болгарию и Грузию, Турцию, на Кавказ. А из Поти (Грузия) через Каспийское море - в Центральную Азию, в Китай…

Кирпа сделал первые экспериментальные поезда. Проскочил в таком поезде через Украину - это огромный путь! - и оказался в Одессе. Представьте себе на минутку протяженность почти семь с половиной тысяч километров! Но это - самый короткий путь из тех же «варяг», то есть норвежцев, шведов, финнов, в греки, или, говоря в общем, в средиземноморские страны. И значительная, практически решающая, его часть проходит именно через Украину. Не обязаны ли мы использовать это максимально выгодно для себя? Многому тут может научить нас опыт соседей и других стран.

Кто, скажем, в последние десятилетия прошлого века в Европе мог предположить, что Румыния станет главным коммуникационным узлом в Черноморье? А ведь стала. Этот фантастический рывок в области торгового судоходства румыны совершили всего за 20 лет. Благодаря каналам из Черного моря в Дунай Констанца стала самым крупным и развитым портом на Черном море. Как точно кто-то заметил, из-за деятельности этого транспортного монстра торговые ворота Украины на Дунае (порты Рени, Усть-Дунайск) превратились в узкие калитки.

Придется выдержать жесткую конкуренцию за транспортные грузы и со стороны россиян. Как альтернативная нашему пути «из варяг в греки» в России уже формируется новая коммуникационная ось Санкт-Петербург - Москва - Воронеж - Ростов-на-Дону - Новороссийск. И, надо признать, отчасти мы сами высокими таможенными и транспортными тарифами способствовали строительству новой российской скоростной магистрали, равно как и переориентации российских грузов на порты Балтии.

Вспомнил сегодня один разговор с Каримовым. «Узбекистан вынужден переориентировать грузопоток своего хлопка с Одессы на порты Балтии. Слишком высокие у вас тарифы по сравнению даже с балтийскими». Обидно было это слушать, тем более что грузопоток узбекского хлопка - это не ручеек, а полноводная река. Но тарифы у нас в руках парламента…

Наше географическое положение - это неоценимые преимущества Украины в геополитике. Вспомним, что термин «международный транспортный коридор» (МТК) вошел в обиход после

Второй панъевропейской конференции, состоявшейся на острове Крит в марте 1994 года. Тогда министры транспорта Евросоюза наметили перспективные направления встраивания транспортных систем постсоциалистических стран в Западную Европу. И четыре из девяти первоначальных МТК были намечены по территории Украины.

Но требования к таким коридорам очень высоки. Каждый из них - это целый комплекс наземных и водных транспортных магистралей с соответствующей инфраструктурой. Этот комплекс должен обеспечить перевозки грузов и пассажиров на уровне требований Евросоюза. Например, интенсивность автомобильного потока в коридоре должна составлять не менее 20 тысяч машин в сутки при минимальной скорости 120 км/час. При этом на границе легковой автомобиль не должен стоять больше 15 минут, а поезд - не больше 20. Понятно, что Украина пока ни одного из условий ЕС не может выполнить, но если мы не ускоримся, догонять соседей будет поздно.

Поляки не только кипят перед выборами. Они подошли к серьезному разговору о приватизации больниц. Конечно, сделают. Хотя будет нелегко и им. Над ними уже не висит угроза не быть принятыми в Европейский Союз. Им хорошо помогло то, что в Польше общественное мнение хотя и не сразу, но склонилось в пользу ЕС. Все прекрасно понимали: если допустят большой разнобой позиций по стратегическим проблемам, то не видать им Евросоюза. Нам его в обозримом будущем не видать в любом случае, поэтому мы не смягчаем своих разногласий. Как только дельный законопроект по здравоохранению попадает в парламент, там начинается одна песня: медицина должна быть бесплатная, образование должно быть бесплатное, вся жизнь должна быть бесплатная.

Не оправдались опасения, что польские крестьяне будут больше всех недовольны Евросоюзом. Два миллиарда дотаций свое дело делают. Фермеров не оставляют на произвол судьбы. Если Украина откроет свои рынки, польская сельхозпродукция, которую не поглощает Западная Европа, пойдет к нам. Нашему крестьянину станет еще труднее. Нельзя открывать рынки с бухты-барахты: можем себя уничтожить. Украинское село не может соревноваться с европейским, особенно при тех дотациях, что получают крестьяне на Западе.

19 мая

Вспоминаются предвыборные выступления Ющенко и членов его команды на многочисленных митингах. Наконец, их телеролики. Все каналы начинают и заканчивают одним: власть - бандитская, долой власть! Мне Ющенко говорил в самый разгар президентской избирательной кампании: «Не слушайте, что я говорю о вас и о власти на митингах. Не придавайте значения. Не принимайте близко к сердцу. Это политика». Я на это ничего не отвечал, но чувствовал всю странность положения. Кандидат в президенты, вождь оппозиции на всю страну, во всех своих поездках, на всех встречах на разные лады повторяет, что власть - бандитская, что с нею надо поступить соответствующим образом, а потом звонит или говорит при встрече: не принимайте близко к сердцу.

Многие удивлялись, что я продолжаю с ним встречаться, несмотря на то, что на публике он высказывается обо мне все более резко, обидно - на мой взгляд, несправедливо и нелогично. Несколько раз я не выдерживал и, пожав его протянутую руку, говорил ему: «Слушай, Виктор! Ну должна же быть какая-то мораль! Что же ты несешь? Помнишь, как ты пошел на акцию «Украина без Кучмы»? Помнишь, как стоял рядом со всеми беснующимися? Был центром площади… Герой! После этого минуло немало времени. Мы продолжаем с тобой видеться. И вот теперь ты уже совсем перестал выбирать слова. Ну нельзя же так! Или, по-твоему, можно?» В ответ он краснеет, говорит что-то не очень разборчиво. Смысл все тот же - просьба не обращать внимания.

Мне кажется, это все было актерство. Он хороший актер. Когда шла акция «Украина без Кучмы», он был премьер-министром. Вместе с Плющом как председателем Верховной Рады и мной подписал обращение против этой акции. А через некоторое время, во время очередного митинга, подписал обращение противоположного характера - такое враждебное и злое обращение, что мне оставалось только повеситься, чтобы доставить ему удовольствие. После этого приходит ко мне, ведет себя как ни в чем не бывало. Я спрашиваю его: «Как же так?» Он опять краснеет и говорит: «Я не читал это обращение». Он, повторяю, хороший актер.

На днях я перечитал то наше обращение. Откровенно говоря, не нашел в нем несправедливых оценок или незаслуженных обвинений в чей-либо адрес.

«Против нашего государства развернута беспрецедентная политическая кампания со всеми признаками психологической войны, - говорилось в обращении. - *Делается это тогда, когда мы начали выходить из длительного экономического кризиса, когда у народа появились реальные на-*

дежды на лучшее».

Это было действительно так, об этом говорила экономическая статистика, реально растущие доходы людей. В центре столицы же в это время ходили с факелами и чучелами тех, кто этот рост обеспечивал. Агрессивно настроенные люди скандировали «Геть!», «Ганьба!», «Кучму геть!» Среди них были и представители иностранных спецслужб. Это было зафиксировано, показывалось по телевидению.

«Украина и мир еще узнают о заказчиках, организаторах и исполнителях, о движущих силах этого провокационного действия, но все мы уже сейчас видим причастность к нему отечественных политиков и политических сил, для которых не существует ничего, кроме собственных интересов и амбиций. Они нагнетают атмосферу истерии и психоза, надеясь на этой волне расшатать законные государственные институции и как-нибудь прорваться к власти», - вот еще что говорилось в нашем обращении.

Думаю, теперь многие прочитают эти слова не так, как тогда, когда они были обнародованы. Употребили мы и слово «фашизм». Мы подчеркнули, что противники власти хотят подтолкнуть ее к силовому противодействию и тем самым создают реальную угрозу национальной безопасности. *«Не следует забывать уроки истории - вспомним, с чего и как начинался фашизм».* Мы предупредили, что *«в интересах граждан, общества, государства таким попыткам будет оказано активное и решительное противодействие всеми предусмотренными законом средствами. Анархия, произвол и беззаконие не пройдут».*

Слово «фашизм» в тексте вызвало бурю негодования в стане тех, что называли себя демократами. Ющенко не выдержал их давления и начал свои знаменитые маневры. Он не мог сказать, что не подписывался под нашим обращением, мы ведь одновременно поставили свои подписи: Плющ, я и Ющенко. Но из его объяснений вытекало, что подписался он то ли вынужденно, то ли не прочитав всего текста. Или читал, мол, да невнимательно. А минуло немного времени и, выходя на площади, опять гневно клеймил «злочинну владу».

20 мая

Решение взять Виктора Медведчука на должность главы Администрации было продиктовано одним: я знал, что он сильный организатор и один из наиболее квалифицированных в стране юристов. Я убедился в этом еще на примере «бархатной революции».

Эта «революция» началась после того, как представители правых фракций в парламенте инициировали отставку левого руководства.18 января 2000 года 226 депутатов проголосовали за включение в повестку дня проекта закона о внесении изменений в регламент работы Рады. Законопроект, в частности, предусматривал, что для принятия некоторых принципиальных решений (например, при смене руководства парламента) не требуется кворума, то есть присутствия 300 депутатов. Именно отсутствие этой нормы мешало освободить представителей меньшинства Александра Ткаченко и его первого заместителя (Адама Мартынюка) от их должностей.

Новое большинство могло проголосовать за отставку спикера, однако для того, чтобы решение вступило в силу, необходимо было участие в голосовании не менее 2/3 депутатского корпуса. При таком раскладе левым достаточно было отказаться от участия в процессе, и решение об отставке оказалось бы недействительным. Однако спикер воспользовался тем, что в регламенте закреплен принцип личного голосования парламентариев. Он «выловил» среди голосовавших так называемые «мертвые души», то есть депутатов, чьи карточки участвовали в голосовании в отсутствие их владельцев. Обычнейшая практика до сих пор… Ткаченко объявил результат голосования недействительным. В знак протеста «большевики» покинули зал. Меньшинство оказалось заблокированным в своих действиях. Как и весь парламент. Это повторилось и 19 января. Конфликт между новым большинством и меньшинством перерос в тупиковую ситуацию, разрешить которую в рамках действующего регламента было невозможно.

Члены 11 правых и центристских фракций покинули зал заседаний и объявили устами своего координатора - экс-президента Леонида Кравчука о создании коалиции большинства. Координационный совет большинства перенес свои заседания в другое здание - в Украинский дом. Так как Конституция Украины не определяет способ голосования на пленарных заседаниях парламента, депутаты сочли возможным голосовать подписями под соответствующими решениями. На первом же заседании коалиции, которое провел вице-спикер Виктор Медведчук, левое руководство Верховной Рады было отправлено в отставку. На втором заседании 255 его участников единогласно избрали новое руководство, вернув на высший пост Ивана Плюща. Его первым заместителем стал

Виктор Медведчук, заместителем - Степан Гавриш.

Позже это событие затмила другая революция - «оранжевая». Но тогда перед моими глазами была «бархатная», то есть та, вождем которой оказался как раз Медведчук. Если бы не он, в парламенте могло остаться все по-прежнему. К слову, непосредственным результатом «бархатной» было то, что Ющенко получил возможность целый год работать премьер-министром, можно сказать, в тепличных условиях. Закончилось противостояние парламента и правительства. Все законы и постановления, предлагавшиеся правительством, легко проходили через Верховную Раду, потому что в ней было создано полноценное большинство, 270 человек. Вопросы, которые, как еще недавно казалось, застрянут там навсегда, были решены без сучка и задоринки. Среди них - такие, как снятие советской символики со здания Верховной Рады, отмена празднования 7 ноября.

Успехи Ющенко-премьера во многом связаны с тем, что его подпирало парламентское большинство. Так что, по справедливости, он должен был бы быть благодарен Медведчуку за «бархатную революцию», позволившую ему работать с достаточной эффективностью.

В Штатах наибольшей популярностью пользуется тот, кто «сам себя сделал». Ющенко - тот, кого «сделали». Сделало разочарованное общество, сделала всплывшая на волне популизма так называемая демократическая элита, сделал еще кое-кто… В том числе и Виктор Медведчук.

21 мая

Секретарь СНБО Петр Порошенко рапортовал, что уже за две недели работы возглавляемой им «земельной» комиссии удалось вернуть в госсобственность 360 гектаров крымской земли в Ялте, Балаклаве, Феодосии, Севастополе. Никто почему-то не удосужился проверить. А между тем, как заметила одна едкая газета, и через три недели после начала работы комиссии в природе не существовало ни одного (!) судебного решения, которым бы государству возвращалась земля. А без суда как такое возможно?

«Земли в Крыму не просто раздают, ими торгуют, как семечками на базаре», - заявляет Генеральный прокурор Святослав Пискун. Судя по всему, что до меня доходит, ничего нового, кроме банального передела земель. Механизм «передела» оказался прост: было предложено создать управление «Укрспецзем Крыма». Эту структуру вывели из подчинения Рескомзема (крымского комитета по земельным ресурсам) и напрямую подчинили Госкомзему Украины. А возглавил ее чиновник, незадолго до этого с большим трудом отправленный в отставку по подозрению в «земельных» злоупотреблениях с поста… председателя Рескомзема. Иными словами, чтобы крымские разоблачители не дотянулись до предприимчивого чиновника, его подчинили киевскому покровителю. Сам киевский покровитель - глава Госкомзема Даниленко длительное время не давал согласия на отставку своего протеже, даже несмотря на прокурорское представление. И секретарь СНБО Порошенко, и глава крымской автономии Матвиенко возмущались, гневно протестовали. А он не отставлял чиновника, и все.

Вот где вспоминается «Номенклатура» Восленского. Отнюдь не приукрашивая советскую систему, констатируем: такого она не могла допустить по определению. Каждый чиновник получал только то, что ему было положено. Положено ему было больше, некоторым - намного больше, чем обычным гражданам, но сверх того он получить не мог. А если пытался и если тем более ему это удавалось, наказание, как правило, было неотвратимым.

В общем, с наведением порядка в земельных отношениях оказалось немного сложнее, чем с раздачей обещаний по этому поводу. Как воскликнул один из политиков под конец первого полугодия новой власти: «Сколько можно все на Бакая да Курочкина списывать!»

Я не раз говорил, что мы должны поступить, как в Турции, где на берегу моря не разрешается никакое строительство. Я за то, чтобы прибрежную полосу застраивать только по генеральному плану и только по разрешению правительства. Но для этого нужно принять соответствующий закон, разработать генеральный план развития Крыма. По украинскому законодательству землей полуострова распоряжается местная власть. Это входит в статус автономии. Значит, необходимо пересмотреть статус. Правда, сейчас без всякого пересмотра, явочным порядком, у автономии отнято ее право распоряжаться своей землей. Мне вообще трудно отделаться от мысли, что наведением порядка в Крыму после «оранжевой революции» занялись с рекламными, «пиарными» целями, за которыми стоят еще более прозаические намерения: переделить собственность.

Революционная демагогия всегда и везде сопровождает «большой хапок».

Боюсь, что таким «наведением порядка» в Крыму, каким занимаются нынешние власти, мы надолго остановим освоение полуострова. Не думаю, что я ошибся, несколько раз употребив слово

«освоение». С точки зрения современных мировых стандартов постановки курортного дела, побережье Крыма, да и весь Крым, нуждается именно в освоении. Там надо поднимать курортную целину - насколько она может быть поднята в условиях такого короткого сезона.

22 мая

В связи со вчерашней записью пересматривал газетные вырезки и наткнулся на очередное заявление Ющенко, что власть и пресса должны быть заодно. Не помню, говорил ли я что-то подобное, будучи на его месте. Вряд ли… Разве что по недосмотру проскользнуло в каком-нибудь докладе, который готовился для меня в аппарате. Разумеется, мне тоже хотелось, чтобы пресса меня поддерживала во всем, и кое-что я для этого делал - нечего греха таить. Сама система государственного телевидения и радио, областных и районных газет, учредителями которых являлись соответствующие администрации, наличие информационной службы в президентской Администрации - все это говорит само за себя.

Но я все- таки не забывался настолько, чтобы заявлять о желательности впрячь в одну телегу власть и СМИ. Это ведь уже было, при таких порядках мы жили семь десятилетий, и в итоге пришлось-таки ставить точку на такой жизни.

«Мы хотим, чтобы журналисты были по одну сторону баррикад с властью». А на каком, собственно, основании это «мы хотим»? Оказывается, на том основании, *«что мы честно выполняем обязательства и слова, которые дали украинской нации на майданах».* Если власть и печать должны быть на одной стороне, как говорит Ющенко, то кто - на другой стороне? По этой логике получается, что на другой стороне общество.

Попутно Ющенко призвал не только журналистов, но и бизнесменов, а также «простых граждан» поддержать власть. Ради чего? *«Вы увидите другую страну, другие стандарты».* Уполномоченные на бензоколонках - это, конечно, другие стандарты, но те ли, от которых людям становится лучше? Вряд ли эти заявления президента предвещают наступление на СМИ.

Вряд ли. Мне кажется, он просто искренне огорчен и растерян. Думал, видимо, что и после инаугурации будет слышать в свой адрес те же приятные вещи, что - до инаугурации.

24 мая

Без ВПК, без сотрудничества с Россией в этой области Украина может потерять свои научно-технические возможности. Западу мы с этими возможностями не нужны. Не сохранимся в качестве страны высоких технологий - будем покупать американские самолеты, как поляки (если будут деньги). Им, правда, американцы дали кредит на последнюю покупку. Те, понятно, взяли. Семь бед - один ответ.

Польша - это 280 миллиардов долларов ВВП и 120 миллиардов внешнего долга. Живут с надеждой, что когда-нибудь долги будут списаны. А что еще остается? В пору распада социалистической системы Польшу было решено сделать примером, своеобразной витриной для постсоветского пространства: вот, мол, вышли люди из этой кабалы, и теперь им, как в раю. Поэтому списывались долги, огромные долги. И сейчас наверняка спишут.

Точно так же когда-то поступал СССР: витриной социализма пытались сделать ГДР.

Но вообще у верхушки Евросоюза непростая забота: как помочь полякам сделать положительным платежный баланс? Посмотрим, какие предприятия будут размещать на территории Польши - это, в общем, единственный способ дать полякам рабочие места.

В хронике 1995 года значится катастрофа первого исследовательского самолета Ан-70. Ходили слухи, что я был свидетелем этого трагического события. В российской прессе о нем писали, как всегда в таких случаях, странные, нелепые, обидные для Украины вещи. В то время я к этому еще не привык, и, честно говоря, не знал, как к этому относиться - нужно ли как-то реагировать. Решил, что лучше не обратить внимания.

Это был обычный испытательный полет. В воздухе случайно столкнулось два самолета. Сопровождающий самолет зацепил крылом основной. Это была большая трагедия. Погибли люди. В бюджете не было ни копейки на строительство нового самолета. Вся программа резко замедлилась.

Прошло больше двух лет, прежде чем мы подняли в воздух второй экземпляр Ан-70. Деньги на него наскребали по всем сусекам. Основным финансистом была сама фирма Антонова. Сейчас испытания заканчиваются. Я верю специалистам - это уникальная для своего класса машина. В 2004 году мы серьезно поддержали антоновцев бюджетными ресурсами. И опять дело село на мель. Резко изменила отношение к Ан-70 Россия, которая участвует в проекте и главное - должна

была стать главным покупателем этого самолета.

Всем понятно, что речь идет о политических нюансах. Я много раз разговаривал по поводу Ан-70 с Путиным и знаю заинтересованность России в этом самолете. Теперь, когда украинское руководство на каждом шагу трубит о нашем скором членстве в НАТО, совместная работа над проектом теряет смысл.

Это лишь один пример, убедительно показывающий, что для нас значит сотрудничество с Россией в высокотехнологичных сферах. Без такого сотрудничества наши возможности близки к минимальной отметке.

После катастрофы российские и украинские СМИ много писали о том, что Ан-70 имеет реальные шансы стать родоначальником нового поколения оперативно-тактических военно-транспортных самолетов короткого взлета и посадки. Ведь при определенных условиях самолету достаточно взлетно-посадочной полосы длиной 600-700 метров, причем могут использоваться и грунтовые площадки. Он обеспечивает доставку практически всей номенклатуры вооружения и военной техники. Кроме того, на базе Ан-70 возможно создание самолета дальнего радиолокационного обнаружения и наведения, летающего командного пункта, топливозаправщика, поисково-спасательного самолета.

Одним словом, это действительно самолет будущего. Но, по мнению российской печати, делали его как бы наспех, «косо-криво, абы живо». Делали вместе, но так получалось, что виноваты в катастрофе, понятное дело, больше украинцы. Как и во всем, что прямо или косвенно относится к этому проекту… Описываются, например, проблемы, возникшие с двигателем Д-27: «Запорожье отбивается, как может. И все претензии почему-то связываются с электронным регулятором двигателя, который делает Уфа». Или: «Активно разыгрывается карта украинской принадлежности разработчика самолета. Между тем 80% этих денег должно идти российским предприятиям, и «антоновская» фирма выступает здесь только как генподрядчик. Никто не против того, чтобы деньги шли прямо в их адрес. Но сей ущербный «протекционизм» бьет не только по семейному бюджету российских граждан, но и по обороноспособности российской державы». Ни много ни мало…

Досадно, что мы так и не сумели вывести Ан-70 на те позиции в мировой авиации, которых он заслуживает. И почему? Потому что не смогли найти общий язык там, где обязаны были найти. Может, надо было, кроме прочего, с самого начала договориться не читать того, что пишут о таких делах «патриоты» - как российские, так и украинские…

Послушать наших революционеров у власти, так страны важнее Грузии для Украины нет.

Что дает объявленная вчера зона свободной торговли с Грузией или с той же Молдовой? Нам - немного. Им - что-то дает. Мы открываем свои рынки для их товаров. А какие их товары? Все то, что у нас свое есть, - вино, фрукты. Но моя позиция была - поддерживать и Грузию, и Молдову. Я подписал соглашение о зоне свободной торговли с Молдовой. В начале прошлого года наш парламент не ратифицировал это соглашение. Удивительно! Я даже не просил своего представителя в Верховной Раде постараться, чтобы все прошло нормально, - настолько был уверен в этом деле. Но депутаты закапризничали. Такое бывает. Может, были задеты чьи-то экономические интересы… Не знаю. Бывают такие глупые случаи, что не хочется вникать в причины. Махнешь рукой: делайте как хотите - вы же, так сказать, народ!…

Соглашение я подписал еще в ноябре 2003 года во время своего визита в Кишинев. Оно предусматривает установление зоны свободной торговли в двусторонней торговле между нашими странами. Дело касается сельскохозяйственной и промышленной продукции, «происходящей из таможенных территорий Украины и Молдовы». Согласно условиям соглашения, «стороны не применяют во взаимной торговле пошлины и сборы», также «все количественные ограничения и мероприятия с эквивалентным эффектом… должны были быть аннулированы с момента вступления в силу соглашения».

При этом соглашение вступает в силу только с момента принятия Украины во Всемирную торговую организацию. Иными словами, оно должно упредить возможные противоречия в торговом законодательстве Украины и Молдавии после вхождения этих стран в ВТО.

Может, кто-то из наших демократов когда-нибудь высказывался против нашего вступления в ВТО? Отнюдь. Тем не менее, когда в сентябре 2004 года соглашение с Молдовой было вынесено на ратификацию Рады, набралось «аж» 146 голосов при 433 зарегистрированных в зале народных депутатах. Юрий Кармазин, выступающий от имени Партии защитников Отечества, провозгласил, что соглашение ударит по нашим производителям вина-водки, нанесет им колоссальные убытки.

Петр Порошенко от имени бюджетного комитета припугнул депутатов тем, что бюджет потеряет гигантские средства от непроданных квот на сахар-сырец, что из Молдовы придет продукции гораздо больше, чем она способна произвести, то есть хлынет контрабанда. А довершил картину неповторимый Степан Хмара, назвав соглашение «диверсией мафии против Украины».

Что тут скажешь?

25 мая

Прочел про поездку Зинченко в Донецк. Снова угрозы. Обещает расправу с неугодными. Смысл какой-то детский: мы вас размажем, растопчем, мы явимся сюда, как гроза, если вы не будете нас любить.

Спрашивается: по какому праву именно это должностное лицо выступает с такими заявлениями? Да, он возглавляет Администрацию, вернее, Секретариат Президента. Важная, но совершенно неполитическая, неконституционная фигура. У меня был просто «глава администрации». Подхалимы писали слово «Глава» с большой буквы. Ющенко переименовал администрацию в «Секретариат», а главу назвал «Государственным секретарем».

Таким образом нелегитимность этой должности только усилилась. Раньше в ее наименовании хоть не было слова «государственный». Появился и смешной оттенок. Потуга на особую важность, солидность. В Америке есть государственный секретарь - будет и у нас. Расчет, что ли, на то, что широкая публика не уловит разницу? Или думалось не о публике, а о самолюбии нового главы администрации? Пусть утешается престижным наименованием.

Я обращаю на это внимание как на феномен новой, революционной метлы. Люди, которые приходят к власти на высокой общественной волне, на отрицании всего предыдущего, всегда первым делом стараются как-то закрепить это отрицание. Закрепить, естественно, самым простым и наглядным способом. То есть - переименованиями должностей и учреждений, перестановками, передвижками столов. Они придают огромное значение новой иерархии. Нет дня, чтобы на ум не приходило слово «детство». Нет такого дня!

Воздух пропитан революционным прожектерством. Кажется, все в стране вдруг стали специалистами по всем вопросам. А может, были таковыми и прежде, да не ощущали такого большого желания высказываться по всем вопросам. Вот на экране - директор крупного завода. Здравомыслящий, авторитетный человек. Слышу, как высказывается о топливных делах в стране. Он далек от них по роду своей деятельности. Но решил подсказать «руководству и активу», что думать надо не о том, чтобы строить новые нефтеперегонные заводы или наращивать мощности старых, а о том, чтобы увеличивать глубину переработки сырья. Действительно, на Западе выход бензина составляет 80 процентов, а у нас пока 40. Эту мысль тут же подхватили. Как водится, ей вольно или невольно придали характер панацеи, палочки-выручалочки. К ней проявили интерес и правительственные лица. Известны случаи из советской истории, когда за разговором такого рода следовали конкретные правительственные решения. Обычно они очень дорого обходились стране. Это называется решением вопроса без проработки. У человека, наделенного властью, всегда есть соблазн поддаться односторонней информации. Что касается данного вопроса, то, во-первых, в Украине за последние годы много сделано для повышения выхода бензина. Одесский НПЗ ставят на реконструкцию как раз для того, чтобы довести уровень переработки не меньше чем до 80%. А во-вторых, в Украине еще очень много техники, которая работает на низкооктановых бензинах. Если будешь выпускать только 95-й и 98-й, то что же делать тем бедным, кому нужен 76-й?

7 июня

Гальчинский теперь, после «оранжевой революции», негативно пишет про влияние Штатов на украинские и мировые дела. Весьма отрицательно! Интересно, что Гальчинский, прозападный до мозга костей человек, стал так резко отзываться о США. Раньше он больше занимался близкими соседями Украины. У него были статьи против гегемонистских устремлений России, против СНГ. Мне звонили из Москвы: «Что-то не то он пишет». Информировал меня и глава Администрации Медведчук: «Москвичи выражают недовольство печатными выступлениями Гальчинского».

Я отвечал всем одинаково: «Гальчинский - ученый. У него есть своя точка зрения на экономические процессы в мире, в СНГ, в Украине, в России. Он имеет право ее высказывать. К тому же он не пишет о России ничего оскорбительного».

И вдруг он совершил такой поворот. Трудно, наверное, сказать, кто больше изменился за та-

кое короткое время: американцы или Гальчинский. Может, он и раньше готов был их серьезно критиковать, да сдерживался: не хотел, чтобы сложилось мнение, что ближайший советник, соратник, единомышленник президента страны недоволен и Россией, и Америкой, и чуть ли не всем миром. Такая сдержанность - естественное дело. Так и должно быть у зрелых государственных людей, чего мы как раз не наблюдаем сегодня. Должность налагает ответственность. Положение обязывает.

В последних публикациях Гальчинского звучат предостережения по поводу односторонней ориентации новой власти на альянс с Вашингтоном. Делается это, как он считает, в ущерб нашим отношениям с Европой. Провозглашается одно, а фактически получается противоположное. Сегодня он пишет в «Дне»: «Надо отдавать себе отчет в том, что процессы, определяющие новейшие контуры геополитических отношений на евразийском пространстве, органически корреспондируют, прежде всего, с кризисом однополярности, связанным с перестройкой нынешней международной системы - переходом от однополярной геополитической среды к многополярным мировым отношениям за счет укрепления позиций в первую очередь объединенной Европы и Китая. Речь идет об объективной закономерности, которая все более дает себя знать и которую никак и никому, в том числе и такой могущественной стране, как США, остановить не удастся… Эти предостережения не могут не учитываться украинской внешней политикой. Тем более, что они прямо и непосредственно касаются наиболее чувствительной для нас темы: взаимоотношений США - Европа. Было бы большим упрощением полагать, что превращение после падения Берлинской стены США в единственную сверхдержаву, ее единоличная гегемония вызовут сугубо позитивные эмоции европейской общности. Хотя дело здесь далеко не в эмоциональном восприятии. Речь идет о более фундаментальных вещах - о судьбе Европы как признанного лидера мирового цивилизационного процесса, о сохранении ее уникальности в этом процессе, утверждении ее как одного из самостоятельных центров в многополярном мире третьего тысячелетия. Именно в этой плоскости следует рассматривать затронутую проблему, которая не может отстраненно восприниматься не только новой властью, но и каждым украинцем, ведь мы являемся частью Европы, мы - европейцы, и все, что происходит здесь, касается нашей судьбы, судьбы каждого из нас».

10 июня

Я оставил «оранжевым» страну с колоссальным запасом роста. На подходе было множество инвестиционных проектов. Кто хотел инвестировать? Прежде всего мы сами, украинцы. По Марксу… Накопился капитал. Он накопился там, где для этого были хорошие условия: за границей, в офшорных зонах. Но капитал не может долго лежать без движения. Ему хочется работать, расти. И вот началось возвращение денег из-за границы. Большие и средние «олигархи» стали вкладывать их в свои проекты. Но если вы начинаете вкладывать деньги, вам уже невыгодно жить по теневым схемам, уходить от налогов, всячески ловчить. Вложенные деньги требуют спокойствия, безопасности, прозрачности.

Я не мог нарадоваться: на моих глазах вроде сами собой начали складываться нормальные отношения между властью и бизнесом. Пошел тот самый процесс, который наблюдался в разное время во всех ныне развитых странах. Как и следовало ожидать, Украина не оказалась исключением.

Заметным этот процесс стал именно в 2004 году - в последний год моего президенства. Многие предприятия стали платить столько налогов, сколько никогда не платили. Сейчас, напуганные новой властью, они платят, может, даже больше. Но это отнюдь не обязательно хорошо. Страх - плохой помощник в деле расширенного воспроизводства. Делиться надо, но так, чтобы не подрывалась база роста. А самое плохое - то, что остановилось движение капитала из-за границы в Украину. Движение, подчеркну, украинского капитала! Он опять залег, опять затаился. Это страшно. Я никогда не испытывал такой тревоги и досады - даже в то время, когда инфляция исчислялась тысячами процентов. В таком напряжении держать экономическую систему долго невозможно, она развалится.

10 июня

У меня сегодня был директор «Южмаша» Алексеев. В прошлом году его прибыль исчислялась не в миллионах, в тысячах - 450 тысяч. Он должен обслуживать солидные зарубежные кредиты. Если это учесть, результаты выходят на минус. Не на чем зарабатывать. И ужасная обстановка! Завод уже три раза проверяли. Раньше ракетно-космическая отрасль пользовалась льготами, сейчас их отменили. Раньше за землю надо было платить пару миллионов, а сейчас - в 20 раз больше. Загоняют тупик. Почему? Зачем? Почему - понятно: «Южмаш» - это Кучма, «Южмаш» - это Алексеев, человек Кучмы. Думали, наверное, что вскроют такие злоупотребления, что вздрогнет мир. Насчитали нестыковок тысяч на 80… гривен. Смешно! Но не остановились, говорит Алексеев, продолжают «копать». У таких, как «Южмаш», - откуда деньги?

Система двигалась, набирала обороты, люди не боялись брать кредиты, обновляли оборудование, отчетливо видели завтрашний день. Изношенность основных фондов в Украине в отдельных отраслях переваливает за 80%. У нас наиболее старый среди стран СНГ производственный капитал. Стратегией Советского Союза в последние десятилетия было освоение восточных районов. В Украине серьезные инвестиции не осуществлялись. Если сегодня прекратить обновление, мы отстанем навсегда. Мы вообще никому не будем нужны. А они устраивают три проверки «Южмашу»!

Подал в отставку со своего поста генеральный конструктор всемирно известного АНТК имени Антонова Петр Балабуев. Да, он человек далеко не молодой, но его нельзя было отпускать! Человек, с которым Россия на «вы», который сумел не просто сохранить авторитетнейший в мире комплекс самолетостроения, но и придать его развитию самые современные конкурентоспособные характеристики. А ушел ведь он не просто так - ушел в знак протеста против политиканства и интриг, затеянных вокруг создания так называемого авиаконцерна (или консорциума - как назвать его, так и не решили) на базе нескольких ведущих авиапредприятий страны, базирующихся в Киеве и Харькове.

Я не противник этого решения. Но что произошло? Под красивые разговоры о концентрации потенциала отрасли, по сути, вознамерились сотворить колхоз. А что такое колхоз? Это когда один работает хорошо, а семеро - плохо, и то, что вместе наработали, делится на всех. Один с сошкой, семеро с ложкой.

Этот принцип, как известно, в советские времена действовал не только внутри каждого колхоза, но и внутри каждого района. Два-три сильных колхоза «отдувались» перед государством за всех. Так было и в масштабах области: два-три сильных района «вытягивали» областной план. Так было и в масштабах каждой республики, и, наконец, в масштабах всей страны, которая делилась на республики-доноры и республики-иждивенцы. При Хрущеве была устроена кампания по укрупнению колхозов: сильных объединяли со слабыми. Естественно, чаще всего не слабые поднимались до уровня сильных, а сильные снижали свои показатели. Кто не работал, тот и не будет работать, с кем его ни объединяй. Это закон жизни - вечный закон. В основе его - природные различия людей.

Об этом как раз и не думали, когда создавали объединение. Естественно, Балабуев взялся доказывать, что так не объединяются. Но его никто не слушал. И он ушел. Выиграла от этого авиационная отрасль? Выиграла страна? Сомнительно.

Алексееву еще нет шестидесяти, работать и работать, но если, говорит, так будет продолжаться, придется уйти. «Будущего без России у нашей отрасли нет», - его слова. Дай Бог, чтобы это поняли на самом верху. По указанию президента создали комиссию. Ющенко заявил, что будет лично заниматься космосом. Возглавляет комиссию Зинченко, секретарь - Горбулин. Зинченко, может быть, большой человек, и Горбулин тоже, но дело в том, что такими проблемами должно заниматься правительство, а не Секретариат Президентаа.

а Комиссия осталась мертворожденным образованием. Конечно, были показательные, с помпой обставленные визиты в космическую столицу Украины - Днепропетровск. Сначала посетил город Ющенко, затем - Зинченко. На совещании по вопросам космической отрасли Ющенко сообщил, что рассматривает это направление как приоритетное для страны и поставил задачу: «возрождение здорового «эго» людей, для которых космос является профессией». Красиво. Но что дальше?

В мае Зинченко громко заявил о необходимости досрочного пересмотра госпрограммы развития ракетно-космической отрасли. По его словам, существующая программа до 2007 года не соответствует современным требованиям. «Поэтому она будет пересмотрена досрочно», - сказал он.

Тоже впечатляет. Но тот же вопрос: что дальше? Зинченко сообщил, что приоритетами обновленной программы должны стать создание собственного спутника связи, участие Украины в интегрированных европейских космических проектах, обновление промышленного потенциала ракетно-космической отрасли. Далее пообещал, что Украина намерена запустить собственный спутник связи до конца 2006 года.

На этом, по сути, все и закончилось. Зинченко взялся разоблачать Порошенко, и ему стало не до создания новой программы взамен той, «которая не отвечает современным требованиям». Президенту тоже как-то некогда стало заботиться о «возрождении здорового «эго» людей, для которых космос является профессией». Так что про комиссию уже никто и не вспоминал.

Приходится констатировать: развитие нашей космической отрасли остановилось. В этом я, кстати, тоже усматриваю одно из свидетельств, что события конца 2004 года были таки революцией. Только революции бестрепетно останавливают и разрушают столь громадные дела и наработки. Сентябрь 2005 г.

22 июня

Знаком со многими, кто прошел Афганистан. Проблема адаптации этих людей после страшных дней войны не надуманна. В Советском Союзе делался вид, что ее не существует. Но сегодня все наяву. Последствия чеченской войны испытывают на себе и в Чечне, и во всей России. Такие стрессы быстро не забываются. Во сне потом долго будешь вздрагивать.

Наше село стояло на пути немцев в Россию, на Стародуб. Мы пережили наступление немцев, оккупацию, потом наступление советских войск. В последние дни прятались в лесу - мать и мы, трое детей. Я помню, как к нам в хату приходили полицаи и ставили мать к стене, спрашивая, где ружье отца. Мне было четыре года. Отец был лесником, ему было положено ружье - считали, что он его спрятал, уходя на фронт.

Только уже в довольно зрелом возрасте меня перестали мучить кошмары. Помню, как вскакивал среди ночи в холодном поту. Честно говоря, дико думать, что сегодня есть тысячи чеченских детей, с которыми происходит то же самое.

24 июня

Вчера дочка показала публикации по Акаеву. Его противники приехали в Москву, где он от них скрывается, подписали с ним бумагу, что он отказывается от президентства в обмен на гарантии. Забрали у человека пост президента. Как это можно? Он президент. Полномочия его не закончились. Как это заберешь? Льготы отменить - это понятно, это можно. Но он стал президентом в результате всенародных выборов. Является группа людей, которые заявляют, что это, мол, ничего не значит: был президентом - теперь не будет. Беспредел!

Пишут, что Акаев просил участок на Иссык-Куле. Пока не дали.

Эдуарду Шеварднадзе новые власти выставили счет за коммунальные услуги на пять тысяч долларов. У молодых джигитов с чувством меры не все в порядке. Они не понимают, какую мину закладывают под собственное будущее. Ведь по их примеру и с ними могут поступить точно так, как они с Шеварднадзе, если не хуже.

При советской власти каждый новый вождь поносил прежнего. Это продолжается и теперь. Отбросить, очернить десять лет жизни такой страны, как Украина, сказав, что все делалось не так, все делалось плохо… Это проявление государственной мудрости! И какой сигнал подается миру, тем же потенциальным инвесторам?

Я не понимаю, что делала Россия, выступая гарантом стабильности Кыргызстана. В чем заключалось гарантирование? Если говорить о свободах, то Кыргызстан нельзя сравнить ни с одной республикой в том регионе. У Акаева свобод было больше, чем у кого бы то ни было. Иначе никакой революции в его стране не произошло бы. Акаев пострадал от своего либерализма, мягкости, уступчивости. Сам вырастил своих беспощадных оппонентов. Как и я - своих. Он впустил в страну всех и вся, там было полно западных фондов. Его партия убедительно победила на выборах. Но кланы! И страшная бедность, наркоторговля, межнациональные трения. У него нет ни нефти, ни газа, как у соседей. Вот и «революция» в результате, которую, кстати, активно поддержали наши

«оранжевые»…

Когда смотришь на судьбы руководителей современных стран, то невольно приходишь к выводу, что почти все они в конечном счете становятся жертвами - жертвами народной потребности в разнообразии, жертвами народных капризов. Например, Сильвио Берлускони. Он очень много сделал для реформирования Италии. И вот только что проиграл в 11 из 13 регионах на муниципальных выборах. А как уходил Вацлав Гавел? Пришел как кумир, совесть и гордость нации, высокий представитель Европы в мире, образец демократизма. Занимался только политикой, там парламентская форма правления, хозяйственные вопросы - в компетенции правительства, его имя не было связано с бизнесом. И что же? Уходил с очень низким рейтингом. Говорят, что его рейтинг упал после того, как Вацлав, после смерти жены, оформил брак с актрисой. Народу не понравилась актриса, народу не понравилась женитьба бывшего кумира…

2 июля

Когда Юлия Тимошенко стала премьер-министром, она тут же кинулась всем управлять «в ручном режиме» - всем народным хозяйством, всеми отраслями. Для нее будто вернулось советское время, когда министерства имели в своем распоряжении финансовые и другие ресурсы и действительно управляли каждое своей отраслью, как одним большим заводом.

Мы от этого давно отошли и на законодательном уровне, и на практике. В положении о министерстве записано, что оно разрабатывает стратегию развития подведомственной ему отрасли, а не командует производственно-коммерческой деятельностью предприятий. Самостоятельная структура (например, «Нафтогаз») не должна подчиняться никакому министерству. Это автономный субъект хозяйственной деятельности. Его отношения с государством сводятся в основном к уплате налогов, даже если он принадлежит государству.

Ющенко - Тимошенко получили в наследство объединенные в одном министерстве телекоммуникации и транспорт. Такое объединение - мировая практика. Они задумали разделить эти две сферы. Наверное, считают, что перед ними - структурные подразделения министерства. У них явно не укладывается в головах, что это давно не так. Для них нужно еще подчеркивать и подчеркивать, что отношения министерства и хозяйствующей структуры должны быть сугубо функциональными.

Министерство - это выработка политики развития отрасли. И больше ничего. Я, например, ликвидировал Госкомитет связи. Почему я это сделал? Данная контора была, как нарыв на здоровом теле. Этот нарыв пытался управлять организмом - «Укртелекомом». «Укртелеком» - акционерная компания. Зачем ей государственный начальник с его аппаратом? Я жестко ограничил численность министерств и ведомств. Сейчас буквально ежемесячно появляется какая-нибудь новая чиновничья структура. И что из этого?

Включаю телевизор и узнаю, что Министерство сельского хозяйства (министр - тоже социалист) намерено остановить вывоз удобрений за рубеж. Пусть, мол, остаются в родной стране. Забота об урожае… Но если ты считаешь, что сельскому хозяйству Украины не хватает удобрений, так создавай такие экономические условия, чтобы химическим заводам было выгоднее продавать свою продукцию на внутреннем рынке, чем на внешнем. Или хотя бы заранее введите квоты, чтобы производители могли на них ориентироваться, планируя свою деятельность на внутреннем и внешнем рынках.

Есть такое понятие в экономике, как баланс. Сначала обеспечь внутренние потребности. Но это делается заблаговременно, в понятные людям сроки, в понятном им порядке. Нет, хотят дать команду: «Прекратить отгрузку за границу!» И будут считать, что проблема решена. Но ведь у заводов есть долгосрочные экспортные договора! Понимают ли эти люди, что значит нарушение такого договора?

Да, правительство Тимошенко перешло на ручное управление - это «советское» правительство. Однозначно. Оно отказывается искать рыночные методы управления экономикой. Но мы ведь все это проходили. У нас есть не чужой, а собственный опыт всеобщего огосударствления. То, что мы на десятилетия отстали от Запада, - результат прежде всего этой политики. Мне все это трудно понять.

4 июля

Представители правительства заговорили о необходимости построить еще один нефтеперерабатывающий завод в Одессе или где-нибудь в другом месте.

Тимошенко считает: завод в Одессе будет построен за полтора года, и это - самый пессимистический срок. Перерабатываться, по ее словам, будет не российская нефть, транспортные расходы будут минимальными, глубина переработки нефти поднимется с нынешних 46 - 70% до 90%.

Вскоре печать сообщила, что Виктор Ющенко поручил Кабмину и Одесской облгосадминистрации обеспечить строительство нефтеперерабатывающего завода в районе порта «Южный» в Одессе. Глава государства распорядился, чтобы Одесская обладминистрация в десятидневный срок предложила земельный участок для нового предприятия, а Кабмин в течение месяца организовал тендер на инвестирование строительства. Проектную мощность завода определили в 8 млн. тонн в год, хотя Тимошенко замахивалась и на 10 млн. При этом президент пообещал, что глубина переработки нефти будет даже больше, чем следует со слов Юлии Владимировны, - 95 процентов. Кабмин быстро рассмотрел проект указа президента, и…

И ничего не случилось. Потому что не могло случиться, пусть пройдет даже десять раз «десятидневный срок» и двадцать раз «в течение месяца». Нельзя относиться к этим разговорам и телодвижениям иначе, как к исключительно популистским. Нам что, требуется больше нефти, чем мы потребляем? Нет, ни в коем случае! Потребление надо не наращивать, а сокращать. Может, России для переработки ее нефти не хватает уже имеющихся украинских мощностей? В таком случае она сама бы позаботилась об их увеличении. Может быть, у нас есть альтернативные источники нефти - не только Россия, и нам негде ее перерабатывать? Нет, альтернативных источников нет. Иракская нефть лучше, поэтому и дороже российской, но нас устраивает и российское качество. Выдвигавшаяся когда-то идея проложить трубопровод с Ближнего Востока через Турцию в Одессу по дну моря оказалась недостаточно практичной. Когда я слышу, что в Украину пойдет каспийская нефть, я спрашиваю: из каких скважин? «Баку - Джейхан» уже вступает в строй, но и он не будет полностью загружен - нефти для него нет.

К власти пришли новые люди. Их возбуждает внимание общества, волнуют и тревожат народные ожидания. Надо как-то откликаться на трудности, на рост бензиновых цен. Вот и выдумывают успокоительные проекты вроде мнимого строительства новых заводов и увеличения мощностей.

Такое несолидное поведение унижает страну.

12 июля

Интерес иностранных инвесторов к Украине (и так небольшой) стал таять на глазах. Действительно, какой может быть интерес, когда на уровне правительства нет более важного разговора, чем разговор о пересмотре итогов приватизации! Инвестор спрашивает: где гарантия, что я приду, вложу свои деньги в предприятие, а у меня его не заберут или не заставят доплатить? Зачем ему эта головная боль?

«Наехали» на российские компании. Это не только недальновидно - это черная неблагодарность. Стоял Калушский химический комбинат Ивано-Франковской области. Он использует только российский мазут. Люди были без работы, выходили на улицы, перекрывали дороги. Пришел туда российский «Лукойл», создали совместное предприятие. Сегодня оно успешно работает. Кстати, на нем старый долг, от царя Гороха - Германия в свое время дала миллионов сто марок. И вот это предприятие теперь в списке на пересмотр итогов приватизации.

В том же списке, говорят, Николаевский глиноземный завод. Между прочим, его приватизировали, когда правительство возглавлял Ющенко. Мы считали это самым удачным проектом. Завод работает успешно, производство развивается - раз так, давайте его перепродадим. После того, как я сделал в квартире евроремонт, она, конечно, становится дороже, но разве на этом основании можно пересматривать сделку купли-продажи?

И все же нельзя подходить к проблеме иностранных инвестиций упрощенно. Необходимо видеть разные аспекты. Я очень много занимался этой проблемой, понимая, как важны в этом деле личные контакты с представителями крупного капитала. У меня было золотое правило - в каждой зарубежной поездке обязательные встречи с потенциальными инвесторами. Такие встречи были постоянными и на Банковой.

Два аспекта в этой связи. Первый: понимание того, что широкомасштабные иностранные инвестиции возможны лишь при условии достаточно высокой инвестиционной активности национального капитала. Иностранный инвестор никогда не пойдет на риски вложения в экономику с парализованной инвестиционной системой, в экономику, в которой собственный инвестиционный потенциал используется лишь частично, а проще говоря - вывозится или проедается. Активность иностранного капитала в Украине существенно возросла в 2002-2004 годах, когда собственные капитальные вложения в экономику начали более чем в два раза опережать темпы ВВП. Экономика начала работать на перспективу, и это понял западный капитал. Мы стали ему интересны.

Вместе с тем я против упрощения роли иностранного капитала. Нужно уберечь себя в этих вопросах от опасной эйфории, учитывать не только позитивные, но и негативные последствия иностранных инвестиций, не переоценивать их макроэкономическую функцию и стабилизирующую роль, проявлять оправданный рационализм в соответствующей политике государства.

В этом смысле заслуживает внимания опыт наших соседей - стран Центральной Европы, где роль иностранного капитала оценивается далеко не однозначно. Это видно и со стороны - высокие темпы роста на начальном этапе притока иностранных инвестиций сменились их существенным падением. На первом этапе ввозят инвестиции, а потом вывозят прибыль. В Польше один из самых высоких уровней безработицы. Плюс бюджетные проблемы и многое другое.

Но главное даже не в этом. Основой рыночной экономики является национальный капитал, его конкурентоспособность. Может ли он на равных конкурировать с иностранным собственником, когда речь идет о приватизации привлекательных объектов?

Припоминаю слова Вацлава Клауса, теперешнего президента Чешской республики, который во время одной из наших встреч говорил: «После коммунистической эпохи надо обязательно дать шанс развиваться прежде всего отечественному капиталу. В этой связи совершенно недопустимо ориентироваться на продажу особо привлекательных объектов иностранным инвесторам».

Попробую перевести эту формулу на язык практики. Есть разные модели приватизации. Когда речь о ее стопроцентной открытости, то ясно, что в этом случае целью продажи определенного объекта является иностранный инвестор. Тут не нужно лукавить. Это тоже политика, это в конечном итоге стратегия государства. «Криворожсталь» собираются перепродать именно по этой схеме. Здесь не будет альтернативы - отечественный инвестор или иностранный. Изначально ставка делается на иностранный капитал.

Естественно, что существуют и другие модели приватизации, модели, где изначально, в самой схеме продажи предпочтение отдается формуле Клауса - «дать шанс развиваться прежде всего отечественному капиталу».

Скажу откровенно: как президент я всегда придерживался именно этой формулы. Переходный период - это период первоначального накопления капитала. Это аксиома. Что же это за государственная политика, если ее целью является накопление не национального капитала, а его подмена капиталом иностранным, пусть даже и высокорейтинговым?

Никогда не скрывал и не скрываю теперь, что придерживался противоположной политики. Это, естественно, многим не нравилось. Не нравилось ни на Западе, ни в России. Когда украинская экономика пребывала в состоянии глубокого кризиса и для иностранного капитала не представляла интереса, на мою «националистическую» позицию никто не обращал внимания. Другое дело - в последние пять лет, когда мы начали, демонстрируя свой экономический потенциал, быстро развиваться. Тут политика «дать шанс прежде всего национальному капиталу» стала для кое-кого, мягко говоря, раздражающей.

Это вопрос особой важности! И еще раз подчеркиваю: речь идет о выборе возможной модели развития. В последние десятилетия много говорилось о южноазиатском экономическом чуде. Я интересовался этой проблемой. Возьмем Южную Корею. Политика «выращивание крупных национальных корпораций» стала основой так называемой «управляемой интеграции» экономики этой страны в структуры мирового хозяйства. Речь идет о типичной для восточноазиатских стран позиции. Не думаю, что мы должны строить свою стратегию на противоположных принципах. Не надо далеко ходить - например, в России давно действует правило: стратегические объекты - только отечественному инвестору.

14 июля

Чего при мне боялся украинский бизнес, в том числе тот, что представлен в парламенте, где едва ли не каждый второй депутат - более или менее крупный предприниматель? Боялся всего, кроме преследований со стороны высшей власти. Я говорю о преследованиях откровенно классового характера, когда поносят и притесняют не отдельных людей, допустивших те или иные нарушения, а всех скопом. Такая угроза существует уже полгода.

Правда, что-то, кажется, сдвигается в лучшую сторону. Вчера говорил с Юрием Ехануровым, поздравил с назначением на пост губернатора в Днепропетровск (назначение произошло 1 июля 2005 г.). Спрашиваю: «Ну, как твой шеф?» Он говорит: «Вначале кипятился, а потом успокоился. Я же, мол, сам понимаю, что надо кончать все эти разговоры о реприватизации».

Ющенко, будучи в Кривом Роге, сказал, что частная собственность должна быть священной коровой.

27 июля

После «оранжевой революции» стали говорить, что на украинской части черноморского шельфа много нефти, что эти запасы давно разведаны, только держатся в тайне, за семью печатями. Среди тех, кто это говорил, оказался и Петр Порошенко. Есть люди, которые любят раскрывать ими же выдуманные «секреты», чтобы придать себе вес, привлечь к себе внимание. Таких, к сожалению, что-то много среди нынешних управленцев.

Я могу допустить, что не знал о результатах разведки в Азовском море, но в Черном - исключено. В нем искали не только нефть, но больших залежей не нашли. В советское время главным направлением геологоразведки было Азовское море. Потом появилась тюменская нефть, и азовскую программу забросили. Все силы были направлены в Западную Сибирь, и украинцы туда поехали, как в свое время по программе Столыпина. Потом открылось второе дыхание у Каспийского моря.

То, что с заявлениями о «секретной» нефти в Черном море стали выступать такие политики, как Порошенко, мне показалось характерным. Это мне напомнило времена Сталина, а потом - Хрущева и отчасти - Брежнева. Перед страной стояли трудные проблемы. Средств и возможностей не хватало. Население изнемогало под тяжестью проблем выживания. Хотелось все вопросы решить как можно быстрее и дешевле. Учтите при этом научно-техническую неосведомленность и просто малограмотность высшего руководства, и станет понятно, почему в Кремле был такой спрос на всякого рода панацеи. А потом же еще замечательная большевистская вера в науку, в инженеров, в изобретательство. Ясно, что одержимые и шарлатаны, как мухи, полетели на Кремль. Я согласен с теми, кто именно таким образом объясняет феномен лысенковщины, появление таких проектов, как поворот северных рек, кукуруза, микробиологическая промышленность, мелиорирование всех необозримых пространств шестой части земной суши и так далее.

Можно было думать, что время таких кремлевских увлечений прошло. И в России оно-таки, кажется, прошло, а в Украине вот вдруг возродилось. Я этого не допускал. Считаю, что тут положительную роль сыграло то, что я инженер, да притом по такой части, где изобретательство ценилось и ценится очень высоко, но очень четко отделяется от фантазий.

Но вот произошла «оранжевая революция», и мы сразу же услышали и про секретную нефть в Черном море, и про газовый трубопровод из Ирана, и о намерении быстро решить мясную проблему путем создания свиноферм по датскому образцу, и что-то еще. Сюда же я отношу и обещания снизить цены на мясо, изобретения схем завоза дешевого сахара, всякие ноу-хау вроде «горячей линии» в правительстве… И более серьезные вещи: ожидания многомиллиардных иностранных инвестиций, скорого вступления в НАТО и ЕС. Еще раз скажу: это показывает, что произошло что-то действительно похожее на революцию. Революция неотделима от невежественных увлечений и мечтаний. Революция не понимает смысла подлинного созидания. Она знает, как разрушать, умеет обещать, но не способна строить, возводить новое. Все в этом смысле естественно, но за державу, конечно, обидно.

Это все послереволюционные увлечения малограмотных людей. Это анахронизм, о котором думалось, что он навсегда остался в прошлом. Порошенко, видимо, слышал звон, да не вник, откуда он. Мы действительно все время думали, как хотя бы немного ослабить свою топливную зависимость от России. Пытались привлечь иностранные компании. С разговора об этом я начинал и

заканчивал не одну встречу с представителями Запада. И кое-что нам удалось. В Черном море мы вместе с англичанами отгрохали вышку, чтобы пробурить глубоководную скважину. Вгрызлись в дно на восемь миль! Но нефть из нее не потекла.

Сами тоже все эти годы потихоньку занимались разведкой, и кое-чего добились. Практически весь Крым мы сегодня обеспечиваем нашим, украинским газом из Черного и Азовского морей. Азовское море считается перспективным, там есть смысл продолжать изыскания. Так что не случайно мы упорно добивались проведения украинско-российской границы не только по азовскому дну, но и по поверхности. Мы считали важным, чтобы у каждой стороны была своя полноценная зона ответственности и, естественно, экономических интересов. В конце концов мы об этом с Россией договорились. Это был большой прогресс в наших отношениях. Дался он ценой неимоверных усилий. Об этом сейчас принято помалкивать.

28 июля

За пять месяцев сильно упали темпы экономического роста. В четыре раза! Читатель понимает, насколько меня беспокоит эта проблема. Ведь позади у меня - руководство страной, которая преодолела глубочайший кризис, почти 60-процентное падение ВВП.

Как могло случиться это четырехкратное падение? А так, что о проблемах роста просто не думали.

Возможно, я ошибаюсь, но прошло полгода, и за это время никто из моих «сменщиков» ни разу ни слова не сказал о производстве и накоплении. Заняты были тем, что делили накопленное и пытались любым способом наполнить казну для нужд потребления. Как относятся люди к семье, которая тратит в несколько раз больше, чем зарабатывает? Похвалялись упразднением свободных и особых экономических зон, всевозможных налоговых и иных льгот, «трясли» таможню, госпредприятия, начали ревальвировать гривню и многое, многое другое.

С чем- то из этих мер можно было согласиться, но у меня волосы шевелились на голове, когда я день за днем убеждался, что на верхней ступени власти нет, пожалуй, ни одного человека, который понимал бы, что темпы роста -это такой вопрос, которым надо заниматься с утра до вечера, а все остальное - между делом. Все остальное - гарнир.

Знаю, сколько важных вопросов я упустил из-за того, что занимался ими по остаточному принципу. Но не объять необъятного, а главного я все-таки не упускал.

Помню, как в период мирового финансового кризиса (1997-1998 гг.) мне пришлось перебрать по сути все бразды экономического управления на себя. При президенте был создан антикризисный неофициальный штаб, в который вошли глава правительства, его заместитель по экономике, министры финансов и экономики, председатель НБУ, мои экономические советники. Каждый понедельник заслушивались соответствующие доклады и принимались оперативные управленческие решения. Все делалось в «ручном режиме». Россия не устояла - объявила дефолт, а мы смогли не только сохранить свою дееспособность, но и создать предпосылки экономического роста.

Таких примеров очень много. Когда нужно было спасать пакистанский контракт по экспорту танков, выпускавшихся в Харькове на заводе Малышева, я взял на себя функцию главного прораба и в этом вопросе. Таким же образом решались вопросы о поддержке авиакосмической техники, судостроения, о стимулировании металлургии и многое другое.

Не буду скрывать, такая конкретика мне нравилась больше, чем общая сугубо президентская «глобалистика». Психология здесь понятна. Для меня само собою разумелось, что я являюсь директором большого завода под названием Украина - правда, с совсем иными функциями. Мне ставили это в вину. Считали, что в этом проявляется моя ограниченность. Сожалели, что я не могу вылезти из кожи «красного директора». Я мало прислушивался к этим замечаниям и еще меньше их понимал. Если бы мне тогда пришлось с кем-то из этих моих критиков говорить всерьез, я бы, наверное, сказал так. «Вы что, действительно считаете, что экономика Украины, проблемы ее роста не должны стоять для меня на первом месте? Вы действительно думаете, что в данный исторический период экономику Украины можно пустить на самотек? Вы говорите, что надо создать такие условия хозяйствования, чтобы экономика не нуждалась в повседневном внимании президента. Согласен. А я чем занимаюсь? Или вы представляете себе дело так, что, создавая эти самые условия, я не должен одновременно «директорствовать»?»

И вот только теперь, когда у руля страны оказались люди, для которых главное - это красивая фраза, собственный имидж, а производство, экономика отодвинулись на второй план, до меня дошло, чего, собственно, требовали от меня мои критики.

«Наехали» не только на крупный бизнес - «наехали» на средний и на малый. Деловая активность в стране резко упала. У меня в голове это не укладывается. Вы же сами почти все бизнесмены! Пришли в политику из бизнеса. Неужели вы не можете поставить себя на место тех, кого «окорачиваете»? Увидев, сколько теперь придется платить налогов, многие ушли из бизнеса вообще или перебрались в «тень», хотя ожидалось противоположное. Пришлось возвращаться к прежнему порядку налогообложения. Но это же не детская игра - вчера закон аннулировали, сегодня вернули. Такие потрясения в экономике не проходят бесследно, они мгновенно отражаются на темпах роста.

Резко упало производство в бывших свободных экономических зонах. Ко мне зашел человек из Луганска. Рассказывает: 300 тыс. т коксующихся углей лежат на складах, никто не покупает, потому что пришлось, так сказать, загасить металлургические «топки». В прошлом году за эти угли драка шла, их даже не хватало, завозили из Польши, из России, а теперь они никому не нужны. Десять домен закрыты. Металлурги ведь тоже лишились льгот, без которых, как теперь выяснилось, дело идти не может. А это, помимо всего прочего, 40 процентов поступающей в страну валюты.

По темпам роста ударил «накат» новой власти на директорский корпус. С кем из директоров ни поговоришь - чувствует себя очень плохо. А человеческий фактор - это не шутка. Если у директора нет настроения работать с полной отдачей, не помогут никакие инвестиции. Я это очень хорошо знаю. Был в директорской шкуре. На государственных предприятиях ввели конкурсное замещение руководящих должностей. Это напоминает горбачевское время, когда вводили выборность директоров.

Нанесен удар по частному интересу. Уже само это в высшей степени парадоксально: люди, владеющие немалой собственностью, знающие, казалось бы, что частная собственность - это действительно движущая сила, и сила, ничем не заменимая, «наехали» на эту силу! Начали пересматривать принципы рыночного ценообразования. А ведь это главное в механизме частной собственности. Одновременно стали наперебой объявлять, сколько кандидатов в списке на «раскулачивание». Поместили в подвешенное состояние практически всех, от кого в решающей степени зависят темпы роста. Сказали фактически открытым текстом: все, чем вы владеете, может быть отнято. Да пока вы соберетесь это сделать, от собственности, на которую вы положили глаз, останутся рожки да ножки!

Приходят люди, отводят душу. Им реально трудно. Сейчас они понимают переживания людей сразу после революции семнадцатого года - управляющих и собственников предприятий, на которые набросилась разрушительная стихия. Но тогда была соответствующая идеология, была песня: «… разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим». А сейчас всего-навсего выводят на чистую воду и ставят в рамки «олигархов». Этот популизм по сравнению с ленинским «классовым подходом» мелок, но сутью они сопричастны. Иначе трудно объяснить трансформацию Виктора Ющенко. Об этом меня часто спрашивают: «Ведь он же считался рыночником! Он лично участвовал в приватизации крупнейшего банка страны «Україна», был его акционером, управлял им, потом работал при вас в Нацбанке, в правительстве, видел содержание и стиль работы, был, казалось бы, во все это погружен. Как же он мог теперь удариться в этот социал-популизм? Как он может поддакивать тем, кто пытается для пользы «трудящихся» регулировать цены на горючее, на мясо, на сахар, на черт знает что?!»

Я могу ответить старыми словами: «логика борьбы». Он продолжает борьбу с «режимом Кучмы». Экономические показатели ему сигнализируют: ты терпишь поражение. Это и заставляет его хвататься за кнут администрирования. Я считаю, это - от отчаяния.

29 июля

Мне жена не раз говорила: «Если уж вы решили управлять этим делом, так управляйте!» Это бывало в тех случаях, когда она видела на экране что-то, что считала глупостью, безнравственностью или просто брехней. Не раз я слышал от нее и высказывания, похожие на те, которые услышала страна от Виктора Ющенко в конце первого полугодия его правления. «Мы можем часами

смотреть по украинскому телевидению рекламу водки, курения, порнографию, все, чего вы уже не увидите по российскому телевидению», - возмутился Президент. И пообещал: «Эти жулики скоро покинут украинское телевидение, там будет наведен государственный порядок».

Правда, моя жена не употребляла слова «порнография», потому что таковой на украинском экране не было ни при мне, ни при Ющенко. Он погорячился, преувеличил, принял за порнографию что-то другое. Но в остальном их претензии совпали. Когда я услышал его высказывание, то сразу вспомнил, что за десять лет своего президентства ни разу не позволил себе ничего подобного. Как можно говорить о наведении «государственного порядка» на телевидении в стране с демократической Конституцией?!

А ведь глас моей жены был гласом народа. Я знал, что народ поддержал бы меня в такой критике телевидения. Почему же я воздерживался? Честно говоря, я никогда над этим не задумывался. И не задумался бы, если бы не высказывание Ющенко, и если бы его позиция не совпала с известной мне позицией моей супруги. Дело, видимо, в том, что я относился к своей власти - как к банковскому вкладу. Чем реже им пользуешься, тем он больше. Власть - это огромный соблазн. Если даже обычный телезритель звонит на телевидение и требует прекратить то или иное «безобразие», то у тебя есть возможность не только позвонить и дозвониться до кого следует, но и добиться исполнения твоих требований. Вот в этом, видимо, все дело. Вот это тебя и удерживает от искушения схватить трубку. Если ты знаешь, что люди выполнят или попытаются выполнить, или сделают вид, что попытались выполнить каждое твое распоряжение и пожелание, ты невольно стараешься проявлять умеренность и осторожность.

Остаюсь, однако, при твердом мнении, что на период моего президентства власть была необходима, и власть не просто достаточно сильная, но и в определенной мере привычная людям. Если меня спросят: «Привычная - значит, похожая на советскую?», я отвечу: «Да, в чем-то похожая. И в то же время принципиально иная, ибо она нацелена на совсем другие идеалы и ценности. Она стремится к реальной демократии, но понимает, что это длительный (и далеко не революционный) процесс».

И второе. Власть - это такая вещь, которой нужно уметь пользоваться и которую нельзя раздавать. Власть годится на что угодно, только не на подарки.

30 июля

Сразу после «оранжевой революции» появились признаки того, что Россия перестанет заниматься «благотворительной» деятельностью на украинском направлении своей внешней политики. Для нее это потеряло смысл. Исчезла та идея, которая вдохновляла Россию «благотворительствовать».

Я должен признать, что в какой-то степени это слово можно употреблять и без кавычек. Россия Ельцина и Путина при моем президентстве действительно кое-что существенное делала для нас если и не в ущерб себе, то достаточно бескорыстно. Правда, сразу надо сказать, что не мешало бы однажды сесть и с карандашом в руках посчитать, кто же кому больше «подарил». Окончательный баланс еще не подведен и вряд ли может быть подведен.

Достаточно вспомнить, что все банковские расчеты на большей части бывшего СССР производились через один центр, и этот центр находился, как легко догадаться, в Москве. Все сбережения населения УССР и многое другое оказалось на счетах «Сбербанка» в Москве. Пресловутый «Сбербанк» был тем барином, у которого своя рука - владыка. Там царила рваческая стихия. Под ее напором в 1992 году Пинзеник от имени Украины подписался под нашим долгом России в 2,2 миллиарда долларов. Это был корпоративный долг. Украинское государство не должно было его погашать. Но когда эта стихия более-менее утихомирилась (главным образом благодаря Украине, которая перестала быть столь беспечной), то официальная экономическая политика Кремля в отношении Украины была достаточно благоприятной для нас, и я бы даже сказал, великодушной.

Это факт. Чем он объясняется? Над всем, что делалось в области российско-украинских отношений, была большая романтическая идея. Ее можно выразить известными словами: «навеки вместе». Навеки вместе - к высотам экономики. Навеки вместе - к высотам на мировой политической лестнице. И так далее и тому подобное.

Не стану спорить с теми, кто заговорит об угрозах для Украины, таящихся в этой идее. Мне ли спорить на эту тему, если я в отношениях с Россией только то и делал, что старался свести эти

угрозы до возможного минимума! Идеей «навеки вместе» Москва была воодушевлена, конечно, намного больше, чем Киев. Но с экономической точки зрения эта идея была безусловно выгодной и нам.

«Оранжевая революция» заставила Россию распрощаться с этой идеей. В июне 2005 года, на встрече с главой украинского парламента Владимиром Литвином в Санкт-Петербурге Путин весьма деликатно дал понять, что Россию не устраивает уровень честности украинской стороны. Российский президент обозначил это как «определенную озабоченность» по поводу сотрудничества «Газпрома» с его партнерами в Украине. «Мы столкнулись с проблемой, которая оценивается, по разным методикам, где-то до миллиарда и более долларов. Надеюсь, что президент, правительство, парламент Украины утрясут эту проблему в самое ближайшее время», - дипломатично заключил он.

Не берусь судить, насколько справедливы эти обвинения, но, судя по всему, российская просьба не была услышана украинской стороной. И уже в июле, после окончания саммита «большой восьмерки» в Шотландии, Путин заявил журналистам без обиняков: Россия готова расширять сотрудничество в газовой сфере с Украиной, «если она не будет тырить у нас газ». В более мягкой форме, во время этого же саммита, Путин высказался так: развивать проект поставок российского газа в Европу через Украину можно лишь при наличии четких гарантий Киева по выполнению взятых на себя обязательств.

«Ребята, давайте жить дружно, но - по законам рынка», - таков смысл сигнала, поданного Украине. На европейском рынке есть такие-то цены на газ и нефть. Вот и перейдем на эти цены. По нефти - сразу, а по газу - с первого января 2006 года, поскольку действует заключенный ранее договор, согласно которому Украина платит по 50 долларов за тысячу кубометров, переброшенных на сто километров, а Россия - 1,09 доллара за транспортировку.

Это была моя договоренность. Началось с того, что Украина платила по 80 долларов за тысячу кубометров как минимум. «Вы загнули», - сказал я Черномырдину. «Давай разговаривать», - ответил он. Мы сели с ним и внимательно посмотрели на украинскую экономику, на работу предприятий химии и металлургии. Смотрели так внимательно, что пропустили время обеда. Черномырдин убедился, что 80 долларов сделают нас банкротами. Это был, напомню, 1995 год. Я говорю: «А теперь давай смотреть, что будет с твоим, то есть с российским, бизнесом у нас. Ему ведь тоже придется считать убытки!» В то время российский бизнес был завязан на Украину больше, чем сейчас. Так мы нашли вариант: 50 долларов и 1,09. Расчеты показали, что в этом случае на плаву остаются и украинские предприятия, и российские. Но все-таки главное при этом - что россияне не хотели зла Украине.

К нынешним дням «связка» российского бизнеса с украинскими предприятиями заметно уменьшилась, и Путин, расставшись с идеей «навеки вместе», мог заявить о переходе на мировые цены в расчетах за нефть и газ. А мировые цены, между прочим, выше европейских… Россия, надо сказать, не только продавала нам газ по сниженным ценам - она уступила Украине часть европейского рынка. Мы договорились тогда о пяти миллиардах кубометров. Эти пять миллиардов кубометров, купив их у России по 50 долларов, мы продавали в Западную Европу в среднем по 100 долларов. Сколько грязи было вылито на нас «оранжевыми» по этому поводу! А в действительности все было предельно просто. Выручка позволила нам компенсировать низкие цены на коммунальные услуги. Так что когда Путин заявил в Петербурге, что кончает с благотворительностью, я сразу подумал, что меньше, чем по 150 долларов за тысячу кубометров Ющенко платить не будет. Тройное подорожание!…

Вспоминается моя первая встреча со Шредером, канцлером Германии, наш доверительный разговор один на один. Он говорил об антиамериканизме в его стране. Есть, мол, такое явление, отрицать это было бы странно. Но есть и другое. «Наша экономика тесно связана с американской. Она серьезно зависит от немецко-американских транснациональных компаний. А интересы немецкого бизнеса не могут быть безразличны государственному руководству ФРГ. Мы не можем позволить себе осложнять отношения со Штатами до такой степени, чтобы от этого несла потери немецкая экономика». Канцлер высоко отозвался о Клинтоне, и я от души присоединился к его отзыву, добавил про вклад этого американского президента в осуществление украинско-американской космической программы. Наш разговор происходил в Берлине, в новом офисе канцлера, в рамках немецко-украинской комиссии по экономическому сотрудничеству.

Сколько раз после «оранжевой революции», да и в ходе ее, мне хотелось передать этот раз-

говор Виктору Ющенко и его «любим друзям»! Украинская экономика связана с российской никак не меньше, чем немецкая - с американской. Хозяйственные, коммерческие, просто материальные интересы сотен тысяч, если не миллионов, наших граждан - в России. Как можно об этом забывать?!

1 августа

В конце прошлого месяца первый вице-премьер Анатолий Кинах заговорил о «необходимости исправления ситуации в экономике».

«Мы затеяли дискуссию по поводу реприватизации, разрушили сформированный порядок деятельности инвесторов в специальных экономических зонах, технопарках, введя ряд изменений в налоговую систему прямо посреди финансового года», - констатировал он. Пришлось признать и то, что власти не удалось добиться рывка в привлечении инвестиций в течение первых шести месяцев работы. Вывод: «Это довольно болезненно может сказаться на экономической ситуации». Еще бы не болезненно, если правительство взялось экспериментировать с экономикой, словно начинающий хирург с муляжем!

Честно говоря, не знаю, как бы я на месте Кинаха комментировал результаты первого полугодия пребывания «оранжевых» у власти. Действительно не знаю, потому что не могу себе представить, что я пошел бы на те экономические решения, которые безоглядно приняли они. Оценивая результаты этих решений, они делят их на положительные и отрицательные. Положительные: рост на целых 26,2% реальных доходов населения, увеличение поступлений в бюджет на 60%, детенизация экономики. Отрицательные: высокая инфляция- 6,4%, замедлении темпов роста ВВП до 4% и объемов промышленного производства - до 5%, усилении сырьевой составляющей экономики. Увеличился разрыв между экспортом и импортом. За 5 месяцев экспорт увеличился на 10,6%, а импорт - на 25%.

Разделение результатов на положительные и отрицательные - это или пропаганда, или непонимание сути дела. А частично - и прямое приукрашивание, поскольку о той же детенизации можно говорить только с большой натяжкой. Но главное заключается в том, что реальным результатом можно считать только второе. Взяв курс на проедание в общем еще незначительных накоплений, правительство сразу же «уронило» экономику. Сократились главные показатели: объем инвестиций, с одной стороны, и позитивное сальдо платежного баланса - с другой. Страна не только перестала работать на перспективу, но начала меньше продавать, чем покупать. Коллапс экономики всегда начинается с этого.

К чести Кинаха, он, судя по его высказываниям, понял, что наступление на свободные и приоритетные экономические зоны оказалось грубейшей ошибкой. Он настоял на создании межведомственной комиссии по вопросам этих зон и сам возглавил ее. В месячный срок решено было проделать большую работу: глубокую инвентаризацию инвестиционных проектов, которые реализуются в особых зонах. Кинах заверил, что если проекты будут признаны прозрачными и эффективными, то инвесторам будет дана возможность завершить их на благоприятных начальных условиях.

Спрашивается: ребята, кто вам мешал сделать это полгода назад, прежде чем принимать «большевистское» решение о механическом упразднении особых зон? Разве можно так издеваться над экономикой в угоду Майдану, который, надо сказать - при всем уважении к нему, ничего в таких вещах не понимает? Зачем вы сначала резанули по живому, а потом только стали готовить меры по обеспечению большей прозрачности хозяйственной деятельности в свободных экономических зонах и территориях приоритетного развития?

Друзья мне говорили в связи с этим, что нет худа без добра. Ющенко с Тимошенко, мол, сами того не желая, экспериментально подтвердили правильность моей экономической политики. Однако эксперимент был устроен слишком жестокий. Применили метод исключения. Отказались от моего «плохого» и внедрили свое «хорошее». Когда они решали (или решались?!) подвергнуть такой ревизии мою модель, они думали, что станет наглядной ее порочность и даже, как они все время говорили, преступность. Но прошло несколько месяцев и… Честно говоря, я и сам не ожидал, что окажусь до такой степени прав. Меня реабилитировала сама жизнь. Справку о реабилитации выдала статистика. Но я не испытывал злорадства. Эксперимент-то был поставлен на живом экономическом организме - и не прошел бесследно. А этот организм мне дороже моих, так ска-

зать, авторских амбиций.

В чем же состояло мое авторство? Не в том, что я выдумал такие феномены, как свободные экономические зоны или офшоры. Все это было выдумано и опробовано задолго до меня. Мое авторство заключалось в том, что я не ставил перед собой и перед страной недостижимых целей. Я приспосабливался к нашим условиям и людям. Я не требовал невозможного, хотя и очень желательного. Я понимал, что в этих зонах не все будет прозрачно, и нужно будет серьезно работать в этом направлении. Но я знал и то, что конечный результат будет все-таки с плюсом. Грубо говоря, поначалу воровать будут, но всего не украдут, и будут все-таки что-то делать. В перспективе, когда механизмы заработают, все станет на свои места. А если заботиться только о том, чтобы никто ничего не украл, то тогда никто ничего и не произведет. Нечего будет красть.

Возможно, это «резюме» жестокое, но такова жизнь, таковы издержки переходного общества, переходной экономики. Новое сразу не рождается чистым, прозрачным, безукоризненно работающим. Любой новый механизм: то ли часы, то ли автомобиль, то ли общественное устройство - все требует времени на доводку, притирку, и только потом начинает исправно действовать.

В бытность президентом я бы так не говорил. Президент не должен говорить таких вещей. Но понимать такие вещи он обязан. Я поражался, когда слушал нападки «оранжевых революционеров» на офшоры. Отзывались о них так, будто это какие-то воровские «общаки». Но ведь офшоры для того и были изобретены, чтобы бизнес мог уводить деньги от более высокого налогообложения.

Кстати, неверно то, что появились офшоры в результате глобализации, то есть в последние 10-15 лет. Их стали использовать еще в конце 50-х гг. прошлого века, когда некоторые американские компании начали выводить свою деятельность в более благоприятные с точки зрения налогов (да и климата) регионы. Да, надо признать, правительство любой страны, чей бизнес находит себе «теплое место» на островных землях далеко от родины, не любит офшоры (недаром это название в переводе с английского означает «за берегами»). Но не любить - еще не значит «прессовать» такие фирмы.

Посмотрим для примера, как относится к офшорам министерство торговли и промышленности Великобритании. Оно издает документ, в котором не без сожаления констатирует: «Регистрация офшоров предоставляет более выгодные условия депонирования и кредитные ставки за счет льготного налогообложения, достаточно либерального валютного контроля и низких требований к обязательному уровню банковских резервов». Если перевести это предложение на более доступный язык, оно будет звучать так: «Они прячут свои деньги». Но дальше устных предупреждений и тщательного контроля за такими фирмами цивилизованное правительство не идет.

Наше, как мы теперь знаем, пошло. Результат мы видели.

2 августа

После распада СССР многие быстро поняли, что есть возможность припасть к кормушке. Это стало одной из главных забот. В условиях становления нового государства (а главное - перестройки всей общественной системы) это, наверое, было неизбежно.

Когда сегодня меня и мой «режим» критикуют за «разворовывание» народного добра, люди говорят с позиции сегодняшнего дня. Сегодня мы все умные. Сегодня мы знаем, что и как надо было делать, потому что начала работать система, еще несовершенная, но система. Все крепки задним умом. Я часто ловлю себя на этом, когда слушаю речи с трибун. Где вы, такие умные, были десять лет назад? Тем более что все вы были во власти - если не в исполнительной, то в законодательной. Когда-нибудь историки напишут об этом. Напишут, надеюсь, примерно так, как было в действительности.

Было, напишут, время, когда люди не знали, что и как делать правильно, и делали, как им подсказывал их опыт и знания. Причем опыт и знания, полученные в совсем другой жизни. Что-то делали, учились на ходу, совершали большие и малые ошибки. Выгребали и, наконец, выгребли на более-менее чистое место из трясины. Заголубел плес. И тогда одни, оглядевшись, стали поносить других, тех, кто за это время чуть выше поднялся по лестнице. И тогда те, кто занял низшие ступеньки, стали говорить, как все неправильно делали эти. Остроту придавало то, что главный разговор шел вокруг собственности, вокруг приватизации. Главные обвинения были связаны с этим. Кто занял более высокую ступеньку, тот злодей, тот совершил приХватизацию, а кто на низшей

ступеньке - тот жертва приХватизации.

Правда же заключается в том, что каждый из нас представлял собой чистый лист бумаги, и все, что мы делали, мы писали на чистом листе.

Мы часто говорили об этом с Черномырдиным. Он знает, как критиковали его и Ельцина за все, что делалось в России в те годы, когда он был главой правительства. По-моему, их поносили больше, чем меня, потому что Россия больше была на виду. Больше страна - большее и недовольных, больше критики. Черномырдин говорит: «Если бы у меня с Ельциным нефть стоила столько, сколько она стоит в последние годы, а не восемь долларов за барель, я был бы сегодня в совсем другом положении. Мы с Ельциным были бы великими реформаторами и отцами русской нации. А так мы мальчики для битья».

Обычно каждый новый президент приходит на какое-то наследство. Он получает то, что создано его предшественниками: налаженную государственную систему, действующую систему управления, банковскую систему. Я же получил развалины. Развалено было все. Система развалена, экономика развалена. Поэтому сегодня слушаешь «оранжевых» и думаешь: елки-палки, где же вы были вчера? Каждый вообще-то был не на плохом месте. В том числе в банковской сфере. Но мы до сих пор не имеем нормальной банковской системы, которая занималась бы кредитованием экономики, а не зарабатыванием денег.

Или другое - разве не при твоем, Виктор Ющенко, непосредственном участии приватизировался самый крупный системный банк страны «Украина»? Что с ним сделали его акционеры - и ты в том числе? Куда делись его миллионные активы? Придет время - об этом тоже будет сказано более обстоятельно.

8 августа

Плохая новость: правительство Юлии Тимошенко (а фактически, как мне известно, она сама) поручило Фонду госимущества провести приватизационный конкурс по продаже госпакета акций Одесского припортового завода.b Назначена дата - 5 декабря 2005 года. За несколько дней до этого первый вице-премьер Анатолий Кинах сообщил, что завод приватизируют за вычетом магистральных нефтепроводов и аммиакопроводов.

b Одесский припортовый завод расположен на берегу Черного моря в порту «Южный». В январе - июне 2005 года произвел 574,5 тыс. т аммиака, 203,6 тыс. т азотных удобрений. Значительная часть этой продукции экспортируется в страны Азии и Латинской Америки. Здесь также перегружают химические грузы России и Украины на морские суда (в этом году - около миллиона тонн). Одно из наиболее современных предприятий страны. Второй (после «Стирола») производитель аммиака и карбамида, монополист на общеукраинском рынке специализированных услуг по приему, охлаждению и перегрузке аммиака.

Продать иностранцам Припортовый - то же самое, что продать подземные хранилища газа на границе с Европой. Это ведь один из важнейших стратегических объектов Украины. Выставить его на продажу хотели еще при мне, но я остановил желающих. Можно было бы согласиться, если бы знать, что в результате конкурса он попадет в руки отечественного капитала, но вряд ли наши капиталы в состоянии конкурировать с иностранными. Кое-кого из их владельцев я, кстати, неплохо знаю. Того же Березовского. Он очень хотел прибрать к рукам этот источник немалых доходов, а значит - и определенной власти. Я отказался способствовать ему в совершении этой сделки, что, как мне кажется, и сделало его моим злейшим врагом.

Думаю, что «рубка» за ОПЗ закончится не скоро. Беда в том, что в Украине сегодня нет принципиального политического решения о недопущении продажи стратегических объектов зарубежному бизнесу. Взят скорее противоположный курс.

9 августа

Первый раз за много-много лет отмечаю свой день рождения так, как мне хочется, - только с близкими и друзьями.

Газета «Главред» пишет: «Дни рождения Леонида Кучма в бытность его президентства напоминали в чем-то пленумы ЦК КПСС. Именно там принимались решения долгосрочного харак-

тера, а само присутствие того или иного политика или бизнесмена на торжестве являлось своеобразным признаком лояльности со стороны Кучмы, также принадлежности к властной элите. Но ничего вечного в этой жизни не бывает. Свое 67-летие Леонид Данилович встречает уже не как главный игрок украинской политики. В прошлом - пышные банкеты в его честь на крымском побережье. Впрочем, теперь у Леонида Кучмы с приставкой «экс» есть возможность убедиться, кто был с ним искренен, а кто нет».

Пишут не о том, что знают, а о том, что думают. Это совершенно разные вещи. Видят ли разницу читатели? Решения долгосрочного характера в Советском Союзе принимались не на пленумах Центрального комитета КПСС, а на заседаниях политбюро - то есть не сотней человек, а десятком. Члены политбюро после смерти Сталина встречались только в официальной обстановке. За редчайшими исключениями. Правда, эти исключения становились судьбоносными. Так, в неофициальной обстановке несколькими членами политбюро принимались решения сместить Хрущева в 1957 году (не удалось) и в 1964-м (удалось). Сам Хрущев с рядом членов политбюро в такой же обстановке принимал в 1953 году решение об аресте Берии.

А других исключений я даже не могу назвать. Может, их больше и не было.

Во время застолий по случаю моего дня рождения деловые разговоры никогда не велись. Я даже не представляю себе, как бы это могло выглядеть. Нелепость! Конечно, между собой гости говорили о работе, о политике, обсуждали последние новости государственной и общественной жизни. Это происходило в точности по известной формуле: вне работы - о работе, на работе - о личном. Но это ни в малейшей степени не напоминало процесс принятия стратегических или любых иных государственных и политических решений.

Я запретил придавать публичный характер таким празднованиям, чтобы не наносить ущерба образу Украины как современной страны с демократической Конституцией, как страны, ориентирующейся на западные ценности и обычаи. Но отмечать дни рождения без сослуживцев я просто не мог себе позволить с тех пор, как стал директором завода. Это было бы воспринято как нелепое оригинальничанье, а оно мне всегда было чуждо. Есть традиции, которым адекватный человек должен следовать, независимо от того, нравятся они ему или нет. Что касается количества гостей, то оно определяется размерами стола, за которым могут поместиться 30 человек.

«Главред» задал два вопроса трем экспертам, которые в разное время работали в моей администрации: М. Погребинскому, В. Небоженко и Д. Выдрину. Первый вопрос: «Какой, по-вашему, наиболее сильный шаг Леонида Кучмы? Что в его деятельности или стиле руководства произвело наибольшее впечатление?»

Я сначала попробовал сам ответить на этот вопрос, вернее, два, если не три, вопроса, и сразу бросилось в глаза, что они слабо продуманы. Сильный шаг - в какой области, в какое время? Деятельность - это одно, а стиль - все-таки другое. Такие вопросы позволяют говорить о чем угодно. Не думаю, что это хорошо. Оставляю их без ответа - просто не знаю, что ответить.

Погребинский, со своей стороны, отмечает такую мою особенность, как контраст между «левой идеологией», которую я будто бы усвоил за годы жизни в СССР, и разумными рыночными реформами, которые проводил как интуитивно «либеральный экономист». Эта деятельность, по его мнению, находилась в «сумасшедшем контрасте» с моей «внутренней сущностью». «Сущность», мол, же заключалась в моем по-советски отрицательном «отношении к капиталу, богатству, богатым людям».

Не знаю, откуда он это взял. Контраст был. Но это был контраст не между моей внутренней сущностью и моими экономическими решениями, а между ожиданиями многих людей и этими решениями. Не ожидали, что бывший «красный директор» окажется способным убежденно проводить рыночные реформы. Они судили по анкете, но при чем тут моя «сущность»?

Небоженко считает самым сильным моим шагом «решение принимать участие в выборах 1994 года». А что? Могу согласиться. Тогда уж надо бы назвать и такой шаг, как решение не идти на третий президентский срок…

Выдрин прямо не отвечает, какой мой шаг считает самым сильным, а вместо этого говорит, что «Кучма был эффективен года три», а потом «негатив перекрыл позитив».

Мне трудно понять такую степень субъективности со стороны профессионального политолога. Политология ведь все-таки называет себя наукой. Это значит, что она должна считаться с объективными показателями. Как можно в разговоре о деятельности президента любой страны игнорировать такой показатель, как темпы экономического роста? Они были самыми высокими не в

первые «года три», а в последние.

В связи с этим я вынужден оставить без ответа и второй вопрос «Главреда» нашим политологам: «Как вы считаете, во время управления страной Кучмой больше было позитивов или негативов?»

По- моему, это легковесный и неуместный вопрос.

Отвечая на него, Погребинский видит позитив в том, что «именно при Кучме страна утвердилась как независимая, как страна с измененным социальным строем».

Небоженко высказывается неопределенно: «Все познается в сравнении. Сейчас преобладают негативные оценки, но если новая власть будет выглядеть в 10 раз хуже старой, то, естественно, все будет идти к позитиву. Не думаю, что в будущем у него сохранится очень много горячих сторонников, но и негативы тоже трудно будет отыскивать».

Я, конечно, был бы рад дожить до таких благословенных времен, но жизненный опыт мне подсказывает: в чем в чем, а в отыскании «негативов» люди никогда не будут испытывать больших трудностей.

Наконец, Выдрин считает, что «в будущем период Кучмы будет, скорее всего, назван таким новым термином, как «постсоветский авторитаризм». Я называю его еще периодом «Директории» - так как была попытка превратить страну в один большой завод и руководить страной теми же методами, какими директор Кучма руководил «Южмашем». Поэтому, может, период назовут «Вторая Директория». Это применение неадекватных заводских методов к правлению страной».

Ну, и где тут, спрашивается, научная, политологическая объективность? Мне давно ставят в вину (в том числе и Выдрин) «олигархизацию» Украины. Это главное обвинение в мой адрес. Создание крупнейших промышленно-финансовых групп. Допустим. Но разве же это заводской метод управления страной?!

Что касается проблемы адекватности моих методов, то здесь я скорее соглашусь с Погребинским, который оценивает эту проблему так: «Скажут, что вот он утвердил бюрократически-олигархический режим и т. д. Я могу только сказать, что в таких случаях, объявляя такой приговор, нужно иметь в виду, какие были еще варианты. Можно ли было, скажем, в стране, где не было сильных политических партий, отсутствовало гражданское общество, гражданский контроль, провести реформы и преобразовать страну? Мне кажется, что других субъектов, на которые можно было бы опираться, кроме как на рождающийся крупный национальный капитал, просто не было. Поэтому иного режима, как номенклатурно-олигархического, просто быть не могло. Или не было бы этих реформ как, например, произошло в Беларуси».

10 августа

Продолжается шум вокруг строящегося элитного дома на Печерских холмах. Утверждают, что ему там не место, что это строительство - один из примеров злоупотреблений прежней власти. Мне сегодня говорят: «Леонид Данилович, а вы знаете, что все это под вашим руководством строилось? Вы давали разрешение на строительство, следили за ходом работ». - «Елки-палки! Мне он сто лет нужен». - «Вчера это заявил Петр Порошенко».

Юлия в свою очередь говорит, что это дом самого Петра - его детище. Кто-кто, а она, если бы тут была хоть малейшая возможность, не упустила бы случая лишний раз ткнуть перстом в меня. Странная шумиха. Ведь ничто, кажется, не мешает установить истину буквально в считанные минуты. Поднимите документацию и посмотрите, чьи там подписи. Можно спросить мэра Омельченко - он-то не может не знать всей истории от начала, от выделения площадки под строительство до конца. Есть и другие осведомленные лица. Нет, зачем-то надо пристегнуть Кучму! Может, это действительно делается для того, чтобы отвести подозрения от себя? Ведь этот дом построен на месте детского сада, который, как говорят, практически принадлежал Порошенко. Он живет в угловом доме перед парком. Во дворе этого дома и был детский сад. Порошенко сегодня уже не оппозиционер, с которого взятки гладки, а высокое должностное лицо в стране - секретарь Совета национальной безопасности и обороны. А поведение остается прежним.

12 августа

У нас все еще нет закона о лоббизме. Внешняя причина выглядит странно: депутаты никак не могу договориться, каким он должен быть. Глубинная причина, по-моему, иная. Закона о лоббизме нет, потому что не дожили до него. Он пока не нужен людям и структурам, которые действуют на рынке лоббистских услуг.

Что такое лоббизм? Это то, что у нас называется «блатом». В двадцатые годы, еще когда министров называли «народными комиссарами», «наркомами», в ходу была поговорка: блат выше наркома. Это слово пережило эпоху, которая его родила, хотя «блат», как мы знаем, существовал и в досоветской России, и в Киевской Руси. Кажется, американцы были первыми, кто додумался не уничтожить «блат», поскольку это невозможно, а узаконить, введя его в рамки, сделав прозрачными соответствующие отношения. Я, допустим, хозяин некоего завода. Мне нужны какие-то средства, какие-то льготы, я заинтересован в каком-то законе или подзаконном акте. Я нанимаю лиц, которые берутся «пробить» это все в тех или иных учреждениях: в парламенте, правительстве, в том или ином ведомстве. Получив от меня деньги, они проводят кампанию, доказывая всем заинтересованным структурам, а также нередко и общественности, что мне надо помочь и что это пойдет на пользу стране.

Почему у нас это пока невозможно? Потому, прежде всего, что большая часть рынка находится в тени. А выбраться из тени могут только сами бизнесмены, сам предпринимательский класс - естественно, с помощью власти. Но решающая роль - не за ней. Я в этом убедился за годы президентской работы. Эти годы научили меня верить в частника, в частное хозяйство, в свободный рынок, и они же показали мне, что все процессы имеют собственную логику и собственный темп. На них можно влиять, но не в такой уж большой степени.

Правда, если сумеешь определить места, которые более остальных восприимчивы к воздействиям со стороны государства, и не побоишься употребить власть, то на этих участках процесс пойдет существенно быстрее. Скажу больше. Я убедился, что роль твоей личности - личности первого руководителя страны может оказаться решающей. Она способна породить принципиальные явления или предотвратить их. Читатель уже знает пример, которым я горжусь. Если бы не мое волевое вмешательство, Украина потеряла бы, и потеряла бы навсегда, свою авиакосмическую промышленность. Здесь моя воля соединилась с огромной волей к жизни, которую проявили генеральные директора и генеральные конструкторы соответствующих предприятий. Удача в таком большом деле не означает, что ты не потерпишь поражения в каком-нибудь, на первый взгляд, более мелком деле, как принятие того же закона о лоббизме.

Если есть интересы, их необходимо продвигать и защищать, в том числе - законодательно. Это и есть лоббизм. Сам этот термин уходит корнями в начало английского парламентаризма. «Лобби» с английского - это прихожая. В прихожих законодателей собирались лица, продвигавшие те или иные интересы, - их и окрестили лоббистами. В странах развитой демократии накоплен огромный опыт диалога между властью и группами по интересам, в первую очередь - бизнес-группами, выступающими, как правило, главными лоббистами. В США, к примеру, лоббизм давно перестал носить оттенок чего-то непристойного. Все происходит вполне открыто и законно. Создана целая система организованного лоббизма. Выстроен механизм отношений между лоббистскими организациями и политическими партиями, группами, отдельными политиками, лицами, избранными в исполнительные органы власти. Результатом, продуктом лоббизма является определенный закон или иное властное решение.

Наш «лоббизм» - это «блат», взятка, «откат», «крыша». Главными лоббистами для самих себя и друг для друга являются депутаты всех уровней, и в первую очередь - высшего. На последних парламентских выборах эпохи «кучмизма» проходное место в списке для голосования стоило от полутора до трех миллионов долларов. После «оранжевой революции» цена поднялась, рассказывают мне, до пяти миллионов. Это - за сколько месяцев до выборов? С течением времени цены вряд ли упадут. Виновата ли в этом новая власть?

Виноваты ли Ющенко и Тимошенко? Нет, по-моему, виноваты они в другом: слишком смело обещали, что при них все будет иначе. Людям достаточно обратить внимание, что перед Верховной Радой все пространство по-прежнему заставлено самыми дорогими автомобилями, чтобы спрогнозировать рост расценок на рынке производства «слуг народа». Одно, заведомо демагогическое, рекламное, заявление Виктора Ющенко: «Мое правительство не будет красть», - сразу подняло уровень взяток более чем в два раза.

На принятие жесткого закона о лоббизме наш парламент еще долго не пойдет. Народным

депутатам невыгодно оказаться в жестких рамках. Они будут до последней возможности сопротивляться. Я хорошо знаю, как там проходили многие вопросы - как получалось, что те или иные законы набирали по 300 голосов. Проклятие нашей демократии, нашего парламентаризма в том, что все все знают - от президента до помощника депутата, и ничего невозможно сделать, никого не схватишь за руку. Устанавливалось это годами, а изживаться будет десятилетиями.с

с «Петр Дыминский первым из парламентариев открыто заявил, за какие деньги он покупает и продает в ВР карточки для голосования… «Серый кардинал» Львовщины, как называют его журналисты, на днях собрал в областном центре пресс-конференцию, чтобы поговорить о политике… В доказательство своих слов Дыминский вспомнил 2002 год, когда он был членом блока Ющенко и имел отдельную группу из 16 депутатов в составе фракции «Наша Украина». Во время голосования за кандидатуру премьера Виктора Януковича руководитель «НУ» Виктор Ющенко приказал всем голосовать против. Дыминскому, по его словам, пришлось отдать Ющенко все 16 карточек. «Но я должен был сдержать слово, данное представителям Донбасса: я купил у одного из депутатов карточку для голосования за 200 тысяч долларов и проголосовал так, как хотел». «Україна молода», 5.10.2005 г.

20 августа

Был в Днепропетровске на ежегодной встрече сокурсников по университету. На «Южмаш» не заглянул, хотя и хотелось. Завод переживает не лучшие времена. Огромное количество ревизий. Проверяется вся хозяйственная деятельность «Южмаша» за 10 лет. Понимаю, почему Алексеев Юрий Сергеевич занял пост в Киеве (руководителя космического агентства). Надеялся, наверное, хоть в какой-то мере стать защитой своему заводу. Все задают один и тот же вопрос: «Нашли что-нибудь?» Не нашли ничего. Да и что можно найти, если завод работает с минимальной рентабельностью? Не до жиру, быть бы живу.

Перспективы не очень радужные. Если Россия откажется продолжать сотрудничество в рамках крупных проектов, то неизвестно, что нам делать. Может, старые системы еще будут работать, а вот новых не будет. На последней выставке россияне показывали клиппер - пилотируемый космический корабль. Он должен выводиться на орбиту украинской ракетой «Зенит», которая является основой «Морского старта». Это колоссальный проект. Он мог бы стать совместным. Была договоренность с Россией. Мы подписали предварительные соглашения. Но дело застопорилось. Причины понятны…

24 августа

Год назад, в телевизионном интервью, я говорил о слабой дисциплине парламента, о том, что эта проблема будет решена - парламент станет более дисциплинированным, обязательно станет. Вся проблема в том, говорил я, откуда придет эта дисциплина - изнутри парламента или снаружи. Чрезмерное напряжение в отношениях между правительством и парламентом не может быть продолжительным. Одна из сторон берет верх и подчиняет себе другую. Обычно победа достается исполнительной власти. Иногда победителем выступает диктатор. Или диктатура.

В Украине все десять лет моего президентства отношения между мной, правительством и парламентом были очень непростыми. Несколько раз доходило до точки кипения. Я считаю, что в этом больше виноваты депутаты. Они называют главным виновником меня. Это важный, очень интересный вопрос, но оставим его историкам. Пусть они проанализируют законопроекты, вокруг которых шла самая большая рубка, и все станет ясным. Перед страной возникали все более сложные задачи. Эти задачи требовали, с одной стороны, серьезного, компетентного вмешательства государства, с другой - они не могли быть решены без участия общества, без народной инициативы, прежде всего деловой, предпринимательской. Назревало много новых важных законов. Они должны были приниматься быстро, но быстро не получалось. Вокруг них бурлило политиканство.

Когда я говорил о дисциплине парламента, я имел в виду дисциплинированность перед лицом этих задач, а не перед Банковой. Вдумайтесь: я до последнего времени вынужден был издавать указы по экономическим и даже хозяйственным вопросам! Я вынужден был это делать, потому что запаздывали законы. Парламентская неспешность способна была бы парализовать жизнь в

стране, если бы Конституция не предусмотрела на этот случай право президента издавать указы. Но до бесконечности управлять посредством указов невозможно.

Таким образом, становилось все более очевидно, что близится конец парламентской вольницы. Это был главный вопрос нашей судьбы. Это был вопрос нашей демократии - развиваться ей или остановиться. Это был вопрос, будет ли «подморожена» Украина, разделит ли она в этом отношении судьбу некоторых своих соседей или найдет все же лучшее решение.

Я верил в лучшее решение. Моя вера основывалась на самом факте существования парламента. Каждый мог сказать: «Парламентаризм в Украине есть». Он не такой, каким хотела бы видеть его исполнительная власть, то есть правительство и президент. Он не такой, каким хотела бы его видеть оппозиция. Он не такой, каким хотело бы его видеть парламентское большинство. Он, наконец, далеко не такой, каким хотело бы видеть его общество, народ. Но он существует. Существует реально. Реальность его существования доказывается уже одним тем фактом, что его все ругают. Ругают - значит, замечают.

Многие ли из бывших советских республик могут похвалиться этим?

Оппозиция критикует исполнительную власть за то, что она пытается всеми дозволенными и недозволенными способами управлять парламентом, оказывать давление на парламент. Но оказывать давление можно только на то, что существует. Пытаться управлять можно только тем, что есть в наличии. В свою очередь исполнительная власть критикует парламент за то, что он мало занят делом, слишком похож на базар, часто превращается в сборище безответственных крикунов, в парад тщеславия. Опять же, предъявлять такие и иные претензии можно только к чему-то, что существует.

Все были озабочены предстоящими президентскими выборами, а я думал о более отдаленном - о том, что будет после них, как не только сохранить, но и укрепить наш парламентаризм, то есть нашу демократию. Вот что я имел в виду, когда повторял: политическая реформа нужна не Кучме или кому-то еще, а Украине. Только политическая реформа могла сделать нас более-менее спокойными за судьбу парламентаризма.

Состояние Верховной Рады я считал кризисным. Кризис - это такое состояние, которое заканчивается или гибелью, или выздоровлением. В мире не один такой кризис заканчивался гибелью. Я предлагал выздоровление. Было ясно, что история поставила Украину перед выбором: или (по примеру некоторых наших соседей) фактически покончить со своим парламентаризмом, раз он далек от совершенства, или, наоборот, спасти его посредством резкого усиления. Понадобилась «оранжевая революция», чтобы соответствующие поправки в Конституцию были приняты.

27 августа

В какой- то справке недавно прочитал, что риски для инвесторов в Украине ниже, чем в России. Украине дают 4 балла, а России -10. И странное приводится объяснение. Мол, на Россию, если она не выполняет своих обязательств, не надавишь, а на Украину - через Россию - можно.

Ну только не через Россию! Что, Россия будет защищать интересы западных инвесторов в Украине? Никогда в жизни. Она защищала и будет защищать свои интересы. Это естественно. Но что касается инвестиционных рисков, то я могу допустить, что в Украине они действительно ниже, чем в России, хотя Россия тут ни при чем. Мы не такие бесшабашные, не такие лихие и самонадеянные, как те россияне, что «кидают» западных инвесторов. А главное, конечно, заключается в ЮКОСе - в том, как обошлись с этой компанией и ее руководителями. Люди думают: что будет дальше в России? Мир, конечно, выступил в защиту Ходорковского, но поговорили-поговорили и замолчали. Караван себе идет. Большие западные деньги понимают: если Россия захочет не посчитаться с мнением западного руководства и общественности, то она это может себе позволить.

Кстати, в этом году Украина в списке основных мировых поставщиков оружия переместилась с 7-го на 8-е место. Думаю, что ее ждет и девятое место, и десятое… Мы продавали танки, всевозможные радиотехнические системы. Практически всегда выступали на мировом рынке самостоятельно, но в производстве кооперировались с российскими предприятиями. Основные кадры разработчиков, основные научно-конструкторские коллективы остались в России, там же - и основные заделы на будущее, и основные производственные мощности. Россия их, конечно, никому никогда не отдаст. Советское руководство исходило из того, что воевать придется с Западом. Украина расположена ближе к Западу, чем центральные и восточные районы Союза. Поэтому

крупное военное производство старались размещать не в Украине, хотя ракетостроение все-таки было создано на нашей территории. Основная «оборонка» обживала Сибирь. Туда еще в начале войны были перемещены крупные сборочные заводы, там почти все они и остались. В Украину, учитывая здешнюю богатую сырьевую базу, вернули металлургию - изношенную, морально устаревшую.

Говорили сегодня с друзьями о российско-китайских военных учениях «Мирная миссия-2005». Они проходили целых восемь дней (18-25 августа) на Шаньдунском полуострове в Китае. С обеих сторон приняли участие до 10 тысяч военнослужащих. Цель учений - демонстрация возможностей стран по борьбе с терроризмом. У России есть на Востоке стратегические интересы, но бряцать оружием стоит ли? Решили, стало быть, что стоит. Я с Сергеем Ивановым встречался на футболе в Монако.

В Москве остались очень довольны этими учениями. И Тайвань лишний раз задумается… Россия постепенно становится стратегическим партнером Китая, и это надолго. Как будут развиваться события дальше? Каким будет проникновение Китая в Россию? В каких формах? Наши потомки увидят.

Вообще российско-китайские военные учения всколыхнули весь Запад. Если такая была цель, то она достигнута. Газеты пишут о беспрецедентном потеплении российско-китайских отношений после долгих холодных лет. Выражают беспокойство, вплоть до тревоги, испуга. Говорят о большом желании китайцев получить доступ к российской нефти. Этим и объясняют сближение с Россией. С новым вниманием присматриваются к шанхайской команде (ШОС). К ней уже подключается Индия. В последнем заседании участвовал в качестве наблюдателя Пакистан.

В Китае больше внутреннего спокойствия, чем у нас. Какие-то свары, естественно, идут, но сил на них растрачивается намного меньше, чем у нас. Мы занимаемся черт знает чем. Кто-то сказал мне на днях жутковатую фразу: «Такого проекта, как страна Украина, нет».

Нам страшно навредил разрыв хозяйственных связей в масштабах бывшего Советского Союза, общий развал экономической системы. Ну и психология, конечно… Что ни говори, а вчерашним советским элитам в новых государствах было невероятно трудно по-настоящему перестроиться на новое, независимое государственное существование. Мы очень много на эту тему говорили и все вместе, и во время двусторонних встреч, с глазу на глаз. Были долгие разговоры и с Шеварднадзе, и с Каримовым, и с Назарбаевым. Они все были бескомпромиссными сторонниками полной независимости своих государств. Каждый понимал, что это подарок судьбы, что это по сути манна небесная, и надо постараться, чтобы она не превратилась в воду. Но элиты всех наших стран настроены более легковесно. Разбились на враждующие группы, борются за власть и деньги более рьяно, чем за укрепление государственности своих стран.

Помню, как сегодня, нашу с Цзян Цзэминем удивительную прогулку по Днепру. Удивительную для меня, прежде всего - по содержанию. Много говорили о России, о США. Я дотошно расспрашивал его о причинах огромных успехов в становлении экономики Китая. Он, как учитель, терпеливо объяснял мне, как ученику, азы реформирования своего народного хозяйства. Причины, на первый взгляд, простые, методы нехитрые. Не развалили политическую систему. Ни одного шага не делали, не изучив мировой опыт, не прикинув, как то или иное новшество будет работать применительно к специфике Китая, ментальности его людей.

Потом Цзян помолчал, чуть-чуть улыбнулся и передал мне один свой разговор с Клинтоном. Клинтон заговорил с ним о правах человека в Китае, о свободе слова, о том, что следовало бы «отпустить вожжи». Цзян рассказывал это мне по-русски, почти без акцента и ошибок. «Оцень хорошо! - говорит он Клинтону. - Сделаем. Все отпустим. Всех отпустим. Завтра половина китайцев будет у вас. А вторая половина перестанет шить трусы и майки для американцев и будет ждать доллары от первой». Клинтон почесал в затылке: «Пожалуй, этого нам не надо». Он, видимо, живо представил себе полмиллиарда китайцев в Соединенных Штатах.d Я смеялся так, что катер стал ходить ходуном. Лицо Цзяна оставалось серьезным, как на похоронах. «Не надо, слушай, Леонид, так смеяться. Окажемся под водой. А меня мои китайцы ждут дома живым и невредным». С тех пор я про себя называю его: невредный Цзян.

Полюбил его как брата. (Не пишу: «как старшего» - чтобы не вызвать кое у кого болезненных воспоминаний.)

d Правда, американцы и после этого не перестали выражать свою озабоченность положением с правами человека в Китае.

30 августа

В этом месяце снова был в Москве. По прибытии, естественно, позвонил Ельцину. «Ты не мог хотя бы за пару дней дать знать, что прилетишь? - расстроился он. - Я уже три раза откладывал обед с Касьяновым. Сегодня назначен на три часа. Касьянов дает прощальный обед - его выселяют с дачи». Было видно, что Ельцин не очень хорошо относится к этому. Мне показалось, что у него вызывает сомнения операция по удалению из бизнеса и политики Михаила Ходорковского.е Он, видимо, считает, что нельзя избирательно карать и так же - миловать: рано или поздно это обернется проблемами для власти.

е Генпрокуратура России обвинила главу нефтяной компании «ЮКОС» М. Б. Ходорковского по семи статьям УК РФ, включая хищение и растрату чужого имущества, мошенничество и неуплату налогов. По версии прокуратуры, Ходорковский еще в 1994 году, работая председателем совета директоров банка «Менатеп», создал организованную группу, которая затем обманом завладевала акциями российских предприятий, учреждала подставные фирмы для участия в инвестиционных конкурсах и получения таким способом акций прибыльных предприятий. Ходорковскому вменили хищение у государства почти полумиллиарда рублей, сотен миллионов долларов и другие правонарушения.

fСтрана теряет прямые инвестиции, происходит бегство отечественного капитала. Последние поощрительные сигналы Путина деловым кругам России и мира - это, наверное, результат того, что в Кремле проанализировали уже понесенные потери и упущенную выгоду.

f Во время «оранжевой революции» и в первые месяцы после нее Виктор Ющенко, Юлия Тимошенко, другие новые руководители страны много говорили о том, как они отделят «бизнес от власти». Затем эти разговоры утихли сами собой. Никто уже ничего не отделял, более того, пошли назначения бизнесменов на серьезнейшие государственные посты. После назначения совсем уж «отделенного от бизнеса» Балоги на пост руководителя президентского Секретариата, а на пост главы СНБО - не менее «отделенного» Гайдука Евгений Червоненко (на эту пору уже запорожский губернатор) призвал прекратить болтовню об этом отделении и заявил, что чем больше богатых людей придет во власть, тем лучше: воровать они точно не будут, а менеджеры из них умелые. Кто спорит! Возникает только один вопрос: что же он не кричал об этом в дни Майдана? Декабрь 2006 г.

Российская пресса пишет, что для Путина было важно любой ценой поставить на место «олигархов». Конечно, хотелось бы понять эту политику. Во время наших встреч мы с ним прямо об этом не говорили. Видимо, Путин убежден, что некоторые «олигархи» представляли собой угрозу российской государственности, внутреннему порядку, стабильности общества. Стали слишком самостоятельными. А если так, то, по его логике, приемлема любая цена и любые средства для приведения их к «общему знаменателю». Подогревало и соответствующее народное настроение. Пропаганде не пришлось много стараться, чтобы «антиолигархический» курс власти получил поддержку большинства населения. Может, по мнению Кремля, иначе было невозможно добиться согласованности усилий государства и бизнеса.

Я не журналист, не политолог, поэтому мне трудно судить о таких вещах с полной уверенностью. Для меня, конечно, важно, что Ельцин не демонстрирует своей готовности стать в этом вопросе на сторону Кремля. Но когда два таких деятеля, как Ельцин и Путин, занимают разные позиции в вопросе такого масштаба, это для меня показатель огромной сложности и противоречивости исторической ситуации в их стране. Это свидетельствует о великих рисках, об остроте назревших проблем и трудности задач, стоящих перед страной.

Несколько месяцев назад (в апреле) появилось интервью Медведева, руководителя администрации президента России. Медведев прямо говорит, что если российские элиты не смогут договориться между собой, то скоро, чуть ли не через полгода, произойдет распад России: «Распад Союза может показаться утренником в детском саду по сравнению с государственным коллапсом в современной России». К примеру, в Башкирии уже революционная ситуация…

Когда читаешь такие вещи, то начинаешь внимательнее следить за событиями. Хочется понять, что подталкивает ответственных деятелей России к таким публичным высказываниям. Но это не помогает мне более уверенно судить, кто прав, а кто неправ. Однозначно прибавляется только тревоги, а не уверенности.

Ельцин себя хорошо чувствует, дай Бог ему здоровья, - намного лучше, чем в год отставки, да и в предшествующие годы. Мы говорили с ним о путях реформирования разных стран - о китайском пути, о российском, об украинском. Китайский в России не получился и, наверное, не мог получиться. Горбачев с Яковлевым не смогли бы удержать партию как единое целое. Она обязательно раскололась бы на две части: на реформистскую и ортодоксальную. Теоретически это было бы неплохо, но только в том случае, если бы Горбачев с Яковлевым могли контролировать процесс, то есть сделать раскол управляемым. Однако судя по тому, как это начиналось, обе части, реформисты и ортодоксы, вряд ли мирно ужились бы. Драка шла бы без перерывов. А как тогда сохранять централизованное, с опорой на партийный аппарат, управление эволюционными рыночными преобразованиями? К тому же надо учесть, что одновременно шли бы и тяжелейшие структурные реформы - упразднение целых отраслей народного хозяйства и становление новых. А национальное бурление в союзных республиках!

Нет, как ни прикидывай, а выходит, что путь, по которому пошла ельцинская Россия, был неизбежен.

Многие люди не могут сегодня смириться с тем, что и в России, и в Украине предприятия продавались «за копейки». Но ведь и в бывшей ГДР предприятия продавали за символическую марку. Главное - чтобы завод попал в руки дельного собственника. Завистью населения пользуются в своих политических целях мои оппоненты, хотя прекрасно знают, как обстояло дело. В первые годы в стране не было внутреннего капитала. Не было людей, которые были бы физически в состоянии платить нынешние цены. Ну что тут непонятного? Квадратный метр жилья стоил пятьсот долларов. Это по тем временам было, может быть, дороже, чем сегодня пять тысяч. Тот же российский бизнесмен Григоришин стал богатейшим человеком, потому что с Павлом Лазаренко приватизировал облэнерго и многое иное по тогдашним ценам. Это были, с точки зрения сегодняшней зависти, бросовые цены, а тогда они являлись настоящими, реальными. Если завод банкрот, если на нем висит громадная кредиторская задолженность, то каким бы внушительным с виду он ни был, за него никто не даст больше той цены, которая сегодня кажется ничтожной.

31 августа

Демарш Александра Зинченко, главы Секретариата Президента, - это очень серьезно и в то же время не совсем серьезно. Он публично потребовал поменять личный состав прокуратуры, налогового ведомства, таможни, погранслужбы - всех и вся. Или только руководство? Я не совсем понял. А его, так, что ли, получается, поставить во главе всех служб и ведомств?

Импортеры говорят, что взятки стали неподъемными, бизнес оказывается невыгодным. В начале был страх. Все поверили, что будет наводиться порядок, развернется борьба со злоупотреблениями. Стали платить даже те налоги, которые уже не подлежали выплате. Потом увидели, что за словами власти не следуют дела, и успокоились.

Этим не могут быть довольны все «оранжевые», особенно, конечно, рядовые. Их настроения и выразил Зинченко. Но как по-мальчишески!

Не знаю, как с этим справится Ющенко. Удастся ли ему восстановить мир в своем окружении? Если не удастся, то это может обернуться крахом всего «оранжевого» проекта.

5 сентября

Этим летом пришлось отдохнуть на Сардинии. Впервые отдыхал за рубежом. Крым, мне кажется, намного красивее. Богаче природа. Замечательные леса. А на Сардинии деревца хиленькие… Люди живут своей жизнью. Много раз бывал за границей, но как следует почувствовать разницу не мог - спрессованный график пребывания, официальное положение. Только по витринам магазинов, по афишам, по красочной и яркой рекламе видишь, что здесь все другое, все иначе. Никогда не ходил по магазинам, не было времени посмотреть музеи, достопримечательности. Простые вроде удовольствия, обыкновенные развлечения, а я был их лишен.

Неоднократно бывал в Грузии, в Тбилиси, в Поти, где с Шеварднадзе и Алиевым открывали нефтепровод Баку - Поти. Но самого Поти не видел, как и Тбилиси, и Грузии. Так что этим летом, можно сказать, я впервые побывал в Грузии, проехал по Военно-Грузинской дороге, знаю теперь,

какая там природа, леса, какие красоты. Нельзя сравнить ни с Францией, ни с Сардинией. Теперь понимаю, какие перспективы туризма. Заехал в Гори. Захотелось посмотреть место, где родился Сталин, памятник…

В этом году читал мемуары Черчилля, а там знаменитый отзыв о Сталине. Наверное, под впечатлением слов Черчилля и я написал в книге отзывов: «Сталин был, есть и будет Иосифом Виссарионовичем Сталиным». Чтобы ни убавить, ни прибавить. Пусть каждый вкладывает в эти слова свой смысл. Я знаю, какой я смысл вложил. Сталин действительно ведь привел страну от сохи к индустрии. Но и темные стороны остаются при нем. Не думаю, что я своей записью нарушил какую-нибудь этику.

Посетил там церковь пятого века, свечку поставил за здравие и упокой людей, которые вспомнились в этой обстановке. Мать, отец, из здравствующих - внук, внучка. Хотел побывать на могиле Грибоедова, но уже не было времени.

Побывал, конечно, в Тбилиси. Город стал заметно лучше. Посетил на даче Эдуарда Шеварднадзе, который заканчивает книгу.

Встречался с Саакашвили. Михаил проявил настоящее гостеприимство, говорит, что только сейчас, став президентом и получив в наследство расколотую страну, во всем объеме оценил то, что нам удалось удержать Крым в составе Украины, не допустить кровавых столкновений. «Данилович, вам только за то, что вы сохранили единую неделимую Украину, памятник уже сегодня надо ставить!»

Грузины как никто понимают, что это значит. Теперь у Михаила на очереди Осетия. Хочет договориться и с осетинами, и с русскими, не поступившись при этом одним принципом - территориальной целостности. «А с Аджарией у тебя что?» - спрашиваю. «С Аджарией вопроса уже нет. Там все в порядке. Открыли порт в Поти. Сразу в полтора раза увеличились поступления в бюджет». Вспоминал ситуацию в Крыму: «Данилович, ваши оппоненты это все забыли или считают мелочевкой, но мы-то, грузины, знаем, как там было опасно, на какой тонкой ниточке держалось!»

Он действительно хорошо знает всю крымскую эпопею. Освежил и мою память. Даже сейчас - мороз по коже. Что-то невероятное. Крым - это Украина, а там: правительство состоит из граждан России, президент - гражданин России Мешков, премьер-министр - гражданин России Сабуров. Мешков из милиционеров, а Сабуров - либеральный экономист, сильно верующий православный, да к тому же и поэт.

Про его занятия поэзией и православием я узнал только сейчас, а тогда он был для меня московский либеральный экономист, который явочным порядком стал главой крымского правительства и вместе с москвичом-президентом в бешеном темпе ведет дело к отрыву Крыма от Украины. И не просто либеральный экономист, а член группы Гайдара. Гайдар, Чубайс, Сабуров… Гайдар с Чубайсом, думаю, не участвовали в его крымской авантюре, у них своих забот было по горло, а он с Мешковым работал серьезно. Уже писались указы по оформлению отделения.

Они мне эту свинью подготовили как раз к моему приезду в Крым на отдых. Отдых получился еще тот. Я много раз встречался и с Мешковым, и с мальчиками вокруг него. Там, при правительстве, была целая команда советников, молодых и амбициозных. Тон задавал Затулин. Участвовал и бойкий Станкевич. То и дело приезжал Лужков - он, можно сказать, обживал Севастополь. Его провокационные речи, выкрики подливали масла в огонь. Публично я на них не обращал внимания, но на каждый его выкрик следовала реакция нашего МИДа. Звонил я и Ельцину: «Ну нельзя же так!» Но у него самого с Лужковым были непростые отношения.

А сил у этих Мешковых - Сабуровых было достаточно. Тогда еще была нетронутой ГРУшная сеть по всей Украине и в Крыму - особенно. Возможности разжечь конфликт имелись. Сейчас практически такой возможности у них нет. Эта сеть исчезла. Во всяком случае с тех пор никак себя не обнаруживала.

6 сентября

Я тут про Сардинию да Гори, а вчера в Киеве взорвалась бомба. Маленькая или большая - это еще не совсем ясно, но кажется, что - большая. Государственный секретарь Александр Зинченко созвал журналистов и сообщил им о причинах своей отставки. 3 сентября он подал в отставку, 4-го президент ее принял, ну а 5-го Зинченко вышел на публику. Главная, по его словам, причина отставки - коррупция секретаря СНБО Петра Порошенко, первого помощника президента

Александра Третьякова и лидера парламентской фракции «Наша Украина» Николая Мартыненко. Они, мол, «цинично реализуют свой план использования власти в своих целях». Говорил он сумбурно. Важное в его выступлении и ответах на вопросы перемешивалось с мелочами. Видно было, что ему самому трудно отличить, где кончаются принципиальные вещи и начинаются его личные, сугубо аппаратные, коридорные обиды.

Мне это очень хорошо знакомо, особенно по первому году на президентском посту. Тогда некоторым из ребят в моей администрации казалось, что судьба страны зависит от того, кто из них занимается составлением рабочего графика главы государства и отвечает на телефонные звонки.

Зинченко обвинил Третьякова в том, что он «контролирует процессы» в нефтяной и газовой сферах, в «Укртелекоме», «Сбербанке», еще где-то, и тут же - в том, что он дезорганизовал рабочий график президента, взял под свой контроль доступ к нему: «Те, кто имеет собственное мнение и видение, живое и нестандартное, по 3-5 месяцев ждут решения первого помощника»… Порошенко, Третьяков и компания, ссылаясь на президента, назначают своих всюду, где только можно, сознательно оказывают давление на независимую судебную ветвь власти, свободно чувствуют себя в приватизационных процессах», их принцип: «власть наша - и она должна работать на нас». Зинченко, видимо, сознавал уязвимость своих оценок, поэтому старался их обосновать интересами государства: «Казалось бы, если такая небольшая группа, то почему под угрозой оказались системные достижения революции? Ответ простой - носители угрозы имеют огромные возможности влиять на государственные процессы и монополизировали влияние на президента».

Оказалось, что все это слышал собственными ушами Петр Порошенко. Он явился на пресс-конференцию и взял слово после Зинченко. Ну не детский ли это сад? Журналисты, конечно, были в восторге, но я оснований для этого не вижу. Когда два чиновника высшего ранга устраивают публичное препирательство с обвинениями уголовно-политического порядка, они тем самым наносят удар по государству.

Зинченко ушел в отставку из-за того, что не добился от президента увольнения Порошенко. Все лето добивался и не добился…

Высказывания Петра тоже были сумбурны, но обвинения своему противнику он предъявил не менее серьезные. Сказал, что Зинченко не справлялся со своими обязанностями, но сопротивлялся реформированию правоохранительной системы. Более того, по словам Порошенко, «сегодня есть угроза контрреволюции». Он связал эту угрозу не с бездеятельностью власти, а наоборот - с ее решительными действиями по наведению порядка в стране. Главным реформатором выставил, естественно, себя. Зинченко же его подвиги расценил иначе: «Результат усилий сотен патриотов Украины пытается использовать в собственных целях небольшая группка авантюристов от политики… Верхом цинизма и беззакония является попытка превратить Совет национальной безопасности и обороны, а точнее, его аппарат, в новое НКВД, всесильное и могущественное».

С каждым таким случаем все больше убеждаюсь, что они таки настоящие революционеры, эти ребята. Или так глубоко вошли в роли… Только революционеры могут так жестоко нападать друг на друга и жаждать крови друг друга. Как сообщается, этой пресс-конференции предшествовало аппаратное совещание в Секретариате, которое провел президент. Там он подверг эту структуру, руководимую Александром Зинченко, резкой критике, после чего тот и решил уйти. Но не просто уйти, а - громко хлопнув дверью. Называют это уходом от тяжелой повседневной работы под политическим предлогом.

Смотрел «Украинскую правду» за вчерашнее число. В подзаголовок статьи о пресс-конференции Зинченко вынесены два предложения: «Украина явно не справляется с демократией. Говорят, на стенах домов стали появляться надписи, посвященные Кучме: «Прости, Данилыч!» Думаю, скоро журналисты станут спрашивать меня, явились ли для меня неожиданностью эти надписи. Скажу, что не очень, но я не ожидал, что они появятся так скоро - задолго до конца первого президентского года Виктора Ющенко.

7 сентября

С позиции сегодняшнего дня могу сказать, что в отношении нашего парламента, наверное, мне надо было вести более мягкую политику. Ведь это избранники народа, как говорят, срез общества, да и Запад реагировал бы на это одобрительно. Для него парламент - основное звено демократии.

По большому счету, я это понимал, но мне трудно было спокойно смотреть, как он тормозит и тормозит экономические реформы. Можно ли было не обращать на это внимания? Как сегодня Ющенко. Или он делает вид, или ему действительно все равно, что там делается. Хотите - принимайте тот или иной закон, хотите - не принимайте. Может, он будет иначе относиться к парламенту после выборов?

Я, конечно, мог бы быть добреньким, хорошим дядей, ни во что не вмешиваться, ни на кого не оказывать давления.

Примерно таким был Леонид Макарович Кравчук. Экономических проблем для него не существовало. Пусть премьер Кучма бодается с Верховной Радой - я, мол, буду смотреть со стороны. Сегодня он обижается, когда я об этом вспоминаю… Как подумаю, где бы мы были сегодня, если бы я не бодался с парламентом… Нет, наверное, не стоит жалеть, что вся складывалось так, как складывалось.

Третьего дня говорю: «Леонид Макарович, пошли на футбол». - «Нет, - отвечает, - у меня запланирована поездка в Крым». До выборов остается все меньше времени, он много ездит. Верю ему, когда говорит, что старается не для себя, а для своей партии, для блока. Кравчука не очень любят на востоке и в Крыму, а он и туда ездит. В представлении многих крымчан советской закалки он является человеком, развалившим Советский Союз. Когда ставили щиты с политической рекламой Кравчука в Крыму, я говорил: «Что вы делаете?» И действительно, в Крыму его встретили плохо. А из Винницы вернулся в восторге. В Луганске его тоже хорошо встречали.

8 сентября

Как говорится, свершилось. Виктор Ющенко отправил в отставку все правительство, включая премьер-министра Юлию Тимошенко.

Еще вчера видные украинские политики уверенно говорили, что этого не будет. «На сегодняшний день, - сказал Владимир Литвин, - это нереально в силу разных обстоятельств - психологических и политических. Вопрос в том, кто в случае ее отставки возьмет на себя такую ответственность, кто из министров готов прийти на ее должность на полгода, не зная перспектив».

Сама Юлия Тимошенко: «Слухи о моей возможной отставке с должности главы правительства - не что иное, как банальная информационная провокация».

Ее советник Олег Медведев: «Я не верю, что Ющенко отправит ее в отставку, как бы сильно на него ни давило его бизнес-окружение».

Наконец, и Ющенко высказался: «Это просто глупости!»

И только вице-спикер Верховной Рады Адам Мартынюк сказал: «Если Тимошенко и в дальнейшем будет воплощать в жизнь свою программу, то она может уйти в отставку». Но даже он имел в виду не завтрашний день, а неопределенное будущее.

Сегодняшнее политическое утро началось с того, что заявили о своей отставке секретарь СНБО Порошенко, вице-премьер Томенко. Днем Ющенко объявил об отставке правительства. Отстранен от исполнения обязанностей первый помощник президента Третьяков. Ющенко предложил формировать правительство днепропетровскому губернатору Еханурову.

Таким образом, отношения в лагере «оранжевых», прежде всего между Ющенко и Тимошенко, перешли на качественно новый уровень: на уровень публичной конфронтации и, следовательно, демагогии. Вчерашние соратники начали между собой пропагандистскую войну. Вряд ли она закончится раньше, чем эти команды покинут политическую сцену.

Сразу могу сказать: в конечном счете Юлия проиграет, а Виктор не выиграет. Юлия проиграет потому, что Украина уже вышла из того возраста, в котором она могла бы отдать власть популизму. Виктор не выиграет потому, что Украина разделена практически пополам. Придется идти на компромиссы, чем он уже, собственно, и занялся.

С **государственной** точки зрения, Юлию нельзя было назначать премьер-министром ни на один день. С **революционной** точки зрения, ее нужно было назначить на этот пост навсегда, то есть на все время президентства Ющенко. Виктор Андреевич выбрал худший вариант - ни то, ни се. Он назначил ее премьер-министром, но унизил ее такими ограничениями, которые должны были привести и привели к открытой политической войне внутри «оранжевого» лагеря. Я имею в виду президентские указы о расширении полномочий Совета национальной безопасности и обороны

(Порошенко) и Секретариата Президента (Зинченко). Этим структурам явочным порядком были переданы многие функции правительства и исполнительной власти в целом.

Свои ошибки и провалы Юлия стала сваливать на «врагов народа». Причем практически сразу стала находить их не только в лагере побежденных, но и в окружении президента. Раз во всем виноваты «враги народа», у них должны быть сообщники вне страны. Юлия нашла и их. Она действовала как по нотам. По тем нотам, которые на протяжении 20 лет (1917-1937) писались для нее большевиками.

Было стыдно не за нее - за Украину. Вспоминаю сегодня пресс-конференцию Тимошенко 22 апреля 2005 года. Страна обеспокоена ростом цен на бензин. Кто-то сердится, кто-то паникует. Но большинство, по моим оценкам, не настроено ни на особые протесты, ни на слишком громкий разговор на эту тему. Все идет на уровне обычного обсуждения очередной плохой новости. Но Юлия решает взвинтить и себя, и всех вокруг себя. Она словно ждала повода напасть на российские нефтеперерабатывающие компании. «Четыре компании, - заявляет она, - представители которых добывают нефть в России и перерабатывают в Украине, могут абсолютно спокойно делать все что угодно с нашим внутренним рынком нефтепродуктов. Если завтра они захотят поднять цены в два-три раза, им ничто не помешает, так как не существует никаких сдерживающих механизмов».

Сумасшедший дом! О каких «двух-трех разах» речь? Что она делает! Я-то понимаю, что это вырвалось сгоряча. Все понимают - и люди бизнеса, управления. Но миллионы рядовых телезрителей могут принять эти слова за чистую монету. Чего этим можно добиться? Чтобы люди взяли вилы и двинулись штурмовать бензоколонки? Что значит «не существует никаких сдерживающих механизмов»? Это даже враньем не назовешь. Какой-то бред. Существует такой сдерживающий механизм, как мировой рынок. Существует и такой сдерживающий механизм, как вся структура, вся логика, вся теория и практика российско-украинских межгосударственных и экономических отношений.

В том же месяце ей потребовалось нанести удар по «мясному кризису». Опять же: очередная плохая новость. В условиях стагнации производства резко повысились социальные выплаты. Людей просто обманули: они получили деньги, не обеспеченные соответствующим ростом производительности труда. Сработали кое-какие другие факторы. В результате поднялись цены на мясо.

Юлия и в этом случае накидывается на «врагов». Это прежде всего посредники и продавцы, но также и те, кто производит мясо. И, конечно, главы областных и городских администраций. Они, оказывается, должны были выделить какие-то особые места для торговли мясом по низким ценам, но не выделили. Или места выделили, а цены пустили на самотек.

Я слушал ее обвинения и распоряжения и думал: что ты будешь делать, когда люди увидят то, что видели на протяжении всего периода советской власти, - неэффективность административных методов регулирования рынка? Опять в семь утра будут выстраиваться очереди за колбасой? О чем ты думаешь? Почему тебе безразлично, что скажут о тебе специалисты? Твои коллеги - руководители правительств других стран… Кто станет иметь дело с премьером-популистом?

Проходит немного времени - и Юлия отыскивает нового «врага». На сей раз это парламент! Он виноват в «сахарном кризисе». Чуть позже виновником будет объявлен и сам президент.

3 июля. Вечер. Включаю телевизор. На экране бушует Тимошенко: «Одной из причин повышения цен на сахар в стране является то, что Верховная Рада не принимает правительственный законопроект об интервенциях на продовольственные рынки. Правительство чувствовало, что возможно сезонное повышение цен, и потому еще 2 месяца назад направило в Верховную Раду законопроект об интервенции на рынки пищевых продуктов, который Верховная Рада не приняла. Два месяца мы не смогли провести через парламент этот законопроект… Потому что сегодня власть новая, а парламент, к сожалению, сохранился в старом составе».

Конечно, Виктору Ющенко это все в конце концов надоело. Думаю, больше того - испугало.

10 сентября

Заявления Ющенко в связи с отставкой правительства откровенно противоречивы. Некогда было продумывать, а работать в режиме сжатого времени не получается… Что он поставил в вину правительству? Низкие экономические показатели и нежелание или неумение исправлять положение. Но при этом он, как следует из его слов, мирился бы с таким правительством и дальше, если бы Юлия Тимошенко и его окружение нашли общий язык. И заявляет, что в стране нет политиче-

ского кризиса.

А Тимошенко «все расставляет по своим местам». Вчера состоялось ее первое публичное выступление после отставки. Что, по-моему, главное с политической точки зрения? В оппозицию к правительству Еханурова она формально не уходит, а на деле выдвигает себя на роль главной носительницы «идеалов Майдана». И, конечно, отныне она всем телом и душой предана политреформе! 8 декабря прошлого года - главная противница, 8 сентября нынешнего - главная сторонница. Для публики, правда, делает оговорку, что политреформа - меньшее из зол. Ясно, что видит себя премьер-министром после парламентских выборов.

О проблеме газа выражается так, что мороз по коже: «Это вообще такая мощная геополитическая коррупционная модель»! То есть всемирный заговор против Украины, а понимать надо - против нее, против Юлии Владимировны. Но центр этого заговора, по ее словам, находится в Украине. И этот центр устраивает не только газовый, а все - все без исключения! - кризисы. Где же конкретно помещается этот центр? Рядом с президентом! Речь идет о его окружении. Совсем недавно она говорила о том, что у нефтеперерабатывающих компаний нет никаких тормозов, а сегодня объявляет: «Я обо всем твердо договорилась, мы нашли взаимопонимание с монопольными компаниями, и цены пошли вниз. Но именно в тот момент окружение президента просто пригласило этих людей и посоветовало делать все с их подачи».

11 сентября

После встречи в Казани глав государств - членов СНГ стало, мне кажется, ясно, что Россия потихоньку пойдет по пути отказа от СНГ.

Впервые в истории СНГ на «круглом столе» перед участниками не лежал проект заранее согласованного итогового документа. Не смогли договориться даже о четкой повестке дня. А ведь Россия на этот саммит смотрела как на ключевое событие в процессе реформирования СНГ. Провалилась состоявшаяся за три дня до этого встреча министров иностранных дел.

Грузины отказались подписать даже проект совместного обращения по случаю 60-летия ООН и Декларацию о гуманитарном сотрудничестве. Причина - недовольство позицией России в отношении конфликтов в Абхазии и Южной Осетии.

Ранее Исполком СНГ отказался включить в повестку дня пакет украинских предложений. Наши представители не скрывали в связи с этим своего недовольства.

Министр иностранных дел Туркменистана прямо сообщил, что его страна ограничит сотрудничество в рамках СНГ ассоциированным членством. Это не что иное, как выход из СНГ. Туркменбаши в Казань не приехал - послал управляющего делами своего аппарата.

В Москве обратили внимание на то, что в речи президента Виктора Ющенко по случаю Дня независимости Украины такая организация, как СНГ, не была даже упомянута. Россия - тоже.

Зато Украину Россия вспомнила. Появилось своеобразное «заявление ТАСС» - было опубликовано интервью агентству «Новости» анонимного представителя администрации президента России: «Суть нового направления политики заключается не в том, чтобы восстановить некое влияние России, якобы утерянное в результате оранжевых революций, - его и не было, были только зря потраченные деньги и воровство российского газа… Провозглашенное Грузией и Украиной намерение создать так называемое содружество демократий Балто-Черноморско-Каспийского региона также является очередной попыткой Запада создать противовес российской политике на постсоветском пространстве».

Таким образом, будет абсолютно прагматическая политика по отношению ко всем, независимо от того, состоит данная страна в СНГ или не состоит. Одновременно будут пытаться таки создать Единое экономическое пространство, к которому потом присоединится и Узбекистан как одна из сильных республик. Будет там и Армения. Не знаю, как Азербайджан, - все будет зависеть от результатов парламентских выборов. Теперь на первое место ставят сугубо экономические интересы. Европейский Союз начинался не с лозунга, не с идеологической надстройки, а с простого, скромного Объединения угля и сталиа.

Создание Единого экономического пространства - это тоже не минутное дело, хотя идеологии с самого начала привнесли больше, чем нужно. Постарались наши отечественные противники ЕЭП, самопровозглашенные герои борьбы за национальную независимость. Времени потребуется

немало. Одна разработка документов, создание правовой базы - колоссальная работа. В любом случае надо постепенно, но неуклонно сближать наши внутренние правила с теми правилами, по которым живет развитый мир. Мы должны исходить из того, что мы не есть замкнутое пространство. Мы открытое экономическое пространство, и надо стараться, чтобы оно становилось все более открытым и благоприятным для инвестиций.

Подписание соглашения о прокладке газопровода по дну Балтийского моря - это сильнейший ход и Путина, и Шредера. Соглашение было подписано не ими, а в их присутствии, но все все понимают. Без них «Газпром» и германские компании обойтись не могли. Газопровод свяжет Выборг с Грайфсвальдом. Это более 1,2 тысячи километров. Перекачивать будут 20 млрд. кубометров газа в год. Проект обойдется почти в 6 млрд. долларов.

Это все не явилось новостью. В Страсбурге 25 января Ющенко заявил: «Мне тревожно слышать ежегодно о том, что Россия строит газопровод в обход Украины то слева, то справа. Я хочу иметь ситуацию, в которой украинский транзитный интерес будет отрегулирован на десятки лет, и не быть под риском, что ежегодно объемы прокачки газа будут снижаться со 106 млрд. до 70 млрд. кубов». Но уже на следующий день на пресс-конференции в Кракове он сообщил, что Украина намерена осуществить ревизию всех международных соглашений, заключенных предшественниками. Газовых соглашений это коснулось в первую очередь - и что удивляться, что россияне начали считать Украину непредсказуемым партнером.

Через полтора месяца Ющенко общался с российскими журналистами, показал им свой рабочий кабинет. Репортер российского «Коммерсанта» (17.03.2005 г.) написал: «На гвоздике, словно только утром вбитом в стену, висит интересная карта - «Схема газопроводов на территории Центральной и Восточной Европы, СНГ и Балтии». Никаких других карт в кабинете нет. В ходе разговора, продолжавшегося 45 минут, Виктор Ющенко сам обратил внимание на эту карту, отчего возникли сомнения в том, что она висит здесь уже не первую неделю и не будет снята, как только выйдут журналисты».

Если эта карта все-таки еще висит в кабинете Ющенко, то теперь в ней необходимо сделать неприятные для Украины корректировки - дорисовать Североевропейский газопровод. К сожалению, есть основания полагать, что это будут не последние корректировки на этой карте.

Путин давно заявлял, что соглашение с немцами будет заключено и не останется на бумаге. В Европе растет спрос на газ, она требует увеличения поставок, причем поставок гарантированных, не зависящих от политической конъюнктуры. Вот Россия и ищет обходные пути. Но кое-кто, наверное, думал, что дело затянется надолго.

Друзья спрашивают, как, по моему мнению, на это отреагируют американцы. Они ведь особо опекают Польшу, а теперь и Украину, для обхода которых будет проложен трубопровод. Трудно представить себе, чтобы это понравилось американцам. И Квасьневский уже заявил, что не приветствует очередную стройку немецко-российского капитализма, и лидеры прибалтийских государств. Украина, может, и хотела бы присоединиться к этим заявлениям, да не получается. Ведь она могла легко предотвратить такое развитие событий, если бы согласилась на создание газотранспортного консорциума.

Напомню слова Путина, сказанные им в Запорожье в октябре 2002 года в канун подписания соглашения о создании газотранспортного консорциума: «Если Россия будет принимать участие в проекте, будет чувствовать свою сопричастность к проекту, то мы будем наполнять газотранспортную систему своим продуктом, будем продвигать этот продукт совместно с Украиной - нашим партнерам на рынке третьих стран. Если не будет, то мы будем искать другие выходы, будем строить другие трубопроводы». Как будто без этих слов Путина никто не знал именно об таком подходе России. При этом он же четко указал, что «делать это (совместно эксплуатировать газотранспортную систему. - **Л. К.)** без учета национальных интересов Украины - абсолютно нелепое дело. Мы это прекрасно понимаем, отдаем себе в этом отчет и настроены на конструктивную работу».

Очень жалею, что не удалось создать газотранспортный консорциум.

Политическое решение об этом было принято Путиным и мною еще 9 апреля 2002 года. Нас поддержал канцлер ФРГ. Встреча была трехсторонняя. К тому времени дело уже подошло к увязке газовых балансов Украины и России. Контракты и соглашения с «Газпромом» гарантировали нам надежную загрузку нашей газотранспортной системы (ГТС) и хранилищ газа. В этих условиях идея консорциума для развития этого хозяйства и управления им просто напрашивалась. Речь шла

о том, чтобы привлечь к эксплуатации нашей трубы иностранцев и вместе с ними на этом хорошо зарабатывать. 7 октября 2002 года было подписано российско-украинское соглашение о создании ООО «Международный консорциум по управлению и развитию газотранспортной системы Украины». Начали готовить техническое задание специалистам, которые должны были оценить состояние нашей ГТС, рассчитать потребности в инвестициях на ее модернизацию, разработать организационные модели и т. д. Надо было выбрать наиболее приемлемый для всех вариант отношений собственности: приватизация украинской трубы, сдача ее в концессию или аренду.

Это дело оказалось, естественно, трудоемким и деликатным, но вполне исполнимым. Перед подписанием соглашения о консорциуме нам удалось добиться от Москвы реструктуризации украинской газовой задолженности на вполне льготных условиях, а также подписать договор, по которому Россия обязалась десять лет прогонять через Украину на Запад не менее 110 млрд. кубометров газа ежегодно. Впоследствии этот объем был пересмотрен в сторону увеличения!

Я ни на минуту не упускал из виду техническое состояние газотранспортной системы, проблему изношенности труб. Они напоминали мне то, что я видел в свое время на раскопанном Крещатике… Выработали свой ресурс больше половины агрегатов на компрессорных станциях. Тем временем большие деньги буквально уплывали из наших рук с теми потоками газа, которые Россия все увереннее направляла в обход Украины.

Сколько раз мне хотелось спросить некоторых патриотов, ведомо ли им это и могут ли они сказать родному народу, чем компенсировать упускаемую выгоду. Вон уже отгрохан «Голубой поток»! После вступления в строй его второй нитки Россия будет гнать в Турцию до 30 млрд. кубометров газа в год, минуя Украину. Заканчивается прокладка второй очереди газопровода Ямал-Европа, который уж сейчас лишает нас заработка за прокачку по нашей трубе более 20 млрд. кубометров.

Руководствуясь такими фактами и соображениями, я и старался ускорить создание газотранспортного консорциума. Практически все документы были подготовлены. Но пришла новая команда и отказалась от этой полезнейшей затеи. Опять напустили идеологического туману. За этим туманом людям трудно разглядеть главное: труба осталась бы нашей, украинской. Никто никому отдавать ее не собирался. Но были бы решены серьезные проблемы развития и эксплуатации этой трубы. Только за счет замены компрессоров и насосов ее производительность могла быть повышена на 10-15%. Помешало послереволюционное помутнение мозгов. В результате - огромные экономические потери, огромная упущенная выгода. Россия не сможет обойтись без нашей трубы. Пока. По идее труба будет полностью заполнена. Но если будет проложен трубопровод по дну Балтийского моря, то нагрузка на нашу трубу может падать. А кто может сказать, что не появятся новые проекты обходных газопроводов? Да и реконструкцию ее надо делать, только теперь - в одиночку.

а Скромное-то оно скромное, но создавалось в 1951 году, то есть через шесть лет после окончания Второй мировой войны, для того, чтобы предотвратить очередную войну в Европе. Целью было объединение европейских ресурсов по производству угля и стали. Интересно, что Великобритания, блюдя свой суверенитет, отказалась участвовать в этой организации!

Я пытался заглянуть лет на 20-30 вперед - что будет с обеспечением Украины энергоносителями. Мировые тенденции известны. Объемы потребления энергоресурсов в 4 раза превышают объемы открываемых месторождений энергетического сырья. Многие авторитетные эксперты предрекают миру энергетический голод. В самой России - крупнейшей газодобывающей стране мира - обозначились проблемы с обеспечением газом! Сможем ли мы получить необходимое нам энергосырье? Этот вопросы я ставил перед собой. И приходил к выводу, что именно наша газотранспортная система - до тех пор, пока в ней будут заинтересованы наши партнеры (прежде всего в газодобывающей России) - должна стать нашим козырем, залогом того, что мы всегда будем с газом. Но для этого мы должны оставаться эксклюзивным транзитером энергоресурсов. Отказ от консорциума подвигнет россиян на строительство обходных газопроводов - и каждый такой проект будет ударом по стратегическому значению нашей трубы.b

13 сентября

Ющенко на фактический переход Тимошенко в оппозицию отреагировал в ее духе. Он заявил, что Тимошенко использовала свое положение премьер-министра для списания долгов компа-

нии Единые энергетические системы Украины (ЕЭСУ). Этой компанией она руководила в середине девяностых годов. Теперь, если верить президенту, она фактически присвоила 8 млрд. гривен ($1,6 млрд.). Закономерный вопрос: как такое серьезнейшее деяние не было пресечено тем же президентом еще на стадии замысла? Было ли оно ему известно тогда, когда он оценивал правительство Тимошенко как самое успешное за всю историю Украины? Такое впечатление, что он не предполагает, что такие вопросы могут возникнуть и что на них нужно как-то отвечать.

На следующий день соратник Юлии Тимошенко Михаил Бродский рассказал, со слов Березовского, что такие «любі друзі» президента, как Давид Жвания и Роман Безсмертный, еще во время президентских выборов готовили покушение на нее. Сослался на Березовского и Леонид Кравчук. Он озвучил «сенсацию»: оказывается, Березовский участвовал в финансировании предвыборной кампании Ющенко, перечислив на счета его брата - Петра Ющенко и Александра Третьякова 15 миллионов долларов. По словам Кравчука, если подтвердится этот факт, Виктору Ющенко должен быть объявлен импичмент. В свою очередь Александр Турчинов заявил на пресс-конференции, что факт отравления Ющенко до сих пор не установлен…

Я не ожидал такой вакханалии взаимной дискредитации участников коалиции «Сила народа», которая привела Ющенко на пост президента.

Все, что до сих пор делала и говорила Тимошенко, все, что делали и говорили ее министры, выглядело как пародия - пародия на все известные нам революции. То же относится и к Виктору Ющенко с его «любими друзями». Эти люди не думают, что на них могут смотреть и констатировать: надо же, разыгрывают все, что происходит после каждой революции! Они наперегонки пугают страну якобы готовящимися государственными переворотами. Уже не просто трудно, а невозможно поверить, что это вчерашние соратники, вожди «оранжевой революции», люди, которые заверяли, что несут стране справедливость, правду, всяческую чистоту и прозрачность, клялись в своем бескорыстии, порядочности и самоотверженности.

Иногда мне кажется, что даже на меня они за все эти годы не вылили столько грязи, сколько - друг на друга за пару недель!

14 сентября

Долго еще мы будем слышать рассуждения о том, что была таки, мол, возможность сохранить СССР. У Горбачева какой-то шанс, наверное, был. Называется этот шанс конфедерацией. Конфедерацию можно было себе представить. Но и то лишь как переходное состояние. Советский Союз не смог бы достаточно долго существовать и в виде конфедерации. Но мягкий, эволюционный переход всех к независимости позволил бы уменьшить страдания миллионов людей. Простых людей. Жалко простых людей. Поэтому я и являюсь сторонником эволюционного развития.

В экономике - там бывают необходимы революционные решения, революционные повороты, изменения, скачки. С точки зрения того, что под моим руководством делалось в экономике Украины, я могу назвать себя настоящим революционером. Но таким революционером, который признает только научно-технические революции. А в остальном я за эволюцию.

Считаю, например, совершенно правильной свою политику в отношении украинского языка. Никакой спешки! Жизнь, она все расставит по своим местам. Мой расчет был и остается на одну силу - на такую силу, как мамы и папы. С годами они будут все лучше понимать, что их детям, чтобы удачно устроиться в жизни, нужно в совершенстве владеть государственным языком. А заодно - и русским, и английским, которые тоже становятся наднациональными. В итоге сама жизнь заставит людей делать правильные выводы, принимать здравые решения и за себя, и за своих детей.

Не надо только допускать спешки, показухи и просто глупостей. Из телепередачи узнаю, что в Крыму на базе русской школы открывается украинская гимназия. Это событие комментирует министр образования Крымской автономии. Мол, каждый учитель на полуострове должен знать украинский язык. А сам говорит на русском… Так ты же министр образования - должен был сам сначала выучить украинский, а потом уже объяснять другим важность этого.

19 сентября

В «Украинской правде» появилась статья Александра Морозова. Это председатель правления «Ощадбанка», молодой еще человек, член руководства НСНУ. Статья называлась тревожно: «Предчувствие государственного переворота» («УП», 19.08.2005 г.). Трудно было читать ее - и не улыбаться, хотя улыбка не могла быть радостной. О вчерашних соратниках в ней говорилось как о злодеях, которые действительно представляют собой угрозу государству. А речь шла всего-навсего о борьбе за власть между двумя группами «оранжевых» вождей. Даже не за власть (это все-таки слишком громко), а за места, за посты.

Молодой человек пишет: «События последних дней прямо и косвенно указывают на то, что Юлия Тимошенко не хочет ждать парламентских выборов 2006 года. Она намерена захватить всю полноту власти прямо сейчас - путем государственного переворота и отрешения Виктора Ющенко от должности президента страны».

Обвинение такое серьезное, что требуются прямые доказательства, а не косвенные. Однако автор сразу же ставит нас в известность, что будет голословным от начала до конца. Вот на чем основано его «предчувствие»: «Имея некоторый опыт в отношении «стратегии» Юлии Владимировны, можно с высокой степенью точности прогнозировать последовательность ее действий». Тут ничего не остается, как развести руками.

Но каковы же действия, которые будто бы собирается предпринять Тимошенко?

«Первый этап. Масштабная дискредитация президента… Второй этап. Попытка заблокировать утверждение Юрия Еханурова на посту премьер-министра… Тем, чьих голосов недостает, предлагаются любые деньги… Третий этап. «Антиехануровская» коалиция в парламенте плавно преобразуется в «альянс за импичмент президента»… Четвертый этап. Не дожидаясь завершения процедуры импичмента (который по действующему законодательству провести практически невозможно), Тимошенко обращается напрямую к народу. Ее сторонники (потребуется 20-25 тысяч человек) собираются в честь годовщины Оранжевой революции и блокируют здание Секретариата Президента на Банковой улице, Кабинет Министров и дачу Ющенко. Далее, согласно сценарию экс-премьера, Виктор Ющенко, утратив политическую инициативу, вынужден будет согласиться с требованиями Тимошенко. А требования, скорее всего, окажутся следующими: «мягкий вариант» - немедленное возвращение ее в кресло премьера с форсированным проведением политической реформы, предполагающей переход многих президентских полномочий к главе правительства; «жесткий вариант» - досрочные президентские выборы в конце текущего - начале следующего года».

Этот прогноз имеет право на существование. Но - исключительно для служебного пользования в том политическом коллективе, к которому принадлежит аналитик. Выносить такую вещь на всенародное обозрение как план «государственного переворота» - это значит продолжать революцию, для которой не писаны никакие законы и правила. Называть возвращение Юлии Тимошенко в кресло премьера и даже досрочные президентские выборы «государственным переворотом» - это детский лепет. Но ничего, кроме такого лепета, я лично не слышу уже девять с лишним месяцев.c

20 сентября

Как бы в продолжение и развитие морозовского «прогноза» Виктор Ющенко выступает в Верховной Раде. «Я убежден, - говорит он, - что в стране задействован циничный план разрушения власти, причем к этому плану привлечены кое-кто и с Майдана, и кое-кто из тех, кто хотел его разогнать. Предыдущее правительство дало втянуть себя в неблагородную игру в части этого сценария».

Ну, типичное, классическое революционное поведение. Вместо доказательств существования заговора народу предлагается убеждение…d

28 сентября

Был на днях в больнице у Евгения Марчука.

В 2000 году он издал книгу, в которой агитировал за создание чего-то вроде украинской Силиконовой долины. Ему казалось, что это нам по силам. Я ему говорил, что если бы это было так, то Долина уже была бы создана. Идея ясна, мировой опыт есть, остановка была бы только за день-

гами, а раз были бы деньги, то за всем остальным дело не стало бы. Считаю своей заслугой, что за десять с лишним лет, когда от меня в Украине что-то зависело, мы ни копейки не потратили ни на один завиральный проект. Не было у нас ни попытки поворота каких-нибудь рек в не свойственную им сторону, ни осушения болот, ни орошения степей. Не додумались мы и до чего-то вроде Продовольственной программы. Это не значит, что стояла на месте мысль людей, которым нравится составлять грандиозные проекты и предлагать их власти. Нет, мысль била ключом, иначе не появилась бы книга Марчука.

Стоило произойти «оранжевой революции», как буквально в первые же дни, если не часы, общество узнало сразу о нескольких грандиозных проектах, выдвинутых или с энтузиазмом поддержанных новой властью. Типичная большевистская реакция на важные и болезненные проблемы, на трудности со снабжением населения самым необходимым. Не хватает вам хлеба? Не беда, вот вам Великий Сталинский План Преобразования Природы. Подорожало мясо? Не волнуйтесь, у нас припасена датская технология производства свинины. Цели простые, сиюминутные: успокоить людей, понравиться им, отвлечь их внимание на себя и на что-то эфемерное, но блестящее. Ну а изобретатели и реформаторы со своими находками тут как тут.

Для того, чтобы создать Силиконовую долину, нужны колоссальные капиталы. На том этапе, когда писалась книга Марчука, это невозможно было сделать. Вот сейчас Россия, слышно, будет пытаться создать в отдельных регионах свои Силиконовые долины в области авиации, электроники, но это там, где у них уже есть серьезная база. И потом, такие вещи должен делать частный капитал, частный инвестор, частная инициатива. Тогда будет быстрый и реальный эффект, не будет расточительства и воровства. А роль государства - оказать поддержку, обеспечить безопасность, благоприятные налоговые условия. Это вопрос доверия к стране. Это вопрос стратегии крупного международного капитала.

А большое ли доверие со стороны международного капитала было продемонстрировано за эти годы к постсоветскому да и к постсоциалистическому пространству? Можно ли назвать на территории бывшего СЭВ страну, ту же Польшу, Чехию, Венгрию, Болгарию, где появились Силиконовые долины? Кроме простых, исключительно сборочных производств, ничего там нет. Даже в Германии… Рассказывают, что у главы правительства Баварии Штойберга была идея создать что-то такое. Это очень серьезный человек, с большими связями, с влиянием на важнейшие экономические процессы, и в его, так сказать, распоряжении экономика богатейшей части Германии, но что-то и у него пока не получается… Правда, мне могут заметить, что вся Бавария - это Силиконовая долина.

Пошли разговоры, что надо развивать отечественную легкую промышленность. Свои трусы шить… Это не проект Силиконовой долины или датской свинофермы, но пафос похожий. Как будто до «оранжевой революции» мы этого не знали или сопротивлялись этому. Да, надо шить и трусы, и туфли, если мы умеем это делать и у нас есть сырье, но наши изделия должны сразу выдерживать конкуренцию на мировом рынке. Не закрывать внутренний рынок для западного ширпотреба, а вытеснять его своими товарами не худшего качества. Наверное, многие еще помнят, что в первые годы независимости полки наших магазинов были забиты продуктами питания иностранного производства. Мы постепенно вытеснили их товарами своего сельского хозяйства и своей пищевой промышленности. Такой подход я поддерживаю. Но не барьеры и «железный занавес».

29 сентября

Юлия Тимошенко дала интервью газете «Високий замок». В нем она выдвигает такие обвинения президенту Ющенко, какие по европейским меркам тянут на импичмент: «Его парни пришли во власть немножко заработать… И президент не запрещал это делать. Это правда. Президент все знал, они согласовывали с ним каждый шаг. Я мешала им это делать, мешала радикально».

Есть в этом интервью и кое-что такое, во что даже мне верится с трудом, но как раз это, судя по сведениям из других источников, очень близко к истине: «Вы не поверите, но я на месяцы была отрезана от президента. Я не имела возможности ни встретиться, ни доложить. Даже когда я звонила президенту, трубку брал Третьяков… Когда я говорила Третьякову, что такое положение вещей ненормально, что хотя бы три раза в неделю я должна общаться с президентом, уж не претендую на ежедневное общение, он отвечал, что это не его решение, это желание президента».

Получается, что ее намеренно доводили до взрывного состояния.

30 сентября

Приватизация Кременчугского нефтеперерабатывающего завода началась, когда премьер-министром был Пустовойтенко. После него пришел Ющенко. Спрашивается: почему он только сейчас говорит, что приватизация прошла неправильно? Если были нарушения и он их видел, то почему не предотвратил их тогда, когда у него были для этого все возможности?

Я не думаю, что можно предъявить претензии Российской Федерации за то, что основной пакет акций этого и других таких объектов оказался в российских руках. Надо понять положение Украины в те годы, когда мы не знали, за что купить горючее, чтобы засеять хотя бы половину земель. Наши нефтеперерабатывающие заводы стояли. Стоял тот же Кременчугский, стоял Лисичанский… Еще пару лет - и никому они не были бы нужны. Я на всех этих заводах бывал. Их эволюцию можно проследить по динамике реальной заработной платы: какой она была и какой стала.

В 1999 году я два или три раза был в Лисичанске, встречался с коллективом нефтепереработчиков. Ошибается тот, кто думает, что их больше всего заботила «справедливость» приватизации. Люди хотели одного: чтобы у завода появился наконец хозяин и дал им работу и заработок. Крик стоял душераздирающий… Хозяина предприятия, конечно, видели во мне, то есть в государстве. Я отвечал, что государство - плохой хозяин, но я расшибусь в лепешку, чтобы у завода появился настоящий частный хозяин. Кем бы он ни был! Там были огромные долги, в том числе итальянский кредит под 100 млн. долларов. Нужен был хозяин, который пришел бы на завод со своей нефтью, переработал ее, хорошо продал продукты переработки, а из выручки заплатил бы людям за труд и погасил долги предприятия. Рыночник Ющенко, казалось бы, должен это все понимать! Он, думаю, и понимает. Но политика есть политика. Человек решил набирать очки на популизме. Вот и поносит задним числом «кучминскую приХватизацию».

Такой хозяин, о котором я говорю, нашелся. Мы его нашли! В 1995 году указами президентов Украины и Татарстана была создана «Транснациональная финансово-промышленная нефтяная компания «Укртатнафта». Сразу нашлась нефть, закипела переработка, потекли деньги в бюджет (и, естественно, в карманы хозяев-акционеров). Были погашены долги, люди стали получать приличную зарплату. Само собой разумеется, резко возросла капитализация предприятия. То есть оно выросло в цене. Одна цена - на предприятие, которое «лежит» и придавлено долгами, и другая - на предприятие, которое крепко стоит на ногах, приносит прибыль. А теперь демагоги, популисты сравнивают эти цены и кричат народу Украины: «Предприятие, которое стоит миллиард, продали за миллион!» А может, через 10 лет оно будет стоить 2 миллиарда, а через 50 - ничего, поскольку мир найдет замену нефти.

5 октября

После «оранжевой революции» была проведена кампания по разоблачению коррупции в Крыму. Устроили несколько громких скандалов. В сознании населения Украины полуостров превратился в Клондайк, где деньги растут прямо на деревьях вместо листьев и куда рвутся воротилы со всего света.

Послушайте, добрые люди! Крым - это же депрессивная территория. Экономика там была в тяжелейшем состоянии. Мы не случайно решили оставлять Крыму весь налог на добавленную стоимость. В свое время я издал специальный указ об этом, потом появился и закон. Другого способа поддержать крымские «штаны» не было. Курортная зона прибыли особой не давала, еле-еле теплилась. Тамошние предприятия практически «лежали»: тот же содовый, титановый заводы, Симферопольский телевизионный. Точно так, как мы давали льготы, например, металлургам в других регионах, чтобы их отрасль совсем не развалилась, так поступили и с крымским хозяйством. Это способ, которым пользуются все страны: точечно поддерживать или какой-то регион, или какую-то отрасль, или отдельное предприятие, или проект. Так поддерживается во всем развитом мире сельское хозяйство.

А теперь в Крыму появился новый премьер Матвиенко, устроил целое представление, восстановил против себя народ и стал говорить о заговоре коррупционеров, которые мечтают его

свергнуть. Навлек на себя недовольство ускоренной украинизацией образования в Крыму. Пришел - так занимайся больше хозяйством, а дело украинизации само себе дорогу пробьет. Оно уже и пробивало. В том же Симферополе при моем участии построен самый лучший украиноязычный лицей. Красавец! Принимают в него по конкурсу, поскольку много желающих, хотя расположен он на окраине.

Реакции Матвиенко типичны для каждой революции. После победы за дело берутся ее вожди и активные участники. Берутся с большим энтузиазмом, действуют привычными им революционными методами: пропаганда, демагогия, кавалерийский наскок, «чекистский» нахрап. Дело, однако, не идет. Тогда начинают шуметь о врагах, разоблачают заговоры, всюду ищут «гидру контрреволюции». Наблюдать за этим неприятно, но интересно.

Матвиенко - бывший комсомольский руководитель. Правда, в его время, собственно, никакого комсомола уже не было, а был комсомольский бюрократический аппарат, работавший сам на себя. Матвиенко - до мозга костей номенклатурный человек, советский и постсоветский чиновник, прошел школу губернатора (в Винницкой области). Но условия революции изменили и его. Они наполнили его, я бы сказал, духом легкомыслия. Уверен: если бы его послали управлять Крымом в обычное время и в обычном порядке, он вел бы себя там более адекватно. Он работал бы там как обычный управленец. Что у него получилось бы - это другой вопрос. Но скакать по Крыму с шашкой наголо ему бы не пришло в голову.

Крым - это особая единица в составе Украины. Это автономная республика. У нее есть своя конституция. В ней записано, как формируется правительство, как назначается председатель правительства. «Оранжевые» сделали вид, что забыли о статусе Крыма. Выгнали премьера Куницына…

Куницын, я считаю, отлично справлялся со своими задачами. Найти недостатки можно у любого. Идеальных людей нет. Чтобы были идеальные люди, нужны идеальные условия. А условия переходного периода очень далеки от идеальных. Куницын пользовался авторитетом в Крыму. Умел сосредоточиться на самом главном - на экономике. Он очень много сделал для гармонизации межнациональных отношений. С его помощью я находил взаимопонимание с крымскими татарами.

8 октября

Сегодня ровно месяц со дня отставки Кабинета Министров во главе с Юлией Тимошенко. Хотя за две недели до этого Ющенко заявлял, что лучшего правительства в Украине никогда не было. В политических кулуарах на такие противоречия не обращают внимания. Но это не значит, что можно безнаказанно их допускать. Избиратель не любит, когда его обманывают. Политик, который думает о голосах, использует эту строгость избирателя на все 100 процентов. Так и поступают сегодня соратники Тимошенко и она сама. Только и слышишь: «Президент же говорил, что лучшего правительства Украина не знала». По большому счету это демагогия, которая всем видна, но крыть ее президенту нечем. Он делает вид, что ничего не слышит, и тем самым еще больше ослабляет свои позиции.

Худшего не произошло. Государственным переворотом, которым весь прошлый месяц пугали Украину «любі друзі», и не пахнет. Парламент не дестабилизирован. На улицах спокойно. Правда, истекший месяц ознаменовался одной очень значительной переменой. Может, ее-то сторонники Ющенко и назовут «государственным переворотом». Я бы употребил слово «утряска». Президент понял наконец, что страна нуждается в правительстве специалистов, и специалистов спокойных и опытных. Он понял, что страна вообще нуждается в спокойствии, которого не будет, если и дальше делать вид, что не существует «второй» Украины - той самой, что проголосовала за Януковича.

Окончательно Ющенко это понял после неудачи с первым внесением в парламент кандидатуры Юрия Еханурова на пост премьер-министра. За день до повторного внесения пришлось подписать с Януковичем Меморандум о взаимопонимании. Главное в нем - фактическое обещание прекратить политические преследования людей, бывших во время революции на стороне прежней власти. А также не покушаться на политреформу, в соответствии с которой первым лицом в стране с первого января следующего года станет не президент, а премьер-министр.

Начало нормализации положено, но остаются открытыми важнейшие вопросы. Перейдет ли

в открытую, официальную оппозицию к правительству Ющенко - Еханурова Блок Юлии Тимошенко? Отсюда - вопрос о предстоящих парламентских выборах: будет ли БЮТ участвовать в них как сила, противостоящая «Нашей Украине», или просто как один из «оранжевых» отрядов? Перспективу объединения «оранжевых» я исключаю категорически, и уже сегодня говорю себе, что за их разговорами на эту тему следить не буду.

Как долго продлится перемирие между Ющенко и Януковичем, то есть между лагерями новой и старой власти? Насколько серьезно будет бороться за «возвращение в строй» Партия регионов? Потенциал для этого у нее есть. Она уже сейчас вполне способна в острой ситуации расстроить авантюру вроде той, которую «прогнозирует» испуганный Александр Морозов. Он, кстати, допускает не только арест Тимошенко, который спровоцирует она сама для возбуждения масс, но ею же инсценированные «всевозможные покушения на ее жизнь». Так выражаются эти ребята. Не просто «покушения», а «всевозможные»!

Причем он выдает это за реально существующий план: «С точки зрения Юлии Владимировны и ее боевых товарищей, сейчас идеальная ситуация для инсценировки всевозможных покушений на ее жизнь и, опять же, вызванных этим народных возмущений».

На чем же основана его уверенность в наличии именно такой «точки зрения»? На психологии, господа и товарищи! Только на образе «железных ладошек» Оранжевой Принцессы: «Не надо забывать, что Юлия Тимошенко умеет идти до самого конца, поскольку у нее нет никаких ограничений - ни политических, ни моральных».

Страшнее кошки зверя нет…

14 октября

Ходят разговоры, что Саше Квасьневскому не видать места Генерального секретаря ООН, потому что к нему плохо относится Россия. Она не простит ему фактической поддержки «оранжевой революции» в Украине, вообще - лоббирования интересов Украины на Западе, резких высказываний о политике Кремля. Я знаю, что на самом деле он относится к России значительно лучше, спокойнее многих поляков. Но на его политическом поведении можно, наверное, заметить отпечаток его особых отношений с американцами. И все-таки не думаю, что о нем можно сказать как об одном из творцов антироссийских настроений в Европе.

Европа смотрит на Россию через призму своих потребностей в нефти и газе.

Это странная история, странная картина.

Европа дружит с Россией, Америка дружит с Россией, а украинцы, как теперь считается в украинских (и не только в украинских) коридорах власти, должны повернуться к ней спиной. Почему? Я много раз задавал этот вопрос и публично, и во время встреч с европейскими лидерами, американскими представителями. Все старались дружить с Ельциным, все стараются дружить с Путиным. Экономика диктует политику. Это естественно. Почему же хотят, чтобы Украина была исключением из этого правила? Я, конечно, понимаю эту логику, но не хочу ее принимать. Боятся, что Украина опять объединится с Россией и что таким образом фактически восстановится Советский Союз, пусть и базирующийся на рыночной экономике.

Нам дорого обходятся эти чужие и совершенно напрасные страхи. А заодно вот и Квасьневскому достается.

19 октября

Умер Александр Николаевич Яковлев. Я отправил телеграмму соболезнования.

«Глубоко скорблю о кончине выдающегося сына России Александра Николаевича Яковлева. Он был одним из тех благородных и мужественных людей, чья деятельность способствовала появлению на карте мира независимой демократической Украины. Его поддержку мы чувствовали все эти годы. Вместе с нами он радовался нашим успехам и, как свои, переживал наши невзгоды. Его светлый образ навсегда останется в наших сердцах. Выражаю свои искренние соболезнования близким покойного».

Было, кроме Ельцина и Горбачева, два человека, которых особенно выделяли люди, разочаровавшиеся в реформах, - Чубайс и Яковлев. Остался один Чубайс. Да и на того уже было серьез-

ное покушение.

20 октября

«Второе пришествие Масола» - под такими заголовками газеты сообщали о назначении его премьер-министром в июне 1994 года. Свое «ушествие» он комментировал сам. В его интервью по этому поводу была фраза, которая объясняла основную причину, по которой мы с ним расстались. «Я уверен, - заявил он, - что монетарная политика, закрытие эмиссионных кранов нас из кризиса не выведет». Иными словами: печатайте, мужики, деньги, печатайте как можно больше денег, чтобы всем хватило, - и все будет в порядке. Вот у кого черпали свои экономические «взгляды» социалисты.

По образованию Масол был экономист, но экономист советский. Таким и остался. Недавно он подтвердил это в очередном публичном выступлении. Мне даже показалось, что никогда еще он так откровенно не излагал своих антирыночных взглядов. Человек, который поклоняется культу государства. Все должно принадлежать государству, все для государства, вокруг не должно быть ничего, кроме государства.

С Виталием Масолом мне пришлось работать год и три месяца. Весь первый год моего президентства и три месяца - второго года. Как это произошло? Масол был на этой должности в советское время, при Горбачеве. Уйти ему пришлось во исполнение требований студентов, объявивших голодовку. Недавно он сказал, что те таким образом помогли ему сохранить здоровье. В 1994 году, перед самыми президентскими выборами, Александр Мороз в качестве председателя Верховной Рады сыграл решающую роль в том, что Масол опять стал премьер-министром. Можно считать, что Мороз его назначил. Это была его интрига. Она наглядно характеризует этого человека и политика.

Ну представьте себе. Завтра - президентские выборы. Украина - президентская республика. Это значит, что премьер-министр - кандидатура президента. Президентские выборы не какие-нибудь, а досрочные. Они явились результатом серьезного политического кризиса. Страна в очень трудном положении. Наиболее вероятные победители выборов идут с программой кардинальных рыночных преобразований. Всякому понятно, что новому президенту будет нужен премьер-единомышленник. Им предстоит огромная работа по выводу страны из кризиса. А сегодня премьер-министром ставят убежденного антирыночника, советского хозяйственника до мозга костей.

При этом надо иметь в виду, что за месяц до президентских выборов был назначен не только премьер-министр - было сформировано все правительство! Более того, Верховной Радой принимается программа экономической политики, разработанная социалистической партией Мороза! Если учесть, что Мороз в это время уже является зарегистрированным кандидатом в президенты, то замысел совершенно очевиден: все должны знать, кто в этой стране без пяти минут президент. Кто уже формирует правительство? Он. Кто готовит программу деятельности этого правительства? Он. Так людям подсказывается, за кого они должны голосовать. В первую очередь - это сигнал «номенклатуре»: все уже решено. Какие могут быть еще претенденты?

Итак, меня заранее лишили возможности подобрать себе правительственную команду в соответствии с моими планами реформирования экономики. Помешать этому я никак не мог. Это потом в Конституцию 1996 года была внесена норма, согласно которой с избранием нового президента правительство подает в отставку. Подчеркну, что правительство формировали, когда я был только одним из кандидатов в президенты. Мороз не мог точно знать, что я выиграю. Я сам этого не знал. Выиграть вполне мог и Кравчук. То есть Мороз готовил неприятность не для меня персонально, а для любого, кто победит на выборах. Кроме себя. Что это ему давало? Даже проиграв президентские выборы, он получал определенную власть над правительством в целом и над премьер-министром в особенности. Они не должны были забывать, кому обязаны своими карьерами. Он получал возможность идеологического контроля над реформированием страны. Будучи противником рыночной экономики, он не случайно остановил свой выбор на Масоле, который тоже признавал только социализм.

Что мне оставалось делать? Для начала - попытаться работать с теми людьми, которых я застал. У меня сложились прекрасные отношения с Масолом. Он оказался нормальным, добросовестным, знающим украинскую экономику человеком. Но его экономические и политические взгляды диаметрально противоположны моим. Все, что пахнет рынком, - это от лукавого, это

капитализм. Я пытался убедить Виталия Андреевича, что строить социализм «в одной отдельно взятой» Украине невозможно. Это Россия, теоретически говоря, могла бы еще рискнуть на такое - у нее для этого есть все, но и она выбрала тот путь, по которому идет весь цивилизованный мир.

«Мы погибнем с вашим социализмом!» - говорил я Масолу. Он или молчал, или отвечал в том духе, что, наоборот, погибнем без социализма. Чтобы как-то нейтрализовать эту силу, я поставил к нему первым заместителем Виктора Пинзеныка, и дело имел главным образом с ним. Советскими методами разрешить проблемы, стоявшие перед страной, нельзя было. Надо было идти на кардинальные рыночные и притом болезненные решения.

24 октября

Наблюдая происходящее вокруг, невольно задумываешься, от чего зависела прочность управленческого каркаса страны в годы моей работы президентом. Сейчас, наверное, уже ни у кого нет сомнения, что каркас был таки создан - и достаточно прочный. Мало кто, наверное, скажет также, что это было лишнее. Подчеркну со всей определенностью: управленческий каркас создавался сверху, и сверху же обеспечивалась его прочность.

Главным было высшее звено: институт президентства. Не просто личность президента, а президентство как государственный институт. В чем заключалась основная, исторически обусловленная особенность деятельности этого института? В преобладании «ручного режима» управления. Особенно - на первых порах.

«Ручным режимом» сейчас называют то, что раньше называлось «оперативным руководством». Новое наименование возникло и прижилось, я думаю, не случайно. «Ручной режим» включается там и тогда, где и когда не работает управленческий автоматизм. Чтобы заработал автоматизм, нужны, во-первых, законы, правила и процедуры; во-вторых - желание и привычка людей ими руководствоваться; в-третьих - квалифицированные кадры; в-четвертых - система контроля и принуждения, которая бы постоянно поддерживала это желание на должном уровне.

А что делать, если ничего этого нет или все это находится в зачаточном состоянии? У моих противников и критиков ответ был готов изначально. Они говорили: надо все это создавать. Согласен: надо, давайте создавать, для того мы и объявили Украину демократической страной. Но что делать в то время, когда это все будет рождаться и созревать? В один день законы, правила и процедуры не пишутся. Желание и привычка людей ими руководствоваться тоже в один день не появляются. То же - и система контроля. А стране-то нужно жить уже сегодня. Это хозяйство не может застыть в ожидании, когда будут готовы все механизмы демократической самоорганизации общества.

«Ручной режим» - дело хлопотное, изнурительное. Если не будешь держать в своих руках все, что вынужден держать, наступит то, что можно наблюдать сегодня: потеря управляемости. Все чиновники на своих местах, все службы вовремя начинают и заканчивают рабочий день, подписываются и рассылаются во все концы бумаги, «контора пишет», а корабль государства болтается без руля и без ветрил.

Если я назначаю (обязан, вынужден назначить!) человека на ту или иную должность, то я знаю, что должен буду с него спрашивать. А для этого - постоянно следить за положением дел на вверенном ему участке. Держать руку на пульсе. Да, глава областной администрации подотчетен правительству, работает в постоянном контакте с ним. Но если президент лично не будет знать, что происходит в регионе, и не будет спрашивать с губернатора, а нередко - и с глав районных администраций, толку будет мало. Президент в наших конкретных условиях не мог (и, по-моему, еще не может) быть в роли некоей инстанции, которая, так сказать, только ратифицирует постановления и распоряжения Кабинета Министров.

Что получилось на сегодняшний день? Президент показал, что ему не хочется отдавать значительную часть своей власти кому бы то ни было, и прежде всего - правительству. Но и он и не стал ею в должной мере пользоваться. Он отдал всю экономику как бы в аренду правительству, на деле - лично Юлии Тимошенко, а себе отвел роль наблюдателя со стороны. И оставался в этой роли до тех пор, пока все не развалилось. Тут уже у него не было другого выхода. К тому же под угрозой оказались его личные интересы. Пришлось менять премьер-министра. Вертикаль власти заняла на какое-то время свое природное положение - вертикальное. До этого она лежала.

Я создал и упрочил вертикаль власти. Но одновременно я создавал и горизонталь. Я делал

все для того, чтобы горизонталь дополнялась вертикалью. Это две взаимосвязанные плоскости. Их соотношение может быть разным. Но суть неизменна: взаимозависимость вертикали и горизонтали - основа дееспособности власти.

25 октября

Сегодня Пинзеньк сказал, что Ющенко буквально спас страну, когда был премьером. Не очень было понятно, что он имел в виду. Кого, кстати, всегда поносили за все срочные и неординарные шаги по спасению экономики, особенно - когда мне приходилось брать на себя значительно больше, чем полагалось по Конституции? Если не ошибаюсь, меня. Продолжать предвыборную пропаганду рискованно вообще, а в нынешних условиях - в особенности. Ведь у людей возникает закономерный вопрос: если он спас Украину, когда был премьер-министром, то почему он «ничего не делает», когда стал президентом?

Все говорят о привычке Ющенко опаздывать даже на самые важные встречи. На встречи со мной он никогда не опаздывал. Знал мою жесткую позицию по этому вопросу. В восемь утра я всегда был в своем кабинете на Банковой. Я сам никогда никуда не опаздывал и другим не позволял. «Оборонка» выработала дисциплину. Надо ценить и свое время, и время всех, кто от тебя зависит. И потом, я считаю опоздание неуважением к своим подчиненным. А неуважение к подчиненным - это последнее дело. Можно (хотя, конечно, не нужно) повышать голос - и люди не будут чувствовать неуважения. А можно говорить всегда тихо и ласково - и все равно они будут знать, что начальник их не уважает. И это обязательно скажется на результатах общей работы.

Бывает, конечно, что уже собрался идти, а тебе какой-нибудь срочный звонок. Тогда просишь прощения у тех, кому пришлось тебя подождать. Но это исключение. Мой стиль - по возможности быть на месте встречи раньше назначенного времени.

Александр Омельченко, например, тот всегда опаздывал. То есть он приезжал вовремя, но я уже был там. Он из-за этого здорово расстраивался. Я ему говорил: «Да ничего страшного, я тут уже с людьми пообщался». Но вообще Омельченко очень организованный человек. В семь утра он уже на работе. Это привычка строителя. Он так привык. У строителей рабочий день начинался в семь или в половине восьмого.

Нельзя давать себе послабление. Иначе начнешь привыкать. Насморк, неопределенное недомогание - это не причина менять распорядок дня.

1 ноября

СМИ все меньше уделяют внимания тому, что говорит президент - первое лицо страны! Его публичные выступления, по мнению многих политиков, экспертов, журналистов, становятся все назидательнее, в них все больше резонерства, общих слов. Считают это проявлением кризиса в его команде, окружении. Очень уж низок уровень его ближайших советников. То и дело приходится слышать высказывания: «Кто готовит его к выходу на публику, какие эксперты?!» Эту проблему - интеллектуального обеспечения деятельности президента - сам Ющенко обозначил еще 13 мая на пресс-конференции в Украинском доме. Он вдруг заявил, что недоволен своими советниками и экспертами. Показывая папку, сказал: «Я это ношу, но это не мониторинг. Это вчерашний день Госкомстата».

Меня это удивило. Публично жаловаться на своих помощников!… Будто он не сам их подбирает, а некая инстанция, поэтому предъявлять ей претензии вполне уместно.

Сначала подумалось, что это у него получилось случайно - порыв неуместной доверительности в общении с прессой. Но его жалобы продолжались. Во время выборов он обещал свести роль администрации президента к роли обыкновенной канцелярии. Думаю, тогда он был искренен. Ведь мою администрацию возглавлял такой зубр, как Виктор Медведчук. Ющенко считал его исчадием ада и при каждой встрече со мной просил, просто умолял его уволить. Это, собственно, было главной темой наших встреч на протяжении двух лет. Но когда он стал президентом, то как-то так вышло, что роль администрации не только не уменьшил, а увеличил: переименовал ее в Секретариат, а должность руководителя назвал Государственным секретарем. Даже близкая к Ющенко газета «Україна молода» (28.04.2005 г.) и та поставила ему вопрос: «Как насчет администрации, она же Секретариат Президента? И на Майдане, и в интервью журналистам вы до инау-

гурации не раз заверяли, что при президенте Ющенко этот орган будет тем, чем ему положено быть, - простой канцелярией. Это будто бы предусматривалось и сокращением структуры тогдашней администрации, и ограничением важности ее руководителя. А в действительности оказалось, что Секретариат стал значительно более разветвленным, чем при Кучме, и его руководитель теперь называется, ни много ни мало, государственным секретарем Украины». Виктор Андреевич пояснил, что все это временная мера. На что услышал реплику: «Говорят, нет ничего более постоянного, чем временное».

Многие расценили это так, что Ющенко не просто наделил новыми большими полномочиям свой секретариат и СНБО, а переложил свои обязанности на чужие плечи, самоустранился от работы. Этим, видимо, и объясняется то, что он стал публично критиковать своих помощников так, будто они представляют собою персонал некоего министерства.е

После очередной речи президента «Украинская правда» (28.08.2005 г.) писала: «Виктор Ющенко произнес речь, которая не привлекла серьезного внимания потенциальной аудитории… Более того - немного дискуссий вызвала речь и в профессиональных кругах, что частично заставило загрустить за временами Леонида Кучмы: последние несколько лет его публичные выступления становились серьезным вызовом для политологов. Ющенко был немногословен, потому что читал с бумажки. Ющенко возглашал свои стандартные формулы по стандартной схеме. Становится все более очевидным, что его речи - это дань демократии, необходимость появляться на людях».

Виктор Медведчук, тот, наблюдая это все, страдает почти физически. Я подшучиваю над ним: «Ты же сейчас оппозиционер. Должен быть доволен, что в главном штабе власти такой беспорядок и такая слабость». Он отвечает: «Мне за державу обидно». Начал давать интервью на эту тему. 26 октября «Комсомольской правде» говорил:

«Любое дело надо правильно организовать. Можно иметь талантливых экономистов, юристов, других специалистов, но если их работа не организована, все их усилия ничего не дадут. Команда Ющенко показала, что пока она не может что-либо организовать. Разрушили прежнюю систему государственного управления и не создали новую. Государственный менеджмент на нуле. Это сказалось на всех сферах: экономической, социальной, политической. Стержнем прежнего менеджмента был президент. Рычаги управления страной находились на Банковой. Этот порядок можно хвалить, можно критиковать. Но он был. И вот пришел человек, который работу подменяет комментариями и выражениями своих эмоций. Он выпустил из своих рук государственную машину. Вернее, он просто не захотел, а может, не смог взять ее в свои руки. Функции управления оказались распылены даже не между ветвями власти, а между отдельными, в общем, случайными представителями этих ветвей. В стране нет центра, который бы концентрировал усилия, принимал решения и доводил их до всех винтиков машины. Без этого нет государственной политики, а есть эмоции, амбиции и комментарии. Систему государственного менеджмента катастрофически ослабили двумя ударами. Одним ударом разрушили президентский управленческий аппарат, другим - сложившуюся годами кадровую политику».

Трудно не согласиться и со следующим высказыванием: «Посмотрите, пожалуйста, на губернаторский корпус. Картина просто скандальная! Половина - это люди, которые имеют бизнес в подведомственных регионах. Они изголодались по власти как по разновидности бизнеса. Ясно, что они будут работать исключительно на свой карман, потому что не знают, сколько им придется губернаторствовать. Только несколько человек из них раньше имели отношение к госслужбе. Один или два были мэрами областных центров. Разве можно было представить в советские времена или в годы Кучмы, чтобы область возглавил человек без опыта руководящей работы? Они пришли с единственной задачей - реализовать так называемые идеалы Майдана. Какие именно идеалы - непонятно, но во имя этой химеры уничтожен профессиональный состав регионального чиновничества».

В общем, Медведчук разошелся:

«Всякому, кто знает, что такое госаппарат, совершенно очевидно: сегодня президент Украины, грубо говоря, не работает. У него нет рабочих рычагов. Он не работает президентом в стране с президентской формой правления. Он уже почему-то выполняет функции британской королевы. А по Конституции он обязан непосредственно держать в своих руках управление и экономикой, и другими сферами. Честно говоря, для меня загадка, почему Виктор Ющенко сам лишил себя рычагов реальной власти, почему он отказался быть полноценным президентом. Такое впечатление, что он не до конца отдавал себе отчет в том, за какой пост боролся. Серьезнейшие негативные по-

следствия этого можно продемонстрировать на примере отношений с Россией. Российско-украинские отношения всегда строились посредством личных отношений между президентами двух стран. Реализацию принятых ими решений обеспечивали администрации: администрация президента Украины, администрация президента России. Никогда вопросы не решались на уровнях министерств и ведомств: МИД - МИД, СНБО - СНБО, Минэкономики - Минэкономики. Даже правительства обеих стран были только ответственными исполнителями политики президентов. Президенты садились и договаривались Главы их администраций реализовывали достигнутые договоренности через соответствующие структуры. Где надо, через МИД, как это было с азово-черноморской проблемой, где надо - через премьер-министров».

Сегодня в «Главреде» (01.11.2005 г.) его спросили: «Кто писал Кучме его выступления?» «Существовал целый аналитический отдел, занимавшийся подготовкой текстов для Президента, - сказал Медведчук. - Естественно, он все эти тексты редактировал лично, иногда говорил: «Это мне не нравится, здесь надо изложить так-то». И все это редактировалось и делалось под него. Кучма мог высказаться по любому вопросу. Но как Президент он не считал возможным идти на экспромт в своих заявлениях. Для главы государства подобное поведение - абсурд! И то, что Ющенко сегодня в одном месте говорит одно, в другом - другое, это не его недостаток, а провал его аппарата. Значит, они не сумели наладить нормальные отношения с Президентом, либо наоборот, Президент не смог подобрать людей, которые должны обеспечить ему нормальную работу».

Мне кажется, причина провалов, о которых говорят и Медведчук, и другие, несколько глубже.f Способных организаторов и аналитиков среди сторонников Виктора Ющенко немало. Но для государственной службы они ему не нужны, потому что государственными делами он сам не начал заниматься так, как требуется. Он все еще живет вне государственной рутины. Это особенность многих деятелей, приходящих к власти на революционной волне. Не случайно они быстро теряют свои позиции. Думаю, так будет и у нас. Собственно, уход наших майданных вождей уже начался. А Медведчук думает, что он своими интервью может научить их азам организационно-управленческой государственной работы.

2 ноября

Украина последней среди бывших советских республик вышла из рублевой зоны. Этим нанесли огромный ущерб экономике. Запоздалое введение гривни было серьезнейшей ошибкой. Купон служил только для наличных расчетов внутри страны. Для безналичных расчетов с российскими предприятиями по-прежнему использовался российский рубль. Причем Россия заблокировала нам возможность вести эти расчеты с нашими российскими партнерами обычным способом.

Что значит «обычным способом»? Украинский завод покупает у российского завода какое-то изделие и переводит ему за это изделие деньги. Так же поступает российский завод, купивший какое-то изделие у завода в Украине. Россия же поставила между хозяйствующими субъектами двух стран посредника в виде своего Центробанка. Деньги за российскую покупку идут в Центробанк, на так называемый единый счет, а уже оттуда - тому, кому они предназначены.

Это была чудовищная система! В Центробанке месяцами лежали мешки с нашими платежками. Все это имело крайне негативные последствия. Потеря времени. А время в этом случае - деньги в буквальном смысле слова. Они лежат без движения, тогда как могли бы работать в экономике. Деньги большие - большая могла бы быть и работа. Замедляются и сбиваются хозяйственные связи, то есть дезорганизуется производство. Образуется общая неразбериха. Из какого мешка и как выудить нужную платежку?! И главное: неограниченный простор для злоупотреблений.

Получилось, что торгуют не предприятия двух стран между собой, а два государства, Украина и Россия. Долги украинских хозяйствующих субъектов как бы автоматически становились долгами Украинского государства. Черт знает что! Дикость, издевательство над всеми правилами, которые выработала цивилизация. Вот так накопился псевдогосударственный украинский долг России на 2,2 миллиарда долларов. Его нам насчитала российская сторона - и не было никакой возможности ни проверить правильность этой суммы, ни отказаться от нее. На проверку ушли бы оба моих президентских срока, а если бы мы решили не признавать этого долга, то нам перестали бы поставлять нефть и газ.

В данном случае наш русский брат оказался не промах. Он на полную катушку воспользовался тем, что Украина не перешла на свою валюту. Надо еще иметь в виду, что был не только единый счет в Центробанке России. Москва была единым эмиссионным центром. Рубли печатала только она. В 1992 году наш вице-премьер-министр Пинзеник поехал в Москву решать вопрос о долгах. От имени Украинского государства он признал наш долг. У него, наверное, не было выбора. И нам никто не мог помочь, потому что никто - я говорю о Западе - не собирался нам помогать.

Только люди, которые ничего не знают и не понимают, могут и сейчас говорить, что Запад хотел оторвать Украину от России. Запад занимал позицию стороннего наблюдателя. И мы прекрасно это знали, видели, чувствовали. Мировая политика делалась в главных западных столицах и в Москве. А что касается Украины, то Западу было просто интересно, чем все это кончится: выстоит Украина или вернется в какой-нибудь новый СССР?

Этот интерес достиг высшей точки, когда Россия потребовала, чтобы мы платили ей за нефть и газ по мировым ценам. Для Украины это был шок. По существу нам предъявили ультиматум. Или мы возвращаемся в Союз (а значит, ведем за собой большинство остальных бывших советских республик), или впадаем в коллапс. 80-90 долларов за тысячу кубометров газа! Это 6,4 миллиарда долларов в год!! Только за газ. А нефть!!! Еще столько. У нас не было таких денег. Говоря начистоту, у нас не было никаких денег.

Глядя на Запад, мы ожидали не денег. Всем и каждому на Западе и в остальных частях света мы были бы благодарны хотя бы за минимальную политическую, словесную поддержку. Но и тут: самое большее, что мы получали, - это то, что нашу независимость не хоронили вслух. Что касается денег, то мы могли мечтать о каких-то ста миллионах кредита как о ста миллиардах. Таким образом, мы оказались в такой ситуации, что я, оглядываясь на то время, просто не понимаю, как Украина могла выжить. Просто не понимаю, хотя был одним из тех, кто, став в 1992 году премьер-министром, потом - президентом, организовывал это выживание.

Украина прошла через такие испытания, которые можно сравнить с тяжелейшей войной - только без взрывов, пожарищ и миллионов погибших. Нам достался осколок огромной, неэффективной экономической системы, с которым, как говорится, что хочешь, то и делай. Большинство людей нашли особое утешение в том, чтобы обвинить во всем начальство, президента.

Мы испытываем какое-то странное облегчение, когда говорим друг другу, что во всем виновато руководство.

В данном случае сказались и очень большие, но не оправдавшиеся ожидания. Частично они возникли сами собой, частично - были вызваны пропагандой. Наши патриоты кричали на всех углах, что нам Россия не нужна, что мы богатые, что на нашей пшенице и на нашем сале можно прекрасно прожить и озолотиться…

Не могу отрицать, что это поднимало дух у какой-то части населения. Но, Господи, как тяжело это было слушать тому, кто знал действительное положение дел! В советское время мы платили за газ меньше, чем за газированную воду, - и вдруг должны были, что называется, со следующего утра платить по 80-90 долларов. Заработать их на пшенице и сале было невозможно. И почти так же было невозможно поколебать распространенное мнение, что Украина кормит весь Союз и как только перестанет его кормить - сделается на своих черноземах едва ли не самой богатой страной в мире. Без особых трудов, только освободившись от «нахлебника»-Союза…

Сегодня можно без запинки сказать, что надо было чуть ли не в первый же день украинской независимости ввести национальную валюту в полном объеме. В наличном хождении пусть бы была только гривня вместо злосчастного купона. В безналичных расчетах - только она, родимая. Почему этого не сделали? Потому что не захотели? Нет, потому что не соображали, не умели. У нас было крайне мало профессионалов. Банкиры были свои? Не было. Финансисты были свои? Не было. Серьезных экономистов тоже не было, за исключением нескольких человек. Но не было людей, которые могли бы понимать их выкладки и советы. Представления большинства экономистов были на уровне учебников, не выше. Потому что никто никогда экономикой в Украине всерьез не занимался. Да и серьезные экономисты, при малом их числе, создавали такой шум в своих спорах, будто ими населена вся Украина. А еще, кроме знаний и умений, надо было иметь политическую волю и не бояться брать на себя ответственность.

8 ноября

Критерий правильности и своевременности любой реформы - один: прижилась ли она. Тут надо вспомнить прежде всего приватизацию приусадебных и дачных участков. К этому уже так привыкли, что и за реформу не считают. Участки были отданы в частную собственность безвозмездно. Величайшее новшество не просто прижилось. Оно помогло многим людям выжить в очень трудных условиях. И продолжает помогать. Появился настоящий рынок этого рода недвижимости.

Затем я бы назвал паевание сельскохозяйственных земель. Сельские жители получили конкретные земельные паи. В соответствующем документе указано место и размер пая. Кто-нибудь возражает против этого? Кто-нибудь недоволен своим положением частного земельного собственника? Нет. В начале некоторые боялись брать землю. Слишком много горя, связанного с земельным вопросом, было в памяти людей. Но сегодня уже все понимают, что более ценного товара, чем земля, нет. Прижилось в Украине? Прижилось.

К сожалению, пойти дальше нам помешало парламентское большинство. До сих пор не созданы условия для того, чтобы земля стала настоящим товаром. Запуск полноценного рынка сельскохозяйственных земель отложен.

Следующей реформой назову малую приватизацию, создавшую малый и средний бизнес. Кафе, рестораны, столовые, всевозможные мастерские, магазины. Человек увидел, что он может открыть свое дело и быть хозяином. Прижилось? Прижилось. Не колхозы или горбачевские кооперативы, а настоящая частная собственность.

Прижились механизмы рыночного ценообразования на основе спроса и предложения, исчезли такие близкие сердцу советского человека очереди за продуктами питания и промтоваром, ушли в прошлое пустые прилавки. Прижился валютный рынок. Какая была спекуляция на этой почве! Это сейчас кажется все естественным: нужны тебе доллары, евро - пожалуйста, на каждом углу - пункты обмена, все делается цивилизованно.

А дальше надо говорить о более сложных, более трудных процессах. Это - приватизация крупных предприятий и налаживание производства на них. Но прижилось и это. И это было спасением для Украины.

Я стоял и стою на том, что государство намного худший собственник, чем частник. Для меня это азбука. Это стало азбукой и для миллионов жителей Украины. Хотя, конечно, не для всех.

Не совсем прижилась и еще долго не приживется самая глубокая из реформ - реформа сознания. Сознание многих людей заражено идеей раскулачивания. Лозунг «Отнять и поделить!» увлекает не только украинцев.

Посмотреть хотя бы на последнюю парламентскую избирательную кампанию в Германии. Что предлагают и что обещают «новые левые»? «Пощипать» богатых. Но у немцев есть Штойбер, который не стесняется вслух заявить: «Мы не можем быть заложниками испорченного населения Восточной Германии». Он имеет в виду испорченность социализмом. У нас такого не скажешь, потому что социализмом в той или иной мере испорчены все. А сколько людей, которые уверены, что если «отнять и поделить», то хватит им и их детям, и работать никому не придется! Не понимают, что хуже будет в первую очередь им, неимущим и малоимущим. Работать им не придется просто потому, что негде будет устроиться. Ведь создать реальные и надежные рабочие места может прежде всего частный предприниматель - человек, который думает о своей прибыли. Не понимают этого, и не хотят понимать.

Да, на всех уровнях допускались серьезные огрехи в приватизации крупных предприятий. Если бы я вчера был таким умным, как сегодня… Государство должно способствовать тому, чтобы богатые делились с бедными. Для этого используются налоговые рычаги. Но не по принципу: отнять и поделить, потому что, начав это делать, можно никогда не остановиться.

Если непредвзято посмотреть, то надо, по-моему, признать, что в той или иной мере прижились практически все мои крупные реформы. Очереди в магазинах исчезли лишь после того, как мы бесповоротно (в 1994 году) стали на путь либерализации цен. Режим рыночного валютного курса, который сегодня воспринимается как естественное состояние вещей, был установлен в том же году моим указом. А сколько было таких указов! И почти все получалось…

Я сам иногда думаю об этом с удивлением, особенно - когда вспоминаю, какую волну популизма гнали все эти годы те политические силы в Украине, которые категорически против рынка, категорически против частной собственности. Они приемлют только ту частную собственность, что представлена мелкими торговыми точками. С этим они еще могут смириться, на это они еще

могут выдать свое высочайшее разрешение. Почему я говорю «высочайшее»? Потому что они ведь выступают не от себя, а от имени его величества народа.

Последняя президентская избирательная кампания усилила и расширила ряды этого популизма. Там оказались и БЮТ, и, в общем, «Наша Украина». Они в полной мере воспользовались и уравнительными настроениями электората, и ошибками власти. Одной из ошибок была не до конца продуманная приватизация «Криворожстали». Этой приватизацией мы дали большой козырь в руки оппозиции. Чтобы завоевать власть, я на их месте, наверное, тоже принял бы этот козырь. Хотя… Есть граница, которую нельзя перейти. Накоплен мировой опыт решения таких проблем, как с «Криворожсталью». Создаются комиссии, приглашаются специалисты, в том числе иностранные, они всесторонне анализируют проблему, рекомендуют решение. Что самое вредное в том подходе, который демонстрируется властью сегодня? Все делается так, что людей как бы подталкивают сказать: ну все, баста, рынок нам больше не нужен, давайте опять строить социализм. Опять портят менталитет народа.

Что- то часто приходится вспоминать, что я говорил Виктору Ющенко, как только он начал свой президентский срок. Я говорил ему так: «Если ты собираешься задержаться у власти, тебе нельзя обойтись без непопулярных шагов. Непопулярные шаги позволят нормально развиваться экономике. А будет нормально развиваться экономика -тебе не страшна никакая оппозиция. Народ будет за тебя, и два срока тебе гарантированы. Но сделать все самые непопулярные шаги ты должен в первый год, пока у тебя высокий рейтинг. В первый год он и останется достаточно высоким, что бы ты ни делал. Такой менталитет у наших людей».

Ющенко меня послушал и сделал все наоборот. Первым делом совершил все вроде бы самые популярные шаги. Для этого использовал государственный бюджет. Был бюджет развития - стал бюджет проедания. В результате и экономика затормозилась, и рейтинг президента упал.

15 ноября

На парламентских выборах в 1998 году больше всех голосов набрали коммунисты. Этот результат невозможно было предотвратить никаким «административным ресурсом», никакой пропагандой. Я и не пытался это делать. На фоне катастрофической ситуации в экономике ничего другого ждать не приходилось.

В 1997 году мы испытали страшный удар мирового финансового кризиса, докатившегося к нам из Азии через Россию. В одночасье обеднели в несколько раз. Валютный курс гривни упал в 2,7 раза. К тому времени у нас уже была хорошая средняя зарплата - около 100 долларов в месяц против 20 долларов в 1994 году. Она мгновенно упала минимум вдвое. Мы стояли на грани катастрофы. В очередной раз… Все шло так хорошо, год обещал неплохие показатели. И вдруг все рухнуло. Валютные запасы Национального банка - нулевые. Кредитов ждать неоткуда.

Конечно, на фоне такого обвала усиливаются левые настроения. Эту закономерность можно наблюдать и сегодня. Ситуация в экономике ухудшается, и в народе увеличивается желание строить социализм. Иждивенчество…

У новых лидеров не хватает мужества сказать людям правду. Правда заключается в том, что если не сумеем вовремя остановиться в проедании доходов страны, то наши деньги опять превратятся в «фантики», которые уже летали по улицам. Должна быть граница, за которую нельзя переходить в обещаниях.

Обвал 1997-1998 гг. в полную силу использовал против меня Александр Мороз. Верховная Рада под его управлением просто вышла из берегов.

Как раз в это время в Киеве завершилась реконструкция Дворца «Украина». Это была идея правительства, я ее только поддержал и позаботился, чтобы работы не откладывались. Дворец был в ужасном состоянии. По заключению специалистов, в аварийном состоянии находилась сцена. В любой момент мог обвалиться потолок. Когда реконструкция была сделана, стали говорить, что на нее ушло 80 миллионов долларов и что половину украли. Это могли говорить только люди, которые не имели никакого представления о деле. В парламенте поставили вопрос о злоупотреблениях при реконструкции. Обвинили премьер-министра Пустовойтенко, министра культуры и образования Остапенко, мэра Киева Омельченко и вице-мэра Кураса. Никаких доказательств, одни домыслы и дикие преувеличения.

Перед этим ход работ и готовый объект проверяли несколько комиссий. Никаких злоупот-

реблений не нашли. В таких случаях обычно ищут лиц, наживших на предоставлении подрядов, особенно иностранцам. Здесь все было чисто. Даже люстры заказывали в Украине.

Мороз, можно сказать, превзошел себя в подстрекательстве народных депутатов, в манипулировании ими, в изобретении способов обострения отношений между законодательной и исполнительной властями. Это приняло такие вопиющие формы, что Гальчинский, например, не выдержал. Он публично заявил, что я должен приостановить деятельность Верховной Рады, которая полностью себя дискредитировала, и ввести на 2-3 года президентское правление в стране. «Наши наследники, как и мировая общественность, поймут безальтернативность этого шага», - заявил он. Его тогда приглашали в СБУ, там он давал официальное объяснение своей позиции. Это, кажется, был первый и единственный случай, когда на таком высоком уровне и так серьезно ставился вопрос о роспуске парламента.

Я был согласен с Гальчинским, но не мог сказать об этом вслух, потому что уже действовала новая Конституция, в которой не предусматривалась такая мера. Все, что я мог, - принять предложение своего советника к сведению.

Мороз проявлял большую изобретательность и жестокость в таких играх. Могу это объяснить тремя основными причинами.

Во- первых, такая натура. Есть люди, которые входят в азарт, когда знают, что любые их нападки на власть останутся безнаказанными. Этот процесс ему нравился сам по себе. Такая линия поведения, как он, очевидно, думал, приближает его к безраздельной власти над страной.

Во- вторых, идейные соображения. Он не мог смириться с теми людьми, которые стали реально управлять Украиной после краха советской власти. Они для него были выскочки, которые в личных интересах прекратили строительство социализма, оттеснив тех, кто мог бы продолжать это дело. Как ни странно, к числу оттесненных он, судя по некоторым его высказываниям, относил и себя, хотя при советской власти не поднялся выше поста заведующего сельхозотделом Киевского обкома партии -второстепенная аппаратная должность. Он как бы отождествлял себя с делом социализма. Раз отправлен на свалку истории социализм, то, следовательно, отправлен туда же и он, Мороз. И это - несмотря на большие достоинства обоих.

Во всех действиях Мороза чувствовался мотив мстительности. Он мстил новому строю и людям, занимающим при этом строе ключевые посты. Трудно иначе объяснить его поход против Пустовойтенко, ставшего главой Кабинета Министров. Пустовойтенко на этом посту, как и на предыдущих, зарекомендовал себя квалифицированным, организованным и скромным тружеником. Он, казалось бы, не давал поводов для зависти, недоброжелательства. Но Мороз, видимо, считал иначе.

В- третьих, большим раздражителем для Мороза служил я. Он знал, что я близко к сердцу принимаю его козни. Мне не удавалось маскировать свое отношение к интригам, голословным обвинениям, демагогическим претензиям. Это его провоцировало. Думаю, если бы я меньше обращал внимания на его выходки, он вел бы себя не так активно.

В то время в парламенте было много Морозов, то есть людей, занятых главным образом борьбой с президентом и высшими представителями исполнительной власти. Парламент все время «бузил». Это стало как бы основным его назначением. Стране пошло бы на пользу, если бы один из составов парламента был распущен за бездеятельность и деструктивное поведение. Я считаю, что поторопился с угрозой назначить референдум по проекту Конституции, в которой предусматривалась такая возможность.

16 ноября

Первое заседание «круглого стола» в начале декабря прошлого года прошло без каких-либо осложнений. Мы легко достигли согласия. В соответствии с этим соглашением «оранжевые» должны были разблокировать правительственные здания. Но они не выполнили своего обещания.

А вот последнее заседание провалилось, и никто об этом не говорил, только я вышел и сказал. А иначе все осталось бы за кадром. Квасьневский склонялся на сторону Ющенко. Адамкус высказывался очень корректно. Он был, пожалуй, самым корректным участником этого процесса. Он понимал, что есть законы, Конституция, и что надо действовать в соответствии с ней. От России был Грызлов. Он не высказывался прямо в поддержку Януковича. Как и в поддержку Ющенко никто прямо не высказывался - ни Квасьневский, ни Солана. От России сначала была предложена

кандидатура Ельцина, консультировались с нами, я не возражал. Но потом, после консультаций с другими участниками переговоров, прислали Грызлова. Он говорил об украинском законодательстве, о том, что из него однозначно вытекает решение о повторных выборах, а не о переголосовании.

В общем, все хорошо понимали, что «круглые столы» устраиваются для того, чтобы спустить пар. В этом смысле «столы» свою задачу выполнили, хотя в итоге участники разошлись, ни до чего не договорившись. Я ожидал, что если «оранжевые» и остальные участники переговоров будут исходить из положений права, а не из революционной целесообразности, то объявят повторные выборы через три месяца. Ющенко был бы опять выдвинут и наверняка победил бы, тем более что Янукович сказал, что на повторные выборы не пойдет.

Кто пошел бы вместо него от «партии власти», я тогда совершенно не задумывался. Правом пожертвовали в пользу политики.

Решающее слово произнесла Верховная Рада: выборы сфальсифицированы. Передача дела в Верховный Суд и само судебное разбирательство выглядело после такого «политического» решения Верховной Рады, мягко говоря, тоже политическим.

Я, кстати, не придал особого значения тому, что Путин поздравил Януковича с победой по предварительным результатам. Сам так, бывало, поступал. Сказали, что такой-то там-то выиграл - ну и отправляешь телеграмму, не ждешь официальной процедуры. Только когда «оранжевые» подняли по этому поводу шум, я подумал, что Москва, может, действительно поторопилась. А с другой стороны - кто мог знать, как все обернется?

И, конечно, роль Соединенных Штатов Америки. Американцы сразу заявили, что выборы сфальсифицированы, а вот Путин в свою очередь дал понять, что, по его оценке, все в порядке.

Один сигнал - из-за океана, другой - и противоположный - из Москвы… Какое еще нужно было доказательство, что Украина находится (продолжает находиться) между двух огней?

Суть дела - в противостоянии Америки и России. Можно не говорить: «противостояние». Можно найти другое слово. Но то, что Россию американцы поджимают со всех сторон, - очевидно. Я очень хорошо понимаю мотивы подобного противостояния. Постсоветское пространство - это не только ворота в Евразию, но и сама Евразия. Когда-то Збигнев Бжезинский называл Евразию основным «геополитическим призом» для Америки. Он говорил о том, что глобальные преимущества Америки будут зависеть от ее преимуществ на Евразийском континенте, считая этот регион даже более важным, чем Ближний Восток. Это же касается и Москвы. Для нее потеря прежнего влияния (особенно в границах бывшего Советского Союза) - это катастрофа. Неважно, как на самом деле. Важно то, что для российского руководства вопрос о влиянии - это как вопрос жизни и смерти. Уже ясно, что Россия должна будет вывести свои войска из Грузии. Это без вариантов. Кто-то, глядя со стороны, думает: ну и что такого? Ну выведет, люди хуже жить не станут ни в России, ни в Грузии. А в Москве рассуждают по-другому, и можно без труда догадаться, как именно.

17 ноября

Павел Лазаренко, кажется, собирается участвовать в предстоящих парламентских выборах в Украине. Понятно, в какой роли - в роли кандидата в депутаты, лидера своей партии. Чудеса! Кто-то на днях спросил меня, можно ли считать его рыночником. Чуть ли не внук спросил - парню 14 лет, кое-чем уже интересуется… Лазаренко, говорю, такой же рыночник, как и Юлия Тимошенко. Два сапога пара. Выйти на рынок и все, что можно, забрать себе. Отличался крепкой хваткой. Истинный тип сильного советского руководителя-хозяйственника.

Когда Тимошенко говорит, что Кучма отнял у нее бизнес, я спрашиваю: какой бизнес? «Торговля» газом. Хороший бизнес, ничего не скажешь! Речь идет о миллиардах долларов…

Вокруг Лазаренко в его бытность премьером быстро образовалось негативное поле. Пошли жалобы от западных кредиторов, бизнесменов, нелестные для него намеки политических деятелей во время разного рода переговоров, встреч, приемов. Он активно занимался вопросами приватизации. Слишком активно! Это было дело правительства.

Тут Павел имел все карты в руках. Стали говорить о хитрых схемах «Приватбанка» (Лазаренко был среди его акционеров), о том, что по этим схемам проходит много собственности и что ее доля прилипает к известным рукам.

Мы замечали не все и, как правило, не первые, а миру-то видно было все и сразу. Для мира это был не первый такой случай. Украина не являлась для него новостью. А Павел, как видно, по колхозной простоте думал, что он первый такой ловкий, смелый, изобретательный. Считал всех вокруг недотепами.

Случилось несколько скандальных историй с американскими фирмами. Жаловались и официально, и неофициально. Американцев возмутило вымогательство при заключении комбайновой сделки с компанией «Джон Дир». Вымогательство было, можно сказать, дерзкое, крупномасштабное.

1998 год - это год, когда Генпрокуратура начала заниматься его деятельностью. Их противоборству, казалось, не будет конца. Такое впечатление сложилось с самого начала.

Что послужило толчком? Газовая проблема. Точнее, проблема наших долгов за газ. Долги перед Россией вдруг стали нарастать как снежный ком. Возник вопрос: куда деваются деньги украинских покупателей газа? Почему они не доходят до России? Куда и как исчезает газ, которым Россия рассчитывается с нами за отданные ей ядерные боеголовки тактических и стратегических ракет, находившихся на нашей территории? Это - несколько миллиардов долларов.

Начали разбираться. Начали смотреть, через какие коммерческие структуры поступает газ, через какие должна поступать оплата за него. Присмотрелись, естественно, к ЕЭСУ - что это за организация, чем занимается на словах и чем - на деле, кто там первая скрипка, кто - вторая.

Дело оказалось чрезвычайно сложным, запутанным, с мощными подводными течениями, с отлаженной предохранительной системой.

Дело, наверное, очень долго тянулось бы в вялотекущем режиме, если бы Лазаренко ни с того ни с сего не оказался в Швейцарии с панамским паспортом. Там его арестовали, и - отнюдь не за паспорт. Стало ясно, что за ним приглядывали не только украинские компетентные органы. Очевидно, ждали случая и повода. Панамский паспорт оказался кстати.

В разных украинских кругах обсуждался вопрос, зачем Лазаренко потребовался Соединенным Штатам.

Я понимаю, что такой вопрос понятен не всем американцам, но для нас, украинцев, он самый естественный. Особенно когда началось то, что, с нашей точки зрения, выглядело как затягивание следствия по делу Лазаренко. Во-первых, до нас, несмотря на большое расстояние, доносился шорох долларов (наших долларов!), которые выкачивались из него американскими адвокатскими конторами. Во-вторых, не казались случайными периодические выбросы материалов следствия, компрометирующих украинскую власть. Трудно было расценить это иначе, как попытки давления. Каждая порция грязи из дела Лазаренко сразу же подхватывалась украинской оппозицией. Поднимался шум.

В общем, с Павлом американцы поступали (и, по состоянию на сегодняшнее число, продолжают поступать) жестоко. У него нет ясности, что с ним будет. Для такого активного и самолюбивого человека это, конечно, мучительно. Да и для любого было бы так. Но и по отношению к Украине это нечестно. Она из года в год остается на слуху как страна с сомнительной репутацией.

22 ноября

Закончилась акция по снятию привилегированных номерных автомобильных знаков. «Нет уже АП, почти нет ВР, - сказал министр внутренних дел Луценко. - Мы с этим месяца три боролись, потом плюнули и огласили, что все номера одинаковы».

Не секрет, что во многих случаях особые знаки раздавала сама милиция. Так она «благодарила» тех, кто ее «спонсировал» или как-то иначе способствовал ей.

В советское время у меня всегда были при себе «корочки», которые я показывал, когда меня останавливали. Показав, спокойно ехал дальше. Обычно я сам был за рулем. У меня был пропуск без права остановки и проверки автомобиля. Правда, в советское время привилегии, в том числе и эта, были строго упорядочены. Они распределялись централизованно, получить их за взятку было трудно, а часто и невозможно.

В годы независимости, демократии ведомства получили больше свободы и стали ею пользоваться прежде всего в своих ведомственных интересах.

Желающих обзавестись хоть какой-то привилегией и платить за нее не уменьшилось, но возможностей прибавилось. Я, помню, резко сократил привилегии. Но не успел оглянуться, как

они были восстановлены под другими соусами. Для кого - известно: для тех же, у кого они были и раньше. Так что и теперь милиция, думаю, все равно изобретет какой-то способ, чтобы отличать «своих». Люди есть люди.

Я вынужден был говорить это себе каждый день, потому что каждый день в этом убеждался. Дело, конечно, не безнадежно. На Западе везде, где только можно, заменяют человека-контролера механизмом-контролером. Я был в Баден-Бадене. Мои водители всюду ездили, всюду, по привычке, нарушали правила, превышали скорость. Их никто не останавливал, но штрафовали исправно. Нарушение фиксируется телекамерой. Компьютер выписывает штраф и посылает фирме, у которой арендована машина, или частному лицу. Уклониться от уплаты невозможно, дать взятку некому.

Эту систему надо ввести и у нас, но для этого нужны деньги. А пока их нет, приходится терпеть. И не превращать серьезную жизненную трудность в материал для пропагандистских спектаклей, для саморекламы: вот, мол, какие мы большие демократы и борцы с коррупцией. Все вернется на круги своя, и ничего, кроме конфуза, вы не испытаете.

Существовали номерные знаки автомобилей Администрации Президента, Кабинета Министров и Верховной Рады. Выдавать их имели право эти структуры. Составлялись, естественно, списки. В список Верховной Рады были включены спикер, вице-спикеры, председатели и заместители председателей комитетов. Всего, кажется, 50 человек, 50 знаков. А дальше пошло естественное, так сказать, размножение, да такое бурное, что не успели оглянуться, как уже все 450 членов парламента щеголяют на машинах с привилегированными номерами. Тот же процесс захватил и правительство, и администрацию.

Пытался ли я как-то пресечь это безобразие? Конечно. Глава моей администрации Литвин говорит: я передал право распределять знаки в Верховную Раду. Как это вышло? Очень просто. Является к нему председатель Верховной Рады: «Слушай, меня депутаты за горло берут. Умри, а выдай особый номерной знак!» Глава администрации думает: стоит ли вступать с ними в конфликт из-за такого пустяка? На очереди столько важных законопроектов, проходить они будут с трудом - не хватало еще тормозить их прохождение таким мелким обстоятельством! Пусть берут эти цацки и радуются. Лишь бы голосовали «по уму», а не по капризу.

Я об этом узнаю и тоже думаю: стоит ли мне ругаться с Радой по такому малозначительному поводу в такой напряженный момент, когда мне особенно нужна поддержка депутатов? А напряженный момент, он почти каждый день, а особая поддержка депутатов нужна сто раз на день…

Вот так практически каждый депутат - от кристального коммуниста до кристального демократа и борца с коррупцией - получил «козырный» номер. Под конец я, правда, ликвидировал эту привилегию. Оставил, так сказать, документальное свидетельство своей непримиримой борьбы с привилегиями. Это было, кажется, мое последнее президентское решение.

24 ноября

Что бы ни говорили, международный газотранспортный консорциум, по моему замыслу, - это фактически просто совместное управление трубой, больше ничего.

Смысл той борьбы, которую вели против консорциума наши национально озабоченные политики, мне был ясен с самого начала. Их мало интересовала суть дела. Потеряет Украина права собственности на трубу или не потеряет, им было все равно. Своей пропагандой они хотели посеять раздор между двумя странами. Консорциум - только повод. Не было бы этого, выдумали бы другой. Главное - не допустить нормального сближения с Россией.

Уверен, что они радовались (и продолжают радоваться), когда в российской прессе пишутся гадости вроде «хитер хохол». И что особенно неприятно - этим «хитрым хохлом» в данном случае изображают меня, Кучму.

Сколько еще лет будут твердить, что Украина «тырит» российский газ? Наверное, пока будут живы внуки Жириновского… Этот господин не хочет понимать, что нашим национально озабоченным политикам только на руку его антиукраинская демагогия. Российский антиукраинизм - это все, что им нужно. Это подарок. Есть антиукраинизм в России - нет нормальных отношений с Украиной. Что им и требуется.

Я не раз говорил, что понимаю их. Опасность русификации - опасность реальная. Я только не могу согласиться, что для ослабления этой опасности нужно приносить в жертву экономиче-

ские интересы Украины.

Украина не воровала российский газ. Украина ничего ни у кого не воровала. Да, при мне бывало много ситуаций, когда Россия перекрывала газ из-за того, что мы неаккуратно за него платили, накапливая долги. Но мы никогда не снижали давление в трубе на выходе в Европу. Никогда. Для меня это было немыслимо. Да, в таких случаях мы вынуждены были все равно брать из трубы столько, сколько требовалось нашему хозяйству. Но это делалось по договоренности с «Газпромом». И за этот газ мы платили не по 50, а по 80 долларов. Кинах в свое время подписал бумагу, что каждый случай дополнительного отбора обязательно согласовывается с Россией и тогда - дороже цена. Если бы мы крали газ, то Европа бы кричала. Но европейцы не раз заявляли, что Украина аккуратно выполняет свои обязательства. Эта тема себя исчерпала, когда я подписал газовый договор с Туркменистаном. Политика сразу прекратилась, и началось нормальное сотрудничество. Что это означало на практике? Если нам требовался дополнительный газ, мы покупали его у Туркменбаши. А у России мы брали только тот газ, который нам полагался за обслуживание трубы.

26 ноября

Я был категорический противник аренды предприятий трудовыми коллективами. Аренда - антипод инвестиционного развития, что особенно наглядно видно в сельском хозяйстве. Во-первых, это скрытый механизм приватизации земли. С другой стороны, арендатор не думает об основных фондах. Ему мало интереса заботиться о повышении плодородия земли. Не своя… Выкачать из нее все соки - и пойти дальше.

Но дело не только в этом. Разве трудовой коллектив может реально управлять производством? Разве он может реально хозяйствовать? Кто видел трудовой коллектив в роли рыночного субъекта, что-то продающего и что-то покупающего? Все это делает директор и его команда. Все упирается в директора. Но у идеи перераспределения собственности через аренду с выкупом трудовым коллективом тогда, в начале 90-х годов, естественно, оказалось немало приверженцев - социалисты, коммунисты, бизнесмены-депутаты вроде президента Союза арендаторов и предпринимателей Александра Барабаша. В итоге в законодательстве была закреплена пресловутая норма о приоритете трудовых коллективов и аренде с выкупом.

Я кое- что читал на тему производственной, фабрично-заводской демократии. Были у меня на эту тему разговоры с некоторыми приезжавшими к нам иностранцами. Мне был знаком немецкий опыт системы «участия», соответствующие лозунги и программы западной социал-демократии. Если не ошибаюсь, бурные разговоры на эту тему относятся к середине прошлого века. Что-то и делалось, ставились эксперименты. Бесспорно, все, что делалось, делается и может быть сделано для того, чтобы рабочий не чувствовал себя бессловесным существом на заводе, придатком к машине, чтобы он был каким-то образом заинтересован не только в зарплате, но и в прибыли предприятия. Всего этого нельзя не приветствовать. Но без всяких экспериментов ясно (мне во всяком случае), что -при прочих равных условиях - дела идут лучше на том производстве, где есть полноценный хозяин или нанятый им хороший директор-единоначальник. В мире существуют, конечно, успешные кооперативные предприятия без единоначалия, но они нигде не делали, не делают и, по-моему, не будут делать погоды.

Мне даже сейчас, для этих записок, не хочется поднимать законодательные документы первых лет независимости по вопросам аренды, а также банкротства. Неприятно читать, неприятно вспоминать. Но ничего не вернешь. Был создан хитроумный, экономически неэффективный механизм поглощения государственной собственности. По каналам аренды получили немало лакомых кусков, но распоряжались ими на первых порах плохо. В итоге приватизация проводилась посредством искусственного банкротства.

Банкротом, между прочим, объявлялась и «Криворожсталь».

До сих пор у нас нет нормального закона о банкротстве. Действующий сегодня закон был принят Верховной Радой еще в 1992 году. В 1994 году в него были внесены косметические изменения. Вне сомнений, для страны с устоявшейся демократией 14 лет - не возраст для закона. Но не для Украины в столь динамичное время. За эти четырнадцать лет в стране кардинально изменилась структура собственности, появился целый класс собственников, произошли грандиозные изменения в общественно-политической сфере. По сути - это уже другая страна. А один из осново-

полагающих экономических законов остается неизменным - закон о банкротстве. Фактически это не закон, наказывающий неэффективного собственника. Это закон, который, как и раньше, позволяет прибрать к рукам «что плохо лежит» у государства - и ни за что не отдать «свое» государству или другому собственнику, если не умеешь хозяйствовать.

Почему так происходит? Причина банальна - нормальный закон о банкротстве невыгоден многим депутатам парламента, которые владеют приватизированными предприятиями. Закон, которым они разродились, - хитрейший закон. По идее, по смыслу рыночных отношений закон о банкротстве должен иметь в виду в первую очередь частное предприятие. Казалось бы, большинство банкротов должны составлять частники. Плохо хозяйствовал, ошибся в расчетах, не повезло - и вот разорился, и предприятие идет с молотка. Но у нас банкротами чаще всего становятся государственные предприятия. Их банкротят, чтобы потом взять в частную собственность. Причем за копейки. Весь смысл в том, чтобы - за копейки. Довести предприятие до банкротства с помощью наших законов и подзаконных актов очень легко.

Я не против того, чтобы государственное становилось частным. Частник хозяйствует лучше. Беда, однако, в том, что при таком, как у нас, способе перехода государственной собственности в частные руки значительная часть ее улетучивается. Эту приватизацию можно назвать приватизацией посредством злонамеренной бесхозяйственности.

Чтобы делать все грамотно и честно, не нужно ничего выдумывать - есть мировой опыт, присмотритесь и пользуйтесь. Но это, повторяю, невыгодно такому количеству депутатов, что они неизменно, год за годом, составляют необходимое им большинство противников нормального закона.

27 ноября

В 1995- м исчез Михаил Бойчишин. Это имя мне ничего не говорило. Я удивился, когда в «руховских» кругах возник громкий разговор о политической подоплеке случившегося. Оказалось, что этот человек был ответственным лицом в Рухе. Тогда это был действительно «рух», то есть, движение, а не партия. Над созданием партии еще только начинали работать, скорее - мечтать. Бойчишин был кем-то вроде казначея в Рухе.

Были разные предположения. Кто-то говорил, что добрые дяди из-за океана отстегнули Руху солидную сумму в валюте на предвыборную кампанию, и Бойчишин стал жертвой тривиального рэкета. Кто-то выражал уверенность, что Бойчишину дали исчезнуть, чтобы с ним исчезло некоторое количество денег и документов, и теперь он, дескать, благополучно обитает где-нибудь в Южной Америке.

Рух, естественно, выбрал ту версию, которая была ему выгодней всего. «Вдохновители этого преступления учли, что Бойчишин координирует предвыборную деятельность Руха, и с его исчезновением организация будет парализована», - прозвучало на руховской пресс-конференции. Но другие версии продолжали обсуждаться. Можно было наблюдать, как сам Рух опровергал «неудобные» варианты исчезновения партийного казначея. «Предположение о причастности рэкетиров отпадает само собой… Некоторые представители Руха прощупывали почву в рэкетирских кругах. Рэкетиры высказали удивление…» И так далее, и тому подобное.

В конце концов стрелки, как и следовало ожидать, были переведены на власть. По версии Руха, Бойчишин за несколько дней до исчезновения в телефонном разговоре с американским юристом говорил об имеющихся у него документах, доказывающих финансовые злоупотребления высокопоставленных украинских чиновников. Якобы там были номера счетов и названия фирм, через которые вымывались за границу серьезные деньги. Фамилии назывались тоже серьезные - Масик и Гетьман, Звягильский и Ландик, Ющенко и Митюков.

Собственно, поэтому история с исчезновением казначея Руха и попала в поле моего зрения. И запомнилась. Какого-либо развития эта версия, как и множество подобных, не получила. Я сожалел, что исчезновение Бойчишина серьезно ударило по Руху. Дело не только в том, что Рух остался без добытчика средств (о Бойчишине говорили, что он «был практически незаметен и практически незаменим»). Оказалась запятнанной репутация движения.

Правда, руховцы попытались поставить эту трагедию на службу своему делу. Так издавна поступают все. Активист должен быть участником борьбы и после своей смерти. Так создают мучеников и героев, павших за великое дело.

Однажды мне попалась книга о первых днях еврейских поселенцев в Палестине после Второй мировой войны. Не помню, как называлась книга, не помню и автора. Кажется, он сам был из числа первых поселенцев. С умным юмором он описывает, как от несчастного случая погиб один незаметный человек, и как из него сделали героя, павшего в бою с арабами. Вожди постарались, чтобы он вошел в историю возрождения Израиля и служил примером для будущих поколений. Представляю, сколько «славных» имен вошло бы в украинскую историю, если бы незабываемая воинственность Юлии Тимошенко в дни Майдана привела, не дай Бог, к жертвам…

Надо отдать должное Вячеславу Чорновилу. Он был очень хороший человек. Умный, порядочный. И коммуникабельный. В нем не чувствовалось озлобленности. Это меня поражало, потому что я невольно сравнивал его с другими. Человек провел десять лет за колючей проволокой и не озлобился. С ним можно было обсуждать любые вопросы. Правда, в разговорах он горячился, быстро заводился. Он был увлекающийся человек. Он полагал, что если отдать всю власть в Украине украинцам, да притом «національно свідомим», и не мешкая ни минуты отказаться от «русского вектора», то все будет хорошо. Он не взвешивал реальных возможностей, не просчитывал реальных последствий. Где взять столько подготовленных к управленческой работе на всех участках «свідомих» украинцев? Куда девать остальных? Как взаимодействовать с ними в условиях демократии, когда надо всех учитывать и со всеми считаться?

Мне даже нравилось разговаривать с ним об этом. «Ну слушай, Вячеслав. Они же бунт поднимут. Что будем с ними делать?» - «Усмирять, Леонид Данилович!» - «Как? Какими силами? Их ведь и Россия поддержит всей своей мощью. Европа тоже будет на их стороне - ведь они будут бороться за свои человеческие права». В ответ он то за один свой казацкий ус дернет, то за другой… «Теперь давай зайдем с экономической стороны. Ну, вот рассоримся мы с Россией…» - «Не рассоримся, - перебивает, - а установим надлежащую дистанцию!» - «Но Россия-то будет считать это ссорой и делать соответствующие выводы. Перестанет пускать наших людей к себе на заработки. Будет драть три шкуры за нефть и газ. Будет прикармливать наших с тобой внутриполитических противников. Мы же с тобой в таком случае и недели не продержимся у власти!»

Я называл его идеалистом. Он не обижался, потому что в это слово я не вкладывал обидного для него смысла. Я говорил, что идеалисты тоже нужны. Иногда очень даже нужны! Бывают такие исторические ситуации, что надо быть не практиком, а идеалистом, - только тогда будет что-то делаться. Я думаю, что для Чорновила была большой школой работа председателем Львовского областного совета. Там ему пришлось узнать, что такое экономика, что такое хозяйственная жизнь, что такое материальные проблемы большого населенного пункта, что такое организация жизнедеятельности населения. Кое-что ему прояснилось в жизни…

Да, для меня Чорновил - это человек без ненависти в душе. Я не могу с ним сравнить никого из тех, кто пришел к власти после «оранжевой революции». Сведение счетов, месть не были бы для него на первом месте. С ним можно было говорить. Вспоминаю, как его руховцы переживали, что он проиграл Кравчуку президентские выборы - первые президентские выборы в постсоветской Украине. Считали, что это потому, что все демократические силы не смогли объединиться. Грешили на украинский характер: где два украинца, там три гетмана.

Думаю, дело было не в этом. Объединялись бы они, не объединялись - результат был бы тот же. Украина - не Прибалтика. Она все-таки не чувствовала себя ни оккупированной территорией, ни колонией. Еще были сильны и просоветские настроения. Все решали голоса востока и центра, а победить в этих регионах Чорновил не мог. Большую роль играла номенклатура на местах. По существу президента выбирала она. Население ориентировалось на нее. Так что у Чорновила, который декларировал высокие материи, шансов не было.

Его сторонники тяжело переносили это поражение. Они же видели, что происходило во всех восточно-европейских странах, особенно - в Прибалтике. В каждой побеждал национальный фронт. Тот же Ландсбергис в Литве… А Чорновил в Украине потерпел поражение. Это сильно подкосило Рух. Надо было настраиваться на десятилетия кропотливой работы, думать о компромиссах и союзах, о тактике и стратегии затяжной мирной политической борьбы. Не все были для этого созданы. Многим хотелось напряжения, конфронтации, обострений.

Он погиб 25 марта 1999 года. Мне сообщили об этом ночью. Я воспринял это как трагедию, дал поручение во всем детально разобраться. 8 марта раскололся Рух, Чорновил потерял лидерство в нем, а 25-го случилась эта трагедия.

Из Руха его выталкивали в полном смысле слова бесцеремонно. В прессе были постоянные

«наезды» на него. Общество приучали к мысли, что ему пора уходить. У него переманивали областные организации. Он мотался по областям, пытаясь противостоять этому, бороться, убеждал людей, что Рух должен во что бы то ни стало сохранить единство. В такой обстановке ему, конечно, было не до правил дорожного движения. Несчастный случай был, можно сказать, запрограммирован. Убийство я исключаю, хотя некоторым конкурентам Вячеслава в руководстве Руха его смерть была на руку.

Теперь ему ставят памятники. Надо было не мешать работать, пока был жив. Все время говорили, что надо найти более молодого, более перспективного. Ну и что, нашли?

Звездным часом Руха был по существу только первый час его существования. Была общая эйфория. В Украине шла исключительно мощная и эффективная пропаганда под лозунгом: «Мы богатые! Мы наиболее самодостаточные!» Ребята из Руха были очень хорошими пропагандистами.

Но надо сказать ради справедливости, что перед ними стояла не такая уж трудная задача. Наши люди были давно готовы поверить, что Украина богаче всех в Советском Союзе. Мало кто сомневался, что после выхода из Союза она быстро станет процветающей страной.

К моменту своей гибели Чорновил ни для власти, ни для своих политических противников никакой угрозы не представлял. Правда, приходилось слышать совсем уж экзотическую версию, что он стал жертвой экстремистов из числа своих единомышленников. Им, дескать, нужна была «жертва преступного режима», нужен был герой. Все это тоже чепуха. Тем не менее представители Руха с самого начала назвали гибель своего лидера политическим убийством. Юрий Костенко, который в то время уже стал фактически одним из альтернативных Чорновилу лидеров Руха, также заявил, что лично он с каждым днем все больше убеждается: это было политическое убийство, цель которого - оказать влияние на ход президентских выборов. Какое влияние, в чью пользу, было не совсем понятно.

Депутаты Григорий Омельченко и Анатолий Ермак заявили, что им доподлинно известно о существовании видеопленки, на которой записан рассказ какого-то полковника, знающего о том, что Чорновил был уничтожен неким специальным подразделением Министерства внутренних дел. Показал им ее будто бы Евгений Марчук. Этому мифическому полковнику приписывались слова, что лидер Руха стал надоедать руководству страны и мог составить конкуренцию Кучме. Помоему, я даже не стал комментировать эту выдумку. Если мне не мог составить конкуренцию такой политический тяжеловес, каким в то время был вождь коммунистов Петр Симоненко, то что говорить о лидере Руха, к тому времени ослабленного, прежде всего, внутренней борьбой?

О Черновиле и до, и после его гибели были высказаны самые противоречивые суждения. Одни высказывались беспощадно. Говорили, например, что в глубине души Чорновил сам сознает, что уже давно «проехал» свое время. Другой полюс оценок был представлен людьми, которые называли Чорновила «современным Апостолом независимости Украины».

Думаю, все гораздо сложнее. В странах, на которые ориентировались и которым завидовали руховцы, сразу после распада Советского Союза появились настоящие, нормальные политические партии европейского образца. Они появились еще до распада СССР. Эти силы могли сразу взять на себя ответственность за свои страны, сформировать власть. А Рух застрял на допартийной стадии, на стадии движения. Он слишком долго шел к тому, чтобы стать партией. А только-только подошел - стал разваливаться, раскалываться. Этот раскол был спровоцирован. На 100 процентов спровоцирован внутренними силами Руха. И многие руховцы знают поименно инициаторов этого раскола. Допускаю, что за ними стояли какие-то силы. Но не украинское руководство, не Президент Украины.

Для Чорновила Украина была превыше всего. Он считал, что в ходе борьбы за Украину можно и нужно сотрудничать и с властью, и с другими политическими силами, если базовые цели и интересы совпадают. Так живет весь мир. А многие единомышленники Чорновила компромиссов не признавали. Кто не с ними, тот враг, с ним надо бороться не на жизнь, а на смерть. Если Кучма спокойно относится и к России, старается с нею сотрудничать, значит, разговор с ним возможен только на языке ультиматумов. Вечные революционеры! Они и спровоцировали раскол Руха. Молодая руховская поросль считала, что Чорновил свое дело сделал, теперь должен удалиться. Причем они не стеснялись.

Для Чорновила это была трагедия. Он так страдал, что больно было на него смотреть. Встречался со своими, доказывал им, что нельзя разрушить Рух. Но его таки разрушили. С молодой по-

рослью пошли Драч, Павлычко - политики, стоявшие у истоков Руха.

Среди руховцев выделялся Юра Костенко. Мы с ним были дружны, когда я был депутатом. С ним и с Иваном Зайцем. Костенко - инженер, до прихода в политику работал в институте Патона. Я всегда с большим уважением относился и отношусь к этому человеку. По своему темпераменту и внешнему рисунку поведения в политике Юра с самого начала выпадал из рядов руховского руководства и актива. Даже удивительно, что он не только не выпал из этих рядов фактически, а оказался старожилом и создателем собственного, так сказать, подразделения Руха. Спокойный, суховатый, без всякого актерства. Инженерное поведение в политике. «Я не герой массового сознания, - сказал он в одном интервью. - Для этого надо все время торчать у микрофона. Я больше люблю заниматься конкретными делами». И это правда.

Конкретными делами занялся он и в Верхвоной Раде после своего прихода туда. На должности министра охраны окружающей среды и ядерной безопасности Костенко доказал, что достигать конкретных результатов можно даже в самых трудных ситуациях. По-моему, ему не мешало бы быть чуть-чуть бойчее.

С интересом я относился к упомянутому Ивану Зайцу. Его сделал знаменитым одной своей шуткой Плющ, когда сказал из кресла председателя парламента: «Депутат Заяц! Что вы прыгаете по залу?» С ним за эти годы произошли просто революционные перемены. Если вспомнить Зайца десятилетней давности и сравнить с нынешним - то будет два разных человека. Сегодня Заяц - это джентльмен в хорошем дорогом костюме, говорит спокойно, иногда даже важно. Раньше он будто из пулемета строчил. У него добрая душа.

А вообще в Рухе было много странных персонажей. Во-первых, «нацшиза» - по аналогии с российской «демшизой». Во-вторых, попутчики-временщики. Это самые страшные люди. Они готовы мать родную продать. Это мы сейчас и наблюдаем. Непрерывные перебежки из партии в партию, из фракции во фракцию. Откровенные конъюнктурщики. От этой гибкости тошнит. Обществу подается пример несерьезного отношения к партиям, к партийно-идеологическим различиям. В результате замедляется демократизация страны. Без полноценных, дееспособных партий демократии быть не может. Конечно, в опытных демократических странах такой суетливости политиков, как и народных избранников, нет. Меньше этого и в России, хотя там свои причины. У нас это часто напоминает биржу. Не парламент, а политический рынок со всеми соответствующими мотивами и атрибутами. А фракции - это клубы по коммерческим интересам.

Я постоянно встречался со многими депутатами. В последние годы они перестали стесняться. Ты собираешься обсуждать с ним проект того или иного закона, тот или иной конкретный политический вопрос, а у него одно на уме - свой бизнес. Ему от президента требуется только помощь в решении его коммерческих проблем. И для него не имеет значения, можешь ты ему помочь или не можешь, есть у тебя такое право или нет. Я мог бы привести десятки примеров, но они уйдут вместе со мной. В данном случае дело ведь не в личностях, а в явлении. Болезнь становления. Жизнь в конце концов все расставит по местам.

28 ноября

Говорили сегодня с Черномырдиным о том, как ловко Запад пользовался нашей неопытностью и доверчивостью сразу после распада Советского Союза. Они охотно предлагали нам кредиты. Некоторые и схватили… Но что это были за деньги? Это были деньги на покупку продукции, которая на Западе уже никому не была нужна. Устаревшее оборудование, техника, переставшая пользоваться там спросом. За наш счет они продлевали существование неконкурентоспособных производств у себя. Западные правительства заботились о бизнесе своих стран. Своей доверчивостью мы смягчили им процесс смены номенклатуры изделий и технологий.

К примеру, Германия таким способом реализовывала продукцию бывшей ГДР. Западным немцам она даром не была нужна. Ее «квалифицированно», через соответствующие кредиты, сбывали на наших рынках. «Надули нас, Леня, со страшной силой!» - говорит Черномырдин. Всех надули - Россию, Украину, весь бывший Советский Союз.

Они в гробу видели Советский Союз, когда он существовал, а тем более - после того, как он перестал существовать. Думали только о себе, о собственных интересах. И о чем мы всегда говорим с особым возмущением: не стеснялись нас обманывать, увлекать и сбивать с толку обещаниями. Повалили «империю зла» - и все, радуются. Что с нею будет дальше, как выберутся из-под ее

обломков бывшие советские люди, - это никого не интересует. И всякий старается загнать тебя в угол, припереть к стенке, поставить в такое положение, чтобы ты принял нужное ему решение. И все - под разговоры, что этого требует дух демократии. Наобещали золотые горы, получили что хотели под эти обещания - и до свидания. Будь здоров.

Помню, как меня убеждали, что Украина не должна заниматься высокотехнологичным производством. Это, мол, функция, прерогатива, призвание Запада! Вы же, украинцы, занимайтесь только тем, что сегодня требует мировой рынок. А требует он от вас сырья, в лучшем случае - полуфабриката, и больше ничего. Вот и забудь, Украина, обо всем, кроме разработки своих недр, извлечения оттуда своих богатств и отправки их (по возможности - в сыром виде) на Запад - и как можно быстрее.

И сокращение обычных вооружений, и ликвидация ядерного оружия, и закрытие Чернобыльской АЭС - под все это обещаны были золотые горы. Даже за отказ от Бушерского проекта сулили золотые горы. И почти ничего не сделано из того, что было обещано.

Согласно Бушерскому проекту (проекту постройки атомной электростанции в иранском городе Бушер) Украина должна была поставлять туда турбины. И не только поставлять, но в дальнейшем производить комплекс обслуживающих и ремонтных работ. Проект позволил бы нам заработать десятки, сотни миллионов долларов, создать рабочие места. И это ведь поставка не сырья, а технологий высочайшего уровня! В перспективе мы могли бы занять определенную нишу в мировой экономике. Могли. Но… приняли во внимание мнение наших стратегических партнеров в лице США и отказались от этого проекта. Украина приняла решение воздержаться от ядерного сотрудничества с Ираном, включая поставки турбин по Бушерскому проекту, заявил по итогам переговоров в Киеве министр иностранных дел Украины Геннадий Удовенко, подчеркнув, что это решение было непростым, поскольку Украина понесет большие потери. Однако, сказал он, выполняя международные обязательства, «мы сознательно пошли на это».

Я в свою очередь сказал, что решение было для нас действительно непростым, но мы рассчитываем на выгоды от тесного взаимодействия с нашими партнерами. Я также сообщил о договоренности с госсекретарем США Мадлен Олбрайт о предоставлении американской помощи харьковскому «Турбоатому», несущему наиболее ощутимые потери из-за нашего решения. «Мы не оставим коллектив завода один на один с этой проблемой», - сказал я, искренне веря в твердость слова американцев. Мадлен Олбрайт громко приветствовала решение Украины. «Делая это, Украина закрепляет свое место в международной коалиции государств, пытающихся приостановить распространение оружия массового уничтожения», - подчеркнула она.

Что мы получили в итоге?

Наш стратегический партнер уже спустя несколько недель после громких заверений в помощи начал, как говорится, съезжать с этой темы.

Компенсация прямых убытков, которые понес харьковский «Турбоатом» в результате отказа Украины от участия в Бушерском контракте, «проблематична», заявил советник президента США Ричард Морнингстар. «Мы будем искать какой-то выход», - добавил он, но было понятно, что это пустые слова. Никто ничего не искал.

А ведь Иран для Украины - это не только одна атомная станция в небольшом городке. Это государство, которое первым в Азии признало независимость Украины и открыло свое посольство в Киеве. В экономическом плане это страна, имеющая громадные месторождения нефти и газа. Иран - это большой рынок сбыта для Украины, для украинских машиностроительных, аграрных и других предприятий. А еще ведь есть сфера высоких технологий, военно-технического сотрудничества, возможного транзита иранского газа в Европу через территорию Украины. Всем этим мы пожертвовали. И были обмануты.

Для меня это стало одним из самых болезненных уроков моего президентства.

Как «наседал» на нас Запад во главе с США, чтобы мы закрыли Чернобыльскую АЭС! Сколько обещаний было дано! Новые энергоблоки на Ровенской и Хмельницкой станциях для компенсации потерь достроят, с объектом «Укрытие» подсобят, семьи атомщиков не забудут… Пшик. Я все сделал, чтобы достроить блоки за счет собственных ресурсов. Горжусь, что это удалось. Один Бог знает, чего это стоило. Ни Евросоюз, ни Штаты не выделили нам ни копейки ни на что, хотя речь шла не о благотворительности, а о кредитах.

И это - правило. Американская сторона, вопреки двухстороннему соглашению от 25 октября 1993 года, прекратила финансирование мероприятий по ликвидации стратегического оружия Ук-

раины. Штаты еще в 1991 году поставили тогдашнему президенту Леониду Кравчуку жесткие условия: мы признаем вашу независимость в обмен на ряд шагов, в том числе - на уничтожение украинского ядерного потенциала.

Оружие это уже давно уничтожено. Теперь мы остались один на один с проблемой утилизации и переработки твердого топлива, хотя это должны были профинансировать США. «Это ваши проблемы», - говорят нам.

Надо отдать должное россиянам. В ситуации с Бушером они не спасовали, поступили так, как считали нужным, - заказ, которого добровольно лишилась Украина, достался им. В 2007 году запуск АЭС в Бушере пройдет по формату, предложенному Россией: сентябрь - физический пуск, ноябрь- энергетический.j

Леонид Кучма

j «Особое внимание в процессе критического пересмотра внешней политики стоит уделить инвентаризации наших стратегических партнерств, - пишет теперь «Зеркало недели» (автор - Андрей Фиалко. 25.03.2006 г.). - В условиях, когда Украина реально не может получить то, на что рассчитывает, институт стратегических партнерств де-факто превращается в механизм одностороннего обслуживания нами чьих-то интересов. Порой ситуация приобретает гротескные формы, ведь положение Украины напоминает статус министра без портфеля на заседании правительства: то есть когда ничего не скажи и за все отвечай, когда же действительно захочешь высказать собственное мнение, тебя оборвут на полуслове». И дальше: «Сложно вспомнить хотя бы один случай, когда наши стратегические партнеры (страны, заметьте, отнюдь не бедные) пошли бы нам навстречу и реально посчитались с нашими интересами, да и еще в ущерб себе, как это сделали мы при отказе от Бушерского проекта. Так что нам еще предстоит научиться демонстрировать свою дружбу и надежность без ущерба для собственных интересов».

Согласен с каждым словом. Пора таки начинать «инвентаризацию наших стратегических партнеров».b Во второй половине 2006 года крупнейшие европейские потребители газа продлили с «Газпромом» долгосрочные контракты до 2030-2035 гг.:

- 28 августа 2006 г. ОАО «Газпром» и германский «E.ON Ruhrgas AG» подписали соглашения о продлении действующих контрактов еще на 15 лет (с 2020-го до 2035 г.);

- 28 сентября 2006 г. ОАО «Газпром» и руководство австрийского энергетического концерна «OMV» (плюс ряд аффилированных с «OMV» компаний) продлили контракты до 2027 года;

- 15 ноября 2006 г. ОАО «Газпром» и итальянская «ENI» продлили контракты до 2035 года;

- 19 декабря 2006 г. ОАО «Газпром» и французская «Gaz de France» подписали соглашение о продлении контрактов до 2030 года;

- 21 декабря 2006 г. ОАО «Газпром» и «RWE Transgas» (подразделение немецкого «RWE», осуществляющее поставки газа в Чехию) продлили контракт до 2035 года.

В Европе далеко смотрят! И наверняка - с учетом возможных проблем, связанных с нехваткой газа в будущем. Поэтому уже сейчас стараются застолбить за собой конкретные объемы газа. Декабрь 2006 г. с Но об экономических результатах правления Юлии Тимошенко как о главной причине ее снятия Александр Морозов написал, по-моему, хорошо и дельно. Тем бы ему и ограничиться…

«1) Экономический рост в Украине сократился по сравнению с 2004 годом в 6 раз: с 12 до 2%… 2) Попытки Юлии Тимошенко «заморозить» цены на бензин в условиях рыночной экономики (май 2005 г.) привели к тому, что впервые с 1992 года в стране возник реальный дефицит автомобильного топлива. Кризис был разрешен только благодаря вмешательству президента, которое Юлия Владимировна назвала «низкопоклонством перед олигархами». 3) Цены на товары приоритетного спроса - от мяса и сахара до бензина - выросли за время работы кабинета Тимошенко на 60-100%. При этом зарплаты и пенсии в бюджетном секторе - на 15-20%. Действия экс-премьера на мясном рынке повлекли за собой дефицит мяса, какого Украина не знала последние 15 лет. 4) В июле на ровном месте разразился сахарный кризис. Действия премьера по разрешению этого кризиса подозрительно напоминали лоббирование интересов определенных импортеров сахара».

Далее Морозов напоминает, что правительство провалило работу по подготовке вступления Украины в ВТО и не выполнило свое обещание подготовить концепцию легитимации приватизации.

«Вместо этого Юлия Владимировна решила пойти путем точечной реприватизации предприятий, в которых, как складывается впечатление, были заинтересованы ее бизнес-партнеры… Ти-

мошенко права, когда говорит, что создала в стране уникальный инвестиционный климат, - иронизирует автор, - в этом климате инвесторы, еще недавно воодушевленные Оранжевой революцией, работать категорически отказываются». Он констатирует, что «инвесторы, напуганные перспективой непрозрачной хаотической реприватизации всего и вся, почти полностью приостановили рассмотрение новых инвестпроектов в Украине». А «ликвидация особых экономических зон, преподнесенная как «победа» правительства, вообще привела к параличу уже начатых крупных инвестиционных проектов».

d Проходит неделя - и Петр Порошенко называет главного (кроме Юлии Тимошенко) «заговорщика». Это, оказывается, бывший глава СБУ Александр Турчинов. «Он был организатором, - говорит Порошенко по телевидению. - Его ключевая роль была не в опубликовании какой-то там взрывной информации. Его роль была дестабилизировать ситуацию в стране. Государственный переворот означает не переворот, а сценарий неконституционного захвата власти».

Понимайте последнюю фразу как хотите… Проходит еще неделя - и от того же Порошенко узнаем, что готовится не «государственный переворот» и не «неконституционный захват власти», а «политический путч»: «Я уверен, что как только станет известно, чем занималось окружение Тимошенко - начиная от Бродского и заканчивая Коломойским, начиная от Турчинова и заканчивая Губским, начиная от Гавриша и заканчивая Фельдманом… На самом деле мы имеем сценарий политического путча, который начался 1 сентября этого года…Предполагаю, что сейчас будут запускаться дополнительные технологии… Существует целый ряд сценариев, которые мы видели: дестабилизация ситуации в парламенте, попытки организации массовых выступлений… Ни тот, ни другой сценарий не прошли. Еще есть сценарий распространения слухов, сценарии с использованием Березовского, сценарии с использованием российского фактора - кстати, пока неудачные. Сценарии, приуроченные к годовщине Майдана…»

И все то же: вместо «я знаю и предъявляю следующие доказательства» - «я уверен»…

15 октября 2005 г. е Глава Секретариата Президента Рыбачук в интервью газете «Україна молода» (03.02.2006 г.) рассказывает, почему в его учреждении такой бедлам. Ему указывают: «Как иронизируют политические оппоненты «оранжевых», в частности и непосредственные работники Администрации Президента времен Кучмы, теперь на Банковой нет и того «мозгового центра», что работал не только во зло, но и во благо. Именно благодаря четко налаженной работе аналитиков и экспертов своей Администрации Кучма был стопроцентно вооружен нужной информацией, а государственная машина работала четко, без многих проколов, свойственных нынешней власти». Что отвечает Рыбачук? Оказывается: «обеспечить продукт высокого уровня для Президента Ющенко - это величайший вызов. Ющенко на несколько шагов стоит впереди других. И очень сложно подобрать людей, которые были бы с ним на одном уровне, на одной волне». Февраль 2006 г. f В эфире ТРК «Эра» 18 мая 2006 г. высказался отправленный в отставку секретарь СНБО Кинах: «Я очень обеспокоен вопросами эффективности, интеллекта и уровня ответственности Секретариата Президента… Проблема профессионализма остается одной из наиболее актуальных как для Украины в целом, так и для государственного аппарата в частности». Он же - 29 мая 2006 г. по телевидению: «Не люблю показывать пальцем назад, но считаю, что беспощадный удар по эффективности системы власти нанесло то, что на начало 2005 года появилось письмо с тремя подписями - Ющенко, Мороз и Тимошенко. И пошла директива - формировать структуры власти по квотному принципу. И тогда последовала очередь назначений, без исследований, без анализа качества людей. И в настоящий момент мы имеем очень непростую ситуацию снижения уровня государственного менеджмента, снижения профессионализма и ответственности». Май 2006 г.

30 ноября

Реструктуризация наших долгов России до 2020 года - моя идея. Россия требовала: рассчитайтесь в срок! Денег нет - рассчитывайтесь предприятиями. Хотели получить в свою собственность нашу промышленность, хотя бы часть ее. Этот прием придумали не россияне. Он хорошо известен на Западе, отработан именно там. Я ответил категорическим «нет». Есть, говорю, международная практика реструктуризации долгов. Запад легко пошел на это в отношении России. Почему же вы, Россия, не можете реструктурировать наши долги? В таких случаях употребляют слово «жлобство». Эти разговоры пришлось вести с Черномырдиным и Ельциным. «Принимайте

политическое решение! Оно сделает честь России, будет справедливым и укрепит нашу дружбу». Так и договорились. За основу взяли условия реструктуризации российских долгов Западом.

Я всегда был такого мнения: если есть чем отдавать долги, то не надо затягивать это дело. Зачем выплачивать кому-то проценты, когда можно эти деньги вложить в развитие страны? В прошлом году мы могли легко отдать Международному валютному фонду миллиард долларов. Так поступил Казахстан, за ним - Россия. Имея 13 миллиардов резерва, один миллиард отдать - не проблема. Я так и говорил на совещаниях по этому вопросу. Но мне серьезно возражали. Считалось, что это будет расценено как популистский шаг в условиях кампании по выборам президента. А я считал, что надо сделать этот шаг. Любое дело можно истолковать и так, и эдак. Нельзя думать только о том, что о вас скажут.

Был и такой довод, что у нас внешний долг по отношению к ВВП совсем небольшой по сравнению со многими странами. Можно, мол, терпеть. Но зачем терпеть, если можно не терпеть?

Инициатором был глава Нацбанка Украины Сергей Тигипко. Он заявил, что Нацбанк предлагает с ноября 2003 года до октября следующего года, конечно, при условии одобрения МВФ, досрочно выплатить Фонду долг в сумме $1,8 миллиарда. В свое время эти деньги были выданы Фондом Нацбанку под 2,5 процента годовых для пополнения золотовалютных резервов и укрепления платежного баланса. Аргументируя свою позицию, Сергей Тигипко отметил, что в течение 2003-2009 годов стоимость обслуживания кредитов МВФ превысит доходы от их размещения на сумму около 40 миллионов долларов. То есть, погасив досрочно долг перед МВФ, Украина сэкономит эту сумму. Упреждая опасения, не опустошим ли мы резервы НБУ, глава Нацбанка озвучил прогнозы своего ведомства, согласно которым в 2004 году чистые резервы главного банка страны без проблем покроют трехмесячную стоимость импорта (этот показатель считается критическим).

Интересно, что к этой идее прохладно отнеслись в самом МВФ. Глава представительства Фонда в Украине Лоренцо Фильюоли заявил, что если погашение будет одномоментным, то это может негативно повлиять на монетарную ситуацию, и Нацбанку в таком случае придется купить значительную сумму иностранной валюты. Это в свою очередь, по его мнению, может привести к росту денежной массы и денежной базы, а затем - к росту инфляции. Глава представительства МВФ в Украине также дал понять, что Фонд даже в случае одобрения инициативы НБУ со стороны Кабмина и парламента не будет спешить с принятием окончательного решения.

Некоторые украинские экономисты и финансисты также не увидели в этой инициативе конструктива, посчитав ее саморекламой. Они говорили, что Украина имеет и другие внешние долги, которые обходятся ей намного дороже.

Не остался в стороне от обсуждения этой проблемы бывший глава Нацбанка и лидер «Нашей Украины» Виктор Ющенко. Он назвал мое предложение «политическим шагом, пиар-ходом». Виктор Андреевич все более входил в роль главного оппозиционера. Политическую заднюю мысль, естественно, приписывали и Сергею Тигипко. Решили, что он собирается выставить свою кандидатуру на президентских выборах 2004 года, для чего и создает себе рекламу.

Но главным и наиболее убедительным противником досрочного погашения долгов оказался Анатолий Степанович Гальчинский. Как председатель Совета Нацбанка он официально поставил этот впорос на заседании Совета, где было принято решение отказаться от этого шага. Гальчинский сам рассказал мне об этом. Он начал издалека: «У Шумпетера есть такое выражение: нельзя стать предпринимателем, не став должником». Это относится и к любой стране. Украине надо научиться быть должником. Надо привыкнуть к этому состоянию и не комплексовать по этому поводу».

Но в данном случае Анатолий Степанович, по его словам, руководствовался не афоризмом видного австрийского экономиста и социолога XX века, а своим представлением о национальных интересах Украины. Он считал, что резервы НБУ надо беречь на черный день для стабилизации курса гривни.

Так и получилось, когда осенью 2004 года началась валютная паника. Погасить ее удалось за счет соответствующих валютных интервенций из резервов НБУ.

Но от этого суть вопроса для меня не меняется. У нас были очень большие долги, накопленные в годы кризиса. Когда начался подъем экономики, я все сделал, чтобы заставить правительство как можно скорее избавиться от этого груза. И это дало свои результаты. Запомнил цифры (такие цифры легко запоминаются - и никогда не забываются): если в 1999 году внешний долг Украины приближался к 50 процентам ВВП, то в 2004-м он опустился ниже 20 процентов. Это

один из лучших показателей для стран с переходной экономикой.

Отношу и это к серьезному активу проводившейся нами экономической политики. Отрицать это никто не может.

2 декабря

Накануне президентских выборов 1999 года я побывал в Алчевске, на Алчевском металлургическом комбинате. Директором этого предприятия был Олег Дубина. Там мы познакомились. Мне понравилось его хозяйство. Дубина, как раньше говорилось, в короткие сроки вывел его из отстающих в передовые. Кроме высоких поизводственных показателей, я увидел порядок, чистоту. Кое-какую чистоту можно навести к приезду начальства, но экономические показатели к этому случаю не подгонишь. Здесь все совпадало. Чувствовалось, что на предприятии есть хозяин.

Тогда у меня и возникла мысль направить Дубину на «Криворожсталь».

Этот комбинат разваливался. Его придавила огромная кредиторская задолженность. На нем числилось около ста миллионов долларов внешнего долга. Дело шло к объявлению «Криворожстали» банкротом. Об этом сейчас все молчат. Я дал Олегу все, какие только от меня зависели, полномочия. Прежде всего - убрать хищных посредников. Это почти то же, что послать человека на смерть. Понимая это, вызвал руководителей СБУ, Министерства внутренних дел и сказал: вы отвечаете за порядок вокруг завода. Дело в том, кроме прочего, что нового директора могли просто пристрелить - угроз было больше чем достаточно. Раз в месяц он приезжал ко мне докладывать. Я не считаю телефонных разговоров. Бывало, звонит: «Я иссяк, помогите!» И мы с ним расчистили завалы вокруг этого завода и на нем самом. Предприятие вошло в нормальный рабочий ритм, хотя продолжало требовать серьезного к себе внимания. Но главное, что было кому помогать. Дубина оправдал себя и на этом месте.

Я назначил его впоследствии вице-премьером по промышленной политике. Не ошибся и на этот раз.

Человеческая предвзятость, недоброжелательность не знают пределов. Среди имеющихся у меня справок и публикаций о «Криворожстали» могу считать типичной следующую. Но даже она, сразу скажу, - не самая разнузданная. Автор хотя бы признает, что с распадом СССР «Криворожсталь» превратилась «в кучу утиля, которая производила такой же утиль». Дальше читаем: «Вокруг комбината множились трейдеры из числа местных бизнесменов, нередко связанных с менеджментом, а часто и с полукриминальным бизнесом. Формально государственная «Криворожсталь» на деле превратилась в вотчину торговцев бог знает чем - от автомобилей до кафеля… Превращение полузапущенного предприятия, обросшего трейдерами, в «Криворожсталь», за которую на протяжении двух последних лет соперничает мировой и украинский большой бизнес, началось в 1999 году. Власть, наконец, заинтересовалась металлургией… В ноябре того же года гендиректором комбината был назначен 42-летний Олег Дубина, прославившийся успешной борьбой с еще ахметовским ИСД за Алчевский меткомбинат и собственным ноу-хау в виде двух автоматчиков, которые постоянно находились рядом с топ-менеджером, даже в его кабинете. Прежде всего, молодой директор заявил, что пока он возглавляет завод, приватизация «Криворожстали» не угрожает. Во-вторых, практически в полном составе поменял менеджмент предприятия, приведя за собой команду знакомых ему управленцев… В-третьих, начал выталкивать с предприятия различные посреднические структуры. В первую очередь сбытовиков… Однако личный взнос Дубины в развитие «Криворожстали» часто подвергается сомнению. Такая успешная деятельность директора, по слухам, объясняется тем, что Дубине благоволил лично Леонид Кучма. Как утверждают романтики, президент разглядел в Дубине самого себя на «Южмаше» времен 80-х, циники склоняются к версии о желании Кучмы прибрать к рукам «Криворожсталь» с прицелом на 2004 год - окончание срока правления Леонида Данииловича»… Под «оком государевым» завод не то чтобы процветал, однако и не бедствовал. Сменив Дубину, ушедшего в большую политику, его соученик Анатолий Сокуренко с помощью патрона лоббировал принятие масштабных инвестпрограмм… Росли цены на сталь и сырье - вертикально интегрированный комбинат вполне пользовался преимуществами доступа к дешевой руде и коксу, а вице-премьер по ТЭК - опять-таки Дубина - добился еще и разрешения на прямое снабжение угля из ГХК «Павлоградуголь». Доходы и прибыли завода непрестанно росли, и приватизация казалась делом весьма отдаленным… А 6 августа 2004 года было обнародовано распоряжение премьер-министра Вик-

тора Януковича приватизировать священную корову украинской госсобственности - до этого времени неприкосновенный для частников меткомбинат».

Что я могу сказать автору, прочитав это? За мои премьерские и президентские годы из руин поднялась не только «Криворожсталь», а вся Украина. Под конец она демонстрировала самые высокие темпы промышленного развития в Европе. Так что он вполне может написать, что и это я делал с прицелом на 2004 год: чтобы, уйдя на пенсию, прибрать к рукам всю Украину.

Так решались кадровые вопросы. Без кумовства и секретов. Меня в свое время убедил Гальчинский ввести должность вице-премьера по агропромышленному комплексу. Кандидатуры на эту должность у меня не было, и я сказал: «Предлагай!» Так появилась фамилия директора Института аграрной экономики Саблука, с которым я до этого ни разу не встречался. Решили пригласить Петра Трофимовича вместе с группой ученых-аграриев в Администрацию Президента, чтобы обсудить вопросы села. Я присутствовал на этой встрече, и Саблук мне очень понравился. Потом было совещание аграриев. Я предложил ему выступить. Аудитория встретила его выступление аплодисментами.

В тот же день я подписал указ о новом вице-премьере. И это было очень удачным назначением. Рыночные реформы аграрного сектора наиболее интенсивно развивались при его участии. Впоследствии Саблук стал Героем Украины, и это заслуженно. Больше бы таких специалистов!

Возможно, этот пример и не вспомнился бы, ведь такого рода кадровых решений было очень много.

Даже самые злобные мои оппоненты не могут обвинить Кучму, что он решал кадровые вопросы (а это основа государственной политики) исходя из кумовских соображений. К сожалению, этого не скажешь сегодня. Трагедия, по большому счету, кроется в этой области. То, что произошло в период формирования новой власти, похоже скорее всего на патриархальные устои. Во всяком случае это не XXI век. Думаю, за этим кроется неуверенность в себе, неуверенность в правильности своей политики. Это ужасно.

5 декабря

Я создал «Энергетическую компанию Украины», куда вошла вся энергетика страны, кроме атомной. Во главе этой компании поставил Дубину. Он стал быстро наводить там порядок. Наладилась устойчивая работа, сократилось воровство. Когда хозяйствующим субъектом выступает министерство, воровство неизбежно, и воровство страшное. Потому что министерство - это государственная контора. В министерстве сидят чиновники, каждый из которых в отдельности, в общем, ни за что не отвечает. А возможности для коррупции есть, и ограничены они только размерами кормушки да аппетитами тех, кто желает к ней приобщиться.

Эта компания в известной мере является аналогом российской РАО ЕЭС. Дубина - это наш Чубайс. Новая власть, естественно, решила, что без него обойдется. Я бы на ее месте так кадрами не разбрасывался. Я ставил своей задачей развитие отраслей. Сейчас хвалятся другим: резким увеличением поступлений денег в бюджет. Да, можно собрать и больше. Позади у нас - «бесценный» советский опыт выгребания из колхозов всего урожая. Не оставляли даже на семена. Отдай в «закрома Родины». Первая заповедь - так это называлось.

Читаю, что «Нафта Украины» готова выплатить миллиард дивидендов. Там 48% акций принадлежат частному банку, 52% - государству… Прошли слухи, что даже внешние кредиты компании перекочевали в бюджет. По большому счету, это преступление.

Да, можно выгрести все, еще и с метелкой пройтись по сусекам. Ведь по такому принципу поступали и с другими госкомпаниями. Никого не беспокоило то, что таким образом мы прекращаем развитие отрасли. Сегодня надо определиться: или способствовать развитию основных отраслей народного хозяйства, или пусть они выживают на голодном пайке.

Да, у «Энергоатома» можно было забирать часть прибыли в бюджет, не достраивать ни Хмельницкую, ни Ровенскую АЭС. Да, можно было и прибыль железной дороги исправно и к общему удовольствию проедать. Но тогда мы бы не строили ни скоростных дорог, ни современных вокзалов.

Когда я стал президентом, разваливалось здание филармонии. Можно было не делать реконструкцию? Можно было. Население в массе своей не обратило бы внимания, стоит еще эта филармония или лежит в развалинах. Я пошел туда со специалистами, с городскими руководителями.

Мне говорили, что восстановить это здание практически невозможно. Но его все-таки восстановили.

Можно было не реставрировать Дворец «Украина»? Можно было. Но его реставрировали. И после этого целый год в парламенте вели следствие: почему да как, да на какие деньги это было сделано? Валерия Пустовойтенко за это даже хотели лишить премьерства.

Можно было не возрождать Дом с химерами… Но мы же все-таки страна!

Скажут, можно было обойтись без школы в «Артеке». Можно. Все можно. Но если бы люди так рассуждали, то не было бы ни Парижа, каким мы его видим сегодня, ни Лондона. Не было бы ни Михайловского Златоверхого собора, ни Успенского, ни Свято-Владимирского собора в Херсонесе Таврическом. Всюду были бы массивы серых пятиэтажек.

Я горжусь тем, что все это делалось по моей инициативе и при моем непосредственном участии. На некоторых стройках я взял на себя функции прораба. Конечно, не президентское это дело. Но я не умел руководить страной через радиообращения, хотя в этом не вижу ничего плохого. Я пришел в политику с кресла директора завода, с должности первого заместителя генерального конструктора и принес с собой соответствующие инструменты управленческих решений. Разбор состояния дел непосредственно на месте, оперативные летучки… Не знаю, плохо это или хорошо. Но таким образом мне удавалось все время держать руку на пульте управления, доводить начатое до конца.

12 декабря

Иногда я думаю, что если бы в начале девяностых годов мы знали и понимали то, что знаем и понимаем сегодня - насколько сложными будут задачи государственного строительства, нам это не только не помогло бы, а помешало. Нас тогда просто парализовало бы. Мы бы не решились сделать хоть шаг… Уверен: наша наивность, наше незнание и непонимание, наш романтизм нас тогда спасли, потому что позволили нам действовать.

Взять созданное нами в первые годы независимости законодательство. В нем было огромное количество дыр, в которые стали проникать ловкие, корыстолюбивые и не самые совестливые люди. Могли бы мы в несколько недель или даже в два-три года создать и «прогнать» сквозь наш парламент законодательство без дыр? Нет, конечно. Это было невозможно ни политически, ни просто физически. Наше счастье в том, что мы мало задумывались о дырах, о том, какие возможности они предоставляют всем кому не лень, о том, какое неприглядное будущее таким образом закладывается. Если бы мы об этом задумывались, мы бы не смогли принять ни одного закона, и страна погрузилась бы в такой хаос, по сравнению с которым беспорядок времен Кравчука - Кучмы показался бы детской шалостью.

У нас и сегодня, мягко говоря, несовершенная законодательная база. А тогда, не имея времени, а главное - опыта и соответствующих знаний, чтобы придумывать что-то свое, мы просто брали иностранные законы, переводили их на украинский язык практически один к одному, «штамповали» в парламенте и пытались по ним жить. Что же оказалось? Эти законы не предусматривали механизмов торможения и блокировки. У западных законодателей не было нужды выстраивать эти механизмы - имелось в виду, что граждане достаточно законопослушны и совестливы, чтобы нормально жить по этим законам. Среди наших же граждан нашлось немало таких, что думали только о том, как их ловчее обойти или приспособить для своих темных дел. Плюс вопиющая экономическая безграмотность.

Из рвачества и безграмотности образовалась гремучая смесь. Эта смесь послужила материалом для того «Большого Взрыва», из которого возникла Вселенная нашей хозяйственно-политической жизни. Она все еще расширяется…

Вспомнить хотя бы финансовые пирамиды облигаций. После введения гривни в 1996 году Нацбанк искусственно держал высокий курс гривни, в то время как продолжала бурно расти инфляция. Образовался довольно угрожающий разрыв между валютным курсом и реальной покупательной силой гривни. Дело кончилось резкой девальвацией гривни и финансовым кризисом. Банки Украины потеряли от обесценивания половину капитала - почти миллиард долларов.

И в этой ситуации Нацбанк и правительство (Министерство финансов) взгромоздили еще и долговую пирамиду гособлигаций. Выпускались краткосрочные облигации, по которым выплачивались баснословные проценты (порядка 100 процентов и выше!). Пирамида росла с катастрофи-

ческой скоростью: если в 1996 году облигаций было выпущено немногим более чем на 3 млрд. грн., то в 1997 году эта сумма превысила уже 8 миллиардов, а в 1998-м достигла почти 11 млрд. грн. На обслуживание пирамиды работали кредитные ресурсы коммерческих банков, сбережения населения в банках, валютные резервы Нацбанка. При этом облигации скупали в основном иностранцы.

Таким образом из Украины было вывезено несколько миллиардов долларов.

Не хочу обвинять в этом тогдашнего главу Нацбанка Ющенко и министра финансов Митюкова. Может, дело просто в том, что у них, как и у всех нас, не было опыта. Правда, в 1997 году Ющенко получил Global Finance Award как один из пяти или шести лучших банкиров центральных банков мира.

Только после того, как мы выкарабкались из тисков мирового финансового кризиса, я понял, что означают на практике краткосрочные иностранные займы под государственные ценные бумаги. Мы ведь были на грани пропасти. Думаю, когда-нибудь Украина вернется к этим событиям и даст им объективную оценку.

13 декабря

Вспоминаю некоторые подробности того, что происходило год назад.

1 декабря 2004 года Верховная Рада постановляет отправить в отставку правительство Януковича и сформировать «правительство народного доверия». 4 декабря было объявлено, что избирательный штаб Януковича возобновил работу, то есть начал подготовку к «третьему туру» президентских выборов, но снимать с себя премьерские полномочия Виктор Федорович не собирается: несмотря на требование Верховной Рады - подчинится он только соответствующему указу президента.

Издать такой указ я отказываюсь - он противоречил бы Конституции. Предлагаю обеим сторонам и обществу в целом другой план - с моей точки зрения, наиболее рациональный и, что крайне важно, безукоризненно законный. Безотлагательно принимается политреформа, после этого правительство уходит в отставку и формируется новое. Далее - повторные президентские выборы, а не «третий тур», не предусмотренный Конституцией.

Через день, около восьми часов вечера, в Мариинском дворце началось третье заседание «круглого стола». Участвовали те же лица, что и в первых двух заседаниях. Я продолжал настаивать на своем: нужна политреформа, Ющенко - на своем: сменить состав Центризбиркома, отправить в отставку правительство Януковича, внести изменения в закон «О выборах президента» (ограничение количества открепительных талонов, обязательная отметка в паспорте при получении открепительного талона, разрешение голосовать на дому только инвалидам первой группы).

Я, в общем, не против ряда требований Ющенко, но - в обмен на политреформу. И, конечно, должны быть разблокированы правительственные здания. Разговор длится шесть часов. Много раз повторяю, что правительство не может быть отправлено в отставку, потому что это незаконно. Парламент ведь в свое время принял программу действий правительства, а это означает, что оно не может быть отставлено раньше, чем через год после того, как приступит к работе. Год еще не истек. Подчеркиваю, что формирование нового состава правительства должно начаться после одобрения парламентом политреформы.

«Оранжевые» откровенно боятся, что я подпишу закон о политреформе, но наложу вето на изменение избирательного законодательства. Чтобы развеять эти опасения, я соглашаюсь подписать весь «пакет» прямо в сессионном зале Верховной Рады сразу после парламентского голосования.

На следующий день (точнее, в этот же день, поскольку «круглый стол» продлился за полночь), после новой серии парламентских консультаций, достигнута договоренность о пакетном голосовании и его особенностях. Это весьма специфические особенности. Владимир Литвин объявляет, что не подаст мне на подпись закон об изменениях в Конституции (о политреформе), пока я не подпишу закон об особенностях применения закона «О выборах Президента Украины». Чтобы я, значит, не передумал в последний момент…

Все это выглядело несолидно, унизительно, сильно попахивало саморекламой. Каждый набивал себе цену как мог…

Правда, действующая власть в моем лице тоже получила кое-что для подстраховки. Чтобы

предупредить срыв голосования по «пакету», условились путем «сигнального», то есть предварительного, голосования выяснить, набирается ли 300 голосов за «пакет», и только потом ставить его на окончательное голосование. В свою очередь Янукович в этот же день, 7 декабря, взял отпуск для завершения избирательной кампании.

Вечером я подписал соответствующий указ. Руководить правительством начал первый вице-премьер Азаров.

8 декабря был достигнут, наконец, решающий компромисс. 402 голосами был принят «пакет» законов, в котором в обмен на закон «О выборах президента» содержался закон об изменениях в Конституции, то есть о политреформе. Был избран новый состав Центризбиркома.

Об этих решениях Верховной Рады Янукович отозвался как о беспределе, беззаконии и произволе. Он таким образом не признал правомерной отставку старого и назначение нового состава Центральной избирательной комиссии. Дело в том, что в новом составе не оказалось ни одного представителя Партии регионов. «Фактически я как кандидат в президенты лишен представительства. Все это вызывает сомнения в возможности проведения честных выборов», - сказал он. Осудил Янукович и решение Верховного Суда о проведении «третьего тура». В связи с этим он недвусмысленно предъявил самые серьезные претензии «действующей власти», хотя меня еще не назвал. «Мне невозможно было устоять, и я ничего не мог сделать в борьбе с разгулом улицы, с разгулом оранжевой коричневой чумы, - сказал он. - Я ничего не мог сделать в борьбе с ними и в борьбе с действующей властью. Они объединились и сделали свое дело, и я хочу, чтобы это знали по всей Украине, что сегодня правит беззаконие, сегодня правит беспредел».

Отсюда следовало, что Янукович таки идет на «третий тур», но уже в роли кандидата не от власти, а против власти. Здесь угадывался продуманный пропагандистский ход - ход довольно наивный, надо признать. Буквально вчера был премьер-министром, вторым лицом в системе власти, ее кандидатом в президенты, а сегодня уже является ее жертвой и противником. Ясно было, что это превращение не будет выглядеть достаточно убедительным в глазах избирателей. В дальнейшем оказалось, что люди просто не обратили внимания на эту метаморфозу.

Я уж не говорю о том, что у страны после всех этих заявлений Януковича должно было сложиться впечатление, что решения «круглого стола» принимались то ли без него, то ли вопреки ему, что не совсем соответствовало действительности.

Я, повторяю, предлагал Януковичу сложить премьерские полномочия после второго тура, тем более что к тому времени он уже не руководил правительством. Эти обязанности исполнял Азаров. Я говорил Януковичу: «Ты напиши заявление и сам уйди. Все уже! Вопрос ясен и понятен. Чего ты держишься за это место? Сегодня главный вопрос не в должности премьера, а кто будет президентом». Я говорил ему это и наедине, и на заседании Совета безопасности. Он отвечал: «Нет и нет!»

Ну нет так нет. Конечно, если бы я отправил его в отставку своим указом, Майдан был бы доволен. Праздновали бы это как очередную победу над «режимом Кучмы». Точно так же были бы довольны, если бы я вопреки Конституции уволил весь состав Центральной избирательной комиссии. От меня и этого требовали… Но я имел право назначать только тех членов ЦИК, которых мне представляла Верховная Рада. Вот и все мои полномочия.

Парламент в горячке не хотел знать, что в течение года после утверждения программы действий правительства парламент не имел права отправлять Кабинет Министров в отставку.

14 декабря

Проводят опросы телезрителей и читателей газет: кто виноват в сложившейся ситуации со снабжением страны газом? На выбор предлагается три фамилии: Кравчук, Кучма, Ющенко. Вчера, в частности, такой опрос провела «Эра». Выяснилось, что Ющенко считают виноватым вдвое больше телезрителей, чем Кучму. Такими вопросами не помогают людям разбираться в деле, а только закрепляют ложные представления.

Я не сразу понял, при чем тут я. Оказывается, моя вина в том, что я закладывал основы для возникших сегодня трудностей! Уж не тем ли, что оставил в наследство цену на российский газ в 50 долларов? Или тем, что практически полностью ушел от зависимости поставок газа из России, заключив долгосрочный, до 2007 года включительно, договор с Туркменистаном?

Обсуждают, например, может ли случиться так, что российский газ мы будем покупать у ев-

ропейцев. Первое, что говоришь в ответ, - такой вариант был бы дороже. Потом спрашиваешь: а зачем у европейцев покупать газ? «Ну как же! Чтобы не зависеть от России. Вдруг она не захочет продавать его нам. А в Европу в любом случае будет поставлять. Вот у Европы и будем покупать».

Люди живут опасениями и страхами. А у страха глаза велики. Каждое сообщение с «фронта газовой войны» воспринимается как последнее и катастрофическое. Глава российского «Газпрома» Миллер вчера заявил: если до Нового года не будет подписано соглашение с Украиной, Россия прекратит поставки газа ей - перекроет кран. Это значит всего-навсего, что миссия украинского министра Плачкова в Москве пока не увенчалась успехом. Но уже готовятся замерзать. Точнее, их готовят к этому болтливые политики и СМИ.

А выход есть, простой выход: платить. Не будете платить - народ выйдет на улицу и выкинет таких правителей. И все. Уму непостижимо: знали о существовании проблемы и в течение целого года ничего не делали для ее решения. Почему? Ясно, что это для властей очень неприятный вопрос. Им не хочется, чтобы он был у всех на устах. Вот и стараются отвлечь людей, направить их внимание в другую сторону - в сторону России.

Не могу понять, почему Ющенко не отправился в Москву, чтобы решить там эту проблему на высшем уровне. Как я это делал… Я не стеснялся. Я понимал, что это надо не мне, а Украине. Срывался и ехал. Пусть считают, что еду на поклон - мне все равно. Главное - договориться, вернуться с конкретным, выгодным для нас результатом.

Конечно, россияне будут сейчас писать, что Кучма 10 лет имел преференции по газу. Наши подхватят эту тему и чуть-чуть ее подкорректируют, так сказать. И получится знакомая пропаганда: Кучма, мол, платил украинской независимостью за дешевый российский газ. А дальше разница будет только в оценках моего «предательства». Российские великодержавники будут меня хвалить, украинские националисты - ругать. Среди великодержавников будут и такие, кто скажет, что Россия напрасно платила Кучме дешевым газом за его политическую уступчивость, поскольку в итоге так ничего и не получила, кроме «оранжевой революции».

Жду с большим интересом: вспомнит ли кто-нибудь об огромном вкладе Украины - экономическом, технологическом и людском - в освоение газовых месторождений России, а также о том, что дешевый газ для Украины приносил России ощутимую экономическую выгоду? Россия не проигрывала, а, по большому счету, выигрывала, потому что экономики наших стран были тесно связаны - как говорят специалисты, «завязаны» одна на другую. Это сейчас они постепенно расходятся в разные стороны.

Тем временем украинская сторона договорилась до того, что не будет приглашать наблюдателей из СНГ на предстоящие парламентские выборы. Это заявил министр иностранных дел Тарасюк. Потом Ющенко как бы поправил его - сказал, что могут приезжать наблюдатели из любой страны.

Я убежден, что заявление Тарасюка было согласовано с президентом. Люди думают, что в коридорах власти опять произошла нестыковка. Но в данном случае скорее всего действовали по известной схеме: один высказывается радикально, чтобы посмотреть, какая будет реакция, другой - помягче, чтобы подчеркнуть свою умеренность и дальновидность. Это работа на общественное мнение. Правительственная пропаганда. Не могу назвать дальновидным ее общий антироссийский смысл. Может, считают, что таким образом они способствуют консолидации нации? Тогда это ошибка вдвойне. В наших условиях грубая антироссийская пропаганда только углубляет внутренний раскол.

Туркменбаши, конечно, тоже добьется повышения цены на туркменский газ. Третьего дня передавали, что он требует 60 долларов вместо 50, а вчера цифра подскочила до 80. Любой лидер, любое правительство будет стараться воспользоваться выгодной конъюнктурой, иначе получится, что ты действуешь или бездействуешь в ущерб интересам своей страны. Это обвинение часто используют оппозиционеры всех направлений, но очень редко оно соответствует действительности.

Вопрос о подлинных и ложных интересах страны обычно имеет две стороны. Одна - философская, идеологическая, то есть, говоря начистоту, умозрительная. Что, например, лучше: демократия или авторитаризм? А другая сторона - сугубо конкретная, материальная. Тут редко какой руководитель ошибается в определении национальной выгоды, поскольку у него имеется такой надежный и незаангажированный консультант, как рынок.

Хотелось бы спросить того же Тарасюка: так что, будете теперь вести не только антироссийскую, но и антитуркменскую пропаганду?

Для нас схемы расчетов за туркменский газ были выгодны просто до бесконечности. Я хотел бы сказать это тем людям, которые считают, что я закладывал основы нынешних трудностей. Половину цены мы покрывали товарами, а это - рабочие места, успешно работающие предприятия. Я уж не говорю про серьезный бонус. Во-первых, мы имели рынок сбыта для тех товаров, которые не пользовались спросом на мировых рынках. Во-вторых, мы имели возможность в счет оплаты газа осуществлять в Туркменистане колоссальные инвестиционные проекты. Миллиардные проекты! Масса работы! Строительство заводов, дорог, прокладка различных коммуникаций. Внушительный мост через Аму-Дарью…

И вот сейчас все эти возможности мы потихоньку утрачиваем. И самое главное: Россия становится единственным покупателем туркменского газа - и надолго. Таким образом мы теряем Туркменистан как альтернативный источник поставок газа. Садимся на одну «иглу» - российскую. Меня поносили за «сдачу» России интересов Украины. Но именно я снял свою страну с одной «иглы», когда договорился с Туркменбаши. Теперь мои политические противники усаживают Украину опять на одну «иглу» - и при этом выставляют себя защитниками украинских национальных интересов. Обыватель, конечно, не знает, что я снял Украину с «иглы», да и зачем ему эти детали - ему важно, чтобы в его квартире был дешевый газ, и я делал все для этого, не рекламируя своих усилий.

19 декабря

Судя по тому, что и как делается в порядке подготовки к выборам в Верховную Раду, Украина вряд ли получит достаточно профессиональный парламент. Списки блоков и партий составляются по представительскому принципу. В советское время старались, чтобы состав законодательных органов отражал социальный срез общества с упором на «трудящиеся классы»: рабочие, колхозники, военные, «трудовая интеллигенция». Иногда создавалось впечатление, что доярки в стране существуют только для того, чтобы отбирать из них «передовых» для Верховного Совета СССР, союзных республик, областных и районных советов.

Сейчас этот принцип возрождают с поправкой на время. Вместо «передовых» доярок, шахтеров, строителей, космонавтов в списки кандидатов в народные депутаты вставляют популярных телеведущих, актрис и актеров, спортсменов. Я их всех уважаю, люблю, но… тут в отношении к ним усматриваю цинизм. Демонстрируется неуважение к людям, к избирателям. К формальной стороне не придерешься. Певица имеет такие же политические права, как и юрист-специалист по гражданскому праву. А по существу, как говаривал Ленин, - издевательство. Расчет на то, что рядовой избиратель не задаст себе вопроса: ну какой законодатель, какой работник того или иного парламентского комитета получится из певицы, которая к тому же почти все время будет проводить на гастролях?

Поразительно, что это неуважение к избирателям проявляют «демократы из демократов» - победители «оранжевой революции». Получим парламент, где все решать будет несколько человек - руководители блоков и партий. Они будут указывать «биомассе» своих фракций, как голосовать по наиболее важным, принципиальным вопросам повестки дня.

С каким все-таки трудом пробивается что-то новое! Везде и всегда. То и дело происходят откаты к прошлому. Работают старые привычки. «Липовый» парламент - одна из таких привычек советского времени. Ею заражены не только руководящие слои, но и население. Иначе актеры и спортсмены не набирали бы столько голосов, сколько они все еще набирают.

Но вырабатываются и новые привычки, и не все из них положительные.

Преобладание групповых и личных бизнес-мотивов в украинском парламенте явилось одной из причин острейшего общественно-политического кризиса прошлой зимы, названного «оранжевой революцией». К этому шли не один год, и в конце концов пришли. Во второй половине 2002 года распалась фракция «За единую Украину». Донетчане решили, что раз они внесли самый большой вклад в победу «ЗаЕды» на выборах, то должны быть самостоятельной парламентской силой. С этой целью они и пошли на развал мощной и перспективной фракции. Я не приложил больших усилий к тому, чтобы остановить их, просто сказал: «Вы, ребята, делаете крупную ошибку, руководствуясь своим региональным эгоизмом».

Одно дело, когда лидер фракции представляет большое реальное политическое объединение, и другое - когда из-за его спины выглядывают элементарные экономические и иные местные ин-

тересы. Тогда получается, что депутаты, в данном случае - донецкие занимаются не политикой, а своим обычным делом, каким они занимались и до избрания в парламент. Но если вы не занимаетесь политикой, то это не значит, что ею не занимается никто, - нет, ею занимаются другие, и эти другие вас скорее всего обыграют. В итоге же пострадает вся страна.

К сожалению, мне не удалось втолковать это самонадеянным представителям Донбасса. Да вряд ли и кто-нибудь другой мог бы это сделать. Таким вещам люди учатся только на собственном опыте.

Говорят, что для участия в выборах уже зарегистрировано два десятка блоков и партий. Это вам не Германия, где на политической сцене пара больших партий и две-три маленькие. Избиратель может легко ориентироваться в этом наборе. Различия между ними по определению существенны. А какие существенные различия можно обнаружить между таким количеством партий и блоков, как у нас?

Мне трудно понять Европу. Она не желает вникать в наши особенности. Это же оттуда нас подталкивали к вредным для нас изменениям избирательной системы. Сначала рекомендовали, чтобы 50 процентов парламентариев избирались по партийным спискам, а 50 - по мажоритарным округам. Потом - чтобы все 100 процентов были представителями партий и блоков. Так мы в конце концов и сделали. Толкая нас на это (и толкая со страшной силой, как выражается Виктор Степанович Черномырдин), не принимали во внимание, что мы делаем только первые шаги в партийном строительстве, что у нас практически нет, кроме коммунистической, идеологических партий.

Иногда закрадывается мысль, что наши европейские друзья следуют принципу: чем хуже Украине, тем лучше кому-то. А мы не можем достаточно упорно сопротивляться, потому что и среди нас хватает охотников бежать впереди паровоза.

Не желают учитывать, что в Украине все только-только начинается: нет зрелого гражданского общества, нет структурированного политического поля, нет механизмов серьезного влияния «продвинутых» слоев общества на остальных.

Помню, как дал уговорить себя, что система 50 х 50 сгодится. Думалось, что это действительно подтолкнет политиков и политизированных граждан к укрупнению партий. Но этого не произошло. Следовало бы, наверное, законодательно запретить создание избирательных блоков. Пусть бы на выборы шли только партии. Может, это в какой-то мере стимулировало бы процесс их укрупнения. А так вместо уменьшения количества партий, как это произошло в Польше, когда распустили парламент, мы увидели рост. Каждый амбициозный деятель придумывает себе название партии, ходит с этим ярлыком от «тяжеловеса» к «тяжеловесу» и просится, торгуется: возьми меня в блок и предоставь мне сколько-то мест, а я тебе дам мое славное имя и, может быть, каких-то деньжат (у кого они есть).

Последними президентскими, а перед тем - парламентскими выборами мы разделили страну, и причина одна: ничем не сдерживаемый эгоизм политиков. Полная вольница. А теперь спрашиваем неизвестно кого, где же та политическая сила, которая объединит и консолидирует страну. Вот именно: где? Нынешняя «оранжевая» власть - это вчерашняя оппозиция. Как она вела себя в Верховной Раде? Она голосовала против самых нужных Украине, народу Украины законопроектов только потому, что они исходили от власти, в том числе от меня персонально. Это было безответственное поведение. У меня нет оснований ожидать, что эти люди станут более ответственными. За истекший год во всяком случае не стали. Это лишний раз показало, что безответственность - категория в данном случае не только политическая, а, я бы сказал, психологическая.

И почему- то так получается, что Запад нас все время подталкивает не к порядку и культуре, а к хаосу и всяческим проявлениям политической незрелости. Что мы слышали на протяжении десятка лет от всех этих Международных валютных фондов и Мировых банков? «Быстрее проводите приватизацию, быстрее делайте то-то и то-то, иначе кредитов не дадим, сотрудничать не будем» -и т. д.

Странная какая-то неспособность или нежелание считаться с объективными условиями, особенностями и возможностями страны. Своеобразный рыночно-демократический догматизм. Полная уверенность, что все зависит от президента и его команды, от их желания и уровня подготовки к деятельности по западным стандартам. Игнорируется такое действующее лицо, как население, народ. Или молчаливо подразумевается, что это действующее лицо заведомо готово к самым прогрессивным преобразованиям.

Можно допустить, что это результат непонимания наших реалий. Известно также, что на

формирование политики Запада большое влияние оказывает крупный капитал, а мне хорошо запомнилось замечание одного западного ученого, что капитал не способен мыслить стратегическими категориями. Так-то оно так, но почему-то в результате проигрываем только мы! Интересный недостаток: он ослабляет не своего носителя, а других, в данном случае - Украину.

Не в том ли все дело, что с ослабленной страной легче разговаривать? Не думаю, что они хотят, чтобы Украина развалилась. Но мне очень трудно утверждать, что они хотели и хотят ей добра. Если бы хотели добра, то давно помогли бы нашей экономике встать на ноги, а потом уже вместе с нами принялись бы «запускать» у нас демократические процессы, которые к сегодняшнему дню продвинулись бы гораздо дальше. Почему такая демократка, как Кондолиза Райс, провозгласила в Казахстане лозунг: через экономический рост - к демократическим реформам? Не идет у меня из головы этот лозунг, все не идет… Каждый день к нему возвращаюсь. Это ведь, по существу, целая доктрина. И правильная доктрина! Это огромный шаг вперед по сравнению с теми догмами, которыми нас почти буквально душили все годы нашей независимости. Но почему Кондолиза эти слова сказала в Казахстане, а не, допустим, в Киргизстане? Ответ - за читателем.

20 декабря

В начале своего первого президентского срока я ужесточил правила выезда госчиновников за границу. Спрашиваешь: зачем едешь? Он говорит: за инвестициями. За какими? К кому? Где предварительная проработка вопроса? Ответа на эти вопросы нет. А поездка - за бюджетные деньги, и как раз тогда, когда казна была пустая, и мы считали каждый доллар.

То, что творилось до 1994 года, напоминало 1917-1918 гг. Когда читаешь, сколько деятелей и чиновников Центральной рады выезжали в Европу для представительства независимой Украины, волосы встают дыбом. И как роскошно они там устраивались, как хорошо проводили время, в каких дорогих отелях проживали!…

В наших условиях действовал, ко всем прочим, фактор новизны. При советской власти выезд за границу для большинства даже весьма крупных чиновников - это было событие. Понятно, что теперь всяк старался использовать свое положение для ознакомления с миром.

Увидеть, как люди живут, - это вообще-то очень важно. Путешествие - лучший способ образования. В этом был плюс. Даже просто походить по улицам Парижа или Лондона, пожить в тамошних гостиницах, побывать на предприятиях и учреждениях - и то приобретается опыт, знания и впечатления, которые даром не проходят.

Но это можно было бы приветствовать и даже специально устраивать, если бы не пустовала казна.

Я стал требовать отчеты. Съездил - представь отчет, что выездил.

Немало усилий потребовалось, чтобы попутно прекратить самодеятельность, разнобой в заявлениях и высказываниях ответственных лиц. Не я это придумал, так работает весь мир. Но мы считаем, что это не для нас. Так мы понимаем демократию. Свобода личности, так сказать. Свобода всюду и везде - значит, и в правительстве. Свободный человек Терехин говорит, что ему вздумается, свободный человек Томенко - тоже, свободный человек Луценко - тот впереди всех… Или свободный человек Рыбачук… Все очень свободные люди. За словом в карман ни один не лезет. У каждого свое мнение по всем вопросам, и каждый не колеблется, прежде чем его высказывать.

Я все- таки не ожидал такой инфантильности от этих ребят.

Из- за чего я в свое время освободил Тарасюка от должности министра иностранных дел? Слишком много говорил от себя -несогласованно, в противоречие установкам и инструкциям президента. Пытался играть свою игру. Для него не существовало политики президента, политики государства, выраженной в писаных и неписаных директивах. Считается, что злоупотребление служебным положением - это когда чиновник залазит в казенный карман. Так чаще всего и бывает. Но есть и такая разновидность злоупотреблений служебным положением, которую я наблюдал в Тарасюке. И некоторое время терпел. Человек пытается проводить свою собственную, личную внешнюю политику, наживая таким образом личный же политический капитал. И на каком направлении прежде всего? На важнейшем, ответственнейшем направлении: на российском.

Государство, в котором допускаются такие вещи, никогда не будет пользоваться авторитетом в мире.

Фареника Сергея Анатольевича долго уговаривали, чтобы он поехал послом в Германию. Он

блестяще владеет немецким языком. В Украине у него крупная строительная фирма. Он получал выгодные подряды в странах Центральной Азии - Узбекистане, Казахстане, Туркменистане. Видимо, ему не хотелось оставлять это дело на кого-то. Я ездил в Германию, когда он уже был там нашим послом. Он очень мне понравился своей хваткой. Для него главное было - экономика. На этом я всегда настаивал во время ежегодных встреч с нашими дипломатами. Я это называл экономизацией дипломатической службы: «Буду ценить вас не по тому, сколько раз вы где-то выступили за отчетный период, а сколько денег благодаря вам пришло в Украину, какие были заключены сделки».

Не надо надувать щеки, изображая из себя творцов большой политики. Мы знаем, кто в мире делает большую политику. К сожалению, не мы. На региональном уровне мы еще что-то можем, а замахиваться на что-то большее просто несолидно.

21 декабря

Весь год делаются заявления, в том числе - руководителями МИД Украины по поводу Черноморского флота РФ. Утверждается, что Россия нарушает соглашения об условиях его базирования в Севастополе. К концу года нашли неотложное дело: провести инвентаризацию украинского имущества, которым пользуется Россия. И вот когда связь этого вопроса с «газовой войной» стала очевидной для младенцев, министр иностранных дел Борис Тарасюк заявляет, что недопустимо увязывать перспективы пересмотра условий пребывания Черноморского флота РФ на украинской территории с повышением цены на российский газ! «Отвечать громкими заявлениями о пересмотре условий базирования Черноморского флота в ответ на необоснованное требование о повышении цены на газ - эта не тот метод, которым надо решать эти чрезвычайно важные вопросы».

На кого рассчитаны эти слова? Кто, как не вы, целый год только то и делали, что увязывали эти два вопроса, а теперь говорите, что проблема «должна решаться не путем громких заявлений в прессе, а настойчивой работой делегаций»? Тарасюк перекладывает с больной головы на здоровую: «Я с сожалением констатирую, что конфронтационная линия, которая прослеживается в действиях и заявлениях некоторых российских политиков, сильно уменьшает возможности для нормального диалога между нашими странами».

Россия расценит это поведение украинского министра как издевательское, и будет, к сожалению, права.

В обществе тем временем гуляют мифы… Судя по их содержанию, мысль многих активных наших граждан направлена на то, как и чем «прищучить» Россию за повышение цен на газ.

Меня огорчает это заведомо ложное направление. И очень тревожит. Современные цивилизованные страны не оперируют такими категориями в своих отношениях. Но это - правительства. А общественность, политизированные обыватели, те продолжают мыслить, как подростки, занятые своими уличными «войнами».

Вдруг заговорили о станциях слежения на территории Украины, которыми пользуется Россия. Если, мол, закрыть их для России, она окажется беззащитной в военном отношении. Это совсем не так. В распоряжении России есть мощная станция в Белоруссии, в Могилеве, в Азербайджане. Могут быть найдены и другие, пусть не такие, как наши, но достаточно приемлемые. Сопоставлять нашу зависимость от российского газа с российской зависимостью от наших станций слежения за пусками ракет просто безграмотно. Если же такое сопоставление будет вынесено на официальный уровень, то это будет свидетельствовать о полной неадекватности украинского политического руководства.

Не хочется об этих вещах даже думать, а думается… Сколько можно провоцировать Россию? Это сложная и трудная для нас страна. Такова правда. С Москвой можно и нужно вести себя твердо. Когда надо - давать отпор тем силам в России, которые никак не могут оставить имперские, великодержавные, «евразийские» фантазии. Но не заниматься провокациями! В Кремле это вызывает пока что недоумение, я точно знаю. Но Кремль не привык и не станет привыкать к тому, что его специально дразнят. От недоумения он может перейти к действиям.

Руководитель любой страны вынужден считаться с настроениями и в обществе, и в своем окружении. А это настроение формируется по своим законам, и не всегда предсказуемо.

В среду я встречался Черномырдиным. Он улетает в Москву по семейным делам. «Не одну неделю, - говорит, - прошусь на прием к президенту Ющенко. Не принимает». У меня это не укла-

дывается в голове. Молю Бога, чтобы информация об этом не проникла в печать. Черномырдин пока хранит тактичное молчание, хотя мог бы, в духе гласности, поделиться с общественностью… Представляю себе, какой шум поднялся бы в России.

Насколько я могу судить по некоторым репликам моих собеседников-россиян, Москва не ожидала, что Украина, руководители ее внешней политики и украинские средства массовой информации (даже самые серьезные из них) кинутся увязывать газовый вопрос с российским Черноморским флотом и нашими станциями слежения. Слишком уж несопоставимые весовые категории. Профессионалы не могут делать вид, что не понимают этого. Так думали в Москве.

А наши киевские «профессионалы» превзошли самих себя в непонимании того, на каком свете находятся. (Это, конечно, не значит, что сам по себе вопрос об условиях аренды решен раз и навсегда, что мы не должны стремиться к их пересмотру, скорее - наоборот).

Ситуация, пожалуй, достигла точки кипения. Россия уже ни при каких обстоятельствах не отступит от своих решений, иначе это будет удар по престижу прежде всего Путина. Ему скажут: что ж ты, дорогой, поставил вопрос о цене на газ ребром - и тут же положил его плашмя?! Ясно же, что когда Путин делал заявление о новой политике России в ее ближнем зарубежье - политике рыночного прагматизма, то это однозначно было решение не одного президента, а всего политического руководства страны - правительства и парламента.

26 декабря

Три года назад, в мае 2002-го, вскоре после парламентских выборов, мне передали любопытное письмо. Оно пришло из Харькова в одну из редакций, автор - пожилой человек, инженер. Сегодня я перечитал это письмо. «Прошедшие на Украине выборы ознаменовались мощным наступлением люмпен-политиков. Как известно, люмпен - это человек, для которого закон не писан, который свободен от таких понятий, как личная честь, достоинство, авторитет государства в мире, правила приличия. Люмпенство в Украине сейчас приносит больше пользы в политике, чем административный ресурс. Не выдвижение каких-то рациональных программ, а возбуждение в избирателях низменных чувств зависти, озлобления и ненависти к власти - вот главное в агитации «демократов».

На практике это происходило так. Перед людьми появляется «демократ» и после вступительного слова демонстрирует кассету, на которой Мельниченко говорит: «Кучма приказал убить Гонгадзе, Черновола, Гетьмана, Витренко. Он убивает всех, кто мешает ему грабить Украину, отправлять в зарубежные банки миллиарды долларов». Вторая часть этого шоу - зажигательная импровизация на тему: «Нами управляют убийцы и воры». Третья часть - восхваление В. Ющенко. Это - мессия, призванный вывести Украину из пустыни. В выступлениях по центральным СМИ первая и вторая части отсутствовали, но третья всегда присутствовала. Я несколько десятков раз слышал: «Ющенко вывел экономику Украины из кризиса и выплатил пенсии». Хотя я точно знаю, что это утверждение ложно, но под конец стал в него верить. Такова сила пропаганды. Во время этих выборов административный ресурс боролся с люмпенским ресурсом. В результате пострадали истинно демократические силы. Все они потонули в море люмпенской ненависти, возбужденной «отморозками» Мороза, Ющенко, Тимошенко… Людей не информируют о том, чего же хочет Ющенко сегодня. А хочет он в должности председателя правительства назначать губернаторов, сохранив за собою статус лидера «демократической оппозиции», не запятнавшего себя сотрудничеством с властью. Он хочет руководить правительством, не отвечая за результаты его деятельности. Вернее, хорошие результаты - приписать себе, а плохие - «темным президентским силам». Он хочет быть и при власти, и в оппозиции к власти. Разумеется, этого ему не позволят.

Сейчас люмпен-политики готовятся к предстоящим выборам президента. Ремонтируются старые кассеты, изготовляются новые. В 2004 году мы будем иметь люмпен-президента кассетного разлива. Вблизи эти люди, ей-богу, отвратительны. Старая номенклатура лучше. Они хотя бы прикидываются респектабельными».

Не знаю, было ли напечатано это письмо.

27 декабря

Самая успешная в Центральной Азии страна, я думаю, Казахстан. Он набрал обороты благо-

даря нефти. В Казахстане при советской власти была создана кое-какая промышленность. Это не Туркмения, где не было ничего. Казахстан по территории почти в пять раз больше Украины. А население - меньше 17 миллионов. Назарбаев пошел на серьезную аграрную реформу. Он, по существу, отказал сельскому хозяйству в дотациях: выживайте как хотите. И аграрии выжили. Выжила в том числе и бывшая целина. Государство не оказывало материальной помощи, но оно и не грабило свою степь, создало для нее благоприятные экономические условия.

Когда заходит разговор о Центральной Азии, возникает вопрос о различиях в политике Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Туркмении, Таджикистана. Этот вопрос часто обсуждался и во время наших встреч. Я имею в виду встречи лидеров этих стран и Украины.

Назарбаев никогда не возражает против каких бы то ни было объединительных идей со стороны России. По крайней мере вслух.

Ниязов о чем-то подобном и слышать не желает.

Каримов - тоже. Он ярый сторонник независимости, готов на любые муки ради нее. Человек волевой и чрезвычайно трудоспособный. Он, по-моему, живет без отпусков. Однажды приезжал на неделю в Крым, и это, кажется, все. Независимость для него превыше всего, и как раз поэтому он впустил к себе американцев. Ему реально угрожали талибы. Не давали расслабляться и свои исламисты. В Узбекистане религиозная ситуация сложнее, чем у его соседей. Строить и отстаивать светское государство Каримову, пожалуй, труднее всех. Талибы стояли на границе, у единственного моста. Был момент, когда Каримов боялся, что могут перейти и напасть.

После каждой моей встречи с Ниязовым домашние и друзья активно расспрашивают: «Ну, как он? Что за человек? Вот он запретил своим гражданам ставить желтые зубные коронки. Тебе не смешно? Не спрашивал его, с какого «бодуна» это пришло ему в голову?» Общаться с ним, отвечаю, мне всегда комфортно, хотя о коронках и подобных вещах с ним вести разговоры бесполезно.

Отчасти я его понимаю. Мне тоже больно смотреть на желтый металл во ртах моих соотечественников и вспоминать, что когда-то это было очень модно. Будь моя воля и будь Украина другой страной, я, может быть, тоже запретил бы ставить такие коронки.

На все вопросы и недоумение своих домашних и друзей я отвечаю так. Почему мне не должно быть комфортно общаться с хозяином страны, которая идет навстречу моей стране, понимает ее трудности и нужды, старается помочь, не имеет потаенной мысли, при этом, естественно, не упуская своей выгоды? Туркменбаши - значит Отец всех туркмен. Он помог нам пережить один из тяжелейших периодов в нашей постсоветской истории. Да за это я готов назвать его Отцом всех украинцев - меня не убудет. Хорошие отношения между нашими странами - это во многом результат наших личных отношений.

Однажды Ниязов обратил внимание, что я рассматриваю его статуи. Они расставлены повсюду так, что их нельзя не заметить. Я помалкиваю с неподвижным лицом, а он вдруг говорит: «Если народ хочет - пускай стоят».

Отчасти я понимаю этот народ.

Я приехал первый раз в Туркменистан в 1993 году премьер-министром Украины. Посмотрел на Ашгабад - мне дурно стало. Самое настоящее захолустье. Кругом грязь и запустение. Двухэтажные в основном здания… Это при том, что отсюда выкачивали для всего Советского Союза столько газа! Туркмен просто опускали за черту бедности. Люди жили преимущественно в пустынях. Городского населения было очень мало. Средства из союзного бюджета вкладывались только в добычу газа, больше ни во что. Инфраструктуры - ноль. И посмотреть сегодня - это небо и земля. Нагляднейшее доказательство того, что, оставайся они в составе Советского Союза, влачили бы жалкое существование до бесконечности.

Не знаю, почему Ниязов ведет себя, как арабский шейх. С большой уверенностью хочу сказать, что - вряд ли потому, что ему так нравится. Не думаю, что в душе он всегда был шейхом и обрадовался, когда судьба позволила ему реализовать свое внутреннее содержание. Не думаю! По своему воспитанию и опыту жизни он обыкновенный советский человек, как и я. А я себя считаю пусть во многом и советским, но цивилизованным, современным человеком.

Может, Ниязов таким образом проявляет свой дух противоречия перед бывшими товарищами по многонациональной советской номенклатуре. Или так понимает свою обязанность идти навстречу пожеланиям своих сограждан. А может быть, у него есть какая-то своя стратегия, свой план построения современного, но оригинального туркменского общества. У него русская жена.

Я обращаю внимание на практические результаты того положения, какое занимает Ниязов в своей стране. Он един во всех лицах: он и президент, и премьер-министр, и завхоз. Но только поэтому в Туркмении и появился собственный капитал. Правда, сколотить его в общем было не очень трудно: земля дает - бери. Но все равно нужна была личная решимость руководителя, политическая воля.

На сколько лет хватит газа - другое дело. Сейчас добывают 60 миллиардов кубов. Хотят больше, проводят большие исследования запасов. Построены новые заводы, фабрики, дороги.

Доволен ли Ниязовым народ, я с полной уверенностью не могу сказать. У меня не было возможности общаться с людьми без посредников и свидетелей. Но такие вещи, как бесплатный газ, бесплатная электроэнергия и много чего другого, я думаю, не могут не нравиться. Запросы там у людей пока не такие высокие, как у нас. Народ наверняка почувствовал и оценил разницу между жизнью в Советском Союзе и в Туркменистане Ниязова.

Свои стихи он мне не читал, но книги дарил. По моим понятиям, это умные книги, кто бы их ни писал. Одна из них, к примеру, называется: «Ученье - счастья свет». На мой вкус, она содержит мудрые, но не оригинальные мысли. Вместе с тем, очевидно, некоторые даже прописные истины в устах человека, чрезвычайно много сделавшего для своей страны, воспринимаются гражданами этой страны иначе, чем нами. В книге говорится: «Ученый - хозяин науки, общество - хозяин ученого». Или: «Учиться никогда не поздно, потому что уму, в отличие от плоти, не свойственно стареть». Думаю, для туркмен эти «мудрые мысли» могут значить больше, чем те же самые мысли, изложенные по-европейски. Вывод же, к которому Ниязов приходит в своей книге, весьма практичен: «Мы не добьемся расцвета туркменской науки, если в корне не изменим систему образования. Советская школа отстала от требований дня, она изжила себя. Ее главный недостаток - скольжение по жизни, а не проникновение в нее… Наука в нашей стране должна превратиться во всеобщий интерес, в судьбу народа».

Вместе с тем совсем иначе выглядит тот же Ниязов, когда, скажем, выступает с трибуны ООН или в своих статьях для международной аудитории. Иначе - по стилю. Но не по духу в своем отношении к родному Туркменистану и миру вокруг него. «Корень зла не в фатальной несовместимости мировоззрений и ценностей Запада и Востока, а в том, что сохраняющаяся пока система международных экономических отношений в ее нынешнем виде более не соответствует политическим реальностям и потребностям населения земли. Мы поддерживаем усилия по созданию принципиально новой, недискриминационной модели взаимоотношений между большими и малыми государствами, индустриальными и аграрными, о налаживании широкого межрегионального сотрудничества». Это - из статьи Ниязова, приуроченной к Ассамблее ООН в 2000 году.

Он может часами говорить об истории Туркменистана и окружающих его земель. У него не вызывает сомнения, что туркмены когда-то были самыми цивилизованными в Центральной Азии. Он гордится тем, что они доходили до Кавказа. Сам Ниязов, конечно, нерелигиозный человек, но аллах в его стране занимает подобающее ему место. С помощью арабов Ниязов построил красивые и богатые мечети.

К Украине Ниязов всегда относился с огромным уважением.

Вообще все в СНГ к Украине относились намного теплее, чем к России. У нас, украинцев, на постсоветском пространстве была особая роль. Это была роль морального притяжения для остальных стран СНГ. К нам все тянулись, все без исключения.

В мои первые президентские годы лидеры стран СНГ мне постоянно говорили, что если Украина не выдержит, то им дальше делать нечего. Имелся в виду реальный статус государственной независимости, прогрессирующая экономика. Если, мол, потеряет независимость Украина, потеряют и остальные.

А Украина могла не выдержать в первую очередь по экономическим причинам. Главная причина - переход на мировые цены на энергоносители. Скачок. Отрицательный баланс - до 12 миллиардов долларов!

Стоит отметить, что государство у Туркменбаши - светское все-таки. А он имел, казалось бы, все возможности устроить что-то наподобие иранского государства, тем более что с Ираном у Туркменбаши общая граница.

Во второй половине 90-х главное для меня было - найти альтернативный источник газа для Украины. Таким источником мог быть только Туркменистан. То, что мне удалось договориться об этом с Ниязовым, считаю своей большой удачей и победой. В начале 1998 года я побывал у него и

вернулся с пакетом подписанных документов (числом, кажется, 19) об украинско-туркменском сотрудничестве в различных сферах. Главным было межгосударственное соглашение о поставках туркменского газа в Украину до 2007 года в объеме 30 млрд. кубометров ежегодно. Туркменистан согласился продавать, а Украина - покупать газ на туркменско-узбекской границе по 32 доллара за 1 000 кубометров.

Это была победа, конечно, не над Ниязовым. Украина ему тоже была интересна - интересна тем, что, установив связи с ней, он избегал излишней зависимости от России. Вообще, должен сказать, россияне не должны обижаться, что никто не хочет быть в зависимости от них, что все, от Эстонии до Украины, с самого начала прилагают большие усилия для того, чтобы не просто чувствовать себя независимыми, а быть реально независимыми. Это в природе всякого полноценного государства.

Если бы Россия вела себя по отношению ко всем своим соседям идеально, если бы у них не было ни малейшего повода для настороженного отношения к ней, они все равно блюли бы свою независимость.

Россия тогда брала туркменский газ по 12 долларов. Это очень мало, но Туркменбаши был в таком положении, что ему некуда было деваться: газ есть, а покупателей нет, если не считать Армении с Грузией, но тем было нечем рассчитываться.

Мы предложили ему большую цену, и все равно с выгодой для себя, потому что она была намного ниже, чем российская - для нас. Но договориться с Туркменбаши - только половина дела. Он продает нам газ на границе с Узбекистаном. Значит, надо решить вопросы транспортировки через Узбекистан, Казахстан, Россию. Пришлось договариваться с руководством этих стран. Это было трудное и в высшей степени деликатное дело. За спиной каждого из моих партнеров маячила тень России с ее очевидными и, в общем, естественными интересами. Интересы вот какие: закупить по возможности весь имеющийся в этой части мира газ и навсегда (что ей во многом и удалось - правда, только в 2004 году), а также стать единственным транспортировщиком.

Как- то прилетаю в Узбекистан, а там, оказывается, только что побывал глава «Газпрома»…

Бывало и наоборот: прилетает куда-то человек из Москвы, а там, оказывается, уже побывал я. Наши договоренности с тем же Туркменбаши явились для Москвы неожиданностью.

Все они очень разные, режимы и лидеры бывших республик Средней Азии. Особняком стоял президент Киргизии Акаев, интеллигент, физик, который большую часть жизни провел в России. А Назарбаев, Каримов - это волевые единоначальники, волкодавы. Пусть меня извинят мои коллеги за такое выражение. Могу, кстати, сослаться на то, что в одном романе Солженицына очень интересно и доходчиво сказано о положительном значении слова «волкодав». Собаки, как известно, делятся на волкодавов и людоедов. «Волкодав прав, людоед - нет», - говорит один из героев Солженицына, имея в виду человеческие натуры. Особняком стоял президент Таджикистана, самый молодой из них. О трудностях, испытаниях, что выпали на его долю, на долю его страны, надо писать отдельную книгу.

Страны у них серьезные, в том смысле, что там есть полезные ископаемые, в Казахстане - просто неимоверные. Есть определенные человеческие ресурсы. Есть большое, твердое чувство национально-государственного достоинства.

Москва, наверное, никогда не научится это понимать и учитывать. В этом я усматриваю не столько ее имперские комплексы, сколько мелкотравчатость ее высшего чиновничества. Без ельцинской широты политического мышления таких вещей не постигнуть.

За кажущейся простотой того же Ниязова стоит сила колоссальная! Ее надо видеть и чувствовать. Его сила увеличивается всемирной силой, силой современности, никому не позволяющей захватить или как-нибудь по-другому поставить на колени хоть Туркменистан, хоть Кувейт. Назарбаев - тоже титан. Врожденный политик с большой буквы. Поэтому каждый в своей стране действует по-своему, каждый старается идти своей дорогой, у каждого своя идея и своя гордость. Или сначала своя гордость, потом - своя идея. И свои проблемы, свои успехи и поражения. Казахстан, например, всегда следовал правилу «ласковый теленок двух маток сосет». Каримов - тот более прямой, а Назарбаев - изощренный политик. Он всегда аккуратно подписывал любые решения на уровне СНГ, зная совершенно точно, что толку от них все равно не будет. Мы то и дело устраивали истерику, в результате только попусту портили свои отношения с Россией. А зачем? Не надо было… Надо было - как Назарбаев.

Взять таможенный союз между Россией, Казахстаном и Белоруссией. Он давно заключен, но

только на бумаге. Наяву, в натуре, его нет. Знал Назарбаев, что так будет? Безусловно. Лукашенко мог не знать, но только потому, что он, наверное, не считает нужным знать, что оно такое вообще, таможенный союз между кем бы то ни было. Он знает другие вещи, для него более важные.

Я эти вещи тоже всегда знал - может быть, раньше, чем Лукашенко. Россия в лице ее высших чиновников страшно самонадеянна, высокомерна и в то же время (наверное, как раз от этого!) невероятно беспечна, бесшабашна и доверчива. Слова для нее значат больше, чем дела.а Историки мне не раз говорили, что это старинная черта не только России, но многих империй.

Почему же я, понимая все не хуже Лукашенко и не хуже Назарбаева, часто упирался, не ставил свою подпись там, где они поставят и тут же забудут? Потому что Украина - не только не Россия, но и не Казахстан и не Белоруссия. Другие размеры, другая численность населения. И, главное, другая ментальность населения, иной характер политической элиты. Украина от такой моей принципиальности только теряла, но беспринципности не простила бы.

28 декабря

8 мая 1999 года я ехал из Дома ветеранов. Это Всеукраинский дом ветеранов. Он под президентской опекой. Мы постарались сделать лучшее в Украине учреждение такого рода, образцово-показательное, как говорилось в советское время. В этих словах - правильный, безусловно, положительный смысл. Создать образец для подражания. Показывать его людям, чтобы они учились. По образцу этого дома устроены дома ветеранов практически во всех областях. Они, конечно, беднее, но жизнь в них по крайней мере не унизительна для человека.

Каждый год я ездил в этот дом поздравлять ветеранов с Днем Победы.

На обратном пути - звонок в машину. Я остановился. Говорит Путин: «Леонид Данилович, тут идея возникла. Ты не будешь возражать, если мы послом России в Украине назначим Черномырдина?» Я немного опешил. «Я, - говорит Путин, - понимаю, что он бывший председатель совета министров, глава правительства Российской Федерации, так что у него должен быть особый ранг. В связи с этим назначу его одновременно моим специальным советником по внешнеэкономическим вопросам».

Я не долго думал, соглашаться ли. Конечно, соглашаться!

Предыдущий посол был карьерный дипломат. Знаем мы, что такое карьерные дипломаты… Кроме составления шифровок в Москву о том, кто и где плохо отозвался о России, ничего не делал. Экономические вопросы его особенно не интересовали.

А для меня главное было - экономика. Я вставал и ложился с одной мыслью: как снять экономические барьеры между Украиной и Россией? Понятно, что с этой точки зрения назначение к нам Черномырдина было большим подарком. И я не ошибся, когда так расценил решение Путина. Считаю, что свою задачу Черномырдин выполнил в интересах и России, и Украины - полностью выполнил, блестяще, и даже перевыполнил.

На это нельзя смотреть с позиций сегодняшнего дня. Сегодня все, в общем, уже утряслось. Что-то продается дешевле, чем хотелось бы, что-то покупается дороже, чем хотелось бы… Это такие вещи, на которые просто несолидно смотреть через призму коренных национальных интересов.

Когда в Украине появился Черномырдин, между нашими странами, по существу, не было упорядоченных экономических отношений. Не было главного - системы хозяйственных связей. Мы с ним работали своеоб рыночно-демократический разными посредниками между нашими экономиками. Цены, пошлины, квоты, договора о поставках… Каждое наше решение в этой области становилось прецедентом, закладывало определенный порядок.

Знаю, как к нему относились и относятся «руховцы», многие представители интеллигенции. Признаю, что он давал немало поводов для недовольства. Мне на стол ложились письма и записки от людей, считавших, что Черномырдина надо или раз и навсегда призвать к порядку, или попросить из Киева. Когда я получал такие записки, то жалел, что в силу своего положения не могу как следует объясниться с их авторами. Вопрос очень деликатный. Не все можно сказать, не все - рассказать. Наши критики Черномырдина никогда не смотрели на главное. Для меня в отношениях с Россией через посла Черномырдина на первом месте была экономика и еще раз экономика. Я рад, что у президента России возникла идея назначить Черномырдина послом в Украине. Для меня Черномырдин - это человек, с которым я в повседневном режиме занят расчисткой и обустройст-

вом того «хоздвора», той необъятной погрузочно-разгрузочной площади, того торгового майдана, где встречаются экономики наших двух стран. И когда я окидываю взглядом этот майдан, то вижу: дела там идут неплохо, работа у нас получается. Значит, с моей колокольни, Черномырдин Украину вполне устраивает, более того - он находка для Украины.

А писатель Х. или народный депутат Н. (а если они еще в одном лице, то тем более!) видят только то, что Черномырдин в какой уже раз допустил недипломатическое выражение.

Черномырдин знает каждый закоулок на этом майдане, и я знаю там каждый закоулок. Мы с завязанными глазами не заблудимся в торговых рядах. Мы без слов понимаем друг друга, потому что мы, во-первых, оба хозяйственники, производственники, а во-вторых, каждый совершенно четко представляет интересы своей страны и будет торговаться, как говорится, до потери пульса, чтобы интересы его страны не пострадали. Это получается и у него, и у меня, хотя интересы у нас часто не совпадают. Почему получается? Потому что мы очень хорошо знаем эти интересы. Мы не обходимся без экспертов, но мы и сами эксперты - будь здоров! Ведь обычно недоразумения и потери возникают там, где у сторон нет полной ясности, где не хватает компетентности, где из-за этого вклиниваются какие-то досадные привходящие обстоятельства.

Но не будешь же каждый день и каждому это все объяснять и иллюстрировать! Это обычная повседневная работа. Ты работаешь не тогда, когда тебя показывают по телевизору на каких-то мероприятиях, а тогда, когда тебя никто не видит.

Примерно та же проблема и с оценками министров, губернаторов, других заметных должностных лиц. Особенно - губернаторов. Это проблема разных критериев и подходов. Общественность и ее шумные представители видят больше внешнюю сторону. Это электоральный подход. Мой же подход - в первую очередь хозяйственный.

Для народного депутата и писателя Н. ничего не значит тот факт, что, допустим, Харьковская область хорошо управилась с севом и показала отличные темпы промышленного роста в первом полугодии. Он может и не знать, когда там проходил сев, и какая там промышленность. Он не видит связи между этими фактами и личностью губернатора Кушнарева. А для меня эта связь очевидна, и это для меня главное. Я знаю, в чем заключается прямая заслуга Кушнарева. Я знаю, чего ему стоит каждый успех. Кушнарев на протяжении ряда лет держал область в порядке. Сказанное поймет тот, кто знает, в каком состоянии была промышленность Харькова в середине 90-х годов, когда 90 процентов предприятий вообще не дышали, и в каком состоянии она сегодня.

Можно судить по конкретным показателям. Область при нем шагнула вперед очень серьезно. Можно посмотреть просто по самому Харькову, по тому, как он выглядит. Конечно, мы этому городу помогали, и очень существенно, но если нет хозяина, никакая помощь ничего не даст. Там есть интересное здание - Госпром.

Когда Харьков был столицей Украины (1917-1934 гг.), в нем планировалось возвести несколько «гигантов конструктивизма». Если не ошибаюсь, смогли построить только один настоящий гигант. Его назвали Домом госпромышленности. В нем были размещены все республиканские тресты и управления отраслями промышленности. Во Всемирной архитектурной энциклопедии здание Госпрома иллюстрирует статью «Конструктивизм». Госпром - символ Харькова и символ этого стиля. Жалею, что мы с Кушнаревым не успели в полном объеме обновить его к юбилею города. Боюсь, что теперь не скоро дойдут до него руки.

Харьков - один из самых интересных городов Украины в архитектурном отношении. Он развивался так, как большие европейские города.

Мне удалось добиться, что в большинстве губернаторских кресел при мне оказались сильные личности. Приходится читать, что Кучма не терпел возле себя сильных, ярких людей. Посмотрите на того же Гриневецкого. Что, слабенький, серенький? Новая власть добирается и до него… В прошлом году область впервые собрала больше трех миллионов тонн зерна. Никогда за всю историю она столько не собирала. Была засеяна вся земля. Вся! К сожалению, западные области, при всем патриотизме руководства, актива и населения, не могут похвастаться такими результатами. Был создан хороший запас нефтепродуктов, так что весенние полевые работы прошли, как по часам. Вот что значит хозяин, вот что значит Гриневецкий!

А «оранжевые» ребята имеют в виду одно: он, как и Кушнарев, громко выступил в Северодонецке, на «сепаратистском сборище».

Я знал, для чего подбирал на губернаторские и иные важные посты таких людей, как Кушнарев, как Гриневецкий, Куницын (Крым), Вышиванюк (Ивано-Франковск), Ефремов (Луганск), Со-

рока (Ривне), Яцуба (Днепропетровск). Они люди сложные, могут сделать что-нибудь такое, что многим не понравится. Или даже мне первому… Но я их подбирал не для того, чтобы они всем нравились, а для того, чтобы область или отрасль под управлением такого работника успешно развивалась. И за успехи на этом поприще я многое ему прощу, и буду держать до последней возможности, какие бы ошибки он ни совершил. Потому что найти на место руководителя области такого человека, при котором она будет управляться с севом, сбором налогов, выполнением экономических планов, - страшно трудно. Эти люди в любом государстве на вес золота. Так было при советской власти, так и сейчас.

Я смотрю показатели области, и за ними вижу работу губернатора, его способности.

А общественность часто судит по внешним проявлениям: как он говорит, какие о нем ходят слухи, в сторону какой партии он склоняется. Это все имеет, конечно, значение, но не это главное.

В общем, моему пониманию недоступна та легкость, с какой Ющенко стал расставаться с работниками «кучмовского режима», достойную замену которым он может не найти никогда. Если не ошибаюсь, Сергей Гриневецкий, кстати, был в советское время самым молодым в Украине первым секретарем райкома партии, то есть главой администрации, хозяином района. Для меня это серьезная рекомендация.

Как- то подумал, что на президентское кресло в 2004 году должны были претендовать в первую очередь такие политики, такие труженики, как Кушнарев и Гриневецкий. Украина выиграла бы от этого. Возможно, и я виновен в том, что вовремя не подтолкнул их к такому решению. Хотя убежден: свое последнее слово в политике они еще не сказали.

29 декабря

Купить наш металлургический комбинат, работающий на экспорт, или построить несколько сборочных заводов - нет вопросов. Это западные инвесторы сделают быстро и аккуратно. А чтобы вложить большие деньги в нашу авиацию, ракетно-космическую отрасль, в высокотехнологическое машиностроение, в электронику - не будет этого, не дождемся.

Нас толкают на копирование «польской модели». Ее всячески прославляют, пропагандируют. А что такое «польская модель»? Не выпускать ничего своего - ничего высокотехнологичного. Так западный крупный бизнес представляет себе польское участие в международном разделении труда. В стране нет по сути крупного национального капитала, а значит, нет и субъектов международной конкуренции.

Мне было стыдно - стыдно за страну! - слушать вождей «оранжевой революции», когда они обещали родному народу, что вот-вот придут с Запада толстосумы и устроят в Украине ту жизнь, которую обещал советскому народу Никита Хрущев. На дворе ведь не 1955 год, а 2005-й - и такая демагогия, такое «шапкозакидательство»…

«Вы же все украинские политики, вы же столько говорили о нашем суверенитете. Почему вы теперь не думаете об этом? О чем вы будете рассказывать своим детям и внукам? Где ваше государственничество? Если хотите - где ваш национализм?» - хотелось не раз сказать. Кучма был плохой. Ладно - поносите меня, но зачем вводить в заблуждение людей? Зачем опять ставить их в положение тех, что верили в «советскую власть плюс электрификацию всей страны» как путь к сытой и беззаботной жизни?

Передо мной лежат сообщения тех дней.

«Мы будем иметь колоссальный прирост инвестиций - в десятки раз», - обещает главный «оранжевый» евроинтегратор Олег Рыбачук.

«Украинская власть создаст максимально привлекательные условия для привлечения иностранных инвестиций», - вторит ему тогдашний секретарь «оранжевого» Совбеза Петр Порошенко.

«Украина ожидает в этом году роста прямых иностранных инвестиций в экономику на 25 процентов - до 10 миллиардов долларов», - снова Рыбачук.

Достаточно главе Кабмина Юлии Тимошенко съездить во Францию, чтобы заявить: в результате выполнения подписанных там меморандумов Украина получит несколько десятков миллиардов инвестиций. Премьер говорит даже не о долларах - о «десятках миллиардов» в евро!

«Готов лично рассматривать те проблемы, которые возникают у крупнейших инвесторов». Это уже - сам Ющенко.

И где оно, все это - «колоссальный прирост», «десятки миллиардов евро», «лично рассматривать»?

Одно дело - заливаться соловьем евроинтеграции, иное - реально привлечь в страну хотя бы десяток миллионов долларов.

Уже в июне появляется иная тональность - СНБО вносит в повестку своего заседания «Мероприятия по улучшению инвестиционного климата». Заметьте, речь уже не идет о десятках миллиардов долларов, а лишь скромно - о «мероприятиях по улучшению условий».

А в сентябре появился Зинченко со своими разоблачениями. Тимошенко была отправлена в отставку, неутомимый евроинтегратор Рыбачук перебрался в кресло госсекретаря. И никто уже и не вспомнил о недавних обещаниях инвестиционной манны.

Как говорится, обещать - не значит жениться.

Сожалею ли я о том, что не обещал в таком стиле? Нет. Нам, безусловно, надо создать свои Оксфорды, Кембриджи, где бы студенты, кроме учебы, занимались научной работой. Но я не допускал такой демагогии, как, например, решение о государственном заказе на подготовку в вузах некоторых категорий специалистов. Мне было бы неловко подавать это как заботу власти о высшей школе, о трудоустройстве молодежи с дипломами вузов, об упорядочении системы высшего образования. Во-первых, госзаказ на подготовку специалистов ничем принципиально не отличается от госзаказа на добычу угля или выращивание свеклы. А что это такое, бывшие советские люди знают очень хорошо. На протяжении многих десятилетий все, что делалось в стране, делалось по госзаказу. Рынок был заменен большой «контрактной конторой» под названием Госплан. Что было в результате и чем все кончилось, известно. Вечный дефицит нужных вещей и избыток ненужных.

Возврат к централизованному планированию советского типа в любой форме - это нонсенс.

Дело, однако, в том, что правительство Ющенко - Тимошенко, как я мог понять, все же не собиралось совершать такой возврат. Просто решили сократить бюджетное финансирование высшего образования, но не просто так, а под видом введения госзаказа на подготовку медиков и учителей.

Когда меня спрашивали, как это понимать, я отвечал: понимать так, что на подготовку остальных специалистов государство больше тратиться не будет. Вообще есть, конечно, смысл возложить финансирование подготовки специалистов высшей квалификации на тех, кому они нужны.

Сейчас в промышленности преобладает частник. Само собою разумеется, что он и должен заботиться обо всем, что ему нужно для производства, для получения прибыли. В том числе - и о кадрах любой квалификации и любого профиля. Внести эту ясность необходимо, но заниматься демагогией, подавать это как проявление государственной щедрости, по-моему, не обязательно. Во всяком случае я бы не додумался. Я бы сказал все как есть. В системе высшей школы отсутствует должный порядок. Заказывают подготовку специалистов ограниченное число предприятий. Масса молодых людей с новенькими дипломами, подготовленными на основе того же госзаказа, никому не нужны. В стране девятикратный «запас» молодых юристов, экономистов, а инженеров не хватает. В последнее время, правда, количество желающих получить техническую специальность резко возросло, и важно, чтобы эта тенденция не заглохла. Это разговор деловой, переводить его в пропагандистскую плоскость - популизм. В связи с этим вопросом вспоминается сумская история. В Сумах, как и в стране в целом, явно назрела необходимость сокращения числа вузов. Во всяком случае тех, которые пользуются государственной поддержкой. Для такого города и такой области более чем достаточно одного сравнительно крупного университета. Мы попытались осуществить этот замысел и столкнулись с сопротивлением, которое с самого начала приобрело политический, революционный характер. Я с большим унынием следил за развитием событий в Сумах.

В Украине насчитывается более тысячи вузов разного уровня. Из них 330 - университеты. Сколько из них имеют право так называться? Вопрос риторический. Распыляется госзаказ на подготовку студентов, преподаватели оказываются перегруженными, кафедры - малочисленными. В итоге выпускники многих так называемых университетов по уровню знаний не всегда дотягивают даже до уровня «пересічного» випускника советского техникума. Вижу здесь и свою вину.

Но что делать? Можно бесконечно разводить руками, а можно попытаться что-то изменить. В Сумах попытались - взялись объединить вузы: госуниверситет, госпедуниверситет и аграрный университет. Не жирно ли для небольшого областного центра - три университета? Но, поспешив и

допустив ряд поверхностных решений, провалили дело, чем воспользовалась «оранжевая» оппозиция. При этом на многие годы дискредитировали саму идею объединения вузов По крайней мере - в Сумах. В знак протеста против объединения вузов студенты предприняли поход прямо на Киев.

Что мешало терпеливо объяснить им, что не будет массовых увольнений (разве что сократят лишних персональных водителей да секретарш)? Почему никто заблаговременно не предупредил: не будут для всех студентов вводиться обязательные платные курсы, не будут выселять из общежитий и многое другое? Ничто не мешало. Тем не менее инициаторы благого дела вместо того, чтобы убеждать, взялись вызывающе демонтировать гербы и надписи на фасаде госуниверситета, срывать таблички на библиотеках. Чего стоит обещание тогдашнего губернатора Щербаня преподавателям самого «несогласного» вуза - госуниверситета: «Чем больше будет бузы, тем больше будет проблем». Или заявление Александра Царенко, назначенного руководителем нового вуза: «Можете считать меня идиотом, но я буду ректором, а Янукович - президентом».

Вполне вероятно также, что не все объясняется одной поспешностью, что из объединения вузов кто-то собирался извлечь «шкурную» пользу. Щербань и его люди действовали не лучшим образом. Но само-то объединение было бы разумным шагом! Об этом красноречиво свидетельствует зарубежный опыт создания крупных национальных учебных и научно-исследовательских центров.

31 декабря

Может, от «оранжевой революции» и жизни после нее одна польза: яснее стало, как важно дать возможность стране нормально развиваться, не делить украинцев на «наших» и «не наших». Иначе распри никогда не закончатся. Если сегодня победитель будет открыто радоваться, что придушил своих противников, то через два-три года они поменяются местами, потому что отменить выборы уже никто никогда не сможет. И что это будет за жизнь? Это хуже, чем в неволе, а в неволе лучшие из зверей не размножаются.

3 января

К сожалению, значительная часть времени президента уходит на представительство: он посещает и устраивает приемы, наносит визиты, произносит дежурные речи, своим присутствием подчеркивает важность всевозможных мероприятий, которые или не имеют никакого отношения к делу, или - весьма косвенное. Утомительно, но необходимо, а иногда и полезно: в дежурную речь иной раз можно вложить что-нибудь более или менее значимое.

Припоминаю подготовку к торжествам по случаю открытия Года России в Украине (2003). 2002-й был Годом Украины в России, и мы должны были дать, так сказать, ответный бал. Я прикидывал, как построить свое выступление во Дворце «Украина». Оно должно было отвечать традиционной важности момента, но звучать по-современному, без особой фальши. В политике это вообще нелегкое дело, а тут в голове - неотвязная мысль о газовой трубе и о других таких же далеко не праздничных реалиях жизни.

В черновике заготовленной в аппарате речи я вычеркнул, например, советское слово «дружба», заменив его более принятым в международной практике и более точным словом «добрососедство». Мне сказали, что в России это может быть воспринято как вызов. Я ответил, что публика ведь не будет знать, какие слова я вычеркнул. Для спекуляций просто не будет материала. Российская пресса оценила мое выступление как достаточно холодное, однако на отсутствие «дружбы» не обратила внимания. Зато было замечено, что я предложил россиянам соревноваться в построении демократии и гражданского общества.

Почему историки бывают более объективны в оценке деятельности руководителей государств, чем современники? Историков больше интересует то, что руководитель сделал, а не то, чего не сделал. Они судят по документам - по указам, законам и подзаконным актам, по отчетам об их исполнении, по статистическим показателям. Современники в своих суждениях и оценках руководствуются настроениями, своими и чужими впечатлениями и верованиями и, что имеет огромное значение, - ожиданиями и надеждами. Историк от своего персонажа ничего не ждет, ни на

что в связи с ним не надеется.

Понятно, что мне, как и всякому на моем месте, хотелось бы, чтобы мою деятельность оценивали по тому, что я сделал, а не по тому, чего не сделал. Ведь, кроме прочего, в суждение о том, что ты не сделал, а должен был сделать, человек вкладывает свое личное понимание, что такое хорошо и что такое плохо, что нужно, а что не нужно.

Это суждение предельно субъективно. Коммунист, например, проклинает меня за то, что я не только не попытался вернуть ему советский социализм, а наоборот, всячески препятствовал такому развитию событий. Идеологически противоположная сторона, та в свою очередь уверена, что я мог и обязан был меньше считаться с коммунистами и другими слишком «советскими» людьми и силами. И оба не сомневаются, что только моей «преступной безответственностью» можно объяснить то, что я не сажал всех и всяческих взяточников и коррупционеров по мере их появления, не давая им укрепиться.

По степени осведомленности, по знанию подоплеки событий, по объективности оценок всякий управляющий стоит ближе к будущему историку, чем управляемые. Он знает то, что они могут узнать значительно позже или не узнают никогда. Михаил Сергеевич Горбачев вскоре после августовского путча 1991 года сказал, что некоторых вещей, связанных с этим событием, он не сообщит никогда и никому. Кто-то в связи с этим задал вопрос Александру Николаевичу Яковлеву, одному из отцов перестройки, как понимать это высказывание Горбачева. Яковлев ответил: «Так и понимать. Не скажет никогда и никому».

Много раз приходилось читать очень глубокие рассуждения о тех политических или государственно-политических мотивах, которыми я руководствовался при увольнении какого-нибудь важного лица. Рассуждения такие глубокие, что я сам бы в них поверил, если бы не знал совершенно точно, что освободился от данного деятеля совсем не по тем причинам, о которых пишет пресса, а почти по противоположным, часто - сугубо этическим, отчего и не могу называть фамилии.

Вот назначаю я на важную государственную должность молодую женщину. Знает дело, очень энергичная, привлекательная, очень правильно и убедительно обо всем рассуждает, в печати выступает с хорошими статьями. С первых дней чувствуется ее присутствие в руководстве, подает хорошие законопроекты, квалифицированно ставит препоны перед плохими законопроектами. Но проходит некоторое время, и я подписываю указ об освобождении этой женщины, которая уже успела стать популярной в стране. Меня спрашивают, почему я это сделал. Некоторые возмущаются, говорят о моем самодурстве, о том, что она чем-то не угодила мне лично, была, мол, плохо управляемой, слишком принципиальной. А настоящую причину знают только несколько человек. И ни они, ни я никогда ее не огласим.

Дело в том, что эта принципиальная, популярная, высококвалифицированная особа использовала свои большие способности не совсем по тому назначению, что требовалось. Работала на государство, но не забывала при этом себя.

Отрицательное отношение значительной части или большинства населения к лидерам журналисты выражают в таком слове, как «режим». Правильно это слово относить к порядкам, которые устанавливаются лицами или группами лиц, пришедшими к власти незаконным или сомнительным путем. Но с помощью этого слова выражается негативное отношение и к другим, вполне легитимным, руководителям. «Режим Сталина», «режим Хрущева», «режим Горбачева», «режим Кучмы». «Долой преступный режим Кучмы!» - кричали на «оранжевом» Майдане, кричали и задолго до Майдана.

Ющенко сокращал этот клич до «Долой преступный режим!» Правда, не всегда. Например, во время теледебатов с Януковичем перед «третьим» туром в декабре 2004 года он сказал: «Я готов повторить сегодня, что главной проблемой для развития Украины является преступный режим, извините, Кучмы - Медведчука - Януковича. Достаточно доказательств этого тезиса».

Я не совсем понял, что в этом контексте означало слово «извините». За что «извините»?

Есть такое выражение: «коридор возможностей». Чем дальше человек от власти, тем шире кажется ему этот «коридор». Толпа считает его вообще беспредельным. Человек же власти (особенно - высшей власти) ощущает коридор возможностей плечами. Это в самом деле почти физическое ощущение. Но свойственно оно не всем, кому дается власть. Поэтому руководителю чаще, чем остальным людям, следует повторять известную молитву: дай мне, Господи, сил свершить то, что я могу, смирения - перед тем, что я не в силах свершить, и мудрости - чтобы отличать одно от

другого. Так, кажется.

Когда Ющенко особенно громко и, так сказать, чистосердечно распространялся про «злочинну владу» и «преступный режим», я был готов попросить Господа дать таки Виктору Андреевичу порулить - чтобы он услышал, что будут говорить о его «режиме» и о нем самом через больший или меньший промежуток времени.

5 января

Снова вспоминал сегодня свою «конституционную» ошибку 1996 года. Никак не могу ее забыть и простить себе, потому что в результате потерял возможность должным образом влиять на парламент - возможность, которую главе государства во всех европейских странах предоставляет право, при определенных условиях, роспуска парламента. Если бы ее не совершил, эту ошибку, многое могло пойти по-другому в украинской политике. Если бы не мой горячий характер…

Уезжал на пару дней в Польшу. Перед отъездом сказал: «Если завтра парламент не примет Конституцию, я сразу по возвращении подпишу указ о проведении референдума». Что и сделал… И тогда депутаты за одну ночь приняли свой вариант Конституции. Это произошло под утро 28 июня 1996 года.

Референдум я бы, конечно, выиграл, и у нас уже тогда была бы другая Конституция. Та Конституция, над которой работали лучшие умы страны, признанные специалисты в области государственного строительства, правовых систем, конституционного права, хозяйственных отношений. Та Конституция, проект которой был утвержден на заседании конституционной комиссии во главе с президентом и председателем Верховной Рады. В ней был бы предусмотрен европейский механизм роспуска парламента. Причем это был бы референдум прямого действия. Сразу после него были бы назначены новые парламентские выборы, и открылась бы новая страница в отношениях между ветвями власти. И самое главное. Мы бы не оказались перед необходимостью внесения изменений в Конституцию. Она бы работала и до сегодняшнего дня, потому что в том проекте предусматривались механизмы взаимной ответственности парламента и правительства.

Как обычно, в политических кругах с наибольшей охотой рассуждали о том, что потерял и что приобрел после «конституционной ночи», с одной стороны, президент Кучма и председатель парламента Александр Мороз - с другой. Спортивный подход, может быть, и не преобладал над политическим, но резче бросался в глаза. Или лучше говорить не о спортивном подходе, а коммерческом, в категориях торга. Отмечали, что я уступил часть своих полномочий по контролю над правительством, а взамен получил «практически полную безнаказанность» и крайне усложненную процедуру импичмента. Также - продолжение президентских полномочий… аж на 4 (четыре!) месяца. Я был избран в июле 1994 года. Таким образом, следующие президентские выборы должны были состояться в июле 1998-го, а в соответствии с новой Конституцией - в октябре 1999 года.

Моим выигрышем сочли и то из «переходных положений» Конституции, которое позволяло мне еще в течение трех лет издавать указы по экономическим вопросам, не урегулированным законодательством. Хотя все прекрасно понимали, что это не выигрыш, а дополнительная ответственность.

Главным выигрышем Александра Мороза считали, собственно, то, что он удержался на своем месте председателя парламента. Если бы дело дошло до референдума, то он явился бы по существу выражением народного недоверия парламенту, а значит - и Морозу, со всеми вытекающими отсюда политическими и организационными последствиями.

Мне предлагалось праздновать победу, которую кое-кто называл одной из главных в моей политической жизни. Но праздновать мне не хотелось. Процитирую себя:

«Много чего состоялось в эту историческую ночь. И попытки Мороза отключить линию правительственной связи, которой пользовались мои представители в сессионном зале Верховной Рады, и разжигание страстей депутатов, вынужденных на ходу искать компромисс между своими убеждениями и потребностями государства, и попытки Лазаренко через депутатов из его фракции «Единство» в полчетвертого утра под шумок протянуть положение о том, что правительство может назначать и отправлять в отставку не Президент, а парламент. За эту ночь была выполнена работа, которую вообще нужно было делать все то время, что было отпущено на конституционный процесс, причем работать со свежей головой, а не со «спичками в глазах». Из самого текста видно, что депутаты были не слишком внимательны и пропустили целый ряд противоречий: например,

там отмечено, что все граждане равны перед законом и перед Богом, и сразу дан перечень самых широких привилегий депутатов - неприкосновенность и другие. Но если серьезно, то итоговый вариант Конституции, принятый под утро 28 июня 1996 года, несет на себе следы и спешки, и страха, и компромисса».

Процитирую и Дмитрия Табачника, бывшего в то время главой моей администрации:

«Я звонил Президенту каждые полчаса и сообщал ему о том, какие статьи приняты, а какие нет. Где-то между полвторого и двумя часами ночи «нашелся» и присоединился ко мне премьер Павел Лазаренко. Он был порядком уставший… Павел Иванович сразу же обвинил меня в заговоре с Морозом. Мол, я с ним ночью собираюсь лишить Президента его полномочий. В связи с этим Лазаренко решил внести «свою лепту» в конституционный процесс, собираясь отключить свет и воду в Верховной Раде (он выяснил, что система управления находится в подвалах Кабмина), в расчете на то, что, испугавшись, депутаты разойдутся. Я перезвонил Леониду Даниловичу и сообщил ему об этом. Президент стал на мою сторону, согласившись с тем, что это дико и нецивилизованно. Также через свою фракцию «Единство» Павел Иванович часа в четыре утра намеревался изменить статью, в которой говорилось, как назначается и снимается премьер-министр Украины. В нашей формулировке она звучала приблизительно так: «Президент назначает премьер-министра при согласии Верховной Рады и освобождает его», а Лазаренко хотел, чтобы был принят вариант: «Президент назначает и освобождает премьер-министра Украины при согласии Верховной Рады». Если бы эта норма была принята, то Президент не смог бы снять ни Павла Ивановича, ни любого другого премьер-министра. Я позвонил Леониду Даниловичу, разбудил его и рассказал ему об этом. После чего Кучма «нежно» переговорил с Павлом Ивановичем, и вопрос был снят. Где-то под утро я позвонил Леониду Даниловичу и сообщил ему, что Конституция принята. Вскоре ко мне в кабинет вошли мои замы и сказали: «Мы победили». Я спросил: «Кого?» Если Мороза, то нет, потому что Конституция была по-настоящему компромиссной, а если здравый смысл, то да, частично удалось».

Я сразу же приехал в парламент и поздравил депутатов с историческим событием: рождением Конституции независимой Украины. Во многих описаниях и толкованиях «конституционной ночи» меня огорчала предвзятость и поверхностность. Делали упор на то, что я, пусть и с потерями, расширил и укрепил свою власть, добившись превращения Украины в президентско-парламентскую республику, хотя она по сути таковой и была, а глава государства был и главой исполнительной власти.

В чем тут предвзятость? В том, что мне приписывалось неудержимое стремление к власти как к самоцели. А в чем поверхностность? В том, что упускалась из виду заметная ущербность получившегося гибрида. Ну разве можно считать полноценной власть президента в президентско-парламентской республике, если он не может ни при каких обстоятельствах распустить парламент?х связей. Мы с ним работали своеоб рыночно-демократический Это - с одной стороны.

А с другой - вспомним, что я предлагал сделать парламент двухпалатным. Что представляла бы собой вторая палата? Это было бы собрание представителей регионов, избранных от всех территорий на основе равного представительства. Сразу бы резко возросла роль регионов. Эта палата служила бы фильтром, который задерживал бы безответственные, спекулятивные и просто безграмотные законопроекты, принятые первой палатой. Ну, скажите, как можно, зная об этом моем предложении, утверждать, что я ничего так не хотел, как усилить свою власть за счет парламента? Разве не очевидно, что я хотел весьма и весьма существенного повышения роли и качества, профессионального уровня парламента Украины?

Правда, есть одно «но». Наличие мощного регионального представительства усиливало бы парламент в целом, но… в определенном смысле ослабляло бы председателя нижней палаты и его заместителей. Такой вот замечательный парадокс. Замечательный - с точки зрения интересов страны и скверный - с точки зрения личных интересов известных политических фигур.

О перипетиях принятия Конституции 1996 года написано и сказано до сих пор, наверное, не меньше, чем будет сказано спустя десять лет об «оранжевой революции». Разница только в том, что первое событие меньше интересовало народные массы.

А ведь конституционные перипетии той ночью не закончились!

5 марта 2003 года я отправил в парламент законопроект (№ 3207) о внесении изменений в Конституцию. Суть и цели этих изменений: переход к парламентско-президентской республике, двухпалатный парламент, формирование правительства парламентским большинством, реальное

право президента распускать парламент, принятие законов на референдумах, проведение президентских, парламентских и местных выборов в один год. Главным в моем законопроекте сочли то, что поправки вносятся не конституционным, а простым большинством голосов. Это, мол, дало бы возможность мне и пропрезидентскому большинству контролировать весь ход конституционной реформы. Опасались и того, что власть получила бы дополнительное время для расстройства рядов оппозиции и компрометации ее лидера.

После обсуждения в Верховной Раде и в регионах я снял такие пункты, как двухпалатный парламент, сокращение количества депутатов и принятие законов референдумами.

Александр Мороз противопоставил моему проекту свой, соавторами которого были объявлены 164 народных депутата Украины.

Разницу между двумя проектами мои оппоненты сформулировали так: оппозиция хочет усовершенствовать Конституцию 1996 года, хотя и предусматривает переход к парламентско-президентской республике. Я же, мол, желая вроде бы того же, стремлюсь не к созданию нового политического режима, а к сохранению старого.

Не знаю, насколько внимательно читали эти и другие проекты юристы и политологи, писавшие такую, с моей точки зрения, чепуху. В чем почти уверен, так это в том, что уж один-то человек не читал. Этот человек - Виктор Ющенко. Я много раз встречался и с ним, и с его соратниками: «Слушайте! Вот вы активно выступаете против моего проекта. Но я ведь вижу, что вы его не читали». Там закладывалась очень сильная модель. Президент ни в коей мере не терял своих полномочий. Он получал право роспуска парламента. За ним был весь силовой блок, Министерство иностранных дел, право назначать Генерального прокурора даже без согласования с парламентом. То же - и губернаторов. Что еще нужно главе державы?! Я говорил: «Вы бы прочитали, подумали, прежде чем подозревать президента в том, что он хочет ослабить власть своего преемника!»

Но они действовали бездумно, по принципу: раз это предлагает Кучма, мы должны быть против.

Потом появился так называемый вариант Медведчука - Симоненко. Основные положения моего варианта в нем были сохранены, но часть полномочий президента были вычеркнуты или ослаблены.

Предлагаю на досуге сравнить оба варианта (а кому нечего делать, то и три, и сколько их там было).

Я шел с открытым забралом, не играл в прятки, был откровенен. Направляя свой вариант в Верховную Раду, прямо говорил, чего хочу этим добиться: покончить с безответственностью парламента. Это был самый большой негатив, заложенный Конституцией 1996 года. Мне было важно утвердить реальную деловую взаимозависимость парламента и правительства. Чтобы было так: есть парламентское большинство, и есть правительство, созданное этим большинством. Правительство подает в парламент проекты законов. Парламентское большинство обеспечивает принятие этих проектов. Не обеспечило - коалиция разваливается. У президента появляется право роспуска парламента, так что коалиция по определению заинтересована в своей дееспособности. Ведь иначе - роспуск.

6 января

Сегодня страсти кипят, в общем, те же, что и в 2003-2004 гг., да и во все времена у всех народов. Это страсти по власти. Но конкретная обстановка уже другая. Люди могут вспомнить (положить перед собой в виде документов) то, что говорилось два-три года назад, и оценить это все с нынешней точки зрения.

Оппозиция во главе с Ющенко, Тимошенко, Морозом своего добилась - Конституция была изменена далеко не совсем так, как предлагал я, будто бы желавший только продления своего «режима» и больше ничего. И что оказалось? К чему пришли?

Взять, к примеру, пропорциональную систему. Пропорциональная выборная система по-украински - это продукт нашей незрелости. Уродливый гибрид. Я был категорически против него и подписал соответствующий закон только потому, что в пакете с ним шла политреформа. А перед тем несколько раз накладывал на этот закон вето. Закон о выборах народных депутатов на пропорциональной основе был принят 25 марта 2004 года (авторы - Николай Рудьковский, член фракции СПУ, и Юрий Ключковский, член фракции «Наша Украина»). Фракции коммунистов и социа-

листов заявили, что если не будет принят этот закон, то они не проголосуют за конституционную реформу. Закон установил: 1) трехпроцентный барьер для прохода партий в Верховную Раду, 2) избрание народных депутатов на пропорциональной основе в едином общенациональном избирательном округе, который разделяется на 225 территориальных избирательных округов, 3) введение закрытых партийных списков.

Страшно далеки они от народа, от настоящей демократии - так можно оценить эти пункты, если видеть нашу действительность такой, какой она есть. При отсутствии настоящих партий парламентариями становятся «темные лошадки», которых вводит туда лидер, собравший голоса не под партийную программу, а под свою персону.

Те же самые лица, что громче других обвиняли меня в «авторитаризме», проталкивали закон о пропорциональных выборах партийно-списочного образца вкупе с запретом на межфракционные миграции. Так закладывались основы для внутрипартийной диктатуры, для возникновения парламентской «семибоярщины» - когда пять-шесть партийных лидеров смогут все решать, а дело «рядового» депутата - нажимать, не рассуждая, на кнопку. Истории с изъятием у депутатов карточек для голосования всем известны.

Я опасался, что реально сложится ситуация, когда можно будет выдавать ровно столько карточек, сколько партий (блоков) пройдут в парламент, - по числу их лидеров. То, что закрытые партийные списки стимулируют торговлю местами в них, было ясно, как дважды два.

Чего в данном случае хотели коммунисты, социалисты и «нашеукраинцы» на словах? Дать толчок развитию многопартийной системы в Украине и, по возможности, ослабить «административный ресурс», то есть лишить власть возможности продвигать своих людей в мажоритарных округах. А чего они хотели на самом деле? На деле они хотели провести в парламент людей, которые никогда бы туда не попали, если бы каждый из них избирался не в толпе, не в составе списка, а сам по себе.

Я согласился на этот вариант, повторяю, потому, что в пакете с законом Рудьковского - Ключковского шла политреформа. Но меня, можно сказать, «кинули»: реформа-то шла, да не прошла.

24 декабря 2003 года за предварительное одобрение законопроекта № 4105 о внесении изменений в Конституцию (он предусматривал избрание президента парламентом в 2006 году, а в 2004 году президент должен был избираться всенародно на полтора года) проголосовали 274 народных депутата. «Нашеукраинцы» во главе с Ющенко объявили это голосование нелегитимным (голосование происходило поднятием рук - так как оппозиция блокировала трибуну и работу спикера). 3 февраля 2004 года на внеочередной сессии Верховная Рада проголосовала за постановление, которым изъяла из проекта изменений в Конституцию № 4105 норму об избрании президента парламентом. За это проголосовали 304 народных депутата, включая и социалистов. А 8 апреля 2004-го, во время решающего голосования за внесение изменений в Конституцию, табло высветило цифру 294. Не хватило шести голосов.

Вот и верь после этого людям!…

Кто виноват, что тогда не хватило этих шести голосов? Говорилось, что виноват Янукович. Он, мол, уже видел себя президентом, и его фракция не случайно недодала 8 голосов за политреформу. Некоторые указывали на Медведчука: он, мол, плохо поработал с парламентом, не заручился нужным количеством голосов, не достиг таких договоренностей, которые не могли бы быть сорваны. Или (ходило и такое мнение), наоборот, слишком давил на депутатов, вел себя с ними, как со своими подчиненными. В результате, мол, взыграл депутатский дух противоречия.

Такую претензию высказывал Литвин. Он всегда требовал, чтобы Медведчук вел себя с парламентом так, как не вел себя сам Литвин, когда был на месте Медведчука. Точка зрения определяется местом сидения. Отсюда пошло мнение, что политреформа просто стала заложницей не вполне приязненных личных отношений Литвина и Медведчука.

От Литвина действительно многое зависело. Он публично не выступил против политреформы, но и не поддержал ее. Если проанализировать его выступления, легко заметить красную нить: заботу о достоинстве парламента. Иными словами, Владимир Михайлович защищал свое «хозяйство» от Виктора Владимировича.

Что получилось, когда Литвин стал председателем парламента? Он сразу решил, что будет служить интересам всего парламента, а не того большинства, которое его туда привело именно на эту должность. Он рассуждал, видимо, так: «Видит Бог, я не очень хотел сюда идти, но коль уж

пришел, то попробую, по возможности, действовать так, как требует Конституция».

Но парламентское большинство продолжало видеть себя командой, в которую входит и Литвин. Оно ведь - и только оно! - обеспечило его избрание председателем Верховной Рады. С этой точки зрения, он нарушил правила командной игры.

Можно ли представить себе любой европейский парламент, где спикер, представляющий интересы большинства, стал бы играть по своим правилам? Это лишний раз свидетельствовало о необходимости конституционной реформы в Украине.

На посту председателя Верховной Рады Литвин проявил ложное, какое-то абстрактно-романтическое понимание своего долга. Он заслужил аплодисменты оппозиции, комплименты критиков «режима Кучмы», которые писали, что он нашел в себе силы «распрямиться», выйти из-под опеки президента и главы его администрации, стать самостоятельной политической фигурой. Иногда он не замечал, что говорит странные вещи. «Мой долг - защищать каждого депутата. Если председатель Верховной Рады этого не делает, он попросту не нужен» (июнь 2004).

Почему каждого депутата надо защищать? От кого? Что вообще значит «защищать»? Кто возложил на плечи спикера такое бремя?

В начале того года он вдруг заявляет, что считает главной своей неудачей следующее: ему «пока не удалось добиться того, чтобы парламент стал действительно независимым высшим представительским органом». Что-то похожее на манию величия, а в действительности - отсутствие ясного понимания исторической ситуации и конкретной политической обстановки. Такая задача, как достижение подлинной представительности и независимости парламента, - это миссия как минимум пары поколений, полноценной многопартийной системы.

По ходу дел такого масштаба, бывало, целыми годами, а то и десятилетиями шли гражданские войны. А тут в 2001 году человека избирают спикером, а в 2004-м он публично сожалеет, что не смог («пока»!) превратить Верховную Раду в то-то и то-то…

В действительности многое упиралось в личные отношения. Литвин, как это говорится, плохо воспринимал своего преемника на посту главы Администрации Президента, не желал входить в его положение, забывая, что сам недавно был в его шкуре. Таким образом Медведчук оказался без приводного ремня между президентом и парламентом. Во всяком случае приводной ремень ослабился, провис, стал пробуксовывать. Литвин, все чаще выступая в роли «защитника» депутатов, осуждал «внешнее давление» на парламент. То есть он почти прямо говорил Медведчуку, чтобы тот, в сущности, перестал быть проводником президентского влияния на парламент.

Это - вещь, совершенно невозможная даже в самых развитых демократиях. Тот же президент США и его помощники целые дни и недели проводят в общении с сенаторами и конгрессменами, добиваясь одобрения своей политики и помощи в решении конкретных проблем.

Это все наша неопытность, наша инфантильность, наш юношеский максимализм…

Так возникло и нарастало напряжение в отношениях между парламентским большинством и Литвином, между Медведчуком и Литвином, а также внутри самого большинства. А когда были сделаны серьезные уступки оппозиции при распределении парламентских комитетов, можно было сказать о развале большинства. Это означало, что не увенчался успехом весь проект «За единую Украину». Или не совсем увенчался…

Оппозиция и многие депутаты, естественно, приветствовали этот процесс. Пошли статьи о том, что выдвиженец Кучмы Литвин превратился в самостоятельную политическую фигуру, о мужестве, которое тот проявил, отказавшись прислуживать «режиму», о том, что он вспомнил о душе, о Боге и решил еще в этой жизни искупить хотя бы часть своих грехов - и так далее, и тому подобное…

К сожалению, мне не попалось ни одно по-настоящему трезвое и объективное суждение. Никто не обратил внимания на противоречие, с которым ничего не мог поделать ни Литвин, при всем его мужестве, ни кто-либо еще. На посту председателя Верховной Рады Литвин оказался как прямой посланец «режима» и, по всем неписаным правилам, должен был бы поступать, исходя из этого факта.

По- моему, я ни разу не сказал Литвину главного. Его фронда стала возможной только потому, что ему это позволил «режим Кучмы», мой «режим».

Почему же я это позволил? Почему не подавил «бунт на корабле»? Потому что не видел крайней необходимости. Я позволял себе «авторитаризм» только в крайних случаях. Так было с первого и до последнего дня моего пребывания у власти. Понятно, что этого не хотели признавать

и никогда не признают такие политические силы, как коммунисты и социалисты. Я уж не говорю о демократах вроде тех, что объединились под конец вокруг Виктора Ющенко. Но непредвзятые исследователи, я уверен, должны будут это признать.

Приму как должное, если это когда-нибудь признает, между прочим, и Виктор Ющенко. Ведь он оказался на моем месте, а значит (в известной мере) - в моей шкуре. Я был президентом страны, которая никогда не знала, что такое демократия. Слепо копировать в такой стране все каноны старых демократий значило бы погубить ее. Впрочем, погубить себя она не дала бы. Она просто избавилась бы от такого президента в кратчайшие сроки, понеся, конечно, определенные потери.

Я понимал, что «бунт» Литвина не пойдет на пользу стране. По крайней мере политическую реформу он торпедирует или заметно оттянет. Но я не считал это такой бедой, для предотвращения которой стоило бы, как говорится, брать грех на душу: переходить на «ручное управление» парламентом. Тем не менее мне надо было больше заниматься этим вопросом. От начала до конца. Общаться с «проблемными» депутатами. Искать подход к каждому. Страховаться от капризов и необязательности, от предательства. Но я считал, что это будет ниже моего достоинства.

2006 год

7 января

У нас до сих пор такое понятие, что есть царь наверху, который все знает, все отслеживает, и только от него все зависит. Европа давно пришла к тому, что есть настоящие партии, и они за всем следят снизу доверху. У нас такая система появится не скоро. И вот что делать в таких условиях практически? Кто может по-настоящему контролировать чиновника даже в окружении президента? Я могу как-то проследить, чем занимается глава администрации. И то иногда весьма относительно. Не случайно я не раз напоминал журналистам, что от моего имени могу говорить только я сам, чтобы не придавали значения никаким ссылкам на меня. Но это может срабатывать в сфере публичных политических заявлений президента. А как предотвращать такие вещи в обычной рабочей повседневности? Ну, есть в моем распоряжении какие-то косвенные способы, какие-то «датчики» в виде определенных служб. Что-то рассказывают при встречах депутаты, министры, главы администраций. Но это не может заменить ту систему обратной связи, которая вырабатывалась столетиями в обычных демократических странах.

Я воспринимал это болезненно. Проходит какое-то время, и ты стороной узнаешь, что со ссылкой на тебя произведено такое-то назначение, кого-то наградили, «провернули» такое-то хозяйственное мероприятие, «утрясли» такую-то проблему, и все - совсем не так, как сделал бы ты сам. И как быть? Исправлять? Но исправить можно из тысячи одно решение, иначе ведь пришлось бы только этим и заниматься. И далеко не всегда можно исправить. Часто нельзя, просто невозможно обойтись одним исправлением.

По- хорошему -человека, который что-то неправильно сделал от твоего имени за твоей спиной, надо увольнять. А если ты его только что назначил? Всякое серьезное назначение - это действие политическое, оно учитывает расстановку сил вокруг тебя, в парламенте, в мире бизнеса, в стране вообще, какие-то внешние факторы. Доходит до того, что некоторые вещи ты просто боишься перепроверять! Перепроверка может поставить тебя перед необходимостью принять такое кардинальное решение, для которого нет ни условий, ни просто твоих человеческих сил.

Я как- то прочитал одно место в книге Коржакова. Александр Коржаков -это человек, который долго был телохранителем Ельцина, потом - начальником его охраны. Ельцин его так к себе приблизил, такую дал ему волю и полномочия, что одно время злые языки стали говорить, что Россией управляет не Ельцин, а Коржаков. Так вот, этот Коржаков, после того, как Ельцин его прогнал, выпускает о нем книгу, в которую собрал все гадости, какие только мог вспомнить или придумать. Но есть в ней и полезные места - для того, кто умеет читать между строк или может вспомнить что-то из собственного опыта. Коржаков описывает, как он собирал компромат на высших должностных лиц и приносил Ельцину. Это были материалы в основном о злоупотреблениях материального характера: один украл, другой провернул незаконную сделку, третий получил взятку за лоббирование такого-то проекта. Знаю по себе: если читать все эти материалы, больше ничего читать не сможешь. И это еще полбеды. Ты перестанешь верить кому бы то ни было, а это уже трагедия. Исходить надо из того, что вскрывать злоупотребления - святая обязанность право-

охранительных органов. Если это не так, то что-то не так в государстве, и ты должен заниматься соответствующими проблемами, а не частными случаями.

Коржаков жалуется в своей книге на Ельцина, который очень не любил такие материалы. Он часто сердился на Коржакова, говорил ему: «Опять ты мне грязь принес!» Коржаков подает это в негативном для Ельцина свете. Не сомневаюсь, что большинство обычных читателей с Коржаковым тут согласны. Президенту докладывают о злоупотреблениях в кругу высших должностных лиц, а он раздражается и не хочет даже знакомиться с материалами которые к тому же представляют собой не доносы «на гетмана-злодея царю Петру от Кочубея», а добротные оперативные, агентурные данные.

Но я понимаю Ельцина. Когда я это прочитал, то сказал, что Коржаков, конечно, смотрит со своей колокольни. У него задача - выставить Ельцина в невыгодном свете. Но в глубину проблемы он не заглянул, да и не мог заглянуть.

9 января

Кремль, конечно, должен поблагодарить нас за «оранжевые» уроки. Но преподнесли мы эти уроки ему (и не только ему) невольно и неожиданно. Во всяком случае неожиданно для меня. Перед «оранжевой революцией» я считал, что наша ситуация далека от революционной. Все дышало стабильностью. Коммунисты уже не были такой электоральной силой, как в 1998 году. Набирала обороты экономика, рос уровень жизни, сокращался уровень бедности, тенизации экономики, начинали подниматься ростки гражданского общества. Казалось, худшее, наконец, осталось позади.

Но, как пришлось убедиться на практике, именно в такие моменты бывают всплески массового недовольства. Пока люди были всецело поглощены заботами о выживании, им было не до общественной активности. А стало легче - и резко возросли требования к жизни, к руководству, вспыхнуло нетерпение, захотелось быстрых и крутых перемен. Но быстрые и крутые перемены редко бывают положительными. Нередко процесс прерывается движением вспять. В этом и состоит украинский урок.

Свою роль сыграла и организованная митинговая кампания. Недовольство не только вызревало, но и нагнеталось.

Во время выборов «партией власти» было допущено немало глупостей. Вспомнить хотя такой идиотизм, как то, например, что Центральная избирательная комиссия долго не объявляла результатов первого тура. В связи с этим мне звонил Ющенко. Я тут же позвонил Кивалову, сказал, что они делают глупость и должны это прекратить. И положил трубку. Не знаю, что там было на уме. Они жили по какой-то другой логике. Я, в общем, понимаю, по какой. Действующего президента уже не принимали во внимание. Он уже «хромая утка» - так это называется по-американски. Ориентировались на того, который, как рассчитывали, придет. Но Кивалов - юрист, ректор юридической академии. Мне казалось, он должен был бы понимать, в какие игры можно играть, а в какие - нельзя. Задерживать на пару суток объявление результатов голосования, пусть они и предварительные, - это абсурд. Тем более что такое объявление никак не влияет на результат. На пустом месте получили международный скандал.

Нелепость за нелепостью, безграмотность юридическая и политическая - все это сопровождало всю президентскую кампанию. Не все из тех, кто ею руководили, признают это. На днях опять кто-то из них сказал с большим недовольством, что победить Януковичу на президентских выборах помешал персонально я. Имеется в виду, что, мол, именно я своим вмешательством фактически сорвал создание 420 избирательных участков в России.

Да, я был поражен, когда узнал, что собираются открыть столько участков. 23 октября Центральная избирательная комиссия рассмотрела такую возможность. Народные депутаты из лагеря оппозиции, естественно, выступили против. В помещении ЦИК между ними и сторонниками Януковича завязалась драка. В тот же день на площади перед Центризбиркомом состоялся многолюдный митинг сторонников Ющенко. Вечером возле входа ЦИК произошло столкновение между депутатами от «Нашей Украины» и милицией… Вызвали волну возмущения, дали повод обвинять власть и Центризбирком во всех грехах - в том, что как раз на эти участки завезут миллион фальшивых бюллетеней в пользу Януковича.

Я еще раз позвонил Кивалову и очень резко сказал, какое у меня мнение. Тут они опомнились, и затею прекратили. Вместо 420 избирательных участков в России создали 41.

Естественно, сведения о моих звонках Кивалову просочились за стены моего кабинета. Широкого распространения это все не получило, но в самом узком кругу возникло подозрение, что я не так уж определенно хочу победы Януковича. До меня это доходило. И продолжает доходить.

Перед самым Новым годом один из моих посетителей, поздравив меня «с наступающим», сказал: «Народ до сих пор толком не знает, что операцию «420 участков в России» остановили не драки возле Центризбиркома, а вы, Леонид Данилович. А когда народ узнает, то будет считать, что именно таким образом вы - и никто другой - обеспечили победу «любим друзям». Ведь миллиона «липовых» голосов с этих участков с лихвой хватило бы, чтобы дело решилось в первом туре. И решилось бы оно в пользу Януковича». Мой собеседник добавил со смехом, что с каждым днем растет вероятность того, что народ, когда все узнает и обдумает, будет не хвалить меня за такую помощь Виктору Ющенко и его «любим друзям», а проклинать. К этому, кажется, и идет.

А пока что в поражении Януковича меня обвиняют в основном только некоторые из организаторов его президентской кампании. До сих пор не поняли того, что я им объяснял тогда. В первом туре вы, допустим, «зарабатываете» голоса в России, но перед вторым туром ваши противники отправляются в те регионы и обнаруживают, что такого количества граждан Украины там нет и не было. И объявляют об этом на весь мир с предоставлением элементарных доказательств. Опять же вопрос: если вы открываете столько участков в России, то почему не делаете этого в том же Казахстане, в других бывших советских республиках?

Я подумал: ну разве может такое большое количество граждан Украины разбрестись по России? И у меня ли одного на уме такой вопрос. Всем же известны основные иммиграционные потоки украинцев на территорию РФ - куда люди едут на заработки и где концентрируются. Так не лучше именно там и организовать все как следует, чем в каких-то городах, где непонятно, есть там украинцы или нет?

Обращения ко мне Виктора Ющенко и Плюща с просьбой навести порядок, «употребить власть» в отношении Центризбиркома - это было обращение к царю или диктатору, каждое слово которого - закон для подчиненных, а в подчиненных ходит вся страна. Ющенко и его соратники будто не знали, что ЦИК - независимый конституционный орган, что назначал его не я и не могу давать ему никаких распоряжений. Психология…

Я откровенен с читателем, и хочу, чтобы он не ловил меня на словах и на противоречиях. С одной стороны, говорю, что моя власть не распространялась на Центризбирком и называю «психологией» противоположное мнение Ющенко и, кстати, Плюща. С другой стороны, сам же рассказываю, как звонил Кивалову, пытаясь воздействовать на процесс, и кое-чего добился. Как я могу объяснить это противоречие? Наилучший выход в таких случаях - правда. В обществе, каким оно сложилось на тот момент, президент воспринимался действительно в качестве царя. От него ждали и требовали вмешательства во все дела в стране. И никому, даже таким людям, как Ющенко, не приходило в голову вспоминать о Конституции, о том, что` она разрешает президенту, а что не разрешает.

И президент не мог всегда игнорировать эту психологию. Он вынужден был использовать свое положение для влияния на процессы, потому что от него этого ждали. Если бы он неизменно уклонялся, его бы не поняли. С ним перестали бы считаться, он перестал бы быть властью, и в стране воцарилась бы анархия. Кроме конституций и законов, в жизни существуют такие вещи, как менталитет народа и сила необходимости. Именно менталитет народа и сила необходимости заставляли президента вести себя так, а не иначе.

Наконец, должно быть понятно, что вмешательство вмешательству рознь. Одно дело, когда ты оказываешь влияние своим авторитетом, другое - приказом.

11 января

Да, до сих пор приходится слышать, что в глубине души я не очень-то хотел победы Януковича. Это абсурд. Хочу подчеркнуть, что наоборот - я был уверен в его победе. Прежде всего не я один принимал решение, что Янукович идет на выборы кандидатом от власти. Когда фракции большинства Верховной Рады попросили меня о встрече для разговора на эту тему, у них уже сложилось общее мнение.

Встреча была заключительным аккордом, необходимой формальностью. От имени фракций кандидатуру Януковича предложил Кравчук.

Положение Януковича ни в коем случае нельзя было считать таким, каким было положение, например, Путина, которого Ельцин публично назвал своим преемником. Строго говоря, для Януковича не имело особого значения, что происходит в глубине моей грешной души: хочу я его победы или не хочу. В моей душе принялись копаться после победы Ющенко, когда у некоторых людей возникло, в общем, естественное желание найти виноватых в неудаче Януковича. Вот взоры и обратились ко мне.

В печати появилось сообщение о якобы имевшем место моем разговоре с Путиным на тему передачи власти сразу после второго тура президентских выборов. Путин будто бы высказался примерно так: «Это ваше внутреннее дело, но ведь вы можете уже сейчас передать власть Януковичу». Я же будто бы ответил: «Ну как же я могу отдать власть донецким бандитам?»

Такого разговора не было, и не могло быть. Путин прекрасно понимал то же, что и я, но не понимают люди, которые выпустили в печать глупую «утку». Чтобы состоялась передача власти, должна быть проведена инаугурация. Собственно, инаугурация - это и есть момент передачи власти. Инаугурация - значит введение во власть. Другого механизма Конституция не предусматривает. Проведение инаугурации Януковича затягивалось по известным причинам. Эти причины более чем уважительны: массовые официальные и неофициальные протесты, общественные волнения - все то, что получило название «оранжевая революция». Ну как форсировать инаугурацию после объявления Януковича победителем, если вы знаете, что место для проведения такого мероприятия - зал Верховной Рады - будет пустой или почти пустой?! Депутаты просто не явятся, ведь вдобавок ко всему указанное место заблокировано демонстрантами.

В определенных ситуациях возможности и потенциал президента преувеличивают как его сторонники, так и противники. Это обычное дело. Я привык к нему за десять лет президентства. И те и другие словно забывают о существовании законов. Исходят из того, что закон - это решение президента. Что он скажет, то и закон.

Вот спрашивают, мог ли я не соглашаться на проведение «третьего тура», мог ли я не согласиться с передачей этого вопроса на усмотрение Верховного Суда… Молчаливо исходят из того, что мое слово в этом случае могло бы иметь решающее значение. Это ошибка. Считаю ее в известном смысле принципиальной и показательной. Она свидетельствует о том, что люди не учитывают, при каком строе они тогда жили. Это была молодая, обладавшая множеством недостатков, но демократия. Иначе Майдан еще очень долго не мог бы заполниться людьми, недовольными результатами второго тура президентских выборов. В этом строе президент был ключевой фигурой, но он не был ни диктатором, ни абсолютным монархом.

С первых часов противостояния я ни от кого не скрывал своего мнения, но оно не могло иметь силы указа. Когда парламент принял решение отправить Януковича в отставку, он мне сказал: «Сам не уйду. Но вы можете отправить меня в отставку своим указом». - «Этого я не сделаю. Считаю, что решение парламента антиконституционно. Не хочу идти у них на поводу. Их решение однозначно политическое, а по-простому - расправа».

Янукович тоже не захотел пойти «на поводу у парламента», хотя мое нежелание и его нежелание - это были разные вещи.

Так и в случае с решением Верховного Суда о проведении повторного голосования, то есть «третьего тура». Я сказал: «Виктор, ты на «третий тур» не иди. Считаешь себя избранным президентом?» - «Считаю». - «Вот так и говори. Иди в народ и говори: считаю себя избранным президентом, поэтому в «третьем туре» участвовать не буду. Это позволит тебе считать себя непобежденным. А в условиях внутренней и международной истерии, когда на каждом углу кричат, что результаты выборов сфальсифицированы, ты «третий тур» проиграешь».

Что отсюда последовало бы? А то, что был бы не «третий тур», а новые президентские выборы. Решение Верховного Суда о «третьем туре» - решение политическое, а не правовое. Это сегодня ясно каждому. Никакой процедуры переголосования в мировой практике не существует. Можно было устроить пересчет голосов и переголосование, скажем, в Донецкой, Луганской, Львовской областях под контролем международных наблюдателей. Это было бы нормально. Но нельзя было ставить в ложное положение такую инстанцию, как Верховный Суд, который заведомо не мог принять другого решения под колоссальным давлением улицы и парламента. Ведь парламент, объявивший выборы сфальсифицированными, тем самым дал Верховному Суду такую «рекомендацию», которую тот не мог проигнорировать. Судьи боялись за свою жизнь. Или могли бояться. Недопустимо ставить людей перед таким выбором.

Повторные выборы были бы не просто полностью легитимными. Они бы хоть чуть-чуть сблизили всех участников противостояния, а не раскололи, не разодрали бы так, как это наблюдается сегодня. Скорее всего, выиграл бы тот же Ющенко. Он выиграл бы у Мороза, который наверняка стал бы участвовать, или, скажем, у Литвина.

Такой выигрыш снял бы все вопросы о легитимности его президентства. Я думаю, он и его команда совершили ошибку, не согласившись на повторные выборы. Они чувствовали бы себя после этого намного более уверенно. Но они так торопились, так хотели поскорее получить власть, что не задумывались ни о проблеме своей будущей легитимности, ни о практической реализации этой власти. Все было бы сделано юридически чисто. А так навсегда в истории останется под вопросом легитимность «оранжевой» власти.а

а Победа фракции Партии регионов, которую возглавляет Янукович, представляет эти события в особом свете. Я имею в виду создание парламентской коалиции в составе ПР, СПУ и КПУ. Если Янукович станет премьер-министром с теми полномочиями, которые предусмотрены вступившей в силу политреформой, многими это будет воспринято как восстановление справедливости. Мол, Бог правду видит. У «оранжевых» было полтора года, чтобы практической деятельностью по управлению государством попытаться, насколько возможно, развеять сомнения в своей легитимности. Они же только сгустили эти сомнения. И вот закономерный результат. 18 июля 2006 г.

Не думаю, что на повторные выборы шли бы все, кто участвовал в первых. Люди поистратились, их прежние «спонсоры» вряд ли стали бы финансировать новую избирательную кампанию, видя полную бесперспективность своих «реципиентов». Так что в бюллетене был бы минимум фамилий, и в Украине прошли бы отменно спокойные президентские выборы.

Похмелье, правда, наступило бы все равно, и в те же сроки.

В конце прошлого года ко мне заскочил один бывший однокурсник. Он возвращался из своего села, где у него дом. Это в Черкасской области. Все село, рассказывает, голосовало за Ющенко, а сейчас недоумевают: «Что на нас нашло? Он нам все время говорит про свободу слова, а мы хотим слышать от него про хлеб насущный».

12 января

Кучма вмешивается в работу правительства, парламента, занимается вопросами, выходящими за рамки его компетенции и

т. д., и т. п. Такие обвинения сопровождали весь период моего президентства.

Было. Вмешивался! А что оставалось делать, если парламент, ни за что не отвечая, тормозил реформы и вставлял палки в колеса исполнительной власти! И ведь вмешивался-то я часто по прямой просьбе тех, кто меня потом в этом и обвинял. Разве Виктор Ющенко, будучи премьер-министром, то и дело не обращался ко мне с мольбами «повлиять на депутатов»? Когда пропрезидентские фракции выразили ему недоверие, он ушел с этого поста обиженным на меня, считая, что я «как следует» не «надавил» на депутатов.

Мне припоминают интервью газете Financial Times (от 14 апреля 2001 г.), в котором я пообещал поддержку Виктору Андреевичу (а он тогда же заявил с телеэкрана, что испытывает ко мне «почти сыновние чувства»). Но я ставил ему непременное условие: найти общий язык с Верховной Радой, с депутатским большинством - иначе плодотворной работы не получится.

28 декабря 2000 года (тогда стоял вопрос об имплементации итогов референдума), выступая на первом заседании Национального совета по согласованию деятельности общегосударственных и региональных органов местного самоуправления, я как раз и указывал на необходимость «кардинальной политической реформы», которая «…позволит освободить меня от несвойственных мне функций, связанных с необходимостью часто подменять правительство (премьером, напомню, тогда был Виктор Ющенко. - **Л. К.)**, и давить на парламент для принятия тех или иных решений».

Но меня от «несвойственных функций» не освобождали, а за исполнение их продолжали клеймить! В таких случаях я говорю: это может быть только в Украине.

Провал политреформы 8 апреля 2004 года во многом определил характер президентских выборов со всей их остротой, противостоянием и расколом страны. Последнего я особенно опасался. Все то, что далось таким огромным трудом - уберечь страну от жестокой междоусобицы, в один момент могло быть разрушено. Я пытался донести до украинских политиков мысль о хрупкости

конструкции под названием «Украина». К началу XXI века все уже как-то утвердились в мысли, что Украина - одна, что стираются грани между ее западной и восточной частями. Но мне было понятно: все может обрушиться в одночасье, от одного-единственного неосторожного толчка.

Таким толчком - если не осуществить политреформу, не поднять роль парламента и правительства - неминуемо станут президентские выборы. Ведь один из кандидатов, стартовавший фактически сразу после ухода в отставку с поста премьера, уже сделал ставку на электорат Западной Украины. Таким образом, его сопернику ничего не останется, как противопоставить ему избирателя востока. Все остальное будет делом пропагандистской техники.

13 января

В Европе продолжается скандал в связи с утечкой информации, что на территории Украины, Болгарии, Косово, Македонии и Румынии якобы есть тюрьмы, где содержались арестованные американцами лица, которых подозревали в причастности к терроризму.

Не могу говорить о других странах, но в Украине такого не было и быть не могло. У нас есть одна-единственная тюрьма СБУ. Она в Киеве. Исключено, чтобы в ней содержались такие лица без моего ведома. Ко мне по этому вопросу никто не обращался. Не представляю себе, чтобы американцы могли сговориться с руководством СБУ за спиной президента страны. Уверен на все сто процентов: таких тюрем в Украине не было. Не было их при мне, не могли они появиться и при Ющенко. Иначе весь мир узнал бы о них уже на второй день, если не в тот же… У нас секреты, особенно такие, не держатся. Кто-то мне осторожно (чтобы не обидеть!) сказал, что, может быть, без моего ведома где-нибудь в карпатской глухомани, под прикрытием вековых пихт, был таки устроен тайный схрон. Исключаю! Не могу себе представить, чтобы об этом не знала или знала, да не доложила мне Служба безопасности Украины.

Насколько можно было понять, Кондолиза Райс летала в Европу, чтобы замять этот скандал. Судя по всему, не удалось. Резко высказалась Меркель, критиковала условия содержания пленных в Гуантанамо. И это - накануне ее поездки в Штаты. Настроенная развивать трансатлантические отношения, она понимает тем не менее, что потеряет популярность в своей стране, если промолчит.

Рассматриваю эту историю как один из примеров реального влияния общественности на политику, на государственные дела. В американской жизни таких примеров тоже много. Однако администрация Буша, видимо, решилась все же действовать так, будто была уверена, что можно будет утаить шило в мешке. Полеты самолетов ЦРУ над Европой с заключенными на борту в некоторых газетах называют несанкционированными. По-моему, правильно называть их негласными. Не может быть, чтобы такие вещи проделывались в обход высшего руководства той или иной страны. Но это значит, что не только американцы надеялись удержать все в тайне, но и их европейские партнеры. Кому хочется повторять прописи, может говорить в связи с этим, что политика - грязное дело.

14 января

Как можно охарактеризовать сегодняшние отношения Украины и России? Хочется сказать: никак. Но «никак» - тоже характеристика. Мне кажется, наши правители не понимают, что делают. Они не анализируют, к каким последствиям может привести их деятельность. По-кавалеристски взяли флаг в руки и объявили, что скачут вперед, на Запад. Они забыли, что скакать вперед можно только тогда, когда хорошо обеспечены тылы. Тыл - это достаточная поддержка внутри страны. Есть она? Явно нет. И при этом пренебрегают самыми элементарными правилами поведения с такой страной, как Россия.

Я могу это назвать слепотой, какой-то непонятной детской болезнью, но только не политикой. Негативные последствия видны уже сегодня. Завтра они усугубятся.

И что самое главное - такая политика приведет к уничтожению Украины как высокотехнологичной страны. Постепенно исчезнут отрасли с высокими технологиями. Останемся с металлургией, с химией…

У нас есть довольно серьезная наука. К сожалению, она финансируется по остаточному принципу. Это не вина власти, а беда страны, на которую обрушились громадные трудности пере-

ходного периода.

В чем особенность украинской науки? Она не представляет собой нечто целое. Целое она образует вместе с российской наукой. Без России нет замкнутого цикла. Если не будет общих проектов, общих разработок, наши ученые останутся без дела. НИИ и лаборатории захиреют. Ухудшение отношений с Российской Федерацией их просто убьет.

Все спрашиваю себя: почему я эти вещи понимаю, а новые руководители не понимают? Или не хотят понимать? Ющенко - финансист. Но вокруг него есть инженеры, есть хозяйственники. Когда я снимал трубку, чтобы звонить в Москву, когда я летел туда для встречи с первым или вторым президентом России, когда я принимал кого-либо из москвичей здесь, в Киеве, когда я наяву или мысленно видел звезды Кремля, - я думал о национальной экономике, об украинской промышленности и науке. Об их судьбе, об их интересах. Я не представлял себе, как может быть иначе.

15 января

Когда Юлия была премьер-министром, над нею, как я понимаю, все время довлел ее долг России, эти пресловутые 450 миллионов долларов. Во всем, что она делала, просматривалась главная задача - рассчитаться с Россией, избавиться от долга. Эта задача, эта забота мешала Тимошенко сосредоточиться и работать на Отечество. Люди вокруг нее все это видели. Смысл ее решений не был секретом для тех, кто занимался бизнесом. Она находилась в атмосфере недоверия, подозрений. Так не могло продолжаться долго.

Когда она работала в правительстве Ющенко, я ей много раз говорил: «Юля, ты находишься во власти все-таки не для собственного бизнеса! Пойми это, наконец».

Одним из тех, кто решительно настаивал на том, что ее надо убирать из правительства, был, кстати, Плющ…

После Нового года пару раз говорили с ним по телефону. Он оказался среди тех, кто не понадобился новой власти. А ведь национал-патриот. Кто тогда национал-патриот, если не он? Он за Украину горло перегрызет кому угодно. Родился на Черниговщине, мой земляк. Патриотизм в крови.

Я не могу этого сказать о многих других национал-патриотах. У них это идет не столько от сердца, сколько от политических расчетов. Мне трудно верить в национал-патриотизм, когда он вызывающий, когда он сводится к постоянным нападкам на Россию, к демонстрации враждебности к ней. Это или болезнь, или игра.

Игрой я всегда считал антироссийское поведение Бориса Тарасюка. Возможно, ошибаюсь. Возможно, он искренен, но тогда дело обстоит еще хуже. На антироссийской риторике в современной международной политике долго не протянешь. Не тот конек! Совсем не тот. Мир стал другим, особенно после 11 сентября 2001 года. С точки зрения международного сообщества, с точки зрения лидеров этого сообщества, Россия всегда будет Россией - одним из важнейших государств на планете. Вокруг нее много проблем. В ней самой проблем еще больше. У Запада, особенно у США, с ней сложные отношения. Центральная Азия - зона американских интересов, Кавказ - зона американских интересов.

Но цивилизованный мир не хочет, чтобы у России были лишние трудности. Ему нужна сильная и спокойная Россия. Он не хочет, чтобы она распалась. Он, Запад, не хочет, чтобы Украина Тарасюков дразнила Россию. Не понимать этого есть провинциализм. Провинциал думает, что его провинция - пуп земли, на который все смотрят и только о нем и думают.

Назначить Тарасюка министром иностранных дел мне рекомендовал Литвин. Они оба из Житомирской области. Вообще Тарасюк - человек достаточно профессиональный. Он работал первым заместителем министра иностранных дел, потом я отправил его в Брюссель. Он возглавил все наши структуры там: был и послом в ЕС, и постоянным представителем при НАТО. Его выдвижение происходило по «методу тыка». Можно попасть в цель, а можно и не попасть.

Я сознательно на это шел. В наших условиях кадрового голода приходилось иногда прибегать и к этому методу. А что делать, когда государство делает только первые шаги и нет отлаженной системы правильного отбора и подготовки кадров высшего звена?

Хотелось иметь на таком важном месте молодого, способного и решительного человека. Тарасюк мог оказаться именно таким, но вмешалась его идеологическая ориентация. У людей этой

ориентации какая-то генетическая предвзятость к России и то, что когда-то называлось «преклонением перед Западом».

Я могу только приветствовать критическое отношение ко всему и ко всем. Но именно ко всему и ко всем! А если к России отношение более чем критическое, а к Западу - более чем апологетическое, то где же тут профессионализм? Я много раз говорил это и Тарасюку, и всем мидовцам, и вообще - всем, кого это касалось.

К выбору решения надо относиться не идеологически, а, так сказать, инженерно. Есть проблема. Есть варианты решения: один, два, три. Каждый вариант влечет за собою такие-то результаты, такие-то последствия, плюсы и минусы. Рассматривай все варианты, сравнивай и выбирай. Семь раз примерь, один раз отрежь. Как у человека, проработавшего много лет конструктором, у меня такой подход ко всему.

А Тарасюк был работником одного варианта, одного решения. Это не было бы хорошо и в том случае, если бы он был безоглядно ориентирован, допустим, на Москву, а не на Запад. Порок не в объекте обожания, а в самом чувстве обожания. Это не инженерное чувство.

Спрашиваешь его: ну объясни, пожалуйста, почему ты предлагаешь западный вектор решения вот этой конкретной проблемы? В ответ слышишь общие слова, декларации, как на митинге: это, мол, Европа, там демократия, людям там хорошо живется. «Но ты подумай, когда мы реально приблизимся к этому уровню и какую цену придется заплатить, прежде чем сможем действовать у себя по-западному. Действовать по-западному - и не терпеть поражения, не смешить людей обезьянничаньем! Сделай соответствующий анализ. Тогда у нас с тобой будет предметный, деловой разговор, а не обмен пропагандистскими лозунгами. Кабинет Президента Украины - не для пропаганды». А Тарасюк к тому же занимался пропагандой не только в этом кабинете, что было бы полбеды, но и публично. В общем, в конце концов я просто вынужден был отправить его в отставку.

16 января

Когда Ющенко узнал в Астане о том, что Верховная Рада проголосовала за отставку правительства Еханурова, он сказал, что может распустить такой парламент: «Парламент давно не отвечает политической структуризации общества. Люди, относящиеся к тем или иным политическим силам, давно потеряли поддержку избирателей».

Это при том, что за Партию регионов (Януковича) готовы голосовать почти треть участников всех социологических опросов. Может, Ющенко просто не знает об этом?

В ответ на голосование фракции Партии регионов за отставку правительства он отозвал свою подпись под прошлогодним «меморандумом о ненападении», который заключил с Януковичем. Это объявление войны, которую будет невозможно даже начать. Ведь все главное, что предполагал меморандум, уже сделано. Ничего не вернуть, не переиграть: Партия регионов с ее активом является полноправной участницей политической жизни, репрессии против ее деятелей приостановлены и вряд ли могут возобновиться. И возникает вопрос о фракции Юлии Тимошенко. Она тоже голосовала за отставку правительства. Как наказывать ее, если вы изо дня в день только тем и заняты, что вроде бы ищете взаимопонимание с нею? Не понимаю такой политики.

Неделю назад Ющенко объявил, что «выйдет с идеей референдума» относительно политреформы, вступившей в силу с первого января сего года. Пришлось услышать от него нечто странное: будто бы соответствующие изменения в Конституцию «никто не предлагал для публичного обсуждения, для обсуждения в парламенте». Он задает вопрос: «Если мы делаем доброе дело для нации, почему мы это делаем так скрытно?»

Во- первых, из стенограмм и отчетов об обсуждении политреформы как в парламенте, так и за его стенами можно составить несколько огромных томов. Во-вторых, изменения в Конституцию могут быть внесены только парламентом, который имеет право проигнорировать результаты референдума. А вот референдум о вступлении в НАТО, результаты которого обязательны к исполнению, проводить, мол, не надо.

Один референдум заведомо бесполезен, и его-то президент собирается инициировать, другой - необходим, и против него-то президент возражает…

Весной 2003 г. я тоже предлагал референдум относительно изменений в Конституцию. Ох и досталось мне тогда от оппозиции и лично от Ющенко. «Когда я слышу о референдуме прямого действия, о его демократичности, меня это не удивляет, - говорил он. - Наверное, на Банковой не

совсем понимают всех опасностей, которые таит в себе такая форма непосредственного обращения к избирателям».

«Принципиальность», «последовательность» этих ребят не знает предела. В обществе как-то забылся, например, эпизод 2002 года. Прошли парламентские выборы, и у Виктора Ющенко с его сторонниками возникла идея ослабить власть президента. То есть сделать примерно то, что я сам предложил через некоторое время, а они отказались, потому что не хотели урезать полномочия будущего президента Ющенко. Явились ко мне с проектом меморандума. (Говорю о 2002 годе). Предполагалось, что это - совместный меморандум парламента и президента. Суть: ввести в Украине режим парламентско-президентской республики, усилив правительство и ослабив президента, и так уже ослабленного «кассетным скандалом». Подписались руководители всех фракций.

Вот когда еще начинался разговор о политреформе, и начинал его не я. А теперь Ющенко говорит, что этот вопрос нигде не обсуждался, что все, мол, делалось под ковром. Я им тогда сказал: «Ребята, так дела не делаются. Это самодеятельность, цель которой - устроить, извините, бардак в стране. Никакой меморандум не может заменить Конституцию, не может быть выше Конституции. Я - президент, гарант Конституции. Как я могу подписаться под документом, который не соответствует Конституции? Я что, должен таким образом дать вам карт-бланш нарушать Конституцию, когда вам заблагорассудится?»

Любопытный был документ… Ну, представить только: Украину превращают в парламентскую республику, а президента не наделяют даже правом роспуска парламента! И все это - посредством какого-то меморандума!! Но спустя всего год (как только я выступил с инициативой о проведении политреформы) Ющенко и его товарищи пересмотрели свои взгляды на 180 градусов. Для них превыше всего «революционная целесообразность».

Хотелось бы больше узнать о том, что произошло в Астане. В прошлую среду Ющенко встречался там с Путиным. По словам Путина на пресс-конференции, Ющенко хотел услышать заверения, что Россия исправно выполнит свои обязательства перед Украиной по поставкам газа. Путин дал такие заверения. Ему был задан вопрос, чем Россия может доказать, что Украина воровала российский газ в первые дни нынешнего года, когда российской стороной был «перекрыт кран». Путин ответил: «Мы считаем Украину близким соседом и партнером. Думаю, что в отношениях со всеми странами и такой страной, как Украина в частности, нужно выбирать корректные выражения. Что касается отношений между хозяйствующими субъектами, то они могут быть прозрачно проконтролированы международными специальными организациями».

Любопытный ответ. В переводе на обычный язык он звучит так: Украина в начале года таки «воровала» газ, и это может быть легко установлено и доказано, но будем считать, что украинская власть тут ни при чем.

Можно было ответить и по-другому. В дни, когда было сокращено поступление газа в Украину, ее предприятия, как промышленные, так и коммунальные, продолжали получать его в прежних объемах. Что это значит, сообразить нетрудно.

Далее Путин изложил свое понимание российско-украинского компромисса по проблеме поставок газа. Он подчеркнул, что эти соглашения «целиком отвечают рыночной экономике» и добавил: «Это наш общий выбор в пользу новых отношений, и он был сделан при полном уважении и учете интересов обеих сторон. Мне приятно констатировать, что за много лет мы имеем в Киеве людей, которые делают то, что они говорят».

Думаю, не только у меня вызвала недоумение последняя фраза. Надо будет при случае спросить Путина, что он имел в виду. Получается, что он критикует двух президентов Украины, Кравчука и Кучму, за то, что их слова часто расходились с делами. Не верится, что именно это он хотел сказать. Это было устное высказывание в обстановке пресс-конференции. Возможно, он намеревался вложить в свои слова скрытую иронию по адресу нового украинского руководства. Дело в том, что и Ющенко, и другие вожди «оранжевой революции» неоднократно заявляли, что между Украиной и Россией не должно быть каких-то особых отношений - только обычные рыночные, какие приняты во всем мире.b

b В развитие этого тезиса Ющенко заявил, что новое соглашение позволяет «отойти от феодальных отношений и снять подозрение друг друга в том, что Россия за полцены продает Украине газ, а Украина за полцены прокачивает его дальше».c Вот как отзывался о моем проекте политреформы Петр Порошенко - один из тех, кто не читал его, а потом каялся у меня в кабинете: «Реформа создает угрозу для конституционных полномочий кандидата на пост президента Виктора

Ющенко и затрудняет запланированный большой передел собственности. Бизнес-окружение Кучмы напрасно надеется на то, что реформа спасет их бизнес. Придя к власти, мы все у них отберем».

Вот интересно: когда американцы поддерживали «оранжевую революцию», им был известен этот план вождей Майдана? Они, американцы, очень удивились и встревожились, увидев в деле нового украинского премьер-министра Юлию Тимошенко, которая попыталась с ходу начать «большой передел собственности». А чему было удивляться? Все ведь было запланировано и тысячу раз объявлено. Не планировалось или во всяком случае не объявлялось заранее разве что только то, что между двумя главными планировщиками - Тимошенко и Порошенко - сразу же начнется такая драка, в которой победителя, скорее всего, не будет.

Это положение и было реализовано в новых соглашениях по газу. Реализовано, естественно, не к выгоде Украины. Путин этого не сказал, полагая, что всем и так все понятно. Желаете «чисто рыночных» отношений? Что ж, пусть будут «чисто рыночные»: вместо 50 долларов платите 230.

Если Путин ограничился оценкой встречи в Астане как «очень содержательной, подробной и продуктивной», то Ющенко сделал просто сенсационное заявление, что отныне Украина и Россия «строят свои отношения на базе отношений личной дружбы». Он подразумевал, как можно понять, свою личную дружбу с Путиным…

17 января

Поскольку я уже не президент, то на меня больше не распространяется совет Бориса Николаевича Ельцина не читать газет, чтобы не расстраиваться. Я так и делал. А теперь иногда читаю. Приходится привыкать не расстраиваться. Сегодня «Вечерние вести» под рубрикой «Цитата номера» и под заголовком: «Дешевый газ добывала… печень Кучмы» печатают такую заметку:

«Наконец- то злейшие оппоненты Кучмы -социалисты - сумели оценить его достоинства. Так, комментируя провальные договоренности по газу правительства Еханурова, первый секретарь политсовета СПУ Иосиф Винский признал в кругу однопартийцев:

- Кучма ценой своей печени выторговал у России газ».

Он хочет сказать, таким образом, что я пьянствовал с Ельциным и Черномырдиным, и те «по пьяни» уступали мне. Стало быть, наносили ущерб России. Байка эта, в общем, в мою пользу. Но я бы спросил Винского, чем он объясняет, что алкоголь так по-разному действовал на меня и на моих «собутыльников». Почему они под влиянием спиртного пренебрегали интересами России, а я в таком же состоянии интересами Украины не пренебрегал? Тем более что мы, как следует из его слов, шли за столом «ноздря в ноздрю» - иначе моя печень не страдала бы.

Невольно вспомнил, что Хрущев, как любят рассказывать в России, «по пьяни» отдал Украине Крым. Теперь может пойти гулять такая же сказка про Ельцина с Черномырдиным. Только сказку про Хрущева сочинили русские националисты, а такую же сказку про Ельцина - Черномырдина - украинские социалисты.

Еще вспомнил историю, которую рассказывают австрийцы про своего послевоенного канцлера. Он умер от почечной болезни. Забыл его фамилию… Он вынужден был много пить с генералами советских оккупационных войск, стоявших в Австрии до 1955 года. Генералы были, мол, «культурными» людьми. Они стеснялись вставать из-за стола, чтобы облегчиться. Вынужден был терпеть и канцлер. В конце концов он испортил себе почки, зато выторговал у своих собутыльников много поблажек для австрийцев.

В 2002 году вышли на русском языке мемуары бывшего президента Литвы Альгирдаса Бразаускаса «Пять лет президента». Он подарил мне их «на память о нашем многолетнем сотрудничестве с огромным уважением». Одно место в этой книге (на 295-й странице) вызвало у меня не только веселую, но и сочувственную улыбку. Альгирдас описывает, с какими трудностями выполнялся согласованный министрами обороны Литвы и России график вывода российских войск из Литвы. «Надо было не только всесторонне контролировать процесс, но и сохранить холодную голову, понять особенности русского характера, в некоторых случаях не жалея и здоровья для неформальной обстановки».

Может быть, Винский читал книгу Бразаускаса или знал байку про австрийского канцлера и по аналогии выдумал свою?

Да ведь и насчет бумаги о ликвидации СССР, подписанной в 1991 году Ельциным, Шушке-

вичем и Кравчуком, тоже говорят, что ее подмахнули после охоты на беловежских зубров три «собутыльника».

Языки без костей.

Но нет дыма без огня. Я не был допущен в советские верхи, но, судя по некоторым воспоминаниям, там существовало убеждение, что если хорошенько угостить какого-нибудь американца или француза, то можно добиться от него тех или иных уступок в области экономики или политики. Переводчик Брежнева описывает, как тот угощал Киссинджера коньяком и копченой колбаской на вышке во время охоты на кабанов. «Давай-давай, Генри, угощайся!» Киссинджера в своих воспоминаниях это подтверждает. Даже Аденауэр, как рассказывают, расчетливо позволял себе уходить со встреч с высшими представителями СССР в крепком подпитии. По словам президента Перу Алехандро Толедо, когда он отправляется за границу, то берет с собой сто ящиков перуанского вина. «Это вино, - пишет газета «Коммерсантъ», - ему нужно для успешных переговоров с коллегами, которых он без устали убеждает вкладываться в перуанскую экономику, в частный бизнес. И практически никто после таких переговоров не может ему отказать. Просто не в силах».

Что еще могло натолкнуть Иосифа Винского на его гадкую выдумку? Он, наверное, читал мою книгу «Украина - не Россия». Там я с большим почтением говорю о предводителе запорожских казаков Головатом - как он, по приезде в Петербург, ловкостью, веселым поведением за столом, обходительностью добился от правительства царицы Екатерины выделения на Кубани хороших земель для своего войска и сохранения казацких порядков. После выхода книги в свет появились отзывы в том духе, что вот, мол, Кучма раскрыл тайну своей дипломатии на российском направлении.

Еще раз скажу: языки без костей.

Я всегда или почти всегда готовлю пунктик, по которому сделаю уступку в особо дружеской обстановке, чтобы все выглядело спонтанно. Думаю, так же поступают все. Торгуешься по максимуму, но в запасе имеешь некий минимум, на который согласишься в крайнем случае. Что действительно бывает важно, так это не мелочиться. Тех, кто мелочится, не любят. Это не государственный подход. Тут человек проявляет не заботу о своем государстве, а свой плохой, мелочный характер. За десять лет президентства я встречал и таких.

18 января

Я понимаю позицию украинской стороны в вопросе о Российском черноморском флоте. Действительно, внятного и обстоятельного договора об использовании береговых объектов нет. Можно небезосновательно утверждать, что российская сторона допускает самодеятельность, которая противоречит украинскому законодательству. Ну, казалось бы, и ставьте об этом вопрос в обычном, в установленном, порядке. Если считаете нужным, даже подключите прессу для информирования общественности: сделайте официальное заявление, предоставьте все необходимые документы и разъяснения - и садитесь за стол переговоров с Россией.

А что мы видим? Устраивается пропагандистская «артподготовка». Подключается общественность в лице неизвестно откуда взявшихся мальчишек, готовых штурмовать маяки и что угодно. Все прекрасно понимают, как и для чего это делается. Во-первых, показать Москве с ее газом, что у нас тоже имеются кое-какие козыри для игры с нею. Во-вторых, создание выгодного для власти общественного мнения перед парламентскими выборами. Ухудшение отношений с Россией пытаются использовать во внутриполитических целях и таким образом заручиться поддержкой населения, чтобы еще больше ухудшить эти отношения.

Хотелось бы знать в связи с этим, какую роль здесь играют американцы. К чему они подталкивают президента Ющенко? Не зря же для встречи с ним в Киеве только что побывал директор ЦРУ. Не для того же он приезжал, чтобы обсудить планы совместной борьбы с международным терроризмом! Украина - не та страна, куда по этому вопросу нельзя послать менее важное должностное лицо. Нет, разговор шел о чем-то другом. Могу, между прочим, допустить, что - о каких-то пустяках. В таком случае этот визит носил демонстрационный характер. Пусть в Москве гадают, что за срочное дело заставило руководителя ЦРУ подняться в воздух и взять курс на Киев. Такие вещи иногда делаются. Тогда ближе всего к истине может оказаться как раз официальная трактовка визита как рутинного. Рутинный-то рутинный, но с определенной подкладкой.

Недавно встречался с американским послом Хербстом. По его инициативе… С большой оза-

боченностью расспрашивал меня о положении в Украине. Все время что-то чиркает на бумажке - как корреспондент, берущий интервью. Был просто обескуражен и не скрывал этого. «Что происходит? Почему такая неразбериха? Как будут развиваться события?» Я говорю: «Что ты мне такие вопросы задаешь? Я должен их тебе задавать. Это же результаты вашей работы здесь. Вы, американцы, головой думали или чем? Где вы находились? На грешной земле или витали в облаках?»

Мне кажется, свой украинский опыт они учтут в России. В Украине, пусть и против их воли, но не без их участия, чуть не дошло до распада страны. Теперь они будут больше бояться того же в России. Им не нужна взорвавшаяся и распавшаяся Россия. Правда, многие россияне (причем есть среди них и высокопоставленные лица) думают, что американцы только о том и мечтают, только над тем и работают, чтобы над всем русским миром разверзлись небеса. Глупость несусветная! Соперничать с Россией везде, где только можно, в том числе и в Украине - это одно, а разрушать ее - совсем другое, это не в интересах США.

19 января

То, что за отставку правительства Еханурова дружно голосовали фракции Януковича и Тимошенко, может оказаться знаком на будущее. Склонность к ситуативным союзам такого рода у Юлии Владимировны написана на лбу. Ничего плохого в этом вообще-то нет, но все дело в мотивах. Она хочет ослабить «Нашу Украину», с которой устраивала «оранжевую революцию». Это тоже легко читается.

Ющенко, со своей стороны, голосование в парламенте за отставку правительства назвал (в The Financial Times) политической авантюрой, задуманной для дестабилизации политической обстановки в Украине за 80 дней до выборов. «Этим политическим силам требуется шум. Это была их политическая игра. Других ценностей у них больше нет», - так он отозвался о БЮТ, блоке Литвина и СДПУ(О).

Особенно он беспощаден к Юлии: «Когда вы смотрите, как голосует БЮТ, то нет ни одной силы, которая идет больше вразрез с провозглашенными на Майдане ценностями, чем они, - начиная с законов относительно ВТО и кончая бюджетом, фискальной политикой… Голосование ее блока на этой неделе - демонстрация того, как можно предать национальные интересы». Такие оценки не мешают ему тут же заявить, что в Украине, наконец-то, воцарилась «открытая и честная конкуренция» в политике, потому что «демократические силы, демократический потенциал, демократические ценности, которые были провозглашены на Майдане, не были отданы, от них ни на йоту не отступили ни революционеры, ни люди, что стояли вместе с ним и на Майдане».

Таким образом, Юлия Тимошенко со своим БЮТом является, по словам президента, зачинщицей «политической авантюры», предающей «национальные интересы», и ее же он ставит на самый высокий демократический пьедестал и радуется, что она популярна в народе: «Если вы объедините рейтинги всех партий, что принимали участие в Оранжевой революции, то их совокупный рейтинг увеличился. Мы говорим про НСНУ, Соцпартию, Блок Тимошенко, Партию промышленников и предпринимателей и еще примерно пятнадцать других партий. Если вы объедините их рейтинги, то я вас уверяю, что доверие к ним выросло, а не наоборот».

Чем это объяснить? Как к этому относиться? Одной рукой Ющенко тащит Юлию к позорному столбу, а другой - возлагает на ее голову лавровый венок. Она для него одновременно и беспринципная политиканка, предательница национальных интересов, и светоч демократии.

И это не отдельное случайное проявление непоследовательности в мыслях и чувствах. Так настроена вся «Наша Украина», по крайней мере - ее руководство.

Не знаю, что думать. Могу только еще раз вспомнить, что Ленин с Троцким, как и прочие вожди большевистской революции в России, поносили друг друга еще более страшными словами, ненавидели друг друга не менее горячо, но продолжали вершить общее дело, выступали единым фронтом перед «классовым врагом», прославляли друг друга.

А закончили все-таки тем, что стали друг друга расстреливать.

20 января

Меморандум «о ненападении», как я его называю, между Ющенко и Януковичем в свое время просто зафиксировал патовую ситуацию. Ни у того, ни у другого не было достаточно сил для

серьезного противостояния. Но этот меморандум как бы ставил президента и его партию в положение неполного политического одиночества.

Какой бы зыбкой и условной ни была любая общая платформа, она все-таки создает хоть какое-то ощущение почвы под ногами. Маячат хоть какие-то перспективы развития политического процесса. Теперь, когда Ющенко отозвал свою подпись под меморандумом, «Наша Украина», которую он возглавляет на правах почетного лидера, оказывается не связанной ничем и ни с кем.

С Блоком Юлии Тимошенко она ведет практически неприкрытую борьбу. Мороз с его Соцпартией - союзник строптивый, амбициозный и ненадежный. У Мороза это в крови, во всей его политической биографии. Ненадежность, коварство. Одни из «Нашей Украины» это хорошо знают, другие чувствуют.

А задача перед ними стоит исключительно важная и трудная: создать крепкую коалицию если не до парламентских выборов, то сразу после них. Голосов, которые получит эта партия на выборах, наверняка не хватит для образования парламентского большинства без объединения с кем бы то ни было. У этих людей очень сложное положение. Отдают ли они себе в этом полный отчет?

Одну важную мысль они, кажется, просто гонят от себя. Это мысль о том, что парламентское большинство может быть сформировано и без них. Политическая реформа вступила в силу. Власть перетекает в парламент и правительство, которое будет создано большинством. Если «Наша Украина» останется в стороне, это будет означать, что президент окажется едва ли не в положении английской королевы. Да, у него будет право выбирать кандидатуры министра обороны, министра иностранных дел, руководителя СБУ, но утверждать их должен будет парламент. А это отнюдь не гарантированное утверждение.

Сейчас, как ни странно, больше всех над Ющенко издеваются не его политические противники, а такая «соратница», как Юлия Тимошенко. Противники резко критикуют его, а она именно издевается. Как иначе можно расценить, например, ее заявление, что за отставку правительства Еханурова она со своей фракцией голосовала для того, чтобы укрепить авторитет президента?

Но когда где-нибудь в июне может родиться коалиция без «Нашей Украины» и Ющенко фактически потеряет власть, над ним будут издеваться все.

Я не хотел бы оказаться в его положении. Меня критиковали, меня поносили, обливали грязью, в том числе и он. Но надо мной не издевались, как над поверженным львом. Бразды правления всегда были в моих руках. Это хорошо знали мои противники. Они знали это, наверное, даже лучше, чем мои сторонники.

Я припоминаю одну историю. Это все та же история с моим законопроектом о политреформе. Когда он потерпел неудачу и уступил проекту Медведчука - Симоненко, ко мне стали приходить депутаты: нельзя ли, мол, как-то отыграть назад - вернуться к моему варианту? Как дети… Пинзеник заводил об этом разговор с Ющенко. Но поезд уже ушел, мой проект был зарегистрирован и отвергнут. Вернуться к нему не позволяла процедура. Я говорил: «Люди добрые, вы сами загнали себя в угол!»

Да- да, Ющенко и его команда сначала растоптали этот законопроект, а потом прочитали его и… прослезились. Они обнаружили, что в нем предусмотрены большие полномочия президента. Такие большие, что этот вариант более чем устраивал Ющенко, уже видевшего себя президентом. Не читая мой проект, он заявлял: «Нам нужно менять власть, а не систему». Он проявлял «хоружевскую» недоверчивость, с одной стороны, и мальчишеское легкомыслие -с другой. Легкомыслие в том, что он даже не прочитал мой документ, за который должен был бы двумя руками ухватиться. А потом является ко мне на поклон вместе со своим «штабом»: «Леонид Данилович, нельзя ли сделать как-то так, чтобы вернуться к вашему законопроекту? Очень просим!» На всех площадях и перекрестках поносят меня последними словами, а тут стоят тихой кучкой у порога и - «Очень просим!». «А где вы были раньше? Разве не под вашим напором я отозвал свой вариант? Что же вы не заглянули в него хоть краем глаза?» - «Ну, вот так вышло, Леонид Данилович, вы уж не держите зла на нас». - «Зла я на вас, недолугих, не могу держать. Это дело политическое - при чем тут злость или обида? Но есть закон, есть порядок, есть процедура. Я уже просто не могу переиграть игру, которая сыграна».

И они ушли такой же тихой кучкой, какой и приходили. А документ был действительно прекрасный! Президенту предоставлялись мощнейшие рычаги влияния, он получал право роспуска парламента, он назначал руководителей всех силовых структур, и они ему непосредственно подчинялись. После этих посетителей зашел Медведчук. Или он присутствовал, а потом остался. Точ-

но не помню. Помню только наш разговор. «Сами себя перехитрили», - говорит Медведчук. Я отвечаю: «А кто их еще может перехитрить? Ты, что ли? Или я? Нет, это люди, которые всегда и везде перехитряют сами себя. Только так. И так с ними будет всегда».с

Ющенко, Тимошенко, их команды делают все, чтобы потерпеть общее поражение. Идут, как выражается Юля, разными колоннами, а поражение могут потерпеть общее.

Но я не хотел бы быть на месте человека, который станет премьер-министром от коалиции победителей. Не исключаю, что это будет Янукович. Но в стране, которая ему достанется, я бы не хотел быть премьером. Проблема не только в том, что придется многое начинать заново в экономике, восстанавливать то, что разрушили «оранжевые». Возникнет проблема политического курса страны. «Оранжевые» изменили курс. Они фактически покончили с многовекторностью: повернулись в сторону Запада, испортив отношения с Россией. Двигаясь прежним курсом - моим, многовекторным - можно было спокойно укреплять экономическое и международное положение Украины, пользоваться всеми преимуществами стабильности. Януковичу же, с теми большими полномочиями, которые у него будут в сфере экономики, придется несладко. Резко повернуться в сторону России - значит, восстановить против себя Запад, особенно США. Это чревато многими очень реальными и серьезными неприятностями. Прежде всего, конечно, для страны. Продолжать курс только на Запад - значит, еще больше восстановить против себя Россию. Это тоже чревато… И, вдобавок ко всему, не забывать, конечно, что внешний курс страны проводит президент и только президент.

21 января

С Запада прозвучали очень резкие слова, прежде всего в адрес Юлии Тимошенко в связи с постановлением Верховной Рады об отставке правительства Еханурова. Глава делегации Европарламента по связям с Украиной Марек Сивец заявил: «Решение об отставке украинского правительства - очень грубая и очень эгоистичная игра украинских политиков, которые рвутся к власти».

Он не называет Юлию, но имеет в виду, конечно, ее. Ведь, голосуя за отставку правительства, она со своим блоком присоединилась к тем фракциям, которые с самого начала это правительство не жаловали. Теперь она оправдывается, заявляя, что в дальнейшем с Партией регионов у нее не будет ничего общего. Последнее ли это заявление?

Я считаю, что постановление парламента об отставке правительства было не ко времени, и поведение Юлии у меня не вызывает восхищения. Очень многое значат и мотивы, а они явно эгоистичные (Сивец употребил точное слово). В таком случае для меня как для избирателя не имеет значения, прав ли политик по существу.

Да и что касается существа… В такие острые моменты (на фоне газового кризиса) ответственные политики, по моему мнению, все-таки должны снижать уровень внутреннего противостояния - ради внешнеполитических целей.

Ющенко недавно сказал: «Нужно всем пройти одну большую школу и научиться объединяться и формировать консолидированную позицию будь то во внешних отношениях или перед лицом опасности экономических и политических кризисов».

Согласен с ним. Но кто мешал ему пройти эту школу раньше? В 2000-2004 годах, во имя своих политических интересов, в борьбе за булаву, он со своими соратниками не останавливался перед тем, чтобы наносить удары по власти, в том числе - посредством ослабления ее внешнеполитических позиций. Я это не раз испытал на себе. А страдала, естественно, Украина как государство.

В Крыму группы молодежи продолжают пытаться на свой страх и риск «вернуть в собственность Украины» черноморские маяки. Это, конечно, пропагандистская акция. Не знаю, кто за ней стоит. Стоять может кто угодно: и пророссийские силы, и антироссийские - причем с одинаковой вероятностью.

Что же делает Юлия Владимировна? Я в таких случаях просто «восхищаюсь» ее безграничным популизмом. Выступая в Ивано-Франковске, она изображает дело так, что за этими акциями стоит власть, из которой ее недавно попросили. «Если хотят брать маяки, - говорит она, - то их берут, а не имитируют взятие маяков. И нужно перестать уже чувствовать себя малороссами. Мы, украинцы, имеем свое достоинство, и мы на своей территории. Не можете защитить свои маяки -

так что это за власть в Украине?»

То есть она откровенно подстрекает молодежь к экстремистским действиям: «Я хочу посмотреть, что сделала бы Российская Федерация, если бы их маяки охраняли украинцы. Я думаю, что она бы нашла способ от них избавиться».

Сейчас у меня больше времени для наблюдений. В бытность президентом я не имел возможности следить за такими подробностями предвыборной борьбы, за пропагандистским «мастерством» политиков. Мимо меня прошло даже заявление Евгения Марчука во время президентской кампании 1999 года о том, что за свой первый президентский срок я причинил Украине больше ущерба, чем четыре года Великой Отечественной войны. Мне много позже сообщили об этом заявлении, спрашивая, как я мог такого человека назначить секретарем СНБО и каждый день с ним обедать.

Сообщили, можно сказать, посторонние люди - не мои сотрудники. Причем это был главный тезис Марчука в его избирательной кампании, повторялся многократно. Руководителем президентской администрации тогда был Владимир Литвин. Может, он решил, что будет выглядеть доносчиком, если даст мне такую информацию? Надо будет спросить его при случае…

На каждом шагу убеждаешься, какое мы все-таки еще молодое государство. Не хватает устоявшихся традиций, процедур, правил, понятий о служебных обязанностях. К проекту любого президентского указа обычно прилагается соответствующая справка, документы. Почему среди бумаг, которыми сопровождался положенный мне на стол проект указа о назначении Марчука секретарем СНБО, не было справки о характере его публичной политической деятельности? Почему я не потребовал такой справки? В голову не пришло. А ведь это нельзя считать личным делом. В обществе сразу возникают толки: почему это президент вдруг возвысил своего критика, да притом такого жестокого критика, который только что позволял себе самые разнузданные популистские выступления? Может, это у них такая игра? Домыслы в таких случаях могут быть любые. Они вносят в политическую жизнь вредные диссонансы.

24 января

Сегодня Петр Порошенко в интервью «Главреду» пафосно сообщил, что «Президент буквально на днях заявил, что блок «Наша Украина» - это его политическая сила, и она победит на выборах». Журналист заметил: «И Леонида Кучму, между прочим, за подобное заявление уже бы «рвали»…»

Да. И еще как бы рвали! И не только в Украине, но и за рубежом.

С самого начала избирательной кампании в парламент-2006 Ющенко прямо и однозначно поддержал «Нашу Украину». Используя президентские возможности, он стал работать фактически пиарщиком этой политической силы. Я такого себе никогда не позволял - ни в ходе любых парламентских кампаний, ни в ходе президентской гонки-2004. Виктор Андреевич уже даже заявил, что «Наша Украина» обязательно победит на выборах! Что-то я все больше в этом сомневаюсь.

25 января

Вчера председатель партии «Наша Украина» Роман Безсмертный огласил свое письмо к руководителям партий - участниц «оранжевой революции». Он предлагает им проект договора о создании коалиции большинства после парламентских выборов. Первое условие: все должны признать Виктора Ющенко лидером «оранжевой революции». То есть не двоих - Ющенко и Тимошенко, а одного - Ющенко. Второе условие: все должны поддержать нынешнее правительство. Но за отставку этого правительства только что голосовала Юлия Тимошенко со своим блоком.

Ответ Безсмертному последовал незамедлительно. «БЮТ считает, - заявил Николай Томенко, - что объединяться нужно на базе идеологических и программных принципов, а не на основе личной преданности президенту».

Свой проект договора о создании будущей коалиции выдвинула «Пора - ПРП». Она видит коалицию в составе социалистов, БЮТ и «Нашей Украины». Это своеобразная присяга: «Присягаем украинскому народу, что эта коалиция будет создаваться на принципиально новых началах открытости, прозрачности и честности. Обо всех обстоятельствах и этапах создания этой коалиции

мы обязуемся рассказывать народу Украины, не скрывая ничего, что могло бы причинить ему вред в продолжении борьбы за свободу и демократию, за права человека и гражданина».

Иными словами, общественности напоминают о том, что союз Ющенко и Тимошенко против власти в свое время был создан не совсем честно: существовал тайный пункт, согласно которому Юлия должна была получить пост премьер-министра в случае победы Ющенко на президентских выборах.

Наконец, уже сейчас всем участникам будущей коалиции предлагается отказаться от выдвижения «дополнительных условий». Они также должны обязаться «ни под каким видом, публично или тайно, не вступать в сепаратные политические переговоры и не входить в союзы с коммунистами, кучмистами, криминальными политиками и прочими противниками украинской независимости и демократии, как бы они ни называли себя сегодня».

У меня такое предчувствие, что ничего у этих ребят не выйдет. Их поведение, их речи, их документы нельзя назвать серьезными. От имени той же «Поры - ПРП» выступает малоизвестный молодой человек (Каськив), пусть он и состоит сейчас советником президента, но ПРП - это партия «Реформы и порядок», ее лидером является Пинзеник, не только известный, но уже достаточно, казалось бы, опытный политик. Странно, что он позволяет себе быть соавтором таких популистских заявлений…

Ведут предвыборную борьбу, стараясь опорочить друг друга. При этом делают вид, что ни к чему так не стремятся, как к объединению «всех оранжевых сил». Неужели не понимают, что избиратель это все видит и отлично понимает? Требуют друг от друга «прозрачности» - и всячески ее избегают.

Недостаток политической и личной серьезности.

Не знаю, как и когда, но проиграют.

На днях Кравчук уговаривал меня «выходить на сцену» - комментировать текущие события. «Я один воюю, а надо, чтобы мы вдвоем выступили против того, что делается. Что-то надо предпринимать. Может, составить совместное обращение к народу, напомнить про тридцать седьмой год. В стране ведь идут настоящие политические преследования, и сам Ющенко этим хвалится».

5 февраля

Наблюдается раскол не только между БЮТ и «Нашей Украиной», но и в самой «Нашей Украине». Это все-таки удивительно склочная компания… Раскол, впрочем, стандартный - на умеренных и «экстремистов». Последние громко заявляют, что возможная победа «бело-синих» будет катастрофой для Украины. В эти дни они пытаются организовать приезд в Киев нескольких десятков тысяч демонстрантов. Цель - вынудить парламент отменить свое решение об отставке правительства Еханурова.

По- моему, зря они шумят. На сей раз заполнить Майдан наверняка не удастся. Их акции от этого только упадут.

Умеренных представляют два первых лица «НУ» - Катеринчук и Еханурoв. Не поверил своим ушам, когда услышал, что Катеринчук рассуждает о перспективе поражения руководимой им партии на выборах и переходе президента Ющенко с этой партией в оппозицию! Даже Мороз и другие социалисты уверенно пророчат своей партии чуть ли не первое место среди победителей, а Катеринчук вслух готовится к поражению, да еще и успокаивает себя и других: «Для западных стран это нормальная ситуация, так было в Польше». Такое впечатление, что он не политик, обязанный всех убеждать в неизбежности своего триумфа, а политолог, который просто анализирует политическую ситуацию.

«Экстремисты» - Безсмертный, Порошенко, Жвания, Третьяков. Они, правда, тоже не исключают «бело-синего» реванша, но намерены биться до последнего. Они уже сейчас рассматривают различные варианты роспуска парламента…

Нагнетается истерия вокруг планов Юлии Тимошенко. Народ пугают таким «кошмаром», как союз БЮТ и Партии регионов (при том, что Юлии будет отдан премьерский пост). Одновременно не прекращаются и, наверное, не прекратятся до последнего дня видимые и невидимые усилия по объединению БЮТ и «НУ».

Для меня более интересен раскол не внутри «Нашей Украины», а внутри «оранжевого» лагеря - между БЮТ и «Нашей Украиной».

«Наша Украина» связывает себя с именем Ющенко. И он себя с ней связывает, хотя отказывается войти в ее избирательный список. Таким образом «НУ» четко обозначается как партия власти.

Это позволяет мне смотреть на будущие выборы с одной, не совсем обычной, точки зрения. Необычна она потому, что я ни у кого ее не нахожу. Будет интересно узнать, какой процент голосов получит эта новая партия власти. Предыдущей партией власти был блок «За единую Украину». Он набрал около 13 процентов. Хочу проверить в связи с этим одну мысль. Если я что-то понимаю в украинской жизни и украинской политике, то и нынешняя, ющенковская, партия власти наберет не намного больше. И тогда можно будет предметно поговорить об административном ресурсе - о его подлинном месте в Украине.

Предыдущую партию власти - мою партию - поносили за использование административного ресурса, то есть за давление на избирателей со стороны государственного аппарата. Будут, естественно, в том же подозревать и упрекать нынешнюю партию власти. И - подкреплять упреки «вопиющими» фактами.

Так вот, если результаты выборов окажутся примерно одинаковыми, тогда можно будет сказать, что все эти разговоры основаны на очень зыбкой почве. Придется сделать вывод: или административный ресурс не используется, или его возможности сильно преувеличиваются.

Вот такого теста я жду от парламентских выборов. Это для меня второй по значению тест. А первый - это своеобразная проверка прошлых президентских выборов. Здесь тоже вопрос об административном ресурсе. Янукович и Ющенко располагали примерно одинаковыми массивами избирателей. Они были представителями двух частей Украины. Янукович - это восток и юг, Ющенко - запад и центр. Если это разделение подтвердят итоги парламентских выборов, то в глазах историков заметно потускнеют обличительные речи вождей «оранжевой революции». Они обвиняли «злочинну владу» в системных, как было сказано в постановлении Верховного Суда, фальсификациях результатов второго тура президентских выборов в пользу представителя партии власти.

Вот, собственно, главное, что интересует меня в этой избирательной кампании. Результат. А то, как к нему идут, все эти перипетии, рекламные ролики, дискуссии, взаимные обвинения, весь этот шум и гам - на это я смотрю именно как на шум и гам, неизбежный, но малосодержательный.

7 февраля

Со всех сторон только и слышишь, что Россия обирает и унижает Украину. Называют цены на жидкое топливо: они растут и растут. Но что происходит в действительности, в том числе и в России?

Не надо ездить и смотреть ценники на российских бензоколонках, чтобы знать, что делается в России. Достаточно следить за работой Госдумы, читать сообщения о заседаниях правительства. Тот же разговор, что и у нас, те же крики - о росте цен на бензин, о нехватках горючего. Многие ли в Украине знают, что украинские цены на нефтепродукты до 2004 года были не только ниже, чем в Белоруссии, где нет нефтедобычи, но ниже, чем в России, где нефть - одна из главных экспортных статей?

В 2004 году в апреле мы у себя переживали такой же скачок цен, как в нынешнем. Что же мы сделали? Президентским указом я поручил Кабинету Министров создать вертикально интегрированную компанию в составе «Укрнафты», Кременчугского и Дрогобычского нефтеперерабатывающих заводов.

Как мы с Юрием Бойко рассуждали? Мы добываем худо-бедно четыре миллиона тонн нефти. Надо не продавать ее на бирже, а перерабатывать на своих мощностях. Если к этому добавлять некоторое количество покупной, то вот нам и механизм влияния на ценовую полититку нефтепредприятий.

Смысла упреков, которые на меня обрушились, я как следует не понял до сих пор. «Наша Украина» даже подала на меня в суд - в Конституционный. Если бы государственные доли в собственности Кременчугского и Дрогобычского заводов я своим указом передал частнику, тогда еще можно было бы предъявить мне какие-то претензии. Но «Укрнафта» на 51 процент - государственная компания. Я просто поручил Кабинету Министров собрать несколько пакетов государственных акций в один. Но это задело интересы тех частных структур, чьи представители сидят в

парламенте. Я отобрал у них кормушки. Пришлось, в порядке самообороны, выступить с резким заявлением.

У меня и в мыслях не было отменять свой указ под любым давлением. Тем более что мы сразу поправили ситуацию с ценами. «Нафтогаз», в дополнение к полученному им сырью «Укрнафты», в соответствии с моим указом, закупил на свои деньги нефть в Казахстане. В результате переработки на внутренний рынок поступил сравнительно дешевый бензин.

Российские компании были вынуждены играть по нашим правилам.

Тем не менее обращение в Конституционный Суд пошло… Суть претензии пятидесяти двух народных депутатов: президент не имел права этим заниматься. Мой указ, мол, является актом непосредственного распоряжения объектами государственной собственности, поскольку я изъял у конкретных хозяйствующих объектов пакеты акций для передачи их НАК «Нафтогаз України». В соответствии с Конституцией, такое управление объектами государственной собственности относится к полномочиям правительства.

Но я и адресовал свой указ правительству!… 13 октября 2005 года в интернет-газете «Украинская правда» появилось сообщение под заголовком: «Конституционный Суд раскрыл махинации Кучмы». В сообщении говорилось, что КС признал неконституционной передачу акционерной компании «Нафтогаз Украины» 43,054% акций нефтеперерабатывающих заводов «Укртатнафта» и 25% - «Нефтеперерабатывающего комплекса «Галичина».

Мне хотелось бы посмотреть в глаза тому наверняка молодому человеку, который дал такой заголовок, и поговорить с ним о том, какой смысл он вкладывает в слово «махинации».

Мы имеем дело не с торговцами нефтепродуктами, добрыми или злыми, а с рынком. Действовать надо исходя из этого. По-другому - это безграмотность или популизм, что в данном случае одно и то же.

Юлия Тимошенко стала обвинять российских торговцев в сговоре, в кознях против Украины и против нее лично, попыталась нарисовать цены собственной рукой, разослала уполномоченных по заправкам - следить за ценниками… Это все детский лепет или циничный расчет на дешевую популярность народной благодетельницы.

Настоящие цены рисуются, конечно, рукой, но это рука рынка. «Невидимая рука рынка». Мы сразу в этом могли убедиться. Настоящая цена исчезла с ценников, ушла в подполье, но не перестала быть настоящей ценой и продолжала действовать.

Россия маневрирует строго в правовом поле, она не устраивает нам никакой экономической блокады. Мы сами себе устраиваем блокаду. Скажите, почему я, хозяин своей нефти, своих нефтепродуктов, должен продавать их вам дешевле, чем той же Европе? Я сокращу загрузку своего нефтеперерабатывающего завода на вашей территории до трети и повезу нефть на Запад. Убыток от сокращения производства здесь я с лихвой восполню прибылью от продажи нефти где-нибудь там - в той же Румынии, где дают один евро за литр бензина.

От того, что делает правительство с ценами на бензин, может быть только та польза, что люди лишний раз убеждаются, что рынок есть рынок - перехитрить его никому не дано. И нигде человек так быстро не проявляет свою сообразительность, как на рынке. Как только сверху установили заниженную цену, тут же на бензоколонках появилась услуга: отпуск по безналичному расчету. Этот расчет и стал рыночным. А бензин за наличный расчет просто перестали отпускать.

То же самое и с курсом доллара. Цену доллара административным путем резко снизили, а цены на квартиры в Одессе продолжают пока привязываться к прежнему курсу.

Если бы курс снижался грамотно, постепенно, рынок реагировал бы спокойно, не искал бы окольных путей. А революционные перемены - это как опустить человека в холодную воду и потом выставить его на ветер.

10 февраля

В начале 1998 года мы встретились с Ельциным и подписали Программу экономического сотрудничества между Российской Федерацией и Украиной до 2007 года. В этой программе было прописано участие российских предприятий в приватизации нашего нефтеперерабатывающего комплекса.

Российская газета «Коммерсант-Дейли» написала в связи с этим о полной и безоговорочной капитуляции Украины. «Коммерсант» тогда еще, кажется, не принадлежал Березовскому, а уже

писал такие нелепости.

Для меня было очень важно, чтобы российский бизнес пришел на наши нефтеперерабатывающие предприятия. Чтобы НПЗ работал, ему нужна нефть. Без нефти он никому не нужен.

А у России у самой были очень большие проблемы с нефтью, с добычей нефти. Когда Ельцин пришел к власти, мировая цена была 8 долларов за баррель. На эти деньги не разгонишься.

Такого интереса к нефтедобыче и нефтепереработке, как сейчас, не было. Это сегодня цена замечательно стимулирует развитие российской нефтяной отрасли, а тогда эта отрасль находилась на голодном пайке. В то же время международные обязательства по нефтяным поставкам надо было выполнять. Это для России стояло на первом месте.

Украина с ее проблемами и запросами была на втором месте.

В этой обстановке я решил действовать на двух, так сказать, уровнях: на межгосударственном и корпоративном. Особенно важно было заинтересовать российский бизнес. Говоря в шутку, я поставил перед ним задачу: вперед, на украинские нефтеперерабатывающие заводы. Во что бы то ни стало! «Коммерсант», наверное, и сейчас думает, что россияне со всех ног кинулись выполнять эту «предательскую» по отношению к Украине «задачу Кучмы».

Как бы не так! Приходилось уговаривать, искать подходы, заманивать перспективами. Я не жалел на это времени и доводов, потому что понимал: пока россияне не станут владельцами и совладельцами этих заводов, дела не будет.

Этот мой курс в Украине приветствовали не все. Было большое сопротивление. У некоторых наших бизнесменов и чиновников с известными бизнес-интересами было большое желание самим хозяйничать в нефтепереработке. Было такое представление, что там не бензин капает в подставленные емкости, а доллары - и безо всякого труда. Между тем, повторяю, с добычей нефти в России были большие сложности. Потрясающие успехи Ходорковского и его компаньонов на этом поприще были еще впереди.

И кое- чего я таки добился! До прихода россиян украинские нефтеперерабатывающие заводы практически простаивали. 75 процентов горюче-смазочных материалов мы импортировали. Посевная и уборочная постоянно находились под угрозой срыва из-за недостатка ГСМ. Правительство принимало постановления, стимулирующие ввоз нефтепродуктов, создавало льготные условия для импорта. Цистернами доставляли нефтепродукты из Казахстана и Азербайджана.

Особенно я был благодарен президенту Гейдару Алиеву: своими поставками он помог нам управиться с посевной и уборочной.

А после приватизации НПЗ с активным привлечением российских компаний, таких, как «Лукойл», Тюменская нефтяная компания, «Татнефть» и др., ситуация кардинально изменилась - украинские НПЗ стали производить около 95 процентов необходимого стране топлива…

Вспоминаю, как посещал в апреле 2001 года Литву. Тамошние журналисты настойчиво задавали мне вопросы на тему - российского присутствия в украинской нефтепереработке. В Литве тогда шли дебаты по поводу НПЗ «Мажейкюнафта», приватизированного американской компанией и оставшегося без российской нефти, - не имея доступа на литовский рынок нефтепереработки, россияне не желали развивать бизнес-конкурента. Я обратил внимание на простой факт: наши НПЗ работают, а литовские стоят, выводы, мол, делайте сами (впоследствии литовцы вынуждены были допустить на свой рынок «Лукойл» и «ЮКОС» вместо американцев).

«Коммерсант» писал словно о каком-то ужасном открытии: «Впервые Киев готов согласовывать с Россией не только экономические реформы, но и законодательную базу». Или не понимали, о чем писали, или делали вид. Мы все время говорили, что экономическое законодательство обеих стран надо, по возможности, приближать к европейским образцам. Речь шла о согласовании с Европой! И подумал бы своей головой автор: как можно согласовывать экономические реформы и не согласовывать экономическое законодательство?

Чем сегодня занимаются и Россия, и Украина, и другие страны, вступающие или готовящиеся вступать во Всемирную торговую организацию? Они подгоняют свои экономические законы и порядки под стандарты этой организации. Это огромная работа, но без нее в нынешнем мире не проживешь. При чем тут капитуляция Украины перед Россией или обеих стран пред миром? Да, можно, при желании, говорить о капитуляции, но это будет «капитуляция» перед современной цивилизацией. Чем быстрее «капитулируешь», тем лучше.

11 февраля

Мы кричим, что село умирает. Не мешает, однако, напомнить себе, что этим крикам уже сто с лишним лет. В Российской империи село начали защищать от города, от правительственного грабежа в пользу промышленности с конца девятнадцатого века, то есть с того времени, как стала заметной индустриализация. Занимались этой защитой «народники» - литераторы и общественные деятели.

Сегодня к ним у нас присоединились часть парламентариев и сами селяне, вернее, их представители в лице бывших колхозных председателей.

В то же время у других костью в горле торчит единый налог на сельских жителей. Мечтают его отменить, чтобы иметь возможность увеличить потом размер общей дани.

Село сегодня в трудном положении, потому что нет нужных ему законов и институтов - не работает ипотека, нет рынка земли. Хозяйство не может взять кредит под не разорительный процент. Кредиты, которые оно вынуждено брать, - это обираловка. К сожалению, тут нет ничего нового. Так было в давние времена, когда роль кредитного учреждения выполняли сельские ростовщики. Весной дается натуральная или денежная ссуда на кабальных условиях, чтобы осенью мужик отдал почти весь урожай. В той системе никто не был виноват. Работала стихия примитивного внутридеревенского рынка.

Но в том, что происходит сегодня, виноватые есть. Это - наши левые политики. Я так и не смог «пробить» стену, которую они воздвигли перед моими рыночными земельными законопроектами. Мы не создали рынка земли - приняли Земельный кодекс, а положение о купле-продаже земли заморозили на 5 лет. Таким образом заморозилась и капитализация аграрного сектора.

У нас забывают, а забывать нельзя, что Советский Союз экономически задохнулся из-за тупиковой ситуации в сельском хозяйстве. Все получаемые страной нефтедоллары шли на закупки зерна, продуктов питания. А нас левые опять все время тянут в лоно колхозного строя.

Анатолий Степанович Гальчинский не раз мне говорил с полной убежденностью, что это похоже на злой умысел. После «бархатной революции» Виктору Медведчуку удалось «продавить» сквозь Верховную Раду новый Земельный кодекс Украины. Правда, с довольно существенными потерями. Были приняты вредные для страны «переходные положения». Они отодвигали начало торговли землей до 1 января 2005 года. На время до 1 января 2010 года был установлен максимальный размер земли в частной собственности - 100 гектаров.

Так что на этот кодекс я смотрел с двойственным чувством. С одной стороны, мне было не очень приятно держать его в руках. Ведь в нем оказалось слишком много поправок, внесенных моими «друзьями». Эти поправки заведомо ограничивали простор и характер действия кодекса в пользу, разумеется, бюрократии. Если бы коммунисты и социалисты посмотрели правде в глаза, они должны были бы сказать себе, что, как бы они ни истолковывали понятие «государство», на практике всегда речь идет о бюрократии. Контроль государства - это неизменно контроль со стороны бюрократии.

С другой стороны, следовало все же признать, что принятый кодекс в целом сыграет положительную роль в рыночном реформировании Украины. В ходе земельной реформы, начало которой было положено моим указом в ноябре 1994 года, у нас появился целый класс крупных землевладельцев. Он появился, можно сказать, явочным порядком - через аренду паев. Предприимчивые люди в полную силу использовали все возможности, все зацепки, которые содержались в нормативных актах этого периода, для того, чтобы не мытьем, так катаньем набрать себе как можно больше земли. Соответственно в полную же силу они использовали все возможности, все уловки, чтобы блокировать противодействие бюрократии.

Само собой разумеется, использовались все доступные способы материально заинтересовать чиновников. Можно сказать, коррупция работала, таким образом, не против земельного рынка, а на его развитие.

Тот, кто ставит это в вину мне и моему «режиму», пусть откроет глаза и внимательно посмотрит на деятельность левых в украинском парламенте. Пусть вчитается в поправки, внесенные ими в законодательство. Тогда станет видно, кто есть подлинный автор всех без исключения коррупционных схем в нашем землепользовании.

Как бы то ни было, частное землевладение, аренда земли, другие рыночные порядки в Украине стали фактом. Стали фактом вопреки левым, но благодаря дырам в законодательстве. Начали формироваться основы крупного землепользования. Украинское село узнало и быстро усвоило

слово «инвестор». Новые инвесторы по разным схемам принимали решающее участие в производстве на третьей части всей пашни страны. Новые крупные инвесторы хорошо использовали большие налоговые льготы сельскому хозяйству. Не упустили они и кредитные поблажки. Государственный бюджет компенсировал часть процентных ставок. Мы все-таки смогли установить благоприятный режим для крупного сельскохозяйственного производства. Вложения в сельское хозяйство оказались-таки очень выгодным делом.

На это быстро среагировали промышленники. Шахта имени Засядько (Звягильский), Мариупольский завод имени Ильича (Бойко), Индустриальный союз Донбасса (Славута), компании Порошенко и другие потянулись в село. В язык села вместе со словом «инвестор» вошло слово «трейдер».

По мне, пусть бы употреблялось всем понятное слово «торговец», но сие от меня не зависело. Зато от меня во многом зависело то, что в стране появились крупные агротрейдеры. Они не только скупали и перепродавали зерно, свеклу и другое сельскохозяйственное сырье, но и обеспечивали производство, разными способами влияли на производителя. Положение крупных землевладельцев закреплял, узаконивал Земельный кодекс. Оставалось наделить их правом и возможностями открыто, прозрачно покупать и продавать землю, создать эффективную ипотеку. Тогда они окончательно закрепились бы в роли мощного двигателя капитализированного сельского хозяйства Украины. «Мы с вами должны внедрить, впихнуть, втолкнуть капитализм в сельское хозяйство Украины», - говорил я министрам по сельскому хозяйству.

17 февраля

Время от времени за рубежом возникали скандалы с нашими дипломатами. Последний за время моей работы - с Никоненко в Польше. Вроде бы он был задержан в нетрезвом виде за рулем. После этого я его отправил в Южную Америку. Он отличный дипломат, Квасьневский даже наградил его на прощанье орденом. История была действительно некрасивая, но - не со стороны дипломата. Для понимания таких вещей достаточно простого здравого смысла. Если устраивается слежка за машиной дипломата, чтобы в определенном месте вытащить его в якобы неподобающем виде, то ясно, что это провокация. Доказывай, что ты был трезвый, когда тебя уже объявили пьяным.

А вот кто это устроил, установить действительно трудно. Это могли быть и какие-то наши структуры, которым он мешал, и что-то на личной почве. Я никогда не спешил идти навстречу организаторам таких гадостей. Нельзя разбрасываться кадрами в угоду разным негодяям. Это советский перестраховочный подход.

Я, например, знал, что перед каждым серьезным визитом за рубеж, особенно в Соединенные Штаты Америки, надо ждать какой-нибудь информационной провокации. То судно где-нибудь задержат, то самолет, и будут фигурировать если не наркотики, так оружие, если не то и другое вместе.

Сегодняшний мир - жестокий мир. Он не подобрел по сравнению со вчерашним, а наоборот, стал на порядок жестче. И надо уметь держать удар. Держать прежде всего психологически. Ничего не поделаешь. Обвинения подаются широко, а опровержений никто не читает и не слышит. Как я понимаю, основной целью всех провокаций, всех скандалов, включая «кассетный» и «кольчужный», было создание негативного образа Украины, ее руководства, ее управленческих кадров. Такая, мол, страна - проблемная, не совсем состоявшаяся, не способная к стабильному демократическому существованию. Ослабляли наш иммунитет. Для вмешательства в наши дела использовались нетрадиционные каналы.

Надо было давно присмотреться к неправительственным организациям, которые существовали и существуют на иностранные деньги. При мне (большом «диктаторе»!) была полная бесконтрольность. Мы не задавались вопросом, какие цели и задачи они перед собой ставили. Правильно ли это? Мы же ничего не знали: ни сколько там людей работает (теперь знаем: тысячи во всех регионах!), ни какие у них зарплаты, ни главного - на какие цели расходуются соответствующие фонды. В нашем законодательстве была прореха, которая позволяла этим организациям быть настолько автономными, насколько непозволительно нигде. Только незадолго до революции им были заданы кое-какие неудобные для них вопросы, в том числе - относительно уплаты налогов.

18 февраля

В 1994 году консульская группа Министерства иностранных дел Российской Федерации в Крыму начала выдавать практически всем желающим гражданство России. Сейчас меня иногда спрашивают, как это вообще могло случиться. Чем больше проходит времени, тем все более дико выглядят подобные вещи. А как могло случиться, что начали строить дамбу на Тузлу?

Остров Тузла образовался в результате размыва сильным штормом 1925 года узкой косы Таманского полуострова. Длина образовавшегося острова - 6,5 км, ширина - около 500 м. 7 января 1941 года указом Президиума Верховного Совета РСФСР он был передан Крымской области, вошедшей 19 февраля 1954 года в состав Украинской ССР.

17 сентября 2003 года мы встретились с Владимиром Путиным на острове Бирючем в Азовском море. Обсуждалась проблема статуса Азовского моря и вопросы, связанные с очередным саммитом СНГ (он должен был состояться в Ялте). Обсуждали судьбу российской военной базы в Крыму. При этом решение, как потом выяснилось, нашлось не самое выгодное для России.

С Бирючего Путин улетел в город Ейск Краснодарского края и провел там «совещание по военно-дипломатическим вопросам присутствия России в черноморско-азовском регионе», как было сказано в официальном сообщении. В совещании участвовали министры обороны, иностранных дел, директор ФСБ. После этого Путин подписал указ «О создании пункта базирования Черноморского флота РФ в Новороссийске».

По словам одной из официальных российских газет, в Ейске местные руководители обратились к президенту России с предложением соединить Таманский полуостров с Тузлой и тем самым завладеть частью украинской территории. Путин якобы дал добро.

Так было или иначе, но 29 сентября строительство дамбы началось. Местные власти стали объяснять экологическими соображениями - желанием предотвратить дальнейший размыв береговой линии. Указывали и на второй мотив: будет, мол, строиться терминал, чтобы больше не зависеть от Одесского припортового завода при транспортировке химических удобрений.

Я сразу дал поручение нашему Министерству иностранных дел и другим ведомствам выяснить реальную обстановку. Больше всего меня, естественно, интересовали истинные цели россиян. Может, там действительно нет ничего особенного, никакой политики…

30 сентября временный поверенный в делах России в Украине был вызван в МИД Украины. Мы требовали внести ясность, выражали обеспокоенность… В Москву съездил заместитель министра иностранных дел Украины, а вслед за ним и министр. И тому, и другому было заявлено, что ведутся обычные работы по восстановлению береговой зоны Таманского полуострова. Между тем, при сохранении набранных темпов «обычных» работ, дамба через неделю подступила бы к бую, отмечавшему государственную границу Украины.

Да, самое первое, что услышали мы от Москвы, - что она не в курсе дела: это, мол, самодеятельность краснодарского губернатора. Вскоре стало ясно, что это, мягко говоря, не совсем так. Слишком большие технические силы были брошены на возведение дамбы. Как выразился бывший губернатор Краснодарского края, депутат Государственной думы РФ Кондратенко, в местном бюджете нет денег даже для уборки мусора в краевом центре. А тут задействованы сотни тяжелых грузовиков, бульдозеров и другой техники. Не было сомнений, что выполняется срочная «федеральная программа» и что руководство ею осуществляется из Москвы.

Поначалу я, в общем, был склонен верить российским представителям, что происходящее не имеет отношения к политике. Не могу согласиться с теми, кто усматривает в этом мою наивность. Дело в том, что, ставя себя на место россиян, я отчетливо видел беспредельную глупость этой затеи, которая нанесет большой ущерб России. И только России. Мне было трудно представить себе, что взрослые, вменяемые люди, ответственные государственные деятели могут себе такое позволить. Их страну и так обвиняют в неоимперских замашках, великодержавных мечтаниях и происках. Ну зачем, казалось бы, давать критикам России такой повод для усиления этих обвинений?

Но интенсивность работ нарастает, поведение «прорабов» становится все более вызывающим. Мы предупреждаем их, что через линию границы Украина их не пустит - будет защищать свою территорию так, как положено, как предусматривает наша Конституция. Нам отвечают, что, доведя дамбу до линии границы, остановятся.

«Трудовой» и пропагандистский накал между тем усиливается. Поручаем нашим пограничникам заявить, что их катера станут на линию границы и не позволят продолжать насыпку дамбы.

Украинские и российские СМИ публикуют репортажи о ходе работ, мнения экспертов и политиков. Материалы российских СМИ, как обычно, носят антиукраинский характер, украинские в этом случае не остаются в долгу.

7 октября, выступая в Симферополе, я подверг действия России резкой критике. «…Есть же международные правила… Знаете, мне немного смешно, когда я смотрю на карту России, и оказывается, что им еще чего-то не достает… Непонятно». В то же время счел нужным добавить, что «не отношу эту проблему к политике, я думаю, это просто недоразумение…»

Дамбу, однако, продолжали насыпать, как ни в чем не бывало. 17 октября я был в Днепропетровске, и во время встречи с журналистами мне пришлось отвечать на вопросы, которые легко было предвидеть, учитывая шум в нашем парламенте и в СМИ. Я сказал, что у меня пока нет удовлетворительного ответа на вопрос, что происходит. Подчеркнул три момента. Первый: «никакого механического нарушения границы Украины еще нет». Второй: действия российской стороны, тем не менее, считаю «недоброжелательными по отношению к Украине». «Добрые соседи, - сказал я, - так не поступают», Россия должна была «хотя бы предупредить» о своих действиях возле украинской границы. Третий: я напомнил, что в свое время Украина «добровольно», а «если уж говорить откровенно, то под давлением, в том числе и со стороны России», отказалась от ядерного оружия при гарантиях безопасности. «Россия является гарантом территориальной целостности Украины. Так зачем же делать такие шаги - это будоражит людей и не улучшает их настроения». Назвал «неубедительными» российские ссылки на то, что такое дорогое строительство ведется исключительно по инициативе властей Краснодарского края, и высказал надежду, что нам не придется обращаться в международные организации, чего уже требуют депутаты Верховной Рады. Не стал скрывать своего мнения, что «в истории наших отношений с Российской Федерацией» эта ситуация «еще скажется».

К этому времени уже мало кто сомневался, что дамба не имеет никакого иного, кроме политического, смысла. С практической точки зрения, это сооружение в лучшем случае бесполезное. Дамба высотой в 0,75 метра над водой и шириной в 17 метров будет разрушена первым же серьезным штормом.

На 30 октября был намечен приезд министра иностранных дел России Иванова в Киев для переговоров по Азовскому морю и Керченскому проливу. «Опираясь на дамбу, как на политический факт, - писала одна из наших газет, - Иванов может предложить Украине либо добровольно и совместно достроить дамбу и дальше спроектировать и построить мостовой переход до крымского берега, решив при этом все вопросы использования Керченского пролива в пользу России. Либо, в случае отказа украинской стороны, можно намекать на силовой захват Тузлы. Не зря ведь ФСБ полгода назад проводило именно в Керчи тренировки якобы по «освобождению» «парома с заложниками»… Политический ресурс побед в Чечне исчерпан, а перед новыми выборами хоть маленькая, но победоносная война, или хотя бы «мирное», но обязательно результативное сражение за приращение территории очень кстати. Россия может прирасти Тузлой, но при этом она приобретает весь Керченский пролив, доминирование в Азовском море и «братское» распределение ресурсов в Азово-Керченском регионе».

20 октября на встрече с украинскими журналистами в Кремле глава администрации президента России Александр Волошин заявил: «Никогда Россия не оставит Украине Керченский пролив. Хватит того, что Крым сегодня украинский и мы еле успокоили людей по этому поводу. Хватит издеваться над нами. Если надо, мы сделаем все возможное и невозможное, чтобы отстоять свою позицию. Если надо, мы сбросим туда бомбу!!!»

Пресса связала это заявление с появлением новой военной доктрины России, допускающей возможность нанесения превентивного удара по зонам нестабильности.

Подтверждались худшие опасения. Я созвал заседание СНБО. Приняли решение защищать Тузлу всеми способами, наметили конкретные меры, я издал соответствующий указ. Министерство иностранных дел Украины направило России очередную ноту. Этой нотой вся ответственность за возможное негативное развитие событий вокруг Тузлы возлагалась на российскую сторону.

Сделав все, что мне казалось необходимым, я отправляюсь с официальным визитом в Бразилию. Оттуда предполагалось отправиться в Доминиканскую Республику и некоторые другие страны того региона. Однако обстановка вокруг Тузлы продолжала накаляться.

Владимир Горбулин как-то сказал по телевидению, что я, находясь в Южной Америке, не мог в течение семи суток связаться с Путиным. Он преувеличивает. Путин в это время находился

на конференции АСЕАН где-то, по-моему, в Брунее. Пробиться туда с телефонным разговором очень сложно. Из Киева мне поступали доклады, из которых следовало, что «ударная стройка» вот-вот дойдет до рокового буя, что работы ведутся авральными темпами, днем и ночью, и что все это сопровождается разнузданной шовинистической кампанией в российских СМИ.

Принял решение прервать визит. В Бразилии провел полтора-два дня, не поехал даже на полигон, где шло строительство космодрома (совместный украинско-бразильский проект). И на обратном пути, уже в самолете, связался, наконец, с Путиным. Это было где-то на третий день. О семи днях не могло быть и речи. Я не позволил бы себе семь дней находиться вне Украины в такое время и тупо чего-то ждать.

Путин, когда я ему позвонил, тоже находился в самолете. Он сказал, что не совсем владеет информацией, но немедленно даст поручение разобраться и доложить. Я настаивал на том, что первым и главным итогом нашего разговора должно быть немедленное прекращение строительных работ в районе Тузлы. Он сказал, что отдаст соответствующее распоряжение. «И поручаем своим правительствам разобраться и найти такое решение, чтобы этот инцидент остался в прошлом». - «Договорились», - ответил Путин.

После этого я уже знал, что буду делать. Первым делом - появиться на Тузле. Ночью приземлились в Симферополе, утром на вертолете отправился на Тузлу. Взял бинокль… Но видно было и невооруженным глазом: работы на российской стороне остановились. До буя не дошли метров сто.

Из сопутствующих событий напомню - без всяких комментариев - два. 22 октября народный депутат от «Нашей Украины» Иван Плющ заявил, что «такая политическая акция, как построение дамбы, не может решаться без согласования с высшим руководством обоих государств». «Не исключено, - продолжил он, - что политические игроки разработали один из сценариев сохранения Кучмы при власти и недопущения демократических выборов президента в 2004 году. По этому сценарию, ситуация может развиваться таким образом: Россия в ближайшие дни пересекает государственную границу Украины. Имитируется начало вооруженного конфликта. Кучма срочно возвращается из турне по странам Латинской Америки. Ситуация усложняется. Возможно использование одного из вариантов роспуска Верховной Рады и переход к единоличному правлению Кучмы. Политическая реформа, выборы и прочие вопросы отступают на второй план. Возможен и выход ситуации из-под контроля, в случае чего гарант может обратиться к народу: дескать, в такой ситуации выборы президента проводить нельзя».

В свою очередь народный депутат, секретарь политсовета СПУ Юрий Луценко направил главе кремлевской администрации следующую телеграмму: «Уважаемый пан Волошин! В связи с прибытием на остров Тузла Президента Л. Кучмы прошу, не мешкая, выполнить Вашу угрозу. Чем сделаете весомый вклад в развитие украинско-российской дружбы. Народный депутат Луценко». Печать сообщила, что эта телеграмма обошлась ему в «8 гривен с копейками».

А о моей фразе: «Смотрел на карту России. Ну, чего им еще не хватает?» бывший коллега-ракетчик, с которым когда-то вместе «загорали» на космодроме, написал мне потом, что эта фраза - лучшее, что я сказал не только за время президентства, но и за всю жизнь. «Еще две-три такие фразы - и третий президентский срок у тебя в кармане», - писал он.

Мне приятно было получить весть от старого товарища (русского, кстати), но его уверенность, что мне нужен третий срок, не подняла настроения. Не чувствовал я и большой гордости за эту фразу. Никогда не имел вкуса к созданию крылатых выражений. Если что меткое срывалось с языка, то это происходило само собой, и тут же забывалось. Но к этому времени я уже знал, что изготовление «забойных» высказываний для политиков является важной статьей дохода для специалистов по ведению избирательных кампаний. Считается, что именно они придумали для Путина фразу: «Мочить в сортирах», которая прибавила ему много голосов на президентских выборах.

Ну, а что же Ядерный клуб? Нам дали понять, чтобы мы выкручивались сами. А публично - как в рот воды набрали. Все скромно промолчали. Только Пекин четко заявил, что чье бы то ни было посягательство на территориальную целостность Украины недопустимо. Промолчал ЕС. Молчание, конечно, не было полным: что-то невразумительное озвучил, например, даже госдеп, но это не шло ни в какое сравнение с тоном и содержанием всего, что пришлось от них услышать, например, зимой 2004 года в связи с президентскими выборами в Украине.

Я не удивился этому. Я к тому времени уже привык, что серьезной поддержки от Запада ожидать не следует ни при каких обстоятельствах.

Не знаю, как оценят это историки - положительно или отрицательно, но сам факт, думаю, ими будет отмечен более четко, чем делаем это мы сейчас: после выхода из Советского Союза Украина была оставлена наедине со сложнейшими проблемами строительства ее государственности и налаживания хозяйственной жизни. Нас с первой минуты подозревали в тайном желании вернуться к советскому тоталитарному устройству. Мы были неопытны, нас мучила инерция, нас давила нищета, разруха, мы при всем желании не могли сразу все сделать «по-американски», а наши западные друзья видели в этом только злонамеренный саботаж демократии.

И проявляли хитрость и хитрость…

В бумаге о гарантиях украинской безопасности со стороны стран Ядерного клуба нет ни слова о механизмах предоставления этих гарантий в тех случаях, когда возникает такая необходимость. Никакой методики!

Собственно, только в дни Тузлы мы это как следует осознали. Я вчитался в эту бумагу и целый вечер по кабинету бегал… «Российская Федерация, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Соединенные Штаты Америки и Украина будут консультироваться в случае возникновения ситуации, затрагивающей вопрос относительно этих обязательств», - сказано в «Меморандуме о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия 5 декабря 1994 г.». Вот и вся конкретика. Ну хитрецы!

Решили по принципу: нет механизма - нет проблемы. Довольствуйтесь, украинцы, декларативными обещаниями поддержки. Ну обязались «воздерживаться от угрозы силой или ее применения». А что будете делать, если кто-то из вас не станет воздерживаться?

Обязались воздерживаться от «экономического принуждения» украинцев. Ну а какие меры будете принимать в том случае, если кто-то из вас все-таки начнет на нас давить? Удовлетворяйтесь, украинцы, тем, что страны Ядерного клуба «будут консультироваться»…

В том, что этот документ оказался слишком общим, отчасти виноват и я сам. Поездка в Будапешт в ноябре 1994 года, где он подписывался, была моей первой важной поездкой за границу в роли Президента Украины. Вся предварительная работа с участием наших дипломатов уже была проделана. Мне оставалось только скрепить своей подписью результат. Не знаю, чего я мог бы добиться, если бы потребовал доделок и переделок, но то, что не предпринял такой попытки, считаю своим упущением. Наверное, простительным, но - упущением. Можно сказать, меня подвели украинские дипломаты, у которых опыта тоже было не намного больше, чем у меня.

И ведь было мне предупреждение… Было! Правда, тоже запоздалое. В Будапеште мы подписали отдельный документ с Францией, которая, как известно, не относила себя к Ядерному клубу. В гостинице меня для этого ждал Миттеран. Явились мы к нему вдвоем - я и глава моей администрации Дмитрий Табачник. Миттеран был очень болен. Ему постоянно делали уколы. Поставили мы с ним свои подписи, и тут он мне говорит о Ядерном клубе и его обещаниях следующее: «Ты им, молодой человек, не верь. Они всегда думали и будут думать только каждый о себе. Вот и ты со своей страной действуй так же. Помни, молодой человек, - повторил он, - гарантировать свою безопасность сможете только вы сами».

26 октября 2003 года в российской газете «Известия» появилось мое интервью о событиях в районе Тузлы. В название публикации были вынесены мои слова: «Чем ближе дамба к нашим берегам, тем ближе мы к Западу». Не сосчитать телефонных звонков и писем, которые поздравляли меня с этим поступком. Так и говорилось: поступок, а не просто интервью. Приведу выдержки из него. Вопросы мне задавал обозреватель «Известий» Борис Пастернак.

- Леонид Данилович, как вы понимаете то, что происходит в районе Тузлы?

- Мы все понимаем. Китайцы Срединной империи когда-то не признавали самого наличия других стран. Все, мол, наше, все принадлежит нашему хозяину. Примерно так некоторые россияне смотрят на страны СНГ, в том числе на Украину. Мы понимаем, что строительство этой дамбы есть одно из таких действий. Кое у кого в России есть жажда имперского самоутверждения… Мы сожалеем, что самоутверждаются за наш счет, но нам ясно, почему именно Украина избрана для этого. Без Украины ведь не было, нет и не может быть империи - никакой, ни обычной, ни «либеральной».

- Сколько тут все-таки, по-вашему, политики и сколько эмоций? В глаза бросается задиристость на обоих берегах…

- Мы уже двенадцать лет видим людей, которые просто не в силах скрыть свое огорчение тем, что Украина «от них» ушла. Они не понимают даже, что это надо скрывать в приличном об-

ществе… Нельзя не посочувствовать руководству России, которое, как мы с прискорбием наблюдаем, вынуждено подчас считаться с неоколониальными настроениями в российском обществе, в российском правящем классе, в российском генералитете… Мы заявляем сегодня со всей определенностью: друзей у нас больше там, где их больше, а больше их там, где больше демократии. Чем ближе дамба к нашим берегам, тем ближе мы по своему настроению к Европе, к Западу в целом - так образно можно определить то, что делается сегодня в наших головах.

- А что может измениться во внутренней политике Украины?

- Как и следовало ожидать, очередное посягательство на наши интересы и наше достоинство заметно сплотило жителей Украины. Причем подчеркну: независимо от их домашнего языка. На русском языке действиями «краснодарских властей» возмущаются подчас громче, чем на украинском. Тузла явно служит делу консолидации украинской политической нации. Но такие способы консолидации, при всей их эффективности, - не наш выбор. Мы хотели бы консолидироваться, и мы будем консолидироваться на другой, более спокойной, более творческой основе - на основе мирного развития нашей государственности, на основе общей заботы об экономическом росте.

- Когда слушаешь ваших противников из рядов украинской политической оппозиции, трудно верится в «общую заботу»…

- Вы коснулись больного места. Я ничего не идеализирую. Я говорю своим противникам: давайте вспомним сегодня всю историю внутриукраинских раздоров. Всю историю!… Вспомним 1991 год, политическую жизнь Украины после поражения ГКЧП. Что было бы, если бы тогда ведущие политики Украины, как говорится, мертвой хваткой вцепились друг в друга, вместо того чтобы сообща добиваться независимости? Сейчас такие люди есть, они явно склонны вести политическую борьбу на уничтожение противника. Вот к ним я и обращаюсь в наших «домашних» разговорах: не будем никого искушать борьбой на взаимное уничтожение. Обращаюсь я к ним миролюбиво, но - с позиции силы. Эта сила - Конституция страны и общественное мнение: я чувствую, к чему оно склоняется.

Кое- кому показалось, что «стоянию на Тузле» я придал слишком большое, слишком принципиальное значение. Да, я это расценил как появление вопиющего неуважения к Украине. Мне не было дела (нет и сейчас) до журналистской версии, согласно которой российская власть просто хотела устроить чисто пропагандистскую акцию для внутреннего пользования в предвыборной ситуации. Ребята помешались на «пиаре», иногда видят его там, где присутствует кое-что другое. Решение засыпать тузлинский пролив было не пропагандистским, а стратегическим. Хорош бы я был президент, если бы не увидел этого с первого взгляда! Серьезнейший стратегический ход. Если бы Тузлу соединили с российским материком, сразу был бы создан прецедент пересмотра государственной границы. В Украину вдвинулась бы российская территория -вот что означала бы эта дамба. Я это, повторяю, хорошо понимал. Для демонстрации этого понимания и для решения возникшей проблемы я и прервал свой официальный заграничный визит и сам взялся «разруливать» ситуацию. Это само по себе явилось холодным душем для тех российских сил, которые стояли за возникшим кризисом. Они увидели, что заигрались.

Интервью «Известиям» было одним из моих самых резких выступлений в адрес России за все президентские годы. И я несколько удивился, что со стороны Москвы не последовало никакой реакции. Это можно было расценить как предложение «замять вопрос для ясности». Ведь иначе я сказал бы: «Ну хорошо, я готов взять назад свои резкие слова. Но тогда вы дайте полное и реальное объяснение всей истории. Почему вдруг нагнали столько техники? Почему стали работать так, как саперы под огнем? Почему подняли антиукраинскую истерию в своих СМИ? С какой это стати укрепление пятачка морского берега стало вдруг делом такой национально-патриотической важности?»

В одном комментарии содержались следующие обобщения: «Так делается история. Даже если правы те, кто думает, что «стояние на Тузле» выдумали Кремль и Банковая в обоюдных рекламных интересах, и даже если все разрешится самым благоприятным образом для обеих сторон, история независимой Украины отныне будет делиться на «до Тузлы» и «после Тузлы». За несколько дней Украина стала другой страной, хотя все это заметят, может быть, даже не завтра. Сделан огромный шаг в консолидации украинской политической нации. Эта нация вдруг осознала, что ей действительно нужна армия, и армия настоящая, со всем, что отсюда следует во внутренней и особенно во внешней политике. Можно, наверное, сказать, что Украина, наконец, нашла свою внешнюю политику. С иллюзиями и беспечностью покончено раз и навсегда. «К концу моего вто-

рого президентского срока наступило отрезвление», - мог бы сказать Леонид Кучма, и с ним согласились бы многие… Российский «геополитик» Дугин не зря отметил, что после Тузлы у русских появилась украинофобия и что это «просто катастрофа». Он имеет в виду катастрофу для России: если до сих пор Россия просто обижалась на оставившего ее «хохла» и надеялась вернуть его в «общий дом», то теперь она его ненавидит, потому что поняла: он таки не вернется».

Один мой однокашник по университету выразился так: «Русские тебя, старик, проверяли на вшивость». Я чуть-чуть обиделся: «Во-первых, почему на вшивость? Во-вторых, почему персонально меня, а не государство, не страну?» Одно из этих возражений он принял: «Насчет вшивости я неточно выразился, согласен. Проверяли на стойкость - не на вшивость. Но проверяли не государство, не страну, а тебя. Почему именно тебя - тебе и думать». Мне известна точка зрения, согласно которой на Тузле Москва опробовала свою новую украинскую политику. Эта точка зрения близка к той, которой придерживается мой однокашник. Мол, проверяя на стойкость Президента Украины, одновременно провели рабочее испытание нового курса в отношении его страны.

Смысл этого курса - в переходе к жесткому давлению на всех направлениях и к проведению крупных операций экспансионистского характера. Получится взять Тузлу - настанет очередь Крыма.

Не думаю, что команду давал непосредственно Путин. Вряд ли он был посвящен в замысел и его детали. Он мог, немного послушав инициаторов, махнуть рукой, каковой жест можно было расценить двояко: и как «отстаньте от меня с этим мелким вопросом», и как «согласен, действуйте». Так или иначе, работы по строительству дамбы были прекращены. В разговорах с Путиным я не возвращался к этой теме. Мне было понятно щекотливое положение, в которое его поставили или в котором он оказался. Правдоподобного объяснения в этом случае просто не могло быть. Ни с того ни с сего, без предварительного обсуждения и даже оповещения, на пятачке морского берега, в непосредственной близости от государственной границы, сосредотачивается огромное количество техники, разворачивается явно провокационное строительство, поднимается шовинистическая антиукраинская истерия в СМИ…

Ну как это все, не краснея, объяснять решением защитить свою, российскую, часть берега от разрушительного воздействия морской волны или течения?! Между тем как раз на этой позиции и стояла российская сторона во всех разговорах и переговорах с нами. Я, повторяю, их понимал. Ничего другого придумать было невозможно. Даже я на их месте ничего другого не придумал бы, хотя и являюсь в глазах некоторых своих российских «биографов» большим хитрецом. На них большое впечатление произвело то место в моей книге «Украина - не Россия», где я рассказываю о казацком ватажке Головатом и его петербургской миссии, по итогам которой запорожцы получили разрешение поселиться на Кубани. После этого мне не раз приходилось читать, что Головатый - мой любимый герой украинской истории, потому что я сам такой.

В связи с Тузлой остался нерешенным только один российско-украинский вопрос в том районе - о Керченском проливе. Если исходить из того, что остров Тузла принадлежит Украине, то ей же должен безраздельно принадлежать и Керченский пролив. Но мне всегда было совершенно ясно, что Россия с таким статусом не согласится ни при каких условиях.

Большой ли я хитрец - это вопрос дискуссионный. А то, что я реалист до мозга костей, обсуждению не подлежит. И как реалист стою на той точке зрения, что пролив должен оставаться в совместной эксплуатации. Тем более что нам это не так уж невыгодно: совместная эксплуатация означает и совместные расходы на поддержание пролива в надлежащем состоянии, а работы там очень много.

Меня даже мои заклятые враги из числа журналистов и политологов изображали победителем в «стоянии на Тузле». Это очень важный пример того, как превратно могут понимать сокровенную суть событий люди, не входящие во власть, не стоящие на верхней ступени государственной лестницы. «Украина показала зубы». «Украина смогла защитить свои национальные интересы». «Нападение России на Тузлу способствовало консолидации украинской политической нации». «Отныне Украина будет разговаривать с Россией на равных». «Украина показала России, что имперский проект пора бесповоротно выбросить из головы»…

Это я цитирую газетные заголовки и высказывания разных политических наблюдателей. Да и политиков, но таких, которые мало интересуются, как в действительности делаются государственные дела, как и на чем строятся реальные межгосударственные отношения.

Из тысяч слов, сказанных в связи с Тузлой, кое-какое отношение к «правде жизни» имели

только слова о консолидации украинской нации. Почти все остальное - это в основном спекуляции и желаемое вместо действительного. Мой личный вывод из той эпопеи был прямо противоположный тому, который мне приписывался. Когда Ядерный клуб на наше обращение промямлил что-то невразумительное, вот тогда я в очередной раз - и очень глубоко! - зарубил себе на носу следующее. Никому в мире Украина не нужна. Рассчитывать мы должны только на себя. Миттеран был прав в своем будапештском наставлении мне. А с Россией надо садиться и договариваться. Договариваться как сегодня, так и впредь. С Россией! Не надеяться ни на США, ни, тем более, на Европу, для которой Украина может представлять интерес лишь в том случае, если она дружна с Россией.

Я никогда не прятал свои личные эмоции так глубоко, как тогда, в дни «стояния на Тузле» (если не считать интервью «Известиям»). Поэтому мне было вдвойне странно наблюдать за тем, какую волю своим эмоциям дали «оранжевые» политики сразу после победы Ющенко на президентских выборах. Имею в виду прежде всего антироссийские эмоции. «Мальчишки, дети, ничего вы в жизни не понимаете! Молю Бога, чтобы вы поскорее повзрослели и чтобы это не обошлось Украине слишком дорого», - вот что хотелось им сказать.

19 февраля

В «дни Тузлы» у меня состоялся любопытный разговор с одним из моих внештатных советников. Время от времени мы встречались с ним для непринужденного обмена мнениями. И вот он читает мне маленькую, но очень насыщенную лекцию о своем видении наиболее эффективной стратегии украинского руководства на ближайшее десятилетие.

- Первое: тонко управляемая демократия. Второе: решительные рыночные, западнические реформы. Третье: мощное противодействие великодержавным и русификаторским амбициям Москвы. Без третьего Запад не будет терпеть первого и не обратит внимания на второе. Только третье может побудить Запад смириться с первым и содействовать второму. Мне кажется, Леонид Данилович, как раз на эту стратегию-доктрину и тянет то, что, при всех колебаниях, вы делаете уже два срока подряд. Остается только усилить третью позицию.

Я не мог сразу включиться в это «если первое, то третье, а если третье, то второе». Пришлось взять карандаш и перенести это все на бумагу. Итак, первого, то есть «управляемой демократии», Запад не будет терпеть, если мы будем поддерживать с Россией нынешнюю температуру отношений. Нормальную температуру. Чтобы он «простил» нам «завинчивание гаек» внутри страны, мы должны будем серьезно испортить отношения с Россией. Понятно. Кроме того, без третьего, то есть без ухудшения отношений Украины с Россией, Запад не оценит наших усилий по углублению рыночных преобразований. Получается, что ухудшение отношений с Россией - условие экономического и всяческого прогресса в Украине! Мол, только наши плохие отношения с Россией могут обеспечить нам всестороннее сочувствие Запада!!

Что же я ответил своему советнику, человеку неглупому и образованному, но слишком упертому в украинство? Я не привык, говорю, теоретизировать. Смотрю на вещи практически. Нечего лукавить: в России есть силы, которые хотели бы подчинить Украину. Но на государственном уровне такой политики нет. Затевать не какое-нибудь, а «мощное противодействие» этим силам - значит, испортить межгосударственные отношения на том основании, что в России есть эти силы, эти настроения. Я все десять лет поступал иначе. Четко разделял официальную политическую линию Москвы и великодержавную возню определенных сил. Эти силы, конечно, получали с нашей стороны должный отпор, но - не в ущерб межгосударственным отношениям. Если это называть моими «колебаниями», то могу согласиться, что они допускались мною сознательно и в соответствии с моей «доктриной». Но переходить от «колебаний» к «мощному противодействию» было бы просто невыгодно. Глупо досаждать соседу в ущерб себе. Это глупо на бытовом уровне, а на государственном - опасно, безответственно.

- Но твоя мысль мне понятна, - сказал я своему советнику. - И мысль понятна, и настроение. Только я не могу руководствоваться в таких делах настроениями.

Я нисколько не лукавил, сказав это. Иногда нужно немало выдержки и философского спокойствия, чтобы не поддаваться эмоциям.

То было как раз такое время. Ну, представить себе… Наш разговор происходил в октябре 2003 года. А перед этим было не только «стояние на Тузле», ошеломившее Украину. Перед этим

нас «спасали от голода». И как же это делалось, господи!

Урожай 2002 года был хороший, но правительство Кинаха допустило грубый просчет: не закупило достаточно зерна в госрезерв, и оно ушло на экспорт. В 2003 году, незадолго до нового урожая, нам пришлось решать вопрос о том, чтобы прикупить зерна. Речь шла, в сущности, о заурядной торговой сделке. И не о столь уж крупной. Естественно, мы искали такой ход, который позволил бы нам не слишком потратиться, тем более что денег, как всегда, не хватало. Обратились к России. Я отправил в Москву премьер-министра Януковича. Перед этим поговорил по телефону с Путиным. Был спокойный будничный разговор. Путин пообещал поставить нам 200 тысяч тонн пшеницы из российского резервного фонда.

И что же тут началось!

«Уже опустели у соседей полки бакалейных магазинов, фактически введена специальная продовольственная программа. Статистические выкладки сельхозспециалистов подтверждают неутешительный факт: хлебный рынок страны дестабилизирован…» Это - российская «Парламентская газета» (2 августа 2003 г.). И дальше: «Владимир Путин уже пообещал Леониду Кучме поставить… Януковичу же с Гордеевым пришлось договариваться о ценах, которые, по выражению главы правительства Украины, «для стабилизации ситуации на продовольственном рынке страны» должны непременно быть ниже рыночных… Взаимопонимание, достигнутое на встрече, - результат не столько умения вести дипломатические переговоры, сколько братского понимания нашей стороной сложной ситуации, сложившейся на Украине».

Теперь сопоставьте эту концовку статьи с заголовком: «Украине голод не грозит»…

Газета «Время МН». Солидная газета. Цитирую: «В августе Россия поставит на Украину 200 тыс. тонн пшеницы. В роли экспортера выступят не частные крупные компании, а само государство… Зерновые отношения между двумя странами вряд ли ограничатся только куплей-продажей, причем в первую очередь выгодной для Украины, нежели для нашей страны. И возможно, Украина предпочтет товарный бартер. Не случайно Янукович, прощаясь с журналистами, словно напомнил, что «добрые соседи должны друг другу помогать». И с этим через час-другой согласился президент России. Более того, Путин, как констатируют отечественные информагентства, оценил российско-украинские отношения не сколько дружескими, сколько родственным». Заголовок статьи: «Украина с протянутой рукой». «Коммерсантъ», в тот же день: «Украинский премьер попросил хлебушка».

Если о проявлении «родственных отношений» сообщают под такими заголовками, то я не знаю, что сказать.

А через неделю, как на зло, в «Новых Известиях»: «Россия не извинится перед Украиной за голодные годы». «Посол РФ в Украине Виктор Черномырдин заявил, что Москва не будет извиняться перед Киевом в связи с голодом 1932-1933 гг. «Извиняться мы не собираемся - нам не перед кем извиняться», - сказал Виктор Степанович. Он считает, что Россия как правопреемница СССР и так взяла на себя много обязательств и что «ей нужно в ноги поклониться за то, что она несет этот крест - и по долгам, и по другим вопросам, но только не по голодомору».

В связи с этим заявлением мне позвонил кто-то из наших видных писателей. Не буду называть его. Смысл его слов сводился к следующему. «Может быть, Россия действительно не должна извиняться перед Украиной за голодомор - хотя бы потому, что и сама пострадала от него. Но говорить об этом в таком тоне недопустимо. Еще менее позволительно послу России в Украине говорить, что страна его пребывания должна «кланяться в ноги» стране, которую он имеет честь представлять. По всем правилам, это черт знает что!» - кричал мой собеседник. Дальше он высказал мысль, с которой я никак не мог согласиться. Он сказал, что упомянутый Черномырдиным «крест и по долгам, и по другим вопросам» Россия несет для самоутверждения. Мол, таким способом она подчеркивает свое особое положение в ряду остальных бывших советских республик. А подчеркнуть свое особое положение она-де готова как угодно и чем угодно - хоть собственными страданиями и убытками.

Вот с этим я и не мог согласиться. «Поверьте мне на слово, - сказал я. - Хотя, кроме слов, есть и достаточно убедительные выкладки. Никакого креста Россия не несет. Ничем она не жертвует ради утверждения своего превосходства. За все, что она нам дает, мы рассчитывались и рассчитываемся сполна. Причем в обоюдных интересах». - «Так скажите это вслух! - кричал писатель. - Чтобы и Черномырдин услышал!» - «Черномырдин услышит, но вслух я этого говорить не буду». - «Что, опять государственные соображения?» - «Опять, дорогой. Других соображений у

меня не может быть».

20 февраля

Выдачу российского гражданства в Крыму в 1994 году мы тоже остановили тем, что подняли серьезный скандал. Я не знаю, в какой мере к этой авантюре был причастен Ельцин, и был ли причастен вообще. Важно другое: он оказался способным адекватно реагировать на наш демарш. Выдачу гражданства прекратили.

Мы, когда требовалось, скандалили, но без лишнего шума и без демонстрации враждебности к России и к ее руководству. Такой была моя линия, и она исправно работала. Такие вещи хорошо чувствуют и отдельные люди, и целые страны. Ельцин это чувствовал лучше всех из тех российских государственных деятелей, с которыми мне приходилось иметь дело.

Кроме того, у него в душе было такое местечко, где находился демократ. Этот демократ иногда дремал, но в критических ситуациях обязательно просыпался и брал бразды правления ельцинской личностью в свои руки. Я умел будить этого демократа. Как-то получалось… «Ну что же это такое, Борис Николаевич: ваши в Крыму начинают выдавать российское гражданство украинским гражданам. Ну это же хрен знает что, Борис Николаевич!» - «Да вы что?!» -

«Я- то ничего. Со мной все в порядке. А вот на шахматной доске у нас с вами затеялась какая-то не такая пляска». -«Ну, так я ее сейчас остановлю, понимаешь! Ладно. Забудем это. Вы когда в Москву наведаетесь? Или теперь я к вам для баланса?»

Так и жили, так и строили отношения…

Понятно, что в данном конкретном случае безобразие было остановлено не только по моему, так сказать, звонку. Были довольно серьезные заявления западных правительств, даже Китай подчеркнул, что он поддерживает Украину в ее стремлении сохранить свою территориальную целостность. Надо отдать должное и американцам за их позицию. Я имею в виду позицию по Крыму в начале моего первого президентского срока.

19 февраля

В «дни Тузлы» у меня состоялся любопытный разговор с одним из моих внештатных советников. Время от времени мы встречались с ним для непринужденного обмена мнениями. И вот он читает мне маленькую, но очень насыщенную лекцию о своем видении наиболее эффективной стратегии украинского руководства на ближайшее десятилетие.

- Первое: тонко управляемая демократия. Второе: решительные рыночные, западнические реформы. Третье: мощное противодействие великодержавным и русификаторским амбициям Москвы. Без третьего Запад не будет терпеть первого и не обратит внимания на второе. Только третье может побудить Запад смириться с первым и содействовать второму. Мне кажется, Леонид Данилович, как раз на эту стратегию-доктрину и тянет то, что, при всех колебаниях, вы делаете уже два срока подряд. Остается только усилить третью позицию.

Я не мог сразу включиться в это «если первое, то третье, а если третье, то второе». Пришлось взять карандаш и перенести это все на бумагу. Итак, первого, то есть «управляемой демократии», Запад не будет терпеть, если мы будем поддерживать с Россией нынешнюю температуру отношений. Нормальную температуру. Чтобы он «простил» нам «завинчивание гаек» внутри страны, мы должны будем серьезно испортить отношения с Россией. Понятно. Кроме того, без третьего, то есть без ухудшения отношений Украины с Россией, Запад не оценит наших усилий по углублению рыночных преобразований. Получается, что ухудшение отношений с Россией - условие экономического и всяческого прогресса в Украине! Мол, только наши плохие отношения с Россией могут обеспечить нам всестороннее сочувствие Запада!!

Что же я ответил своему советнику, человеку неглупому и образованному, но слишком упертому в украинство? Я не привык, говорю, теоретизировать. Смотрю на вещи практически. Нечего лукавить: в России есть силы, которые хотели бы подчинить Украину. Но на государственном уровне такой политики нет. Затевать не какое-нибудь, а «мощное противодействие» этим силам - значит, испортить межгосударственные отношения на том основании, что в России есть эти силы, эти настроения. Я все десять лет поступал иначе. Четко разделял официальную политическую ли-

нию Москвы и великодержавную возню определенных сил. Эти силы, конечно, получали с нашей стороны должный отпор, но - не в ущерб межгосударственным отношениям. Если это называть моими «колебаниями», то могу согласиться, что они допускались мною сознательно и в соответствии с моей «доктриной». Но переходить от «колебаний» к «мощному противодействию» было бы просто невыгодно. Глупо досаждать соседу в ущерб себе. Это глупо на бытовом уровне, а на государственном - опасно, безответственно.

- Но твоя мысль мне понятна, - сказал я своему советнику. - И мысль понятна, и настроение. Только я не могу руководствоваться в таких делах настроениями.

Я нисколько не лукавил, сказав это. Иногда нужно немало выдержки и философского спокойствия, чтобы не поддаваться эмоциям.

То было как раз такое время. Ну, представить себе… Наш разговор происходил в октябре 2003 года. А перед этим было не только «стояние на Тузле», ошеломившее Украину. Перед этим нас «спасали от голода». И как же это делалось, господи!

Урожай 2002 года был хороший, но правительство Кинаха допустило грубый просчет: не закупило достаточно зерна в госрезерв, и оно ушло на экспорт. В 2003 году, незадолго до нового урожая, нам пришлось решать вопрос о том, чтобы прикупить зерна. Речь шла, в сущности, о заурядной торговой сделке. И не о столь уж крупной. Естественно, мы искали такой ход, который позволил бы нам не слишком потратиться, тем более что денег, как всегда, не хватало. Обратились к России. Я отправил в Москву премьер-министра Януковича. Перед этим поговорил по телефону с Путиным. Был спокойный будничный разговор. Путин пообещал поставить нам 200 тысяч тонн пшеницы из российского резервного фонда.

И что же тут началось!

«Уже опустели у соседей полки бакалейных магазинов, фактически введена специальная продовольственная программа. Статистические выкладки сельхозспециалистов подтверждают неутешительный факт: хлебный рынок страны дестабилизирован…» Это - российская «Парламентская газета» (2 августа 2003 г.). И дальше: «Владимир Путин уже пообещал Леониду Кучме поставить… Януковичу же с Гордеевым пришлось договариваться о ценах, которые, по выражению главы правительства Украины, «для стабилизации ситуации на продовольственном рынке страны» должны непременно быть ниже рыночных… Взаимопонимание, достигнутое на встрече, - результат не столько умения вести дипломатические переговоры, сколько братского понимания нашей стороной сложной ситуации, сложившейся на Украине».

Теперь сопоставьте эту концовку статьи с заголовком: «Украине голод не грозит»…

Газета «Время МН». Солидная газета. Цитирую: «В августе Россия поставит на Украину 200 тыс. тонн пшеницы. В роли экспортера выступят не частные крупные компании, а само государство… Зерновые отношения между двумя странами вряд ли ограничатся только куплей-продажей, причем в первую очередь выгодной для Украины, нежели для нашей страны. И возможно, Украина предпочтет товарный бартер. Не случайно Янукович, прощаясь с журналистами, словно напомнил, что «добрые соседи должны друг другу помогать». И с этим через час-другой согласился президент России. Более того, Путин, как констатируют отечественные информагентства, оценил российско-украинские отношения не сколько дружескими, сколько родственным». Заголовок статьи: «Украина с протянутой рукой». «Коммерсантъ», в тот же день: «Украинский премьер попросил хлебушка».

Если о проявлении «родственных отношений» сообщают под такими заголовками, то я не знаю, что сказать.

А через неделю, как на зло, в «Новых Известиях»: «Россия не извинится перед Украиной за голодные годы». «Посол РФ в Украине Виктор Черномырдин заявил, что Москва не будет извиняться перед Киевом в связи с голодом 1932-1933 гг. «Извиняться мы не собираемся - нам не перед кем извиняться», - сказал Виктор Степанович. Он считает, что Россия как правопреемница СССР и так взяла на себя много обязательств и что «ей нужно в ноги поклониться за то, что она несет этот крест - и по долгам, и по другим вопросам, но только не по голодомору».

В связи с этим заявлением мне позвонил кто-то из наших видных писателей. Не буду называть его. Смысл его слов сводился к следующему. «Может быть, Россия действительно не должна извиняться перед Украиной за голодомор - хотя бы потому, что и сама пострадала от него. Но говорить об этом в таком тоне недопустимо. Еще менее позволительно послу России в Украине говорить, что страна его пребывания должна «кланяться в ноги» стране, которую он имеет честь

представлять. По всем правилам, это черт знает что!» - кричал мой собеседник. Дальше он высказал мысль, с которой я никак не мог согласиться. Он сказал, что упомянутый Черномырдиным «крест и по долгам, и по другим вопросам» Россия несет для самоутверждения. Мол, таким способом она подчеркивает свое особое положение в ряду остальных бывших советских республик. А подчеркнуть свое особое положение она-де готова как угодно и чем угодно - хоть собственными страданиями и убытками.

Вот с этим я и не мог согласиться. «Поверьте мне на слово, - сказал я. - Хотя, кроме слов, есть и достаточно убедительные выкладки. Никакого креста Россия не несет. Ничем она не жертвует ради утверждения своего превосходства. За все, что она нам дает, мы рассчитывались и рассчитываемся сполна. Причем в обоюдных интересах». - «Так скажите это вслух! - кричал писатель. - Чтобы и Черномырдин услышал!» - «Черномырдин услышит, но вслух я этого говорить не буду». - «Что, опять государственные соображения?» - «Опять, дорогой. Других соображений у меня не может быть».

20 февраля

Выдачу российского гражданства в Крыму в 1994 году мы тоже остановили тем, что подняли серьезный скандал. Я не знаю, в какой мере к этой авантюре был причастен Ельцин, и был ли причастен вообще. Важно другое: он оказался способным адекватно реагировать на наш демарш. Выдачу гражданства прекратили.

Мы, когда требовалось, скандалили, но без лишнего шума и без демонстрации враждебности к России и к ее руководству. Такой была моя линия, и она исправно работала. Такие вещи хорошо чувствуют и отдельные люди, и целые страны. Ельцин это чувствовал лучше всех из тех российских государственных деятелей, с которыми мне приходилось иметь дело.

Кроме того, у него в душе было такое местечко, где находился демократ. Этот демократ иногда дремал, но в критических ситуациях обязательно просыпался и брал бразды правления ельцинской личностью в свои руки. Я умел будить этого демократа. Как-то получалось… «Ну что же это такое, Борис Николаевич: ваши в Крыму начинают выдавать российское гражданство украинским гражданам. Ну это же хрен знает что, Борис Николаевич!» - «Да вы что?!» -

«Я- то ничего. Со мной все в порядке. А вот на шахматной доске у нас с вами затеялась какая-то не такая пляска». -«Ну, так я ее сейчас остановлю, понимаешь! Ладно. Забудем это. Вы когда в Москву наведаетесь? Или теперь я к вам для баланса?»

Так и жили, так и строили отношения…

Понятно, что в данном конкретном случае безобразие было остановлено не только по моему, так сказать, звонку. Были довольно серьезные заявления западных правительств, даже Китай подчеркнул, что он поддерживает Украину в ее стремлении сохранить свою территориальную целостность. Надо отдать должное и американцам за их позицию. Я имею в виду позицию по Крыму в начале моего первого президентского срока.

А вот почему тогда допускались такие игры, как попытка отобрать у нас Крым (по-другому я всю эту «мешковщину» квалифицировать не могу)? Объясняется это, по-моему, эйфорией российской демократии. А эйфория - почти синоним безответственности. Тут начинается ядерное разоружение Украины, ей даются гарантии ее безопасности и территориальной целостности, а в это время председатель парламента Крыма отправляется в Москву и выступает там в государственной думе России - приглашает ее активнее участвовать в «урегулировании конфликта между Крымом и Киевом».

Слово «урегулирование» надо опустить. Речь шла, конечно, не об урегулировании конфликта, а об участии в самом конфликте. Председателем Верховного Совета Крыма в то время был Сергей Цеков, президентом (первым и единственным) - Юрий Мешков.

У Ельцина была большая реальная власть, но его не боялись. С ним смело боролись его оппоненты и противники. Многие, находясь на государственной службе, пытались проводить свою политику. Это было злоупотребление демократией. Вернее, извращение демократии. В конце концов это и привело к возникновению послеельцинского политического порядка. Я так понимаю. А смелых людей для такого дела, как отторжение от Украины Крыма, в российском руководстве, к сожалению, хватало. Тем более что они знали, повторяю, что ничем особенно не рискуют. Чем рисковал тот же Лужков? Попробовал бы он сегодня выступить по какому-нибудь важному поли-

тическому вопросу вразрез с линией Кремля! Ему это не может прийти в голову. Как и Жириновскому, не к ночи будь помянут…

Но в отношении Тузлы Кремль, видимо, линии не имел. Поэтому и была проявлена самодеятельность - в расчете на то, что победителей судить не будут.

В советское время люди такого типа, как Лужков, Рогозин, Затулин, не боялись пересолить дело коммунизма. Они знали, что за такой пересол им ничего не будет. Ну скажет кто-нибудь тихонько: «Услужливый дурак опаснее врага», а вслух - воздержится. Теперь точно такая же история с патриотизмом в России, с великодержавием, имперством. Пересолить не боятся. Если же правы те, кто говорит, что Москва в этом случае просто решала одну из своих внутриполитических пропагандистских задач… Перед очередными выборами в государственную думу требовалось, мол, «раскрутить» новую партию лево-патриотического толка («Родина») и ее лидера (Рогозина). Последний действительно проявил большую активность, воспевая эту «стройку века».

В таком случае это была беспрецедентная пропагандистская игра. Создание такого грандиозного и рискованного «информационного повода» можно, наверное, считать новым словом в технологии российских избирательных кампаний.

21 февраля

В последний год моего президентства у меня была возможность посодействовать, чтобы в Украине, конкретно - в Крыму появился памятник Никите Сергеевичу Хрущеву. Я однако устранился от этого. Это было бы откровенной издевкой над Россией. Таков был замысел крымчан. Он возник у них в пику другому замыслу: поставить памятник Сталину, Рузвельту и Черчиллю в ознаменование годовщины исторической Ялтинской конференции 1945 года. Самыми решительными противниками этого выступили, естественно, крымские татары. Они не имели ничего против Рузвельта и Черчилля, но Сталин был тот самый человек, который депортировал их из Крыма. Памятник «Большой тройке» так и не появился. Но его автор - скульптор Церетели передал мне маленькую копию этого произведения.

Не знаю теперь, будет ли когда-нибудь поставлен памятник Хрущеву в Крыму. Если его поставят, чтобы подчеркнуть роль Хрущева в передаче Крыма Украине, то это будет, на мой взгляд, политически несолидно, да и сомнительно с исторической точки зрения. Ведь роль Хрущева в этом деле до сих пор не установлена. Его подписи нет ни под одним из соответствующих документов. Для меня это убедительное свидетельство того, что советское руководство 1954 года не придавало этому акту такого значения, какое придал ему потом Солженицын, а с его подачи - остальные «собиратели русских земель».

23 февраля

Показали очередное высказывание Березовского («Главред», 21.02.2006 г.). Приведу его почти полностью: «Украина рассматривалась как неотъемлемая часть империи. На основании этой идеи и создавалась экономическая инфраструктура Украины, которая базируется на крупных индустриальных комплексах, потребляющих колоссальное количество энергии. Если бы Украина 300 лет была независимым государством, она, несомненно, нашла бы другой путь развития экономики. К сожалению, режим Кучмы разменивал политическую независимость Украины на подачки России, и не сделал ни одного шага к перестройке экономической инфраструктуры. При том, что страны со значительно меньшим потенциалом - та же Польша - смогли это сделать за достаточно короткое время. Хотя, конечно, у них не было такой укоренившейся зависимости от империи. Но это факт. Когда Ющенко осознал эту проблему, он решил заняться перестройкой. Но, к сожалению, только на словах. Он проявил эту проблему, и тут оказалось, что Россия нисколько не меньше зависит от Украины, чем Украина - от России. В этом смысле требование Украины времени на перестройку своей инфраструктуры выглядело абсолютно справедливым и реализуемым. Но нужна была политическая воля, чтобы продемонстрировать России ее зависимость от транспортных артерий - ведь без них российским газом можно было бы хоть отапливать холодную Сибирь, хоть свои, простите, задницы…»

Начнем с имперской идеи, на основании которой создавалась, дескать, тяжелая промышлен-

ность Украины. Школьнику, изучающему экономическую географию, совершенно ясно, что украинская промышленность создавалась на основе полезных ископаемых и других природных факторов, с одной стороны, и на основе западного капитала, а также западной предпринимательской инициативы - с другой. Они знают слова Петра Первого, сказанные им, когда он впервые увидел донецкий уголь, возвращаясь из Азовского похода: «Для будущих поколений сей камень будет зело полезен». Донбасс в то время был почти безлюдной степью. Первым, кто загорелся идеей использовать угли и железные руды Донбасса, был англичанин Джеймс Хьюз. Он думал не об Украине и даже не о Российской империи, а о собственной выгоде. Точно так же рассуждали и бельгийские, французские, немецкие промышленники, которые одновременно с Хьюзом и вслед за Хьюзом индустриализировали Донбасс.

«Если бы, - говорит Березовский, - Украина 300 лет была независимым государством…» Я не хочу гадать, что было бы в этом случае, но, судя по всему, она не располагала бы большей частью тех территорий, которые стали «Новой Америкой», по выражению поэта Александра Блока (1913 год).

Со слов Березовского вытекает, что российское правительство позволяло западному капиталу создавать южно-русскую индустрию потому, что смотрело на те края, как на неотъемлемую часть империи. Точно так же, как оно смотрело на Урал, когда поощряло купцов Демидовых строить там железорудные заводы. Хорошо. Все так и было, и по-другому быть не могло.

А если бы Донбасс принадлежал независимой Украине, то ее правительство, что, не пустило бы Хьюза и других западных европейцев строить там доменные печи, рудники и шахты? Правительство независимой Украины XIX века решило бы, что базировать отечественную промышленность на «крупных индустриальных комплексах» нельзя, невыгодно? Что за бред? - скажет читатель. Донбасс - неотъемлемая часть грандиозной угольной дуги, начинающейся в Уэльсе и пролегающей через всю Европу (Эльзас, Рур, Силезия). Все, кто обитал на этой дуге, использовали ее залежи одинаковым образом, по-хозяйски. Франция базировала свою промышленность на ископаемых Эльзаса, Германия - на углях и металле Рура, Англия - на углях Уэльса… А независимая Украина стала бы исключением? Она сидела бы на своих богатствах, как собака на сене?

Это что касается первого тезиса Березовского. Теперь - о втором. Он хочет сказать, что Кучма, если бы был настоящим украинским патриотом, должен был бы избавить Украину от остатков советской индустрии - от предприятий, потребляющих много газа и нефти.

Поверхностный все-таки человек… Знает математику, доктор наук по этой части, был членом-корреспондентом Академии наук СССР. Это все серьезные рекомендации. Показал, что очень хорошо умеет делать деньги в такие времена, когда они делаются не трудами, а сообразительностью, ловкостью, авантюрной жилкой. Зарекомендовал себя как успешный политический изобретатель. Один из инициаторов создания партии «Единая Россия», успешно участвовал в работе над такими проектами, как недопущение к власти Зюганова, потом - Примакова и Лужкова. Приложил, по его словам, руку к выдвижению Путина.

Но, как оказывается, это все для него были игры. Он так и не смог остановиться на чем-нибудь основательном. Или пропустил основательное, как, может быть, ту же математику. Если бы он не стал рассуждать, как мне следовало поступить с украинской экономикой, я бы, наверное, так и не узнал всю меру его легкомыслия. Что он хочет сказать? Он хочет сказать, что я демонстрировал Москве свою преданность и за это получал от нее дешевые энергоносители, обеспечивая ими украинское страшно энергоемкое устарелое производство - металлургию, химическую промышленность. Он хочет сказать, что я должен был стремиться не к тому, чтобы поднять из руин нашу металлургию и химию, приносящие Украине более 40 процентов валютной выручки, а наоборот, срочно упразднить эти отрасли и заменить их менее энергоемкими. Какими конкретно и на какие деньги?

Присоединяюсь к мнению российских политиков: авантюрист. Он так вошел в эту неприглядную роль, ему так нравится стравливать людей и целые страны, что без этого уже не может. Мне кажется, ему должно быть досадно, что структуру украинской экономики определяет не он, а мировой рынок и наш здравый смысл. Наш металл и наша химическая продукция востребованы мировым рынком. Потребление металла на планете почти в полтора раза опережает темпы мирового производства. Ведь мировая экономика сегодня - это не только постиндустриальные страны. Это и развивающийся мир - мир, где на повестке дня индустриализация и реиндустриализация. А это металл и продукция химической промышленности. Это все актуально и для украинской эко-

номики. Она не может развиваться без потребления металлов и химических продуктов.

Березовский может этого не понимать - и пусть не понимает, но этого не понимают и «любі друзі». Слабые «стратеги». Очень слабые «стратеги»! Не понимают многих элементарных вещей. Реконструированная металлургическая и химическая промышленность Украины, а вместе с ними весь Донбасс - наше будущее, то же, что, по Ломоносову, Сибирь для России. Чтобы это будущее стало реальностью, нужно приложить государственный ум, раскрепостить предпринимателей, национальный капитал.

24 февраля

Березовский с его рассуждениями просто дилетант и обыватель. Это обывательские рассуждения. Вот он подстрекает Украину показать России и Европе, как они зависят от Украины как страны, через которую из России на Запад перекачивается газ и нефть. Показать - то есть поиграть, так сказать, с кранами. На такие обывательские речи ответить можно тоже по-обывательски, но точно: если Украина перекроет кран в Европу, то наша труба будет контролироваться войсками НАТО. Говорю так же смело, как он, но в отличие от него - по делу.

Есть вещи локальные и есть - глобальные, интернациональные. Правила международного общежития нарушать, конечно, можно, такие безумцы еще есть, но - до определенного предела. Существует, кстати, международная Энергетическая хартия по трубопроводам, о которой, получается, Березовский никогда не слышал. Нарушить ее просто немыслимо - будут приняты такие меры, что мало не покажется. К тому же работа нашего трубопровода в Европу никак не увязана с вопросами поставок газа и нефти в Украину. Это две разные сферы экономической деятельности. Трубы, транспортная магистраль - отдельно, а газ - отдельно.

Уровень представлений Березовского такой низкий, а тон такой хамский, что просто несолидно вступать с ним в дискуссию. Но вступать надо именно потому, что это обывательский уровень. От обывателя нельзя отмахиваться. Это избиратель. Это массы. Их надо информировать, разъяснять им, что можно, а что нельзя, и делать это в самой доступной форме.

Изображает поляков мудрецами, которые своевременно изменили свою промышленную структуру. Изменить структуру - значит одни предприятия и (или) производства закрыть, другие - создать. Устаревшие, выпускающие продукцию, которая не пользуется спросом, заменить современными, способными успешно работать на рынок.

Поляки, конечно, мудрый народ, но им нечего было особенно перестраивать. Их промышленный потенциал не был сопоставим с нашим. Машиностроения украинского уровня у них не было (правда, было хорошее судостроение), металлургия была представлена только одним-двумя комбинатами, наукоемких производств практически не существовало. Так что польский пример Березовский высосал из пальца.

Легко сказать: закрыть предприятия. А с людьми что делать? Их ведь сотни тысяч. Это самый главный вопрос для государственного руководителя, для политика. Спокойствие, внутренний мир в стране - да притом в такой, как постсоветская Украина, - не устанавливаются сами собой. И не поддерживаются в автоматическом режиме. Над этим надо работать с утра до вечера. Нужна исключительная осторожность, взвешенность, учет всех обстоятельств, интуиция. Ходишь, как сапер… А он сидит в Лондоне и мелет: закрыть, переменить, перестроить, показать «кузькину мать» России, напугать Запад…

Жгучей головной болью была угольная промышленность. После того, как в советское время были открыты огромные запасы лежащих на поверхности углей Кузбасса, в угольную промышленность Донбасса практически не вкладывалось ни копейки. Мне говорили, что последняя шахта была построена где-то в конце пятидесятых годов. Средств у государства не было. Мы буквально задыхались без финансов. А в шахты, чтобы они не просто существовали, а приносили пользу, нужно вкладывать колоссальные деньги. Закрытие - не выход. Закрытие старой шахты стоит не меньше, чем строительство новой. Огромный комплекс инженерных работ. Это не просто взял и засыпал шурфы. Из шахты надо вытащить все оборудование. Тут и проблема грунтовых вод… Пришлось тянуться из последних сил, экономить на самом необходимом, но шахтам что-то давать. Для начала - чтобы они хоть дышали.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что Украина, пусть не без потерь, спасла свою угольную промышленность. И металлургическую, и химическую. Да, они пока страшно энергоемкие, Березовский не говорит об этом ничего нового.

Закрыть? А на чем зарабатывать? Что экспортировать? Химическая промышленность - это

производство прежде всего удобрений. Мы поставляем их во многие страны. То же и металлы. Средств на техническое перевооружение металлургии не было, и никто нам их не предлагал ни взаймы, ни в качестве инвестиций. Но разве это основание для ликвидации такой отрасли? Кто нас умными назвал бы?

Мы работали, накапливали жирок, и вот дело сдвинулось: за последние 5 лет в техническое перевооружение нашей металлургии вложено больше, чем за 70 лет советской власти. В советское время деньги вкладывались либо в Липецкий, либо в Магнитогорский комбинаты - в зависимости от того, откуда был соответствующий союзный министр.

Да, может, мы когда-нибудь от металлургии откажемся, если представится случай разместить свои заводы где-нибудь в Африке. Я говорю в порядке шутки, потому что это еще вопрос, захотят ли африканцы нас впустить. А пока что приходится работать самим и у себя. Жизнь движется, наука движется. Нынешнее повышение газовой цены для всей нашей металлургии - не трагедия. Зато рынок таким образом подстегнул ее к техническому перевооружению.

В мои президентские годы российский газ нам обходился дешевле, чем другим странам. Он был, скажем прямо, для нас дешевым ресурсом. Какой дурак в мире отказывался от дешевого газа, кто в мире отказывался от дешевой нефти? Все пользуются в полной мере до тех пор, пока жареный петух не клюнет - пока не изменится рыночная конъюнктура. После этого начинают искать новые решения, новые источники и технологии. Так действовали и мы. Что тут нерационального? Особенно если учесть абсолютное отсутствие финансовых средств.

1 марта

У меня хранится любопытный документ: «Після виборів - 31.03.2002 утворюється єдина президентська фракція у парламенті «За єдину Україну» + «Єдність». Здійснено в присутності президента 18.03.2002 р.». Подписались Литвин и Омельченко. Кому ни покажу, реакция одна: «Потрясающе!» После этого Омельченко, как говорится, соскочил. Он всегда немного играл. Ему предстоят очередные выборы. Скорее всего, будет выдвигаться на третий срок. У него нет пока достаточно серьезных оппонентов, если не выдвинет себя Тимошенко. Юлия может себя выдвинуть и победить. Кто владеет Киевом, тот владеет многим. **а**

а Все получилось не так. Основным соперником Омельченко стал Леонид Черновецкий. И выиграл. В прошлую субботу проводил прием граждан под открытым небом у входа в мэрию. Собралось около трех тысяч человек. Была, естественно, давка, крики. Мэр сообщил собравшимся, что он в них разочаровался. Интересно, как смотрели на это представление Юлия Тимошенко, Петр Порошенко, другие лидеры «оранжевых»? Узнавали ли в Черновецком себя, какими они были год с лишним назад? 16 мая 2006 г.

Как и всякому человеку, президенту никуда не деться от слухов и сплетен вокруг себя и своей семьи. Сегодня это может сказать о себе Ющенко.

Приходится терпеть. Только ему терпения требуется, наверное, больше, чем кому-либо другому.

Как- то узнаю, например, что Александр Александрович Омельченко, оказывается, женат на двоюродной сестре моей супруги Людмилы Николаевны. Мало того, что мы с ним родились в один год и в один день (это не слух, а чистая правда) -мы к тому же пусть и не очень близкие, но, по слухам, родственники! Говорю ему однажды: «Ну-ка, давай разберемся. Внесем, наконец, ясность. Моя жена родом из Воткинска. Откуда твоя? Из Киевской, отвечает, области. Хорошо, говорю, пойдем дальше». И так прошлись до седьмого колена каждой из сторон. Никакого родства не обнаружили. Но не будешь же объявлять об этом на всю страну! Во-первых, как-то неудобно, а во-вторых, как подсказывает Александр Александрович, все равно не поверят.

Познакомил меня с ним Пустовойтенко. Омельченко тогда был заместителем мэра Киева по коммунальному хозяйству. Я посмотрел его биографию. Строитель, прошел все ступеньки от мастера и выше. Далек от политики. Все это меня устраивало. Я считал, что для города Киева, для столицы нужен не политик, а хозяйственник, и хозяйственник настоящий, не белоручка, не «аристократ»: улицы подметать, грязь убирать, трубы менять, дома строить. Все это было в ужасном состоянии. По большому счету, я не ошибся в этом человеке.

Свой день рождения я обычно отмечал в Крыму, находясь в отпуске, - приглашал Александра Александровича, и он обязательно приезжал. У нас были хорошие отношения, но мы с ним ни-

когда не говорили о большой политике. Мы разговаривали о том, как проложить новую ветку метрополитена, как отреставрировать один объект, как - другой, что делать с Михайловским собором, с Успенским, как расчистить заросли на въезде в Киев, обустроить парковую зону (часть этой работы он успел сделать). Каждый раз это была словесная прогулка по Киеву, деловая прогулка. Всему, что затевалось в Киеве, предшествовали такие обсуждения.

Он всегда говорил, что ему помогает моя поддержка. Было, например, много шума, когда начиналась реконструкция Крещатика. Я специально прошел весь Крещатик. Можно сказать, что я его лично обследовал - все его закоулки. Мы постарались, чтобы все поняли, в каком состоянии там были трубы. Положенные после войны, они превратились в решето, ржавое решето. Их зарывали практически без всякой изоляции!

Большую критику вызвала перестройка майдана Незалежности. К этому я не имею отношения, а вот в рассмотрении проекта стелы принимал участие. Было много проектов, конкурс. Все планшеты вывешивались на площади, люди могли сказать свое мнение. Я считал, что последнее слово должно быть за советом по градостроительству. Что-то мне может нравиться больше, что-то - меньше. Но разговоры о таких вещах, как первостепенные архитектурные объекты столичного города, - разговоры вечные. Люди любят спорить, выставлять свои «проекты», а раз так, то всегда будут недовольные.

Раньше архитектурой центральной застройки занималось политбюро ЦК КПУ и, конечно, не лучше, чем многими другими делами. Потом это стало прерогативой городской власти, и она тоже оказалась не без греха.

Соперником Омельченко на выборах мэра был Григорий Суркис. Я Григорию говорил, что ему не следует даже выдвигаться - не то что участвовать в этих выборах. Все опросы показывали, что общественное мнение за Омельченко. Однако Суркис поступил по-своему. Его участие сделало избирательную кампанию излишне азартной, не очень культурной, Омельченко обиделся на Суркиса. А надо знать его характер. Омельченко не спешит прощать обиды, хотя мы с ним львы по гороскопу, а львы не злопамятны. Саша очень в этом плане жесткий человек. Тем не менее он, при всей своей жесткости, не нажил себе много врагов.

Через некоторое время он создал свою партию, пошел с ней на парламентские выборы. Было ясно, что он с этой «партией» провалится. Кое у кого это вызвало недоуменные вопросы ко мне. Люди не могли себе представить, что я не имею отношения к этой затее, что Александр со мной не советовался. А он действительно не советовался. И я не считал уместным что-то ему говорить по своей инициативе. Почему? Это серьезный вопрос.

Меня изображали диктатором, который во все вмешивается и все за всех решает. Если бы это было так, я не проработал бы на президентском посту два срока. Во всяком случае без применения довольно грубых методов принуждения. Если хочешь все за всех решать, надо, чтобы все тебя по-настоящему боялись. Иначе твои диктаторские замашки получат скорый отпор. Конечно, состояние украинского общества и положение в экономике просто вынуждали меня часто действовать командно-административными методами - как говорится, по обстановке. Но все-таки я не считал нужным устанавливать такие порядки, чтобы мэр Киева не мог, если ему хочется, сделать без моего позволения такого шага, как создание «партии».

Мэр Киева должен чувствовать себя достаточно крупной и самостоятельной фигурой. Тогда он будет хорошо работать, у него будет авторитет в городе и в «номенклатуре». Как президенту, который хочет видеть столицу страны в приличном состоянии, мне выгоден такой хозяин города. Я не должен его дергать, унижать. Я не должен вмешиваться в его компетенцию, а тем более - в такие личные его дела, как желание получить депутатство. Для меня же не было секретом, что для большинства наших парламентариев депутатский мандат - это защитные корочки. Я был не в силах изменить такое положение, хотя и пытался. Это может изменить только время, ход истории.

Итак, я примерно представляю себе, для чего Омельченко создает «партию» и идет с ней на выборы. Сегодня он мэр, а завтра - придет кто-то другой, кто захочет показать себя новой метлой и на контрасте с предшественником набрать очки. С первого дня он начнет «раскопки». Уж я-то знаю, сколько можно «накопать» на любого человека, который не бездельничал, а делал что-то реальное. Тем более - в эти годы в Киеве. И вот я, допустим, говорю Александру: «Зачем тебе это депутатство? Брось, не позорься!» Это ведь то же самое, что сказать: «Зачем ты хочешь себя защитить на всякий пожарный случай?» Конечно, я не мог себе этого позволить.

У него в руках все управление Киевом. Это не достигается автоматически, не дается вместе с

должностью. Надо сказать, что с любой должностью дается не так уж много. Все главное человек должен добрать по ходу дела своей волей и другими качествами. Омельченко добрал, на мой взгляд, все, что можно было, хотя надо признать, что ему было легче, чем мэрам других городов. Огромная часть финансовых потоков со всей страны сосредоточена в Киеве. Производство расположено в каком-нибудь регионе, а офис - в Киеве. Банки, страховые компании и многое другое. Здесь можно быть щедрым меценатом и решать многие социальные вопросы.

В свое время передо мной настойчиво ставили вопрос о лишении Омельченко ранга главы администрации Киева. Многие претендовали на это место. Я на это не пошел. Нельзя в Киеве устраивать двоевластие - иметь и мэра, и главу администрации, хотя закон о столице имеет такие изъяны, что его обязательно придется дорабатывать.

Несмотря на существование «партии» Омельченко, время мэров-политиков в городе Киеве не пришло и, даст Бог, не придет. Как, например, и в Москве. Тамошний многолетний мэр начинал с того, что объявил себя чистым хозяйственником. Таким он, в общем, и остался, хотя, кажется, не совсем по своей воле. Талантливый организатор, он, как известно, на определенном этапе захотел пойти в большую политику, стать чуть ли не президентом страны. Но его за это больно погладили по голове, и он остановился, успокоился. Я думаю, свою роль сыграла его кепка и весь простоватый вид. Народу нравятся такие мужики именно на хозяйственных, на мэрских должностях. Какие красавцы были в городе Москве среди боровшиеся с ним, а он все три раза легко у них выигрывал! На президентских же выборах никогда не выиграл бы, даже если бы его допустили к ним. Пришлось бы снимать кепку и менять ухватку, а это было бы уже поздно. Без кепки ты другой человек.

Не буду отрицать, если скажут, что после Омельченко мэром Киева должен быть не Омельченко-второй, а человек другого типа, посложнее. Время диктует свое, это естественно. С временем не поспоришь, его не перехитришь. Причем оно не на всех участках идет с одинаковой скоростью. Где-то еще стоит девятнадцатый век, а где-то двадцать первый. Когда подбираешь и расставляешь кадры, очень важно не перепутать, не сунуть человека девятнадцатого века в двадцать первый - растеряется, отстанет. Если же человека двадцать первого века поставить на участок, где еще девятнадцатый, он там закиснет из-за невостребованности. **b**

b Но вот на смену Омельченко пришел Черновецкий. Кто-нибудь может с уверенностью сказать, какого века этот человек? Трижды был народным депутатом. Успешный предприниматель, создавший концерн «Правэкс». Побывал во многих партиях и блоках: от НДП и партии «За красивую Украину» до Христианско-либеральной партии и «Нашей Украины». Прихожанин харизматичной протестантской церкви «Посольство Божье» - «практикующий христианин», как назвал его один из журналистов. Много занимался благотворительностью, еще больше говорил об этом.

Вот часть его предвыборных обещаний: «Чиновник, не способный эффективно и прозрачно работать на своем участке, будет увольняться незамедлительно. Если Иванова или Петренко не лечат в больнице, или они умирают от плохого лечения, проблема немедленно будет взята под контроль. Я возьму под повседневный контроль цены на необходимые продукты питания и лекарственные препараты для людей, которые живут на минимальные зарплаты или пенсии. Я «жесткой рукой» наведу порядок в Киеве, предложив вам избрать в каждом микрорайоне своих участковых милиционеров. Я подниму зарплаты минимально до эквивалента 300 долларов врачам и учителям. Я полностью реорганизую все социальные службы. Ни одна бабушка, ни один дедушка в течение года не останутся без внимания добрых и отзывчивых людей. Я буду контролировать каждую копейку, не допущу в городе Киеве ни одной ржавой трубы. Никогда больше так называемые «инвесторы» не будут строить небоскребы в скверах, на детских и спортивных площадках - никто не даст на это разрешения. Даже за миллионную взятку».

Почтовые ящики были забиты материалами в его пользу. Раздавались продуктовые наборы «от Черновецкого». Во дворах записывали желающих «в общественные помощники» будущего мэра, выдавали соответствующие удостоверения. Прокуратура возбудила дело по статье о подкупе избирателей. Черновецкий подал заявление в Центризбирком. Дескать, пока идут разбирательства, он хочет оставаться и мэром, и народным депутатом. «Самый справедливый ЦИК в мире» разрешил.

Вопрос, какого века этот человек, уместно дополнить вопросом: какого века этот ЦИК? А заодно и вопросом: какого века та часть электората, чьими голосами этот человек был избран мэром украинской столицы? 6 декабря 2006 г.

10 марта

Считаю Гельмута Коля одним из политических гигантов двадцатого века. С этим гармонировала и его физическая масса, но дело, конечно, не в ней. Общение с ним мне доставляло удовольствие, было очень полезным. Нравилась его речь - простая, без выкрутасов. Мне близок был его взгляд на завтрашний день и Европы, и мира. Он мыслил категорией всего Европейского континента, а не только Германии. Сколько бед пришлось пережить его стране, сколько страданий причинить другим народам, чтобы появились наконец такие немцы в политике!

Коль и сегодня опережает многих немцев именно в этом отношении. Общеевропейское мышление. И всегда подчеркивал роль России. Как все великие немцы… Но в каждом разговоре я слышал от него и такое: «Я прошу вас не думать, что на востоке для нас существует только Россия, что наша восточная политика строится только вокруг России. Мы очень серьезно относимся к Украине, понимаем ее роль и место». Берлин, Киев, Москву он называл опорными точками Европы. В самом начале немцы, кстати, были самыми активными инвесторами в нашу экономику. Потом появились заявления вроде того, которое принадлежит Форду Стейчу: «Мы считали, что в Украине все пойдет быстрее. Мы такие надежды возлагали на нее, каких не возлагали ни на какую другую страну из бывших советских республик. Но мы где-то ошиблись».

Больше всех ошиблись мы, украинцы. Чересчур внимательно прислушивались к рекомендациям таких «мозговых трестов», как Международный валютный фонд. С точки зрения теории в них, наверное, все было правильно, но наша практика требовала другого. Я имею в виду прежде всего начальный этап, с 1991-го по 1994-й. Нас не остановил пример России, где негативные последствия прыжка в «рыночную экономику» проявились раньше, чем в Украине. И ведь прекрасно понимали, что отечественного капитала нет, а иностранный не придет, и что приватизация в таких условиях не может не быть хаотической, не может не породить очень тяжелых социальных и политических последствий. Хотя малая приватизация, и быстрая, бесплатная, была совершенно необходима. Надо было раздать людям все, что они захотели бы взять. А если подумать, так это же во многом касается и большой приватизации, учитывая, что у нас такие гиганты металлургии, химии, угля, где многие тысячи рабочих, целые города. Когда приезжаешь на завод и тебя встречает огромная толпа голодных людей, которые требуют одного: «Дай поесть!» - то невольно возникает желание немедленно найти кого-то, кому можно сказать: «На, возьми этот завод, только быстрей поставь его на ноги, дай людям зарплату!»

Так что дело, конечно, не только в слишком теоретических и категоричных рекомендациях МВФ и не только в нашей некритичности. Слишком тяжелая и нестандартная была экономическая ситуация. Она не могла не оказывать влияния на всех. В том числе и на парламент. Ведь именно он, это надо подчеркнуть, принимал программу приватизации.

Нас нельзя сравнивать с той же Белоруссией не только из-за пятикратного разрыва наших весовых категорий. Белоруссия пошла по пути «военного коммунизма», мне думается, не только в силу субъективного фактора. Там были объективные условия для продления административно-командной модели управления экономикой (с известными уступками рыночным началам). Руководство этой страны не получило такого наследства, как мы. Там практически новые машиностроительные и химические заводы, предприятия легкой промышленности, да и вся промышленность не такая старая, как в Украине. Белоруссию в советское время жалели как больше всех пострадавшую от войны, и вкладывали в ее развитие крупные средства, обделяя, естественно, других. Это был своеобразный секрет Полишинеля в управленческих кругах союзного и республиканских центров. В Белоруссии после войны были построены такие современные гиганты машиностроения, как МАЗ, Белаз, тракторный завод, современная химия и нефтехимия, предприятия легкой промышленности, электротехнические заводы.

Белоруссия не могла столкнуться с нашими проблемами. Иначе и она, я убежден, искала бы выход за пределами административных моделей. По-другому действовать было бы просто невозможно: приказы не исполнялись бы. У нас рухнула металлургия («легла», как мы выражаемся), рухнула угольная промышленность, рухнуло, в общем, все остальное. Вдуматься только: 40 процентов украинской промышленности - это были предприятия военно-промышленного комплекса, который в одночасье остался без заказов, то есть без работы. Плюс мировые цены на энергоносители. У нас действительно был коллапс экономики.

И спрашивается: можно ли было откладывать приватизацию до лучших времен - до тех пор, пока она, экономика, не встанет на ноги и не появится перспектива выручить на аукционе (открытом!) за каждое предприятие не копейки, а миллионы и миллиарды? Конечно, любое успешное предприятие сегодня имеет не ту цену, за которую оно кому-то досталось даже пять лет назад, не говоря уж о десяти или пятнадцати. Но надо же задуматься, надо вспомнить: а что там было пять лет назад? Что тогда представлял собой теперешний красавец-завод? А через несколько лет он будет еще краше.

Ничто меня так не возмущало и не пугало (боялся не за себя, а за страну) в первые дни, недели и месяцы «оранжевой» власти, как речи демагогов на одну тему: Кучма, мол, раздал за копейки народное добро, которое сейчас стоит «сумасшедшие деньги»!

Хочется сказать: ну как же вам не стыдно? Во-первых, добрые две трети приватизированной собственности - это то, что было разгосударствлено до Кучмы по решениям Верховной Рады и за сертификаты. Так что, господа депутаты, возьмите хоть часть ответственности за последствия на себя, а не перекладывайте всю ее на одного. А во-вторых… Вы что, не знаете, в каком положении был Кучма, когда народ брал его за горло: «Ты президент, ты взялся руководить страной, мы тебе поверили - давай нам зарплату, давай нам пенсии, давай нам пособия!» И способ был один: дальнейшая приватизация. Приватизация любой ценой, с любыми издержками. Другого способа в природе не существовало и существовать не будет. Людей может накормить, одеть и обеспечить крышей над головой только частный интерес.

…К тому же долгие годы Запад (то есть прежде всего западный капитал) не верил, что Украина устоит, сохранит свою независимость. Я где-то уже говорил, что Чехию по уровню коррупции ставят всего-навсего на три пункта позади Украины. Но туда иностранный капитал рванул сразу, а в Украину - нет. Значит, дело не в коррупции, на которую ссылаются как на основное препятствие для западного бизнеса, а именно в том в первую очередь, что никто не принимал всерьез нашу государственность и нашу способность развиваться по-современному.

11 марта

Кто- то сегодня опять прошелся по безъядерному статусу Украины. Долго еще, наверное, не забудут эту тему. Хочешь показать, какой ты большой патриот -скажи о том, что Украина напрасно отказалась от ядерного оружия. А если при этом назовешь фамилии тех, кто таким способом «предал» Украину, то можешь претендовать на медаль.

Была ли альтернатива безъядерному статусу? Однозначно: альтернативы не было. Мы не производили самого ядерного оружия. Оно было произведено в России. Каждые три года надо было проводить замену ядерных боеголовок, техническое обслуживание…

Шанс остаться ядерной державой Украина имела. Тут национал-патриоты правы. Они только не говорят, в чем заключался этот шанс. Мы могли остаться ядерной державой только на основе совместного обладания ядерным оружием. С кем? Вот именно: с Россией. Только так. Но и этот шанс был теоретический. А практически сразу после распада Советского Союза США и Россия договорились, что Украина должна стать безъядерным государством. США думали о проблеме безопасности, а у России была, конечно, и дополнительная мысль. России не хотелось, чтобы в Украине существовал такой мощный фактор независимости, как ядерное оружие. Поэтому договориться с ней даже о совместном обладании было абсолютно нереально.

Тем, кто обвиняет Кравчука, а в придачу почему-то и меня, что мы допустили слабину, я давно говорю одно и то же. В Украине было много таких ядерных зарядов, которые уже светились, то есть испускали радиацию. Если есть охота, поезжайте с инспекционной целью на те склады, где они хранились, зайдите туда без защитных костюмов - и посмотрим, с чем вы приедете назад, с яйцами или без яиц, извините за грубость. **с** Другое дело, что, расставшись с ядерным оружием, мы не получили того, что нам обещал Запад. По этому поводу кошки у меня на душе скребут. Не понимаю, кстати, почему молчат самые неуемные мои ругатели из лагеря национал-патриотов, а заодно - и украинская диаспора в США, имеющая своих представителей в Конгрессе. Нам оплатили стоимость ядерной начинки, которая подлежала переработке в ядерное топливо, и ликвидацию пусковых шахт. Для американцев очень важно было также добиться ликвидации этих шахт вместе со всем соответствующим оборудованием. Они боялись, что если мы когда-нибудь опять обнимемся с Россией, то эти шахты нам пригодятся. А утилизацию твердого ракетного топ-

лива предоставили нам, хотя и брали на себя обязательство передать нам экологически чистую технологию утилизации твердого топлива, которое до сих пор лежит на заводе в Павлограде Днепропетровской области, хотя гарантийный срок его хранения давно истек. Нарушение этого обязательства не делает чести Соединенным Штатам Америки. Я говорил об этом много раз, писал письма президенту Бушу. Президент Ющенко публично еще не сказал об этом ни разу. Или сказал, да я, может, не заметил.

с «В правительстве нашем, где должна бы сидеть вся патриотическая элита, не нашлось больше человека, который бы вышел и сказал правду: это - мошенничество, это - предательство интересов Украины (подписание документов о создании газотранспортного консорциума. - **Л. К.)**. Поэтому независимо от наших политических взглядов мы должны сейчас это сказать. Украина отдала уже все, что могла. Мы отдали ядерное оружие, отдали бомбардировщики, отдали уже практически все. Газопровод - это последнее, что осталось, и при нашем участии, если мы промолчим, будет отдано еще и это».

Это - из выступления депутата Владимира Яворивского на заседании Верховной Рады 8 октября 2002 года. Яворивский - писатель. Бывает, когда говорят о человеке, что он писатель, литератор, то имеют в виду, что он не только не разбирается ни в чем, кроме литературы, но и не может ни в чем, кроме литературы, разобраться. Я же считаю иначе. Настоящие писатели всегда очень тщательно изучали, на уровне специалистов, знали дела, о которых писали даже в романах, не говоря уж о статьях. Так что с писателя-депутата должен быть, по-моему, не меньший спрос, чем с депутатов других профессий, а больший. Он умеет работать с источниками, интервьюировать специалистов. К сожалению, в приведенном выше отрывке из речи господина Яворивского - уникально густая концентрация неосведомленности. Или сознательных искажений. Насчет того же ядерного оружия… Если быть до конца объективным, то надо сказать, что Украина никогда не владела стратегическим ядерным оружием, поэтому она никому его и не отдавала. Просто оно размещалось на ее территории, а пусковая кнопка находилась в «ядерном чемодане» у главнокомандующего Вооруженными силами России, президента России.

16 марта

Николай Азаров (теперь он председатель политсовета Партии регионов) ведет себя уже как один из руководителей правительства, которое будет сформировано по итогам парламентских выборов. При этом он не жалеет «оранжевых». Размышляя о возможной коалиции с ними, говорит («Бизнес», № 44), что это возможно «только в том случае, если они примут нашу стратегию и наши принципы». Анализируя их ошибки, предсказывает им крупную неудачу на выборах. Одной из главных ошибок или прегрешений считает то, что государственный бюджет они превратили в «предвыборную социальную кассу». Самой трудной задачей будущего своего правительства он считает разработку реального бюджета. Очень смело Азаров обещает избирателям решение проблемы газа - «выйти на уровень приемлемых для украинской экономики переходных цен». Ссылается на опыт прошлого: «Достаточно вспомнить реструктуризацию нашего долга России в 2004 г. В 1997 г. россияне по сути простили нам долги за тот газ, который они нам поставляли в течение пяти лет и за который мы так и не удосужились расплатиться».

Боюсь, что эта смелость носит слишком предвыборный характер. Вряд ли правительству, даже если это будет правительство Януковича - Азарова, удастся вернуть отношения с Россией на тот уровень, что был при мне.

Он, конечно, прав почти на сто процентов, когда говорит, что «все игры с газом начались по двум причинам: кому-то захотелось разжечь конфликт с Россией, а кто-то решил на этом желании руководства страны нагреть руки», но прекращение этих игр само по себе уже мало что даст. Изменилась рыночная конъюнктура в мире, заметно изменились и настроения в Кремле, во всей России. Поезд ушел. Не знаю, стал бы ли я говорить об этом избирателям на месте Азарова. Может, и не решился бы…

Да, отношения с «оранжевыми» ему и его однопартийцам видятся только как отношения победителей, принявших капитуляцию побежденных. «Предположим, Президент принимает решение о роспуске парламента. Новые выборы он обязан назначить через шесть месяцев… Да ни у кого сомнений не возникает, что нынешняя власть окончательно провалит все, что только можно провалить… Перенести выборы на сентябрь для власти значит не проиграть эти выборы, а ли-

шиться политического будущего… Поэтому им деваться некуда, им надо принимать нашу стратегию, наши принципы, если они хотят стабильности в стране, устойчивого экономического развития. Альтернативы нашей стратегии нет». Думаю все же, что в обозримом будущем отношения основных политических сил будут строиться на основе компромисса. Преимущество, и преимущество большое, может оказаться на стороне «бело-синих», но я бы советовал им не зазнаваться. Страну ожидают серьезные объективные трудности. Вызваны они во многом «оранжевыми», но население будет предъявлять счет не им, а правительству, и в этом случае правительству Януковича - Азарова не позавидуешь.

21 марта

Здравый смысл, здравый расчет приносится в жертву политике. Или пропаганде. Или каким-то странным националистическим эмоциям. Это я говорю об отношениях «оранжевой» власти с Россией. У меня такое иногда впечатление, что эти люди - Тарасюк, его заместители, некоторые из «любих друзів» - не чувствуют себя самостоятельными фигурами, ответственными государственными служащими. Они ведут себя, как подчиненные, которых оставил без присмотра их начальник. И они, пользуясь временной свободой, куролесят, «оттягиваются» по полной программе. Такая вещь, как национальные интересы, - это, мол, забота начальника, а мы, пока его нет, дадим волю своим эмоциям.

И, по- моему, эти люди очень плохо представляют себе реальную картину украинско-российских экономических отношений. Мы так связаны, например, военно-техническим сотрудничеством, так объективно заинтересованы в его развитии, что каждый, кому небезразличны интересы Украины, должен, казалось бы, ставить эту сторону дела выше всего. Должна быть одна эмоция: удовольствие от взаимных выгод, от экономического прогресса, от соответствующих перспектив.

Это относится и к Китаю. Китай, Россия, Украина - это может быть грандиозное «совместное предприятие». А Украина сегодня - как суденышко в открытом бушующем море, которое швыряет в разные стороны, но на одном месте. Нет четкого курса, который был бы определен всеми элитами. Пока элиты не договорятся, не придут к ясному и твердому соглашению, стабильности не будет. В ближайшем будущем надеяться на такое соглашение, видимо, не приходится. Повторяется то, что было много, много лет назад.

В конце сентября прошлого года китайский посол приглашает меня на прием по случаю дня независимости его страны (1 октября). Я, конечно, иду. Из официального руководства Украины там какой-то 25-степенный чиновник… Ну что это такое?! Как это возможно? И в чем смысл этой демонстрации неуважения к величайшей стране? В ходе приема посол пригласил меня на обед в один из ближайших дней. Потом, перед отъездом на родину, он наносит мне визит в Фонд. Приезжает новый посол - звонит, просит о встрече, я с удовольствием откликаюсь. Дело не в моей особе. Китайцы назубок знают язык дипломатии. Этим они показывают новому украинскому руководству, что высоко ценят те отношения, которые были между Китаем и Украиной при прежнем руководстве. Мы широко сотрудничали в ракетно-космической отрасли, в авиационной. Были совместные разработки. Кстати, последние китайские успехи в космосе достигнуты на двигателе, который мы им передали еще тогда, когда я работал на «Южмаше».

О чем были разговоры с обоими послами? О вещах, которые расширяют горизонты собеседников. Одно дело - читать прессу, специальную литературу, справки, докладные и аналитические записки и другое - черпать сведения из доброй беседы со знающим и благожелательным государственным человеком. Посол с увлечением рассказывал мне о новой экономической политике Китая. Страна, по его словам, накопила силенок, и теперь может вплотную заняться решением социальных проблем. Это большие, острые и безотлагательные проблемы.

Нуждается в перестройке здравоохранение, образование, нужен новый уровень помощи деревне. То есть от упора на развитие мегаполисов Китай переходит к программам, охватывающим все пространство страны. Мегаполисы будут служить локомотивами социально-экономического роста вширь. В связи с этим китайцы отказываются от дальнейшего наращивания темпов роста ВВП. Считают, что будет достаточно 7 процентов в год. Большие седства направляются на развитие науки и техники. До сих пор высокие темпы достигались потреблением колоссальных объемов энергоресурсов - нефти и газа. Теперь решено приостановиться и посмотреть, как на рентгенов-

ском аппарате, каждую отрасль, вплоть до каждого предприятия. Цель - решительно избавиться от старья, очистить место для современных технологий. Из-за выбраковки отжившего оборудования и производственных мощностей как раз и произойдет определенное снижение ВВП. Зато потом можно будет сделать очередной рывок.

Наиболее проблемный регион Китая - северные провинции. Туда сейчас прокладываются дороги. Работают по плану: сначала создается «кровеносная система» в виде мощной дорожной сети, потом решаются вопросы рационального размещения производительных сил.

Китайцы находятся в исключительно благоприятных внешних условиях для модернизации. Со страной, где 1,3 миллиарда населения, никто не решится портить отношения. Китай входит во Всемирную торговую организацию и пользуется этим, как говорится, на полную катушку. Европа и Америка завалены дешевыми китайскими товарами. У США в торговле с Китаем огромное превышение импорта над экспортом. Американцы время от времени поднимают этот вопрос, но переломить соотношение в свою пользу не могут.

Китайцы - отличные собеседники. Они демонстрируют исключительную скромность, подчеркивают трудности, с которыми сталкивается их страна, скорее в чем-то прибедняются, чем занимаются шапкозакидательством. И очень хорошо чувствуется, что все их мысли - о будущем. Они непрерывно анализируют, считают и просчитывают. Их интересует, куда пойдет страна, к которой они проявляют интерес, можно ли ее учитывать в стратегических планах своего развития. Их стратегия связана с интересами отечественного капитала, частного предпринимательства, на долю которого уже приходится более 70 процентов ВВП.

Все вопросы, которые мне задавались, бьют в эту точку. Китайцы не взвиваются от возмущения из-за того, что «оранжевая» власть послала на прием по случаю их национального праздника фактически… никого. Страна с населением в 1,3 миллиарда человек может позволить себе полную невозмутимость из-за такого пустяка. Но ее интересует, что за этим стоит, какая перспектива. Может быть, это случайность, «ляп», допущенный в послереволюционном беспорядке, или свидетельство серьезных намерений изменить внешнеполитический курс?

Читатель, думаю, представляет себе, как мне трудно отвечать на такой вопрос. Он не задается прямо, но это не значит, что ты можешь позволить себе и в ответе ходить вокруг да около. Ты ведь не частное лицо, за тобой страна, в известной степени ее репутация. В общем, я стараюсь в таких случаях держаться как можно ближе к тому, что думаю.

Собеседники это чувствуют и не остаются в долгу. Я говорю так (и не только китайцам): у меня, мол, нет твердой уверенности, что Украина вернется на те позиции, которые были выработаны при мне, но я искренне этого хочу. Потому что эти позиции, эта доктрина, этот стратегический курс (называйте как хотите) отвечают объективному положению и объективным потребностям Украины.

На днях мне рассказали примечательную историю. Одна белорусская предпринимательница начинает в своей стране такое перспективное дело, как сельский туризм. Решила попробовать заинтересовать китайцев. Приезжает к ней представитель китайской туристической фирмы. Начинают обсуждать параметры совместного проекта. Белоруска интересуется, сколько человек эта фирма может присылать. И слышит ошеломляющий ответ: «Сколько хотите. Хоть тридцать миллионов человек в год». Наверное, это была китайская шутка, ведь все население Белоруссии - 10 миллионов… Но перспективы бизнеса с Китаем - почти любого бизнеса! - в этой шутке обозначены были четко.

Почему Китай строит рыночную экономику при жесткой государственной дисциплине и практически при однопартийной системе? По той же причине, по которой и Советский Союз, наверное, хотел бы это делать, да не сумел. Народу, который привык к принципам социалистической жизни, очень трудно перейти к другой, к нормальной. Кроме того, люди, привыкшие к несвободе, шалеют от свободы. Если безо всякого «шлюзования» пустить демократию в Китай, сотни партий, которые сразу вырастут, как грибы после дождя, разнесут не только страну, но и весь мир. Так, видимо, рассуждали лидеры Китая. Без сомнения, они отчетливо сознают, какие трудности подстерегают их на следующем этапе - при переходе к более демократической модели. Я думаю, они имеют в виду модель Тайваня… Когда китайский лидер смотрит, как массы бедных людей разбегаются по всему миру из стран со сравнительно либеральными режимами вроде Украины, он очень глубоко задумывается о собственной стране, о путях ее реформирования.

Хорошо там, где нас нет. Где нас нет, там манна падает с небес. Стоит чуть-чуть ослабить

дисциплину, и толпы кинутся врассыпную. Такие глыбы, как советский или китайский тоталитаризм, можно более-менее безболезненно сдвигать только при сильной власти. А при сильной власти - значит, под улюлюканье западной общественности, под крики «Ганьба!» со стороны своих демагогов. В такой ситуации обделенная (недовольная) часть политиков всегда будет разыгрывать эту карту.

27 марта

Почти весь прошлый год довелось слушать, как новые руководители страны нападали на промышленность. Критиковали собственников и директорат тех заводов, которые уклонялись, мол, от уплаты налогов с прибыли.

Вынужден защищать эти предприятия - хотя бы в этих записках. Какие заводы? Какая прибыль? Взять металлургию. В первые годы она разваливалась. Я добился принятия закона о льготах для этой отрасли. Если бы не это, она не стала бы нашей главной экспортной отраслью, которая дает ныне треть валютных поступлений. Зачем огульно всех записывать в неплательщики? Все же легко проверяется. Давайте посмотрим по документам, кто платил, кто не платил, кто мог платить, а кто не мог.

Честно говоря, я не ожидал от новой власти такой «большевистской» прыти, такой ленинско-троцкистской враждебности к «капитанам» промышленности, такого экспроприаторского зуда. Мне казалось, лидеры Майдана должны были понимать, что откуда берется. Оказалось, что для них как бы не существует истории украинской промышленности времен независимости. В Украине было серьезное машиностроение. Но оно почти в одночасье лишилось заказов, то есть оказалась без базы для своего существования. Свободный рынок отверг его продукцию. Свободного потребителя не устроило буквально все: и назначение изделий, и их технический уровень, и качество изготовления. Устраивала, наверное, только низкая цена, но сама по себе она мало кого привлекает. Что же оставалось делать? Работать на склад? Это не советское время. Нужно было в срочном порядке перестраиваться, создавать новые виды продукции, искать для нее покупателей.

Но из ничего ничто не создается. Нужны были деньги. Дать их на первых порах могло только государство, но дать не наличными или переводом, а посредством фискальных льгот. Кто их лоббировал перед парламентом и, говоря шире, перед обществом? Президент страны. Я был главным лоббистом промышленности. Не собираюсь этого скрывать. И дело даже не в том, что по своей ментальности я промышленник. Я постоянно бывал на предприятиях, знал практически весь директорский корпус, буквально ежедневно общался с его представителями и всеми фибрами души чувствовал проблемы отечественной индустрии.

«С 2000 года Украина из страны с умирающей экономикой превратилась в страну с высоко динамичной экономикой, которая в последние 4 года развивалась со среднегодовым темпом свыше 7%, и этот темп, кажется, возрастает. В то же время бизнес переориентировался с погони за рентой на погоню за прибылью. При такой сильной конкурентной рыночной экономике Украине понадобится совершить очень серьезные политические ошибки, чтобы потерпеть неудачу» (In The National Interest, США, 20 мая 2004).

«В экономическом плане Украина удивляет всех уже несколько лет. Начало реализации постепенных реформ дало свой результат. Страна начала быстро развиваться, и на сегодня темпы экономического роста Украины самые быстрые на востоке Европы. За первые три месяца этого года рост ВВП на Украине составил внушительные 11,8 процента» (The Guardian, Великобритания, 24 июня 2004).

«В Украине за 2004 год рост прогнозируется на уровне 12 процентов, что ставит ее на высокое место в списке самых быстро развивающихся стран мира» (The Financial Times, Великобритания, 22 сентября 2004).

«Украина традиционно считалась одной из самых нищих стран на постсоветском пространстве, однако теперь, как гордо заявляет правительство - и с ним готов согласиться уже упомянутый нами высокопоставленный западный дипломат - экономический рост здесь составляет 14%. Именно он в любом случае ускорит движение Украины навстречу ее европейским соседям и в конечном итоге приведет к возникновению общества, где люди потребуют от правительства уважать права собственности, их свободу заниматься бизнесом и высказываться открыто, стряхнут с себя паутину пережитков советской эпохи» (The Guardian, Великобритания, 28 октября 2004)…

А теперь пришедшие к власти новые люди хотят представить дело так, будто я творил что-то плохое, а именно - помогал жадным хозяевам промышленности скрывать от родного народа свои доходы. Возьму тот же «Южный машиностроительный завод». Если он сохранился, так только потому, что я всегда был главным ходатаем по его делам. Я сделал для этого завода и для космической отрасли в целом все, что было в моих силах и в силах власти. И даже сверх того. И все равно он с большим трудом сводит концы с концами. За рубежом мало заинтересованы в том, чтобы Украина оставалась ракетно-космической державой. **d** А теперь обществу хотят внушить, что директора этого и других заводов сидят на мешках с деньгами и не желают делиться с родным народом. Когда все это слышу, меня в дрожь бросает. Насколько же близорукими нужно быть политиками, чтобы не понимать таких элементарных вещей!

d Президенту Клинтону надо сказать спасибо за то, что пустил нас с нашей программой «Морской старт» на американский рынок. Я бы ему памятник поставил в Украине.

Слишком упрощенный и слишком дилетантский поход. Сегодня «Южмаш» - при всех усилиях, при колоссальной работе его руководителей - очень трудно выходит из полосы перестройки. Завод продолжает производить ракетоносители, позволяющие запускать спутники как с земли, так и с морской поверхности, искусственные спутники дистанционного зондирования земли, осваивает производство микроспутников. Кроме того, выпускает сельхозтехнику, троллейбусы, ветроэнергоагрегаты, шасси к самолетам и многое другое. Динамика развития предприятия в последние годы уже очень неплохая. Если в 2002 году прибыль составила около 800 тысяч долларов, то в 2003 году - уже более 5 миллионов. И все же пока это лишь копейки. Ну что такое пять миллионов долларов для легендарного завода, на протяжении десятилетий задававшего тон в мире в одной из самых сложнейших отраслей - ракетостроении! Если мы хотим его сохранить, то должна быть соответствующая государственная программа. Слава богу, сегодня мы уже не такие бедные, как вчера.

Никого, наверное, так не мучает вопрос, что будет завтра, как нашего предпринимателя. Именно с этой точки зрения обсуждалась перед президентскими выборами проблема Януковича. Я с утра до вечера слышал один и тот же тревожный вопрос: вот придут «донецкие» - не заберут ли они все и вся? И «донецкие» со своей стороны, наверное, давали какие-то поводы для такого беспокойства. Но я не верю, что перед выборами именно они переломили настроение киевского бизнеса в пользу Ющенко. До меня доходило, что к собственникам киевских магазинов, ларьков, ресторанов и других предприятий стали приходить «донецкие» с вымогательскими предложениями: ну-ка, продай нам свой бизнес по такой-то цене сейчас или завтра заставим отдать бесплатно! Я в это не верю. Скорее поверю тем, кто говорит, что это была серьезно подготовленная акция оппозиции. Были созданы отряды мнимых «донецких», чтобы они своим провокационным поведением выгнали киевский деловой мир на Майдан.

Приватизацию называют воровством, а между тем именно приватизация сразу ставила заслон воровству. У хозяина, у частника не украдешь. Хищения на приватизированных предприятиях пресекались жестко, быстро и, я бы сказал, рационально. Однозначно и открыто растягивалась государственная собственность. Как только она становилась приватной, это прекращалось. «Необольшевики» знают одну песню: приватизация - воровство. Они тупо или нагло ставят все с ног на голову. Они называют воровством те действия, которые как раз ликвидируют воровство. Причем приватизация ставит заслон не только воровству, но и бесхозяйственности. И что характерно и очень важно: это делает, в общем, любая приватизация: и «правильная», и «неправильная». Весь прошлый год, особенно - в первые месяцы слушаю всех этих «борцов за справедливость»… Ну что же вы сбиваете с толку людей? Или действительно не знаете истинного положения вещей? Тогда возьмите любой завод и сравните, каким он был до приватизации, и каким стал после: хоть Днепродзержинский, хоть «Азовсталь», хоть какой угодно. Все разворовывались, разрушались, пока не были приватизированы. Все!

«Азовсталь» на 98 процентов принадлежит СКМ. Это третий по величине украинский комбинат с полным металлургическим циклом, но в сравнении с конкурентами из других стран это относительно небольшое предприятие. В 2002 году чистая прибыль составила два десятка миллионов гривен, в 2003-м - 107, в 2004-м - свыше миллиарда.

Возьмите шахты, поезжайте в Павлоград, в Краснодон. Сравните, что там было до прихода частного инвестора, и как стало после. Раньше шахтеры устраивали пешие походы на Киев за зарплатой, вены себе резали в подкрепление своих требований. Если бы это продолжалось, государ-

ство просто рухнуло бы под тяжестью таких проблем. Еще не все наши шахты приносят прибыль. Есть много убыточных. Это государственные предприятия. Их надо, наконец, приватизировать. Отдать за копейки, за символическую гривню. Так поступала Германия с предприятиями бывшей ГДР. На каждой шахте обязательно найдется группа людей, готовых взять ее в свою собственность. И пусть берут, пусть занимаются, пусть дерзают!

Сколько можно держать под подозрением все частное? Сколько можно бояться частника? Сколько можно потакать чувствам зависти и уравниловки? В США даже большинство атомных станций - частные. Правда, там психология частника несколько иная, чем у нас, - он более ответствен. Но все равно нет другого выхода, как делать ставку на него.

Придет время, и сформируется новая, рачительная психология частника. Он поймет, что главное - не марка «Мерседеса», а реальные инвестиции в технологии.

У меня и моих единомышленников все эти годы не было сомнения, что мы идем правильным путем. Мы отдавали себе отчет, что мы делаем. Мы создавали рыночную экономику. Да, с какими-то издержками! Без издержек нельзя сломать старую систему и построить новую. Это же работа не по учебнику: выполняешь один параграф, ставишь галочку и переходишь к следующему…

Меньше чем через год после моего ухода из политики Украина получила статус страны с рыночной экономикой. Виктор Ющенко существенно преувеличил свой личный вклад в решение этого вопроса. Он сказал, кроме того, что это событие явилось «знаковым в истории украинско-европейских отношений». В действительности предоставление рыночного статуса - сугубо техническая акция. Выдал он желаемое за действительное, сказав, что «каждое предприятие, которое экспортирует свою продукцию, отныне не будет второстепенным партнером западных индустриальных гигантов».

Он допустил преувеличение, думаю, не случайно. Дело в том, что рыночный статус Украины он изобразил как свою заслугу: «Я как Президент Украины могу отчитаться в выполнении важного пункта своих избирательных обещаний… Предоставление Украине статуса страны с рыночной экономикой является признанием того, что мы - страна, имеющая современную экономическую модель, понятные правила организации рынка».

К этому моменту он находился у власти одиннадцать месяцев. Ясно и школьнику, что за такое время рыночную экономику не создать. А вот за те одиннадцать лет, что я был сначала премьер-министром, потом - президентом, это сделать удалось. Гальчинский говорит: «Он должен был и вас поздравить с этим событием. Хотя бы позвонить… Ющенко-банкир хорошо знал, что делалось вами лично в этом направлении. Знал, чего это стоило».

Мне же думается о другом. Если я ставлю себе в заслугу такое важное дело, то должен поставить себе в вину и те вещи, которые связаны с издержками этого процесса. Этого требует логика, этого требует справедливость, и я делаю это без возражений. Виноват, сограждане! Но не думаю, что это поможет лучше понять процессы, которые мне пришлось инициировать, в реализации которых пришлось принимать непосредственное участие.

28 марта

Считаю большой своей заслугой газификацию Крыма. В свое время обратил внимание: люди, которые там не бывали, страшно удивляются, когда им говоришь, что весь восточный Крым - Феодосия, Керчь, Судак - совсем не газифицирован. Для меня самого это стало открытием году в девяносто третьем. Я жил, не задумываясь, что в степном Крыму нет газа. Чем же топить в степи-то? От Ялты в сторону Севастополя тоже газа нет. Даже дачи бывшего советского политбюро обставлены котельными на солярке и угле.

Дать Крыму газ - значит дать мощнейший импульс для хозяйственного развития. Не говоря уже о том, что это был бы важнейший социально-политический проект. Так я и сказал Игорю Бакаю, когда назначил его руководителем «Нафтогаза». Так сказал и сменившему его Юрию Бойко. Крым должен быть с газом! В государственном бюджете денег на это не было. Приняли решение использовать деньги «Нафтогаза»: не взять их в бюджет и проесть, а пустить на газификацию полуострова.

Когда я заявил, что дадим газ в тот регион, многие, знаю, надо мной смеялись, не верили. Привели газ в Феодосию, зажгли факел. Читаю в прессе: Кучма там закопал несколько бочек с газом, и от них зажег факел, а настоящего магистрального газа в Феодосии никогда не будет. В сле-

дующий раз я приехал, когда газ уже начали проводить в квартиры. Я зажег плиты в нескольких квартирах. Только тогда народ поверил. То же самое было и в Керчи. И последнее мое торжество - в Судаке, куда газ провели только в прошлом году. Весь город вышел и ликовал. В прошлом же году включили газ в Белгороде-Днестровском на Одесчине. Старинный город, может стать центром обширной курортной зоны. Трубу проложили по дну пролива. Пролив там довольно широкий, обошлось недешево. Зато надо было видеть лица тех людей, в чьи квартиры и дома пришел газ. Поэтому они и голосовали так дружно за Януковича, за прошлую власть. Видели своими глазами, что мы не разговорами занимались…

Вообще по газификации наших городов и сел мы за годы моего президентства сделали в несколько раз больше, чем за все послевоенные годы. Для меня это был предмет особой заботы. Я понимал, что значит газ для жителя села или маленького города.

К слову сказать, проблема малых городов стала чуть ли не самой острой в наше время. Мы так и не смогли найти способы и механизмы ее решения. Особенно это касается шахтерских поселков там, где закрыты шахты. Собственно, с этого началась вся эпопея со свободными экономическими зонами. Нужно было попытаться любым способом вдохнуть жизнь в эти населенные пункты, привлечь туда инвесторов. Рассчитывать на финансовые возможности государства не приходилось и не приходится. Я понимал, что появлением этих зон воспользуются для неправедной наживы некоторые ловкачи. Не сомневался, что вызову на себя огонь ряда известных поборников незыблемо равных для всех рыночных правил. Я сам такой, но в данном случае не было другого выхода, как поставить самые депрессивные районы страны в привилегированное положение. И то, что Тимошенко и Пинзеник, с благословения Ющенко, одним махом упразднили все свободные зоны, - это не достоинство, не победа принципа равных для всех правил игры, а капитуляция перед реальными сложностями, с которыми можно было и нужно было справиться иным образом.

В Одессе еще в позапрошлом году должна была быть закончена реконструкция оперного театра. Но работы остановились. Я интересовался, в чем дело. Нет, говорят, денег. Осталась мелочевка… И так повсюду. Затормозилось и остановилось. Мы отчитывались перед людьми конкретными проектами. Где-то нас понимали, где-то не понимали. В той же Ровенской или Хмельницкой областях, где атомные блоки и городки при них. Эти городки изменили облик местности - новые дороги, новое жилье, новые больницы. Европейский уровень. Новые рабочие места. Но там люди голосовали не за нас. Мне кажется, если бы весь бюджет страны был отдан Западной Украине, то она все равно голосовала бы за Ющенко, а не за Януковича. Психология, религия… За меня в 1999 году там, наверное, тоже не голосовали бы, если бы моим соперником на президентских выборах не был коммунист Симоненко. Менталитет…

Или та же паромная переправа в Керчи. Мы сделали ее вместе с Россией. Россия вела со своей стороны, мы - со своей. Керчь практически не имела связи с Краснодарским краем. Все грузы доставлялись только по земле. Огромный крюк.

Я любил такие проекты, можно сказать, особой любовью. Идеальное сочетание социальной значимости и экономической выгоды. С удовольствием вспоминаю, как ездил на открытие переправы, сколько народу там было, радостные лица людей. В Керчи построили депо, дороги, пустили троллейбус - сделали то, что было обещано еще в советское время. На очереди была вторая троллейбусная ветка, но, боюсь, ждать ее людям придется не меньше, чем первой. Делалось это все по линии Министерства транспорта. Незабвенным Кирпой…

Мечтал я дать воду и газ Большой Ялте. Был уже и проект. Где он теперь? Что с ним? Когда начнется реализация? Премьер Крыма Матвиенко вел переговоры с израильтянами. Они большие специалисты по воде. Были готовы взяться. Приехали, посмотрели, послушали… Денег у Крыма нет, условия неопределенные, власть сегодня одна, завтра другая. Развели руками и уехали. Тут должна была бы быть государственная программа. Крым - регион дотационный. Его правительству такие дела не по силам.

30 марта

Вчера стали известны предварительные итоги парламентских выборов. Почему-то прежде всего бросилось в глаза не самое главное: проигрыш партии Владимира Литвина. Вспомнилось, что перед началом инаугурации Виктора Ющенко на пост президента тогдашний председатель

Верховной Рады Литвин как бы шутя сказал ему: «Давайте договоримся, что в 2009 году этот же состав парламента при соответствующем раскладе президиума приводит вас к присяге». В каждой шутке есть доля шутки. По словам Литвина, такое предложение Виктору Андреевичу очень понравилось… Скажу уж, кстати, впервые…

Когда я отправлял Владимира Литвина в большую политику - возглавить «Единую Украину» на парламентских выборах 2002 года, выиграть их и стать председателем Верховной Рады, у меня была четкая мысль: это должен быть один из главных кандидатов на предстоящих президентских выборах. Бывший в то время премьер-министром Анатолий Кинах такой перспективы не имел. Он не победил бы. А Литвин, как мне казалось, мог бы. И казалось мне это до тех пор, пока он не перешел на сторону всего парламента. Прямо как председатель депутатского профсоюза, призванный следить, чтобы строго соблюдался коллективный договор и не нарушался КЗоТ. Такого странного поведения я не ожидал. Повторю: его ведь избрал не весь праламент, а 226 депутатов. Весь парламент при совершенно очевидном разделении на оппозицию и «партию власти» - нелепость, романтическая фикция. Вопрос же о возможности выдвижения его кандидатом в президенты отпал сам собой - рейтинг Литвина для этого оказался слишком низким. А за использование административного ресурса на тех выборах нас обоих ругали одинаково.

Подожду обнародования окончательных итогов выборов. Для меня это будут итоги «тестирования» мифа как раз об административном ресурсе.

1 апреля

24 октября 2003 года мне поступила следующая записка - наверное, ее можно назвать аналитической.

«В кои веки в российской печати появилась публикация, в которой дается вполне объективная оценка политических достижений Украины и убедительно доказывается, что в этом отношении Украина едва ли не целую историческую эпоху опередила Россию.

Авторы - известные журналисты-демократы Максим Артемьев и Дмитрий Фурман (Московские новости, 14.10.2003). Перечисляются параметры, по которым Украина опередила Россию: «На Украине нет суперпрезидентского строя - такого, как в России. И парламент там не находится в столь униженном положении. На Украине есть мощная некоммунистическая оппозиция - влиятельная Соцпартия, альтернативная «красным», но ни в коей мере не управляемая администрацией Леонида Кучмы… Даже то, что губернаторы «у них» назначаются, а не избираются, на деле приводит к недопущению кадрового застоя: на Украине нет регионов, где глава сидел бы подряд десять лет…При этом на Украине не существует чрезмерной столичной централизации: валовой региональный продукт ряда областей существенно выше киевского. Даже названия самых влиятельных бизнес-групп - «донецкая», «днепропетровская», «харьковская», «львовская» - говорят сами за себя. В конце концов срок службы в украинской армии - полтора года, и его хотят сократить до года, что тоже свидетельствует о многом». Авторы утверждают, в противовес известному стереотипу, что и внешняя политика Украины куда более последовательна, чем российская: «В отличие от нас, мечущихся от оси Москва - Дели - Пекин к евроазиатским идейкам, Украина свой путь в цивилизованный мир обозначила четко. Что и доказывает ялтинская встреча «Украина - ЕС». Кто бы ни пришел к власти в Киеве (типичный советский директор ВПК Леонид Кучма это убедительно доказал), он вынужден будет идти в Европу. Другое дело, насколько сознательно и последовательно новый украинский президент займется этим процессом».

«Украине не нужна Россия, - говорится в статье. - Ориентация на союз с последней способна лишь законсервировать оставшиеся от советских лет проблемы, затянуть выход Украины в глобальный клуб развитых демократических государств».

Развивая эти мысли, авторы выражают тревогу, которую разделяют все, кто признает цивилизационное первенство Украины:

«Украина изначально была ближе к Европе по своей политической структуре, чем мы. Здесь ротация власти произошла уже в 1994 году. Но и она прошла - и еще пройдет в будущем - через острейшие политические кризисы, прямо связанные с выбором «геополитической» ориентации. Еще не оконченная на Украине (очевидно, все станет ясно на предстоящих президентских выборах) борьба между российской моделью безальтернативного президентства и европейской моде-

лью правового государства с ротацией власти - это украинские мытарства на пути в Европу… Если Украину на пути в Европу и на пути ее внутренней демократизации постигнет неудача, это будет способствовать закреплению нашего теперешнего режима. Но если у Украины все получится, для нас это будет мощным стимулом, чтобы идти следом».

Завершается статья москвичей на мощной тревожно-оптимистической ноте:

«Украина уходит. И пусть уходит, пусть прокладывает путь и показывает его нам. Может быть, нам относительно скоро снова придется встретиться - по ту сторону европейской границы».

Эти авторы, настоящие демократы, честные и глубокие люди, не показывают, однако, всей остроты исторической ситуации, в которой оказалась Украина. Провести по всем правилам президентские выборы и, следовательно, передать власть Виктору Ющенко - значит двинуть демократический процесс в Украине сразу на семь миль, заслужить бурные, долго не стихающие, аплодисменты всего мира (ну, и утереть нос России - не последнее из приятных дел). Человек, который это сделает, будет справедливо назван великим человеком. Но… Ющенко с его командой будет плохим президентом. Что хуже? Затормозить политическое развитие Украины, поставить ее на одну доску с Россией, окончательно испортить ее имидж или пусть ради своего великого будущего Ненька все-таки потерпит один срок плохого президента? Есть ли реальные возможности и рыбку съесть, и на кол не сесть: и овации заслужить, подобающие великому человеку, и не пустить Ющенко в президенты? Такая постановка вопроса не подсказывает, а просто приказывает искать ему альтернативу в лагере оппозиции - реальной оппозиции. Человеку из партии власти или мнимому оппозиционеру, которого, конечно, мгновенно распознают, аплодировать не будут: это все российские штучки. Легко сказать: искать… Украина и мир до сих пор не знают подлинных мыслей Президента на сей счет. Ладно ли это?»

Обращаю внимание читателя на то, что это было написано осенью 2003 года. До президентских выборов оставался год. Чтобы стать великим человеком, мне предлагалось уже тогда сделать ставку на Ющенко. Или найти что-то лучшее в его же лагере. И открыто об этом высказаться! Сегодня, думаю, любому ясно, что найти замену Ющенко в его лагере, то есть в лагере оппозиции, было невозможно. Чистая фантазия! А ведь мне предлагалось не только найти такого человека, но и стать тайным организатором продвижения его во власть. Хоть стой, хоть падай. Как бы я мог сохранить в тайне свою причастность к такой огромной работе? С чем трудно было не согласиться, так это с тем, что Ющенко не будет бесценной находкой для Украины. Поэтому заведомо, за год до выборов, смириться с его победой для меня было невозможно. Мое решение было другим, ни для кого оно не являлось секретом. Я был заинтересован в победе представителя существующей власти и в реализации политреформы, которая ограничила бы власть президента, повысив вес парламента. Считаю, что это было логичное решение. В серьезной политике для фантазий и азартных игр нет места. Об этом забывают люди, которые вынашивают предложения вроде того, что мне пришлось прочитать в этой записке. А сравнение Украины и России в пользу Украины мне, конечно, понравилось и показалось во многом справедливым. Я увидел в нем прямое признание моих заслуг, моей преданности демократическому пути Украины, хотя за это меня и не называют великим человеком.

5 апреля

В российском бизнесе, среди российских «олигархов» много талантливых людей. Но талант и серьезность не всегда совпадают. Есть талантливые, но несерьезные. К ним я отношу тех, кто, заработав огромные деньги, тратит их в свое удовольствие, по своей прихоти. Талантливый же и серьезный человек заботится о стране, где ему повезло так успешно себя реализовать. Он считает себя обязанным расплатиться со своим народом.

Мне, например, нравится Вагит Алекперов. Человек выдержанный, воспитанный, уравновешенный, слов на ветер не бросает. Как истинный хозяин считает каждую копейку и налево-направо не разбрасывается. Он не русский купец из тех, что гуляли по «Ярам».

Возможно, многое объясняется тем, как стал тот или иной человек «олигархом»… Вагит пошел работать в восемнадцать. Работая, закончил институт. Труд на буровой, согласитесь, нельзя назвать легким. Однажды его вместе с двумя другими рабочими взрывом выбросило с 12-метровой высоты в море. Спасся один из троих - Вагит, поскольку хорошо плавал.

Пройдя путь от буровика до заместителя министра Миннефтегазпрома СССР, Алекперов

изучил нефтегазовый комплекс, как говорится, до последней запятой. В конце 80-х, работая заместителем министра, он убедился в том, насколько эффективнее по сравнению с российскими - разрозненными, разведенными по разным ведомствам предприятиями действуют западные вертикально интегрированные компании. Алекперов настойчиво «пробивал» эту идею в министерстве, в союзном правительстве. Она не была поддержана. Но он не сдался и добился того, что в конце 1991 года был создан концерн, куда вошли нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие предприятия. Он получил сейчас уже мало кому памятное имя - «Лангепас-Урай-Когалымнефтегаз».

Сегодня же мы знаем Алекперова как президента мощнейшего «ЛУКОЙЛА». При этом авторитет Алекперова непререкаем. Горжусь дружескими отношениями с этим очень умным, дальновидным «олигархом». Он много сделал для Украины, для укрепления авторитета нашего энергетического комплекса. Не раз приходилось слышать, что многие партнеры компании заключают с ней договоры с особым условием: сохранение на посту нынешнего ее президента. В этом, безусловно, есть и свои плюсы, и свои минусы. Но эта деталь хорошо иллюстрирует тот тезис, что нельзя всех так называемых «олигархов» стричь под одну гребенку, считать, что их состояние и слава стали подарком судьбы, и измерять их деловые и другие качества одной меркой - деньгами.

6 апреля

Все эти годы никто особенно не стремился в Украину со своими деньгами. От надежд на это в языке у нас останутся только слова «иностранный инвестор». В общем, это немало. Я говорю это не без горечи, но и не совсем в шутку. Все-таки «инвестиция», «инвестор» - это рыночные понятия. Как рыночник я считаю важным достижением то, что они вошли в сознание наших людей. Особенно - «иностранный инвестор». Ведь почти за целое столетие мы привыкли бояться иностранцев, не доверять им. Без соответствующих сдвигов в сознании не произойдет и сдвигов в экономике.

Мысли об иностранных инвесторах сами собой снова приходят в Добассе. Обращаешь внимание на исторические даты. Промышленное освоение Донбасса начали иностранцы - англичане, бельгийцы, французы. Они заложили первые крупные шахты, рудники, построили первые металлургические заводы. Это было во второй половине девятнадцатого века. Царское правительство поощряло приток частного капитала, в том числе иностранного, на юг империи. Князю Кочубею была выдана концессия на постройку завода по изготовлению железных рельсов. В 1869 году за 24 тысячи фунтов стерлингов князь передает свои права 55-летнему валлийцу Джону Хьюзу (Jonh Hughes), и тот создает крупное промышленное предприятие - металлургический завод. При заводе строится рабочий поселок. Местом для строительства выбран берег р. Кальмиус. Так возникла Юзовка, ставшая впоследствии Донецком.

Уже через полтора-два десятка лет Донбасс производил такое впечатление на приезжих, что они вспоминали, как выглядят промышленные районы США (кому приходилось там бывать). Русский поэт Александр Блок назвал Донбасс «Новой Америкой». Это - заголовок его стихотворения 1913 года. Я со школьных лет помню одну строчку из этого стихотворения: «Там заво`дские стонут гудки». **е**

е… Нет, не вьются там по` ветру чубы,
Не пестреют в степях бунчуки…
Там чернеют фабричные трубы,
Там заводские стонут гудки.
Уголь стонет, и соль забелелась,
И железная воет руда…
То над степью пустой загорелась
Мне Америки новой звезда!

Присутствие иностранных инвесторов в Украине (а это в основном в Донбассе, Новороссии, Харькове) продолжалось всего каких-то 30-40 лет. Мгновение! К ним только-только начали привыкать, как наступил перерыв, который, в общем, не закончился до сих пор. Так что не приходится сильно удивляться, что Наталия Витренко собирает какое-то число слушателей, когда кричит, что иностранцы, в первую очередь американцы, скупят в Украине лучшие куски и в конце концов превратят украинцев в рабов.

История Донбасса вообще не для слабонервных. К началу 1920 года он оказался практически

разрушенным. Добыча угля почти прекратилась. Транспорт остановился. Население голодало. Без срочного восстановления угледобычи невозможно было приступить к восстановлению страны. Всей страны! От Балтийского моря до Охотского, от Белого - до Каспийского. Гражданская война заканчивалась, но сокращать огромную армию побаивались - еще не была достаточно нейтрализована та же Польша. Возникла мысль использовать армию для производственных нужд. Выделенные для этого части Красной Армии назвали Трудовой армией. В Донбассе ею, по решению Ленина, командовал Сталин. Его должность называлась: председатель Совета Украинской трудовой армии.

В одном из его приказов (7 марта 1920) говорилось: «Доблестная 42-я дивизия, героически дравшаяся с врагами России бок о бок с другими дивизиями фронта и вместе с ними разбившая наголову Добровольческую армию Деникина, ныне должна отложить в сторону оружие для того, чтобы вступить в бой с хозяйственной разрухой и обеспечить стране каменный уголь… Помните, что уголь так же важен для России, как победа над Деникиным. Полки 3-й армии на Урале уже отличились в деле добычи и подвоза дровяного топлива, полки Запасной армии на Поволжье покрыли себя славою в деле ремонта паровозов и вагонов, 42-я дивизия должна показать, что она не отстанет от других, обеспечив стране подвозку, погрузку и сопровождение угля».

Трудармия должна была мобилизовать гражданское население в порядке трудовой повинности. Это называлось «милитаризацией угольной промышленности». Были приняты меры для снабжения людей продовольствием, медикаментами и медобслуживанием. Были установлены нормы выдачи продуктов. Забойщику полагалось в месяц 56,25 фунта муки, 15 - мяса или рыбы, полфунта сахара, фунт махорки… Одним из постановлений командования с армейских складов передавалось Трудармии 7 тысяч пар обуви, 6 тысяч шинелей, 2 тысячи кальсон, 35 тысяч пар лаптей… Одновременно «решено было создать Военный Трибунал Угольной Промышленности для тех дезертиров труда, которые не выполняют норм выработки и готовы из своих личных интересов продать Украину и Россию» (слова Сталина). Запасы угля в Донбассе были объявлены «военным имуществом, угольный груз - военным грузом» («расхищение таковых влечет суровую кару вплоть до расстрела»). Вот, кстати, откуда советская приверженность к административно-командным методам управления, сохранившаяся буквально до последних минут советской власти. Уже 15 октября 1920 года Ленин объявляет, что «донецкая промышленность может считаться целиком восстановленной».

Такими же (то есть военно-административными) методами восстанавливали Донбасс и после освобождения его от гитлеровской оккупации. Мобилизация рабочей силы по всей Украине, казарменная дисциплина, репрессии за малейшую провинность и меры материального поощрения: сравнительно высокая оплата труда, повышенные нормы снабжения продовольствием и товарами повседневного спроса. Это само по себе свидетельствовало о значении Донбасса как топливно-энергетической базы Советского Союза. Моему старшему брату Александру было 15 лет, когда его, сельского подростка, в числе многих тысяч таких же ребят отправили на краткосрочную учебу в ФЗО (школа фабрично-заводского обучения) и практически сразу - в забой. Было это в 1943 году, сразу после освобождения Донбасса от немцев. Саша сбежал, за что был наказан месячным тюремным заключением и водворен назад. Так он стал шахтером на всю жизнь.

Современный российский историк пишет: «Возврат от «военного коммунизма» к рыночной экономике был очень сложным, а иногда и трагическим делом. Так, в марте 1921 г. топливную промышленность перевели на хозрасчет, шахтеров в Донбассе увольняли из-за отсутствия денег для зарплаты, им прекратили государственные поставки продовольствия. В результате рынок установил баланс между добычей угля и его потреблением промышленностью. Часть шахт закрыли. Много шахтеров и их семей погибли от голода. Подобная ситуация была и в других отраслях. Заводы не имели оборотных средств и были вынуждены за полцены распродавать продукцию, конкурируя друг с другом и сбивая цены. 1 января 1921 г. аршин ситца стоил 4 фунта ржаной муки, а 1 мая - всего 1,68 фунта. В мае 1922 г. хлопчатобумажная ткань продавалась ниже себестоимости в два с половиной раза. В сентябре 1921 г. специальным декретом была отделена от предприятий социальная сфера. О зарплате говорилось: «Всякая мысль об уравнительности должна быть отброшена» (С. Г. Кара-Мурза. «Советская цивилизация от начала до великой Победы»).

Вам ничего не напоминает эта картина? Вплоть до «сброса» социальной сферы с заводских плеч… Советское плановое хозяйство 1991 года не было «военным коммунизмом» - системой, упразднившей торговлю и деньги. Но оно не было и рыночным хозяйством, а значит, много общего

имело все-таки с «военным коммунизмом». Это наглядно показали последствия перехода к рынку в 1992 году. В одночасье оказались никому не нужными тысячи предприятий. Миллионы людей должны были выживать кто как может. Нам пришлось на собственном опыте убедиться, что советская система хозяйствования плоха не только сама по себе - расточительна и не способна обеспечить научно-технический прогресс. Она ужасна еще и тем, что при отказе от нее невозможно избежать страданий и огромных потерь. Для страны в целом ленинский НЭП был спасением, а многим шахтерам и их семьям принес голодную смерть.

Для Украины, России, Польши, для всех других постсоветских стран и стран бывшего соцлагеря в целом переход к рыночным отношениям в 80-90-е годы прошлого века был спасением, а миллионам людей принес большие невзгоды, от которых не все оправились до сих пор. Даже в бывшей ГДР, куда были вложены и продолжают вкладываться фантастические, по нашим понятиям, капиталы. Даже там многие люди до сих пор бедствуют, о чем тамошние политики-демагоги кричат на весь мир такими же словами, как наши…

Лекарство оказалось страшно горьким. Это, к сожалению, объективный закон. Какими же мелкотравчатыми и несправедливыми выглядят перед лицом этого закона обвинения и проклятия, которые до сих пор приходится выслушивать Кравчуку и мне в Украине, Ельцину и Гайдару - в России, Бальцеровичу - в Польше, то есть людям, имевшим несчастье оказаться на ключевых государственных постах в первый момент перехода от социализма к капитализму. Можно понять и нельзя не простить шахтеров, которые готовы были наброситься на нас от горя и безысходности. Можно понять, но труднее простить тех политиков, которые в этой труднейшей исторической обстановке спекулировали и продолжают спекулировать на естественном недовольстве простых людей.

7 апреля

1998 год - убийство Вадима Гетьмана. Никаких политических объяснений никто практически не выдвигал - только коммерческие. К тому времени он уже, кстати, не был главой Национального банка. У нас с ним были нормальные, скорее хорошие отношения. Он был, в общем, как все наши банкиры того времени. Называть их банкирами можно было в значительной мере условно. Это были советские банковские работники. Так, по-моему, точнее всего. Советские банковские чиновники с менталитетом «социалистического планового хозяйства».

Украина очень долго, недопустимо долго!, не переходила на свою валюту. Это в большой степени из-за Гетьмана, лично Вадима Гетьмана. До сих пор не могу понять причины его нежелания вводить национальную валюту. Украина сделала это последней из бывших советских республик. Это было время, когда менталитет советских банковских служащих парадоксальным образом совпадал с интересами первых крупных мастеров наживы на теневых схемах.

Скажу сейчас, даже если уже говорил… И буду повторять при всяком случае. Советский, социалистический менталитет большинства наших народных депутатов продиктовал им подавляющее большинство законов и правил, за которые им должны быть вечно благодарны большие и малые рвачи постсоветского периода. Разумеется, они, народные депутаты, думали не о выращивании «диких капиталистов», а о «народном благе», о «социальной справедливости», о государственном контроле за частной собственностью и предпринимательством, о соблюдении государственных интересов. Обратный результат достигался помимо их воли.

Отсутствие национальной валюты предоставляло огромные - огромнейшие! - возможности для сколачивания первых крупных капиталов. Причем наживались не банки, а банкиры, именно они, бывшие советские банкослужащие. Они играли на разнице валютных курсов Украины, России, прокачивали колоссальные суммы через свои учреждения и выводили их куда-то в офшорные зоны. А самое главное то, что тормозилась нормализация положения в экономике, перевод ее на полноценные рыночные начала.

В следственных органах очень много материалов по этому делу, но все застопорилось из-за того, что выпали, так сказать, «промежуточные звенья» - многие носители ценной информации оказались в мире ином.

Не знаю, насколько корректно сравнивать Вадима Гетьмана с Виктором Геращенко, председателем правления Госбанка СССР в 1989-1991 и председателем Центробанка России в 1992-1996 и в 1998-2002 годах, но я почему-то вспоминаю как раз фамилию последнего. У Геращенко есть

харизма большого человека в банковском деле, крупного ученого, автора многих учебников, и вообще он, конечно, личность незаурядная. 13 лет работал в заграничных советских банках - в Англии, Германии, Ливане, Сингапуре, Швейцарии. Но один из крупнейших банковских авторитетов Запада (забыл, кто именно), наверное, не случайно назвал его однажды худшим банкиром в мире.

Я понимаю, что имелось в виду. Нерыночный, нелиберальный менталитет. Глубокая советская закалка. Но прошлой осенью, в аккурат перед «ноябрьским праздником», который теперь перенесен с 7 ноября на 4-е и переименован, мне на глаза попалось интервью Геращенко российской коммунистической газете «Советская Россия». В нем он раскрылся как человек, который на дух не принимал все, что делалось в России после распада Советского Союза. Презрение и озлобленность - вот его чувства. Он отказывает российскому руководству последних 15 лет в праве действовать методом проб и ошибок, идти во многом на ощупь, оступаясь и нередко уступая своим противникам и советским предрассудкам. Он отзывается о людях и ельцинской, и путинской команд в том духе, что они с первого дня должны были все знать и понимать так, будто за плечами у них был чуть ли не столетний опыт руководящей работы в условиях перехода от коммунизма к капитализму.

Можно считать установленным фактом, что Геращенко внутренне не признал распада Советского Союза и, оказавшись во главе банковского дела России, действовал с расчетом на скорое восстановление прежней страны. Это причинило немалый ущерб и России, и всем странам СНГ, а с другой стороны - существенно способствовало криминализации постсоветской хозяйственной жизни. И что характерно: сегодня коммунист Геращенко - «председатель совета директоров гонимой компании «ЮКОС», как сказано в газете. В его высказываниях немало такого, с чем трудно не согласиться. На мой взгляд, близка к истине его оценка потрясений 1998 года: «Дефолт грянул, когда премьер-министром был киндерсюрприз… Кризис был спровоцирован глупостью. Можно было девальвировать рубль еще весной 98-го года. И вообще отказываться от того валютного коридора и не допускать на свой рынок иностранцев для покупки ГКО…»

Это то, что делалось и у нас. Но как можно согласиться с его главным выводом: «Нас не могли одолеть в советское время, а сейчас… Одолеть не могли, потому что за каждым хозяйственником была советская власть, над советской властью был райком, над райкомом - КГБ. Потом пришла демократия…»?

Он со знанием дела говорит, какие экономические реформы могли бы предотвратить развал советской экономики при Горбачеве и в последующее время, но, по-моему, напрасно игнорирует тот факт, что эти меры, во-первых, некому было разрабатывать, принимать и осуществлять, а во-вторых (или во-первых!), невозможно было обеспечить должный порядок и дисциплину в стране в условиях горбачевской либерализации. Горбачев попытался либерализовать систему, которую нельзя было либерализовать. Она могла держаться только на принуждении. Отказались от принуждения - и все посыпалось. А продолжать принуждение было невозможно: верхи уже не могли, а низы не хотели.

Геращенко не зря много лет провел за границей. Там он незаметно для себя оторвался от советской действительности. Он говорит, например, что «над райкомом был КГБ». После смерти Сталина (1953) покойника обвинили прежде всего в том, что он поставил КГБ над партией, и вернули «ленинскую норму»: КГБ был жестко подчинен партии, а точнее, партийному аппарату. Органам КГБ было запрещено собирать даже агентурную информацию о высокопоставленных партийных работниках, не говоря уже о возбуждении дел. Этот запрет соблюдался неукоснительно до самого конца и партии, и КГБ.

Может быть, ошибаюсь, но, насколько мне известно, последние два года делом об убийстве Гетьмана и всеми сопутствующими обстоятельствами украинские правоохранительные органы, по существу, не занимаются. Как-то незаметно оно отодвинуто куда-то на дальнюю периферию и в общественном сознании. Не слышно, например, о серьезных журналистских расследованиях. Это все очень странно. Человек-то был известный, народный депутат, председатель Национального банка. Одни названия этого учреждения и этой должности говорят сами за себя. Но, кажется, не тем, кто должен заниматься одним из резонансных убийств в Украине.

8 апреля

Мы живем в эпоху глобализации. Европа становится все более единым многонациональным

образованием. Для европейской страны не быть участником европейских структур, пусть не сразу полноправным, абсолютно невозможно. Не раз пытался завести об этом разговор с Александром Лукашенко: «Ну что ты, в самом деле, себе думаешь? Сколько ты еще протянешь в гордом одиночестве?» Вижу, что он меня понимает. Может быть, ему и хочется как-то изменить свое положение, но это желание быстро проходит, и он продолжает свою привычную политику, в привычной обстановке, с привычными людьми, с привычной демагогией. Нельзя, конечно, сказать, что для меня Европа - это НАТО, а НАТО - это Европа. Но отношение к НАТО у меня весьма и весьма почтительное. Сильных можно не любить, но уважать приходится. Я даже не могу сказать, когда оно окончательно сформировалось. Рубеж, оставляющий советскую настороженность позади, я преодолел, можно сказать, незаметно для самого себя. Сейчас НАТО в моем сознании - это естественная положительная данность. Структура уникальная. В течение 50 лет своего существования она ни разу не применила силу - и, однако же, никому не позволила усомниться, что, если потребуется, «вдарит» так, что мало не покажется. «Рейтинги» ее в этом смысле высочайшие. Это образец эффективной системы сдерживания и почти автоматической стабилизации. Система Варшавского договора не была реальным противовесом НАТО, потому что в Кремле отлично понимали, что Запад не будет агрессором. Варшавский договор больше служил «внутрилагерным» целям, и цели эти, в общем, не скрывались: строить социализм под руководством Москвы. Это было средство внутреннего устрашения. Так что Варшавский договор и НАТО - «две большие разницы», что и подтвердилось разными их судьбами. Варшавский договор распался, как будто его и не было, а НАТО продолжает существовать, и пусть с некоторым скрипом, но меняется, приспосабливается к новым вызовам времени.

Из Союза мы вышли голые и босые, в том числе и наша армия. Сказать высокие слова о ней нельзя было. Мы точно такие, как россияне. А что такое российская армия, она показала в Чечне, особенно - на первых порах. Жить уроками только Второй мировой войны, когда было ясно, где фронт, где тыл, нельзя. Крупных военных противостояний на Европейском континенте в обозримом будущем не предвидится. А локальные конфликты требуют такой армии, которую лучше всего создавать вместе с Европой. Для меня это было ясно. Тесное сотрудничество Украины с НАТО сразу принесло нам большие плюсы, но и показало все наши изъяны. Для того, чтобы их ликвидировать, нельзя быть такими бедными, какими мы еще долго будем. К натовским стандартам придется приближаться постепенно, протягивая ножки по одежке.

Натовскому стандарту мы следовали прежде всего в том, что взяли курс на создание мобильных группировок, оснащенных по последнему слову техники. Начали активно участвовать в миротворческих операциях. Это хорошая школа. Под допотопные команды «ать-два!» на наших полигонах многому не научишься. Учеба должна быть приближена к военным условиям. Только тогда командиры научатся не рассуждать по-русски: «авось пронесет», а относиться к делу с полной серьезностью. Давно ведь известно, и мы в свое время видели это в Афганистане, видим сегодня в Ираке и в других горячих точках мира, что часто войска несут потери из-за расхлябанности личного состава, командиров - в первую очередь. Это относится и к совершенно мирным условиям. Наши военные потери в границах Украины намного превосходят те, что были у нас в Ираке. Расхлябанность - это смерть. Дисциплина - это жизнь. Дисциплине, то есть жизни, надо учить и учиться.

Все сказанное мною совсем не означает, что Украина, по моему мнению, должна спешить с полномасштабным членством в НАТО. Скорее наоборот. После саммита Украина-НАТО в 2003 году мы убрали из нашей военной доктрины упоминание о вступлении в НАТО как «конечной» цели Украины. В чем тут дело?

Впервые о намерении Украины присоединиться к НАТО на официальном уровне Украиной было заявлено 23 мая 2002 года на заседании Совета национальной безопасности и обороны страны. Это было непростое для страны решение. Хорошо помню процедуру его принятия. Каждый член СНБО поднимался и во всеуслышание оглашал свою позицию. За вступление в НАТО высказались все участники заседания. Подводя итог, я тогда сказал: «Я хочу, чтобы мы никогда не воевали - вот главная цель нашей политики. Это прагматическая цель. Это в интересах всех украинцев, потому что европейскую безопасность без Украины не построишь».

Дальше именно с учетом перспектив вступления в НАТО и ЕС и разрабатывалась украинская военная доктрина, и прилагались усилия к ее выполнению. Но у нас были некоторые вопросы. Получили ли мы четкие ответы на них? Отнюдь нет. Европейская комиссия обнародовала до-

кумент, показывающий перспективы расширения ЕС. Но расширение это специфическое. Согласно «Новой политике добрососедства», такие страны, как Египет, Алжир, Ливия, Украина и Россия, могут стать полноправными членами единого рыночного пространства, с открытыми границами для торговли и инвестиций, а их граждане получат полное право жить и работать в ЕС. Новые страны-союзницы станут частью единого европейского рынка, однако им будет отказано в членстве в институтах, принимающих решения, - в Еврокомиссии, Совете министров и Европарламенте. Как выразился Романо Проди, «целью является создание круга друзей, с которыми у нас есть общие интересы - и политические, и экономические. Это своего рода еще одна концепция расширения - расширения без институтов». Таким образом, Украина, как и Россия, была низведена в ранг стран, за которыми никакой самостоятельной роли не предполагается. Они должны просто «дружить» с Евросоюзом, не имея в нем никаких политических прав. Россия вскоре после этого четко дала понять, что политика европейского соседства не представляет для нее интереса и что она не позволит ставить себя на одну доску с Тунисом. Я тоже придерживался мнения, что приравнивание к Марокко не соответствует ни статусу Украины, ни ее потенциалу, ни амбициям.

На саммите НАТО в Стамбуле много говорилось о том, что предстоящие президентские выборы в Украине должны быть «честными и прозрачными». Я выступил и в ответ сказал: «Я смотрю, что главная задача, которая тут ставится, - выигрыш Ющенко. Если он не выиграет, то выборы будут считаться нечестными». В общем, стало ясно, что с нашей перспективой вступления в НАТО дело обстоит примерно так же, как и в Европейский Союз. Тогда для чего нам каждый год декларировать натовскую перспективу в тексте военной доктрины? Военная доктрина - документ не программный, а тактический. Да и логически не совсем уместно говорить в этой доктрине о вступлении в НАТО. Может ли кто-нибудь сказать, что сегодня что-то серьезно изменилось? Слышны только декларации наших новых вождей. Но Европа свои планы не изменила. Я думаю, что этими декларациями только унижается страна. Пропаганда вроде хрущевской. «Следующее поколение советских людей будет жить при коммунизме». А тут - «следующее поколение украинцев будет жить в Европейском Союзе и НАТО».

Уровень сотрудничества России с НАТО не ниже нашего, а выше. Но в России существует мнение: что можно России, то Украине нельзя. Мы все время старались поломать этот стереотип. И кое-что нам удалось - по крайней мере высшее российское руководство уже не относится к нашим связям с НАТО так болезненно, как на первых порах. У Путина есть понимание того, что надо считаться с реалиями, которых ты не в силах изменить. Возражай или не возражай - Европа и Америка сделают то, что наметили. От чьих бы то ни было возражений им ни холодно ни жарко, а кое-кому от их безразличия может быть и холодно, и жарко. Борис Николаевич Ельцин, помнится, был категорически против принятия прибалтов в НАТО. Он с очень строгим выражением лица говорил: «Мы не позволим!» Но их приняли - и все. Так и сейчас. Россия не соглашается с тем, что американцы «лезут» на Кавказ и в Центральную Азию. Но американцы спокойно делают то, что считают нужным. Потому что они сильные - сильнее всех стран планеты вместе взятых.

Инерция настороженного, недружественного, подчас прямо враждебного отношения к Западу и особенно к США в России еще очень сильна. Видимо, руководство чувствует, что существенно ослабить эту инерцию оно не в состоянии, и может только пострадать, если будет пытаться это делать. Не хотят получить мощную оппозицию с антизападными лозунгами.

11 апреля

Объявлены окончательные итоги украинских парламентских выборов. Европарламент, другие западные политические и общественные организации, правительства, российская общественность и Кремль - все признали наши выборы демократическими, существенных нарушений не отметили. Мне приятно было это слышать. В этот момент мои политические симпатии и антипатии отшли на задний план.

Тест, которого я с нетерпением ожидал, состоялся, и результаты его подтвердили мою версию относительно административного ресурса в Украине. То, что говорят об использовании всякой (не только украинской) властью «административного ресурса», имеет под собой определенные основания. Отрицать это было бы глупо. Но так же верно и другое: в значительной мере эти разговоры представляют собою обыкновенное оппозиционное словоблудие. Вот передо мною данные, которые наглядно показывают влияние «админресурса» на украинского избирателя. Масштабы

использования этого ресурса измерить невозможно. А вот результаты - можно. В таблице первой представлены итоги парламентских выборов 2002 года. «Партией власти» тогда был блок «За Единую Украину». Его список набрал 11,77 процента голосов. В 2006 году «партией власти» был блок «Наша Украина». Он набрал 13,95 процента голосов. Примерно одинаковые результаты. О чем это говорит? Не о том ли, что в обществе существует сектор электората, который голосует за власть независимо от того, кто ее возглавляет - Кучма или Ющенко? Правда, в 2002 году половина депутатов избиралась по мажоритарным округам, и значительная часть их потом вошла в провластное парламентское большинство. Но это совсем другая статья. На партийную принадлежность этих людей многие избиратели не обращали внимания - голосовали не за ту или иную партию в лице данного кандидата, а за конкретную личность, хорошо известную им по ее делам и репутации в округе.

2002

Блок «За Единую Украину!» - 11,77%
Блок «Наша Украина» - 23,57%
Коммунистическая партия
Украины - 19,98%
Социалистическая партия
Украины - 6,87%
Блок Юлии Тимошенко - 7,26%

СДПУ(О) - 6,27%

Блок Наталии Витренко - 3,22%

2006

Блок «Наша Украина» - 13,95%
Партия регионов - 32,14%
Блок Юлии Тимошенко - 22,29%
Социалистическая партия
Украины - 5,69%
Коммунистическая партия
Украины - 3,66%

Всмотритесь в эту таблицу еще раз. Партия власти 2002 года - 11,77 процента, партия власти 2006-го - 13,95 процента. Так где же следы «админресурса» образца 2002 года, о котором столько шумела оппозиция и особенно - Запад? Обратите внимание и на показатели коммунистов и социалистов - самых ярых противников власти. Уж с ними она, казалось бы, не должна была церемониться. Но разве эти показатели свидетельствуют о том, что власть употребила против своих противников всю силу административного ресурса? Вы не увидите этого при всем желании. Тогда почему же выборы были названы недемократическими?

17 апреля

Выступая прошлой осенью в Казахстане, Кондолиза Райс заявила, что путь к демократии лежит через экономический рост. Волга впадает в Каспийское море… Тем не менее считаю это заявление в своем роде историческим. Не знаю, правда, означает ли оно серьезный поворот в умах американцев, и не только американцев. Я не раз говорил, что на голодный желудок демократию не построишь. Это прозвучало как крамола. На меня был «наезд» в нашей печати. Но прошло немного времени, и эта мысль стала повторяться. Наступил ее час. Понятно, почему люди, жаждущие демократии здесь и сейчас, встречают эту мысль в штыки. Она их тревожит, кого-то просто мучает. Ведь они понимают, что для преодоления бедности нужно много времени и много-много ума и

труда - и что же, смириться с отсутствием или недостатком демократии в течение всего этого времени? А к тому же нельзя забывать и того, что демократия служит одним из условий успешного экономического развития. Получается почти заколдованный круг. Расколдовывается он взвешенной политикой правителей при необходимом минимуме общественной поддержки, общественного понимания.

Бедные, как известно, склонны бунтовать. Победивший бунт - это беда. От победившего бунта страдают в первую очередь сами бедные. Такие бунты не ведут к достатку. Горький вопрос: всегда ли можно не допустить бунта демократическими методами? А ведь бедность не ходит одна. Где бедность, там и безграмотность. А еще Ленин сказал, что безграмотный человек стоит вне политики. Демократию он превратит во что-то неузнаваемое или наоборот - хорошо узнаваемое, но совсем не демократическое.

Такие страны, как Украина, представляют собою исключение. Здесь трагичное сочетание бедности с высокой образованностью населения. Но высокая образованность у нас сочетается с особым, уникальным видом безграмотности: мы не знаем азов демократии, политической культуры. Они не вошли в нашу плоть и кровь, не стали привычками. А раз так, то демократию мы употребляем себе же во зло, используем ее против нее самой. Мы своим поведением просто напрашиваемся на то, чтобы власть обращалась с нами по-советски, то есть недемократично. Вот что делать, если на крупную, жизненно важную для общества должность изберут сумасшедшего или «вора в законе»? Может ли ответственная власть допустить это? А как же демократия? Вопрос не только философский… Это вопрос о воде в трубах, о токе в проводах, о подаче газа, о движении поездов и полетах самолетов, о безопасности взрывных работ, о функционировании пекарен и бензозаправок…

18 апреля

Юрий Кравченко был человек с трудным и сильным характером. Диктатор по натуре. Для того времени это было не так уж плохо. Трения у меня с ним, конечно, были. Табель о рангах понимал, но многое, что ему не нравилось, делал со скрипом. Кадровую политику в своем министерстве старался оставить только за одним человеком - за собой. Чье-либо вмешательство - даже мое - воспринимал болезненно. Ни в каком законе не записано, что министр внутренних дел должен с кем-либо согласовывать свои кадровые решения. Таким образом, действует что-то вроде старинного правила: вассал моего вассала - не мой вассал. Президент подписывает указы о назначении министра и его заместителей, не ниже. Подписал - и все, дальше министр сам решает, кого поставить на какой участок. В наших условиях это означает, между прочим, фактическое отсутствие гражданского контроля над силовыми ведомствами. Единственный гражданский контролер - президент страны. Но не всем это объяснишь. Издал я, например, указ, которым предписал генеральному прокурору согласовывать со мной (через мою администрацию) основные кадровые назначения в органах прокуратуры. Естественно, поднялся большой шум в депутатском корпусе и в печати. Указ был расценен как «завинчивание гаек» со стороны президента, как усиление авторитарных тенденций и прочих вещей, которые очень хорошо умеют формулировать в таких случаях.

Как водится, не нашлось ни одного известного в обществе человека, который бы попытался объяснить людям, что в данном случае речь в действительности идет не об усилении, а об ослаблении авторитаризма - авторитаризма высшего прокурорского руководства.

5 мая

На одном из форумов в интернете набрел на любопытный обмен мнениями о премьерстве Юлии Тимошенко и о ней самой. С интересом узнал, что ее горячих сторонников зовут «юлианцами». Один из участников дискуссии пишет:

«Все просто, господа хорошие. Юлия Владимировна не понимает сути аппаратной работы, отчего превращает премьерские полномочия непонятно во что… Премьер может изображать, будто он чем-то управляет, но на деле лично он не управляет ничем, кроме наиболее приближенных помощников, секретарей, референтов и советников… Все «управленческие сигналы» премьера транслирует на общество государственный аппарат, в котором ведущая роль принадлежит сред-

нему звену - начальникам управлений, отделов, заведующим секторами и т. п. Как они реализуют на практике «сигналы» премьера, - таким и будет государственное управление от имени премьера. Государство в нашей стране - это как раз ОНИ. Плотно сбитые, связанные мириадами невидимых нитей, спаянные корпоративной этикой государственных служащих (которые как раз неплохо в целом оплачиваются, не в пример низовому звену «рабочих лошадок») - они на деле управляют страной. Они - а не «говорящая голова» в телевизоре… Господа юлианцы считают, будто «Юля поднимет экономику, Юля спасет страну, Юля…» (нужное подставить). В премьерском кресле ни один человек ничего подобного сделать просто не может. Премьер - тот же полководец. Как полководец должен делать вид, что управляет ходом боя (и признавать в глубине души, что ничем он не управляет), - так и премьер должен делать вид, будто управляет экономикой (хотя при здравом рассуждении должен понимать, что с трудом как-то управляется с собственным секретариатом и помощниками)».

Почему я обратил внимание на это рассуждение? Оно не совсем соответствует действительности. Роль аппарата преувеличивается, даже, я бы сказал, демонизируется. Тут автор проявляет верность давней традиции. К ее становлению приложили руку советские вожди - от Сталина до Хрущева. Я имею в виду сталинское выражение: «Кадры решают все», как и хрущевское: «Аппарат - наша опора». Это, конечно, верно, но аппарат надо рассматривать как продукт общества. Примерно так же, как любят говорить о парламенте. Какое общество, такой и парламент. Это очень хорошо у нас усвоили, и слава богу. Но то же самое нужно говорить и об аппарате. Какое общество, такой и аппарат. Сопротивление аппарата тем или иным приказам и починам - это во многом сопротивление общества. Сопротивление стихии, которая, понятно, не всегда права, но против которой не попрешь.

Людей, которые любят говорить о самостоятельной, определяющей и решающей роли аппарата в управлении страной и в то же время возлагают на мою персону эксклюзивную ответственность за все негативные явления в 1994-2004 годах, хочется спросить: не кажется ли вам, уважаемые, что вы противоречите самим себе? Или такой вопрос: если аппарат всесилен, то как могла произойти «оранжевая революция»? Или революция 1991 года, когда одного росчерка ельцинского пера хватило, чтобы мгновенно и навсегда - и без всякого сопротивления! - ушел в небытие аппарат КПСС - самый большой и могущественный из управленческих аппаратов, когда-либо существовавших на планете. Мне, конечно, сразу же скажут в порядке возражения, что аппарат исчез, а люди-то остались, и многие из них вскоре оказались в аппарате новой власти. Это верно, но не станете же вы утверждать, что новый аппарат с прежним личным составом продолжал как ни в чем не бывало совершенствовать «развитой социализм»?!

6 мая

История, кажется, движется толчками. На эти дни пришелся очередной толчок.

В Вильнюсе состоялась конференция «Единое видение общего соседства», и там вице-президент США Дик Чейни произнес речь, которую сразу же назвали второй Фултонской.

Первая Фултонская речь была произнесена Уинстоном Черчиллем ровно 60 лет назад в 1946 году в американском городе Фултоне. Она была направлена против «агрессивной послевоенной политики СССР», против Сталина и сталинизма. В связи с этим я вспомнил его речи тридцатых годов против Гитлера и гитлеризма. Тогда Черчилль был в оппозиции и очень резко критиковал правительство своей страны за соглашательскую политику в отношении гитлеровской Германии. Он призывал к самым решительным упреждающим действиям против Гитлера, говорил о неминуемости тяжелейшей войны с ним. Он был таким непримиримым критиком, так кардинально противоречил не только правительственной линии, но и общественному мнению, что его выступления не разрешали передавать по Би-би-си. Объясняли это тем, что данная радиостанция государственная, и она должна оглашать взвешенные суждения, быть объективной, не становиться рупором крайних мнений и призывов. Пришлось Черчиллю до самой своей победы на выборах, в результате которых он стал премьер-министром Англии, довольствоваться частными средствами массовой информации.

В отчасти сходном положении Черчилль оказался и после Второй мировой войны. Война еще не совсем закончилась, а он уже был вынужден уступить власть лейбористу Эттли. В западном общественном мнении царило благодушие, даже эйфория, вызванная великой победой над

Гитлером, одержанной в союзе с Советским Союзом. И вот Черчилль первым выливает на головы демократов всего мира ушат холодной воды. Он говорит, что мир оказался перед новой страшной угрозой, которую теперь представляет собою СССР, о том, что надо бросить всю мощь Запада на противостояние этой угрозе. Вчерашнего союзника Сталина он объявляет главным врагом свободы в мире (что не помешало ему впоследствии дать тому же самому Сталину самую лестную характеристику, которую и сегодня наизусть знают все сталинисты).

И вот позавчера мир услышал «вторую фултонскую» речь, на этот раз из уст вице-президента США. Эта речь имеет прямое отношение к Украине. Чейни осудил Москву за «шантаж», «запугивание», действия по «подрыву территориальной целостности соседей» и «вмешательство в демократические процессы» в соседних с Россией странах. Прежде всего, конечно, в Украине. Он выдвинул Кремлю ультиматум: или «вернуться к демократии», или «стать врагом».

Это действительно, как пишут газеты, самое резкое выступление американского руководства против России за годы после окончания «холодной войны». Он назвал имена главных героев той войны. Андрей Сахаров, Лех Валенса, Вацлав Гавел, Иоанн Павел II, Натан Щаранский и Рональд Рейган, по его словам, внесли самый большой вклад в победу демократии над социалистическим лагерем. К ним вице-президент США причислил «героев нашего времени» Михаила Саакашвили, Виктора Ющенко и находящегося в заключении лидера белорусской оппозиции Александра Милинкевича. «Распространение демократии необратимо, - заявил он. - Оно на пользу всем и не является угрозой никому. Система, которая дала надежду на берегах Балтийского моря, может принести надежду и на берега Черного моря и даже дальше. То, что применимо для Вильнюса, так же применимо и для Тбилиси, и для Киева. И это же применимо и в Минске, и в Москве».

Его претензии к России: ограничение прав граждан, подавление СМИ, неправительственных организаций и политических партий. А главное - действия, которые наносят ущерб территориальной целостности соседних государств или препятствуют демократическим процессам в этих странах. «Нельзя оправдать защитой законных интересов то, что нефть и газ становятся средством запугивания и шантажа, имеют место манипулирование поставками этих энергоресурсов или попытки их монополизировать», - сказал Чейни. (Невольно вспоминаются 80-е годы, когда США, опустив через Саудовскую Аравию мировую цену на нефть до 8 долларов за баррель, сделали Советский Союз практически банкротом.)

С моей точки зрения, особое значение имеет то, в какой аудитории и по какому поводу была произнесена эта речь. Ее слушали (и аплодировали) первые лица государств Балтийского и Черноморского регионов: Польши, Румынии, Болгарии, стран Балтии, Украины, Молдавии и Грузии. Таким образом, миру предъявлено что-то вроде антироссийской дуги от Балтийского до Черного моря под патронатом США. Словно издеваясь над Россией, американский представитель заявил, что Россия только выиграет от того, что у ее границ будут «сильные демократические государства», руководимые «храбрыми лидерами цветных революций».

Надо, видимо, признать, что происшедшее явилось для Кремля исключительно сильным ударом. В июле должна состояться встреча на высшем уровне лидеров стран «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге. Американцы упредили Путина и его советников. Кремль только что нанял, как сообщалось, одно из самых мощных западных пиар-агентств для проведения пропагандистской кампании в пользу России во время ее председательствования в «Большой восьмерке». Подготовлены и другие крупные политические пропагандистские шаги. Путин явно готовился к превращению июльского саммита в Санкт-Петербурге в свой триумф. Теперь ему придется там или оправдываться и обещать исправиться, идти на другие уступки, или принять вызов и тем самым поставить Россию в то положение, которое Чейни обрисовал двумя словами: «враг Запада». Он же обрисовал и то, чем, по его мнению, грозит России второй вариант: «Централизованный контроль, запугивание политических противников, беспощадная коррупция, сопровождающаяся постоянным насилием. Экономическая стагнация, упадок нации. Вот кошмарная история, повторения которой не хочет ни один рациональный человек».

Я бы обратил далее внимание на то, что холодная война обострилась и в самой России. Словно по заказу, на ринг вышли два главных противника в этой войне. Это Александр Солженицын и Егор Гайдар. Солженицын («Московские новости», № 15, 28.04.2006) показал себя сторонником политики Путина, Гайдар - противником.

«При Горбачеве, - сказал Солженицын, - было отброшено само понятие и сознание государственности. (Отсюда его многочисленные капитуляции и безоглядные уступки во внешней поли-

тике, принесшие ему столь шумные похвалы на Западе.) При Ельцине по сути та же линия была продолжена, но еще отягощена безмерным имущественным ограблением России, ее национального достояния, а также беспрепятствием и потакательством государственному хаосу. При Путине, не сразу, стали предприниматься обратные усилия спасения проваленной государственности. Правда, некоторые из этих попыток сначала носили характер скорее косметический, затем стали проявляться четче. Внешняя политика, при учете нашего состояния и возможностей, ведется разумно и все более дальновидно». Вспомнил Александр Исаевич и «25 миллионов наших соотечественников, отрубленных от России очумелым беловежским сговором».

То, что Чейни называет отходом России от демократии, Солженицын называет иначе: «Консерватизм, дающий сейчас ростки в России, зародился и стал укрепляться скорее как естественный ответ на безоглядную распущенность». Он выражал самое большое сочувствие «униженному и вымирающему русскому народу», предупреждая, что со стороны Запада «готовится полное окружение России, а затем потеря ею суверенитета». Об Украине отзывается так: «Происходящее на Украине, еще от фальшиво-построенной формулировки для референдума 1991-го года (я уже об этом писал и говорил), составляет мою постоянную горечь и боль. Фанатическое подавление и преследование русского языка (который в прошлых опросах был признан своим основным более чем 60% населения Украины) является просто зверской мерой, да и направленной против культурной перспективы самой Украины. Огромные просторы, никогда не относившиеся к исторической Украине, как Новороссия, Крым и весь Юго-Восточный край, насильственно втиснуты в состав нынешнего украинского государства и в его политику жадно желаемого вступления в НАТО. За все время Ельцина ни одна его встреча с украинскими президентами не обошлась без капитуляций и уступок с его стороны. Изживание Черноморского флота из Севастополя (никогда и при Хрущеве не уступленного УССР) является низменным злостным надругательством над всей русской историей XIX и XX веков. При всех этих условиях Россия ни в какой форме не смеет равнодушно предать многомиллионное русское население на Украине, отречься от нашего единства с ним».

Четырьмя днями раньше («Профиль», № 15, 24.04.2006) совсем другую картину нарисовал Егор Гайдар. Он дал противоположные оценки происходящему в России. Резко антисолженицынский характер носят и его предложения. Он считает евроатлантическую демократию наиболее эффективным способом организации современного человечества: «Беспрецедентное ускорение экономического развития, повышение его темпов, измеряемых ростом показателей душевого ВВП в десятки раз, начинается на рубеже XVIII- XIX веков в Северо-Западной Европе. Это случилось после того, как там в силу своеобразного набора исторических обстоятельств сложились институты, гарантирующие права и свободы человека, права собственности. Там возникла ситуация, при которой, как писал профессор, лауреат Нобелевской премии Д. Норт, «у власти связаны руки». Стратегически вопросы о гарантии прав и свобод и о темпах экономического роста неразрывно связаны. Демонтаж системы гарантий прав частной собственности снижает спрос на деньги, осложняет борьбу с инфляцией, ограничивает инвестиционную привлекательность страны как для отечественного, так и для зарубежного бизнеса. Зависимость и инфляционных процессов, и экономического роста от уровня свободы - очевидный исторический факт».

В сдержанных выражениях Егор Гайдар подвергает сегодняшнюю политику России резкой критике. Россия, по его словам, переживает «тяжелый приступ постимперского синдрома». Его тревожит увеличение роли государства в управлении экономикой: «Для нашей страны этот процесс опасен. Когда я пришел работать в российское правительство, нефтяная промышленность находилась в состоянии глубочайшего кризиса. Это была государственная отрасль. Добыча нефти падала более чем на 50 млн. тонн в год. Я имел возможность ознакомиться с протоколами совещаний у председателя Совета Министров СССР - иронизирует Гайдар. - После начала дела ЮКОСа и новой волны огосударствления нефтяной отрасли темпы роста нефтедобычи в России упали приблизительно в пять раз».

Н. И. Рыжкова, посвященных положению с добычей нефти в стране. Самое распространенное слово, которое можно в них встретить, - катастрофа. В начале 2000-х годов главной проблемой для приватизированного российского нефтяного сектора было то, что рост инвестиций частных компаний шел столь высокими темпами, что увеличение российской доли на мировом нефтяном рынке могло спровоцировать ценовую войну со странами ОПЕК. К настоящему времени эта проблема решена,

И, чтобы не оставалось никаких сомнений в его позиции, Гайдар прямо определяет сложившуюся в России систему как «политический режим, который нельзя назвать функционирующей демократией». Этому режиму, по его словам, больше всего угрожает то же самое, что погубило Советский Союз: «зависимость экономики и политики от такого трудно прогнозируемого и неуправляемого фактора, как цены на топливно-энергетические ресурсы». Он напоминает две важные, с его точки зрения, вещи. Первая: «В 1985-1986 годах цены на нефть - товар, от которого зависели важнейшие характеристики советской экономики, - упали в несколько раз. Запасов стабильности хватило ненадолго. К лету-осени 1991-го банкротство СССР и крах советского режима были данностью». Вторая: «Сегодня цены на нефть в реальном исчислении хотя и не вышли на экстремально высокий уровень позднебрежневского периода (1980-1982 годы), но уже почти сравнялись с уровнем 1985 года - того времени, с которого начался неуправляемый кризис. Хочется, чтобы сегодня, принимая решения о ключевых параметрах экономической политики, Стабилизационном фонде, цене отсечения на нефть, на основе которой строится бюджетный процесс, российские власти извлекли уроки из того, что произошло в Советском Союзе в конце 1980-х годов». Иными словами, Гайдар предупреждает о возможности резкого падения мировых цен на нефть и газ, что может иметь для России очень тяжелые последствия.

О том, в чем Гайдар видит выход, можно судить по следующим его высказываниям: «На протяжении исторически коротких периодов капитализм без демократии возможен. Особенно в странах догоняющего развития, которые не принадлежат к числу начавших современный экономический рост на рубеже XVIII-XIX веков и следуют за лидерами, по уровню развития сохраняющими по отношению к ним дистанцию в несколько поколений. Но и здесь ситуация, в рамках которой экономическая свобода не подкрепляется политической, внутренне нестабильна. Сам успех экономического развития, повышение уровня жизни, образования повышают спрос на такую фундаментальную ценность, как свобода. Авторитарные капиталистические режимы Южной Кореи и Тайваня - примеры стран, продемонстрировавших аномально высокие темпы экономического роста в условиях капитализма без демократии. Ни одному из этих режимов это не позволило сохранить недемократическую форму правления. С течением времени повзрослевшее общество потребовало и добилось демократических перемен».

Он возлагает надежды на постепенный рост уровень жизни в России: «Богатый международный опыт показывает, что рост уровня жизни тесно и позитивно коррелируется с развитием демократических институтов и гражданского общества». Отвечая на вопрос, предопределен ли поворот России к авторитаризму и государственному патернализму, отвечает: «Надо различать краткосрочную и долгосрочную перспективу. В краткосрочной перспективе - вероятен. В долгосрочной - исключен».

7 мая

Никто не заставляет меня высказываться по проблематике, которой посвящены выступления Дика Чейни, Александра Солженицына и Егора Гайдара. Есть все возможности уклониться от формулировки собственного мнения. Но если история действительно движется толчками, то я, видимо, не вправе проигнорировать этот толчок.

С одной стороны, я не могу одобрить «оранжевую революцию» в Украине и другие цветные революции где бы то ни было. Не могу считать оправданными те потери, которые уже понесла Украина под руководством Виктора Ющенко и его команды, если ее можно так назвать. Под конец моего президентства ясно обозначились весьма положительные тенденции в экономике Украины. Наши достижения были признаны миром. По темпам экономического роста мы опережали Россию более чем в два раза (не имея такого подспорья, как сверхдоходы от энергоносителей, наоборот - нам приходилось все больше платить за дорожавшую нефть). Уверен, что продолжение и развитие этих тенденций и достижений принесло бы украинскому народу намного больше пользы, чем ющенковские «десять шагов навстречу людям». В конце концов это способствовало бы и дальнейшей демократизации украинского общества. Это соответствовало бы той закономерности, о которой говорит Гайдар: рост уровня жизни приводит к демократизации. Об этом же говорила в Казахстане и Кондолиза Райс.

С другой стороны, я, закоренелый стихийный рыночник, разделяю экономические взгляды и выкладки Гайдара. Правда, его характеристика политического режима в России совпадает с аме-

риканской. Но те же американцы спокойно смотрят на режим в Пакистане, на режимы в арабском мире. Вряд ли кто назовет эти режимы более демократическими, чем российский. Наоборот. Почему же с Пакистаном и арабами у США нормальные отношения, а с Россией дошло до того, что перед нею вопрос ставится ребром: или меняй свою внутреннюю и внешнюю политику, или будем рассматривать тебя в качестве врага?

Скажу свое мнение. Россия принята в «Большую восьмерку». Но американцы не хотят, чтобы Россия имела в ней слишком большой, с их точки зрения, вес. Им не нужно, чтобы Путин выступал там с особыми мнениями по важным для них вопросам. Он будет для них более удобен в положении оправдывающегося. Да, в «Большую восьмерку» Россия принята, но ей хотят указать там ее место - не то, естественно, на какое она собралась претендовать. Путин никогда не ставил своей целью испортить отношения России с Западом. Но как всякий русский человек он обладает чувством национальной гордости. Россия при нем высоко подняла голову. Она становится великой державой. Это не может нравиться американцам. Они исходят из своего опыта и своих представлений. А надо понимать людей, которые живут в другом мире, если вы приходите в их мир или беретесь о нем судить. Мне кажется, во многом правы те, кто критикует американцев за нежелание или неумение считаться с чужими обычаями и порядками. И особенно - с чужой гордостью. Как раз это больше всего проявилось в данном случае.

Позавчера пресс-секретарь Белого дома сказал, что в вильнюсской речи Чейни не было ничего нового для россиян: они не раз слышали это от президента Буша во время его встреч и бесед с Путиным. Думаю, американцев сильно возмутила реакция Кремля на «оранжевую революцию» в Украине. Кремль сделал выводы из украинских уроков (и должен поблагодарить нас за них). Он прямо заявил, что не допустит ничего подобного в России, и стал принимать соответствующие меры. Была, например, несколько ограничена вольница неправительственных организаций, различных фондов, существующих на западные деньги.

В Украине эти фонды в течение десяти лет делали что хотели. Американцы давали гранты всем, кто выступал против власти, а попробуй поднять голос те, что поддерживали власть, ответ им был один: вы стоите не на тех позициях, чтобы ожидать от нас помощи. Не случайно на Майдане в дни «оранжевой революции», как рассказывают, в первых рядах были стихийно собравшиеся люди, а за ними - хорошо обученные и организованные кадры.

Чейни обвиняет Россию в действиях, направленных на подрыв территориальной целостности соседних государств. Да, Россия в этом отношении не святая, далеко не всегда поступает взвешенно, корректно. Я это очень хорошо знаю. А можно ли сказать, что американцы были святыми в отношении Югославии? В общем, я думаю, у Путина есть что сказать Дику Чейни в ответ на его ультиматум.

Ельцин, кстати, реагировал бы очень резко. Я вспоминаю, как он на своем юбилее критиковал США в лице Клинтона, который был его гостем. Хоть и гость, а правду слушай! И что-то не верится мне, что вопрос стоит именно так, как его ставит Чейни: или «демократизация» России, или холодная война. Это просто один из приемов политического давления на Москву. Ничего особенного не произойдет даже в том случае, если Россию исключат из «восьмерки». Исключат - ну и что? Китай вон ни в какие восьмерки не входит. Что Россия получает от этого членства? Это ведь не Совет Безопасности ООН, членство в котором действительно создает стране реальный авторитет в мире. Вот на чем зиждется ее авторитет. «Большая восьмерка» - это что-то вроде СНГ: что есть оно, что нет - все, в общем, едино. Глобальная политика формируется в других форматах, на иных уровнях.

Чейни говорит: или свобода СМИ в России, или «холодная война». Но при этом летит и в Казахстан, и в Узбекистан, где всевозможных свобод намного меньше, чем в России. И Путин с Туркменбаши не вчера объявлены врагами свободной прессы… Не думаю, что Путин будет что-то заметно менять в ту или иную сторону. Все это придирки, поводы, зацепки.

В мире давно идет суровая борьба за ресурсы, за господство, за влияние и славу. Иногда она ослабевает, потом снова усиливается. События 11 сентября 2001 года изменили характер этой борьбы. На Россию американцы начали смотреть как на союзника. Они понимали, что она сможет сыграть важную роль в Афганистане и Центральной Азии. Опыт и связи русских в этом регионе представляют собой немалую ценность в войне против терроризма. Но прошло время, ситуация изменилась. Америка поставила перед собой другие задачи. Вновь в центре глобальной политики оказывается Евразия. Об этом в свое время писал в «Великой шахматной доске» Збигнев Бжезин-

ский. Среди основных геополитических регионов, доминирование в которых определяет глобальное лидерство США, он назвал прежде всего Евразию. Не Ближний Восток а Евразию. Именно Евразия, писал он, «представляет собой шахматную доску, на которой продолжается борьба за глобальное первенство». Откровенно говоря, я раньше не очень хорошо понимал смысл этой формулы. Теперь понимаю лучше. Понимаю, как мне кажется, главное для Украины: решающим звеном Евразии является постсоветское пространство. И здесь Украина и Грузия - стратегические точки. Понимает ли это Ющенко? Мы втягиваемся в большую «шахматную игру» - игру, где основными фигурами выступают США, Россия, Китай. Пресловутую Восточно-Европейскую «демократическую дугу» от Балтийского моря до Черного я посоветовал бы украинскому президенту рассматривать в этом контексте.

Я опять думаю о Ельцине. Его изображают разрушителем «исторической России» в интересах США, а на самом деле он никогда не приветствовал политику заигрывания с американцами. Ему, например, очень не понравилось, что американцы после 11 сентября пришли в Центральную Азию, тем самым потеснив традиционное присутствие России. Его тревожит курс на постепенное окружение России различными «дугами». В значительной степени именно этим объясняется, на мой взгляд, его неприятие «оранжевой революции» в Украине. Ельцин не может приветствовать события, которые отчуждают от России ее соседей.

Ну а то, что в очередной раз сказал об Украине Александр Солженицын, вызывает у меня только глубочайшее сожаление. Раньше я читал такие его выпады с недоумением и сожалением, а теперь осталось одно сожаление. Человек просто не знает и не хочет знать, что у нас происходит. Только полностью игнорируя действительность, можно заявить о «фанатическом подавлении и преследовании русского языка в Украине». В XXI веке странно выглядят ссылки Солженицына на то, что некие территории никогда не относились к «исторической Украине». Он, казалось бы, не может не знать, что современное международное право не признает таких ссылок, а политическая мораль демократического мира их резко осуждает. Это - запрещенный прием, использование его не раз приводило к тяжелейшим последствиям. Этот прием пахнет большой кровью. К тому же не может Солженицын не знать, какие территории никогда не относились и к «исторической России».

Говорить о «капитуляции» Ельцина перед украинскими президентами - это просто беспредел, самая настоящая клевета. Элементарная неосведомленность - в словах про Севастополь, будто бы и при Хрущеве «не уступленный УССР». Севастополь находился в составе УССР, но был городом, как это называлось, союзного подчинения. Неисчислимыми бедами для России и Украины обернулось бы следование Москвы призыву Солженицына «защитить» русское население Украины. Я твердо знаю, что оно отвергло бы эту «защиту».

8 мая

Кажется, сколько существует доллар, столько же идут разговоры, что он вот-вот рухнет. Во всяком случае в последние годы только об этом и слышишь. Трезвые голоса, как всегда, звучат не очень громко. Я не экономист, но больше десяти лет вплотную занимался уникальной экономикой уникальной страны. Уж для себя какие-то вещи могу говорить с уверенностью. Так вот, доллар никогда не упадет. Он не упадет просто потому, что в противном случае развалится вся мировая экономика. Поэтому доллар и будут поддерживать всем миром, хотя от колебаний ни одна валюта не застрахована.

Достаточно спросить себя: почему Япония, самый крупный кредитор американского правительства, вкладывается в доллар? Почему долларовые резервы Китая составляют около триллиона? Гонконг, Южная Корея, Россия свои резервы (Россия - и значительную часть Стабфонда) держат в долларах и государственных ценных бумагах США - тех самых, которым постоянно предрекается дефолт. Они что, самоубийцы? Глупцы? Нет, конечно. Смешно выглядят прогнозы краха американской валюты на основе рассуждений о том, что США-де производят только около 20 процентов мирового ВВП, а потребляют все 40, то есть живут в долг, обеспечивая свой импорт с помощью печатного долларового станка. Но представьте себе, что США перестали потреблять столько, сколько сейчас. Это же крах экономик десятков экспортно ориентированных стран! Экономика того же Китая, имеющего огромный профицит в торговле с США, рухнет в один момент: кому он станет продавать свои товары?

В порядке фантазии можно, конечно, представить себе все что угодно. И не только о долларе. Далекие от политики и экономики люди так и делают. Я имею в виду разговоры о том же «кране», который может перекрыть Россия для Украины или для всей Европы. Фантазеры не задают себе простого вопроса: зачем? Зачем бы Россия стала это делать? Чтобы таким способом совершить самоубийство? Еще одна «злободневная» тема: китайцы, их возможные шаги. Достаточно, мол, им забрать свои ценные бумаги с американского рынка - и все, аминь, конец США. А зачем бы китайцы стали это делать?

Обывательские разговоры - они и есть обывательские разговоры. Но когда они проникают в СМИ, когда целые издания и телевизионные каналы специализируются на таком материале, в общественное мнение вносится как бы зараза. Оно становится готовым воспринять любую чушь, которую услышит от какого-нибудь популиста или просто шарлатана.

Что происходит в той же Венгрии? Люди протестуют против лжи, их возмущает, что лидеры государства их сознательно обманывают, кормят заведомо невыполнимыми обещаниями. Но сначала-то масса охотно верит им!

А что делается у нас? В начале прошлого года немало людей поверило новой власти, что еще чуть-чуть - и она приведет Украину в Европейский Союз. Фантазии, выдумки, дезинформация создают почву и для обывательского цинизма. Люди начинают думать, что для всех политиков нет ничего святого, что они способны совершать самые невероятные поступки и действия. Правда, сами политики тоже дают немало поводов и оснований для распространения настроений цинизма. Чейни «наехал» на Россию за ее отношение к демократии, за давление на прессу, за попытки использовать газ и нефть в экспансионистских целях - и тут же куда отправился? В Туркменистан и Казахстан. «Вот тебе и вся политика», - скажет простой человек, и ведь он будет прав в своем негативном чувстве.

Или вот такой авторитетный политик, как Владимир Литвин, выступает с прогнозом. Да, с катастрофическим прогнозом. Невольно привыкаешь, что раз политик делает прогноз, то непременно - катастрофический, то есть, опять же, обывательски-фантастический. Так человек бессознательно стремится привлечь к себе больше внимания. По словам Литвина, Украину ожидает одно из двух: или развал страны, или диктатура. Или даже война - это, если не ошибаюсь, третий вариант.

Не вижу никаких предпосылок ни для одного из этих вариантов. Никакого развала страны быть не может. Объяснить, почему? Назову только одну причину. Между западом и востоком, конечно, большие различия, но нет таких противоречий, которые могли бы разрешиться только «разводом». Те пункты, по которым обычно нагнетается распря, надуманны. Это демагогия, пропаганда, «политтехнология». Вопрос о статусе русского языка, о вступлении в НАТО, о том, кто будет премьер-министром: Тимошенко или Янукович - не те вопросы, которые могут разбросать украинцев не просто в разные стороны, а в разные страны. Политики могут вырывать чубы друг у друга, но простые люди этим никогда заниматься не станут.

Я не люблю и не умею мудрствовать. Я доверяю своим чувствам, своей интуиции. Так вот, у меня, как у всех моих односельчан, с детства есть одно чувство. Не мысль, а именно чувство: что есть Западная Украина и есть Восточная Украина и что только вместе они составляют всю Украину. При всех различиях! Без одной нет другой. Мне было бы не по себе без Западной. У нас в селе ее так и называли: Западная. Не Западная Украина, а просто: З а п а д н а я. Откуда появился этот новый человек в Чайкино? Да из Западной. Куда уехала такая-то? Да в Западную, замуж вышла за «западенца».

И это при том, что нас нельзя еще назвать такой единой нацией, как те же поляки. У нас особое единство - единство в разности. В связи с этим я жалею, что у нас мало делается для того, чтобы восточные украинцы лучше знали историю западных, да и наоборот. История обеих частей Украины, но особенно Западной, не только трагична, но очень интересна. Я много думал об этом во время работы над книгой «Украина - не Россия». И не надо натяжек, не надо вранья. Невозможно согласиться, когда говорят (по праздникам) о том, например, что во время Второй мировой войны наши отцы боролись за Украину. Они боролись за страну, которая называлась Советским Союзом. А за Украину боролась Западная - так она считала, такой была пропаганда ее вождей. Она вошла в Советский Союз, в Украинскую ССР в 1939 году, и для нее это было несчастьем. Однозначно. Иначе она не могла воспринимать то, что стала творить с нею советская власть.

Были уничтожены даже западноукраинские коммунисты, практически все, до единого чело-

века, вся их партия. Интеллигенцию частично тоже уничтожили, остальных отправили в русские снега. Потом пришли немцы. Многие украинские националисты встречали их хлебом-солью. Бандера, его соратники и союзники собирались создать - ни много ни мало - независимое Украинское государство. За это одни попали в немецкие концлагеря, другие - под расстрел. Оставшиеся на свободе стали воевать на два фронта - и против советских, и против немцев.

На востоке и в центре Украины эта страница истории до сих пор многим не очень понятна. Ее никак не могут «переварить», не знают, что с нею делать. Но большинство не считает, что из-за этого было бы полезно расколоть страну. И я отношу себя к числу этих людей, хотя ни при каких обстоятельствах не могу принять зверства партизан-националистов, как, впрочем, и коммунистов.

Что было бы очень полезно, так это меньше слушать политиков-демагогов и больше - добросовестных историков.

11 мая

Стремление российской стороны диктовать нам свои условия в какой-то мере просматривалось всегда. Это не тайна, и в таком поведении нет ничего удивительного или обидного для нас. Для меня по крайней мере. Всякий, у кого есть хоть малейшая возможность навязать кому-то свои правила игры, обязательно пользуется ею. Так случается и в бытовых отношениях людей, и в межгосударственных. Более того, нередко можно видеть, как то или иное лицо, та или иная страна пытается задать тон разговора, не имея для этого никаких оснований. Это называется блефованием или нахальством, которое, как известно, города берет. А если учесть, какая цена на нефть и газ стояла все эти годы и как Украина зависела от российского рынка, то понятно, что российской стороне было нелегко с первых же слов любого делового разговора взять единственно правильный тон - тон равноправия и взаимной выгоды. Но должен сказать со всей прямотой, что стремление России первенствовать никогда не перехлестывало через край. Ответственные представители России все-таки всегда знали меру. И чем выше был представитель, тем ровнее, уважительнее он держал себя с украинским руководством.

Как вел себя я? Солженицын изображает меня и Кравчука какими-то беспредельными наглецами и шантажистами, которые только то и делали, что заставляли Ельцина капитулировать перед собой: «За все время Ельцина ни одна его встреча с украинскими президентами не обошлась без капитуляций и уступок с его стороны».

В этих словах не только полное незнание фактической стороны дела, но и полное непонимание природы международных отношений вообще и российско-украинских - в частности. Так о международных отношениях рассуждают в трамваях, банях, на пляжах, когда спадает жара и люди обретают возможность шевелить языками.

Как же я вел себя и с Ельциным, и с Путиным на самом деле? Важное место в моих разговорах занимала, как ни странно покажется Солженицыну, тема российской выгоды. Мы разные люди. В чем-то Ельцин с Путиным сильнее меня, в чем-то сильнее я. У каждого свои преимущества, связанные с биографией, происхождением, образованием, спецификой президентской работы.

О моих слабых сторонах скажут (и уже сказали столько, что оставшейся жизни не хватит, чтобы все прочитать) другие, а о сильной стороне скажу здесь я сам. Моей сильной стороной являлось то, что я очень хорошо знал конкретную экономику как Украины, так и России. Все нити, связывающие эти две экономики, были передо мной, как на ладони. Поэтому я подробно рассказывал Ельцину, а потом Путину, какие конкретные последствия для российской экономики будут иметь обсуждаемые нами сделки, если мы договоримся, и какие - если не найдем общего языка. Мои выкладки они могли в любой момент проверить у своих специалистов - и не было случая, когда они, российские специалисты, доложили бы, что Кучма что-то преувеличивает или приуменьшает, где-то лукавит или блефует. Так мой собеседник убеждался, что я слов на ветер не бросаю, и следующая встреча проходила уже в более дружественной и деловой атмосфере.

Я работал на свой авторитет, чтобы потом мой авторитет работал на меня, а поскольку я был Президентом Украины - то и на Украину.

Я мог убедить российских партнеров, что им выгоден тот или иной проект. Подчеркну: убедить без попытки обмануть, ввести в заблуждение, пытаясь выгадать что-либо для Украины в ущерб интересам России.

Сравнивая меня с лидерами других стран СНГ, Ельцин в своих мемуарах «Президентский

марафон» написал: «С Леонидом Кучмой общаться сложнее, хотя внешне он традиционно по-украински ласков, уютен. Но в нем есть и сила, и упорство, и упрямство».

Думаю, если бы я хоть раз попытался обвести его вокруг пальца, это было бы, к моему стыду, отражено в этой характеристике.

Я прекрасно понимал, что жизнеспособность любого сотрудничества может базироваться только на взаимной выгоде. Как гласит народная мудрость, не выгадывай - прогадаешь. Мой метод - метод убеждения, а не пустословия на тему «давайте жить дружно!».

Я говорил, например: да, вы сегодня выиграете, если откажетесь покупать такие-то наши изделия по такой-то цене, но вы наверняка проиграете завтра, когда будете вынуждены покупать то же самое в Европе или где-то еще по более высокой цене.

Взять те же трубы, особенно - трубы большого диаметра. Вяхирев любил, помню, стращать нас: «Вы смотрите! Вот мы решим покупать трубы большого диаметра в Европе, в той же Германии, и останетесь вы ни с чем». Какие только недостатки он ни находил в наших трубах: то шов какой-то не такой, то что-то там короткое или длинное…

Мы всякий раз отвечали: «Хорошо. Завтра будет сделано так, как вам надо». И делали. Сразу! Мы не стояли на месте, не предлагали тот товар, который у нас уже есть, лежит на складе, а всегда говорили: завтра у вас будет то, что вам нужно. Мы были легки на подъем. Почему? Потому что мне как представителю Украинского государства позарез нужны были деньги в бюджет, а эти деньги могла дать только серьезная промышленность, тот же Харцызский трубный завод, а этот завод меня мгновенно и правильно понимал, потому что он был не просто завод, а частный бизнес.

Если бы это был государственный бизнес, мы ничего бы не добились. В бюджете Украины просто не было средств на оперативное техническое перевооружение. К моменту, когда Вяхирев и другие капитаны российской экономики созрели для разговора с нами с позиции своих высоких требований, наши ведущие предприятия уже были в частных руках. А частный бизнес прекрасно понимает, что если он не будет мгновенно реагировать на потребности рынка, на капризы заказчика, то станет банкротом. Так мы и работали.

Я понимал свое: Россия и «Газпром» с Украиной не шутят и шутить никогда не будут.

А украинский бизнес понимал свое: Президент Украины с ним не шутит и шутить не будет. Поэтому он и признавал меня главным государственно-политическим представителем интересов украинского бизнеса в отношениях с Россией.

Рэм Вяхирев - это тип крепкого советского руководителя-хозяйственника. Газовую отрасль он, конечно, знал от «а» до «я». Он был очень трудный переговорщик. Его несговорчивость объяснялась частично тем, что он видел интересы только своей отрасли. Но на нем свет клином не сходился. Кроме него, было российское правительство, был Черномырдин. Третейским судьей с решающим голосом выступал российский президент. С ним-то уж всегда удавалось договориться. Он лучше всех понимал, что стоит за словами «стратегические отношения». Это значит: думать о завтрашнем дне, о будущих выгодах, держать перед глазами не одну сиюминутную сделку, а завтрашнюю картину всей отрасли, всей экономики. А самое главное - всей страны, со всеми ее связями и противоречиями.

Такого же правила мы придерживались в отношениях с Казахстаном, Узбекистаном, Туркменистаном. Я ни на минуту не забывал, что значат для нас эти страны. Не подходит вам, казахам, такой вариант - давайте попробуем другой, но мы не должны разойтись, ни о чем не договорившись.

Мы были настоящими партнерами, ответственными друг перед другом. Я понимал своих коллег с полуслова. Мне кажется, что и они понимали меня. Личные отношения руководителей государств имеют большое значение для принятия важных политических и экономических решений, иногда - определяющее. Я, например, считаю, что отношения Украины с другими странами на постсоветском пространстве в очень большой степени базировались на моих самых дружественных отношениях с каждым из лидеров. Моим личным отношениям с российским руководством, совпадению наших взглядов на многие важные международные вопросы Украина обязана ценой в 50 долларов за газ до 2011 года. Так во всяком случае предполагал договор, и не моя вина, что он перестал действовать в 2005 году со сменой политического курса. Хочу подчеркнуть, что договор был в интересах обеих стран. В Украине ведь немало предприятий, принадлежащих российскому бизнесу. Я никогда не предлагал россиянам сделок, которые заведомо были выгодны

только Украине. Это бесперспективный путь. Недальновидно предлагать товар, с которым не знаешь, что делать. Говоришь: вот смотрите, такую вещь вы можете купить где-то в другом месте, она, может быть, окажется чуть лучше нашей, но вы потеряете на многом другом. Имейте в виду, например, что эту вещь мы делаем в кооперации с российскими предприятиями. Таким образом, купив ее в Украине, вы поддерживаете и своего товаропроизводителя. Что касается будущего, то вот вам наши варианты совместных планов…

12 мая

Единый налог на крестьянское хозяйство был введен по моему указу. Раньше брали, уже не помню, сколько налогов. Если не ошибаюсь, больше десяти. Для каждого из них - своя канцелярия. Я своим указом ввел один: раз в год заплати некоторую посильную сумму и работай спокойно, больше к тебе никто не придет и не будет ничего требовать. Я хотел, чтобы человек уверенно распоряжался своим доходом, мог планировать и развивать свое хозяйство. Чтобы появился класс, который раньше называли кулачеством. При Ленине крестьян сначала разорили и таким образом почти выровняли, а потом все-таки еще и поделили: на кулаков, середняков и бедняков. В 1921-1928 годах, правда, были созданы некоторые условия для успешного хозяйствования. Крестьянство не только на бумаге, но и на деле быстро расслоилось на более-менее зажиточных и бедняков. Были, конечно, случаи, когда в бедняки человек попадал из-за стечения объективных неблагоприятных обстоятельств. Но, как правило, бедняк - это был плохой работник, лодырь и пьяница. Бутылку самогонки выпил с утра и гуляет себе целый день. Землю таких людей подбирали трудолюбивые и сноровистые односельчане. А бывшие собственники этой земли шли к ним в работники, в батраки. Они-то потом и стали основой колхозного строя.

Всю эту историю и механику я очень хорошо знал с детства по рассказам матери и жителей нашего Чайкино. Я видел и бывших кулаков, и бывших бедняков. Бывший кулак и в колхозе жил лучше бывшего бедняка.

Вводя единый налог, я хотел поспособствовать появлению кулаков или, если выражаться современным языком, - фермеров. Было, конечно, ясно, что их не будет много, у селян отбили охоту работать на земле. Я был за то, чтобы люди объединялись для ведения крупнотоварного хозяйства, но не на колхозной основе, а на частной. Где-нибудь в горах отдельная ферма имеет перспективу, а на просторах бывших колхозных полей сама жизнь подсказывает объединение частников. Но для того, чтобы этот процесс был успешным, надо, чтобы земля стала товаром - чтобы она свободно продавалась и покупалась. Социальной основой советского села был колхозник - бесправный сельскохозяйственный рабочий, пролетарий. Сейчас его нет. Кто должен быть вместо него? Собственник земли, фермер - опора демократизации общества, его стабильности, носитель новых экономических отношений, новой социальной психологии, хранитель украинской ментальности и культуры. Для создания такой социальной базы на селе нужны годы. Столыпинские реформы были рассчитаны на 30 лет. В принципе речь шла о решении сходных проблем. Требовалось разрушить сельскую общину и создать сельского собственника.

Страна должна знать своих «героев»: среди тех, кто блокировал превращение земли в товар, были не только коммунисты и социалисты, но и «Наша Украина» во главе с Виктором Ющенко. Я не могу этого забыть. Я не могу быть спокойным, когда сегодня сообщают, что во время пребывания в Лондоне или где-то еще он рассказывает западному миру, какие замечательные законы приняты в Украине для вступления во Всемирную торговую организацию. Если ты такой рыночник, такой западник, такой либерал, что же ты столько лет подряд блокировал со своими людьми позарез нужный стране закон о рынке земли? Десять раз ставили закон на голосование в парламенте - и десять раз недобирали голосов: их не давала «Наша Украина». Она следовала большевистскому принципу: чем хуже, тем лучше. Чем хуже будет положение в стране, тем лучше для нее, для оппозиции - тем больше у нее шансов прийти к власти. Поэтому блокируем все наиболее серьезные планы власти по улучшению положения. Свободная торговля землей могла бы весьма заметно улучшить положение. Значит, мы, «нашеукраинцы», не должны допустить этого. А словесная завеса известна: не допустим перехода земли в руки «олигархов» и «мафии»!

Не исключаю, что оказавшийся во власти Виктор Ющенко изменит, вместе с «Нашей Украиной», свою позицию, станет убежденным сторонником торговли землей. Но как он объяснит этот поворот на 180 градусов обществу? Ведь и в земельном законодательстве, и в реальных зе-

мельных отношениях практически ничего не изменилось. Скажет людям, что точка зрения зависит от места сидения? В общем, станет окончательно ясно, что в последние годы он был лидером по существу внесистемной оппозиции. У меня не поворачивается язык назвать системной оппозицию, которая блокирует закон, без которого невозможно полноценное частное предпринимательство в сельском хозяйстве.

Здесь надо искать ответ на вопрос, почему «режим Кучмы» старался по возможности мешать такой оппозиции. Внесистемная оппозиция не может требовать (а она требовала!), чтобы к ней относились, как к системной, то есть нормальной. **a**

a В Верховной Раде только что зарегистрирован законопроект Петра Симоненко, Александра Ткаченко и Емельяна Парубка (фракция Компартии Украины) «О внесении изменений в пункт 15 раздела X «Переходные положения Земельного кодекса Украины». Предлагают продлить мораторий на продажу земель сельскохозяйственного назначения до 2015 года. Опять исполняется старая песня: иначе, мол, землю у селян купят по демпинговым ценам. Это уже просто наглое игнорирование реальности. Как раз в сегодняшней реальности землю скупают по дешевке, потому что это делается в тени. 15 июня 2006 г.

13 мая

Опять думал о «фултонской» речи Чейни, Есть какой-то парадокс в том, что она была направлена фактически против Владимира Путина. Ведь Путин никогда не допускал резких высказываний о Западной Европе, об Америке, в целом о Западе. Ельцин мог себе позволить иной раз даже грубость. **b,** а Путин всем своим поведением показывал: он хорошо отдает себе отчет в том, что такое Европа, что такое Америка. Я даже иногда не понимал его чрезмерной уважительности. Было заметно, что он смотрит на Запад с точки зрения ослабленной России. Но и с либеральной точки зрения. Мне Путин представлялся, пожалуй, более органичным либералом, чем Ельцин. Борис Николаевич по своему типу - русский царь до мозга костей. У него в крови представление, что Россия есть Россия, и с ней все должны считаться, а не она - подстраиваться под кого-нибудь. Путин выглядел более прагматичным, гибким - государственным менеджером, который знает, что представляет собой современный мир и куда он движется.

b Вспомнить хотя бы заявление Ельцина 9 декабря 1999 года во время его визита в Китай. Тогда Россию на Западе остро критиковали за войну в Чечне. Выступил со своими предостережениями и Клинтон. В ответ Ельцин в присутствии Цзян Цзэминя, тогдашнего председателя КНР, сказал перед телекамерами буквально следующее: «Билл Клинтон вчера позволил себе надавить на Россию. Он, видимо, на секунду, на минуту, на полминуты забыл, что такое Россия, что Россия владеет полным арсеналом ядерного оружия, и поэтому решил поиграть мускулами. Хочу сказать через вас Клинтону: не было и не будет, чтобы он один диктовал всему миру, как жить. Многополярный мир - вот основа всего. То есть так, как мы договорились с председателем КНР Цзян Цзэминем, - мы будем диктовать миру, а не он один».

И в то же время Путин терпел, а многие считали, что и поощрял антизападничество в народе. Это мне было понятно. Если бы он сопротивлялся общему настроению, он не был бы Путиным со своим заоблачным рейтингом. Но его личные отношения с мировыми лидерами и в первую очередь с Бушем были прекрасные, оба подчеркивали, что они друзья. И он всячески старался извлекать из них пользу для России и ни для кого другого. Ни в коем случае! В этом все мы одинаковы. Каждый старается для своей страны.

И вон как все обернулось. Не кому-нибудь, а Путину 4 мая 2006 года Соединенные Штаты предъявили ультиматум: или иди по западному пути («вернуться к демократии»), или ты враг, и у нас с тобой будет «холодная война». Перечитываю речь Чейни - и глазам своим не верю: так все странно и страшновато. С украинской точки зрения, главное в вильнюсской речи Чейни то, что его устами США объявляют о своем решении стать гарантом новой Восточной Европы, ключевая роль в которой предназначена Украине. Именно Украина имелась в виду, когда Чейни, под аплодисменты первых руководителей стран «дуги» (Польши, Румынии, Болгарии, стран Балтии, Украины, Молдавии и Грузии), обвинял Россию в «шантаже», «запугивании», «подрыве территориальной целостности соседей» и «вмешательстве в демократические процессы» у них. И особенно, конечно, следующее место: «Нельзя оправдать защитой законных интересов то, что нефть и газ становятся средством запугивания и шантажа, имеют место манипулирование поставками этих

энергоресурсов или попытки их монополизировать».

Одно пока могу сказать: трудно придется Украине в условиях нового противостояния, если оно реализуется.

14 мая

В декабре 2003 года в Киев для встречи (а точнее - для переговоров со мной) прибыл глава РАО «ЕЭС России» Анатолий Чубайс. Он объявил, что стратегической задачей его компании является получение контрольных пакетов акций десяти облэнерго, входящих в российско-украинский холдинг.

Я принимал его после того, как он обнародовал свою мечту (или план?) создать Российскую «либеральную империю». **с**

с «Я считаю, что идеология России на всю обозримую историческую перспективу должна сталь идеологией либерального империализма, а целью Российского государства должно стать построение либеральной империи», - говорил Чубайс в Москве, представляя программу Союза правых сил перед парламентскими выборами. При этом он, конечно, показал, что знает, насколько болезненно воспринимается слово «империя» очень многими, для многих же оно вообще немыслимо в одном ряду с такими словами, как «цивилизация». «демократия», «частная собственность», «рынок», «свобода». «Только это было в XX веке, но XX век закончился. Начался XXI. Причем повсеместно». Что же в таком случае либеральный империализм? «Государство обязано всеми способами содействовать развитию российской культуры и культуры других народов в наших странах-соседях и экспансии российского бизнеса за пределы государства - к нашим соседям. Российское государство должно напрямую законными методами делать все, чтобы поддержать базовые ценности свободы и демократии не только в России, но и во всех государствах-соседях».

Понятно, что я и не подумал спросить его, как он себе это представляет. Не сомневался, что ничего подобного у него и в мыслях не было. Все политики в странах бывшего СССР помешаны на «политтехнологиях», то есть на рекламе своих личностей и партий. Не думаю, что Чубайс исключение. Лозунг «либеральной империи» ему наверняка придумал какой-нибудь мастер по рекламе. Таким способом, очевидно, хотели соединить ужа с ежом, чтобы этим чудищем привлечь избирателя, который и за демократию, и за империю. Впереди ведь были парламентские выборы.

Почему- то подумалось, что к этому «идеологическому перевороту в правом лагере» не имел отношения Егор Гайдар. Хотя это трудно себе представить, если учесть, что внешне речь Чубайса действительно выглядела как программная для Союза правых сил… Или Гайдар не очень внимательно прочитал ее перед тем, как Чубайс вышел на трибуну. Человек, который собственной рукой писал беловежские документы в конце 1991 года, не допустил бы самого слова «империя».

Замысел перехвата «патриотических» лозунгов для завоевания хотя бы части электората, до сих пор не голосовавшего за СПС, был передо мною, как на ладони. И вызывал у меня бесконечную досаду и сожаление. «Такой хитрый, что аж дурной», - говорят в народе. Я никогда не был равнодушен к этим ребятам. Как и Ельцин. Они были мне близки по духу - ближе, чем кто-либо на политической арене бывшего Советского Союза. Я за них болел, желал им успеха. И когда они делали глупости, было такое чувство, что я сам делаю эти глупости. Так я относился к нашему Вячеславу Чорновилу, к Пинзенику и Костенко, отчасти - к Ющенко. Так я относился к тем ребятам и девчатам, что объявили себя «озимым поколением», потом придумали название «Вече», ничего не говорящее стране… Они меня критиковали, порой - безудержно поносили, оскорбляли, пытались делать на этом свои политические карьеры. И кому-то это на какое-то время удавалось. Но душой я был с ними, делал для них все что мог в сложнейших украинских условиях. И если бы этих людей не было, то будущее Украины мне представлялось бы совсем безрадостным.

Ничего из «поворота» СПС выйти не могло, и я не стал сыпать Чубайсу соль на рану. Мы говорили о другом.

Мне кажется, что он таки хочет создать империю, но это должна быть, по его замыслу, империя РАО ЕЭС. С его точки зрения, он поступает абсолютно правильно, стремясь к этой цели. Интересы России он знает лучше всех своих противников и врагов вместе взятых. Он хочет прийти с огромными мощностями российской энергетики в Европу. Отсюда - его в высшей степени прагматичный интерес к Украине. Крупная транзитная страна, сама к тому же обладающая неплохими возможностями для развития своей энергетики. Объединить деловым сотрудничеством две

такие мощи и двинуть в Европу! Когда он говорил об этом, у него горели глаза. Но имперства я в его глазах не заметил. Либерализм - да, был в наличии, на своем законном месте. Я сказал ему, что к такой сделке, о которой он давно, по его словам, мечтает, Украина пока не готова.

Известный наш политолог и политтехнолог Выдрин после того, как пошел работать на Юлию Тимошенко, стал потихоньку пугать таких людей, как Пинзеник, замечая будто бы вскользь, что их либеральные взгляды, мол, устарели. Жалко, если ребята испугаются и кинутся «обновляться». Не знаю, насколько сознательно он допускает обычную в таких случаях подмену.

Есть либерализм как идеология и есть либерализм как политика. Не всякое правительство, даже состоящее из одних убежденных либералов, может проводить полноценную, последовательную либеральную политику. Приходится считаться с настроениями электората, с раскладом политических сил, с реальными экономическими процессами. Я, например, занимался этим все десять лет своего президентства. Но я всегда держал в уме либеральный идеал. Для меня это просто идеал здравого смысла. Он не может устареть, зря этот парень пугает людей.

Кто последовательно и упорно всем своим поведением отстаивает у нас либеральную идею, так это Гальчинский. Я часто жалел, что он не может одновременно быть ученым-экономистом, важнейшим из моих советников, автором большинства принципиальных стратегических решений в экономике - и публичным политиком. Не объять необъятного… Да он к этому и не стремился. Я это хорошо знаю - и жалею.

Первое серьезнейшее предупреждение Гальчинского новым лидерам страны прозвучало уже в конце февраля этого года и касалось вопросов реприватизации. «В условиях незрелости гражданского общества, - писал он, - отсутствия демократических традиций, в т. ч. и реальной оппозиции, условности декларируемой прозрчности приватизационных поцедур нет никаких гарантий того, что политика реприватизации не превратится в новый виток чиновничьего перераспределения собственности, очередной трансформации власти в собственность. Равно как и в новый цикл тенизации экономических связей. Опасность состоит и в другом. Реприватизация может привести к формированию опасной идеологии постоянно возобновляемой «приватизации», каждый этап которой обязательно будет связан со снятием политической и экономической ренты чиновниками. Это не может не подрывать инвестиционный климат, не стимулировать легальный и нелегальный отток капитала. В конечном итоге реприватизация - это не идеология среднего класса, среднего и крупного капитала, а скорее маргинальных слоев общества. Это весьма опасно («Экономические известия», 25.02.05). **d**

d Словно подводя итоги пребывания Юлии Тимошенко на посту премьер-министра, А. Гальчинский писал о социальной политике: «Социальность в рыночной экономике не имеет ничего общего с воссозданием опасных патерналистских устремлений. Социальная справедливость, которую мы должны гарантировать своим гражданам, должна рассматриваться в несколько другом контексте. Такая справедливость предусматривает равенство шансов на старте, однако это совсем не означает равенство конечных результатов. Нужно не элиминировать, а наоборот - поддерживать принцип соревновательности не только в сфере экономических, но и социальных отношений. Соревновательность - это неотъемлемая составляющая свободы» («День», 16.09.2005 г.)

15 мая

Освобождая в свое время Бориса Тарасюка от обязанностей министра иностранных дел Украины, я не мог вслух объяснить свои мотивы. Я не мог сказать, что Тарасюк пытался проводить, во-первых, не мою, а свою внешнюю политику, а во-вторых - что его политика была, по моему убеждению, малограмотной. Я бы сказал - мещанской, обывательской. И, в-третьих, что самое главное, - слишком далекой от реальных национальных интересов Украины. Следя за его действиями и выступлениями, можно было сделать вывод, что для него на свете существует только Запад, а России на карте мира нет.

Не могу с уверенностью судить, во всех ли случаях я был прав, но я старался своими высказываниями не подливать масла в огонь, о чем бы ни шла речь. В первую очередь это относилось к нашим отношениям с Россией, к российской политике. Лучше сделать вид, что чего-то не заметил, чем вызвать обострение. Очень легко разогреть любой вопрос - намного труднее охладить его. Так что лучше не разогревать, не способствовать разогреву.

Знаю, что многим такая моя линия не нравилась. Она не нравилась даже некоторым бли-

жайшим моим помощникам и советникам, не говоря уже о друзьях. Им хотелось, чтобы я только то и делал, что «давал отпор», «показывал зубы». Но у меня были очень хорошие отношения с обоими президентами России. Я лучше всех в Украине знал, какую пользу это приносит моей стране. Эти отношения не могли бы оставаться такими, если бы я слишком горячо отзывался, например, на постоянные антиукраинские выпады и выходки российской прессы. Я предпочитал относиться к этому, как к пене или ряби на воде.

Приходилось выслушивать упреки. Передо мной, например, ставили вопрос о лишении аккредитации практически всех корреспондентов российской прессы, которая (это надо признать) после Ельцина повела себя крайне недружественно по отношению к Украине, к украинской власти и ко мне лично (при Ельцине, впрочем, тоже не особенно церемонилась). Президент не предоставляет аккредитаций и не может их отзывать, но его слово в таких делах не может ничего не значить. Из этого исходили некоторые мои посетители и авторы писем и докладных записок на мое имя.

Приведу одну из них.

«24.04.003. Президенту Украины

Л. Д. Кучме. Лично, конфиденциально.

Ни в одной российской газете, журнале, теле- и радиопередаче практически невозможно встретить вполне благожелательного слова об Украине. И так - уже 12 (двенадцать!) лет. Грубят СМИ, грубят российские официальные и неофициальные визитеры вроде московских «политтехнологов». Украинское руководство как бы не замечает этого.

То, что российские СМИ, парламентарии, чиновничество, все население, от «высшей» интеллигенции до последнего слесаря, не могут простить Украине ее независимости, понятно. А что сказать о том, что украинское руководство из года в год не позволяет себе адекватной реакции на демонстративную враждебность соседней страны? Это можно рассматривать как свидетельство того, что украинская государственность еще не совсем состоялась. Теоретически можно представить себе, что власти Украины в один прекрасный день лишили аккредитации десяток корреспондентов российских СМИ и выгнали всех российских «политтехнологов». Но для этого надо, чтобы украинская государственность состоялась в украинских верхах, не говоря о низах.

Россия сама дает в руки украинского руководства средство для консолидации украинской нации. Лучше всего людей объединяет образ общего врага. Когда врага нет, его выдумывают. Образ России-врага выдумывать не надо. Россия сама его из себя создала и постоянно демонстрирует. Таким образом, надо просто аккуратно информировать украинское население о том, что и как пишет и вещает об Украине Россия. Надо подчеркивать, что нынешние российские СМИ пребывают под повседневным кремлевским надзором, и если антиукраинство не пресекается, то это значит, что оно поощряется Кремлем. Пусть, таким образом, российское антиукраинство вносит свой вклад в создание новой украинской нации. Это был бы поистине государственный подход. Нужна, крайне нужна большая писаная и неписаная программа под рабочим названием: «Украина показывает зубы» (как это было на недавней президентской пресс-конференции).

С одной стороны, всячески способствовать развитию выгодных Украине хозяйственных связей, а с другой - не оставлять без сдачи ни одного антиукраинского выпада. Эту программу хорошо бы дополнила программа развития культурных и бытовых связей с Польшей и Чехией, несмотря на все трудности, связанные с их членством в ЕС. Найти бы настоящее взаимопонимание с руководством и общественностью этих стран! Увидев, что Украина всерьез ищет в их лице культурно-бытовую альтернативу России, они охотно пойдут ей навстречу».

18 сентября 2003 года в очередном обзоре российской печати (такие обзоры готовились для меня регулярно) я читал следующее: «Вопрос об адекватной украинской реакции на шовинизм российских СМИ перезрел, если украинское руководство НЕ заинтересовано в российском вмешательстве в предстоящую украинскую предвыборную гонку. «Для оставшегося самостийного флота и нынешней части севастопольских бухт было бы много», - пишет российская газета «Трибуна» (в статье своего украинского корреспондента Ильченко). Газета, видимо, уверена, что украинцы, как обычно, не предпримут никаких мер для защиты своего достоинства. «Новые известия» - вроде бы вполне демократическое издание - пишут так: «Полтавские национал-демократы обратились к украинским властям с требованием вернуть им каменную скульптуру Тараса Шевченко. Монумент знаменитому малороссийскому поэту никуда не пропадал». Так что если кто-то думает, что я был плохо информирован о настроениях в разных кругах украинского общества, то ошибается. Мне постоянно предлагали разработать и осуществлять программу «ответных действий». Об этом не-

редко говорил покойный Чорновил. По сути к этому сводились многочисленные публикации в руховской прессе, выступления таких народных депутатов, как, например, Тягнибок, Шкиль, да и более умеренных - Костенко, Плюща.

Российские СМИ находятся под контролем и прямым управлением власти. Поэтому журналистское хамство Украина вправе рассматривать как кремлевское хамство, какими бы внешне теплыми ни были отношения первых лиц двух стран».

Я понимал их чувства. Это была в конце концов моя обязанность как президента - знать и так или иначе учитывать настроения разных общественных групп в стране. Но полностью учитывать позицию этой группы я не мог. Я знал все. Но я также знал кое-что такое, чего не могли знать даже такие информированные люди, как они. И я больше, чем они, рассчитывал на время. Я видел, что время работает на Украину, и считал, что в таком случае надо сохранять спокойствие. Спокойствие приносило больше пользы. Я это тоже знал лучше всех. Ведь программа «наш ответ на российское хамство» не могла существовать особняком. Она могла быть только составной частью российского направления нашей внешней политики. Прямо и грубо говоря, мы должны были бы начать «собачиться» с Россией по всем вопросам. Я не представлял себе такого положения, при котором мы изо дня в день изобличаем российскую пропаганду, то есть ведем психологическую войну с Россией, - и в то же время сохраняем особо дружеские взаимовыгодные (подчеркиваю: взаимовыгодные!) отношения в экономике и других областях. Это было невозможно по определению.

Кто- то из французских или немецких руководителей -не помню точно - как-то мне сказал: «Мы никогда не смогли бы даже приступить к объединению Европы, если бы смотрели на заголовки газет». Имелись в виду оскорбительные для немцев статьи во французской печати, и для французов - в немецкой. Французы для немцев, как известно, - «лягушатники», немцы для французов - «кислая капуста». У англичан свои определения тех и других. После расширения ЕС о польской сантехнике не говорит только немой. Я тогда подумал: а ведь в этих странах традиционно различают власть и печать, не считают, что оскорбление со стороны какой-нибудь газеты - это оскорбление со стороны власти. И вот даже при этом политики обеих стран должны были условиться не принимать близко к сердцу выходки печати. Что уж говорить о таких странах, как Украина и Россия, где многим людям еще трудно привыкнуть, что газеты пишут не обязательно под диктовку правительства. Тут если реагировать на каждое оскорбление, то очень быстро можно завести межгосударственные отношения в тупик.

При этом я совершенно точно знал, что Запад нам не поможет. Причины разные. Среди них и та причина, что мы - украинцы, а не чехи или поляки. Мы не в состоянии в одночасье достичь чешских стандартов политической и общественной жизни, чешского уровня реальной демократии. Мы вряд ли понравились бы Западу, если бы стали и такими, как поляки, - то есть приблизились к их стандартам. Запад многое прощает полякам потому, что Польша к нему ближе географически и стратегически. Мы же на таком расстоянии, что нам не простили бы польского уровня коррупции и безалаберности. Сейчас, на покое, я говорю это свободно, и то по привычке как бы оглядываюсь. А будучи президентом, я не мог этого так открыто сказать, в общем, никому. Разве что намекнуть… Правда, мои намеки понимали. Кто хотел (и кто был обязан), тот понимал даже очень хорошо.

16 мая

В декабре 2002 года Анатолий Чубайс сделал признание, которое я бы назвал историческим. В России ему не придали значения, если вообще заметили. В Украине, кстати, тоже. До меня во всяком случае не дошло отголосков сколько-нибудь серьезного обсуждения в печати - как массовой, так и специальной. Такое бывает. Чубайс заявил, что целью «залоговых аукционов» была не экономика, а политика «на 95 процентов». Мол, посредством этой аферы искусственно создали «олигархов», потому что только те могли предотвратить реставрацию коммунизма в России. Напомню читателю, что такое «залоговый аукцион». Российской казне позарез требовались деньги. Считается, что требовались они для проведения кампании по выборам Ельцина на второй президентский срок. Но, конечно, не только для этого. Самая большая головная боль - содержание «бюджетников». Власть не может допускать бесконечных задержек с выплатой зарплаты персоналу государственных предприятий, школ, больниц, армии и т. д., и т. п. Иначе вспыхнут массовые

беспорядки, и такую власть сметут. Кроме того, российское руководство крайне нуждалось в поддержке «больших денег» или, как они были потом названы, «олигархов». Но сначала этих игроков на политической сцене России надо было создать. Неотложной эту задачу делало триумфальное шествие лидера российских коммунистов Геннадия Зюганова к власти.

В таких случаях на ум приходят разные исторические параллели. В свое время Наполеон для сохранения едва возникшего буржуазного порядка от бедноты, разгоряченной революцией, решил опереться на крупную буржуазию, то есть на тогдашних «олигархов». Беру это слово в кавычки потому, что страной правили все-таки не они, а он со своими маршалами, генералами и такими великими министрами (хотя и «беспредельщиками»), как Талейран (внешние дела) и Фуше (полиция). Но в наполеоновской Франции «олигархи» уже существовали, а в ельцинской России их еще надо было вырастить. И - в кратчайшие сроки. Специально отобранным кандидатам в «олигархи» (среди которых был и Ходорковский) решили отдать в залог крупнейшие куски государственной собственности. Для этого были разыграны «залоговые аукционы», победители которых были намечены заранее. Так государство получило сравнительно небольшие, но крайне ему необходимые «живые» деньги. Для всех само собой разумелось, что вернуть их оно не сможет, и собственность таким образом окончательно и бесповоротно перейдет в руки «кредиторов». Операция прошла успешно. Зюганова победили. В России, как гриб после дождя, вырос крупнейший частный капитал, который является опорой экономики, научно-технического прогресса (сегодня он уже осваивает мировое пространство). Опасность реставрации советских порядков навсегда ушла в прошлое. А на победителях осталось пятно. Долго они молчали или давали половинчатые и туманные объяснения, пока Чубайс не прекратил эту игру прямым признанием и объяснением своей вины или, с его точки зрения, заслуги.

В начале 2003 года признание Чубайса подтвердил Егор Гайдар. Он, как ему и положено, подвел теорию - первый том «Капитала», главу о первоначальном накоплении, в которой «описано колоссальное разграбление собственности». Напомнил, что «великий американский бизнесмен Стэнфорд, впоследствии основавший знаменитый Стэнфордский университет, был откровенным ворюгой и по тому, как зарабатывал и откатывал деньги, мало чем отличался от г-на Березовского». Наконец, г-н Гайдар высказал оптимизм: «В европейской практике, чтобы отмыться и переодеться, требовалось три поколения. Наши, думаю, уложатся в десяток лет».

Не знаю, почему ни в России, ни у нас не придали должного значения заявлениям Чубайса и Гайдара о причинах российского дефолта. Да-да, речь идет как раз о дефолте. Российское государство обременило себя огромными заимствованиями (вдобавок к долгам, оставшимся от горбачевской эпохи). Оно брало деньги не только у своих «олигархов» под залог собственности, но и на Западе - под дикие, заведомо разорительные, проценты. Под этим грузом платежеспособность российского государства должна была непременно рухнуть. Это и есть дефолт. Его первое последствие - резкое падение национальной денежной единицы. В одночасье миллионы людей терпят огромные убытки. Богатые становятся бедными, бедные - нищими. Хозяйственная жизнь дезорганизуется, приходит в упадок. На восстановление нужны годы. Авторы этой политики действовали с открытыми глазами. Они отдавали себе отчет в том, что идут по такому тонкому льду, что с вероятностью, близкой к 100 процентам, могут провалиться и утащить за собой под лед страну. Но они надеялись на чудо. И оно, между прочим, могло произойти! Но России не повезло. В самый неподходящий момент в Юго-Восточной Азии разразился финансовый кризис, распространившийся на весь мир. Он и послужил последним толчком к российскому дефолту.

Признаниям Чубайса и Гайдара прибавили глубины заявления бывшего ельцинского помощника Александра Лившица. По их примеру он тоже решил высказаться о причинах дефолта 1998 года. Он, пожалуй, заглянул в корень, когда назвал главной причиной «политическую нестабильность и постоянный мордобой между ветвями власти», в результате чего принимались бюджеты с большим дефицитом, покрывать который приходилось непомерными заимствованиями. В 2003 году Лившица больше всего тревожило то, что нищета в России снижалась медленнее, чем росла экономика. О причинах он почему-то высказывался не так четко, как об истоках дефолта, но для меня они были очевидны из собственного опыта. Коррупция. Коррупция бьет по конкуренции, тем самым замедляя рост производства. Вопрос, ответа на который не знает никто: что произойдет быстрее - «поумнение» главных взяточников и взяткодателей или социальный взрыв?

24 мая

Вчера в Киеве закончился саммит

ГУАМ. О нем пишут как о неформальном региональном объединении Грузии, Азербайджана, Украины и Молдовы, которое теперь трансформировалось в настоящую официальную международную организацию. Утверждены устав, регламент, Генеральный (с большой буквы) секретарь, выбрано место для штаб-квартиры - Киев. Принципиально уточнили название. Теперь это «Организация за демократию и экономическое развитие ГУАМ». Больше всего меня утешило то, что ежегодный взнос каждой страны в эту организацию будет составлять несколько тысяч долларов, а не миллион, как в СНГ.

Прошло десять лет, а кажется, только вчера был тот завтрак в Страсбурге, за которым возникла идея создать ГУАМ. Сегодня некоторые газеты, по своей вечной привычке все путать, пишут, что в 1996 году Украина, Грузия, Азербайджан и Молдова объединились на основе «общей обеспокоенности вопросами безопасности» и лишь потом «сблизились на экономической почве». Кое-кто продолжает утверждать, что это был американский «геополитический» проект. Но в действительности мы тогда думали об одном: о создании транспортного коридора.

Я понимаю, но не могу полностью одобрить новую политику Украины в отношении ГУАМ. Что ни говори (а говорят именно это), выглядит это как анитроссийская демонстрация. Ничего подобного у нас, создателей ГУАМ, десять лет назад и в мыслях, как я уже сказал, не было. И демонстрация наивная. Украинские «геополитики» говорят о трансформации ГУАМ в политическое объединение как о появлении «нового геополитического фактора», с которым России придется считаться. Ни много ни мало - «геополитический фактор»! Рассуждают о региональном лидерстве Украины, о росте ее политического веса, который будет усилен такими «гигантами», как Молдова, Грузия, Азербайджан и, возможно, Литва. Это несолидно, это смешно. Россия, конечно, заметит их странные телодвижения, но ответит не только пренебрежительно. Последуют конкретные меры и демарши. Могу с высокой степенью уверенности предсказать, что результатом будет чей-то уход из этой аббревиатуры.

В довершение всего, с восторгом сообщает «Украина молода» (23 мая 2006), «как всякая организация, которая смотрит в будущее, ГУАМ обзавелась собственным молодежным крылом: вчера, по сообщению пресс-службы «Мінмолодьсім'ї та спорту», была создана Молодежная организация

ГУАМ, которая собирается защищать интересы молодежи в рамках полномочий стран - участниц ГУАМ. Инициатором этого дела стал тоже украинский министр - Юрий Павленко». Способность украинского чиновничества по-советски профанировать любое дело, любое начинание просто поразительна. Что-то я не слышал о «молодежных крыльях» у СНГ, НАТО, ОБСЕ. Трудно придумать лучший способ подчеркнуть мелкотравчатость всей этой затеи с трансформацией ГУАМ в «страшилку» для России.

За тем завтраком нас было четверо: лидеры Азербайджана, Грузии, Украины, Молдовы - Алиев, Шеварднадзе, Лучинский и я. У всех была общая головная боль: транспортные коридоры. Разговор шел не политический, а хозяйственный. Мы разговаривали как хозяйственники, как «красные директора». В который раз жаловались друг другу на высокие железнодорожные тарифы, установленные Россией. Иногда они составляли до трети стоимости некоторых товаров. Разорение! Этот вопрос много раз поднимался нами на различных заседаниях и встречах в рамках СНГ, но понимания мы не находили. И вот в этом разговоре, спонтанно, я и предложил: «А кто нам мешает объединиться в определенный союз для этого? Именно для этого, для создания транспортного коридора между Украиной и Кавказом. По пути захватим Молдову, дальше пойдем в Среднюю Азию, дальше - Китай! Никакой политики. Россия пусть не беспокоится. Назовем наш союз по первым буквам названий наших стран - так, чтобы нормально звучало». Стали подбирать такое сочетание, чтобы звучало. Грузия - Украина - Азербайджан - Молдова - получается ГУАМ.

Это было общее желание, общая потребность. Несколько меньше была заинтересована Молдова. Но мы сказали Лучинскому: «Тебя тоже учтем, так что и тебе будет выгодно. Если нефть пойдет, то можно кусок трубы проложить и в твою Молдову». Система Одесса - Броды вписывалась в общую систему. Дело сулило резкое сокращение транспортных расходов.

В то время мы, конечно, думали, что в Каспийском море будет очень большая добыча нефти, азербайджанской нефти, и что она может прийти в Одессу. Это тоже был один из главных расчетов, тем более что уже был построен нефтепровод Баку - Поти. Увеличить его пропускную спо-

собность, а из Поти - танкерами до Одессы. Хорошее дело? Хорошее.

Транспортный коридор между Украиной, Кавказом и Центральной Азией мы все-таки создали. Сначала были налажены грузовые паромные перевозки, потом железнодорожные.

30 мая

Вчера Государственная дума Россия направила правительству своей страны протокольное поручение сообщить парламенту о том, какие меры предпринимаются для возвращения Крыма в состав России. Поручение составлено в двух профильных комитетах - по международным делам и по делам СНГ. Поводом названо то, что в 2007 году истекает двусторонний договор между Украиной и Россией о признании Россией Украины в существующих границах. Ссылаются на заключенный в 1774 году Кючук-Кайнарджийский договор между Российской и Оттоманской империями. Требуют от правительства разъяснений этого договора.

В таких случаях с некоторой тревогой ждешь украинской реакции. Не наговорят ли каких-нибудь глупостей? Не позволят ли себе несолидных, неподобающих выходок?

Надо сказать, что пока реагируют, на мой взгляд, правильно. Министерство иностранных дел через своего пресс-секретаря заявило, что оно не считает достойным «комментировать подобную провокацию». Из политиков первым откликнулся, кажется, Александр Мороз: «Если какой-то дурак что-то сказал на эту тему, то это его проблемы». Осудили думцев и наши коммунисты. «Надо признать, - пишет газета «Вечерние вести», - это великое достижение: добиться, чтобы коммунисты и «нашеукраинцы» выступили с идентичными заявлениями… Думается, украинским патриотам в частной беседе стоит все же поблагодарить российских думцев за то, что они работают над выполнением важнейшей задачи - консолидации украинского общества».

Газеты опубликовали справки о Кючук-Кайнарджийском договоре и насмешливые комментарии. Первым об этом договоре вспомнил Жириновский лет десять назад. Сегодня не могу сказать, с его ли слов тогда распространился слух, что этим договором Крым был передан России с условием, что если Россия по каким-либо причинам от него откажется, то он должен быть возвращен Турции. Не уверен, что я точно передаю этот бред, но свое вредное дело он сделал. Жириновцы в Крыму и за его пределами получили повод для пустопорожних, но шумных разговоров. На сей раз этот повод, видимо, не сработает. Дело в том, что в России за прошедшие десять лет договор 1774 года так и не прочитали, а в Украине все-таки прочитали.

Среди читателей был и я с внуком. Дети даже сегодня хотят знать истину. Мы узнали, что в соответствии с Кючук-Кайнарджийским договором Крым отторгался от Турции и получал полную независимость на вечные времена. В нем говорилось:

«Все татарские народы: крымские, буджатские, кубанские, едисанцы, жамбуйлуки и едичкулы, без изъятия от обеих империй имеют быть признаны вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти, но пребывающими под самодержавной властью собственного их хана чингисского поколения, всем татарским обществом избранного и возведенного, который да управляет ими по древним их законам и обычаям, не отдавая отчета ни в чем никакой посторонней державе: и для того ни российский двор, ни Оттоманская Порта не имеют вступаться как в избрание и возведение помянутого хана, так и в домашние, политические, гражданские и внутренние их дела ни под каким видом, но признавать и почитать оную татарскую нацию в политическом гражданском состоянии по примеру других держав, под собственным правлением своим состоящих, ни от кого, кроме единого Бога, не зависящих…»

В нарушение этого договора, через девять лет после его заключения, Екатерина Вторая присоединила Крым к России. Итого в составе России Крым находился 171 год (1783 - 1954), в составе Турции - 299 лет (1475 - 1774). До этого 306 лет там хозяйничали римляне.

Что меня радует, сразу же появился анекдот: «Крымскотатарский меджлис, прознав о новых фантазиях российской Думы на тему возвращения Крыма в состав РФ и об упомянутом при сем Кючук-Кайнарджийском договоре 1773 года, сформировал делегацию баскаков, которые будут заниматься возвращением дани, не уплачиваемой Россией вот уже 530 лет». Анекдот имеет в виду, что в 1480 году Великое княжество Московское вышло из Золотой Орды, в которой состояло на положении одного из улусов, и престало платить ей налоги. Правда, представители Госдумы могли бы, торгуясь сегодня с баскаками, добиться значительного сокращения упомянутого срока. Ведь вплоть до 1700 года Москва выплачивала таки крымчакам - потомкам Чингисхана дань под

названием «поминки».

Так что украинскую реакцию следует считать вполне удовлетворительной. Печально, однако, что в России большинство населения по-прежнему уверено, что Крым принадлежал России испокон веков и что в государственном архиве лежит где-то важная «грамота», в соответствии с которой он должен быть возвращен по принадлежности.

1 июня

Я знал, как много говорилось в печати и на разных политических и «научно-политических» собраниях о моем третьем сроке. Вернее, считал, что знаю… В действительности накал этих разговоров был, как теперь до меня доходит, большим, чем мне представлялось. Следить за ними в режиме реального времени у меня не было возможности, да и особого желания. Конечно, я понимал, что в этих разговорах нет ничего необычного. Но я не думал, что для очень многих людей само собой разумелось, что я так или иначе продлю свой власть. Мало кто из политиков сомневался, что политическая реформа мною затевается только для того, чтобы первой должностью в стране стала должность премьер-министра, а кто ее займет - и ежу, мол, понятно. Повторяю: знал об этих разговорах, но - в общих чертах. А это был целый вал, это была главная тема политических обсуждений на протяжении двух последних лет моего президентства.

Теперь читаю это все как материалы к истории.

В общем, в этих рассуждениях, предположениях и предсказаниях не было ничего необычного. Одно только пространство бывшего Советского Союза наполнено примерами. А в истории? Мало ли разве примеров, когда достаточно человеку быть избранным один раз, чтобы потом избирать себя столько раз, сколько захочется или получится? Уж что-что, а история Франции у всех на уме. По крайней мере у людей моего поколения, которые вставали и спать ложились с произведениями Маркса и марксизма-ленинизма. Или хотя бы со шпаргалками для экзаменов по этим произведениям. А среди них кто не знает то же «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»? И кто не читал сочинений Виктора Гюго с обширными предисловиями, в которых подробно излагалась его удивительная биография. Это была хорошая практика: печатать классическую литературу с такими предисловиями.

Революция 1848 года выпускает на свободу Луи Бонапарта. Племянник Наполеона, «демократический принц» приходит домой к влиятельному «народному депутату» Гюго и просит поддержки своей кандидатуры на пост президента республиканской Франции. Обещает идти по стопам не своего скомпрометированного дяди, а Вашингтона. Гюго ему верит и включается в агитационную кампанию на его стороне. 20 декабря 1848 года Луи Бонапарт уже в качестве президента приносит присягу «перед Богом и людьми». Проходит два с половиной года, и он выступает перед национальным собранием с проектом пересмотра конституции и продления своих полномочий. Цель - заменить республику опять империей. Виктор Гюго возмущен, произносит зажигательную речь в защиту конституции, права и республики. Сейчас мы эту речь понимаем лучше, чем при советской власти. «О чем свидетельствуют эти проплаченные кем-то возгласы «Да здравствует император!»? Разрешите узнать, кто за них платит?… Что значит эта смешная и жалкая петиция о продлении сроков президентских полномочий? Что это за продление, скажите, пожалуйста? Это пожизненное консульство. А куда ведет пожизненное консульство? К империи!… После Наполеона Великого я не хочу Наполеона Малого!» Париж бунтует, вместе с ним - левая часть депутатов национального собрания. Войска занимают парламент. За решетку отправляются видные противники президента, среди них и министры. «Наполеон Малый» в своих печатных воззваниях выступает с обещанием народу «истинной демократии». Арестовано 220 депутатов, разогнан верховный суд и государственный совет. Для разгона двух последних институтов власти хватило двух человек: полицейского комиссара - для суда и привратника - для госсовета. Луи Наполеон, пишет Гюго, надел на Францию наручники. «Теперь она под арестом, на тюремном пайке, посажена на хлеб и на воду, наказана, унижена, связана по рукам и ногам… С одной стороны - целая нация, первая из наций, с другой стороны - один человек, последний из людей…»

В общем, чего-чего, а примеров продления сроков правления в истории не занимать. Эти примеры, как я уже говорил, не могли не действовать на моих соотечественников. Одни из них не хотели, чтобы я перестал править Украиной, другие тоже не хотели этого, но думали, что меня не остановить, а были и такие, кто желал моего третьего срока.

Два раза, в октябре 2003 года и в январе 2004-го (второй раз - в связи с решением Конституционного Суда, открывшим мне дорогу к третьему сроку), призывал меня баллотироваться луганский «Гражданский форум в поддержку политической реформы». «Мы считали и считаем, - говорилось во втором обращении, - что в условиях сложившихся в Украинском государстве крупнейших финансово-экономических групп, которые журналисты именуют олигархическими кланами, любая смена высшего государственного руководства на данном историческом этапе нарушит систему преемственности внутриполитического и внешнеполитического курса Украины. Это приведет к обострению всей общественно-политической и социально-экономической жизни государства, в конечном итоге самым негативным образом отразится на жизни простых людей - украинцев, русских, представителей всех наций и народов, населяющих Украину». В связи с этим была принята резолюция с требованием к Леониду Кучме принять участие в президентских выборах-2004. Участвовали 658 делегатов - представители политических партий, общественных, молодежных и профсоюзных организаций, трудовых коллективов Луганской области. Это «требование» не поддержали только коммунисты, но их освистали, и они покинули зал, после чего оставшимися резолюция была принята единогласно. Не помню, докладывали мне об этом событии или не докладывали. Скорее всего, нет.

Летом 2004 года народный депутат Александр Волков, мой бывший советник, не исключал, что Виктор Янукович может быть снят с избирательной гонки в мою пользу (или Владимира Литвина). Едва ли не всех увереннее прогнозировал мое будущее Иван Плющ. Мое властолюбие обязательно погонит меня на третий срок, заявлял он.

Сам Янукович (и когда - 21 декабря 2004 года, уже после второго тура президентских выборов, и где - на Первом Национальном телеканале!) заявил, что «если учесть, извините за сравнение, что генпрокурор уже назначен Печерским районным судом, то вполне можно ожидать, что подобный вариант будет и на высшем уровне. Через пару месяцев тот же районный суд по представлению восстановит в должности прежнего президента и назначит его своим решением на третий срок».

Российская газета «Новые известия»

9 июня 2004 года писала о данных опроса, проведенного Центром имени Разумкова. Опрос показал, что почти две трети населения Украины считают, что на пост президента страны не может претендовать человек, имеющий судимость, и высказываются за принятие соответствующего закона. По мнению газеты, сама организация этого опроса «подтвердила (! - **Л. К.)** слухи о том, что в Администрации Президента срочно отрабатывается новый сценарий выдвижения единого кандидата от власти. И при этом все больше людей из президентского окружения говорят о том, что этим самым единым кандидатом, то есть преемником нынешнего президента, может стать сам Леонид Кучма».

Пугал людей моим третьим сроком и Виктор Ющенко. Так он оценивал законопроект № 4180: «Это третий срок Кучмы - только вид сбоку». Он имел в виду расширенные полномочия премьер-министра, записанные в этом проекте. Ющенко не сомневался, что меня ничто так не увлекает, как перспектива опять стать премьер-министром Украины, только на сей раз - с президентскими полномочиями. «Если сегодня проголосовать за законопроект № 4180, - сказал он 22 июня 2004 года, - то осенью этот парламент можно заставить проголосовать за премьера с президентскими полномочиями, фамилия которого будет - Кучма». Эта вакханалия была обобщена в одной ироничной и неглупой статье, появившейся на следующий день после того, как истек срок подачи заявок на участие в президентских выборах (ОЛИГАРХ.Net Кандидаты в Фортинбрасы 28.07.2004. Автор Владимир Павленко). В ней говорилось:

«Светочи» украинской общественно-политической мысли от Томенко до Полохало, представляющие умеренную и неумеренную оппозицию, а также просто «не ангажированные» (не нанятые) политтехнологи, весь последний год утверждали, что Кучма обязательно пойдет на третий срок, публиковали многочисленные планы, добытые «с риском для жизни» из «совершенно конфиденциальных источников». По сравнению с «документами», которые, например, регулярно публиковала «Украинская правда», рассказки Ю. Тимошенко о патриотах-офицерах спецслужб, которые дважды в месяц информируют ее о всех готовящихся на матриарха БЮТ покушениях, - просто детский лепет на лужайке.

И вот наступил час истины. 27 июля позади, легально подать документы на регистрацию кандидатом в президенты невозможно, а Кучма не кандидат. Большинство привыкших попадать

пальцем в небо политологов просто сделали вид, что они ничего не знают о третьем сроке, никогда не говорили на эту тему, и стали искать новый повод для разоблачений гнусных намерений преступного режима. Теперь излюбленной темой «борцов за народные права» постепенно становится конституционная реформа и перспектива назначения Кучмы премьером с неограниченными полномочиями».

Это, правда, тоже писал отнюдь не мой поклонник, и он в свою очередь не удержался от соблазна попасть пальцем в небо, выдвинул свой прогноз: «Его (Кучму. - Л. К.

) больше волнует, как бы материализовать словесные гарантии безопасности для себя, семьи, бизнеса, полученные им от соратников. Для этого было бы совсем не худо остаться в политике. Можно, например, для начала избраться в народные депутаты по свободному округу (формирование нового правительства много мест в парламенте освободит), а там, чем черт не шутит, заменить, например, лицемерного Литвина на посту председателя Верховной Рады. Можно постараться и пустовойтенковский закон, делающий из Кучмы своего рода «почетного президента», попытаться пролоббировать. В конце концов можно использовать опыт Кравчука, который совсем неплохо чувствует себя «простым» социал-демократом».

2 июня

Мне известно мнение, что роль американцев в перипетиях последних президентских выборов в Украине чрезвычайно преувеличена. Я думаю, что, наоборот, она приуменьшена. Они первые заявили, что выборы сфальсифицированы. Так была дана отмашка всему Западу и украинской оппозиции. Дело не в деньгах и не в инструктажах, а именно в отмашке. Если бы команда Ющенко - Тимошенко не чувствовала, что все им сойдет с рук, они бы не подстрекали людей к уличному «волеизъявлению».

Ясно было, что на очереди - Белоруссия (хотя ее опередила Киргизия). 21 апреля 2005 года, после встречи министров иностранных дел НАТО в Вильнюсе, Кондолиза Райс заявила: «Мы поддерживаем идею, что когда выборы проводятся, то это должны быть настоящие выборы. Это не должна быть фальсификация, и международное сообщество должно быть готово помочь Беларуси провести в 2006 году свободные и честные выборы… Я считаю, что право решать то, как двигаться вперед, принадлежит народу Беларуси. Однако ключевой здесь является сама возможность протеста, возможность выразить свою позицию. Вот принципы, которые США всегда поддерживали». Это заявление - тоже не что иное, как отмашка, сигнал: делайте все, лишь бы не было Лукашенко, - даже применяйте силу. Ведь она назвала Беларусь «последней настоящей диктатурой в Европе», что вызвало, кстати, резко отрицательную реакцию России.

Сила во имя демократии в глазах американцев приемлема. Конечно, Лукашенко - не «герой моего романа». Белоруссии все равно предстоит тот путь экономических преобразований, что проделала Украина. Но белорусы имеют возможность избежать некоторых наших сложностей. Когда Лукашенко начал второй срок своего правления, я уже привычно говорил ему: «Александр, отпускай вожжи. Хочешь ты или не хочешь, но мир вокруг тебя меняется. Ты не можешь жить в таком мире только по своим законам». - «Да, да». Он изучал нашу земельную реформу, говорил, что начинает широкую приватизацию, а потом вернулся к старому. Боится потерять бразды правления.

Путин понимает эту проблему. Ему приходится «отдуваться» за Лукашенко.

С Лукашенко я познакомился в 1993 году в России. Я был в Москве для подписания экономического соглашения. От России его подписал Черномырдин, от Белоруссии - тогдашний глава белорусского правительства Кебич. Черномырдин устроил ужин. На этом ужине оказался и белорусский депутат Лукашенко. В то время он возглавлял комиссию по борьбе с коррупцией. Особой коррупции еще не было, а комиссия уже была, и Лукашенко вел борьбу. На этом ужине он выступал, произнес зажигательный тост. А потом я слышу, что он тоже баллотируется в президенты. Я вспомнил этот тост и понял, что парень победит. Многие, правда, не ожидали, что он так долго продержится, что его, вернее, так долго продержит Россия. Ведь все понимают, что Белоруссия остается такой Белоруссией только потому, что с ним мирится Россия и субсидирует его страну. Без этих субсидий, особенно в начале, белорусская экономика давно вылетела бы в трубу. Приди к власти в России убежденный и решительный демократ - и все, эпоха Лукашенко закончится. Это обязательно произойдет. Потому что в России процессы происходят не противоположные восточ-

ноевропейским, а однонаправленные, только скорость разная.

С другой стороны, Белоруссия представляет для России очень большую стратегическую выгоду. Выгода, конечно, налицо, но и ловушка тоже налицо. Американцы и в целом Запад будут расшатывать ситуацию в Белоруссии, пока к власти не придет кто-нибудь из оппозиционеров. Тогда возникнут проблемы, которые нетрудно предвидеть. А по состоянию на сегодняшний день Александру Лукашенко надо поставить наивысшую оценку за мастерство, с каким он получает от России все возможные и невозможные дивиденды - при том, что «союзного государства» нет, и я не уверен, что оно будет.

4 июня

Жалко было увольнять Виталия Гайдука, отвечавшего в качестве вице-премьера за газотранспортную систему «Одесса-Броды», - менеджер он прекрасный. Меня все время убеждали, что эта система должна работать только в направлении, намеченном в названии: от Одессы до Брод. Я все ждал, когда же это произойдет, и никак не мог дождаться. Труба оставалась пустой. Год пустая, два пустая. Полежи она еще немного - и кому она будет нужна проржавевшая? Ее ведь надо обслуживать, это большие затраты. Трубу много рекламировали на весь мир. Мы предлагали создать международный консорциум или совместное предприятие. В нем могли бы участвовать все, кто добывает нефть в Каспийском регионе. Никто не откликнулся. Все говорили одно: вы, мол, хохлы, держите эту трубу, пока для нее появится нефть. А когда она появится, неизвестно. Что нам оставалось делать? На одно только заполнение этой трубы нефтью требовалось около 100 миллионов долларов. В Одессу ее пришлось бы везти танкерами. Своего танкерного флота у нас нет. Нанимать иностранные суда? Ну заполним трубу, а нефти для перекачки все равно нет.

В общем, бесперспективность маршрута на Броды становилась все более очевидной. Само собою напрашивалось решение: использовать ее в обратном направлении. Реверс. Все лучше, чем позволять трубе и дальше бездействовать. Появится каспийская нефть - и направление нефтяного потока можно будет изменить. Но для этого необходимо как минимум пять-десять лет, а может, и больше. Я много раз говорил это правительству, Гайдуку, в том числе публично. Он кивал головой, но на деле гнул свое, и тоже публично, от своего имени, хотя не думаю, что это было только его мнение. В правительстве, как это умеют чиновники, под разными предлогами и без всяких предлогов затягивалось принятие соответствующих директивных документов. Это тянулось до тех пор, пока я сам не принял решение: будет так. Труба заработала на российской нефти. Оппозиция в Украине подняла привычный шум, обвиняя меня в предательстве национальных интересов.

Смотрим, что произошло дальше. В стране появился новый президент, новое правительство. Официальная идеология теперь гласит: все, что делал Кучма, все, что делалось при Кучме, - неправильно, плохо, вредно. Ну так возьмите и отмените решение Кучмы о реверсе! Ан нет. Труба продолжает пропускать российскую нефть туда. Потому что оттуда гнать нечего - каспийской нефти для этой трубы нет. Ее не хватает для полной загрузки нефтепровода «Баку - Джейхан». И новая власть вынуждена все-таки считаться с реальностью. Можно сколько угодно декларировать высокие идеалы независимости, но словами наполнить трубу еще нигде никому не удавалось.

Я спрашиваю: что же вы молчите? Что же вы не берете назад своих критических слов о Кучме хоть в этой части? И не только вы. Весь, так сказать, цивилизованный мир стоял на ушах: Кучма такой-сякой выступает против европейского выбора Украины - не желает, чтобы труба работала на Европу, и вообще отстаивает российские интересы. В этом хоре был, кстати, и громкий польский голос. Но при этом Польша и шагу не сделала, чтобы построить трубопровод от Брод до Плоцка. Только говорила: нам это интересно, мы обязательно реализуем этот проект. А потом сама стала гнать российскую нефть из Гданьска на Плоцк. То есть в реверсном режиме. Этот трубопровод строился для доставки нефти через Балтийское море на Плоцк, где был построен нефтеперерабатывающий завод. Так предполагали избежать зависимости от российской нефти. Но даже из Польши видно, что каспийской нефти для заполнения маршрута Одесса - Броды и далее на Плоцк и Гданськ нет и не предвидится. А российской - сколько угодно и для нефтеперерабатывающего завода и для загрузки трубы.

Все почему-то все время пытаются нас надуть. Даже поляки, наши стратегические партнеры в Европе. Что же тогда говорить о других?…

5 июня

Все время, что я был президентом, приходилось слышать, что в стране существует два правительства: одно - на улице Банковой, где расположена Администрация Президента и его рабочее место, второе - на улице Грушевского, где помещается Кабинет Министров. Могу согласиться, что так и было, тем более что на данный момент, после «оранжевой революции», у нас не два, а три, если не четыре правительства, и соответственно увеличивается потенциал беспорядка и неуправляемости. За все эти годы никто не пошел дальше констатации факта существования «двух правительств». Никто не проанализировал, как вышло, что в Администрацию Президента переместилась значительная часть сугубо правительственных функций - распорядительных и контрольных.

Было две основных причины.

Причина первая. Во время избирательной кампании 1994 года я давал избирателям определенные обещания, и главное из них - обеспечить выход из экономического кризиса. Заняв президентский кабинет, я должен был начать выполнять эти обязательства. Да и население в то кризисное время считало, что в стране должен быть хозяин, и хозяин один. Тем более что люди не могли отвыкнуть за несколько лет от того, к чему привыкали столетиями. Первое лицо может называться президентом, а может и не называться. Все равно, общество еще долго будет наделять первое лицо более крупным весом, чем указан в Конституции. Соответственно оно будет и ожидать от него больше, чем записано - и больше спрашивать. В этом есть плюсы и минусы. Соотношение их будет зависеть от того, как первое лицо будет пользоваться своим повышенным весом. Если для дела демократии и конституционного порядка - тогда все будет, как говорится, путем.

В результате уже с первых дней моего президентства сложилось так, что стратегия развития страны, стратегия управления, принципы макроэкономической политики формировались в Администрации Президента. Президент через свою администрацию обеспечивал и организацию этой работы. Оперативные управленческие вопросы решал Кабмин, но повседневное руководство и контроль осуществлялись тоже с Банковой. Я понимал, что правительство Масола, сформированное до меня (а если говорить прямо, то - против меня), такую ответственность на себя не возьмет.

Вторая причина касалась управленческой вертикали. Я, понятно, даже представить себе не мог возможности двойного подчинения губернаторов. Экономическая политика реализуется через региональные структуры. Нет вертикали - отсутствует и политика. Губернатор - главное действующее лицо в реализации политики центра. И это естественно. Дееспособность государства определяется во многом надежностью управленческой вертикали. От этого зависит и дееспособность власти. Так что для меня губернатор был во многих отношениях лицом более важным, чем даже министр. Я не позволял никому командовать губернаторами. Постоянно общался с ними. Для меня основным источником информации о положении дел были губернаторы. Они это понимали. Понимали, что я требую от них правды и реального дела, а не бодрых рапортов и «туфты». Даже тогда, когда по тем или иным причинам приходилось снимать губернатора с работы, я никогда не порывал полностью связи с ним, стремился создать ему возможность реализации его потенциала на другом месте. За десять лет сменилось много губернаторов, но, по-моему, никто не потерялся. Все остаются заметными фигурами в политике, государственном аппарате, бизнесе. Для меня это очень важный факт. Он свидетельствует, что среди моих назначенцев на этом уровне практически не было случайных фигур.

Собственно, против президентской вертикали никто не возражал. Наоборот, общественность требовала одного: чтобы этот воз президент тянул лучше, быстрее, сноровистее. Я не помню, чтобы какая-то общественная сила, когда доходило до дела, требовала, чтобы президент снял с себя какую-то часть груза. На словах это иногда звучало. Но сам характер критики, тех требований, которые мне предъявлялись даже самыми непримиримыми моими противниками, свидетельствовал о том, что эти люди невольно наделяют меня полномочиями (следовательно, ответственностью) даже большими, чем те, за «узурпацию» которых они же меня критиковали.

6 июня

Уже неделю продолжается скандал в связи с появлением в порту Феодосии американского судна Advantage с грузом для предстоящих учений Украины и США See-Breez-2006. Такие учения поводятся ежегодно с 1997 года. На борту судна (его без всяких оснований стали называть «ко-

раблем НАТО») были холодильники, душевые кабины, сборные дома, а также 150 автоматов. Все это имущество предполагалось после учений оставить в Украине. 30 мая началось пикетирование ворот порта, организованное Прогрессивной социалистической партией. Тут как тут появились лица вроде российского думца Затулина, будто Россия таких учений не проводит или он как депутат голосует против них. Около двухсот человек стали выкрикивать антинатовские и антиамериканские лозунги, не пускать на территорию порта представителей власти. Пикетчиков поддержали местные ячейки Партии регионов и СДПУ(О). В течение недели о борьбе крымчан против НАТО сообщают все телеканалы, радио и газеты Украины. Наконец, парламент автономии объявляет Крым зоной «без НАТО».

Всем совершенно ясно, что серьезный политический скандал затеян на пустом месте. Президент Ющенко назвал происходящее провокацией.

Ну а теперь к вопросу о профессионализме. Для проведения учений See-Breez-2006, как и предыдущих, требовалось постановление Верховной Рады. До нынешнего года правительство получало такие постановления, что называется, в рабочем порядке. Но на сей раз соответствующего обращения исполнительной власти в парламент не последовало. То ли забыли, то ли решили пренебречь рутинной формальностью, проигнорировать порядок. Это дало повод фракции той же Партии регионов потребовать особого расследования и наказания виновных. И правильно, между прочим, сделали. На то и щука, чтобы карась не дремал. Ситуация рассматривалась на заседании Совета национальной безопасности и обороны. Президент говорит, что все произошло из-за отсутствия скоординированности в работе государственных структур, которые «курировали данный вопрос». Значит, с кого-то надо было спросить! Отсутствие скоординированности - это и есть отсутствие профессионализма и ответственности. **е**

е Газета «День» сообщает, что председатель Верховного Совета Крыма заявил: крымские органы местного самоуправления «не были проинформированы в установленном порядке о проведении учений «Си Бриз- 2006». При определенных предпосылках одного этого могло быть достаточно, чтобы вызвать возмущение части депутатского корпуса и населения. 17 июня 2006 г.

При мне такого быть не могло. Но если бы произошло что-то подобное, то я задал бы ряду высших должностных лиц несколько вопросов. Вопрос первый: «Вы знали, что определенные политические силы в Украине, и не только в Украине, готовы организовать протесты против учений? Если не знали, то что вы вообще знаете? Если знали, то почему не приложили всех возможных усилий для разъяснения людям сути дела? Вы должны были упредить своей разъяснительной работой пикетирование и всю эту шумиху. Почему, наконец, я не получил своевременного доклада о ситуации?» Вопрос второй: «Вы знали, что для проведения этих учений требуется согласие Верховной Рады? Если не знали, то что вы, министр обороны, например, вообще знаете? А если знали, то как посмели игнорировать эту обязательную процедуру, да притом не поставив меня в известность?» Вопрос третий: «Кто из вас сам подаст в отставку, а кого я должен буду отправить в отставку сам?» Вопрос четвертый: «Где план мероприятий по выходу из сложившейся из-за вашего вопиющего непрофессионализма ситуации?»

Возможно, я обошелся бы без третьего вопроса… Если за каждый такой прокол наказывать должностных лиц отставками, некому будет работать. Несомненно одно: я бы заранее принял меры к тому, чтобы не было допущено таких ошибок и разгильдяйства. Государственный механизм состоит из больших, малых и крошечных шестерен. Но с точки зрения конечного результата все они одинаково важны. Рядовой чиновник должен вовремя напомнить своему начальнику, что от него потребуются такие-то шаги. А этот начальник должен окружить себя такими чиновниками и создать такие порядки и процедуры, чтобы забывчивость была исключена.

Ну, вот смотрите. Сто с лишним американских военнослужащих поселяют в санатории Министерства внутренних дел Украины «Дружба». Не частное, заметьте, предприятие, и организация не какая-нибудь - МВД. Обслуживающий персонал объявляет американским парням бойкот: закрывают столовую, отключают воду и свет. Что в этом случае должны были бы сделать МВД и местные власти, если бы действовали профессионально, да и просто ответственно? Им хватило бы самое большее часа, чтобы была открыта столовая и в ней появились новые повара. Чтобы была возобновлена подача воды и света. В данном же случае над иностранцами издевались три дня, пока их не вывезли из санатория.

Я вспоминаю, как нынешний министр внутренних дел Юрий Луценко, будучи народным депутатом, пытался «подарить» мне лапти, в которых я должен был, по его замыслу, досрочно поки-

нуть президентский пост. Напрасно я сразу вернул их ему. Сегодня ему точно надо было бы их вручить. Газета «Сегодня» (5.06.2006) сообщает обо всем этом, издеваясь не поймешь над кем: «Американцы в Крыму 3 дня продержались без воды и туалета. Партизанский край. Против янки взбунтовались крымские повара и сантехники». Так понимается свобода слова и демократия.

8 июня

Была и такая любопытная «аналитическая» записка (10 октября 2003) о перспективах моего третьего президентского срока. Она появилась после событий вокруг Тузлы. «Можно сказать, что двумя своими фразами последнего времени Леонид Кучма «сделал» - при прочих равных условиях - не меньше двух третей своей кампании «Третий срок», если, конечно, она состоится. В Украине нет человека, будь то украинец, русский или цыган, которому не понравилось бы выражение: «Украина - не Россия». С тех пор, как появилась книга под этим названием, не проходит дня, чтобы его не цитировали в Украине и России. Вторая по времени, но еще более эффектная фраза произнесена была по поводу засыпки пролива близ Тузлы: «Смотрю на карту. Чего им не хватает?» Раза два в неделю показывать по телевидению каждую из этих фраз - и можно не бояться за исход выборов или любого иного большого политического предприятия г-на Кучмы. В чем сила этих фраз с «пиарной» точки зрения? В них - абсолютная, всем доступная и всеми признаваемая правда, причем правда, выстраданная в той или иной мере каждым жителем Украины и выраженная с блеском гениального афоризма. Вооруженный двумя этими фразами как ключом к своей очередной грандиозной кампании Кучма может не бояться никого, в том числе и Путина (как не боится его Лукашенко). Но при одном непременном условии: он должен вести эту кампанию САМ, используя советников и наемников, главным образом как технических помощников». У меня действительно вырвалась фраза, на которую обратил внимание этот «аналитик». Не знаю, как насчет ее гениальности, но высказался я от души, забыв о журналистах, чего делать не следует и чего я почти никогда не делал. Но не пожалел ни тогда, ни позже.

9 июня

Да, к сожалению, осенью 2004 года я проиграл борьбу за отмену моратория на торговлю землей. Никак не могу забыть… Неадекватность победила. Кто мне в этом вопросе всегда горячо сочувствовал, так это Нурсултан Назарбаев. Он тоже вел борьбу за то же самое, что и я, и не раз жаловался мне на своих демагогов и помешанных. В подтверждение того, что речь действительно идет не только о демагогах, но и о помешанных, можно привести следующий документ. Он появился перед голосованием в казахстанском парламенте назарбаевского закона о земле.

«Аллах и марксисты-лениницы против. Коллективное обращение к народам мира, к народу Казахстана. 12 лет назад, поправ волю Казахстанского народа, выраженную на Всесоюзном референдуме 17 марта 1991 года о сохранении Социалистического Союза Советских Республик, Президент Назарбаев приступил к «реформам» и вверг Казахстан в пучину частнособственнических отношений, это привело к глобальному разорению страны, к разрушению ее экономики в городе и деревне…Стремясь укрепить свою власть, Президент приступил к созданию опорных сил на селе. Он заявил, что земельная реформа имеет не производственно-экономическое, а социально-политическое значение. Его главными союзниками должны стать частные собственники, крупные землевладельцы, новоявленные помещики - крепостники, а простые крестьяне окажутся у них в полной зависимости, в рабстве. И потому Н. Назарбаев упорно проталкивает Закон о частной собственности на все земли сельскохозяйственного назначения… Закон о купле-продаже Земли приведет их (крестьян) к окончательному разорению. За всю свою многовековую историю Казахстан не знал частной собственности на Землю, и ее ввод в угоду Западному миру противоречит воле АЛЛАХА, давшего Землю всему народу… Мы знаем, что подавляющее большинство народа против частной собственности на Землю. Выражая его волю, мы объявляем бессрочную голодовку…Мы обращаемся к мировому сообществу, чтобы оно нас правильно поняло, оценило нашу любовь к Родине. Мы хотим жить так, как это соответствует нашим многовековым традициям…Рабочее Движение г. Алмааты, Рабочее Движение Казахстана «Солидарность», Алматинский городской Комитет КПК (марксистско-ленинская платформа), ОО «Жер-Ана», ОО «Азат», ОО

«Алаш». 22.04.03».

Невероятно, но факт: через несколько месяцев Виктор Ющенко собственноручно подписал похожий документ в Украине! И тот же стиль - военный, так сказать. Изначальная настроенность на конфронтацию. Каждое такое заявление - это по существу призыв к террору против тех, с кем идет спор. Вернее, не спор. Эти люди не знают спора. Только нападение, только смертельная вражда. Кто с нами не согласен, тот враг, и притом не наш враг, а враг народа. То ли противники торговли землей просто не способны высказываться нормально, будь то казахи или украинцы, будь то коммунисты или демократы «нашеукраинского» толка, то ли еще какая причина - не знаю. «Заявление фракции «Наша Украина» относительно угрозы национальной безопасности страны в связи с преждевременным введением в рыночный оборот земель сельскохозяйственного назначения и утратой селянами земельной собственности». Такое вот название. Может ли обычный здравый человек вообразить, что торговля землей, даже введенная, на чей-то взгляд, преждевременно, может представлять собою угрозу национальной безопасности? Дальше эта нелепость еще усилена: сказано про угрозу «существованию самого украинского государства»! И более того. Отмена моратория на торговлю землей, говорится в подписанном Ющенко заявлении, приведет к катастрофе, которая сравнивается с Чернобылем и голодомором. Так боролись против меня… Но точно так же боролись и против Назарбаева. Значит, думается, дело не во мне и не в Назарбаеве. Дело в тех лицах, которые борются за власть, пренебрегая элементарными требованиями и здравого смысла, и морали. **f**

f В декабре прошлого года парламентская фракция «Наша Украина» в полном составе проголосовала за прекращение моратория. Тем не менее большинство Верховной Рады постановило продлить его еще на год. Ющенко наложил вето на этот закон! К сожалению, оно было преодолено. Одна из украинских газет («Комментарии», № 2, 2007) напомнила своим читателям страшные слова, которыми «Наша Украина» осенью 2003 года стегала сторонников создания земельного рынка. «За истекшие три года, - говорилось далее в статье, - в земельных отношениях на селе, в правовом и организационно-техническом обеспечении этих отношений практически ничего не изменилось, что и констатировала Верховная Рада двумя законами: о продлении моратория на торговлю землей и о преодолении президентского вето на этот закон. Что же изменилось? Изменилось общественное положение Виктора Ющенко. Был лидером оппозиции - стал президентом. Стал президентом - и мы увидели то, о чем догадывались и три года назад. Он не был - и быть не мог - противником торговли сельскохозяйственной землей. Он понимал - и не мог не понимать - что каждый день продления безумного моратория, против которого оказалась бессильной «злочинна влада», причинял Украине огромный ущерб, замедлял ее движение в семью цивилизованных народов. Но это все понимал не только он, а и тогдашняя власть. А он возглавлял оппозицию тогдашней власти. А быть в оппозиции для него означало говорить «нет» на каждое «да» власти и приписывать ей самые зловещие намерения - даже такие, как новый голодомор». Январь 2007 г.

Но иногда все-таки можно прочитать и что-то дельное, честное на земельную тему! Такой была публикация в российском журнале «Эксперт» вскоре после принятия Земельного кодекса Украины: «Несмотря на множество ограничений, попавших в кодекс благодаря усилиям левых фракций парламента, в целом можно сказать, что этот документ помогает завершить процесс легализации класса крупных украинских землевладельцев, появившихся в ходе земельной реформы 1999-2000 годов… Сейчас, по некоторым оценкам, новые инвесторы контролируют производство сельхозпродукции на трети всей пахотной земли страны. Среди них встречаются как крупные агротрейдеры («Каргилл-Украина», «Виадук», «Экопрод»), так и компании, основной бизнес которых ранее развивался в промышленном секторе («Шелтон», концерн «Энерго», Индустриальный союз Донбасса, крупные металлургические предприятия). На Украине инвестиции в село сейчас считаются супервыгодными. Государство даровало аграриям огромные налоговые льготы, а часть процентных ставок по банковским кредитам сельхозпредприятиям компенсируется из бюджета. Окончательная институализация новых хозяев украинского села тормозилась лишь отсутствием возможности покупать и продавать землю. Они оказывались в определенной зависимости от владельцев паев, которые могли в любой момент разорвать договоры аренды и уйти к другому «инвестору». Поэтому для новых хозяев вопрос о частной собственности на землю был принципиальным» (5.11.2001 г.).

Может быть, действительно неадекватные политики, журналисты, политологи, философы существуют для того, чтобы мы больше ценили адекватных…

10 июня

Конечно, государство должно «уйти из экономики» так далеко, как только возможно. Но здесь нельзя безоглядно руководствоваться одной теорией. Есть две крайности. Они, наверное, будут существовать вечно. Одни люди думают, что государства в экономике должно быть как можно больше. Некоторым хотелось бы, чтобы она практически вся была государственной. Их, боюсь, мы не переубедим. Уж очень хорошо подвешены языки у их вождей. А главное - не так пока хорошо живется людям, чтобы они желали самой большой свободы частнику, «буржую», «капиталисту». Другие считают, что государство не только должно, но и может уже сегодня почти совсем уйти из экономики.

Но вот пример из жизни, каких сотни. Главой области или района становится человек, у которого серьезный предпринимательский опыт. Он знает, что в условиях рыночного хозяйства важно не только произвести, а и сбыть. Он знакомится с положением дел и видит, что многие частные предприятия дышат на ладан, мучают людей задержками зарплаты, потому что хозяева этих предприятий не умеют хозяйствовать, не умеют найти покупателей для своей продукции, не могут на ходу перестроить производство. Негде было научиться, не было времени научиться. Можно махнуть рукой на такие предприятия: пусть падают еще ниже, чтобы потом перейти к новым хозяевам. Но это - теоретически. А на практике все еще нет механизма нормального банкротства. И не видно на горизонте новых хозяев. Что делать? Ждать, когда она народятся, а парламент примет, наконец, хороший закон о банкротстве? Нельзя. Ухудшающееся положение может вывести людей на улицу.

И руководитель области начинает эти предприятия поднимать: пользуясь своим предпринимательским опытом и «номенклатурными» связями, помогает им решать вопросы сбыта и снабжения, организации производства. Но предприятия, которыми он вплотную занимается, заметьте, частные! Ему, то есть государству в его лице, областному административному аппарату, до них, «по идее», не должно быть никакого дела. Да и прав на такое плотное, командно-административное вмешательство у них нет.

Говоря это, я держу перед глазами господина Н. (его, безусловно, узнают украинские читатели). Именно он был одним из тех, кто на посту главы областной государственной администрации действовал во многом как управляющий промышленными и сельскохозяйственными предприятиями, расположенными на вверенной ему территории. Не одно из них встало на ноги благодаря его непосредственному вмешательству. Но он, если верить правоохранительным органам, не ограничивался этим. Он в целом ряде случаев становился одним из собственников подопечных заводов и фирм (пакеты акций оформлялись, естественно, на других лиц). Иными словами, он сам себя материально заинтересовывал в экономическом росте области. Подчеркиваю, что это только предположения. В данном случае для меня не имеет значения характер заинтересованности господина Н. **g** Ничто не мешает допустить, что у него была только моральная заинтересованность: он хотел иметь репутацию успешного губернатора. Главное то, что представитель государства обращался с частными предприятиями так, словно они государственные.

g Уголовное дело, заведенное против Н. после «оранжевой революции», прекращено. Март 2007 г.

Нечего ломиться в открытые ворота, констатируя, что это, мягко говоря, очень противоречивая практика. Она вызывает не только благодарность тех, кто встал на ноги. Она вызывает и сопротивление. Так проявляется потребность людей в самостоятельности. В этой борьбе бизнес и власть притираются друг к другу. Для меня здесь важно то, что в наших условиях практика господина Н. выглядит все-таки во многом неизбежной. Во главе области, где бизнес делает первые шаги, становится человек, который разбирается в нем, в бизнесе, лучше всех. По существу его вмешательство являлось вмешательством эксперта, консультанта, посредника, облеченного «для пользы дела» административной властью и, к сожалению, не забывающего о своем корыстном интересе.

Я не знаю, что напишут об этой системе в будущих учебниках. Я только знаю, что сложилась она стихийно. Это была реакция верхушки управленческого аппарата на кадровый голод в частном секторе украинской экономики. На ум приходит ленинский НЭП - «новая экономическая политика». После того, как у большевиков не получилось с ходу построить коммунизм, они со-

вершили отступление к капитализму: допустили частное предпринимательство при сохранении, как они выражались, командных высот за государственным сектором народного хозяйства. Советская власть стала способствовать возникновению частных предприятий с тем, чтобы через некоторое время не только остричь эту овцу, но и зарезать ее, вернуться к стопроцентно государственной экономике. У нас власть в лице таких людей, как Н., занялась тем же самым, но с одной огромной разницей: о перспективе возврата к государственной экономике не может быть и речи. Таков один из механизмов того явления, которое называют симбиозом власти и бизнеса.

В конечном счете власть должна быть отделена от собственности. Это - главное, что предстоит совершить в Украине, что будет совершено в любом случае - как говорится, с нами, без нас или против нас, если мы попытаемся оставаться в стороне или, хуже того, противостоять этому делу. Пока что «оранжевая» команда стремится не отделиться от собственности, а наоборот, хочет войти с нею в самый интимный симбиоз. Попытки грубого передела налицо. Но никакая команда не может находиться у власти вечно, и ошибается тот, кто думает, что можно вечно заниматься переделом.

11 июня

К слову сказать, совсем ничего мне в свое время не доложили и о борьбе оппозиции с «жидомасонским заговором» в Украине, хотя как раз от меня она требовала принятия мер против него. Слова «жидо» и «заговор» при этом не употреблялись, но несомненно подразумевались, как почти всегда в тех случаях, когда нападают на масонов. Так было и в Европе, особенно в Польше (почти сто лет назад), так и в нынешней России. Так, оказывается, и в Украине.

Не знаю даже, как мне сейчас относиться к тому, что меня не поставили в известность… Возможно, в моей администрации решили, что я и так знаю эту историю, поскольку она разворачивалась в стенах Верховной Рады. Сегодня, после общения с друзьями-гуманитариями, вижу, что это было не такое уж рядовое событие. Они до сих пор просто кипят, считают, что имиджу Украины, в глазах мирового сообщества, был нанесен очень большой ущерб. Называют это позорным пятном в истории Украины времен независимости, считают, что оно должно быть как-то смыто, искуплено.

Ну что ж, пусть моя сегодняшняя запись послужит лептой, внесенной в это искупление. Да, к числу «заговорщиков» была отнесена и моя супруга Людмила Николаевна, которая тоже не придала этому никакого значения. Существует, оказывается, такая международная организация: «Орден Святого Станислава». В Украине году в

1999- м появилось что-то вроде ее отделения под названием «Большой Приорат». Она считается благотворительной, хотя представляет собой по существу виртуальный клуб, в котором числятся многие высокопоставленные и другие известные лица. Это среди них считается престижным. Соответствующий знак присуждается, согласно уставу, гражданам различных государств «за безупречное служение Отечеству, честь и достоинство». Берут с них и довольно внушительный вступительный взнос. У меня десятки всевозможных «орденов» со всего мира, но этого, по-моему, нет. А, может быть, и есть, но не хочется тратить время на проверку. В первых числах февраля 2003 года Александр Мороз (да, кто, как не он?) делает «сенсационное» заявление. «Орден Святого Станислава», мол, является масонской ложей, членство в ней противоречит Конституции Украины, а в эту ложу входят около 300 высших руководителей страны. Среди них -первый Президент Украины Леонид Кравчук, бывшие премьеры, руководящий состав Службы безопасности Украины, Министерства внутренних дел, Государственной налоговой администрации, Министерства обороны, Генеральной прокуратуры, Администрации Президента. С тем же видом, с каким за три года перед тем Мороз демонстрировал «пленки Мельниченко», он показывает стране и миру «разоблачительный» документ: книгу с фотографиями церемоний посвящения известных украинских деятелей в рыцари «Ордена Святого Станислава».

Начатое Морозом наступление кинулся развивать, естественно, Иосиф Винский: «Деятельность Ордена Святого Станислава Украины вызывает у нас ряд вопросов и сомнений. Мы привлекаем внимание президента, прежде всего, руководство к тому, что подчиненные люди президента сегодня, в том числе из силовых структур, члены правительства входят в структуру, центр которой есть за пределами Украины, в Лондоне в данном случае. Мы считаем, что это ненормально… А то, что в структуре есть формальные признаки, которые позволяют говорить о том, что это модифи-

кация определенного масонского движения, то это факт» (из радиовыступления). И, разумеется, Левко Лукьяненко: «Во главе украинского государства стоят люди, которые руководствуются не национальной идеей, а принципами масонства».

И так далее. Наконец, появляется совместное заявление лидеров парламентских партий и блоков: Виктора Ющенко, Петра Симоненко, Александра Мороза и Юлии Тимошенко. В нем опять упоминают Кравчука, обращают внимание президента Леонида Кучмы на то, что принадлежность к «Ордену Святого Станислава» высшего руководства страны противоречит Конституции Украины. Требуют от меня отправить в отставку таких злостных «масонов», как Генеральный прокурор Святослав Пискун, первый вице-премьер Николай Азаров, министр обороны Владимир Шкидченко и другие высокопоставленные чиновники. В прениях по этому вопросу выступил Леонид Кравчук. Говорят, он еле сдерживал смех. Он сообщил, что «Орден Святого Станислава», в котором состоит с 1999 года, не является масонской ложей, что в него входят люди, занимающиеся благотворительной деятельностью. Упомянул экс-премьер-министра, народного депутата, лидера Народно-демократической партии Валерия Пустовойтенко и Людмилу Кучму…

Смех смехом, а ведь именно так в разных странах начинались страшные репрессивные кампании против неугодных. Погромные настроения в зародыше есть ведь всегда и везде. На что они, Ющенко, Мороз, Симоненко, Тимошенко и десятки рядовых членов их фракций, рассчитывали? Не знаю. Планировалось ли, что в начатую ими кампанию включится улица? Вынашивалась ли мысль таким вот ловким способом в одночасье вывести из игры практически все высшее руководство страны? Ведь если бы улица вспыхнула, утихомирить ее было бы непросто.

В щекотливом положении оказались руководители и работники тех средств массовой информации, которые поддерживали оппозицию в ее борьбе против «антинародного режима Кучмы». Имею в виду тех, кто понимал, в силу своего образования, что нельзя (потому что стыдно!) солидаризоваться с такой вопиющей демонстрацией мракобесия и аморальности. Не обрадовались и в западных посольствах. Они привыкли открыто приветствовать и прославлять «демократическую оппозицию», а тут она, еще не придя к власти, начинает «охоту на ведьм» в гитлеровско-геббельсовском духе. Масоны («жидо-масоны!»), большевики и «плутократы» были главными жупелами нацистской пропаганды еще до прихода Гитлера к власти. Посольства приняли позорное решение: промолчать. Не менее позорно повели себя и наши СМИ, стоявшие на стороне оппозиции. Вместо того, чтобы поднять шум, объяснить своим читателем, что лидеры оппозиции опустились в своих публичных заявлениях до уровня отбросов общества, газеты просто опубликовали сообщения информационного характера. Практически без комментариев.

И я ничего не знал… От меня официально требовали разогнать «масонов», а я ничего не знал! Стало быть, не стали повторять это требование - видимо, были рады, что оно кануло в Лету без особых последствий. Тут, считаю, недоработали и те СМИ, которые поддерживали меня. Они могли бы использовать этот случай, чтобы показать, на каком низком уровне общей и политической культуры находятся будущие вожди Майдана.

12 июня

Сегодня государственный праздник России - день России. Странно звучало бы: «День независимости России». А «День независимости Соединенных Штатов Америки» звучит нормально, потому что Штаты действительно воевали за свою независимость. От Англии. А теперь они лучшие друзья. Англия неизменно поддерживает все самые крупные, самые рискованные, неоднозначные инициативы США. «Развод» этих стран уже никто сегодня не воспринимает как травму. Думая о российской травме в связи с «уходом» Украины, нельзя не поражаться. Тем более что Украина ведь не уходила из России. Они практически одновременно ушли из Советского Союза. Причем Россия ушла первой.

Позавчера мне попалось высказывание одного из российских политтехнологов. Его называют рупором Кремля. Не знаю, в какой степени он рупор, но настроения, по крайней мере какой-то части политического руководства, он все-таки выражает. Он считает уникальной ситуацию, в которой Россия получила возможность стать «гигантским амбициозным европейским проектом». Имеется в виду ситуация 1991 года, провал августовского путча. «Мы по случайности получили шанс, - говорит он. - Мы этим шансом воспользовались. И второго шанса не будет - это ясно понимает Путин. Такую географическую недвижимость отхватили! Теперь ее надо обустроить». Ес-

ли бы в том августе Ельцин со своими сторонниками потерпел, мол, поражение, то «исходя из государственных интересов, победившая сторона должна была бы раздавить Россию, потому что она была более опасна, чем Украина, для союзного руководства. Тогда не было бы никакой России у нас» (Г. Павловский. «Корреспондент». № 22(211) 10 июня 2006 г.)

Эта теория призвана убедить россиян и украинцев (россиян - в первую очередь), что Советский Союз не был коммунистическим порождением Российской империи и нечего о нем жалеть, а надо радоваться, что Россия освободилась от него вместе с другими бывшими советскими республиками. Можно считать эту теорию полезной с воспитательной точки зрения. Но вряд ли она успокоит многих из тех, кто испытывает ностальгию по «исторической России» и обижается на Украину, считая ее главной виновницей распада той России. Но уж если эта теория выдвигается всерьез, то и 12 июня надо называть не Днем России, а Днем независимости России.

Вспоминал в этот день о Ельцине, свои разговоры с ним. Он никогда не говорил, например, кого собирается назначить премьер-министром. Ему также не приходило в голову хотя бы намеками давать и мне рекомендации по таким вопросам. Он мог сказать, что какие-то действия украинской стороны ему не совсем понятны. То же мог говорить и я. Особенность Ельцина: если позволяло существо дела, он реагировал мгновенно. Снимает трубку и звонит соответствующим лицам…

Я был огорчен, когда Черномырдин перестал быть премьер-министром. Он человек, так сказать, от земли, хотя всю жизнь занимался промышленностью. Он не витал в облаках, не теоретизировал. К теоретикам-рыночникам, к их критическим замечаниям и «конструктивным» предложениям мы относились одинаково скептически. Возможно, мы не всегда были правы, но чаще жизнь все-таки подтверждала нашу точку зрения. Мы оба хорошо чувствовали почву, на которую ляжет то или иное наше решение. Мы по себе знали человеческий материал, доставшийся нам от истории. В известной поговорке: «Что русскому здорово, то немцу смерть» много правды. Мы понимали, что нельзя перешагнуть через этапы. До каждой серьезной перемены люди должны дожить. Им нужно время, чтобы свыкнуться с каждым новшеством. Бесполезно обрушивать на их головы перемену за переменой. «Не гони картину» - тоже очень хорошее выражение. Когда Ельцин сменил Гайдара на Черномырдина, это было правильно. Он увидел, что теория и практика расходятся, и принял меры. Жить только по учебникам он не мог.

А вот после того, как был отправлен в отставку Черномырдин, табу с кадровой темы в наших разговорах с Ельциным было снято. Это получилось как-то само собой. Может быть, Ельцин увидел по мне, как я жалею, что Черномырдин больше не премьер-министр. Наверное, было бы иначе, если бы молодой преемник Черномырдина с первого дня показал, что он настоящий преемник. Но этого не произошло. Украина сразу ощутила разницу, и я просто вынужден был сказать, и не раз, Борису Николаевичу, что Кириенко не тянет, его слова расходятся с делом. Расходятся не в том смысле, что говорит одно, а делает другое. Много было слов о самых общих проблемах и принципах, а глава правительства России по своему положению в системе власти должен заниматься важнейшими повседневными делами, решать текущие экономические вопросы на основе конкретных программ. Нельзя было не пожалеть о Черномырдине с его спокойствием, основательностью, дотошностью, большим желанием разобраться в каждом деле, дойти до самых корней.

Ельцин понял, что ошибся, и попытался вернуть Черномырдина. Осознать свою ошибку Борису Николаевичу помог кризис, обваливший российскую экономику. Виктор Степанович приехал ко мне в Крым, где я встречался с Камдессю. «Мне, - говорит, - Ельцин предложил вернуться на пост премьер-министра». - «Ты согласился?» - «Пришлось согласиться». - «Ну и правильно сделал. России да и Украине от этого будет только польза». Насколько мне известно, хорошей эта новость была и для такого человека, как Камдессю. Государственная дума решила иначе. Кандидатура Черномырдина не набрала необходимого минимума голосов. Считаю, что это была ошибка российского парламента. Все испортили российские коммунисты в Думе. Как говорит Виктор Степанович, обещали, но не проголосовали. Много все-таки палок они ставили в колеса России! Как и наши - в колеса Украины. И продолжают ставить, хотя с каждым годом все меньше.

Скажу еще раз. Никто так не защищал интересы России, как премьер-министр Черномырдин. Железно! Стоял и стоит, как скала. И ни с кем мне не было так легко защищать интересы Украины, как в рабочем общении с ним. Он садился за стол переговоров только тогда, когда ясно видел реальную взаимную выгоду и был уверен, что соглашение может быть достигнуто. Повторю классический пример: цена на газ. Он видел, что если «задрать» цену, то наша химическая промыш-

ленность упадет. А эта промышленность завязана на Россию: оттуда мы получаем апатиты, туда поставляем удобрения. Он анализировал, просчитывал, приходил к определенному выводу, занимал ясную позицию и уже не сходил с нее: цена будет вот такая, давайте, ребята, пережевывайте. Убеждать ему приходилось не только украинскую сторону, но и свою, российскую. Он подходил к делу так, как и должен подходить государственный деятель: руководствовался не наитием, не настроением, а глубоким анализом.

13 июня

И с представителями Европейского Союза, и с американцами у меня было немало встреч и бесед в различном формате - от предельно официальных до самых конфиденциальных. И ни от кого ни разу я не слышал: «Забудьте о России, ваш приоритет - ЕС». Всегда и на всех уровнях говорилось одно: «Россия есть Россия, и вы, ребята, с нею живите, как положено жить соседям - дружно. И не создавайте нам лишних проблем». Это была принципиальная позиция Европейского Союза. «Да, вы сами выбираете свой путь. Да, всеми своими действиями вы можете подчеркивать, что идете в Европу. Но это не значит, что вы должны противопоставлять нас России». Не думаю, что эта позиция изменилась после победы Ющенко на президентских выборах. Уверен, что и он слышит от своих западных собеседников то же самое, что слышал я на протяжении всех лет моего пребывания у власти.

Я хотел бы, чтобы к этим моим словам серьезно отнеслись те люди и в Украине, и в России, которые считают, что Запад заинтересован в похолодании отношений с Россией, что он сознательно ведет дело к новой «холодной войне», сеет рознь между Россией и ее ближайшими соседями. Такое представление - полная чепуха. Западные лидеры довольно принципиально высказываются по проблемам внутренней политики Кремля, позволяют себе критику. Для меня совершенно ясно, что они делают это во многом потому, что вынуждены считаться с общественным мнением в своих странах. Но думать на этом основании, что они заинтересованы в нагнетании напряженности в своих или наших отношениях с Россией, - значит, ничего не понимать в международной политике. Запад сделает все, что от него зависит, чтобы отношения Украины и России не ухудшались. Другое дело, что Запад тоже не всесилен и главное - не однороден; действуют разные силы, разные интересы, это надо понимать и чувствовать.

17 июня

Народный фронт «Севастополь - Крым - Россия» вспомнил о существовании бывшего президента Автономной Республики Крым Юрия Мешкова («Газета по-киевски». № 133. 17.06. 2006 г.). Надеются, что его возвращение в Симферополь «дестабилизирует ситуацию и даст повод поконфликтовать с Киевом, призвав на помощь Россию». Вспоминают, что во время своей избирательной кампании в 1994 году он обещал, кроме прочего, выдавать пенсии российскими рублями. На митингах заявлял: «Мы вышвырнем украинских оккупантов с нашего русского полуострова!». «Президентствовал» он, напомню, год, потом мы его освободили от этой обузы (с согласия крымского парламента). Уже через несколько недель после того, как он оказался там у власти, он был обвинен своими ближайшими сотрудниками в различных злоупотреблениях, в том числе - в получении или попытке получения денег от бандитов. По газетным сообщениям, сейчас доцент Мешков преподает в Московской юридической академии и возглавляет некий «Центр политического консалтинга при администрации президента Российской Федерации». Если кто-то из «оранжевых» ребят думает, что до самого их появления у власти он был забыт просто так, без всяких усилий с моей стороны, то они глубоко ошибаются.

29 июня

Без интереса просматриваю, что пишут о том, как я «продавал» Украину России. Но встречается и противоположное - о том, что лил воду на мельницу украинских националистов.

Один из читателей газеты «2000» (его письмо только что опубликовано под названием «Леонид Данилович сыграл на руку националистам», № 25, 23-29.06.2006) пишет: «Впервые ЛДК

«ободрил» националистов в 1994 г. (при первом избрании на высший пост), когда напрямую и без всяких объяснений не выполнил свой основной избирательный лозунг и обещание - не дал русскому языку статус государственного. Потом была Конституция 1996 г., где русский язык был «задвинут» 10 статьей в глухой угол». Затем автор вспоминает «тузлинскую историю», когда «ЛДК под воздействием воплей националистов прервал латиноамериканское турне». Наконец, «самую мощную идейную подпитку Леонид Данилович дал националистам, выпустив книгу «Украина - не Россия», которую «националисты использовали как знамя идейного противостояния Украины и России, как повод для духовного отрыва друг от друга, как дальнейшее «удушение» русского языка и всего русского в нашей стране. Своей книгой ЛДК идейно помог ярым националистам в их «помаранчевой» революции, она определенно сыграла немалую роль в начале раскола страны на восток и запад, завершившегося президентской избирательной кампанией».

Газета меня защищает от этого читателя: «Кучма действовал вполне адекватно, как и подобает государственному деятелю. В истории с Тузлой вина полностью лежит на российской стороне, на «воплях» именно российских националистов и шовинистов - они ничем не лучше наших». О моем «потакании националистам» в языковом вопросе говорится так: «С точки зрения государственного деятеля (а это, как известно, не одно и то же, что политик, идущий на выборы) Кучма поступил мудро. Кучма не сделал русский язык государственным де-юре, но положа руку на сердце, разве не справедливо будет сказать, что при нем русский во многом был вторым государственным де-факто? А уж региональным - точно (сей статус для русского языка приходится отстаивать перед «оранжевым» режимом). Кучма пытался максимально совместить интересы обеих частей страны: для западноукраинцев он оставил украинский единственным государственным, что для них было важным и знаковым, для жителей востока - не стал менять исторически сложившуюся практику применения языка во всех сферах жизни, оставил все «как было».

Не вижу ничего удивительного в том, что люди забыли суть моих обещаний 1994 года относительно статуса русского языка в Украине, но должен напомнить: я не обещал дать русскому статус государственного просто потому, что это не было в компетенции президента. Я обещал добиваться для него статуса официального. Этот вопрос находился тогда (и находится теперь) целиком в компетенции парламента. Конституция не предоставляла мне соответствующих полномочий. Лично я мог только внести свое предложение на рассмотрение Верховной Рады, что и было мною обещано в ходе избирательной кампании. Но когда я стал президентом, то сразу же убедился, что мое предложение не наберет конституционного большинства голосов. У меня был выбор: или все равно настаивать на своем и потерпеть поражение, или, как говорится, замять вопрос для ясности. Но я делал все возможное и невозможное, чтобы русский язык не чувствовал себя в Украине иностранным. Вместе с тем отдаю себе отчет, что придание русскому языку статуса государственного сегодня означало бы фактический раскол страны.

Само по себе это очень интересно и характерно. Прошло столько лет непрерывной борьбы между президентом и парламентом… Она разворачивалась на глазах у всех. Казалось бы, каждый должен был уже сто раз убедиться, что Президент Украины ни по Конституции, ни по натуре - не абсолютный монарх, не диктатор. И все равно даже мои сторонники, в том числе те, что занимали высокие государственные должности, безотчетно исходят из того, что я действительно мог бы сделать все, что только пожелал бы.

Когда читал про книгу «Украина - не Россия», то вспомнил свои колебания относительно названия. Я понимал, что если книге выпадет успех, то этому в значительной мере будет способствовать название. Но были и опасения. Все ли правильно поймут? Особенно - в России. Портить отношения с нею из-за названия книги в мои расчеты не входило, тем более что книга предназначалась не в последнюю очередь для российского читателя. Хотелось, чтобы он посмотрел на Украину как бы из Украины. И вот в разгар этих колебаний и обсуждений я обмолвился о книге в разговоре с Александром Квасьневским. «Знаешь, как она будет называться? «Украина - не Россия». Саша даже вскочил со стула: «Замечательно! Гениальное название». В связи с этим мы поговорили с ним о важности хорошего знания истории любой страны ее государственным аппаратом. Особенно - такой страны, как Украина, которая возвращается к исторической жизни после перерыва в три с лишним века. С историей нужно обращаться в высшей степени осторожно. Трагический опыт народов Югославии это показал с кровавой наглядностью. Но неразумно мириться и с историческим беспамятством. Наш разговор будто кто-то подслушал… Вскоре после выхода книги поступило два предложения. Одно - обычное: издать массовым тиражом ее сокращенный вари-

ант «для чтения в общественном транспорте». Другое - не совсем обычное. Оно было изложено в следующей записке:

«Не провести ли Всеукраинскую Акцию под названием «Урок отечественной истории»?

По распоряжению или указу Президента все бюджетники страны - от сторожа до министра - должны в организованном порядке прослушать курс лекций по истории Украины.

Те, на кого не распространяется президентская (исполнительная) власть - предприниматели и их работники, депутаты всех уровней, судейские, духовенство, свободные профессии - сделают это добровольно в порядке отклика на призыв президента, который может содержаться в самом распоряжении (указе) или в телевизионном обращении.

Курс должен быть кратким - скажем, из 5 академических «пар». 45 минут - лекция, 45 минут - обсуждение. Занятия ведут лучшие преподаватели школ и вузов, музейные и научные работники. Посещаемость конролирует первый руководитель учреждения».

Дальше излагалось примерное содержание лекций и подчеркивалось, что они должны быть хорошо написаны, поэтому к работе над ними не должны быть допущены чиновники минпроса».

Авторы записки предупреждали мои опасения:

«Конечно, критики президента и власти не преминут сказать об Акции все, что им положено говорить. Но представляется очевидным, что, благодаря этой Акции, миллионы граждан Украины впервые в жизни услышат что-то существенное об истории своей страны, сотня тысяч - впервые задумается о своем украинстве, а тысяча-другая - по-настоящему увлечется… Ради сих последних все и затевается, о чем должно быть сказано в обращении Президента. Украине нужны энтузиасты украинства!

Акция не противоречит духу демократии. Она вполне вписывется в обычный ряд мер, к которым прибегают в странах, где актуальны проблемы утверждения национального самосознания и государственнсоти.

Должна быть строго-настрого подчеркнута обязательность «Уроков» для всех государственных служащих, включая военнослужащих.

Высшие госслужащие (министры и к ним приравненные) могут составить отдельный класс. Не мешает и губернаторов с их первыми замами собрать в отдельный класс. Главы районных администраций собираются в областных центрах. Остальной люд - по месту работы, в домах культуры, кинозалах. Хорошо было бы подготовить и телевизионный цикл лекций, но, конечно, таких, чтобы их можно было смотреть. Акция должна войти в обиход как «Уроки Кучмы».

Признаюсь: если бы авторы этой идеи не написали последней фразы, я, может быть, и подумал бы, не согласиться ли. Но тут сразу вспомнились все общенародные изучения «гениальных трудов» советских вождей: от сталинских «Вопросов языкознания» до брежневской «Малой земли» - и я решил воздержаться. Но саму идею считаю хорошей. Идея «Урока отечественной истории» для всех чиновников с явкой под расписку. Она еще долго будет актуальной. Свою настоящую, объективную историю многие украинцы не знают. Они знают то, что почерпнули из литературы советского времени.

3 июля

Сегодня журнал «Профиль. Украина» поместил ответы президента Виктора Ющенко на вопрос о десяти наиболее значимых, с его точки зрения, успехах новой власти. Среди прочего Ющенко указал: «Прошлый год, 2005-й, был первым годом новой власти - самым тяжелым и ответственным. Важно, что ослабленную политическим противостоянием и притязаниями олигархов эпохи Кучмы экономику удалось стабилизировать и начать реформы». Не веришь своим глазам, читая такое. Есть же статистика!

3 процента роста ВВП в 2005-м после 12 процентов в 2004-м - это и есть «стабилизация экономики»?! А реформы какие начаты? Попытка ликвидации ГАИ? Переименование администрации президента в секретариат, а должности главы администрации - в государственного секретаря? Других я не заметил. У Ющенко было полтора года, чтобы укрепить и упорядочить или президентскую ветвь власти, или парламентскую и на этой основе хотя бы начать крупные, неотложные и не самые популярные реформы. Он не сделал ни того, ни другого. Он мог действовать, опираясь или на партию, считающую его своим вождем («Нашу Украину»), или на широкую общественность. Он пренебрег обеими возможностями.

14 июля

Хроника последних дней. Объявляется, наконец, о создании «демократической коалиции» в составе БЮТ, «Нашей Украины» и Соцпартии. Договорились о программе действий правительства, о том, что в премьер-министры выдвинут Юлию Тимошенко, в спикеры парламента - Петра Порошенко. Согласились уступить оппозиции то ли 14, то ли 15 парламентских комитетов. И т. д., и т. п.

В ответ фракция Партии регионов под аплодисменты снимает многодневную блокаду Верховной Рады. Начинается работа. Но когда доходит до выдвижения кандидатов на пост спикера, в их числе оказывается Александр Мороз. Товарищи по коалиции ждут его самоотвода. Вместо этого Мороз произносит неожиданную для них речь. Он говорит, что тандем Порошенко - Тимошенко заведомо недееспособен и придуман для того, чтобы коалиция в составе БЮТ, «Нашей Украины» и СПУ развалилась. Тогда, мол, «Наша Украина» создаст коалицию с фракцией Партии регионов, а социалисты останутся ни с чем. Мороз настойчиво подчеркивает, что он единственный политик, который, заняв кресло спикера, объединит расколотую Украину и расколотый парламентский зал. Иосиф Винский, первый секретарь СПУ и правая рука Мороза, называет его предателем. Фракция Партии регионов быстро создает коалицию, которую называют «антикризисной». В нее входят, кроме «регионалов», социалисты и коммунисты. Представители новой коалиции заявляют, что ждут «Нашу Украину» и всех желающих, потому что их цель - создание самой широкой коалиции, успокоение страны, прекращение противостояния. БЮТ и часть «Нашей Украины» начинают создавать помехи работе Верховной Рады. В зале заседаний гудят сирены. На Майдане появляются палатки оранжевых, «Поры», БЮТ. «Бело-синие» ставят свои палатки у Верховной Рады. Звучат требования роспуска парламента и проведения новых выборов.

В порядке невеселой шутки я назвал бы политическую ситуацию в Украине штатной. Штатной в том смысле, что это продолжение и развитие того кризиса власти, от которого Украина страдает уже полтора года.

Кризис заключается в слабости, в системной слабости власти, в ее фактической недееспособности.

Власть слаба как коллективный управленец и администратор. Чиновничий аппарат предоставлен самому себе. СМИ сообщают, что взяточничество и другие злоупотребления увеличились в несколько раз. Власть слаба как реформатор - ни к одной из нужных стране реформ она не приступила. Все, что обещалось, провалено еще на стадии разговоров. Власть не подготовилась к существованию в условиях политической реформы. Совершенно не подготовилась! Это важнейшее политическое новшество застало ее по существу врасплох. Теперь говорят, что вступившие в силу конституционные поправки были преждевременными. Хотят вернуться к прежнему варианту. Думают, что это позволит президенту овладеть ситуацией. Наивные ожидания! У президента было более чем достаточно полномочий и возможностей, чтобы оказывать должное влияние на политический процесс и вообще на жизнь страны. Эти полномочия и возможности ему предоставляла старая конституция на целых полтора года!

Власть слаба как никогда, но борьба за командные высоты внутри этой власти - сильнейшая. И это главное, что мы видим в течение полутора лет.

Все борются со всеми, не выбирая средств и методов. Никто никому не доверяет. Каждый хочет перехитрить другого.

Власть не только слаба - она и безответственна. За полтора года ничего не сделано для объединения страны. По существу расколу, который произошел в ходе последних президентских выборов, не придали значения. Опустим шторы на окнах стоящего поезда и сделаем вид, что едем. Это уже не слабость, а безответственность. Испортили отношения с Россией, и ничего не делают для улучшения их. Это тоже безответственность. Страдает международный имидж Украины.

Парламент никак не может приступить к нормальной работе по чисто субъективным причинам. Выборы не оставили никаких неясностей. Все было как на ладони: вот партия-победитель, ей и карты в руки для формирования коалиции. Но известные силы решили играть свою игру. И проиграли. Их попытки устроить Майдан-2 ни к чему не приведут. Утраченное доверие избирателей не вернуть.

Нельзя трогать состоявшуюся политреформу. Она ни при чем. Не было бы политреформы - все было бы в общем так же, как и сейчас. Но политреформа нужна была объективно. Наоборот, именно на путях реализации политреформы может быть найден выход из ситуации очередного обострения системного кризиса власти. Политреформа указывает направление и дает рычаги.

Здравый смысл требует также отказаться от идеи досрочных парламентских выборов. Они не покажут нам ничего принципиально нового. Лишняя трата бюджетных денег, лишнее, искусственное напряжение в обществе.

Реальный выход видится в идее широкой парламентской коалиции и в самом названии «антикризисная коалиция». Благодаря политреформе парламент может создать работоспособное и ответственное правительство. Кадры для него есть. Это проверенные кадры. Можно - и, на мой взгляд, нужно! - воспользоваться услугами ряда высококвалифицированных людей, не входящих сегодня в парламентскую обойму. В общем, за дело должны взяться сильные и спокойные профессионалы.

Мысль отправить фракцию Партии регионов в оппозицию была порочной с самого начала. Это вело к углублению и расширению раскола страны. Это был объективно антигосударственный, антинациональный замысел. Личный и узкопартийный эгоизм ведущих «оранжевых» деятелей помешал им понять реальные интересы страны. Нельзя было без боли наблюдать за тем, как они пытались оставить в стороне такую серьезную политическую силу. Она ведь заняла первое место на парламентских выборах, и - с большим отрывом от остальных.

Широкая коалиция, и только она может спасти страну. Фракция Партии регионов проявляет настоящую государственную ответственность, настоящий патриотизм, когда предлагает именно такой вариант. «Наша Украина», если она не хочет потерять все, должна войти в эту коалицию. Если бы дело было только в ее судьбе, пусть бы и теряла все… Но речь идет о стране. Не надо повторять ошибок известных деятелей нашей истории. Устроить Руину в двадцать первом веке было бы непростительно, позорно. Широкая коалиция с участием «Нашей Украины» - это один из мощных рычагов объединения Украины и оздоровления экономики. Пытаюсь убедить себя, что так и будет, - и не верю сам себе.

15 июля

Публичные заявления Егора Гайдара должен, по-моему, читать каждый политик на постсоветском пространстве. Они всегда интересны и содержательны, в них очень сдержанно, но ясно выражается его критический взгляд на внутреннюю и внешнюю политику России. Для меня важно то, что он в самой полной мере отдает себе отчет, что без преодоления имперских привычек его страна не будет иметь спокойных, дружественных и выгодных для себя отношений с бывшими советскими республиками. Но вот последнее его выступление (журнал «Итоги», № 28, 10.07.2006 г.) показалось мне не совсем точным. Он сказал:

«Мне кажется, что мы не всегда адекватно ведем себя на постсоветском пространстве. Россия в силу географического положения, распространенности русского языка в государствах бывшего СССР, общего имперского прошлого является здесь естественным лидером. Нужно сильно постараться, чтобы в ряде стран бывшего Союза возникли антироссийские настроения, проистекающие прежде всего из-за того, как Россия показывает вновь обретшим независимость странам свое отношение к их суверенитету. Если Москва ставила перед собой цель добиться уменьшения своего традиционного влияния на весь постсоветский регион, то она, увы, в этом преуспела».

По- моему, Егор Тимурович или ошибается, или чуть-чуть лукавит. Если ошибается, то это ошибка исследователя, аналитика. Географическое положение России, распространенность русского языка в соседних с нею странах и общее имперское прошлое с ними он считает фактором, который должен был бы способствовать как минимум сохранению традиционного влияния России на весь постсоветский регион. А в действительности, по-моему, наоборот. Как раз эти факторы способствовали тому, что российскому влиянию стали противиться страны бывшего СССР. Эти факторы сразу же после распада СССР стали порождать подозрительность к России. И не только подозрительность, но и предвзятость, и даже враждебность. Москве нужно было приложить очень большие усилия, чтобы преодолеть эту естественную реакцию. Но я не уверен, что все здесь могло зависеть от России. Груз прошлого был слишком велик. На первых порах антироссийские настроения возникли не по вине России. Во всяком случае не по вине постсоветской, ельцинской

России, а по вине ее имперского и советского прошлого. Против России поначалу работало ее прошлое, а не ее политика. Ну а потом уже стали появляться те злободневные политические тенденции, которые критикует Гайдар.

Я, кстати, не забыл, что он поддержал меня во время президентских выборов 1994 года, когда я был соперником Л. Кравчука. После учредительного съезда «Демократического выбора России» 1 июня 1994 года он заявил, что избрание меня президентом позволит Украине выйти из глубокого экономического кризиса.

18 июля

Когда были объявлены результаты парламентских выборов в Украине, я не удивился тому, что за Социалистическую партию проголосовали меньше 6 процентов избирателей Украины. За несколько дней до выборов Александр Мороз уверенно пророчил себе все 16. Он очень гордится, что его партию приняли в Социнтерн, где она теперь в компании со старейшими и умереннейшими соцпартиями мира. Мне кажется, чиновники Социнтерна не читали ее программных документов, не ознакомились с выступлениями ее лидера, не имеют ни малейшего представления о том, как фракция СПУ год за годом голосует в украинском парламенте. К большому сожалению, наши левые слишком далеки от западной социал-демократии. Мы много теряем в связи с этим. Страна, уверен, была бы иной, если бы на левом фланге у нас действовали, так сказать, по-европейски зрелые левые.

Неприятности Мороза с Социнтерном все-таки, наконец, начались, но - по другому поводу. После того, как он вывел парламентскую фракцию своей партии из коалиции с БЮТом и «Нашей Украиной» и был, голосами своего вчерашнего политического противника - фракции Партии регионов, избран председателем Верховной Рады, его назвали предателем не только многие члены СПУ и рядовые избиратели, но и деятели Социнтерна. «Мы действительно чувствуем себя обманутыми и преданными Морозом и его людьми, - заявил генеральный секретарь делегации Нидерландов в составе фракции PSE (Социалистической партии Европы) в Европарламенте Камилл Хаманс. - Мы всегда думали, что социал-демократия - это порядочность, а не власть. Социал-демократия - это демократия, а значит, должна отвечать воле людей, проголосовавших за нее, а не собственным интересам политиков… У меня создалось впечатление, что выгода от власти весит для них больше, чем национальные интересы. Мы действительно разочарованы и будем пытаться изолировать их в рамках PSE и Социалистического интернационала или даже будем лишать членства…»

Газета «Вечерние вести» сообщила сегодня об этом заявлении под злорадным заголовком: «Мороза пнут из Социнтерна?» Интересно, что в этот же день была обнародована и другая точка зрения на «предательство» Мороза. Американский эксперт, президент проекта «Переходные демократии» Брюс Джексон в интервью газете «День» заявил: «Одни говорят, что Мороз был святым, когда подписал коалицию с «оранжевыми», а когда - с другими участниками, то его характеризуют негодяем. Если вы хотите, чтобы люди не могли переходить из одного лагеря в другой, то вам не нужно выбирать парламентскую демократию. Ведь это привычное явление в парламентской демократии».

Что я скажу? И ты, Абрам, прав, и ты, Мойша, прав!… Камилл Хаманс прав, по-моему, в том, что обращает внимание на существование избирателей Мороза. Они, как нам в Украине очень хорошо известно, не собирались увидеть его в коалиции с Партией регионов. Это морально-политическая сторона дела. К ней наши люди, кажется, более чувствительны, чем жители Запада, потому что у нас еще довольно остры политические противоречия. Мы и в этом смысле молодая демократия. Американец же Джексон прав правотой как раз зрелой, опытной, спокойной, не раздираемой кричащими противоречиями, демократии. В такой демократии политики могут себе позволить переходить из лагеря в лагерь без риска навлечь на себя обвинения в предательстве. Я уже имел случай намекнуть на что-то похожее в Украине, сказав, что мы можем увидеть коалицию любой конфигурации.

Мне мало дела до отношений Социнтерна и СПУ. Но я бы все-таки предпочел, чтобы деятели Социнтерна подвергли анализу программные установки украинской соцпартии и сделали свои выводы на этой базе, а не на тактических колебаниях ее лидера. Ирония судьбы заключается в том, что парламентский союз Мороза и его СПУ с Партией регионов, насколько я понимаю, не яв-

ляется таким уж предосудительным с общедемократической точки зрения, но как раз этот союз может оказаться роковым для дальнейшей судьбы наших социалистов как в Украине, так и в Социнтерне.

Мороз олицетворяет ту силу, в борьбе с которой прошли мои постсоветские годы. Эта сила - социализм и популизм. Он выступал «за полную ликвидацию безработицы», предлагая «систему общественных работ, например, строительство транспортных коридоров». Общественные работы - любимое занятие его предшественников (не отношу к ним Рузвельта, его общественные работы - другая статья). Беломорканал, БАМ… Вы орудуйте кайлами, а мы, Морозы, будем за вами надзирать. И вести с вами «политико-воспитательную» работу. Стишки вам читать для воодушевления… Часто казалось, что он не понимает, о чем говорит, или просто хулиганит: «Государство должно волевым способом структурно перестроить экономику». Оно должно регулировать «поступление иностранного капитала в ключевые отрасли и объекты украинской экономики». Так он, иностранный капитал, и попер к нам на таких условиях! Предложения Мороза носят навязчиво запретительный характер. Это, кажется, не только идеология, но и личная психология. По-моему, не было случая, чтобы он предложил что-то разрешить. Только запретить, ограничить, поставить под надзор. Если же что-то разрешить, то - чиновнику. Чиновнику разрешить, в общем, все.

Одно из его обещаний гласит: «Кредиты станут доступными со снижением ставки по ним до уровня инфляции. Кредитоваться будут наиперспективнейшие предприятия». Кто, спрашивается, будет снижать ставки? Кто будет отбирать предприятия для кредитования? Чиновник? Такой власти нет ни у президента Украины, ни у президента США! На словах он против бюрократии, злоупотреблений исполнительной власти, госаппарата, а в своей программе предполагает наделить его страшной властью. Его программа - это программа такого беспредела, по сравнению с которым нынешний беспорядок и злоупотребления показались бы жизнью в детском саду.

Если вникнуть в его речи, то он оказывается гораздо ближе к коммунистам и «прогрессивным социалистам», чем кажется даже ему самому. Повторяет и повторяет: надо было отдать предприятия трудовым коллективам. До сих пор не понял, что коллективу - значит, в распыл. Осуществление программы Мороза дезорганизовало бы экономику. Она стала бы экономикой недостач, очередей, диких перекосов, чиновничьих злоупотреблений. Это политика заигрывания с населением, политика безответственных обещаний. «Земли сельскохозяйственного назначения не будут товаром… В США напечатают кучу долларов, привезут в Украину два или три чемодана зеленых и скупят всю землю. Если не будет хватать баксов, нарисуют еще немного и все. Затратив при этом на изготовление тех трех чемоданов ну, скажем, 50 тысяч долларов… Есть рыночная цена на землю. В мире, в Европе, она составляет около 10 тысяч долларов за гектар, среднемировая - 10-15 тысяч… За нынешними указами президента по реформированию АПК стоит международный капитал, которому это реформирование выгодно». Не верю, что он это говорил от души. Такую безграмотность трудно себе представить. Так мог бы говорить темный, как темная ночь, большевик еще более темным мужикам году в тридцатом…

Подчеркну: у человека с такими взглядами и понятиями, с таким политико-экономическим кругозором и с такими замашками был реальный шанс стать правителем Украины. Помешал ему (дважды!) один человек: Леонид Данилович Кучма. Так следует из всех заявлений Александра Мороза. И в данном случае он прав.

Но надо отдать ему и должное. В 1995 году он выступил против включения в текст нового украинско-российского договора пункта о возможности двойного гражданства для жителей Украины. Одновременно он выступил и против референдума о восстановлении СССР. Говоря в 1996 году о споре вокруг формулировки насчет базы российского флота: именовать ли ее «База Севастополь» или «База в Севастополе», он сказал: «Моя позиция однозначна: «в Севастополе». В 1999 году заявил, что вхождение Украины в союз России и Белоруссии не считает насущной потребностью страны: «Имеем другие заботы». Эта строчка стоит всех его стихов. Правда, она не мешает ему ставить белорусское руководство в пример украинскому: «В соседней Белоруссии руководству хватило ума не согласиться на предложенный западными советниками сценарий реформ». Впрочем, надо признать, что его участие в создании антикризисной коалиции способствовало политической стабилизации в стране.

19 июля

Как хорошую песню слушаю - так читаю сегодня в газете «Киевские ведомости», что «международный долгострой дождался своего часа». Правительство решило создать хозяйственное общество по достройке и эксплуатации Криворожского горно-обогатительного комбината очищенных руд

(КГОКОР) с государственной долей 50 процентов плюс одна акция. За остальную долю идет борьба между частными инвесторами. И какая борьба! Список включает семь гигантов. На первое место газета ставит российский «Металлоинвест» Алишера Усманова, на последнее - Полтавский горно-обогатительный комбинат, подконтрольный Константину Жеваго (банк «Финансы и кредит»). Между ними, конечно, и Алексей Мордашов, и наши Сергей Тарута и Ринат Ахметов, и вездесущий теперь индус. Юристы «Металлоинвеста» после тщательного изучения соответствующих документов пришли к выводу, что у Румынии и Словакии нет прав на совладение КГОКОРом. Они имеют право только на часть продукции комплекса в счет погашения их вклада в строительство (900 миллионов долларов). Серьезные претензии на покупку этого предприятия заявляют полтавчане («КГОКОР имеет исключительное значение для страны», - совершенно справедливо пишут они, подчеркивая, что только они имеют необходимый опыт развития производства окатышей). В свою очередь «Миттал Стилл Кривой Рог» привычно выкладывает такой козырь, как деньги: эта компания готова не только сделать больше, чем остальные, инвестиций в достройку комбината, но существенно переплатить румынам и словакам (2.5 млрд. долларов!).

А я в свое время предлагал отдать этот «международный долгострой» без особых колебаний тому, кто возьмет и обяжется довести его до ума… Мне вроде невыгодно признаваться в этом сейчас, когда появились желающие купить его с «переплатой». Ведь кто-нибудь может сказать: «Вот так он готов был разбазаривать государственное имущество!». Но я сознательно иду навстречу этому обвинению. Рынок есть рынок. Если на товар нет спроса, он ничего не стоит. Он не добро, а обуза. Так и было тогда, всего несколько лет назад. И я не думаю, что проданный тогда, допустим, за одну гривню (с требованием в придачу погасить 900 миллионов долларов долга Румынии и Словакии!) КГОКОР не принес бы к настоящему времени тех выгод стране, на которые я рассчитывал. Все эти годы, когда он стоял замертво, в бюджет капали бы налоги, а главное - были бы созданы тысячи рабочих мест.

20 июля

Иногда думаю: чтобы понять характер нашего парламентаризма, достаточно посмотреть на Мариинский парк во время парламентской сессии. Охранники депутатов сидят в парке. Все одеты в черное, ощущение трудно передать словами… Все с мобильниками, о чем-то постоянно говорят. Государственная личная охрана народному депутату не положена. Каждый содержит телохранителей на свои деньги. Есть у тебя охрана - значит, ты большой человек. Почти у каждого - серьезный или очень серьезный бизнес. Плюс доходы от «лоббирования». Плюс… Что-то не похожи они на тех беззащитных народных избранников, чей статус все требовал уважать («не выкручивать им рук») Владимир Михайлович Литвин.

23 июля

Американцы уже прямо говорят новым украинским лидерам: помиритесь с Россией, хватит удивлять людей никому не понятной сварой. А Юлия продолжает свое: говорит, что ее тут сталинскими методами ставят на колени из-за того, что она ищет альтернативные источники газа. Хочет, видите ли, привести в Украину газ из каких-то районов мира, на которые мы с этой точки зрения никогда не смотрели. Например, из Ирана, Франции, еще откуда-то. Не понимаю, о чем она думает. Показать большую озабоченность интересами страны - и больше ничего? Совершенно не беспокоится, что люди скажут завтра, когда поймут, что сегодня она говорила нечто несуразное. Уверена, что забудут? Расчет на то, что дважды повторенная ложь на третий раз становится правдой?

Доставить можно что угодно, откуда угодно и куда угодно. В том числе газ или нефть или то и другое из Ирана и Франции. Все дело в том, во сколько это обойдется. Технических препятствий нет. Можно и самолетами… Но с точки зрения экономической целесообразности оба варианта -

чистая утопия. Вспомнил, как в свое время меня хотели увлечь «норвежским проектом». Кто-то носился с идеей польско-украинского предприятия по перекачке газа из Норвегии в Украину. Первое, что я спросил: «А зачем? Нам что, российского газа не хватает?» - «Ну как же! Надо думать о диверсификации поставок». - «Мы получаем не только российский газ, но и туркменский, узбекский. Это не диверсификация?» - «Вообще-то диверсификация, но ведь среднеазиатский газ идет все равно через Россию». Тогда я поинтересовался, сколько стоит норвежский газ и какие там запасы. Цифры оказались такими, что разговор прекратился сам собой. И вот теперь новый приступ зуда «диверсификации». И люди явно верят, что Юлия будет таки возить нефть из Франции, а газ - из Ирана. Наверное, потому верят, что в момент своего выступления она и сама верит в этот бред.

25 июля

О том, что американская военная промышленность и военная машина далеко впереди западноевропейских, на обоих континентах говорится вскользь. Сказывается, наверное, самолюбие западных европейцев и тактичность (в данном случае) американцев. Но от этого разрыв не становится меньше. И европейские правительства, Евросоюз в целом не знают, что они могут сделать, чтобы сократить этот разрыв. Речь идет о таком различии между США и Европой, о котором ответственные политики Парижа, Берлина, Лондона боятся и думать.

Чтобы понять, в чем тут дело, нужно сравнить расходы на социальные нужды. В Америке они намного меньше. Значит, бизнесу на воспроизводство остается больше, чем в Европе. Американцы могут развивать свой военно-промышленный комплекс, свою военную машину на самой мощной в мире финансовой базе. Причем соответствующие программы там изначально многоцелевые. Государство не может напрямую финансировать частный сектор, но косвенно, через военные заказы, - сколько угодно. Это не только рабочие места и прибыли частного бизнеса. Технологии и разработки военного назначения сразу получают выход в гражданский сектор. Ни одна страна в такой мере не использует свои военные достижения в мирных целях, как США. Это все и делает их недосягаемыми для европейцев. Социальная защищенность достигается, так сказать, косвенным образом: растет общий уровень жизни, растут зарплаты, личные доходы, и человек имеет возможность сам финансировать львиную долю своих социальных потребностей.

В Советском Союзе, кстати, дела шли бы намного лучше, если бы научно-технические достижения военно-промышленного комплекса таким же естественным путем, как в США, использовались во всех отраслях народного хозяйства. Но была мания секретности. Все хранилось под семью замками. Секретно, совершенно секретно, особой важности… Не дай Бог, «враг» узнает!… Психология осажденной крепости оказалась непробиваемой. В высшем руководстве так и не нашлось (и, наверное, не могло найтись) людей с кругозором, который мог бы им позволить взглянуть на дело открытыми глазами, без шор, без страха, по-хозяйски. Пусть «враг» узнает вас по вашим достижениям в экономике! Он по качеству вашего телевизора определит ваши военные возможности и будет остерегаться. Но эта логика была недоступна ни Сталину, ни Хрущеву, ни Брежневу - никому.

Почему американцы так преуспели в развитии своей электроники? Потому что разработки, появившиеся в авиации, в ракетной технике, очень быстро стали использоваться в гражданской экономике, в производстве товаров народного потребления. Эти технологии и товары захлестнули весь мир. А мы со своими допотопными гражданскими технологиями оказались у разбитого корыта. В свое время я с огорчением смотрел на советские телевизоры и радиоприемники, потому что хорошо представлял себе, какими они могли бы быть, если бы не наша ограниченность и страхи. Рутинное газетное сообщение («Сегодня», 23 мая 2006): «Часть американских фирм уже обратилась в специальное управление геодезии и картографии США за разрешением получения лицензии на производство и запуск космических аппаратов дистанционного зондирования Земли с разрешающей способностью 0,25 м, что сопоставимо с возможностями военных спутников-разведчиков». Там же читаю, можно сказать, панегирик в мой адрес: «В 2004 году в мировой табели о рангах Украина шагнула вперед по числу изготовленных и запущенных 7 украинских ракетоносителей, к сожалению, с чужих космодромов, и уверенно заняла 4 место, пропустив впереди себя Россию с 22 пусками, США - 16 пусков, Китай - 8 пусков. По количеству произведенных в мире космических аппаратов в 2004 году Украина с 3 космическими аппаратами находилась на 5 месте - после США, России, Франции, Китая. В 2005 году произведено 5 запусков ракетоносителей отече-

ственного производства»

27 июля

Конечно, продажа «Криворожстали» на аукционе - успех. Но это сиюминутный успех. Как говорится, сорвали куш. После этого не мешает посмотреть на него с точки зрения государственной стратегии, выбора дальнейшего пути. Значит, что - продаем все, что может быть куплено? И пусть потом наши дела за нас решают другие? Или все-таки продолжаем создавать свой отечественный капитал, своих капиталистов, с тем чтобы по мере накопления денег они вкладывали их в высокие технологии? Я не противник иностранного капитала. Все, что мог, делал для привлечения его в нашу экономику. Но есть грань, которую переходить нельзя. Ее нужно угадывать особым чутьем политика. Черно-белый подход не годится. В России, по-моему, еще со времен Ельцина действует неписаное правило: стратегические объекты иностранцам не продавать. Немцы вон тоже отказали россиянам в продаже 20 процентов своего «Телекома». Если металлургический гигант находится в руках наших предпринимателей и там появляются необходимые финансовые ресурсы, то можно позаботиться, чтобы их не вывозили из страны, как обычно поступают иностранцы, а инвестировали в смежные отрасли. Так пытается поступать Россия: капитал переливается, например, из нефтегазового комплекса в машиностроение. Делается это инструментами фискальной политики. У нас должны быть реальные программы, согласованные с крупным бизнесом. Государство приглашает капиталиста: вот есть такая программа, вот такие условия, они должны тебе понравиться - давай, участвуй.

Я думаю, например, о сельскохозяйственном машиностроении. Страна в известном смысле аграрная, а все покупает за рубежом: и трактора, и сеялки-веялки, и комбайны. Мы не можем сегодня сделать автомобиль мирового класса, потому что это требует немыслимых для нас затрат. Такой автомобиль может стать итоговым воплощением целой исторической эпохи в развитии страны. Но приличные трактора, комбайны, сеялки мы в состоянии делать уже сейчас, и делаем, но мало, нет крупных серий, а их нет, потому что нет заказов, а значит, и денег.

28 июля

Анатолий Степанович Гальчинский в своих работах ссылается на таких экономистов, как австрийцы Хайек и Мизес. По его рекомендации я читал обоих. У Мизеса меня до глубины души проняла его позиция по вопросу о социальном и, в частности, медицинском страховании. Ничего подобного в литературе мне не попадалось. Я не ожидал, что были люди с такой позицией - и когда! В начале прошлого века. Мизес в пух и прах, причем опираясь на статистику и научные исследования, разбил то, чем едва ли не больше всего гордились немцы: их первую в мире систему государственного социального страхования, созданную при Бисмарке в 1883 - 1889 годах. Мизес замахнулся даже на «святая святых» - на пособия по болезни.

«Не существует отчетливой границы между здоровьем и болезнью, - писал он. - Болезнь неким образом зависит от сознательной воли и подсознательно действующих психических сил… Так вся идея о возможности отделить с помощью медицинских обследований больных от здоровых и симулянтов, а трудоспособных - от инвалидов оказалась несостоятельной… Разрушительные свойства системы страхования по болезни и от несчастных случаев заключались прежде всего в том, что система поощряла несчастные случаи и болезни, замедляла выздоровление и зачастую создавала (или по крайней мере усиливала и растягивала во времени) функциональные нарушения, которые следуют обычно за болезнью или несчастным случаем… Сейчас уже нельзя отрицать, что травматические неврозы есть результат социального законодательства. Статистика показывает, что застрахованные пациенты преодолевают последствия травм дольше, а осложнениям и постоянным функциональным расстройствам подвержены сильнее, чем незастрахованные. Страхование против болезней плодит болезни… Если ослаблено желание быть здоровым и работоспособным, болезнь и все остальное - придут… Социальное страхование превратило неврозы застрахованных граждан в опасную болезнь народа».

Мизес убедительно показывает, что безработица - это «проблема заработной платы, а не работы. От безработицы так же нельзя застраховать, как, например, от затруднений со сбытом товаров». Более того, «помощь безработным и есть то самое, что порождает безработицу как постоян-

ное явление… Безработица в капиталистических странах существует потому, что политика правительств и профсоюзов направлена на поддержание такого уровня заработной платы, который не соответствует существующей производительности труда». Мизес с горечью констатирует, что многие люди искренне не понимают, что «помощь жертвам - пособия по безработице и общественные работы - ведет только к проеданию капитала, а оно со временем отзовется дальнейшим снижением уровня заработной платы».

Чем же объяснялась такая «бесчувственность» этого великого экономиста, разоблачителя социализма, одного из самых здравых людей не только своего времени? Он понимал и пытался объяснить всем, что бесплатным бывает только сыр в мышеловке. Все блага, которыми немецкое государство осчастливливает рабочего, берутся из его же кармана. Это является фактом даже в том случае, если страховые взносы делает не сам рабочий, а предприятие: «То, что уплачивает предприниматель в страховые фонды, - это всего лишь налог на предельную производительность труда, а значит, и средство сокращения денежной заработной платы». (Людвиг фон Мизес. Социализм. Экономический и социологический анализ. Москва. 1993. Стр. 303-310).

Понимаю, какой «наезд» могут сделать на меня за эти цитаты поборники социальной справедливости. Особенно - профессиональные поборники. Но мне хотелось все-таки чуть-чуть расширить кругозор тех людей, которые слушают их недостаточно критически. Невозможно ведь отрицать хотя бы тот факт, что из страховых фондов рабочий получет, в виде пособий по болезни и пр., не все, что было у него взято, а за большим минусом - ведь надо содержать огромный бюрократический распределительный аппарат.

Когда читаешь Мизеса и других крупных экономистов-либералов прошлого и прилагаешь их выкладки к Украине, невольно пытаешься представить себе, какой была бы их реакция на нашу действительность. Слишком все-таки велик заряд левой демагогии и иждивенческих настроений в обществе. Слишком много выдержки, здравомыслия, ответственности и порядочности требуется от руководства, чтобы удерживать страну от расточительства, от проедания капитала. Первые же дни после победы Ющенко-Тимошенко это показали. Было ясно, что выручку от перепродажи «Криворожстали» проедят, растранжирят. Так и вышло. Сегодня это открыто констатируют сами «оранжевые» революционеры. Пытаются разобраться, куда ушли деньги, - и никак у них не получается. Обсуждают вопрос о создании следственной комиссии. Вспоминаю их любимое слово: «Ганьба!».

Мизес был бы сильно огорчен таким развитием событий, тем более что Украина ему не была чужда. Он начинал свою научную деятельность с исследования социально-экономических реалий Галичины, входившей тогда в Австро-Венгерскую империю.

С этой точки зрения одним из наиболее неприятных последствий «оранжевой революции», можно считать окончательное оформление блока Юлии Тимошенко (БЮТ) в партию откровенно левого толка. Она даже просится теперь в Социнтерн. Правда, «солидаризм» Юлии может ослабить позиции коммунистов и социалистов, но это не утешает. Ведь как социальный демагог, как популист Юлия намного сильнее Мороза, Симоненко и Витренко вместе взятых. Речь уже приходится вести не о левом крыле украинского политического спектра, а о чем-то левацком.

Очень хорошо помню, какой убежденной рыночницей она была в свою бытность вице-премьером. Это было естественно. Ведь именно рынок сделал ее «газовой принцессой». Такой она, конечно, и осталась. По своим интересам, подходам, понятиям она была и остается руководителем крупной украинской бизнес-корпорации начала-середины девяностых годов. Бизнес-корпорации со всеми ее схемами и способами достижения успехов. На первом месте среди этих способов: соответствующие связи и предельная бесцеремонность в отношениях с конкурентами. Для этого нужны именно те личные качества, которыми обладает Юлия Владимировна: энергия, упорство, особая гибкость - та самая гибкость, которая потом позволила ей стать такой «солидаристкой», что сама Роза Люксембург протягивает ей сейчас руку из красного 1918 года.

Удивил меня Ющенко. Ведь они вместе встали на эту «солидаристскую», популистскую стезю и никак не могли остановиться. Я просто не поверил своим ушам, когда он стал объявлять главной заслугой своей политики резкое увеличение доходов населения за предельно короткий срок. С полным правом, не пятная себя популизмом, можно хвалиться только ростом производства. Но такого роста производства, на основе которого было бы закономерно то повышение доходов, которое он записывает в актив себе и своей команде, нет и не предвидится. Доходы населения росли в десять раз быстрее, чем ВВП! Таким образом, в главном они ведут себя одинаково - и

Юлия Тимошенко, и Виктор Ющенко. Их разногласия не имеют принципиального характера. Идеологических и политических пунктов там нет.

29 июля

В июле 2001 года состоялся государственный визит в Украину председателя Китайской Народной Республики Цзян Цзэминя. Мы подписали совместную декларацию о дружбе и всестороннем сотрудничестве между Украиной и КНР в XXI веке, которая рассматривалась в качестве фундамента для дальнейшего развития двусторонних отношений. В декларации, в частности, китайская сторона подчеркнула, что гарантии ядерной безопасности, предоставляемые Китаем Украине (в связи с отказом нашей страны от ядерного оружия), не имеют временных ограничений.

Это по- настоящему крупный государственный деятель. Когда он пришел к власти (1997), в стране была ускорена приватизация. При этом официальные лица и, следовательно, пропаганда старательно избегали самого слова «приватизация». Предпочитая говорить «трансформация собственности». В конце 2003 года ЦК Компартии принял решение еще раз резко ускорить приватизацию десятков тысяч государственных предприятий, а также позволить иностранному капиталу владеть контрольными пакетами акций. При этом небольшое количество стратегических предприятий, от которых зависит обороноспособность и национальная безопасность Китая, остаются в руках государства.

Цзян много ездил по миру, изучал общественно-экономические модели. Рассказывал, как они принимают решения: стараются ничего не делать необдуманно, за каждым решением - изучение мирового опыта и трезвый расчет. Схему перехода к рыночной экономике они выбрали, изучив все, что можно было изучить на тот момент. Мне было интересно услышать, что они с самого начала понимали: чисто социалистическая система, замкнутость на своих ресурсах рано или поздно даст сбой, если ее не реформировать. Мы оказались едины в том, что преобразования лучше всего делать при сильном государстве. Он выражал мне сочувствие в связи с тем, что у нас не было этого фактора. Не было и времени для хорошо обдуманного выбора переходной модели. Мы не могли повременить. Система, которая называлась «реальным социализмом», начала рассыпаться стихийно еще при Горбачеве.

Китайцам повезло, что у них сохранилась правящая партия. Это помогло обеспечить мощную внутреннюю поддержку курса реформ, сократить издержки и потери. В 1991 году у нас этого не было. Главным очагом распада стала партия. Китайские реформы начались в 1978 году при Дэн Сяопине. Сначала позволили свободнее дышать крестьянам. Народные коммуны заменили семейный подрядом. Вскоре с полей почти исчезла деревянная соха. В 1984-м была выдвинута концепция «плановой рыночной экономики». Целому ряду предприятий предоставили свободу действий. Планирование и ценообразование стали напрямую зависеть от рынка. На юге, в богатых приморских районах, одна за одной стали появляться свободные экономические зоны. Налоговые льготы привлекли западные инвестиции и современные технологии. Экономика во многом освободилась от партийного контроля. Как сказал Дэн Сяопин, «неважно, какого цвета кошка, лишь бы ловила мышей». Потом он пояснил, что хорошо все, что способствует развитию экономики, повышению жизненного уровня народа и совокупной мощи государства. Главное - развитие, а социалистические методы или капиталистические - неважно, все подойдет.

В общем, они не выдумали ничего нового. Свободные экономические зоны, куда они допустили немцев, канадцев и других капиталистов, - вещь известная. Это позволило им открывать Китай миру по частям. Мы говорили с Цзяном об офшорах и других изобретениях, позволяющих капиталу не «засвечиваться» перед отечественной бюрократией и популистской толпой, свободно перемещаться по миру. Я ощутил его поддержку наших шагов в этом направлении. Он коммунист, но если бы в Украине были такие коммунисты, мы бы продвинулись значительно дальше. У нас, к сожалению, даже социалисты будут, пожалуй, «краснее» нынешних китайских коммунистов. Это стало видно по тому, с каким энтузиазмом они поддержали разрушение свободных экономических зон в Украине сразу после «оранжевой революции».

Незадолго до окончания своего президентского срока я еще раз съездил в Китай. Там как раз был «птичий грипп», он многих в мире отпугнул, а я поехал. Состоялась теплая беседа с новым руководителем Китая Ху Цзиньтао. Интересно было сравнить Гонконг и Пекин. Гонконг выглядит достигшим своего потолка, а Пекин бурно строится. Страна густонаселенная, 1,3 миллиарда чело-

век - цифра громадная, с трудом укладывается в голове. Еще не преодолена большая неравномерность развития. Это у них главная задача сейчас - развитие регрессивных территорий. Туда направляются бюджетные деньги, есть специальные программы. Мы обсуждали возможность участия Украины в этих программах. Китайцы заинтересованы в наших технологиях.

Население Китая еще не растеряло своего знаменитого трудолюбия. Это бросается в глаза, когда сравниваешь с нашими процессами. У нас на заводах работать некому, хотя существует реальная проблема занятости. Многие попробовали легкого хлеба и уже не хотят в цеха, к станку.

Китайцы в экономическом отношении всеядны. Они всем занимаются. Сейчас их страна совершает очередной «большой скачок» в металлургии, но это настоящий скачок, не для пропаганды, как было в недалеком прошлом. В 2005 году они начали очень серьезно теснить Украину на рынках металла. Те, кто считал, что у нас никогда не будет конкурентов на этих рынках, ошиблись. Но могло быть гораздо хуже. Я глубоко убежден, что если бы нам не удалось отдать металлургию в частные руки, мы бы не подняли эту отрасль, не стали бы продавать металлы в 99 стран, что позволило нам потихоньку встать на ноги. Не было бы такого прорыва!

1 августа

Приходит как-то Ющенко ко мне на прием. Он уже большой оппозиционер, на каждом углу и перекрестке вместе со своими соратниками из «Нашей Украины» критикует власть, не скрывает своих президентских амбиций. Уже в ходу выражение «злочинна влада». Казалось бы, между человеком, который пустил в оборот это выражение и не устает его оглашать, и этой самой «владой» должны быть сожжены все мосты. Но он как ни в чем не бывало продолжает с нею общаться, причем на высшем уровне. Разумеется, в разговорах со мной выражений вроде «злочинна влада» и «геть Кучму!» он не употребляет.

Какое же у него дело ко мне на сей раз? С его точки зрения, очень важное. В «Нафтогазе Украины», которым руководит Юрий Бойко, работает некто Тарасюк. Однофамилец бывшего министра иностранных дел, имеет, говорят, немалый бизнес. Желает заняться политической деятельностью, войти в команду Ющенко. «Хочу вас просить за него, Леонид Данилович», - говорит Ющенко. «Проси. Что ему надо?» - «Ему и нам надо, чтобы у него не было проблем в связи с тем, что он будет в моей команде». - «Каких проблем?» - «Ну, чтобы его не выгнали за это из «Нафтогаза». Скажите Юрию Бойко, чтобы он его не трогал». - «Хорошо, Виктор, хорошо. Но сначала ты сам спроси Юрия Бойко, указывал ли я ему когда-нибудь, с кем иметь дело, а с кем - не иметь. Был ли у нас с ним хоть один разговор, хоть четверть разговора о политической ориентации его сотрудников и партнеров? Ты ведь, кажется, давно должен знать: для меня главное - чтобы бизнес того или иного человека приносил пользу Украине. Не только ему, но и Украине».

Сегодня этот Тарасюк руководит ДУСей. ДУС - аббревиатура от «Державне управління справами» (Государственное управление делами) - хозяйственная структура при Администрации Президента Украины. Тема ДУСи стала одной из главных в украинских СМИ после «оранжевой революции». Эту структуру называют «министерством привилегий». В него входят государственное дачное, гостиничное, жилищное, транспортное, санаторно-лечебное, общепитовское хозяйство. ДУСя обеспечивает быт высшего и среднего чиновничества. Обеспечивает на льготных условиях - бесплатно или по низким ценам. Быть включенным в эту систему означало быть включенным в систему власти.

Так было, подчеркну, при советской власти. В порядке строительства социализма, как известно, сразу была упразднена частная собственность, торговля, деньги. Снабжение населения стало осуществляться по-армейски, через систему складов -распределителей продовольствия и ширпотреба, по карточкам и спискам. Для более важных членов общества - более весомые карточки, для менее важных - менее. Эта сеть охватывала заводских рабочих, служащих большевистского госаппарата, частично - людей умственного труда, специально отобранных по признаку их лояльности. По высшему разряду обеспечивались высшие управленцы. В структуре аппарата первого советского правительства было образовано Управление делами. Это и было первое «министерство привилегий». Ему суждено было продлить свои сроки до наших дней. Под этим названием оно существовало не только до самого последнего дня Советского Союза - под этим названием оно осталось и в ельцинской России. Каждой должности соответствовала своя номенклатура благ. Эта номенклатура стала принадлежностью и признаком реальной власти. Так обеспечивалась

материальная заинтересованность правящего слоя и чиновничества в сохранении существующего строя.

В каждой советской республике, в том числе в Украине, было свое управделами. У нас оно известно под названием ДУС, в просторечии - ДУСя.

Его («ее») хозяйство - это поликлиника, больница, гостиницы «Украина», «Днепр». санаторий «Трускавец», санаторий «Южный» в Крыму, санаторий «Днепр», фонд путевок. Дачи в Крыму: одна для президента, вторая - для премьер-министра, третья - для председателя Верховной Рады. Есть еще резервные, нуждаются в ремонте. Это совсем не то, что в России, где под началом управделами огромное хозяйство, в том числе и за рубежом. У нас - бледная копия, хотя среди чиновников подспудная борьба за лучшие номера в том же «Южном» шла, как за лучшие места под солнцем. Это надо признать. И все-таки ДУС было не «министерством привилегий» при президенте, не рычагом власти, не орудием, с помощью которого он распределял и властвовал, а его головной болью.

Если бы теперешние борцы с привилегиями знали, о чем я говорю с руководителем этого «монстра», они бы удивились. Все разговоры были о том, как привести это хозяйство хотя бы в относительный порядок, остановить разрушение, а потом как-то от него избавиться. К последней цели мы приблизились как раз под занавес. Незадолго до окончания моего второго президентского срока были подготовлены документы о передаче ДУС в распоряжение Кабинета Министров. Жалею, что не успел их подписать, но, в общем, это не ахти какая проблема. Было подготовлено и соответствующее решение Конституционного Суда.

Летом 2003 года мне был представлен любопытный проект решения этой проблемы. Автором проекта был один известный политолог, в прошлом, кажется, входивший в партийно-советскую номенклатуру. Он начинал с рассуждения о том, какие важные дела, по его мнению, действующий президент может совершить для Украины в оставшееся до окончания его второго срока время. Одно из них - «тихой сапой» значительно ослабить неформальную власть следующего президента. Как же это сделать? Лишить его возможности распоряжаться «кормушкой», какой является ДУС. Причем радикально - путем упразднения всей этой структуры. «Следующий президент, естественно, попытается ее восстановить, - говорилось в документе, - но в прежнем размере - вряд ли ему удастся, поскольку и парламент, и правительство, и особенно общественность будут более бдительны, чем до сих пор». Автор напоминал мне, что и в России об этом тоже думают очень серьезно. «Московская политическая мысль сформулировала четко: реального разделения властей невозможно добиться без упразднения того гигантского хозяйства, которое занимается социально-бытовым обслуживанием бюрократии. Без этого вторым, если не первым лицом в стране вечно будет какой-нибудь Пал Палыч Бородин».

Автор предлагал мне на выбор два варианта проведения этой великой, по его словам, реформы. Вариант первый - практически негласный. Ликвидировать ДУС в сугубо рабочем порядке, без оповещения широкой общественности. Была ДУСя - и не стало ДУСи. Вариант второй - гласный, с использованием пропаганды. То есть не только ликвидировать ДУС, но и нажить на этом максимальный политический капитал. Делать это под следующим соусом: раз мы решили, что у нас будет парламентско-президентская республика, то давайте не терять времени, а уже сейчас урежем материальную часть президентства как института. Давайте уже сейчас приступим к демонтажу последней и в сущности самой мощной из опор, на которых держался советский строй! Упоминался Ельцин - как еще в советское время он шел к власти под знаменем борьбы с привилегиями, а потом жизнь заставила его внести коррективы в свои мечты, планы и обещания народу. Проводилась такая мысль: сохраняя и даже расширяя привилегии бюрократического аппарата, он, мол, тем самым откупался от сил коммунистического реванша. Подразумевалось, что я делал то же самое. С одной стороны, материально заинтересовывал бюрократию в добросовестной работе, а с другой - пользовался ДУСей как одним из рычагов своей реальной власти над аппаратом, чтобы он путем саботажа и провокаций не разнес страну.

Мне предлагалось сказать все это открытым текстом, привести все соответствующие цифровые данные и заявить, что ставится, наконец, жирная точка в существовании системы теневых привилегий в стране. Автор проекта пытался поощрить меня перспективой неувядаемой славы, если я исполню его предначертания. Называл это подвигом. «Такая реформа, - писал он, - без сомнения, войдет в мировую историю». У меня же в этом были большие сомнения. Во времена советской власти, тогда - да. Ликвидация привилегий для правящего слоя и передача соответствую-

щей материально-производственной и организационной базы в общественное пользование имела бы революционное значение, могла бы привести к демонтажу общественно-политического строя. В условиях же постсоветской Украины ДУСя уже без всяких реформаторских усилий со стороны власти утратила свое прежнее значение.

Политолог, предлагавший мне «великую реформу», пользовался устаревшими фактами и понятиями. Он мыслил, так сказать, по старинке. То же надо сказать и об украинских СМИ первых недель президентства Ющенко. Все они исходили из ложной информации и ошибочных посылок. Они не заметили, что за годы независимости волнующая их проблема сместилась и кардинально трансформировалась. Созданная Лениным система теневого снабжения правящего слоя могла иметь практически решающее значение в условиях нерыночного хозяйства. Спецмагазины, спецпайки, спецкурорты, спецмастерские (пошивочные!), даже знаменитая среди книжников специальная книжная экспедиция, продажа машин вне очереди - все это практически не имело альтернативы. С переходом же к рыночным отношениям, к предпринимательству на основе частной собственности прежняя система привилегий практически уступила свое место «чистому блату». Сразу началось «сотрудничество» между бизнесом и чиновничеством. Чиновник перестал крайне нуждаться в негласной государственной поддержке своего физического существования. Соответственно уменьшилось давление чиновничества на высшее руководство с целью «выбить» себе существенные привилегии.

Не обратили внимания на такую немаловажную подробность. Более-менее информированная часть населения связывает ДУСю прежде всего с «Феофанией». Так называют знаменитую поликлинику «для начальства» и приравненных к нему «привилегированных» групп (часть писателей, артистов, ученых). Но именно эту роль «Феофании» мы в постсоветское время резко снизили и, так сказать, размыли. Сделали это очень просто. От нее не открепили никого из тех лиц (вместе с их семьями!), которые были прикреплены к ней на момент распада СССР. Это сотни, если не тысячи людей, которые не имеют никакого отношения к новой «номенклатуре». Таким образом, о них невозможно сказать, что власть посредством «Феофании» держит их в повиновении. Сегодня там обслуживается намного больше лиц, чем при советской власти. Это бывшие работники советского управленческого аппарата, бывшие депутаты всех созывов - и кого там только нет. То есть пропуск в эту поликлинику - давно не пропуск во власть. Это обыкновенное лечебное учреждение со своеобразным статусом ведомственного.

Наконец, немаловажно и то, что в независимой Украине все-таки не было одного центра реальной власти. Больше всего власти было, конечно, у президента, но далеко не вся. Достаточно реальной власти было и у правительства, и у парламента. Это тоже объективно препятствовало образованию единой централизованной «кормушки». Каждая из ветвей власти стремилась иметь свою, независимую от остальных. И это можно считать естественным, если помнить, что ДУС, по своему происхождению, все-таки атрибут власти. Не случайно народные депутаты костьми ложились, чтобы отстоять в собственности Верховной Рады ту же «Нижнюю Ореанду», «Красную звезду» и другие санатории бывшего ЦК КПСС. После распада СССР и ликвидации КПСС эти объекты перешли к Верховной Раде - кто-то, как говорится, подсуетился. Так и закрепилось нелепое положение: украинский парламент - едва ли не единственный в мире парламент, занимающийся хозяйственной деятельностью по обеспечению быта депутатов и своего аппарата.

Так что я ни в коем случае не хочу сказать, что в независимой Украине ДУСя потеряла все свое значение «кормушки» для власть имущих. Я хочу сказать другое: она перестала быть краеугольным камнем системы. Если хотите, она уступила свою функцию классической коррупции. Возродился рынок, возродилось частное предпринимательство - возродилась и коррупция в ее обычном досоциалистическом виде. Относительные и даже абсолютные объемы прежней системы номенклатурного бытового обслуживания скукожились, в общем, до такой степени, что наличие ДУС в орбите Администрации Президента стало восприниматься нами, повторяю, как обуза.

Моя забота была не о том, как с помощью ДУС привязать к себе лично и к «режиму Кучмы» высшее чиновничество, а о том, как не дать пропасть добру, имуществу, которое было в этой системе. Мне удалось найти человека, который мог по-хозяйски отнестись к порученному ему участку и как-то приблизиться к этой задаче. Это был покойный Догаев. Он собрал раскиданное, распыленное, ставшее по существу бесхозным имущество в какое-то подобие государственной хозяйственной структуры. Было вложено сравнительно много средств. Иначе было невозможно. Иначе все просто окончательно развалилось бы. От санаториев остались бы одни стены, да и то не

везде. Как раз перед смертью Догаева мы с ним собирались, как я уже сказал, произвести последний аккорд, поставить логическую точку: приведенное в относительный порядок хозяйство выпустить из-под нашего крыла. Сделать раньше было нереально. Во всяком случае без больших потерь, без риска до основания разрушить это хозяйство. Правительство не смогло бы дать ему толк. Надо объяснять, почему? Потому что оно в Украине значило меньше, чем президент с его администрацией.

Теперь же мы могли не опасаться за сохранность этого добра и стали готовить передачу его правительству. Завершал «предпродажную» подготовку небезызвестный Игорь Бакай. Большая ирония судьбы, что в глазах победившей «оранжевой революции» он стал чуть ли не символом, олицетворением прежнего «режима» с его грехами. А в действительности был он всего-навсего хозяйственником, менеджером на весьма трудном участке, и главной его заботой было - как привести все в порядок. Не удивлюсь, если после всех разбирательств окажется, что он ничего не распродал и не разбазарил. Понятно, что не все были согласны с нашими намерениями и решениями. Основной аргумент: мол, под «государевым» присмотром вещь будет сохраннее.

И вот пошли первые дни и недели президентства Ющенко. СМИ набросились с «общественной ревизией» на «краеугольный камень старого режима». Что сказать в связи с этим? Я ни одного дня не руководствовался в своей деятельности демагогическими соображениями. Сегодня любой непредвзятый человек должен с этим согласиться, вспоминая ту же Юлию Тимошенко в роли премьер-министра. Работа главы правительства, по крайней мере в публичной части, была сведена к рекламной кампании. А как только появляются демагогические мотивы, сразу же под прицелом оказываются привилегии чиновников. Ну и состояния «олигархов». Иных крупных мишеней у политической рекламной кампании просто не может быть. И все это, заметьте, на словах. ДУСю никуда не дели, хотя обещали все продать, раздать, раздарить сиротам и бедным вдовам. Дачи в Конче и Залесье заняты не ими, а «оранжевой» номенклатурой. То же самое и в Крыму. Кричали, что продадут бездомным детишкам на молочишко все казенные дачи. Ну и что? Продали хоть одну? Ни одной. Сколько было праведного негодования вокруг незаконно строящегося в центре Киева высотного дома, хотя центральная власть не имела к нему никакого отношения! Теперь все тихо, дом достраивают «любі друзі». Для чего же было вылито столько грязи на предыдущую власть? Чтобы еще больше настроить против нее общественное мнение и тем самым отвлечь его внимание от нового «дерибана».

А Залесье, между прочим, - это почти 50 тысяч гектаров замечательного сплошного леса. Это «легкие» Киева. В конце «перестройки», когда стало больше свободы вообще и для всевозможных злоупотреблений - в частности, ловкие люди там уже начали строить себе «хижины». Набросились и на зверя, извели почти всего. И если бы мы не взяли это хозяйство под крыло ДУСи, оно могло бы к сегодняшним дням превратиться (за 15 лет-то!) в строительную площадку. Мы же восстановили поголовье обитателей леса, завезли зубров, поставили заслон топору.

7 августа

Давно стало общим местом утверждение, что Наталия Витренко с ее Прогрессивно-социалистической партией - это «проект Банковой», «проект Кучмы и его администрации». Многие уверены, что ее настоящая, но негласная цель - портить жизнь коммунистам, отбирать у них голоса избирателей и тем самым лить воду на мельницу «партии власти», хотя для отвода глаз критиковать и ее. Заодно, по возможности, вредить и социалистам… Эта версия возникла по аналогии с российским Жириновским и его Либерально-демократической партией. Давно сложилось мнение, что это - проект КГБ горбачевского времени. Имелось также в виду фактическое сотрудничество Жириновского с властью, хотя публично он ее критиковал (при Ельцине, потом прекратил и это).

Не знаю, как обстояло и обстоит дело с Жириновским. А с Витренко - совсем не так, как пишут уже не один год. Забывают, что она появилась на политической арене Украины еще до того, как я стал президентом. Я еще и не думал о президентстве, а она уже, так сказать, блистала. И с удовольствием «портила жизнь» всем, кому хотела. Она была в Социалистической партии Украины, в ее высшем руководстве. Потом она разругалась с Морозом, обвинив его в том, что он заигрывает с властью. Не смогла она найти общего языка и с коммунистами. Так Наталия Витренко отправилась в самостоятельное плавание. Мне кажется, она могла бы добиться большего в сопер-

ничестве и с коммунистами, и с социалистами, и с другими левыми, если бы выглядела чуть-чуть спокойнее, солиднее, добрее. Но, видимо, ей это не дано. Слишком распаляется, не вполне контролирует себя. Поэтому у многих своих потенциальных сторонников вызывает подозрение. У них нет уверенности, что она думает о них и о «прогрессивном социализме» больше, чем о себе. Тем не менее если бы меня спросили, нужна ли она в парламенте, я ответил бы: да, пусть будет. На то и щука в водоеме, чтобы карась не дремал.

Почему люди голосуют за Витренко, за Мороза, за Симоненко и за других больших поборников «социальной справедливости», - понятно. Этот вопрос не обсуждается. Но не обсуждается и другой вопрос: почему за них не голосуют остальные избиратели, большинство? Для меня это более важный вопрос. Мне кажется, здесь работает здравый смысл наших людей. Они понимают или чувствуют, что под знаменем «социальной справедливости» такого рода страна далеко не продвинется. «Социальная справедливость» Мороза, Симоненко, Витренко - это прежде всего уравниловка, это не производство, а распределение. А распределить, как говорится, и дурак сумеет - дело нехитрое. Вы попробуйте произвести!

Я много раз приводил сравнение, за которое на меня обижались, пусть простят и сейчас. В советское время многие были похожи на обитателей зоопарка. Жили за высоким забором, под сильной охраной, была крыша над головой, давали что-то поесть, одеть-обуть. И вот зоопарк был ликвидирован. Охрану сняли, забор снесли - живите, граждане, свободно. Мы, естественно, согласились с этим, даже обрадовались, но… продолжали ждать кормежки. Наступило утро - никого из персонала, приносившего нам пищу, нет. Ждем до обеда - нет и в обед. Начинаем удивляться, раздражаться, а к вечеру, когда служители так и не появились, нашему возмущению уже нет предела. Что же после этого, на следующий день? А на следующий день одни, пользуясь свободой, пошли искать себе пропитание и вообще устраиваться в новых условиях, забыв о «хорошей» жизни в зоопарке, другие остались неизвестно чего ждать, страдать, кипеть или вяло слоняться с угла в угол без всякой цели и мысли.

Сильные, выносливые, сообразительные (среди них, конечно, и беспардонные) стали зажиточными, состоятельными, отдельные - по-настоящему богатыми. А тот, кто вовремя не сориентировался или оказался слабым, или продолжал бездумно надеяться на государство, потерпел неудачу.

Социализм не предполагает конкуренции. Более того, он ее отвергает и осуждает как бесчеловечность, как грубейшее нарушение лозунга: «человек человеку - друг, товарищ и брат». Поэтому социализм уже в своем идейном зародыше, в главной установке заведомо неконкурентоспособен с капитализмом, где действует железный закон конкуренции: или ты победишь, или тебя победят. При современном демократическом капитализме в развитых странах побежденные не погибают, а нормально живут. Вообще чувствуют себя очень неплохо, о них заботится государство. Но конкуренции никто не отменял. Она свое дело делает. Никто не отменял законов конкуренции и для таких стран, как Украина. Если мы вернемся к уравниловке или, как выражаются все левые от Витренко до Мороза, добьемся торжества «великого принципа социальной справедливости», у нас, конечно, не будет богатых. Но не будет и реального социально-экономического прогресса.

Отдаю себе отчет в том, что после этих строк на меня последуют «наезды». Нет, я далек от мысли, что государство должно самоустраниться от активной социальной политики. Но главной его заботой должно быть обеспечение людям равных возможностей на старте. На старте, а не на финише! К финишу каждый приходит с тем, что дано ему природой, воспитанием, образованием и, конечно, везением. Выравнивание конечных результатов индивидуальных или групповых усилий - это грубейшее, аморальное и контрпродуктивное извращение принципа социальной справедливости. Соревновательность, конкуренция - это, в моем понимании, неотъемлемое слагаемое свободы. Ограничения в социальной и экономической сферах - прямое ограничение свободы развития личности. Объектом социальной заботы государства должны быть только так называемые незащищенные слои населения.

Многие говорят о слишком большой дифференциации доходов в Украине. У нас она действительно в несколько раз выше, чем на Западе. Я много думал над этим, разговаривал со специалистами. Украинский разрыв между доходами самых богатых и самых бедных не представляет собой исключения. Более того, в этом драматичном разрыве проявляется определенная объективная закономерность. Он сокращается по мере экономического роста. Чем богаче общество, тем ниже в нем социальная дифференциация, меньше лиц, которые нуждаются в государственной опе-

ке. Это еще одно подтверждение моего принципа: на первом месте должна быть экономика, и только на основе ее успехов - развитие «социалки». Мне известны обратные примеры. Многие страны пытались в первую очередь и напрямую решать проблему бедности, концентрируя на этом направлении все возможные ресурсы. Казалось бы, этому можно только аплодировать. И поначалу аплодисментов хватало… Но нет, оказывается, что это очень опасная политика. Проблему бедности можно с успехом решать только стимулированием среднего класса: растет его удельный вес в обществе - развивается экономика - снижается уровень бедности.

С этой точки зрения меня очень беспокоит все, что стали делать «оранжевые», получив власть. Вся эта социальная демагогия, подкрепляемая увеличением соответствующих расходов… При таком размахе «заботы о человеке» что вы будете распределять завтра? Пользуясь известным кредитом доверия, надо было проводить противоположную политику - политику развития. Для этого нельзя было резко (подчеркиваю: резко) увеличивать расходы на социальные нужды. Нам необходим режим максимальной экономии. Нужен рост накоплений, нужно обновлять производственный аппарат. Конечно, делать это не с бухты-барахты, а после тщательного исследования, расчетов, прикидок. Главное - чтобы в преимуществах либерального курса убедилось большинство депутатского корпуса. Я знаю, как это трудно, потому и хотел, чтобы новое руководство страны, пока было время, смело воспользовалось кредитом доверия.

Заигрывая с народом, в свое время стали платить пособия по безработице сельским жителям. Сельское хозяйство - дело до сих пор во многом сезонное. Горячий сезон отработал, потом числится безработным. Как - безработным? Почему - безработным? У тебя же есть хозяйство, земля, скот. А сколько земли у нас вообще не обрабатывается! Если ты не лодырь, то и с пособием не будешь бездельничать. Сельский житель по определению не может быть безработным! Но сколько я ни пытался «пролоббировать» отмену этого пособия, ничего у меня не получилось. Коммунисты, социалисты, все «друзья народа» стояли, как скала. Потому что им нужны голоса избирателей, а не победа здравого смысла в социально-экономической политике.

Посмотрели бы на Запад. В той же Германии социальное законодательство долго было таким, что стало реально угрожать конкурентоспособности страны. Человек мог болеть шесть месяцев без одного дня, и ему платили зарплату! Повсюду были персонажи, которые ровно 5 месяцев и 29 дней не выходили на работу. При этом за ними сохранялась полная зарплата. Наконец, набрались смелости: упразднили часть таких правил, что-то сократили, упорядочили. И что же? Заболеваемость мгновенно упала в три раза! Ввели плату за визит к врачу. Основные расходы на лечение по-прежнему покрываются медицинской страховкой, а 10 евро за каждый визит к врачу человек теперь должен выложить из своего кармана. Ясно и понятно: благодаря этой простой и остроумной мере перестали бегать к врачам по всякому пустяку и надуманному поводу. Десять евро, казалось бы, не деньги, но бережливая натура немца свое берет. Правда, за такие вещи канцлеру Шредеру пришлось по итогам очередных парламентских выборов поплатиться своим постом, но Германия выиграла. Мне скажут: нашел на кого ссылаться - сравни зарплаты. Да, для Украины был и остается проблемой не дефицит рабочей силы, а низкая заработная плата. Более двух миллионов вакансий с зарплатой около 500 гривен…

11 августа

Скажу прямо: в первые пять лет моего президентства аппарат был в целом чище, здоровее. Проходимцы попадались и тогда, но большинство «вболівали за Вітчизну» и добросовестно работали на нее. А потом, когда поняли, что с этого государства, с Вітчизни, можно кое-что взять для дома, для семьи и для себя любимого, многие стали быстро меняться. Появились крупные специалисты, знающие, как много и быстро украсть у государства, причем не нарушая законов. Взять те же законы о совместных предприятиях. Ими можно вертеть в любую сторону. Огромное количество их появилось в чернобыльских зонах. Они пользовались налоговыми льготами. Стали ввозить из-за границы товары без пошлины, здесь - продавать без налогов, зарабатывать колоссальные деньги. И ты хоть иди в парламент, хоть головой об стенку бейся, - ничего не сделаешь. Я публично обращался по этому вопросу к Верховному Суду - без толку. Люди познали вкус больших нетрудовых денег. Появились крупные состояния - начался разброд и разврат. Гниль завелась везде - в чиновничьем аппарате, в правительстве, в парламенте, в Администрации Президента. А когда она уже завелась, вычистить ее очень трудно. Все ведь делалось в согласии с нашим родным зако-

нодательством. И сегодня сколько их, налоговых дыр в законах! Иди в парламент, попробуй их отменить - скорее протиснешься сквозь игольное ушко.

Нельзя сказать, что я закрывал глаза на происходящее. Я пытался как-то противостоять разложению, пресекать злоупотребления, иначе все развалилось бы до основания. Но и быть Дон Кихотом, все время воевать с ветряными мельницами - этого я тоже не мог себе позволить. Всегда буду помнить минуты и часы, когда особенно остро чувствовал свое бессилие, когда тебя берет злость и ярость, и ты делаешь необдуманные шаги… Вот что значит отсутствие гражданского общества, сильных политических партий, взаимной ответственности парламента и правительства. Очень надеюсь, что конституционная реформа подтолкнет эти процессы.

12 августа

Все годы у меня были прекрасные отношения с Альгирдасом Бразаускасом. Думаю, каждая страна могла бы гордиться таким лидером. Будучи коммунистическим вождем одной из советских республик, он привел свою страну к независимости, стоял у истоков формирования ее нынешней политики. Бразаускас был первым секретарем ЦК Компартии Литвы. Под его руководством КПЛ поддержала движение страны к независимости и трансформировалась в партию социал-демократического типа - Демократическую партию труда. В 1993 году был избран президентом Литовской Республики. В 1997-м отказался баллотироваться на второй срок, но в 2001-м стал премьер-министром и проработал в этой должности 5 лет!

Для Украины Литва важна особенно. Наравне с Польшей она представляет украинские интересы в Европейском Союзе и НАТО. Эта политика далеко не всегда совпадает с желаниями Москвы, но часто входит в противоречие и с курсом Еврокомиссии, и столиц некоторых крупных европейских держав. За это Вильнюс не раз критиковали. Но недаром Бразаускаса в политических кругах Литвы называют «дедом», подчеркивая таким образом не только его политическое долголетие, но и мудрость, умение поддерживать отношения даже с непримиримыми оппонентами.

Мы с ним из одной альма-матер - из Советского Союза, из номенклатуры, я - из хозяйственной, он - из партийной, разные весовые категории, но номенклатура есть номенклатура, командный состав страны. Экономическая система была порочна, она не могла дать больше того, что давала. Из планового хозяйства, в котором все ничье, много не выжмешь. Но я уверен, что выжали мы все, что можно было, до предела.

Командный состав Союза был настоящей элитой, хоть и считалось в некоторых кругах, что туда отбираются худшие. Это, конечно, было не так. Отбирались в основном по деловым качествам. По-другому просто не могло быть. Иначе такая заведомо порочная, неэффективная система не продержалась бы так долго, не достигла бы таких высоких результатов во многих отраслях экономики. Об отборе по худшим качествам говорят те, кто не владеет информацией, кто не знал и не хочет знать, как было на самом деле. Бразаускас был из настоящей литовской элиты - лучшим в ней, самым сильным. Не случайно он играл заметную роль и на союзной арене, был политическим деятелем союзного масштаба. Москва с Литвой считалась не формально. Я о нем самого высокого мнения. Колоссальный опыт этого человека чувствовался с первых слов. В советские годы он не был конъюнктурщиком, флюгером. Он не только чувствовал ветер перемен, но и сам потихоньку поднимал этот ветер.

Бразаускас осознавал свою литовскую кровь. Литовская кровь не была в нем нейтральной жидкостью. И гордость за свой народ у него была, это чувствовалось. Он мне рассказывал, как они, все литовцы, и рядовые, и номенклатура, настраивались на независимость, на отделение от Советского Союза, как готовились все терпеть и все вытерпеть, все лишения, муки, если придется. Он лично был готов - и понимал свою ответственность как первого лица в республике. Лезть на рожон было не его дело. Лезть на рожон готовились другие - между прочим, не без его ведома и согласия. Роли были распределены - причем без заседаний, собраний и съездов, а всем укладом жизни народа, его психологией.

У Бразаускаса, как у всех литовцев, было особое отношение к Украине. Вообще балтийцы к Украине всегда относились хорошо, а в последние советские годы - просто прекрасно. И латыш Ульманис, и эстонец Мери всеми фибрами души ненавидели коммунизм, а с ним и российское великодержавие. Великодержавие и коммунизм - это для них была гидра с двумя головами. Лучше,

чем некоторые из самих украинцев, они видели то тяжелое положение, в котором находилась Украина в первые годы независимости. Они понимали, что Украине приходится труднее, чем им, прибалтам, - намного труднее. Особенно в экономике. Ведь более 80 процентов нашей продукции перераспределялось по межреспубликанским поставкам. Плюс торговля со странами соцлагеря. После 1991 года эти связи разорвались. Проблемы украинской экономики коренятся в этом.

Особое отношение прибалтов к Украине я чувствовал и на себе. Эстонский президент Леннарт Мери прекрасно, изнутри, знал Россию, но смотрел на нее с западной точки зрения, и мне всегда было исключительно интересно следить за ходом его мысли, тем более что это были мысли писателя. Он покинул Эстонию в раннем возрасте, вместе с родителями переезжал из страны в страну, учился в девяти школах на четырех языках, владел финским, французским, немецким, английским и русским. В 1941 году семья Мери была выслана в Сибирь. После возвращения в Эстонию Леннарт закончил Тартуский университет, стал заниматься литературным трудом. На президентском посту в независимой Эстонии он пробыл два срока.

В меру своих возможностей лидеры Прибалтики пытались поддержать нас, прежде всего на политическом уровне. Что касается экономики, то между Украиной и балтийскими странами была практически зона свободной торговли. Для них это представляло серьезный интерес. К сожалению, с вступлением прибалтийских стран в ЕС эти связи разорвались.

Валдас Адамкус, президент Литовской Республики с 1998 по 2003 гг. и с 2004 г. по настоящее время - наверное, потому что вырос в Америке - относился к русской великодержавной болезни, конечно, тоже критически, но не так лично, как те прибалтийские политики, которые застали советское время и были вынуждены как-то находить свое место в той жизни. В советское время у него сложились тесные контакты с Советским Союзом, овладел русским языком. Ему удавалось смотреть на все процессы еще более отстраненно и спокойно, чем смотрел Мери. Кстати, в советское время бывал Адамкус и в Украине, в Харькове. Он прекрасно понимал, что Россия - сосед, а с соседом лучше жить в мире. В первые годы своей независимости литовцы и выжили благодаря российским товарам - не столько на их транзите, сколько на перепродаже. Тем же занимались и Латвия с Эстонией. Прибалтика была самым крупным экспортером на Запад. Внутренние российские цены тогда были намного ниже мировых, и это давало возможность прибалтам не только держаться на плаву, но и накапливать капиталы. Они молодцы в этом плане. Использовать ситуацию в интересах своей страны, а не говорить о высоких материях, о том, хорошо ли заниматься реэкспортом или не очень хорошо. Если казна пополняется, то однозначно хорошо!

14 августа

К чему я так и не привык за десять лет своего президентства, так это к неискренности оппозиции. От ее обвинений по адресу «режима Кучмы» и самого Кучмы фальшью несло за версту. Не знаю, кто в Украине верил этим людям, когда они, например, рассказывали, как дорожат жизнями украинцев, которых Кучма в своих-де в собственных интересах посылает в Ирак.

В 2003 году я ездил в Персидский залив - посетил Кувейт, Бахрейн, Саудовскую Аравию, ОАЭ. В Кувейте уже находился наш батальон химической и ядерной защиты. Американцы, как все помнят, настойчиво советовали соседям Саддама Хусейна опасаться иракского химического и ядерного оружия. Какова была главная цель поездки? Это огромнейший рынок, кладезь капиталов. Учитывая ситуацию, которая сложилась в мире после нападения террористов на США, можно было рассчитывать на самые интересные проекты. Эти страны изъявляли готовность инвестировать в нашу экономику. Прежде всего их интересовал Крым - как место, куда можно ездить отдыхать и куда можно вкладывать деньги для развития курортной базы. Их также очень интересовало наше сельское хозяйство - пшеница. Выбрать регион и выращивать там хлеб. Это их привлекало. Надеялся, что мы найдем взаимопонимание, и будет положено начало большим делам.

Кроме того, мне важно было откровенно поговорить об Ираке. Войны там еще не было, но я понимал, что она обязательно будет и что Украина не останется в стороне. Воевать - Боже упаси, но как минимум батальон химической защиты и миротворческое или полицейское подразделение послать придется. Вот я и хотел поговорить об этом с руководителями эмиратов - как они отнесутся к такому участию Украины в грядущих событиях. Я встретил полное понимание и одобрение. Они однозначно осуждали режим Хусейна, и так же однозначно были против военного вмешательства США. А предстоящее участие Украины приветствовали. Говорил с ними на эту тему пре-

дельно откровенно. Отвечали мне тем же. Никто из них не верил, что Хусейн производит или собирается производить ядерное оружие, никто не сомневался, что решение свергнуть его военным путем будет ошибкой. Несколько сдержаннее по всем этим вопросам высказывались в Кувейте, пережившем нападение Ирака.

На меня произвело большое впечатление то, как бурно развиваются ОАЭ. Получая огромные доходы от продажи нефти, они научились их не проедать, а вкладывать в развитие экономики. Сначала они были просто странами, откуда вывозят сырую нефть. Сегодня все больше нефти перерабатывается на месте. В планах - несколько режимов переработки. Так поступают и наши друзья в Центральной Азии. Туркменбаши уже построил множество заводов, которые используют газ. То же самое делают Узбекистан и Казахстан. Я думаю, руководители этих стран учитывают советские уроки. На продаже сырья благосостояние основать невозможно. Упадут цены (а это может случиться в любой момент) - и все рухнет. Надо держать курс на высокие технологии. Другого не дано.

Встречали нашу делегацию на Аравийском полуострове очень хорошо. Сказать, что по-восточному, - мало. Я, естественно, понимал, что дело не во мне, а в потенциале Украины. В том числе - потенциале высоких технологий. На официальном обеде в Саудовской Аравии за столом сидела моя пресс-секретарь. Мне сказали, что это - исключение из протокола, поскольку традиция не допускает застолий с участием женщин.

По возвращении домой я не делал большой тайны из своих переговоров. Но это не помешало моим противникам наговорить кучу глупостей и гадостей, когда дошло до конкретного обсуждения посылки наших военнослужащих в уже оккупированный американцами Ирак. Я, мол, задабриваю американцев, чтобы они умерили свои нападки на меня в связи с «кассетным скандалом». И так далее, и тому подобное… Ющенко, Тимошенко, Мороз, Симоненко - все сразу включили в свои предвыборные программы обещание вывести «наших ребят» из-под пуль на чужой земле. В глаза бросался подражательский характер этой риторики и этих обещаний. В других странах шумят противники отправки военных в Ирак - будем шуметь и мы…

Решение об отправке наших военных в Ирак принималось на Совете национальной безопасности и обороны. Я был с самого начала однозначно «за» и не скрываю этого. Если думать о завтрашнем дне, другой позиции быть не может. В Ираке наши стратегические интересы. Мы можем извлекать там огромную экономическую выгоду. Не получим выгодных заказов сегодня - получим завтра. Не получим завтра - получим послезавтра.

Есть в этом еще один аспект, о котором почему-то не говорят. Я имею в виду сугубо психологические вопросы, связанные с формированием чувства самоуважения, психологической стойкости украинской нации, нашей уверенности в себе, укрепления «иммунной системы» общества. Я с огромнейшим уважением отношусь к «афганцам». Возможно, в этом нет прямой аналогии. Но их влияние на формирование соответствующих качеств нашего народа трудно переоценить.

Потери? Я бы понял политиков, которые об этом говорят, если бы они хоть что-то делали для уменьшения потерь внутри страны. В Украине каждый год гибнут десятки тысяч человек. Только в дорожно-транспортных происшествиях - шесть-семь тысяч. От водки - десять с лишним тысяч. В маленькой нашей армии тоже погибает немало. Тренировка и закалка в Ираке и в других «горячих точках» - это для нее способ сокращения потерь в будущем. В сухом остатке реального боевого опыта - умение сводить до минимума как раз потери. Нельзя все время ограничиваться полигонными играми: пух-пах. Здесь нечего особенно объяснять, нечего доказывать. Боевой опыт, о котором идет речь, - это миротворческий опыт в «горячей точке», но ни в коем случае не участие в прямых боевых действиях, чего настойчиво добивались от нас американцы. Мы ответили категорическим «нет».

Российское руководство было против того, чтобы мы туда шли. Правда, говорилось об этом довольно мягко. Я отвечал прямо и коротко: нам идти в Ирак выгодно. Чем руководствовался Кремль? Там возобладала точка зрения, что в этот момент России выгодно объединиться с Германией и Францией в критическом отношении к американской политике в Ираке. Россия есть Россия, она может позволить себе практически любые эксперименты. Я это понимал. Но нам-то что могло дать присоединение к этой честной компании? Ничего, кроме колоссального минуса. Ссоры и споры немцев, французов с американцами - это их внутрисемейные дела. Лучше делать вид, что всего этого не понимаешь. Тем более что до враждебности в отношениях друг с другом они никогда не дойдут. Они врагами никогда не будут. А из нас сделать изгоев очень легко и просто, если

мы дадим повод. Думаю, так рассуждали и румыны, и болгары, и словаки, и поляки, и прибалты - все, кто направил воинские части в Ирак. Думаю, история скажет, что я принял абсолютно правильное решение. Конечно, мне было неприятно слушать, что я таким образом хотел задобрить американцев в связи с их же «уткой» о продаже Украиной «Кольчуг» Ираку. На редкость мелкотравчатый тезис, если он, конечно, не наигран, тем более что окончательное решение было за парламентом, и он мог, при желании, меня поправить, не позволить мне «задабривать» американцев в ущерб Украине. Но большинство народных депутатов, в том числе - половина из фракции Виктора Ющенко голосовали отправку украинских миротворцев в Ирак. И правильно сделали.

Не могу поверить, что мои оппоненты не понимали всей политической важности, всех выгод нашего участия в Ираке! Всех их знаю в обыденном рабочем общении. В целом это люди достаточно рациональные, а некоторые из них - исключительно рациональные. А выходит на публику - и несет бесстыдно глупость и гадость в расчете на неосведомленных, темных, эмоциональных, несамостоятельно мыслящих людей. Виктор Ющенко в своей предвыборной программе, в митинговых речах торжественно обещал вывести наши войска из Ирака, как будто «злочинна влада» собиралась держать их там вечно…

20 августа

В самом начале своего правления Виктор Ющенко высказался в таком плане, что он очень доволен тем, что украинско-российские отношения принимают официальный, строго договорной характер, в отличие от практики предыдущих лет, когда многие важные вопросы решались на личных контактах первых руководителей, и нигде не фиксировались взаимные обязательства. Эту мысль сразу стали развивать многие «оранжевые» политики и комментаторы. Было видно невооруженным глазом, что' хотели сказать. Да главное и не скрывалось. Хотели убедить общество в том, что «при Кучме» отношения между Украиной и Россией не были равноправными, - Кучма, мол, постоянно «сдавал» Украину Кремлю, для чего ему и его кремлевским партнерам и нужна была неофициальная обстановка бесчисленных встреч.

Я следил за этой болтовней с большим сожалением, потому что не сомневался, что от перехода на сугубо официальный уровень российско-украинских отношений Украина только проиграет. Это выглядело в конце концов несовременно.

В чем достоинство встреч «без галстуков»? Вы и ваш собеседник имеете возможность лучше услышать и понять друг друга. Встречи «при галстуках», то есть официальные, иногда не только не помогают, а мешают настоящему взаимопониманию. Во время официальной встречи ты сидишь окруженный своими сотрудниками и должностными лицами. Они тебя сзади постоянно дергают и подсказывают, подсказывают, подсказывают, что и как ты должен говорить. В таком же положении и твой визави. В результате ты не знаешь его позиции, а он - твоей. За вас пытаются - и не совсем безуспешно - говорить другие.

Так что изобретение «безгалстучного» формата межгосударственных отношений явилось реакцией на недостаточную эффективность традицонных процедур. Я хорошо усвоил тот урок, который мне преподал канцлер Коль во время первой моей с ним встречи в Киеве. Он сказал, что постоянные неофициальные встречи один на один с Миттераном помогли им развязать целый клубок проблем, накопившихся за много лет между Германией и Францией, и довести их до нынешнего уровня доверительности. Мир усложнился. Появились вызовы и обстоятельства, с которыми государственные руководители прежних поколений не сталкивались. Назову главное обстоятельство: снизилась роль войны как средства разрешения конфликтов. Войны, к сожалению, и сейчас, как сто и двести лет назад, идут непрерывно, но кто-нибудь подсчитал, сколько войн и военных стычек предотвращается? В том числе - благодаря неформальным контактам и личным отношениям высшего государственного руководства.

Знаменитая поездка Коля в Карачаево-Черкессию на правительственную дачу близ Архыза для неформальной встречи с Горбачевым дала больше, чем годы официальных контактов между руководством СССР и ФРГ. Именно после этого произошло мирное, спокойное, более того - торжественное объединение Германии. Все более насыщенной становится экономическая жизнь. Запад учит нас разделению власти и бизнеса. Мы обеими руками «за», и делаем для этого все, что удается. Но я-то знаю, что тот же Буш, Блэр и кого из западных лидеров ни возьми, экономическими вопросами занимаются не намного меньше, чем вынужден был заниматься я. В силу этого

рамки официальных встреч тоже становятся тесными или неуместными.

Неофициальные встречи на высшем уровне дают важнейшие, бесценные сигналы бизнесу обеих стран. Деловые круги видят, что между лидерами есть доверие. Я это очень хорошо знаю. Как только мы, бывало, встретимся с Путиным где-то в неофициальной и особо дружеской обстановке, так сразу у бизнеса обеих стран поднимается настроение, наблюдается повышение деловой активности, прибавляется смелости. У бизнеса ведь уши всегда на макушке. И чем крупнее бизнес, тем больше уши. Они ловят малейшие сигналы, будь то негативные или позитивные. И мгновенно делают практические выводы: ага, Путин с Кучмой хорошо и долго посидели где-то там наедине, размялись прогулкой по лесу, завалили кабана (неважно, что ни одного кабана мы с ним не завалили) - значит, можно заключать такие-то сделки, проблем со стороны Кремля и Банковой не будет, а с проблемами более низкого уровня как-нибудь справимся. Вот почему мне очень хотелось, скажу опять, чтобы у президента России была государственная дача в Крыму. И чтобы над нею поднимался российский триколор в дни пребывания там хозяина. Бизнес видел бы: полощется флаг - значит, все в порядке.

21 августа

Мы, в общем, никогда не были государством. Вот в чем беда, вот чем многое объясняется в нашей жизни. Или лучше, наверное, говорить, что это не беда, а специфика. 350 лет истории называть бедой как-то странно. Специфика, но сказывается она, конечно, болезненно. Не у всех есть гордость, что я вот украинец и живу в Украине. Меня это больше всего беспокоит. Хотя положение меняется. И все же… Мы пока еще не стали полноценной нацией. Государственность без нации - всегда проблемная государственность. Это показывает мировой опыт. Мы никогда раньше не работали всецело на самих себя. Мы служили. Мы служили всем - то кому-то на востоке, то на западе, то на юге. Это осталось в крови, в менталитете. Какие крупные личности были в нашей истории - и все они боролись друг с другом, предавали друг друга! Каждый решал проблему своего выживания. То же и сейчас. Больше всего меня огорчает, когда вижу политиков, которые не понимают, что творят, не думают о последствиях.

Уезжает молодежь. Хорошо хотя бы то, что часть заработанных денег отправляют на родину. В Западной Украине строится много домов на деньги таких отходников. Правда, это общее явление в Восточной Европе. Из Польши, например, массово едут на Запад. Ну что ж, многие страны проходили через это. Та же Италия. Была бедная страна, народ разбредался, выполнял самые черные работы где придется, терпел унижения. Португалия… Из нее бежали во Францию. Я разговаривал со многими португальцами. «Мы сами только-только начали становиться на ноги. Наверное, поэтому мы единственные в Европе подписали с вами договор об условиях пребывания у нас ваших рабочих. Предусмотрели даже определенные социальные гарантии. Мы через это проходили, понимаем ваши беды, знаем, что это временно».

В последние годы в Украину начали возвращаться евреи. Я с удовлетворением отмечал это явление, боялся сглазить. Несколько дней провел в Тель-Авиве, слышал приятные для меня истории о тех людях, которые уже уехали в Украину, купили квартиры, стали заниматься бизнесом. В прошлом году этот процесс остановился. Ждут, чем закончатся политические пертурбации.

Отдельная статья - украинцы диаспоры. После того, как Украина стала независимой, к нам стали приезжать многие из них. Я всегда с уважением относился и отношусь теперь к этим людям, к их национальным чувствам. Не от сладкой жизни их деды и прадеды оставили родную землю. Практически не было такого случая, чтобы, будучи за границей, я не встретился бы с живущими там соплеменниками. Помню свой первый государственный визит осенью 1994 года в Канаду. В течение пяти дней я побывал в нескольких провинциях страны, и в каждой из них были многочасовые встречи с канадскими украинцами. И так было везде: в США, Аргентине, Англии… И делал я это не только по долгу президента. Я учитывал психологию этих людей. Я понимал, что им прежде всего нужны такие встречи. Им важно раз за разом убеждаться, что она уже существует, независимая Украина. И все же в массе своей они не понимали, что реально происходит в Украине, что это вообще такое - независимая Украина.

Они рассуждали так: Украина такая богатая, что как только она уйдет от Москвы, то станет благоденствовать, и мы поедем туда. Ведь за границей украинцы, по сравнению с местными, живут в целом хуже. Это бросается в глаза в США, в Канаде. Максимум, которого достигает там ук-

раинец, - это, за редкими исключениями (такими, как бывший генерал-губернатор Канады Рамон Гнатишин), - уровень среднего класса. Не сравнить и с такими диаспорами, как еврейская, армянская и даже польская. В первый момент они кинулись сюда, проклиная Советский Союз и надеясь на украинский рай земной. В них много примитивной политизированности. До сих пор сводят счеты друг с другом, делятся на недружественные и просто враждебные партии: бандеровцы, мельниковцы, оуновцы. В то же время многие из них считают, что только они являются истинными украинцами, что они много страдали, много сделали для обретения Украиной независимости, а мы, жившие здесь при советской власти, особенно те, кто занимал видное положение, только вредили ей. Это странное, отчасти комичное укоризненное, пренебрежительное отношение к нам бросается в глаза, когда представители диаспоры съезжаются в Киев на очередной Всемирный конгресс украинцев.

Я понимал и то, что молодое Украинское государство должно активно помогать выходцам из Украины в других странах. Что могли, мы делали. Но мы, естественно, рассчитывали и на взаимность, на понимание происходящих в стране сложных процессов, трудностей строительства новой жизни, нового государства. Но здесь-то и возникали проблемы. Одни стали приезжать, чтобы учить нас демократии, другие надеялись, наверное, быстро разбогатеть. Не знаю, какую категорию считать лучшей. Правильнее было бы, если бы они лоббировали интересы Украины в странах своего постоянного проживания, в том же американском конгрессе. Но как раз этим они не занимались. К Украине у многих из них было, с одной стороны, настороженное, а с другой - потребительское отношение. Одни все боялись реставрации у нас коммунизма. Другие приезжали сюда «бороться за демократию», обличать новую власть, требовать от нее всех мыслимых и немыслимых демократических чудес. Эти люди не понимали, что новую украинскую власть надо не шпынять, а помогать ей. На некоторых из них, честно говоря, смешно было смотреть. А кого-то - и просто жалко.

В бизнесе чего-то достигли в основном те из вернувшихся в Украину, кто здесь родился, вырос, жил - кто был здесь не чужим, знал здешний менталитет, обычаи, все ходы и выходы. Среди них, конечно, украинские евреи. Это я говорю вовсе не в упрек тем представителям диаспоры, кто родился уже за границей и совсем не знал Украины. Не все из того, к чему они не могли здесь привыкнуть, приспособиться, можно считать предметом нашей гордости. Советский человек главную свою задачу видел в обмане государства. Словчить, украсть, дать взятку, разбавить водой бензин, найти придурка в захолустном городке и на его имя открыть полсотни фиктивных фирм. Этого не вытравишь никакими надзорами. В какой-то степени это вытравить может только сам бизнес в процессе конкуренции, сама предпринимательская среда. Ловчить будут всегда. Ловчат везде. Но должна быть черта, за которую не переходят, а если кто осмелится перейти, того обязательно отлавливают и помещают за решетку. Главная историческая задача Украины, собственно, в том и заключается, чтобы установилась эта черта.

Неприятно было следить за последним (Четвертым) Всемирным форумом украинцев. Вчера он закончился. Иногда просто невыносимо! Я даже несколько раз повторил: бедный Ющенко! Кажется, никогда ему так не сочувствовал. О политическом сочувствии помолчим, а личное, чисто, так сказать, человеческое испытывал не раз. Больше всего, конечно, тогда, когда у него случилось несчастье с отравлением, а теперь вот - в связи с этим форумом. Съехались со всего мира граждане разных стран, в основном американцы и канадцы, чтобы сделать выговор украинскому руководству и прежде всего президенту. Не верил своим ушам, не верил глазам. Хотя…почему не верил? Так ведь обращались и со мной. Но тогда вместе с ними, иностранцами украинского происхождения, в наступление на «преступный режим Кучмы» шла и украинская оппозиция, сильная и агрессивная, так что иностранцы принимали участие в украинской внутренней распре на стороне одной из сил. На сей же раз такой оппозиции у президента пока нет, если не считать коммунистов.с Неопределенное положение с украинской оппозицией взялись компенсировать гости Украины. Читаю заголовок в одной газете: «Как вы могли так профукать Майдан?» («Сегодня», 21 августа 2006). Оказывается, это вопрос, которым канадские украинцы донимали депутата-«нашеукраинку» Лилию Григорович. И та в ответ стала не только оправдываться, но и просить: «Подставьте нам плечо, не режьте этим залом тех, кого вы сегодня имеете в этой Украине - народного президента и демократические силы». А должна была бы, по-моему, сказать совсем другое. Послушайте, дорогие: кто вы такие? По какому праву вы целым хором, будучи к тому же гостями суверенной страны, отчитываете ее руководство?!

Ющенко пошел перед ними выступать уже после того, как они наговорили ему и о нем кучу самых недопустимых вещей. Как ни верти, получается, что на трибуну этого форума президент поднялся оправдываться, объясняться, на пальцах доказывать залу иностранных подданных, пусть и украинского происхождения, почему коалиция во главе с Януковичем была единственно правильным и законным выходом из трудного положения, в котором оказалась страна. Перед кем оправдываться? С какой стати? Что им можно объяснить, если до сих пор ничего не поняли? Все дни, что происходило это безобразие, там ждали появления Януковича. Явно готовились устроить ему обструкцию. Он не пришел - и правильно сделал. Хотите выносить Украине выговоры - приезжайте на ПМЖ (постоянное место жительства), принимайте украинское гражданство и критикуйте нас сколько хотите и как хотите, хотя тоже, конечно, в рамках закона. Нет желания к нам переселяться? Ну что ж, это ваш выбор - ну так тем более должны вести себя цивилизованно или, как у вас принято говорить, политкорректно.

И, конечно, все время напрашивается сравнение со съездами представителей российской диаспоры, в частности - с последним таким съездом, состоявшимся в Санкт-Петербурге. Хоть один из выступавших позволил себе сделать выговор российскому руководству, российской общественности или какой-либо из политических сил России? Сам этот вопрос выглядит нелепо.

24 августа

Сегодня - 15-летие независимого существования Украины. Что значит эта годовщина для меня?

Я родился и большую часть жизни прожил в стране, которая называлась Советским Союзом. Учился и работал в Днепропетровске Украинской Советской Социалистической Республики (УССР). Много времени проводил на космодроме Байконур в Казахской Советской Социалистической Республике (КССР). Постоянно бывал в Российской Советской Федеративной Социалистическй Республике (РСФСР).

Но все это: и УССР, и КССР, и РСФСР, и остальные 12 советских социалистических республик (ССР) для меня была одна страна: СССР. Сейчас Россия платит Казахстану за использование космодрома Байконур 100 или даже больше миллионов долларов в год. Казахстанские правоохранители и экологи предъявляют России претензии за ущерб, причиняемый окружающей среде неудачными, да и удачными, запусками ракет. Если бы мне это сказали году в 1985-м, я бы решил, что имею дело с антисоветской фантазией.

После распада Советского Союза многие люди стали говорить, что у них отняли страну. По-моему, первым так выразился российский писатель Владимир Солоухин, ныне покойный. Или он чаще других повторял это выражение, и у меня сложилось впечатление, что он его и придумал… Что касается меня, то ни тогда, ни позже я не употреблял слова «отняли». У меня было другое чувство и, соответственно, другое слово: потерял. Потерял свою страну.

Но эта потеря была тут же компенсирована. Одну страну я потерял - другую нашел. Чего не мог сказать о себе Владимир Солоухин и многие другие русские люди. Они живут с ощущением только потери. Я вообще не встречал русского человека, который бы сказал, что он потерял одну страну - СССР и нашел другую - РФ, Российскую Федерацию, Россию. А вот таких русских, которые считают, что они живут в стране, которая лишилась значительной части своих земель, - встречал. Думаю, их будут встречать и мои правнуки. По-другому в таких случаях не бывает.

Таким образом, минувшие 15 лет - это для меня чудо, которое длится и длится, и теперь уже никогда не прекратится. Был уроженцем Украинской ССР, одной из пятнадцати «равных», а стал гражданином, потом премьер-министром, а потом и президентом независимой страны Украины. Как не быть благодарным судьбе за такой поворот? Я занимался своими инженерными, директорскими делами на «Южмаше» и был уверен, что так будет до пенсии. А пришлось заниматься делами едва «вылупившегося» государства - самого большого и не самого простого в Европе. Человек ко всему привыкает, а иначе я, наверное, и сейчас ходил бы с безмерно удивленным видом.

Когда я жил в Советском Союзе, то не думал, что Украина так уж заметно отличается от России и Белоруссии. Я знал, что между Украиной и Прибалтикой, Закавказьем, Средней Азией разница весьма и весьма существенна. Но не между Украиной и ее двумя славянскими соседками. А вот перипетии последних президентских выборов у нас лишний раз очень наглядно показали, что Украина - действительно не Россия и тем более не Белоруссия. Это открытие совершалось

мною на протяжении всех пятнадцати лет. Название книги «Украина - не Россия» до сих пор каждый день цитируется в украинских, и не только украинских, СМИ. А последним событием в процессе этого открытия явилась «оранжевая революция». Что я имею в виду? То, что она мирно протекала, мирно завершилась, мирно перешла в послереволюционное отрезвление.

Не буду лукавить. Я считаю «оранжевый» опыт в целом негативным. Но должен отметить и одно положительное последствие. После «оранжевой революции» никто не скажет, что украинец - это «моя хата с краю». Активизировались гражданские институты. Страна повзрослела. Свидетельством этого стало разрешение серьезнейшего политического кризиса. Компромисс, достигнутый «оранжевыми» и «бело-синими», имеет реальные шансы оказаться долговременным и конструктивным. Может быть, он даже потянет на звание исторического.

В правительство вернулись люди, знающие, что надо делать. Первым заместителем премьер-министра и министром финансов стал Николай Азаров. Полностью согласен с его оценками и планами. Третьего дня он заявил, что последние почти два года считает для экономики потерянными. Остановилось создание интеграционных объединений, проведение структурных реформ. «Рыночные преобразования остались незавершенными, затормозились налоговая и пенсионная реформы, введение страховой медицины, реформа наших вооруженных сил. Наше правительство в 2003 - 2004 годах приступило к ним, однако президентские выборы по сути дела их остановили». Азаров говорил о пенсионной реформе: «Мы планировали создать мощные негосударственные пенсионные фонды. Однако спустя два года не появился ни один крупный негосударственный пенсионный фонд, который мог бы работать как инвестиционный ресурс в экономике». Полностью согласен с ним, что крупнейшей ошибкой было «кавалерийское» решение Юлии Тимошенко ликвидировать специальные экономические зоны (СЭЗ) и территории приоритетного развития, технопарки. Предлог борьбы со злоупотреблениями был откровенно надуманным, плодом или безграмотности, или каких-то посторонних соображений.

Азаров популярно объясняет: «Сами по себе эти механизмы не могут быть инструментами для воровства. Все зависит от того, кто эти инструменты использует». Понятно, что правительству Януковича - Азарова ничего не остается, как восстановить эти зоны (законодательно усилив защитные механизмы). Получилась ведь чудовищная вещь. Государство зазывало инвесторов, предоставило им определенные льготы и гарантии, приветствовало их, когда они, всему этому поверив, вложили свои деньги в разные проекты и начали работать. Но прошло немного времени - и то же самое государство отказалось выполнять все, что обещало. Естественно, «кавалеристы» кинулись махать саблями. «Сразу поднялся шум в СМИ, - говорит Азаров, - мол, хотят восстановить воровские зоны, через них будут опять куда-то уходить миллиарды. Никто не собирается восстанавливать какие-то теневые схемы, мы собираемся четко заявить: все те инвесторы, которые потеряли, получат от государства компенсацию, те их инвестиционные проекты, которые прекрасно себя зарекомендовали, а надо сказать, что многие зоны прекрасно работали: мы получили 0,5 млрд. долларов иностранных инвестиций, - будут работать».

Такое получается 15-летие… Попытался вспомнить, как отмечалось пятилетие украинской независимости, - и не смог. Зато вспомнил, что в те дни мы наконец ввели гривню. Это был 1996 год. Второй год моего президентства. Время было такое напряженное, что праздники не запомнились. Только будни. Не дай Бог никому таких будней. Приходилось выгребать из такого болота, что вечером оглянешься на прожитый день и думаешь: ты гляди, страна еще существует как страна, как отдельное государство - но что будет завтра? В 1996 году у меня уже не было иллюзий. Уже понял, что путь будет очень трудным. А вот за два-три года до этого, в канун президентских выборов, на которых я победил, - вот тогда мои представления о будущем были намного радужнее. Намного! Я знал, что надо делать. Представлял себе и способы. Но не думал, что все будет так трудно. Я был не намного трезвее тех западных университетских советчиков, которые тогда наводнили Украину. Трезвее, конечно, но не на порядок. Может быть, это и хорошо. Если бы я был на порядок трезвее этих фантазеров-рыночников, то опустил бы руки еще до того, как взялся бы что-то делать.

С экономической точки зрения самым большим событием и настоящим шоком для Украины за последние 15 лет был рост цен на газ и нефтепродукты. Страна столкнулась с этим сразу же после провозглашения независимости. То, что происходит сегодня на энергетическом рынке, - рябь на воде по сравнению с тем, что произошло тогда. В один год цены выросли в сотни раз. Если бы мне сказали за год-два до этого, что такое возможно и что мы как-то удержимся на ногах, я бы не

поверил. Я не мог бы себе представить наше существование в условиях мировых цен. Мы ведь не просто привыкли, что энергия ничего не стоит. На исключительно низкие цены была настроена вся экономика - от металлургии до сельского хозяйства.

Украина и мир. Имею в виду западный мир, развитые страны, устойчивые демократии. Как они вели себя по отношению к Украине на протяжении этих 15 лет? Практически помощь была нулевая. В Европу после Второй мировой войны американцы пришли с планом Маршалла, в соответствии с которым она получила большие деньги на восстановление и развитие экономики. Деньги плюс жесткий порядок: не распускать языки, разве что только для того, чтобы каяться в грехах гитлеровского времени, не увлекаться политической борьбой, главное - дисциплина на производстве, в общественной жизни и быту. И уже в 1958 году заговорили о немецком экономическом чуде. А что в бывшем СССР после его распада? Никакого плана Маршалла ни для России, ни для Украины - ни для кого. Для меня это тоже был шок. Я и сейчас пребываю в состоянии этого шока. Украину бросили на произвол судьбы. Запад посчитал, что свою задачу он блестяще выполнил: угроза со стороны Москвы перестала существовать, и можно, так сказать, отдыхать. Нам фактически сказали: выбирайтесь сами, спасение утопающих - дело рук самих утопающих. Если бы здесь и была поставлена точка, мне легче было бы принять вещи такими, какие они есть. Но, оставив нас без всякой заметной финансовой помощи в труднейшем, катастрофическом положении, - нас не оставили без поучений, советов, выговоров и всего того, что полагается нерадивому школьнику.

Наверное, я никогда до конца не пойму эту политику западных правительств. Польша получила списание полусотни миллиардов долларов своих долгов. По нашим понятиям, фантастическая, запредельная сумма. И даже это вместе с вступлением в Европейский Союз не уберегло Польшу от больших экономических и социальных трудностей. Украина не получила ничего. И в последние годы моего президентства вышла на первое место в Европе по темпам экономического роста, увеличения инвестиций, реальных доходов населения. Факт есть факт. Исторический факт: Украина выстояла и начала подниматься не благодаря Западу, а - вопреки. Этим наше становление отличается от процессов в Польше и в других странах Центральной Европы. Это, кроме всего, вселяло и уверенность. Правда, нельзя не отметить поставки российских энергоносителей по ценам, значительно ниже мировых, а иногда просто в долг. В свою бытность премьером, в июне 1993 года, в ходе визита к нам тогдашнего главы правительства РФ Виктора Черномырдина мне удалось получить у России 250-миллионный кредит на закупку энергоносителей. Оценивая это соглашение, тогдашний министр иностранных дел Украины Анатолий Зленко пишет: «Поставка энергоносителей была для нас стержневым вопросом: платить за газ и нефть было нечем, заводы останавливались, по Украине одна за другой прокатились волны забастовок. В этой ситуации уступка России была действительно важной для выживания Украины. Поэтому, справедливости ради, тем, кто говорит о том, что Россия сделала все, чтобы уничтожить украинскую независимость, я советую вспомнить, за счет чьих кредитов мы покупали энергоносители в начале девяностых» (А. Зленко, «Дипломатия и политика»).

Со стороны богатого Запада такой помощи не было.d Не проходит дня, чтобы я не думал обо всем этом. Чем объяснить такое поведение великих демократий? Нам все время ставили условия: проводите реформы, устанавливайте у себя демократию - тогда что-то получите. Это такая глупость или фальшь, что я однажды не выдержал и сказал открытым текстом (в газете «Факты» в декабре 2003 года): на голодный желудок демократию построить невозможно! Я хотел, чтобы это дошло до последнего идиота. А потом слышу, Кондолиза Райс во время своего визита в Казахстан фактически повторяет мои слова - естественно, без ссылки на президента (тогда уже «экс») Украины Кучму. Говорит так: через экономический подъем - к демократии. Не наоборот. Так чего же вы нас 15 лет подряд пытались вооружить лозунгом: через развитие демократии - к экономическому подъему?! Приезжая сегодня в Казахстан, вы становитесь реалистами, а к Украине продолжаете подходить с мерками нелепой утопии.

В первые недели после инаугурации Виктора Ющенко многие у нас ожидали, что уж теперь-то Запад протянет Украине щедрую руку. Ну и где она, эта рука? Значит, что? Какой напрашивается вывод? Дело не в состоянии украинской демократии. Дело не в том, кто в Украине президент: Кравчук, Кучма или Ющенко. А дело в том, что сильная во всех отношениях Украина, Украина-конкурент Западу не нужна. Что отсюда следует? Обижаться? Грубить? Отодвигаться от такого Запада на почтительное расстояние? Нет, конечно. Другого Запада для нас Господь не приготовил. Конкурировать придется с этим Западом.

Вспоминаю сегодня первые послереволюционные речи «оранжевых» вождей. Как они убеждали народ Украины (и себя заодно), что Запад - это хорошо, это богатство, красота и благородство, он нас ждет с нетерпением, вместе с ним мы вот-вот увидим небо в алмазах! Было смешно, а чаще горько слушать это все. Да, когда-нибудь, возможно, увидим небо в алмазах, но не вместе с Западом, а в конкуренции с ним. Только так. Что я скажу о будущем? Будем, себе в утешение, помнить, что энергоносители дорожают не для одних нас, а для всех. В том числе и для тех, между прочим, кто их поставляет. Есть хорошее выражение: как люди, так и мы. Как люди, так и мы будем жить в складывающихся условиях. Как люди, так и мы будем решать эту проблему. Главное то, что Украина бесповоротно встала на рыночный путь. В этом смысле жизнь у нас нормальная. Трудная, противоречивая, с неудачами и страданиями, но - нормальная. Коров доят хозяйки и доярки, а не городские «шефы». Говорю это и думаю: а ведь меня поймут только те, кто помнит, кто это такие - «шефы» и что за этим стояло.

Вспоминал сегодня и Камдессю, председателя Международного валютного фонда. У нас были прекрасные отношения, доверительные. Он располагал к себе прямотой и откровенностью. Наши позиции во многом не совпадали. Я говорил ему, что они, на Западе, мыслят слишком общими категориями. Попросту говоря, вольно или невольно стригут всех под одну гребенку. Они не понимают нашей истории, нашего менталитета, наших условий. Может быть, вернее сказать, не учитывают, не принимают всерьез наших особенностей. Вот он говорит мне: сделайте приватизацию, сделайте то и то, потом все пойдет своим чередом, смотрите, как далеко ушла от вас Россия. Он уверен, что остановка только за президентом. Убедить, правильно настроить меня - и быстрый успех реформ в Украине обеспечен. «Дорогой Камдессю! - отвечаешь ему. - Тебе легко говорить: сделайте! Попробуй все сделать так, как надо, когда тебя со всех сторон хватают за руки. Иногда кажется: ну все, не вырвешься. Потом глядишь: ну слава Богу - кажется, на сей раз вырвался. Но после этого все равно ничто не пойдет своим чередом. Своим чередом, дорогой Камдессю, у нас еще долго ничего не пойдет».

Вот это подталкивание: быстрее, быстрее! и способствовало тому, что мы наделали ошибок больше, чем могли бы. Если бы я вчера был такой умный, как сегодня, и не я один… «Один, даже очень важный, не поднимет простое пятивершковое бревно, тем более - дом пятиэтажный», - писал Маяковский в стихотворении, которое мы учили в школе. Или в поэме, точно уже не помню. Да, кажется, в поэме «Ленин». «Единица - ноль, единица - вздор. Один, даже очень важный» и т. д.

15 сентября

Сегодня Юлия Тимошенко объявила, что у нее есть план законного устранения правительства Януковича в течение 7 - 8 месяцев. Слово «законное» подчеркнула несколько раз. Это было по телевидению. Не ожидая вопроса, в чем заключается план, сказала, что разглашать его не будет, наученная горьким опытом.

Это что- то новое. Политик -это человек, у которого есть свой план развития (или спасения) страны. Его деятельность в том и заключается, чтобы донести этот план до общества, увлечь им как можно больше людей, чьи голоса ему нужны для реализации его замыслов. Даже после того, как он завоюет власть, популяризация своих планов, взглядов на все проблемы страны остается одной из главных его забот. В советское время это называлось агитацией и пропагандой. А тут политик, возглавляющий крупнейшую оппозиционную силу в стране, не только не посвящает в свой план электорат, но демонстративно держит его в секрете. И подает это как свидетельство своей возросшей зрелости, опытности, политического мастерства!

Так продолжается профанация или инфантилизация политики и политической деятельности. Методы «горячей» войны, в которой тайные планы, дезориентация и деморализация противника играют большую роль, переносятся на публичную политику в стране с демократической конституцией! Что печально, так это то, что вряд ли хоть один из украинских политиков выскажется в таком духе. 15 лет постсоветского парламентаризма - это все-таки очень мало.

Тем временем Владимир Литвин предложил в годовщину «круглого стола» снова собраться всем, кто «сидел» за ним год назад, в дни «оранжевой революции». Я не буду участвовать в таком мероприятии. Кто-то, наверное, решил провести рекламную кампанию. Больше всех она нужна тому же Литвину. Он-то явно не собирается уходить из большой политики. Квасьневского, скорее всего, не будет, хотя пусть бы и приехал, порассказал… Только рассказывать нечего. Главное

вершилось не за «круглым столом» и отражалось не в протоколах. Дела решались в комнатах рядом и отражались не в речах, а в действиях основных участников. Ну а книги об этом «круглом столе», конечно, будут написаны. Каждым «писателем» - со своей колокольни. Многое уже напечатано. Что ни автор, то большой человек, а роль его просто неоценимая. Пусть это так и остается. Великие пусть будут великими. Я-то знаю цену каждому из них, и мне этого достаточно. Роль приехавших тогда европейцев? Все зависело не от них, а от двух противостоявших сторон, от их желания идти навстречу друг другу. Не было бы такого желания - нечего было бы делать и посредникам. У меня, например, желание договориться было все время. Я настаивал с самого начала: давайте действовать в рамках правового поля. Противоположная сторона к этому сначала не стремилась. После первого «круглого стола» она, согласно достигнутой договоренности, должна была разблокировать государственные здания. Это сделано не было. Каждый чувствовал себя уже президентом - и Ющенко, и Янукович, победивший во втором туре. Мы еще не доросли до уровня европейских политиков. Все сначала рассматривается с точки зрения личных интересов, а уж потом начинают говорить об этой бедной Украине.

Недавно меня с пристрастием допрашивали друзья: скажи им наконец всю правду о том, как и чем, какими доводами или угрозами я сумел подвигнуть сторону Ющенко на пакетное голосование? Что я сказал или пообещал им такого, что они согласились принять политреформу? Ну что ж, пришло, наверное, время сделать это. Тем более что нет никакого секрета, вообще - ничего особенного. Это - во-первых. Во-вторых, мне надоело слышать один из главных тезисов, выдвигаемых лидерами «оранжевых» против политреформы: мы, мол, согласились на нее в особых обстоятельствах, под угрозой возникновения силового противостояния между революцией и прежней властью. Подразумевается, что я первым открыл бы огонь на поражение, и не скрывал от «оранжевых» этого намерения. У людей, которые делают такие намеки (а ведь некоторые говорят и прямо!), нет совести. В начале декабря «оранжевые», при всей своей мнительности, могли совершенно не бояться применения силы с моей стороны просто потому, что основные события уже были позади. «Оранжевые» уже добились для себя главного. Вопрос о проведении «третьего тура» президентских выборов был решен, и ясно было, что победит Ющенко. Я должен был подписать закон о назначении переголосования на 26 декабря. Допустим, мне на стол проект этого закона кладут 10 декабря. У меня есть 15 дней на размышление. По истечении их я обязательно накладываю вето. Последовала бы процедура его преодоления Верховной Радой. А тут наступает Новый год, Рождество, а дальше - парламентские каникулы. С каждым днем «оранжевым» было бы все труднее удерживать людей на Майдане. Революционный порыв потому и называется порывом, что он не может длиться долго.

Таким образом, время работало против «оранжевых». Отсюда ясно, что я говорил им за «круглым столом». Я говорил, что не подпишу «их» законов, если они не согласятся принять «мой». Встречался не только со всеми вместе, но и с каждым в отдельности. Были долгие разговоры один на один с таким в то время авторитетным представителем «оранжевых», как Иван Плющ. Были беседы и с Владимиром Литвином, и, конечно, с Виктором Ющенко. Я никого не запугивал, ни на кого не давил, а старался во всей полноте представить им свое видение ситуации. Я говорил: «Вы же знаете: парламент настроен на политреформу. Никому из народных депутатов в голову не придет, что мы их ломаем через колено, когда предлагаем принять соответствующий закон. Он ведь уже созрел и в умах, и в сердцах». Со всей прямотой я также подчеркивал, что бояться «оранжевым» надо не моих силовых действий, а такого «супостата», как время: «Упустив время, вы можете упустить все». И они в конце концов решили: ладно, сейчас подпишемся под законом о политреформе, а потом отыграем назад - подадим соответствующее представление в Конституционный Суд, поднимем шум на весь мир, что мы стали жертвами шантажа; общественное мнение, естественно, примет нашу сторону, и КС, как до этого Верховный Суд, не решится нам перечить. Сейчас они не скрывают, что ход их мысли был именно такой, хотя и тогда он был достаточно очевиден. Я со своей стороны понимал, что ничего отыграть назад им не удастся. Политреформа назрела - и будет поэтому осуществлена.

27 сентября

Без удивления, но с чувством какого-то отвращения наблюдаю за новой провокацией, в центре которой опять оказалась «Кольчуга». Английский журнал «Джейн дэфенс Уикли», со ссылкой,

понятно, на экспертов, сообщил, что в мою бытность президентом Украина таки продала несколько комплексов радиолокационной разведки, но не в Ирак, а в Иран. Думали ли разработчики и изготовители «Кольчуги», что она станет попадать в такие истории? Украинская печать анализирует возможные цели этой провокации. Первая: попытка России ослабить позиции Украины на мировом рынке вооружений, а заодно - отвлечь внимание мировой общественности от российских военных поставок Ирану. Вторая цель (тоже российская): ухудшить отношение руководства НАТО к Украине как к возможному члену альянса. Остальные цели приписываются американцам, если провокация затеяна ими, а не россиянами: получить повод для инспекции Ирана и нанести удар по правительству Януковича в интересах Тимошенко.

Звучит это все глуповато, но разве умнее звучало заявление американского посла в Украине Стивена Пайфера в 2002 году о продаже «Кольчуги» «режимом Кучмы» Ираку? Он, кстати, был самым бесцеремонным из американских послов за все мои президентские годы. У него был опыт работы в Польше и Москве, до назначения в Киев работал старшим директором отдела России, Украины и Евразии Совета национальной безопасности США и специальным помощником президента США. С ним у нас были самые плохие отношения. Я с ним даже не стал встречаться, когда он уезжал. Потому что он забыл, что он посол, а не один из руководителей Украины. Он пытался осуществлять у нас власть. Как-то, во время очередной выборной кампании, вместе с Морозом ходил штурмовать УТ-1, чтобы тому дали эфир. Постоянно делал резкие, а по существу провокационные заявления, рассылал и печатал всевозможные письма по разным вопросам жизни страны, составлял «коллективки» и заставлял других послов их подписывать. Некоторые отказывались, а, скажем, посол Канады, где самая большая украинская диаспора, всегда подмахивала вместе с ним.е

Непозволительную активность, уже не будучи послом, проявлял и во время «оранжевой революции». Его убрали, как я понимаю, за «провал направления». Есть такая бюрократическая формулировка, ее применяют к дипломатам и резидентам разведки. Это весьма жесткая формулировка.

Что- то мне подсказывает, что подлинный заказчик статьи в английском журнале о продаже «Кольчуги» в Иран находится в Украине и преследует свои сугубо внутриполитические карьерные цели. А заодно -усиливает позиции наших конкурентов на мировом рынке вооружений. Ясно, не бесплатно.

28 сентября

Пришла журналистка, выложила на стол фотографии. Была, говорит, в Донецке, снимала на «Топазе». Это завод, где делают «Кольчуги». Говорю: «Ну как, по-вашему, - можно было эту штуку тайно провезти в Ирак?» - «Немыслимо!» - «Да, - говорю, - это правильное слово. Совершенно немыслимо. Вспомним: самолеты туда не летают, морской транспорт блокирован седьмым американским флотом. Так или нет? Убедились теперь, что вся история с мнимой продажей украинских «Кольчуг» Ираку - чистой воды провокация?» - «Да. Только непонятно, зачем и кто ее устроил?» - «Вот вы, журналисты, и проводите свое, журналистское, расследование».

Вся история с «Кольчугой» - чистой воды провокация. Это часть общей провокации, получившей название «кассетный скандал». На Запад были вывезены якобы записи якобы моих разговоров якобы в рабочем кабинете. Эти записи якобы делал майор охраны Мельниченко. Я читал кое-какие распечатки - что-то напоминало мои подлинные беседы, в целом же - фальсификация. Среди прочих был будто бы зафиксирован и разговор, из которого был сделан вывод, что Украина, вопреки ооновскому запрету, совершила указанную сделку. Я будто бы давал на это «добро» в служебном разговоре с одним из чиновников, а именно с Валерием Малевым. Убежден, что если бы американское вторжение готовилось не в Ирак, а, скажем, в Северную Корею, то на пленке был бы разговор о продаже «Кольчуги» в эту страну. Сначала США заявили, что не располагают доказательствами поставок «Кольчуг» из Украины в Ирак. Однако в сентябре 2002 года представитель госдепартамента Баучер сообщил, что США признали аутентичными записи Мельниченко в той части, где речь идет о поставке «Кольчуг» в Ирак. Было заявлено, что «это вынуждает» американцев «пересмотреть политику в отношении Украины, в частности президента». Позже глава СБУ Владимир Радченко в каком-то разговоре сказал, что «высокое украинское должностное лицо (имелся в виду Малев) ходило с идеей продать радары Ираку», однако идея, дескать, так и оста-

лась идеей.

«Кольчуга» - это смонтированная на грузовиках установка противовоздушной обороны, позволяющая обнаруживать самолеты на расстоянии до тысячи километров по фронту. Она никоим образом не связана с системой огня. «Кольчуга» может служить мирному населению - предупреждать его: спешите, люди добрые, в укрытия.

Первым о существовании кассет заявил Александр Мороз вскоре после исчезновения журналиста Георгия Гонгадзе. Мороз созвал пресс-конференцию и продемонстрировал записи моих разговоров об этом человеке, утверждая, что я прямо причастен к его исчезновению. Позже Мороз был также первым, кто сообщил мне о возможном международном скандале в связи с мнимой продажей «Кольчуги». В печати еще не было ни слова. Он позвонил мне и попросил о короткой встрече для «сверхважного» разговора.

Мы встретились в Конче-Заспе. Он сказал: «Леонид Данилович, пленки майора Мельниченко свидетельствуют, что вы поставили «Кольчуги» Ираку. Возможна чрезвычайно резкая реакция Вашингтона». На «пленках» есть якобы мой разговор на эту тему с Малевым. У меня сложилось впечатление, что он ждал от меня испуга и просьбы как-то посодействовать тому, чтобы скандал не состоялся.

Уже тогда мне стало ясно, что инициаторы «кассетного скандала» живут в Украине. Все устроили свои. Они воспользовались тем, что погиб (в автокатастрофе) Валерий Малев, генеральный директор Государственной компании по экспорту и импорту продукции и услуг военного и специального назначения «Укрспецэкспорт». О его гибели писали, что это убийство. Не только намекалось, но и прямо говорилось, что это моя работа. Я, мол, заметаю следы, убираю свидетеля и соучастника. Но инициаторам этой грязной истории смерть Малева была выгодна просто потому, что он бы заставил их остановить провокацию. Он не только сказал бы: «Заткнитесь, негодяи!», но и представил бы доказательства из первых рук, был бы главным свидетелем защиты Украинского государства. Писали, кстати, что «Кольчуга» была продана за 100 миллионов долларов, тогда как стоила она миллиона три. Малев показал бы выстроенную в Украине схему торговли такими изделиями, исключающую возможность заключения тайного контракта. Особенность этой схемы, кроме прочего, в том, что решение не могло быть принято властью президента страны. Это не мой был вопрос - что, куда и когда продается, исключая такие крупные контракты, как, например, продажа огромной партии наших танков Пакистану.

Я ответил Морозу: «Александр Александрович, я тебе прямо сейчас, даже ничего не проверяя, могу однозначно сказать: никаких «Кольчуг» мы в Ирак не поставляли и поставить не могли». Я был спокоен. Мы не такие наивные, чтобы из-за десятка миллионов долларов проигнорировать решение Совета Безопасности ООН об эмбарго на поставки оружия Ираку. Я никогда не был склонен к политическому самоубийству. Спокоен был также потому, что был твердо уверен: американцы точно знают, что наших «Кольчуг» в Ираке нет. Так же точно они это знают, как и то, что там нет ядерного оружия. Говорить будут что угодно, их возмущению не будет предела, но это будет все наиграно.

Ирак находился в жесткой изоляции. Страна круглосуточно под колпаком. В воздухе постоянно самолеты. «Кольчуга» - изделие крупногабаритное. Как его можно туда доставить незамеченным? Наконец, главное. В Украине существует ясный и жесткий порядок совершения сделок с оружием. Ничего не может делаться без Службы безопасности. Обойти эти инстанции и соответствующие процедуры невозможно. При всей секретности в операцию был бы посвящен не такой уж узкий круг людей. Тайное быстро стало бы явным. Но американцам было выгодно нагнетать истерику вокруг Ирака. Не исключаю, что при этом они, конечно, побаивались, что кто-то рискнет так или иначе нарушить эмбарго. Украину было решено проучить в назидание другим: «Смотрите, что мы делаем с Кучмой. Так будет с каждым, кто посмеет взять с него пример». Надо признать, что со своей точки зрения к войне с Ираком они подошли, так сказать, комплексно. Задействован был весь набор мер. Свое место среди них занимали и пропагандистские меры. Войн без пропаганды, без психологического обеспечения военных действий давно не бывает. Американцы первые дополнили существующие виды войск информационными. Очень давно было сказано, что иногда даже серьезную войну можно выиграть еще до начала ее - посредством газетной кампании. Раздувая историю с «Кольчугами», американцы преследовали не только назидательные цели. Это служило отвлечению внимания мировой общественности от их реальных планов и действий. Наполнить информационное пространство трескучим мусором - и под этим прикрытием методично

делать свое дело. Ничего не скажешь - грамотный подход, но по отношению к Украине и ко мне лично - подлость.

Американское заявление о нарушении Украиной эмбарго ООН последовало сразу после моей встречи с Морозом. Не помню, на какой день после этого я официально обратился в ООН с просьбой о проведении специального расследования. У ООН есть соответствующий комитет. Расхлебывать не нами заваренную кашу с «Кольчугой» поручил Виктору Медведчуку, который был тогда главой президентской администрации. Он возглавил государственную комиссию для проверки адекватности предъявленного Украине обвинения. Поехали на «Топаз». Проследили судьбу каждой установки, вплоть до первых экспериментальных образцов, изготовленных еще в советское время. Всего было выпущено, кажется, 45 машин. По заводским и ведомственным документам легко было определить, сколько изделий отправилось в Россию и в другие страны, включая Китай. «Топаз» - завод закрытый, там все под жестким контролем, документация - исчерпывающая и строгая. Получили документы из воинских частей. Никаких неувязок или подделок. Теоретически можно было допустить, что в Ирак или куда-то еще попала «Кольчуга» из тех, что после распада СССР оказались в России или Белоруссии. Но практически было исключено и это. А уж из Украины без четко зафиксированных следов не ушла ни одна.

Медведчук созвал пресс-конференцию. Присутствовали 150 журналистов чуть ли не со всего света. Два часа он все им рассказывал и показывал. Он сказал, что у нас есть чем гордиться, мы многое умеем, в том числе - защитить достоинство своей страны, своего государства. После этого приехали представители США и Великобритании. Им показали все документы, их пустили на «Топаз», в воинские части, где они могли видеть «Кольчуги». Но все, что смогли выдавить из себя эти люди, - что у них нет доказательств того, то Украина продала «Кольчуги» Ираку. Медведчук полетел в Нью-Йорк, там у него состоялись встречи в ООН, в первую очередь - с председателем Совета Безопасности (им тогда был постоянный представитель КНР при ООН Ванг Ингфан). Медведчук настаивал, что американцы должны принести извинения Украине. С ним все соглашались, обещали содействие. Нам было важно, чтобы наша активность привлекла внимание и в стенах ООН, и в мире. Медведчук действовал четко и напористо. Не его вина, что извинений не последовало.

Мы сразу разглядели, что в этом случае по Украине бьют не только с политическими, но и коммерческими целями. Ее хотят вышибить с рынка вооружений. По крайней мере ослабить ее позиции на этом рынке. Украина входит в десятку стран, торгующих вооружениями, занимает место посередине. Введение санкций против нее за мнимое нарушение запрета ООН на поставки оружия в Ирак было бы на руку нашим конкурентам, среди которых и США, и Россия. В торговых делах такого характера промедление, раскачка могут причинить непоправимый вред. Необходимо было остановить вал сплетен и слухов. Коммерция, как известно, очень чувствительна к таким вещам. Об этом мы думали, принимая решение о моей поездке в Прагу на саммит НАТО. Казалось бы, странно выглядит сама постановка вопроса: участвовать ли Президенту Украины в таком мероприятии? Но надо вспомнить не только внешнюю, но и внутреннюю атмосферу тех дней. Поход-то против Украины возглавляла наша оппозиция! Американцы хотя бы делали вид, что у них есть какие-то сомнения, а наша оппозиция сомнений не имела. Для Александра Мороза, для Юлии Тимошенко само собою разумелось, что «злочинна влада» сделает все, чтобы скрыть правду. В СМИ появилась «утка» даже об участии Белоруссии в «очковтирательстве». По заявлению Юлии Тимошенко, оттуда будто бы были срочно доставлены в Украину перекрашенные «Кольчуги». Оппозиция создавала такой шум, как будто сто раз доказана продажа «режимом Кучмы» не только «Кольчуг» Ираку, но чуть ли не ядерной бомбы - самому Дьяволу. Эти люди с утра до вечера демонстрировали, что они просто не доросли до понимания такой категории, как государственные интересы.

В такой обстановке не все в украинском руководстве считали целесообразной мою поездку. Опасались обструкции. Мне пришлось даже собрать для обсуждения этого вопроса Совет безопасности и обороны. Ехать или не ехать? Решили: ехать! Нам нечего бояться. Иначе получится, что косвенно признаем обвинения в адрес Украины. Мы должны вести себя так, как подобает крупному, серьезному государству, субъекту международных отношений. Я решил ехать. Это решение крепло по мере того, как росло число публикаций в западной прессе о нецелесообразности участия Президента Украины. Этой кампании предшествовал меморандум государственного департамента США министерствам иностранных дел стран НАТО о нецелесообразности участия

Президента Украины в саммите. В этой ситуации большую поддержку мне оказал президент Польши Квасьневский. Я ему сказал давно: «Саша, никаких «Кольчуг» в Ираке не было и нет. Это ложь от начала до конца. Ложь и провокация». У нас с ним были такие отношения, что этих моих слов ему было достаточно. И перед саммитом он мне сказал несколько раз: «Надо ехать. Без разговоров».

За несколько дней до открытия саммита мне позвонил Генеральный секретарь НАТО Робертсон. Он говорил мягко, скромно, но смысл его речи сводился к тому, что лучше бы мне не приезжать. «Нет, - сразу сказал я. - Приеду. Однозначно. Хочу, чтобы у вас не было никаких сомнений». Тогда он говорит: «Вон и Путин не едет». - «Путин - это Путин, у него свои обстоятельства и причины, а я - Кучма, у меня - свои. Я хочу самим фактом своего появления в Праге опровергнуть те обвинения, которые выдвигаются против Украины». После этого они, видимо, и решили изменить порядок размещения участников саммита за столом переговоров - использовать французский алфавит, чтобы я не оказался рядом с Бушем. Средства массовой информации подали это как чуть ли не главную новость. Правду сказать, горький осадок от этого остается до сих пор. Не укладывалось в голове. Унижают страну, ее руководителя - и без всяких на то оснований! По существу просто потому, что кому-то не нравится его физиономия. Особый счет у меня к мировым СМИ, хотя понимаю, что им от этого ни холодно ни жарко. Я по простоте душевной долго думал, что свободная пресса и объективная пресса - это одно и то же. Пришлось убедиться, что это далеко не всегда так.

Во время работы саммита я был спокоен, хотя внутри, конечно, все кипело. На общем приеме для участников встречи я не стоял одиноко в углу, как было написано в украинских оппозиционных газетах. Ни один из лидеров европейских стран не подал виду, что среди них находится лицо, с которым связывается известная проблема. Наверное, они прекрасно понимали, что она придумана американцами. А вот на обсуждение специальной темы: «Украина - НАТО» я не пошел. Послал туда министра иностранных дел Зленко. «Сказал: ты иди, а мне там пока делать нечего». И впервые четко сформулировал (пока что только для себя) мысль, что с объявлением курса на вступление в НАТО мы поторопились. Свое решение принять участие в Пражском саммите считаю правильным. Это был прорыв той блокады, которая образовалась вокруг Украины в связи такой клеветой, каких не так уж много в новейшей истории. Тон западных деятелей по отношению к нам несколько изменился. Если бы я не поехал, это было бы расценено как признание обвинений в наш адрес. Мне трудно сказать, понимал ли это Робертсон, когда мягко, скромно советовал мне остаться дома.

Скажу еще раз о Квасьневском: этот выдающийся поляк очень много сделал, чтобы Украину знали, понимали и ценили в мире. Помню его выступление на саммите Украина - НАТО в Стамбуле. У нас как раз начиналась предвыборная кампания. Напряжение было большое. Предстоящие президентские выборы в Украине, а не вопросы ее сотрудничества с НАТО оказались в центре внимания участников саммита. Тон задавали представители прибалтийских и восточноевропейских стран. Только и слышалось: власть, оппозиция. Подтекст известный: власть - плохая, оппозиция - хорошая. Это, видимо, надоело Квасьневскому, и он произнес, по-моему, замечательную речь. Он попытался вернуть своих коллег на грешную землю. Ничего особенного в Украине не происходит, сказал он. И Ющенко, и Янукович - это сотрудники и воспитанники Кучмы, он их назначал премьер-министрами. Поэтому нельзя, мол, считать, что они принадлежат к разным лагерям. С той точки зрения, которая должна интересовать любого реального политика на Западе (а не журналиста или «политолога»), Ющенко с его людьми и Янукович с его людьми - это все одна команда, которая сложилась и работала на протяжении 10 лет под руководством Кучмы. Как мне показалось, выступление Александра способствовало общему отрезвлению.

Меня до сих пор спрашивают, принесла ли Америка нам извинения. Не устаю отвечать: нет, конечно. Америка никогда ни перед кем не извиняется. Я поднимал этот вопрос при встречах со многими представителями и США, и других стран, и международных организаций. Говорил с американскими сенаторами, с госсекретарем. Самое большее, на что они пошли, - признание Пайфера (уже как помощника госсекретаря), что подозрения в отношении Украины не подтвердились.

Также спрашивают: а что же Мороз? А что Мороз? Ничего Мороз.

3 октября

Обременительное дело - протокольные встречи и мероприятия. Без них у президента не бывает дня. Не могу сказать, что я был счастливый от всего этого. Ты не принадлежишь себе. Вынужден произносить дежурные слова, улыбаться, особенно иностранцам. Надо ведь, чтобы и ты им понравился, и слова твои понравились, и страна твоя понравилась. Иногда мечтаешь, чтобы в ООН или где-нибудь собрались представители всех стран мира и условились свести протокольные действия до минимума. Но даже у себя в стране ты не в состоянии этого сделать. Тебя неправильно поймут. Каждый день приходится кого-то с чем-то поздравлять - направлять телеграммы, письма. Съезд врачей, учителей, пчеловодов, конференция экологов, соревнования пожарных…

Обычай - большая сила и часто большая обуза. Я думаю, это идет из глубины веков, когда король, царь считался священной особой. Соответственно священный смысл имели всевозможные церемонии. Люди верили в их особое значение, особую действенность. И вот это дотянулось до наших дней. Многое в поведении первого лица государства имеет политический подтекст, различные его жесты несут определенные сигналы окружению, обществу. С кем и как поздоровался, кого пригласил на обед, на именины, у кого поинтересовался здоровьем супруги, с кем играешь в теннис… Есть большие любители и мастера использовать этот язык в целях управления. Еще больше любителей и мастеров истолковывать каждое твое случайное слово и движение. Поэтому и стараешься не допускать ничего случайного, спонтанного.

Это она и есть - византийщина.

Мне вспоминается рассказ Горбачева о том, как он попытался однажды пригласить на пельмени Андропова. Юрий Андропов был генеральным секретарем ЦК КПСС, а Горбачев - только что избранным членом политбюро ЦК. Их дачи стояли рядом. Однажды в воскресенье Горбачев говорит Раисе Максимовне, своей супруге: «Давай налепим пельменей и пригласим Андропова. Ну что он там сидит один?» Когда пельмени были готовы, Горбачев звонит Андропову, приглашает. Без всякой, по словам Горбачева, задней мысли, без малейшего намерения установить какие-то особые неофициальные отношения. Андропов засмеялся и говорит: «Я бы, Миша, с удовольствием покушал у тебя пельменей, да ты должен понимать, чем это может обернуться. Сегодня же все наши товарищи-члены политбюро будут знать, что мы с тобой встретились в приватном порядке. Это будет почти заговор в их глазах! Выйдет целое политическое дело». Горбачев рассказал эту историю для иллюстрации того, какие порядки были на самом верху советского руководства. Строгая официальность. Они боялись даже случайно оказаться где-нибудь вдвоем без ведома остальных.

5 октября

Читаю «Воспоминания» Павла Скоропадского. Многие его заботы, проблемы, с которыми он сталкивался, многие его наблюдения и мысли - это мои заботы, проблемы, наблюдения и мысли. Он был настоящим, природным политиком, и в главном - политиком-либералом. Я очень хорошо его понимаю, когда он говорит о необходимости считаться с настроениями, понятиями, кругозором народного большинства, не ломать людей через колено, быть тактичным и терпеливым. Одним словом, не уподобляться большевикам. Именно своими большевистскими подходами к национальному вопросу, к решению проблем украинизации страны ему чужды такие его противники, как Винниченко и Петлюра. Вот как он пишет о «национальном шовинизме» тогдашних «деятелей социалистических партий»:

«Это ужасное явление, признающее самое дерзкое насилие над личностью. Для них неважно, что фактически среди народа националистическое движение хотя и существует, но пока еще в слабой степени. Что наш украинец будет всегда украинцем «русским» в отличие от «галицийских» украинцев, это им безразлично. Они всех в один день перекрещивают в украинцев, нисколько не заботясь о духовной стороне индивидуумов, над которыми производят опыты. Например, с воцарением Директории, кажется, через три дня, вышел приказ об уничтожении в Киеве всех русских вывесок и замены их украинскими. Ведь это вздор, но это типично как насилие над городом, где украинцев настоящих если найдется 20%, то это будет максимум. В результате, вместо привлечения к Украине неукраинских масс, они воспитывают в них ненависть даже среди людей, которые были дотоле скорее приверженцами этой идеи и считали действительно справедливыми и имеющими жизненные основания теории создания Украины».

Чем мне особенно близок Скоропадский, каким он предстает в этом отрывке? Тем, что он

украинский государственник, а не украинский националист. Это совершенно разные типы личностей. Государственник понимает каждой клеткой своего существа, что главное - создать полноценное, прочное, независимое современное государство. Все остальное приложится, со всем остальным можно, а нередко и нужно не спешить. В этом подходе разум преобладает над чувством. Националист же только шумит о создании государства, а на самом деле плохо понимает, что это такое. Особенно чужд мне националист-революционер. Он ведь помимо своей воли разрушает государство, не успев его создать! Разрушает, подрывает его тем, что своими радикальными действиями сужает социальную базу государственности. Понятие «социальная база» для него вообще не существует. Для него существует только масса, над которой нужно произвести насильственную операцию украинизации. А для Скоропадского, для таких деятелей, как он, нет ничего важнее, как привлечь на сторону государства как можно больше людей. Сделать все, чтобы они привыкли к новому государству, признали его своим, захотели в нем жить. Гетман на все и всех смотрит через призму государственности: понимает ли человек дело государственности, может ли он служить этому делу. Вот как он характеризует Винниченко: «Винниченко человек левых и совершенно не государственных убеждений. Но это еще ничего, а главное то, что это демагог, находящийся во власти элементов уже прямо-таки антигосударственных». Поразительно точно и прозорливо сказано. Человек «очень левых» убеждений не может быть государственником. Такие люди бредят «интернационализмом», «солидарностью трудящихся всего мира», что было в большой моде как раз тогда.

Но Скоропадский не ставит точку там, где осуждает националистов-революционеров. Он пытается понять и их: «В оправдание украинцев я должен сказать, что в этом их шовинизме очень виноваты русские. Эта мрачная нетерпимость, эта злоба даже ко всякому невинному проявлению украинства, это топтание в грязь всего, что дорого каждому украинцу, вызывает противодействие…» И проявляют себя так не какие-то люмпены-великороссы, а «культурные классы»: «эти культурные классы именно и являются самыми нетерпимыми в отношении ко всякому украинству». Он вспоминает свою речь при открытии первого украинского университета: «В моих словах была нотка примирения Украины с Россией. Обдумывая мою речь дома, я именно хотел оттенить, что в науке особенно нет места узкому шовинизму, с другой стороны, я указал, что старая высшая власть на Украине всегда заботилась о просвещении народа и в числе гетманов указал, между прочим, Мазепу. Все у нас знают его любовь к просвещению, искусству и религии. Я это сказал без всякой политической тенденции, но нужно было бы потом слышать, как зашипели со всех сторон в некоторых кругах, для того, чтобы понять, какой дух непримиримости живет в отношении ко всякому неказенному проявлению мысли. Я терпеть не могу украинского шовинизма, но должен сказать, что этот шовинизм искусственно поддерживается многими дикими выходками с противной стороны». Под «неказенным проявлением» своей мысли он имеет в виду ее несоответствие положениям официальной исторической науки Российской империи.

Вот еще: «Меня всегда то удивляло, что как-то все смотрели на ту работу, которую творили, как на дело, которое создавалось лично для меня, а не как на широкую государственную творческую работу».

Павлу Скоропадскому было тогда неполных 45 лет. Большинство его противников были значительно моложе. С моей точки зрения, они были моложе его не только по возрасту, но и по уму. Намного моложе! Вспоминая восемь месяцев своей «каторги» на посту гетмана, он то и дело подчеркивает злобу своих политических противников. Злобу и непонимание.

Я тоже этого хлебнул.

Последнее покушение на меня готовилось, когда я уже был в отставке, в начале этого года. Информация была получена россиянами. Из ФСБ ее передали в СБУ, назвали предположительного исполнителя, день намеченной акции. Что интересно - на всякий случай продублировали эту информацию американскому посольству в Киеве. Или наоборот: сначала сообщили американцам, потом продублировали украинским спецслужбам. Нет, скорее всего, все-таки сначала связались со Службой безопасности Украины, которую тогда возглавлял Турчинов. Мне американский посол при встрече говорит: «Господин президент, мы тоже принимали участие в предотвращении покушения на вас. Обратились в СБУ и предупредили их».

Я потом подумал, что россияне решили подключить американцев не случайно. Видимо, это принято в таких случаях. Таким способом предотвращается злонамеренное игнорирование информации. Я все это узнал по прошествии времени. По правилам, охраняемое лицо не обязательно

ставится в известность о таких делах. В общем, это можно назвать рутиной. Минимум одна предполагаемая попытка покушения в год - такова статистика моей охраны. В последние пять лет, кажется, было больше, но я запретил мне докладывать. Подобные доклады не прибавляют настроения, тем более что ты не можешь быть на сто процентов уверенным, что тебе не посылают таким способом некие сигналы. Что-то до меня доходило потом, стороной, случайно. В последний раз целью могло быть одно: дестабилизация обстановки в стране. «Оранжевой» власти это было однозначно невыгодно. Россиянам и американцам - тоже, иначе они бы не вмешались. Вот и думай: кому же было выгодно?

7 октября

Депутатский корпус постсоветской Украины отличается массовым походом «в науку». Не успел стать депутатом - глядишь, он уже доктор наук, член-корреспондент академии наук, академик. В этом смысле Украина стала приближаться к республикам Кавказа брежневского времени. Там, как тогда шутили, каждый четвертый житель был кандидатом или доктором наук - главным образом исторических. Вместе с депутатами «в науку» пошла и верхушка нашей бюрократии… Дело понятное, но для меня все-таки и загадочное. Ведь люди же отлично знают, какой ты «ученый». Зачем же по собственной воле становиться объектом насмешек и презрения? Или это все делается для того, чтобы похвастаться своими «достижениями» перед друзьями детства? Но ведь и они знают, что к чему - на дворе двадцать первый век.

Неловко ставить в пример себя, но все же… Мне не было тридцати лет, когда я получил предложение войти в список группы ракетчиков, выдвинутой на соискание Ленинской премии. Я отказался в пользу человека, чьи заслуги тогда были значительнее моих. Сказалось, наверное, самолюбие молодости. Мне, мол, не нужны не вполне заслуженные награды - я еще добьюсь вполне заслуженных. Мое имя в творческом коллективе, получившем Ленинскую премию, появилось значительно позже.

28 октября

К 1994 году вся наша экономика была бартеризована. Меняли товар на товар. Искусство наживы состояло в том, чтобы в конечном итоге получить все-таки деньги, продав полученный товар тому, у кого они имеются, - например, иностранному покупателю. Такая схема позволяла руководителю предприятия легко присваивать значительную часть выручки. Сначала бартер был ограничен рамками Украины. Потом изобретательные люди сообразили перенести его на межгосударственный уровень. Берешь в России газ по 50 долларов, у себя в Украине продаешь по 80 (а было и по 120). Но рассчитываешься с Россией не деньгами, а товарами - по ценам, естественно, значительно превышающим себестоимость, и часто - по специфической договоренности с теми же россиянами. «Наваривали» огромные капиталы.

Бартер, конечно, спас нашу экономику. Он возник сам собою - от того, что не было другого выхода: наш купонокарбованец в расчетах не участвовал. После развала Советского Союза экономические отношения оказались отброшенными на столетия назад - во времена, когда обмен совершался по принципу: товар на товар. Контролировать этот процесс было, во-первых, некому, поскольку государства как такового не существовало. (Я уже не раз это говорил. С течением времени люди будут все меньше верить, что так в действительности и было.) Во-вторых, контролировать было невозможно чисто технически. Вы можете только догадываться, что производство данного гвоздя такому-то заводу обошлось в копейку, а продан он был не за две копейки, а за двадцать. Копейки-то нигде не фигурируют!

Лучше, наверное, все-таки говорить не «бартер спас экономику», а «экономика спасла себя бартером». Есть истина настолько простая, насколько и великая: пока существует человек, будет существовать и материальное производство. Оно будет существовать, и не может не существовать по весьма простой причине: человеку надо что-то есть, во что-то одеваться, иметь крышу над головой. Пример Украины первых постсоветских лет это наглядно показал. Вспомним. Нет ничего: ни власти, ни денег, а производство все-таки теплится, и товарообмен не останавливается. Все это медленно, почти незаметно, но неуклонно движется в одном направлении: к норме. К той норме,

до которой на тот момент доросло человечество, - к свободным, цивилизованным частнособственническим товарно-денежным отношениям. До этой нормы нам далеко еще и сейчас, а тогда расстояние казалось бесконечным. Тем не менее мы продолжали двигаться в этом направлении. Сначала мы двигались почти механически или как во сне, потом - все более сознательно, рассчитанно.

Важнейшим, труднейшим был переход от бартера к прямым денежным расчетам. Но и он совершался так постепенно, так подспудно, что не все даже замечали всю сложность этого дела. Потихоньку росло производство, потихоньку начинался экспорт на Запад, на мировой рынок. Первыми туда пошли металлы. Это значит, что в страну потек ручеек валюты, долларов. Стало приходить в себя государство. Оно установило правило: половину экспортной выручки продай Национальному банку. А Национальный банк с валютой - это уже экономика, это уже жизнь. Если у вас есть твердая валюта, под нее вы можете выпускать свои деньги. Есть деньги - будут и желающие их зарабатывать.

Люблю одну еврейскую притчу. Мне ее рассказал бывший министр экономики Роман Шпек. Или она американская - точно не помню. Может быть, притча американского еврейства. Дело не в этом, а в том, что притча мудрая и глубоко познавательная. В ней в сжатом виде содержится вся экономическая наука. Притча начинает с того, что в некотором царстве, в некотором государстве жило племя, у которого ничего не было, ни единого доллара - хоть ложись и помирай. Но одному человеку помирать очень не хотелось. Он сделал фальшивый доллар, купил муки, испек каравай и продал его. На выручку снова купил муки, но уже больше, испек несколько караваев. Так начался товарооборот, и вместе с ним - круговорот денег. Наконец, фальшивый доллар вернулся к человеку, который его изготовил. Он говорит своим соплеменникам: «Видите этот доллар, с которого все началось? Он фальшивый, но я пустил его в оборот, и он сделал свое дело. Теперь я его порву».

Это притча о первичном накоплении. Чтобы закрутилось дело, должен появиться первичный капитал. Кто-то должен любым путем, всеми правдами и неправдами собрать, сколотить его из тех крох, что рассыпаны вокруг него. Кто-то должен сгрести эти крохи в первую кучку. Лопатой - так лопатой, голыми руками - так голыми руками. И этот «кто-то» обязательно находится, потому что, как сказано, пока существует человек, существует и материальное производство. Кто-то обязательно должен сделать толчок, стать первым звеном товарно-денежной цепочки. Американо-еврейская притча берет для наглядности предельный случай: нет ничего, ни одной крохи, ни одного доллара - ну что ж, нарисуй его и пусти в оборот. Господь тебя оправдает. Главное - чтобы начался оборот, потому что оборот - это жизнь, а жизнь - это оборот.

Когда нет иностранного инвестора с долларом, то появляется свой оборотистый человек с одной «фальшивой» гривней. Я говорю, что она фальшивая по аналогии с фальшивым долларом из той притчи. Начинается великий процесс. Сегодня предприимчивый человек купил, допустим, одну маленькую «кафешку», завтра прибавит к ней ресторан, послезавтра у него будет уже несколько ресторанов. И он прикидывает: чтобы дело шло лучше, выгоднее, мне нужно производить собственные продукты, давай-ка я сделаю вылазку в сельскую местность, посмотрю, что там осталось от колхозов: нельзя ли взять землю и организовать сельскохозяйственное производство? Когда хочешь шевелиться и перед тобою есть поле деятельности, ты начинаешь то, что называется экономической экспансией: вовлекаешь в сферу своего хозяйства, в свою производственную цепь все новые и новые звенья.

Это хорошо видно в тяжелой промышленности. Есть, допустим, металлургический завод. Чтобы он нормально работал и приносил прибыль, нужен уголь, особенно - кокс, нужна железная руда, нужно… что там еще? Завод прямо зависит от этих фактров. Теоретически говоря, все это ты, конечно, можешь покупать на рынке. Но рынок перед тобой еще в зачаточном состоянии. Угольная шахта еще убыточная, за рудник идет свара. В общем, нет там таких собственников, таких хозяев, на которых ты можешь спокойно положиться. В таких условиях у тебя закономерно возникает желание самому стать собственником этих предприятий. Но если ты становишься собственником, ты должен стать и специалистом по соответствующей части. Иначе твои управляющие могут подвести тебя под большие неприятности.

Итак, тот, кто с умом, постепенно становится собственником замкнутого круга предприятий. Он просто не может остановиться на первом звене. Он присоединяет новые звенья или объединяется с ними, это мировая практика. Прибыль от одного звена тратит на приобретение и развитие другого, и, к счастью, уже не может остановиться. Так появляется крупный национальный капитал. Зачинатели, создатели этого капитала - «олигархи». Совершенно дурацкое слово. По крайней

мере в Украине. Олигархия - правление небольшой группы людей. Оно предполагает высокий уровень согласия, единства целей. А наши «олигархи» - это крупные промышленники и финансисты. Они ничем сообща не управляют. Наоборот, они конкурируют друг с другом. Они конкурируют в том числе и за влияние на власть, на государство, а также и на общество. Ничего похожего на совместное руководство страной, на подлинную олигархизацию! За ними надо постоянно присматривать, чтобы не слишком увлекались борьбой. Их все время надо мирить. Невозможно себе представить, чтобы они - какой-нибудь десяток человек, занятых каждый своим большим бизнесом, - еще и управляли страной. Конечно, крупные промышленники старались продвигать свои интересы. Так везде. Это естественно. И слава Богу, что это так! Без этих людей, без финансово-промышленных групп (ФПГ) не может быть крупной отечественной промышленности, крупного отечественного капитала, который способен вкладываться в развитие, конкурировать на мировом рынке.

Мне очень импонирует позиция нашего видного экономиста Александра Пасхавера. Он называет крупнейшие ФПГ «странообразующими факторами экономики». Я бы, для большей наглядности, назвал их не факторами, а силами - странообразующими силами. «Должна быть выработана политика усиления их позитивной роли и нейтрализации потенциально негативного, - говорит он. - Обществу необходимо доказывать в каждом конкретном случае целесообразность продажи объекта крупному бизнесу. Общество должно понимать, когда и зачем мы идем на снижение цены ради того, чтобы объект попал в местные руки». Готов подписаться под каждым словом этого ученого, убежденного либерала. Почему Путин не пошел на разрушение крупных финансово-промышленных групп, а скорее наоборот, своей поддержкой усилил их? Потому что иначе могла бы разрушиться Россия.

Говорят, что есть пределы концентрации собственности в одних руках, когда это становится экономически невыгодно и социально-политически неприемлемо. Согласен. Для регулирования этого процесса существует власть, законы. Но если будет сделано так, что все мои интересы помимо моей воле упрутся в один завод, если мне (представим на минуту такую глупость) будет запрещено что-то прикупать, чтобы я не стал «олигархом», то я буду, как птица с обрезанными крыльями, летать в пределах одного двора. У меня не появится желания вкладывать средства в высокие технологии, в параллельные системы, я не смогу стать человеком, который, условно говоря, и конфеты делает, и ракеты выпускает.

Это не выдумка, не домыслы. Посмотрите нынешние тенденции в мире. В последнии десять лет процесс концентрации капитала приобрел невиданные масштабы. Это диктуется условиями мировой конкуренции. То же происходит в последние годы и в России. Государство не только не в стороне от этого процесса, а и активно его стимулирует. Так поступают Южная Корея и Япония, так поступают страны Латинской Америки и особенно Китай. «Газпром» в начале года вошел в первую десятку наиболее крупных компаний мира, а в конце апреля занял в этом списке четвертую позицию. Уровень его капитализации приближается к 300 миллиардам долларов. Что означает эта цифра? Это почти четырехкратное превышение всего ВВП Украины. Американцы боятся не России. Американцы боятся «Газпрома». Не надо бояться. Это, возможно, не самое удачное слово. Весь мир считается с «Газпромом». И все знают, что «Газпром» - это российская корпорация, что на подходе есть и другие перспективные гиганты, в том числе в авиастроении, судостроении и других отраслях.

А мы с примитивной наивностью взяли на вооружение «оранжевый» лозунг: «Олигархов» - к стенке!» Нашим конкурентам это только и нужно. В свое время так поступили с Польшей. Страной мелких лавочников хотят видеть и Украину. Такая страна намного сговорчивей. Процитирую в связи с этим еще раз Вацлава Клауса. Говоря о приватизационном процессе в Чехии, он подчеркивает: «После коммунистической эпохи мы обязаны были дать шанс развиваться отечественному капиталу. Ведь совершенно недопустимо было ориентироваться исключительно на скупку привлекательных объектов иностранными инвесторами». По такому принципу я действовал во все годы моего президенства. В чем бы меня ни упрекали нынешние правители, но я и сейчас глубоко убежден, что поступал правильно. Дать шанс стать на ноги отечественному капиталу - это всегда было для меня приоритетной целью. Ведь мы в 1991 году провозгласили курс на рыночную экономику. А разве возможна такая экономика без сильного национального капитала? Причем такого капитала, который глубоко сознает свою ответственность именно за национальную экономику. Он и будет сознавать, только не надо ставить ему палки в колеса, настраивать против него общество.

29 октября

Заговорщикам, которые устроили «кассетный скандал», многое удалось. Сильно сократился и замедлился приток иностранных инвестиций в Украину. В результате снизились темпы экономического развития. Положение буферной зоны, которое нам таким образом готовилось, - это межеумочное положение. Это прозябание между двумя экономическими и политическими пространствами. Вы не нужны ни одной из сторон. В этом смысле вам нет места под солнцем - достойного места, такого, на котором вы чувствуете себя самостоятельной силой. Если бы заговорщикам удалось сместить меня, президентом стал бы Ющенко. И никто другой. В 2000 году он в главном был такой же, как и в 2005-м. Он попытался бы проводить такую же политику, как и в 2005-м: лицом к Западу, спиной к России. От Запада он по большому счету не получил бы ничего, кроме благожелательных слов и самых общих обещаний. А реакция России могла бы быть более чувствительной, чем пять лет спустя. Во-первых, Украина 2000 года была все-таки слабее Украины 2005-го, а во-вторых, Россия была меньше связана (формально и неформально) с Западом. Достаточно сказать, что тогда еще не было такого фактора взаимопонимания и сотрудничества между США и Россией, каким стала угроза терроризма, что и привело к созданию антитеррористической коалиции.

Вообще, надо понимать, в большой политике основные участники игры всегда без особого энтузиазма относятся к перспективе возвышения и усиления новых сил. Это, можно сказать, объективный закон международных отношений. Все спланировано, утрясено, разграничены сферы влияния и ответственности, все более-менее предсказуемо - и вдруг появляется некий неожиданный фактор, игрок, которого надо на ходу учитывать, как-то с ним считаться. Конечно, с точки зрения «больших», было бы лучше, если бы он задержался где-то на подходе.

В связи с этим я хотел бы еще раз обратить внимание читателя на мои предвыборные обещания 1999 года, на мою инаугурационную речь. «Вы увидите нового Кучму». Это не были просто слова. У меня и моей команды действительно были колоссальные планы. Мы хотели в полную силу воспользоваться накопленным запасом прочности. Я собирался смело пойти на непопулярные реформы. Победил на выборах, 5 лет впереди, думать о следующих выборах не нужно. Развязанные руки! Существенно снизить налоги. Первые два года потратить на резкое уменьшение всяких льгот, сделать правилом адресную помощь - только тем, кто на самом деле в ней нуждается. Осуществить ряд других неотложных и болезненных реформ, судебную - в первую очередь. Провести глубокую пенсионную реформу. Внедрить систему медицинского страхования. Радикальным образом перестроить коммунальное хозяйство. Ввести эффективные стимулы жилищного и дорожного строительства. Это была не фантазия. Это были реальные планы. Я не просто готов был их осуществить - я знал, каким образом это сделать. В результате Украина и стала бы той «географической новостью» на карте мира, которую пришлось бы переваривать основным игрокам. Но «кассетным скандалом» меня выбили из колеи, да и Украину в целом. Пришлось отбиваться от нападок и отмываться от грязи. Усилилось противостояние в обществе, в парламенте. На все сто процентов замысел врагов Украины не удался, но о пятидесяти процентах можно, пожалуй, говорить смело.

7 ноября

Пора бы перестать играть в прятки, и как раз в этот день - в энную годовщину «Великой Октябрьской социалистической революции»! - сказать откровенно: после банкротства социализма мы, как и весь постсоциалистический мир, стали на путь создания капиталистического общества, капиталистической экономики, доказавшей свои исторические преимущества. А капитализма без капиталистов, без национальной буржуазии, в том числе крупной, не бывает. Но все 15 лет нашей независимости толкали на путь создания капитализма мелких лавочников, малого предпринимательства, капитализма без крупной национальной буржуазии. Как в Польше. Я говорил об этом не раз. Такая модель убийственна для Украины. Она убийственна даже с точки зрения структуры украинской экономики - ее основу составляют промышленные гиганты. И что? Отдать их «дяде»? А для украинцев оставить лишь сферу обращения и пошивочные мастерские? Часто говорят о том, что у Виктора Ющенко психология националиста. Мне и в Москве приходилось это слышать. В ответ смеюсь: «Ну какой он националист? Если уж хотите знать, то настоящий украинский нацио-

налист - это я, бывший «красный директор» Кучма!». Нынешний президент и его окружение, судя по их действиям, являются сторонниками национального возрождения без весомого национального капитала. Я не понимаю такого рода национальной психологии. В этом смысле «национализм» Кучмы более серьезен, последователен и осмыслен.

Повторю для тех, кто не знает. В России в свое время было принято негласное решение продавать стратегические объекты только своим, российским компаниям. «Русский капиталист - это русский капиталист», - не раз я слышал в Кремле. В расшифровке этого выражения не было необходимости. Я только кивал головой и добавлял: «А украинский капиталист - это украинский капиталист». На той же «Криворожстали» - замкнутый производственный цикл. Мы имеем свои коксующиеся угли, свою железную руду. Продать такое предприятие иностранцам - значит, как бы вырвать предприятие из страны, из отечественной экономики. Хозяин-иностранец может начать диктовать свои условия всей нашей металлургии. И не только ей. Не думаю, что Виктор Ющенко этого не понимает. Уж это-то он понимал всегда. Но очень выгодно ему было использовать такую карту, как «Криворожсталь», в борьбе за президентское кресло. Очень уж заманчиво было обещать озолотить «свою нацию», отобрав такое богатство у зятя Кучмы. Когда выборы остались позади, Ющенко, может быть, и рад был бы забыть об этом обещании, но уже не мог.

Мы уже наблюдаем возвращение российского капитала на родину. Так и в Украине. В 2004 году вернулось почти 5 млрд. долларов. Это не иностранные инвестиции, а отечественные деньги, которые ждали своего часа в офшорных зонах. Надо понимать, что никому не интересно прятать деньги. Деньги должны работать, и работать хорошо. В офшорах они приносят два процента годовых. Это пустяк. К тому же мир становится таким, что до этих денег когда-нибудь доберутся - и можешь остаться ни с чем. Любой из владельцев этих денег мечтает вкладывать их в производство, конкурировать на внешних рынках, зарабатывать деньги и снова вкладывать. А что значит, когда украинскими стратегическими объектами владеет иностранный инвестор? Он получил прибыль - вывез ее, потом будет думать, куда ее вкладывать. В Украину, где нестабильная политическая ситуация и не видно ясных перспектив? Или, может быть, в Казахстан, где все будет в порядке? Или в Китай, где все еще более стабильно, где можно не бояться непредвиденных рисков? И самое главное: он никогда не будет вкладывать деньги в отрасли высоких технологий не у себя дома.

Своего капиталиста можно пригласить на Банковую, поставить перед ним стакан с чаем или налить ему рюмку и сказать задушевно: «Ты, слушай, войди в наше положение. Давай вместе поднимать сельскохозяйственное машиностроение.а Хватит нам, имея лучшие черноземы, покупать практически все машины и орудия за рубежом. Правительство готово быть твоим партнером». Или: «Понимаешь, друг, какое дело. Нужны деньги на обновление Батурина. На строительство детской больницы… Реши как-нибудь этот вопрос, потому что это нужно Украине! А вот того-то и того-то не делай, потому что это не по нашим правилам, не в интересах Украины». И он, свой капиталист, никуда не денется, будет работать не только на себя, но и на Украину. А с индусом такого разговора быть не может. Да, когда-нибудь мы, наверное, достигнем таких высот, что не будет иметь значения, кому принадлежат наши стратегические объекты. США, Канада, Австралия, другие страны «золотого миллиарда», где функционируют транснациональные корпорации, - это другой мир, там люди живут по иным законам. А мы пока на таком этапе, что подражать им - значит проявлять заботу об их интересах, а не о собственных.

12 ноября

Эксперты ООН считают последствия аварии на Чернобыльской АЭС не такими страшными, какими они казались ранее. Это не первое такого рода сообщение. Не скрывается и цель: прекратить помощь в ликвидации последствий аварии. Говорят, что преувеличение последствий породило иждивенческие настроения в Украине, Белоруссии и России. Изображают дело так, что все это время мир буквально разорялся на Чернобыль. Что-то тут не совсем чисто, не совсем честно, что-то тут очень нехорошо.

В 1993 году я поселился на даче в Межигорье. Это местность, где жил когда-то В. В. Щербицкий. Его дача стояла далеко в стороне от той, которую занял я. Живу месяц, живу два. И вот замечаю, что чувствую себя здесь плохо. Нет той энергии, что была. Какая-то вялость, апатия. На глаза попался дозиметр, подаренный японцами. Посмотрел, что он показывает. Зашкаливает! Во-

круг красивая природа, овраги, в них много грибов, ребята их собирали. Стали и там замерять. И сколько ни замеряли - тоже зашкаливает. Дал поручение провести дополнительную дезактивацию территории. А вот в районе дачи Щербицкого уровень радиации был в норме. Там, во-первых, ровная местность, а во-вторых, была проведена дезактивация.

Пришлось переехать в Кончу-Заспу. Переехал - и сразу ощутил разницу в самочувствии. Авария на Чернобыльской АЭС была признана планетарной катастрофой. А раз это планетарная катастрофа, то и помощь в ликвидации последствий должна была бы быть планетарной. Вон даже Америке ООН сейчас помогает в ликвидации последствий наводнения… Мы просили помощи только в таких делах, с которыми не могли справиться сами. Прежде всего в строительстве надежного укрытия. Медикаменты. Средства на создание компенсирующих мощностей после закрытия Чернобыльской АЭС. Создание какого-то количества рабочих мест взамен тех, что были потеряны в результате этого закрытия. Получили мы на все про все унизительные крохи. На первых порах, как известно, шла гуманитарная помощь: просроченные или близкие к тому лекарства, всякое старье и обноски. Эта помощь часто напоминала ту «гуманитарку», которую в свое время Советский Союз посылал, как мне рассказывали, в Мозамбик, где 50-градусная жара: кроличьи шапки-ушанки и армейские одеяла со складов государственного резерва. Может, я преувеличиваю, пусть меня простят, но все, что пришлось пережить народу Украины, особенно в пораженных радиацией регионах, ни в малейшей степени не может быть компенсировано той помощью, которую мы получили.

Ситуация со строительством нового саркофага только сейчас, кажется, начинает сдвигаться с мертвой точки. Сколько лет прошло? В свое время (2000) мы с вице-президентом США Гором провели первую акцию по сбору денег на одной международной конференции в Нью-Йорке. Требовалось 700 миллионов долларов, собрали больше половины. Эти деньги, наверное, уже на треть израсходованы, а к делу еще не приступили. Увидев, что этих денег не хватает, нам стали настойчиво предлагать «конструктивную» идею: пусть, мол, Украина покроет разницу. Я сказал, что мы этого делать не будем. Вот Оттавский меморандум, вот соглашение, вот ваши обязательства и обещания - давайте, ребята, выполняйте.

Мне приходилось слышать мнение, что денег нам не дают потому, что в Украине разворовывают все, что попадает в ее распоряжение. Это глупость. Деньги, предназначенные на ликвидацию последствий Чернобыльской катастрофы, аккумулирует Европейский банк реконструкции и развития. С 1997 года они находятся там, мы их не видим. Мы видим только десятки всевозможных делегаций, которые приезжают к нам и все что-то изучают. Я говорю в связи с этим, что деньги Запад выделил не на чернобыльские дела, а на самые дорогие киевские гостиницы и суточные для своих бесчисленных представителей. А на создание компенсирующих мощностей закрытой Чернобыльской станции, кстати, не дали ни копейки, ни цента. Я ждал, ждал, потом обращался, обращался, шумел, шумел… Бесполезно.

Некоторые из моих собеседников считают, что именно этим, то есть жадностью западных чиновников, разбазаривающих «чернобыльские» деньги, объясняется кампания публикаций, в которых доказывается, что последствия катастрофы на ЧАЭС не такие уж страшные.

Говорят: у вас достаточно тепловых мощностей, вы можете компенсировать ими те, которых лишились после закрытия Чернобыльской АЭС. Но, во-первых, наши тепловые электростанции достались нам от царя Гороха, их надо «под копер», и строить все заново. Все эти мощности требуют серьезной реконструкции. Во-вторых, самая дешевая - ядерная энергетика. В-третьих, на Хмельницкой атомной станции всего один блок. Это неэкономично. Рентабельность начинается с двух блоков. С какой стороны ни заходи, мы вправе требовать, в соответствии с Оттавским меморандумом, чтобы было профинансировано строительство хотя бы этого второго блока. Причем речь шла не о безвозмездной помощи, а о кредитах.

Иногда меня спрашивают, зачем, видя такое равнодушие со стороны всего мира и прежде всего Запада, мы согласились на закрытие Чернобыльской станции. Скажу откровенно: я долго не хотел, сопротивлялся. Но на нас оказывалось очень большое давление, особенно со стороны Европы. «Очень большое давление» - очень мягко сказано. Нам ставили ультиматум. И, соответственно, продолжались обещания и всяческие заверения. В такой обстановке мы в декабре 1996 года подписали в Оттаве меморандум, обязавшись закрыть ЧАЭС до 2000 года. Под этим меморандумом стоят подписи «большой семерки». Ну а самое главное - подходили к концу гарантийные сроки эксплуатации действующих блоков. Нужно было бы делать капитальный ремонт. А это - ог-

ромные затраты: около 300 миллионов долларов на один блок. Мы не могли их себе позволить, казна была пуста. А отказаться от ремонта - значит, создать угрозу новой катастрофы. Запад об этом знал, поэтому и вел себя так агрессивно. И самое главное: в Европе усилились протесты против атомной энергетики. Поэтому так напирали на Украину европейские правительства. Нет Чернобыльской АЭС - нет проблемы с общественностью. Нам просто некуда было деваться. Только закрывать…

Точно так же было в свое время с ядерным оружием. Кончались гарантийные сроки хранения. Боеголовки «фонили» будь здоров! Новых боеголовок Россия, естественно, нам не давала и не собиралась давать. Что оставалось делать с этим «фонящим» добром? Был, правда, выход, но чисто теоретический. Обняться с Россией и оставить общие ядерные силы. На всю, как говорится, оставшуюся жизнь… На это не могли пойти ни тогдашний президент Кравчук, ни Верховная Рада. Не знаю, между прочим, согласилась ли бы Россия. Выход был один: проявить вынужденное благородство - отказаться от статуса ядерной державы. Когда приходится слышать, как тот или иной народный депутат с важным патриотическим видом доказывает, что Украина должна была оставаться ядерной державой, у меня возникает такое ощущение, что мы слушаем его вместе с Кравчуком и переглядываемся: мели, Емеля!…

Первое, что сделала наш Верховная Рада, как только Украина вышла из Советского Союза, - принялась штамповать законы и постановления о льготах чернобыльцам. Эти льготы распространились чуть ли не на всех, кто хоть раз проехал мимо 30-километровой зоны. Плюс льготы загрязненным радиацией районам. Тот, кто принимал непосредственное участие в ликвидации аварии, кто был в самом пекле, и киевский чиновник, не покидавший города, оказались в равном положении льготников. Мне кто-то рассказывал, что 80 процентов работников аппарата ЦК КПУ и совмина получили «мандаты» чернобыльцев. Та же уравниловка, что и в случае со льготами ветеранам Великой Отечественной войны. И окопник, и тыловик, и тот, кто просто находился на временно оккупированной территории в детском возрасте, - все поставлены на одну доску. Наши парламентарии думали, что украинская казна неисчерпаема. Более того, о казне, по-моему, вообще не думали. Главное - проявить заботу о людях, понравиться избирателю. Где взять деньги, пусть ломает голову кто-то другой. Этого другого представляли себя в образе какого-то странного царя - такого царя, который существует для того, чтобы исполнять депутатские предписания. В результате - уродливые, бессмысленно дефицитные бюджеты, недовольство людей, уверенных, что они обмануты «преступным режимом». И, конечно, широкий простор для популистских обличений и обещаний.

25 ноября

Я старался ездить в те страны, от которых можно было что-то получить для развития нашей экономики. Поездки в Европу очень часто носят сугубо ритуальный характер. Европейский капитал, да будет всем известно, - ленивый капитал. Может, я ошибаюсь… Европейцы в своих белых перчатках проиграли американцам соревнование за влияние на постсоциалистическом пространстве. Я имею в виду не только и не столько постсоветские страны, сколько страны Центральной Европы. Не случайно возникла проблема отношений между «старой» и так называемой «новой Европой». «Новая Европа» сегодня выполняет роль «троянского коня» американского капитала в Евросоюзе. И в НАТО… Я заметил это давно, когда процесс только-только зарождался. Постоянное доверительное общение с восточноевропейскими лидерами не проходило бесследно. В этих обстоятельствах рассчитывать на активность европейского капитала в Украине было бы большой наивностью. Исключения, которые демонстрировали немцы, французы, англичане и особенно нидерландцы, не могли изменить правила. Проиграв Центральную Европу, западные европейцы проиграли и Украину. На мои настойчивые приглашения я слышал ответ: «У вас еще не созданы институты гражданского общества, не все в порядке с самостоятельностью СМИ», - отвечали мне, как будто с этим все в порядке, к примеру, в Китае. Отговорки ленивых…

С экономической точки зрения, для меня был привлекательным Восток, страны Персидского залива, где есть капиталы и где я видел неподдельную заинтересованность в сотрудничестве с Украиной. Одна Ливия чего стоит! Если не пойдет прахом то, что мы намечали с Каддафи, перед Украиной будут захватывающие перспективы. И, конечно, с огромной пользой для Ливии. Муаммар не случайно звонил мне в 2004 году и агитировал идти на третий срок. «Меня беспокоит, что бу-

дет с нашими начинаниями», - говорил он. «Меня, - говорю, - это тоже беспокоит, но в Украине не такие условия, Муаммар, чтобы я мог править пожизненно». Мы должны были участвовать в строительстве железных дорог в Ливии. У них есть колоссальный проект. Они решили протянуть железную дорогу вдоль всего побережья. Добыча нефти и газа. Наша промышленность может поставлять им трубы, компрессоры и все, что нужно для этих отраслей. Строительство шоссейных дорог. Муаммар предоставил нам хорошие места для разведки запасов нефти.

И, конечно, Южная Америка. Это, я считаю, Клондайк для Украины. Очень хорошие отношения сложились с Бразилией, Аргентиной. В каком-то смысле у нас идеологическая близость - похожие проблемы и трудности. Запомнился визит к нам бразильского президента Фернандо Кардоза, встреча с его преемником Лула да Силва - залетел в Киев (не в Москву!) по пути в Китай, мы с ним хорошо пообщались, показал ему нашу Лавру. У нас с Бразилией крупный космический проект. Болит сейчас душа за него… А вот смотрю на Канаду. Сколько мы там ни обнимались, а практических результатов нет. И украинская диаспора там есть… Помню, с каким оптимизмом ехал туда наш первый посол Левко Лукьяненко. Мой первый государственный визит в 1994 году был в Канаду. Скажу со всей откровенностью: я очень рассчитывал на поддержку канадцев. Не получилось…

Китай, Индия, Пакистан - вот где наши грандиозные и, главное, реальные перспективы. С Китаем у нас большой товарооборот, военно-техническое сотрудничество, в том числе и в ракетно-космической сфере, в авиастроении. Мы продали туда «Кольчуги». Китай оказался покупателем последних «Кольчуг». Нас потом все выспрашивали, где китайцы их разместили. Малайзия, Сингапур, Филиппины. Малайзия - интереснейшая для нас страна! Она обратила внимание на наши самолеты, особенно на транспортный Ан-70. Правда, в этой стране тоже большие внутриполитические трудности, все время что-то мешает. Страны Персидского залива - интереснейший для нас регион. И Сирия, Иордания, тот же Ирак. Меня, кстати, всегда смешит, когда наши коммунисты и, так сказать, приравненные к ним защищают деятелей вроде Саддама Хусейна. Защищали его и от меня, когда шла речь о посылке наших военных в Ирак. Я говорил: «Он же всех ваших братьев по разуму уничтожил до десятого колена, а вы за него из штанов выскакиваете».

2 декабря

После выпускных экзаменов в университете я пришел на распределительную комиссию. Меня, как положено, спросили, куда я хотел бы поехать на работу. Мне было все равно, куда. «Куда пошлете, туда и поеду». - «В конструкторское бюро хотите пойти? Здесь, в Днепропетровске». - «Не возражаю». Многие сказали бы, что счастливы остаться в Днепропетровске и оказаться в таком КБ, да и я, конечно, был доволен, но ответил почему-то сдержанно. Может быть, я получил такое выгодное назначение потому, что не стремился устроиться как-нибудь получше. Ответ: «Куда пошлете, туда и поеду» давали далеко не все. В этом назначении был Божий перст. Я не блистал, не был отличником. Приходилось все время думать, что пожрать и на что пожрать, для этого - подрабатывать. На одну стипендию прожить было невозможно, а мать мне из села помочь не могла. Я все пять университетских лет проходил полуголодный.

На курсе нас было 450 человек, из них только человек 30 девушек. Каждый год собираемся все, у кого есть возможность. Многих уже нет. Многим помогал. Несколько человек из тех, с которыми учился и работал в первые годы, остались друзьями на всю жизнь. Вообще же меня не миновала чаша всех, кому выпадала большая карьера. Есть что-то вроде пословицы: когда ты поднялся по служебной лестнице, у тебя уже не друзья, а прилипалы. Сорвался с лестницы - отлипли и они. Люди есть люди. Плюс советское чувство страха. Во многих оно живо до сих пор. Кто-то опасается за семью, кто-то - за бизнес, кто-то - за свою политическую карьеру.

Всегда любил сам гладить свои костюмы. Люся только рубашки стирала и гладила. Вернулся вечером с работы, носки постирал, брюки нагладил, пиджак, повесил все до утра. Это был автоматизм. Я уже работал директором «Южмаша», и у меня было всего три костюма. Но страшно не любил небрежно, неряшливо одетых людей рядом. Долго носил советские костюмы, в том числе и знаменитой фабрики «Большевичка». Когда стал премьер-министром, продолжал шить в Днепропетровске, потом одевался у одной известной киевской фирмы - не хочу ее называть, потому что сейчас, может быть, она уже научилась шить, а тогда в их изделии чувствовал себя, как в панцире. Ваты всюду напихано, она давит, как средневековые латы. Норма моя была - один костюм в год.

Заказывал один пиджак и двое брюк. Брюки быстрее изнашиваются, потому что их каждый день утюжишь основательно, а пиджак - слегка, рукава и спинку. Года три назад перестал мудрить и переметнулся к Бриони. У него костюмы - словно по тебе шиты. Носишь и не ощущаешь на себе.

Спортивный зал - необходимость. Просто необходимость! Несколько дней не позанимаешься - и полное отсутствие сил. Системно начал с 1998 года. Тогда я впервые понял, что если не буду мучить себя физически, то повседневные рабочие нагрузки станут непосильными. Жизнь тебя начинает сгибать. Я подобрал для себя спортивные снаряды. Занимаюсь минимум четыре-пять раз в неделю. Это помогало снимать психические нагрузки во время «кассетного скандала». И ежедневная часовая утренняя прогулка. После этого можно ехать на работу и углубляться в самые сложные документы. Утро - для них. Вечером документы смотреть бесполезно - ты просто не в состоянии понять смысл многих предложений. У нас в КБ «Южное» когда-то Михаил Кузьмич Янгель, главный конструктор, завел правило: до 12 часов дня все руководители должны сидеть на местах и никого не принимать. Даже из цехов людей не принимали. Да они и не приходили. Все знали: до двенадцати дня весь командный состав занят чисто умственной работой.

Джаз, американский, орлеанский джаз я полюбил, как только первый раз услышал Армстронга, Фицджералд. Эти две фигуры перевернули мой тогдашний мир. Я немного играл на гитаре, иногда рыкающим голосом подражал им. Это были студенческие годы. В свободной продаже дисков не было, джаз существовал в полуподполье, кое-где в провинции - в настоящем подполье. Пластинки были самодельные, на рентгеновской пленке. И одновременно почти в таком же положении были песни Окуджавы. Американский джаз и песни Окуджавы - все-таки довольно разные вещи, а любили мы их одинаково. Я исполнял весь репертуар Окуджавы, начиная с «Последнего троллейбуса». Потом Окуджава стал выпускать исторические романы. Один известный литературный критик написал о них, что они слабые, а про песни отозвался так: люблю их за человечность. Тогда я понял, каким словом можно назвать причину нашего увлечения Окуджавой. Человечность. Этим словом я бы описал и весь быт молодежи моих студенческих лет и ряда последующих. Человечность, романтизм. Человечный романтизм. Мы увлекались туризмом. Это было поколение, которое связало себя с природой. Американский джаз, Окуджава, родная природа… И Визбор, Высоцкий, ну и десятки самодеятельных бардов, среди которых - свой, «кабевский» (от КБ «Южное») Виталий Чеховский, чья песня «Командированных неугомонных племя» стала нашим гимном.

Рабочая неделя еще была шестидневная. Каждую субботу мы шли на работу с рюкзачками, оставляли их в камере хранения, потом командой - на трамвайную остановку. Один трамвай, второй. Потом через Днепр - на лодке, там лодочники подрабатывали перевозом, а дальше - пешком на малые и большие озера за Днепром. Устраивали соревнования по ориентированию, потом костер, песни, вино-«сухарь». На большее денег не хватало. Водку мы тогда не пили. А белое столовое стоило до рубля бутылка. В КБ у нас был очень неплохой джазовый оркестр, эстрадный, полномасштабный, с саксофонами и со всем, что положено. Ездили с концертами на полигоны, где испытывались наши ракеты и космические аппараты, особенно - на Байконур, обменивались гастролями самодеятельности с нашими московскими и ленинградскими смежниками. Помню, когда мы первый раз привезли на Байконур свою «банду», то многие вещи из нашего репертуара полигонная публика не поняла. У них там было строже, чем у нас, все неофициальное запрещалось. А мы себя чувствовали элитой, да в известном смысле и были ею, если учесть, что в КБ «Южное» работали до 10 тысяч человек, средний возраст которых был 28 лет, причем со всего Союза. Предприятие абсолютно закрытое, повышенные зарплаты. Щеки надували, конечно. Нам запрещалось говорить, что мы делаем ракеты, но для городского базара, естественно, это секретом не было. Когда параллельно с ракетами открыли тракторное производство, появилась шутка: приехали грузины с чачей, им по частям вынесли трактор, они уехали домой, собрали его, а он улетел.

5 декабря

На президентских выборах в Венесуэле опять победил Уго Чавес. Большое впечатление произвела на многих наблюдателей система подсчета голосов: использование автоматов для голосования, отпечатки пальцев, несмывающаяся краска, бумажный бюллетень для контроля. Мгновенно отправлялись данные в Центризбирком. Очень высокой была явка избирателей - 15 миллионов человек, это 74,97 процента венесуэльцев с правом голоса. За Чавеса проголосовали почти 63 про-

цента. Эту победу сразу признали руководители оппозиции, за что он выразил им благодарность и предложил конструктивное сотрудничество. Не знаю, насколько конструктивным оно будет, если учесть все, что он сказал на митинге в Каракасе. Он напомнил, что свою победу посвящает Фиделю Кастро, назвал Джорджа Буша сатаной, а главное - объявил новый этап в строительстве «венесуэльского социализма XXI века». «Я не Чавес, я народ, который сегодня победил, - сказал он. - В истории Венесуэлы начинается эра социалистической революции». Так что не случайно западная печать называет Чавеса «петрокоммунистом», то есть «нефтекоммунистом».

Я встречался с этим человеком в сентябре 2002 года, в дни саммита ООН по проблемам устойчивого развития и защиты окружающей среды («Саммита Земли») в деловой столице Южно-Африканской Республики Йоханнесбурге. Встреча была официальной, рабочей, но Чавес сразу придал ей исключительно дружественный характер. Он произвел на меня впечатление очень обаятельного, открытого человека. Сразу пригласил посетить Венесуэлу, мы легко нашли общий язык по всем вопросам сотрудничества наших стран. Он на «ура» воспринял мое заявление, что Украина готова участвовать в нефтегазовых проектах его страны, в модернизации венесуэльского транспорта, может выполнять заказы на поставку энергооборудования, турбин, компрессоров и иного оборудования для гидроэлектростанций. Мне запомнилось его высказывание о Соединенных Штатах Америки: «Я лично ничего не имею против американцев, но мой народ их ненавидит. К сожалению, они дают немало оснований для этого. Я вынужден считаться с настроением моего народа».

В его тоне действительно не чувствовалось никакой личной враждебности к США. Это резко контрастировало с накалом его публичных выступлений, тем более что летом того года он пережил крупные неприятности, в которых американцы сыграли определенную роль. В апреле против него выступили военные, и два дня он был отстранен от власти. Фидель Кастро даже собирался прислать за ним самолет и предоставить ему политическое убежище. Вернувшись к исполнению президентских обязанностей, Чавес первым делом пообещал объединить нацию, потому что значительная часть простых венесуэльцев поддержала его недругов. Раскол не преодолен, однако, до сих пор. Свидетельство тому - почти 40 процентов голосов, отданных за лидера оппозиции на последних президентских выборах. Как Чавес будет строить социализм кубинского образца при таком раскладе, представить трудно. Но не хочу скрывать, что гордость и стойкость большинства венесуэльцев, которую они проявляют по отношению к такому могущественному соседу, как «дядя Сэм», вызывает у меня невольное уважение.

Мы встречались в первых числах сентября 2002 года, а в декабре того же года его настигла новая беда - общенациональная забастовка парализовала нефтедобычу. Оппозиция потребовала немедленной отставки президента. Он, однако, удержался, и за последующие годы число недовольных им уменьшилось с двух третей населения до 40 процентов.

Только сейчас прочитал кое-что из того, что писали в Украине оппоненты власти в связи с моей встречей с Чавесом. Прежде всего отмечалось, что он был наполовину сам виноват в том, что против него оказалось две трети населения. Он не смог выполнить свои популистские обещания народу, демонстрировал самые теплые чувства к левацким движениям Южной и Центральной Америки, дружбу с Кастро и враждебность к США и к отечественным «олигархам». Я обратил внимание на следующий анализ, принадлежащий перу украинского политолога Виктора Каспрука:

«В отличие от Чавеса, президент Украины Леонид Кучма является не оппозиционером относительно отечественной олигархии, а наоборот - ставленником олигархии, олигархолюбом и олигарховодом - селекционером этой специфической породы населения страны. Поэтому сравнивая этих двух президентов, необходимо указать на не просто их отличие, а на их полярную противоположность как на политической оси олигархическая-социальная ориентированность, так и на кривой истории политического процесса. В этом понимании Леонид Кучма не только оппонент социально ориентированного Уго Чавеса, а и его историко-политический предшественник, как и замененный на президентском посту Уго Чавесом лидер Демократического движения Венесуэлы Карлос Андрес Перес. Согласно этой классификации, лишь следующий президент Украины может стать для нашей страны тем, кем стал для Венесуэлы Уго Чавес. В случае, конечно, если и он не будет ставленником олигархических кругов. Так что уроки взлетов и падений могут быть очень уместными и поучительными для следующего демократического и социально-ориентированного президента Украины. Кто бы им ни стал персонально - Виктор Ющенко, Юлия Тимошенко или какая-то третья политическая фигура».

Здесь я нашел одну глупость и одну интересную мысль. Глупость - в словах, что я вывел в Украине породу «олигархов» и явился их ставленником. Серьезный человек, а тем более политолог, исследователь политических процессов не должен, по-моему, повторять выкрики популистов. Олигархия - это правление узкой группы лиц. Сначала «олигархами» были названы несколько самых крупных предпринимателей России. Это была чистая условность, пропаганда. Потом слово «олигарх» прижилось и в Украине. Дошло до нелепости: «олигархами» стали называть «воротил» даже районного масштаба. На деле ни в России, ни в Украине власть никогда не принадлежала тем лицам, которые считаются «олигархами». Два срока подряд я был Президентом Украины благодаря победе на выборах. Это во-первых. Во-вторых, с первого до последнего дня мне пришлось делить власть с парламентом. Наши отношения были очень сложными, подчас - драматичными. Иногда побеждал я и мои сторонники в парламенте, иногда - парламентская оппозиция. Напомню для примера, что я потерпел поражение по такому важнейшему, принципиальному, исторического значения вопросу, как торговля сельскохозяйственной землей, создание земельного рынка. А неудача моего проекта конституции 1996 года? Какая же, к чертям собачьим, олигархия? Если бы Украиной правили настоящие олигархи через своего ставленника-президента, разве позволили бы они себе проигрывать такие дела?!

А интересная, на мой взгляд, мысль политолога Каспрука состояла в том, что он в 2002 году предвидел: в Украине может появиться президент-популист, чья деятельность заставит нас вспомнить «взлеты и падения» Уго Чавеса. Действительно, демагогия и многие решения первого «оранжевого» правительства, которое президент Ющенко назвал лучшим правительством за всю историю Украины (за пару недель до того, как отправил его в отставку), живо напоминали практику венесуэльского «петрокоммуниста», личность (не идеология!) которого, повторю, произвела на меня в 2002 году хорошее впечатление.

7 декабря

Люди, далекие от управленческой жизни, делятся на две категории. Одни (таких, в общем, единицы, и это обычно более образованные) считают, что от руководства мало что зависит - есть, мол, объективные ограничения, преодолеть которые никому не по силам. Другие уверены, что от начальства зависит все. Однако абстрактные разговоры на эту тему меня никогда не интересовали. Объективные ограничения есть всегда и везде. Мы много лет имели дело с таким объективным ограничением, как заведомо неэффективная социалистическая плановая система. Но и в ее сковывающих рамках многое на каждом участке решали личные деловые и нравственные качества руководителя. Будучи директором Южмаша, я вообще настраивал начальников цехов и других подразделений, что успех зависит только от них. Знал, что преувеличиваю, и они это знали, но все вместе мы знали и другое: как бы там ни было, работать надо так, будто все действительно зависит от тебя одного.

Я все время говорю о хроническом кадровом голоде в стране, о короткой скамье запасных. Но тем более надо отдать должное Украине, которая на протяжении всех лет независимости все-таки постоянно выдвигала на важные участки множество профессиональных и добросовестных людей. Хотелось бы назвать десятки и сотни талантливых, выдающихся управленцев, которые удерживали под своим контролем самые трудные ситуации в сложнейших условиях переходного периода. К сожалению, это невозможно. Гриневецкий - в Одессе, Куницын - в Крыму, Вышиванюк - в Ивано-Франковской области, Сорока - в Ривненской, многострадальный Ризак - в Закарпатье. Это парень-трудяга. Так я всегда называл его. Его область, когда он туда пришел, была по основным показателям на последнем месте в Украине. Он вывел ее на одно из первых. При нем Закарпатье в 2003 году впервые в своей истории заняло первое место по темпам социально-экономического развития в стране, а в 2004 г. - второе, уступив только Киеву. Если в 2002 г. темпы роста в Закарпатье были 10 процентов, то в 2003-2004 гг. - 27-44. При этом Ризаку удалось выдерживать самые низкие в Украине цены на хлеб и нефтепродукты. За два года при нем в Закарпатье удалось привлечь инвестиций почти столько же, сколько за 10 лет до него. Регион перестал быть убыточным. В 2002 году бюджет Закарпатья собирал 0,5 млрд. гривен, в 2004-м - 1 млрд. Такие вещи не происходят сами собой.

Я постоянно встречался со всеми губернаторами, бывал у них, принимал их в Киеве для обсуждения животрепещущих вопросов. И не так уж много губернаторов я поменял. Этого тоже

нельзя избежать. Человеку свойственна склонность к воеводству, княжению. В ней есть и плюсы, и минусы. Когда минусы начинали перевешивать плюсы, приходилось принимать организационные решения. Видимо, не такой уж глупой была советская система кадровой ротации. Украине только пошло на пользу то, что у нас не было выборности губернаторов. Я был категорическим противником выборности губернаторов в переходный период.

Доставшееся нам хозяйство под названием «послесоветская Украина» было обставлено уникально жестокими объективными ограничителями. Но и в этих условиях, а лучше сказать - именно в этих условиях управленческие, менеджерские, лидерские качества кадров играли важнейшую роль. Начальник должен быть решительным человеком. Нерешительный начальник - это трагедия. Он не должен бездумно принимать критику в свой адрес, слишком бояться общественного мнения. Общественное мнение, как и критики, ведь никогда ни за что не отвечает. Им бесполезно предъявлять претензии, напоминать об ошибках, о несправедливых обвинениях с их стороны, об их несбывшихся пророчествах…

Опять припоминаю, как нападали на Александра Омельченко, когда он разрыл («изуродовал») Крещатик. Я мог это сравнить с примером, не таким, конечно, крупным, из своей трудовой биографии. Когда я работал на Южмаше, то решил сделать реконструкцию центральной улицы. Для этого пришлось всю ее перерыть. Каких только «комплиментов» я по этому поводу не услышал! Но когда работы закончились, те же самые люди, что меня ругали за причиненные им неудобства, не могли нарадоваться. Упорядочилось движение, не стало тех тротуаров, на которых ломали ноги, по сторонам были посажены деревья. Появился подземный переход от проходной… Правда, к хорошему быстро привыкли и, как водится, стали ругать меня за что-то другое - уже не помню, за что конкретно. Думаю, люди тоже не помнят. Поэтому я сразу сказал Омельченко: «Делай что задумал и не обращай внимания на крики». Правда, пришлось, в духе времени, мне самому заняться «пиаром», то есть улаживанием отношений с общественностью, в данном случае - «номенклатурной». Посмотрев канализационные трубы, которые отрыл Омельченко, я устроил на Крещатик экскурсию для должностных лиц: смотрите, мол, что вам хотелось оставить в неприкосновенности. Это были почти сгнившие трубы «времен Очакова и покоренья Крыма». В те времена их просто закапывали - и на этом ставили точку. Без всякой изоляции!

Решительным человеком зарекомендовал себя генерал Кузьмук. Я познакомился с ним, когда он был еще полковником, командовал армейской группировкой в Евпатории. Крым бурлил. Ожидать можно было худшего. Я поручил полковнику быть готовым ко всему, действовать по обстановке, помня при этом, что превыше всего - конституционный строй Украины. И он, когда настал такой момент, показал, что мы шутить не собираемся. Действовал смело, четко и твердо. Вывел на всякий случай бронетранспортеры, но сам за броней не прятался, а наоборот, спешивался и шел в толпу с убедительными словами как раз о конституционном строе, а не просто о пользе правильного поведения граждан в общественных местах.

После этого я поставил его командовать Национальной гвардией. Ее создал Леонид Макарович Кравчук как элитное, «президентское» подразделение, задачей которого являлась защита конституционного строя в особых случаях вроде массовых беспорядков, грубых актов неповиновения и т. п., Кузьмук и здесь показал себя настоящим профессионалом, решительным и ответственным человеком. На него приятно было смотреть. Всегда свеж, бодр, подтянут, день и ночь занимается своими подразделениями.

Национальная гвардия оказалась нам все-таки не по средствам. Денег едва хватало на снабжение армии продовольствием. Гвардию вскоре пришлось расформировать, вернув ее функции Внутренним войскам, усилив их обеспечение. Кузьмук стал министром обороны. А министр обороны - это уже политическая должность со всеми плюсами и минусами. Тут ты постоянно под прицелом общественности. А общественность - дама своеобразная. Ваши достижения она принимает как должное, а упущения, да и просто неудачи, чрезвычайные происшествия не прощает. Толпа по-прежнему жаждет крови. Это звучит грубо, но общий смысл, со всеми поправками на двадцать первый век, остается неизменным. У меня не было особых претензий к министру Кузьмуку. Но пошли известные с л у ч а и. Был сбит израильский пассажирский самолет, с Деснянского полигона стрельнули по жилому дому. Уклониться от оргвыводов было трудно. После отставки с министерского поста Кузьмук остался при армии, а через некоторое время я вернул его на этот пост. Потом он ушел в депутаты. Я его поддерживал, у меня с ним и сейчас прекрасные отношения.

8 декабря

Ходило мнение, что я привез Павла Лазаренко с собой из Днепропетровска. Это неправда. В Днепропетровске мы с ним не общались. Познакомились, когда оба оказались в парламенте. В советское время он был заведующим отделом сельского хозяйства Днепропетровского обкома партии. Мы были в разных весовых категориях. Для директора Южмаша такой партийный аппаратчик - не фигура. После 1991 года он стал представителем президента в области. Когда Кравчук проиграл мне президентские выборы, я оставил Лазаренко в прежней должности: мне не хотелось начинать кадровые перемены со своей области. При этом я очень хорошо знал, что во время выборов он делал все, чтобы я проиграл.

Павел Лазаренко оказался в Киеве благодаря Евгению Марчуку. Марчук тогда был премьер-министром. Он несколько месяцев уговаривал меня назначить Павла первым заместителем премьер-министра. Марчук не был компетентным в экономике. Это не его специальность, и не его род деятельности. Он знал, что Лазаренко - хозяйственник, и хозяйственник крепкий. Правда, насколько Павел разбирался именно в рыночной экономике, - это был другой вопрос. У него в Днепропетровской области именно такой экономикой не пахло. Там была чисто командная экономика, а в ней Лазаренко разбирался очень хорошо. Более того, он был для нее создан. Но при этом он был и мастер подбирать все, что плохо лежит. Из таких получаются неплохие предприниматели. В правительстве он повел себя так, что Марчуку там практически стало нечего делать. В этом смысле можно сказать, что Лазаренко его выжил. Я своим указом о снятии Марчука просто оформил этот быстро свершившийся факт.

Лазаренко - сильная личность. Одна из сильнейших в Украине - во всяком случае из тех, что появлялись на ее горизонте за годы независимости. Работоспособный колоссально! В этом отношении был только один равный ему человек. Это, конечно, Юлия Тимошенко. Если бы политреформу, которую мы с Медведчуком так и не смогли «продавить» через Верховную Раду, «лоббировали» Лазаренко или Тимошенко, она бы состоялась. В этом не может быть сомнений. При условии, конечно, что она была бы им нужна.

В правительстве Марчука Павел Лазаренко принимал основные решения по газовым и приватизационным делам. Когда он стал главой правительства, эти вопросы остались, естественно, за ним. Я не мог вникать во все детали торговли газом и проведения той же приватизации. Больше того, скажу со всей откровенностью, я был довольно далек от приватизационной конкретики. Многого из приватизационной технологии я просто не понимал. На нас давил Международный валютный фонд, требуя самых высоких темпов этого процесса. Это совпадало с моим видением ситуации. Я считал, что чем быстрее государство избавится от функции хозяйствующего субъекта, тем лучше. Другого выхода просто не было. Верховной Радой ежегодно принималась обстоятельная программа приватизации. Я считал, что остальное должно быть делом техники. Главное - быстрее! А скорость могла быть обеспечена только большим административно-командным напором, волей таких людей, как Лазаренко. Стоять у них над душой - значило бы парализовать весь процесс.

Такова суровая правда жизни. Я не считаю нужным ее скрывать. Конечно, если бы этот процесс шел медленнее, то схемы приватизации могли быть более прозрачными. Но все равно: провести приватизацию справедливо, ко всеобщему удовлетворению, было бы невозможно. Для меня это само собой разумелось. Считаю, что Украине и нужен был руководитель с таким убеждением. Представляю себе, что мог бы натворить человек, который бы во главу угла поставил «справедливость» в условиях экономической разрухи и политической нестабильности. Страна надолго погрязла бы в разрушительной склоке. Приватизация - это такая операция, которую надо или делать, и без промедления, или не делать. Но если бы мы не стали ее делать, мы бы с нашим огромным хозяйством наверняка развалились бы.

Мы ведь не Белоруссия. Ее «приватизировал» один человек и десять лет продержался на советской инерции и на российских привилегиях. В Белоруссии нет, например, угольной промышленности, а в Украине она висела на шее государства и тянула его ко дну. В Белоруссии не было огромной устаревшей металлургической промышленности… Белорусское народное хозяйство - хозяйство послевоенное, как я уже говорил. А нашу металлургию после войны вернули из Сибири, и она проскрипела еще полстолетия и даже больше. Она и сейчас занимает первое место в мире

среди отсталых производств. Есть предприятия, где возраст основных фондов - 60-70, а то и больше лет, хотя норма - 25. Выгоднее было бы снести все допотопное и построить новое. Я уверен, что это было бы сделано, если бы в Советском Союзе была проведена приватизация году в пятидесятом или сразу после смерти Сталина, в пятьдесят третьем. Достаточно сравнить состояние нашей металлургии до приватизации и после нее. Буквально за несколько лет в ней было сделано больше, чем за все годы советской власти! Такое техническое перевооружение в такие короткие сроки и с таким результатом под силу только частному бизнесу.

Когда Лазаренко ушел из правительства, то решил стать народным депутатом. Разумеется, выдвинули его в Днепропетровской области. Именно она дала ему нужные голоса. В остальных регионах он получил нули. Так его «Громада» оказалась в парламенте. Образовать из себя отдельную фракцию она не могла: не хватало «штыков». Тогда Лазаренко пошел, как говорят, с заманчивыми предложениями по другим фракциям. Желающие перейти под его начало нашлись. Так он организовал свою фракцию. И она стала обладательницей «золотой акции»! Сначала это проявилось при выборе председателя парламента. Раз десять голосовали за Мороза, раз восемь - за Симоненко. По два голоса не хватило Кравчуку и Плющу. Лазаренко обещал им поддержку своей фракции, а когда доходило до дела, нарушал обещание. Два месяца избирали председателя парламента! Наконец, председателем стал Ткаченко. Юлия Тимошенко как член «Громады» получила бюджетный комитет. «Громаде» достался и ряд других ведущих комитетов.

Оснований жаловаться на судьбу у Лазаренко не было. Он стал членом Парламентской ассамблеи Совета Европы, в качестве руководителя фракции часто выезжал в Брюссель. Но когда он попался в Швейцарии с панамским паспортом, то в Верховной Раде с удовольствием проголосовали за лишение Павла Ивановича Лазаренко депутатской неприкосновенности. Это было 17 февраля 1999 года. С представлением Генеральной прокуратуры на привлечение Лазаренко к уголовной ответственности согласились более 300 депутатов! В производстве Генпрокуратуры находилось тогда пять уголовных дел, прямо или косвенно связанных с его именем: - по фактам хищения государственного имущества в особо крупных размерах должностными лицами агрофирмы «Наукова» Днепропетровской области, которой, по распоряжению бывшего премьер-министра Украины П. Лазаренко, незаконно предоставлен кредит в размере $10 млн. 970 тыс. за счет государственных средств; - по фактам злоупотребления властью должностными лицами Кабинета Министров Украины при выделении средств на ремонт дачного дома, в котором проживал П. Лазаренко, и незаконной передаче этого дома в аренду коммерческой структуре города Днепропетровска; - по фактам незаконного открытия за пределами Украины валютных счетов для гражданина Украины П. Лазаренко; - по фактам злоупотреблений и превышения полномочий должностными лицами промышленно-финансовой корпорации «Единые энергетические системы Украины», возглавляемой Ю. Тимошенко, при получении и использовании гуманитарной помощи для Украины; - по фактам хищения государственных средств в особо крупных размерах должностными лицами Кабинета Министров Украины при приобретении за границей у компании GHP шести сборных домиков для базы отдыха Кабинета Министров Украины. (Американский суд потом снял это обвинение).

Павел тут же улетел в Грецию, потом сдуру - в Америку. Зачем Лазаренко решил убежать из страны, - тайна за семью печатями. Наверное, считал, что за океаном отсидится. Купил богатейшую виллу, забрал детей…

Знал ли я про его «коммерческую» деятельность на посту премьер-министра? Знал ли я, что Юлия была при нем одним из самых главных действующих лиц? Знал ли я про те же «газовые схемы», позволявшие кое-кому обогащаться сверх всякой меры? Или про столь же выгодные приватизационные «схемы»… Я мог только подозревать. Давайте откроем архивы Администрации Президента - уверен, что там нет ни одной информации правоохранительных органов на сей счет. Надо иметь в виду, что эта деятельность длилась недолго. Какие-то подозрения или ожидания, что тебя подведут, всегда есть у всякого руководителя. Но если давать волю подозрениям, то продуктивно работать будет невозможно. Вся твоя работа сведется к слежке за подчиненными и выдвиженцами. А это уже болезнь. С такой болезнью на руководящем посту долго не протянешь. Ведь твоя обязанность - обеспечить результат. А разоблачение подчиненного тебе должностного лица не может считаться тем результатом, ради которого ты находишься в своем кресле.

Эффективность директора завода, министра, руководителя города, района или области при советской власти измерялась конкретными показателями - процентами выполнения производственно-финансовых планов. Так обстоит дело и после советской власти, и не может обстоять иначе.

Первое и главное, на что смотришь, - как человек справляется с работой, с основными своими обязанностями, каковы показатели вверенного ему участка. Точно так же я смотрел на Павла Лазаренко после назначения его в правительство. Надо сказать, что первые результаты его деятельности меня устраивали. Ну, а когда стали очевидны результаты другой деятельности - противоправной, он был сразу же уволен. Вот, собственно, и все. Очень много для разоблачения Лазаренко сделал Анатолий Матвиенко, председатель Народно-демократической партии.

Лазаренко не мог не играть в азартную игру накопительства. Он не мог не комбинировать. Такая натура. Не пренебрегал ничем. Санкционировал, например, закупку в Калифорнии щитовых домиков. Там они продавались по три копейки, а здесь - под сто тысяч долларов. Под сто тысяч долларов бюджетных денег! Причем, жить в этих домах в Украине невозможно. Украина - не Калифорния. Их вынуждены были обкладывать кирпичом. А внутри… Я зашел в один и задохнулся от возмущения: за что выложены такие деньги из государственной кассы, в которой каждый доллар был тогда на счету?! Он, видимо, уже не мог остановиться. Ему не терпелось стать миллиардером. Россияне мне рассказывали, что Павла волновал один вопрос: есть ли уже у Вяхирева миллиард? Он задавал этот вопрос в Москве всем, кому только мог: «А у Вяхирева есть миллиард?» Наверное, спрашивал и у самого Вяхирева - они были друзьями. В то время считалось, что в России богаче Вяхирева никого нет. Тогда еще не было на слуху ни Ходорковского, ни Абрамовича.

Жалко украинских денег, которые Лазаренко потратил и, наверное, продолжает тратить на американских адвокатов. Он оказался в стране, где человек при деньгах может судиться сколько угодно. Есть адвокаты, берущие по три тысячи долларов за час своей работы. Вот он и платит, меняя их пачками. По американским законам с арестованных счетов можно брать деньги на адвокатов. Вот они и затягивали процесс.

Вспоминаю один эпизод, связанный с ним. Когда он был назначен премьер-министром, я послал его в Москву. Перед этим поговорил с Черномырдиным, который тогда занимал пост премьер-министра России. «Прими, пожалуйста, этого человека. Я возлагаю на него большие надежды». Через день Черномырдин звонит мне: «Ты кого это ко мне прислал?» - «Павла Лазаренко, нового премьер-министра Украины. А что такое?» - «Жулик он. Вот что такое». Вскоре Виктор Степанович приехал в Киев. Отправились мы с ним в Залесье - подышать лесным воздухом, побеседовать без помех. Ни охота, ни рыбалка не были предусмотрены. «Ну, - говорю, - выкладывай, что ты имеешь против моего нового премьер-министра». - «Он мне деньги предложил! Пришлось выгнать дурака». Я опешил: «Какие еще деньги?!» - «Зеленые. Баксы. Ты - мне, я - тебе. Так он собрался строить украинско-российские отношения. В частности, по газу. Решил подключить, для верности, мою личную материальную заинтересованность». Кажется, никогда еще мне не было так стыдно за Украину. «Ты, - говорю, - можешь это все повторить в его присутствии?» - «Могу. Хотя лишний раз его видеть - не самое большое удовольствие». Позвали Павла. Черномырдин говорит ему: «Ну, и что ты можешь сказать в свое оправдание?» - «А что такое, Виктор Степанович?» - «А то, что ты мне взятку предлагал. Причем долгоиграющую взятку, на постоянной, так сказать, основе. Или будешь отрицать?» Павел повернулся ко мне и бухнулся на колени: «Батьку, прости! Батьку, прости! Больше никогда не буду!» Потом - к Черномырдину: «Простите, Виктор Степанович!» Виктор Степанович набрал полные легкие воздуха и начал «воспитательную работу». Я присоединился. Птицы с деревьев сразу слетели все, кажется, до одной. После этого судьба Лазаренко была решена. Между прочим, когда он находился в кабинете Черномырдина, в предбаннике ожидала результатов встречи Юлия Владимировна Тимошенко…

Юля люто ненавидит меня за то, что была фигуранткой уголовных дел и даже провела какое-то время в заключении. Она считает, что это я ее посадил. Переубеждать ее бесполезно, да я, естественно, и не пытался. Она уверена, что первое лицо в государстве может все. Эту уверенность она распространила и на себя как на второе лицо, когда стала им после оранжевой революции. Никакого понятия о существовании законов и правил. Я сказала, я решила - и будет так.

14 декабря

То, что не смогли сделать ни Юлия Тимошенко с ее напором, ни Юрий Еханурoв с его основательностью, сделало правительство Януковича - причем за один месяц! Сделала Верховная Рада, показав тем самым, на что способна нынешняя коалиция, чьим детищем является это правительство. Принят пакет законов, необходимых для вступления Украины во Всемирную торговую органи-

зацию (ВТО). Много лет я добивался этого, и все безуспешно. Мои законопроекты постоянно блокировались, в том числе - коммунистами и социалистами, которые сегодня дружно поддержали партию «олигархов».

Пусть теперь кто-нибудь скажет, что политическая реформа - это пустяк, обман или политиканство! Обществу показано на конкретном - и каком важном! - примере, что если парламент своим большинством формирует правительство и отвечает за его деятельность, то могут приниматься самые сложные решения. В этом заключается политическое значение происшедшего.

С помощью парламента правительство сделало очень важный шаг на пути дальнейшей либерализации экономики. По сути дан старт новому циклу рыночных реформ, интеграции Украины в мировое экономическое пространство. Создается принципиально новая экономическая ситуация. Членство в ВТО требует адекватной экономической политики. Понимают ли это в правительстве? Команда Януковича сильна в текущих делах и пока что слаба в работе на перспективу. Членство в ВТО открывает несомненные возможности для повышения конкурентоспособности украинской экономики. Но опыт многих стран (их в ВТО - 150) показывает, что эти возможности реализуются не автоматически. Мы не будем чувствовать себя достаточно уютно. Особенно - на первых порах. Не завершены рыночные преобразования, недостаточна капитализация банковской системы и фондового рынка, высокий уровень государственного потребления, несформированность инновационной модели роста. И самое существенное: слабый иммунитет национального капитала.

Тут есть над чем подумать всем: и правительству, и президенту, и парламенту, и Национальному банку Украины, который должен будет перестроить основы денежно-кредитной политики.

26 декабря

На первой же странице своих воспоминаний Скоропадский останавливается на факте, который его сильно поражал и которого он не мог объяснить. Среди окружавших его лиц было очень мало людей, которые разделяли его взгляды, мыслили Украину так, как он. «Было два течения как в социальном, так и в национальном вопросах, оба крайние, ни с тем, ни с другим я не мог согласиться и держался середины. Это трагично для меня…» В чем же эти крайности и в чем его середина? «Я люблю русский язык, украинцы его терпеть не могут, по крайней мере, делают вид, что не любят его; я люблю среднюю Россию, Московщину - они находят, что эта страна отвратительна…» Это - одна крайность. «С другой стороны, - пишет генерал, - великорусские круги на Украине невыносимы, особенно теперь, когда за время моего гетманства туда собралась чуть ли не вся интеллигентная Россия… Эти великороссы совершенно не понимали духа украинства». Интересно, что сказал бы Скоропадский, если бы узнал, что и сегодня, в 2006 году, человек, бывший два срока президентом независимой Украины, может повторить его слова без малейших изменений?

Знакомы мне также истории вроде одной из тех, что описывает он: «Часто бывали такие случаи: приходит господин и доказывает мне, что такой-то украл столько-то, причем рассказывает все подробности, впечатление действительно получается ужасное… Проходит несколько времени. Расследование вполне обеляет данное лицо. Зову господина, который с такой кажущейся самоотверженностью и сознанием своих гражданских обязанностей приходил ко мне с донесением: «Послушайте, ведь вы мне говорили о преступлениях, расследование же показало то-то и то-то. Все это неправда!!» - «Ах, так, ну слава Богу, я очень рад за него»… И что лучше всего - это то, что часто эти же самые доносители и были преступниками, как оказывалось позже».

Или как я могу не согласиться со следующей мыслью нашего последнего гетмана: «При существовании и свободном развитии у нас русской и украинской культуры мы можем расцвести, если же мы теперь откажемся от первой культуры, мы будем лишь подстилкой для других наций и никогда ничего великого создать не сумеем»? Он решительно не хотел, чтобы украинцы жили «объедками от немецкого и польского стола». И опять нахожу у Скоропадского мысль, которую я проводил в книге «Украина - не Россия». «Великороссы и наши украинцы, - пишет он, - создали общими усилиями русскую науку, русскую литературу, музыку и художество, и отказываться от этого своего высокого и хорошего для того, чтобы взять то убожество, которое нам, украинцам, так наивно любезно предлагают галичане, просто смешно и немыслимо».

А какой здравой была его программа земельной реформы! Она принципиально игнорировала «демагогические приемы левых партий» и предполагала компромисс между классом крупных землевладельцев и малоземельных жителей села. Нельзя не признать правильными основные ее

положения. «Передача всей (панской. - **Л. К.)** земли (крестьянам. - **Л. К.)**, кроме сахарных плантаций, лесов, земли, необходимой для конских заводов и семенных хозяйств (для хозяйствования на этих землях крестьянство не имело должных средств и навыков. - **Л. К.)**. Передача за плату. Бесплатная передача не имеет в данном случае никаких серьезных оснований и просто в высшей степени вредна. Уплата селянских денег за покупаемую ими землю, наконец, заставит их пустить эти земли в оборот, что значительно облегчит правительство, давая ему возможность значительно сократить печатание новых знаков». Нахожу здесь ту же цель, которую не удалось осуществить и мне из-за «демагогических приемов левых партий»: создание земельного рынка.

Не мог я без смеха читать такое место в книге Скоропадского: «Обыкновенно всякий приходивший ко мне всегда считал, что он знает все намерения Антанты до мельчайших подробностей и что Антанта, конечно, в этом отношении придерживается мыслей говорящего или его партии». Точно так же было с народными депутатами и лидерами политических партий при мне. Каждый считал, что ему до тонкостей известны намерения США, в целом Запада, России, Китая - всех. И каждый давал мне понять, что я должен руководствоваться только его сведениями и мнением. Или прямо требовал этого, грозя отставкой, а иногда и выполняя свою угрозу.

27 декабря

Даже если бы Верховный Суд в дни оранжевой революции принял решение провести повторные выборы, я бы никогда не выставил свою кандидатуру. Назову хотя бы такой фактор, как нервная нагрузка. Еще раз пройти через такое горнило, еще раз оказаться под потоками грязи? Нет и нет!

Мне и Путин задавал этот вопрос, и не один раз: «Так вы идете на третий срок?» Я отвечал: «Нет. Сколько раз будете спрашивать, столько и услышите: нет!» Во время одного из последних разговоров на эту тему я сказал: «Слышал, что вы тоже не собираетесь идти на третий срок. Для меня это дополнительная мотивация. Что, я должен выглядеть «белой вороной»? Не буду. И никакие разрешения Конституционного Суда для меня не будут служить оправданием. Есть моральная точка зрения. С этой точки зрения я и заявляю: на третий срок не пойду!»

По электронной почте кто-то переслал мне на адрес моего Фонда очень жесткое письмо одной жительницы Киева, отрывок из которого приведу. Не буду ее называть.

«…Теперь думаю, зачем я, старая дура, принимала активное участие в политических акциях и кричала погромче: «Кучму геть!» Ющенко и его «любі друзї» имеют полное основание потешаться над глупой доверчивостью довольно большого количества людей в Украине. Как же! Пообещал посадить бандитов в тюрьмы! Ни одного не посадил, отдал им обратно власть! Он просто возглавил жаждущих передела собственности и власти. Тогда, на Майдане, стоя под снегом в метель, кто-нибудь мог предвидеть этот позорный результат?! Тогда мы опасались только за его жизнь. Мы его, наверное, придумали, нам так хотелось иметь чистого, смелого, сказочного освободителя от вранья и несправедливости! А он, вместо обещанной борьбы со всеми видами аморальности, давай кумовьев и дружков пристраивать на государственные посты. С этого и началось его падение… Оказался еще и очень амбициозным человеком. Так набундючился за критику! Сама видела».

Присылают мне не только такие письма, но и статьи из печати. Подтекст уловить нетрудно. Люди хотят меня как бы утешить, дать мне повод втайне позлорадствовать, мстительно припомнить обиды и оскорбления, которые нанес и причинил мне Виктор Ющенко, не говоря уже о его «любих друзях», поклонниках и сторонниках, которые так жестоко отзывались обо мне и моем правлении на протяжении многих лет. Я не хочу чувствовать себя отмщенным. Крах или, как выражается эта женщина, падение Виктора Ющенко меня не радует, а наводит на размышления. Я ему скорее сочувствую, хотя и не могу забыть, как спрашивал его, зачем он так злобно кричит про мою «злочинну владу», а он в ответ просил не придавать значения его словам: «Это политика, Леонид Данилович». Конечно, теперь и я могу ему сказать: «Не придавайте значения таким письмам, Виктор Андреевич». Но не могу добавить: «Это политика». Эта киевлянка пишет не для политики - она так действительно думает и отводит, как говорится, душу.

Люди, с которыми приходилось общаться в дни оранжевой революции и сразу после нее, постоянно заводили разговор о Ющенко. Сейчас, спустя два года, тоже заводят, но в их тоне становится все больше недоумения. Когда и с чего началось его возвышение? Не со времени ли прива-

тизации одного из крупнейших в бывшей Украинской ССР банков, потом получившего название «Украина»? Никто никогда не узнает, кто стоит за банкротством этого системного банка. Вкладчики пострадали, а собственники? Говорят, все свое сохранили до копейки. Не знаю… Так вот, как все же Ющенко приобрел ореол оппозиционера? С какого момента это началось? Тогда, когда он был освобожден от должности премьер-министра и сказал: «Я ухожу, чтобы вернуться» или позже? И почему он занял такую враждебную позицию к президенту, который же и создал его как государственного деятеля и политика? Не является ли это своего рода «банковской операцией»? Уж слишком много тут напрашивается параллелей.

У нас любят обиженных. Ющенко это быстро и крепко усвоил. К нему потянулись все, кто увидел свое место в оппозиции. В течение следующих трех-четырех лет они научились драться. Я не мешал этой их учебе. Меня можно, наверное, сравнить со спарринг-партнером. На парламентские выборы-2002 они шли, как на последний и решительный бой. Они понимали, что если Ющенко с ними не выиграет сейчас, то не выиграет никогда.

Он всегда выглядел более яркой личностью, чем многие другие. Видный, не крикливый, рассудительный. Экономист-рыночник, председатель Национального банка. В 1997 году получил Global Finance Award, то есть, был признан одним из пяти лучших глав центральных банков мира (хотя на родине парламентарии хотели уволить его из Национального банка за слабую работу).

Все время на виду. А потом - председатель правительства. Почему я назначил его на этот пост? Для чего? Скажу прямо: не столько для того, чтобы он работал, сколько для того, чтобы представительствовал. Решил, что уже могу позволить себе такую роскошь. Дела в стране вошли в колею. На основных участках находились компетентные и сильные кадры. Пришло время подумать об улучшении образа Украины. Этот образ существенно испортил Лазаренко. Его преемник Пустовойтенко был хороший работник. Это положительный человек. Без лишних амбиций и фантазий, спокойный и деловой, прекрасный хозяйственник, практик до мозга костей, человек дела, конкретных проектов. Я брал его для «точечной работы», и мы с ним такой работой и занимались: лечили болевые точки в народном хозяйстве и социальной сфере. И кое-что нам удалось. С третьего квартала 1999 года мы уже начали погашать задолженность по зарплате (огромная была задолженность!) и по пенсиям. Не помню точную цифру - по-моему, около двух миллиардов долгов мы вернули. Если бы Пустовойтенко и дальше оставался премьер-министром, экономика развивалась бы нормально, но он не смог заручиться поддержкой парламента. Я подавал его кандидатуру, но он и сам должен был больше работать с депутатами. У нас привыкли, что все самые сложные вопросы в отношениях между исполнительной и законодательной властями «разруливает» президент. Я действительно часто так и делал. Но это было не от хорошей жизни. Надо сказать прямо: правительство Пустовойтенко, и в первую очередь он сам плохо работали с парламентом.

И главное: ни в стране, ни в мире его не воспринимали как современного либерального реформатора. А у меня вызревали «наполеоновские» планы. К этому времени мы уже прошли самый критический этап. Прекратилось падение валового продукта, начался рост экономики, стабилизировалась гривня, инфляция приобрела умеренные темпы. И я решил, что раз уж приходится искать нового главу правительства, то пусть это будет финансист, банкир, ну и личность, более узнаваемая в мире. Ющенко привлек мое внимание как человек, который будет принят в международных финансовых институциях, сможет разговаривать с ними на одном языке. Украине нужны были деньги. После азиатского кризиса, нанесшего страшный удар по России и очень больно задевшего Украину, иностранные инвестиции могли бы заметно облегчить наше положение.

Очень мне хотелось поднять свою страну в мировом общественном мнении, очень! Я подумал, что молодой красивый банкир с репутацией либерала, твердого рыночника идеально подходит на роль «зазывалы» в лучшем смысле слова. Мне эта роль не удалась бы - я ведь «красный директор». Думалось: буду посылать его в Америку, Европу, Японию, Южную Корею - пусть ездит, пусть показывает себя, завоевывает симпатии, внушает доверие, привозит инвестиции. Пусть и в Киеве, на своем рабочем месте, только то и делает, что принимает послов, видных деятелей и бизнесменов со всех стран. А реальную премьерскую работу за него уже, слава Богу, есть кому делать. Я буду первым, кто взвалит на себя этот груз.

Собственно, когда я говорю это сейчас, то не открываю большого секрета. Примерно то же самое я говорил перед высшими должностными лицами страны и ведущими парламентариями, когда собрал их у себя, чтобы объяснить им свое решение назначить Ющенко премьер-министром. «Пришло время выводить Украину на мировую арену, - говорил я. - Мало просто проводить ре-

формы. Нужна яркая вывеска. Нужен человек, который покажет товар лицом. Лучшей кандидатуры, с этой точки зрения, чем Виктор Андреевич, я не вижу». Думаю, что как раз тогда будущие создатели «кассетного скандала» поняли, что надо действовать. Идея заговора могла возникнуть прямо на том совещании. Нанести удар по президенту, исказить имидж Украины, а Ющенко сделать оппозиционером номер один, «мессией», надеждой нации. Внушить ему это оказалось нетрудно, хотя усилий не пожалели. Как только я его назначил, началась мощная пропагандистская кампания в его пользу. Началась она на Западе, но постепенно в нее включились и украинские СМИ. Из иностранной прессы был взят главный тезис, решающий, судьбоносный. Он гласил: вот пришел на пост премьер-министра Украины Виктор Ющенко - и ее экономика, наконец, заработала. Это был не больше чем пропагандистский тезис. Ющенко ни одного шага в экономике не делал без согласования со мной. Программа его правительства была «один в один» переписана из президентского Послания парламенту. В этом Послании обосновывалась стратегия роста. Подъем экономики готовился на протяжении ряда лет. Это была общая работа многих людей, всех составов правительства. Нацбанк не был в стороне от этого. Это было движение жизни, которой мы не давали стоять на месте. Это был великий результат наших реформ. Все шло к подъему. И подъем начался бы независимо от того, стал бы Ющенко премьер-министром или не стал. Но он стал. Я его назначил. А дальше уже было дело пропагандистской техники. И дело нехитрое: раз то-то и то-то достигнуто при нем - значит благодаря ему.

Должен сказать, что в общем и целом эта пропаганда отнюдь не противоречила той миссии, которую я на него возложил. С такой поддержкой нам с ним многое удалось бы. Но тут грянул «кассетный скандал», развернулась акция «Повстань, Украина!», «Украина без Кучмы», и многие благие намерения так и остались намерениями. Генерал Скипальский (бывший заместителем председателя СБУ) в своих интервью утверждает, что это было дело рук России. Россияне, мол, хотели ослабить Украину, а наша Служба безопасности проморгала их происки. По его словам, Кравчук в свое время «не обратил надлежащего внимания» на его доклад о том, что «иностранные службы и некоторые люди из окружения готовят досрочные выборы президента Украины, направленные на его переизбрание. Подобное произошло и с Леонидом Кучмой во время «кассетного скандала». Он меня не послушал, больше доверяя собственным связям».*

Хотел бы, к слову, обратить внимание читателя на одно любопытное утверждение этого генерала. «Окружение Кучмы, - говорит он, - боялось влияния разведки на состояние дел в государстве. Тогда шел процесс первичного накопления капитала, а спецслужбы, в случае их усиления, владели бы всеми этими теневыми схемами. Для того этапа в истории нашего государства не нужна была сильная спецслужба. Иначе бы она помешала олигархическому накоплению капитала». Всякий специалист, как говаривал Козьма Прутков, подобен флюсу. Александр Александрович прекрасно знает, что такое спецслужба, как она работает, но процессы такого всемирно-исторического масштаба, как «первичное накопление капитала» в постсоциалистических странах, находятся за пределами его компетенции. Все спецслужбы мира под его командованием не смогли бы пресечь этот процесс даже в такой маленькой стране, как, например, Чехия, не говоря уж о такой большой, как Украина.

Так или иначе, Ющенко поверил и вошел в написанную для него роль. Не один я разглядел, что он верит в себя как в чудотворную икону, и готов не сводить с нее глаз днем и ночью. Свою роль он довел до логического конца - до президентской инаугурации. А потом наступили будни, время реальной работы, непоказной ответственности. Тут и произошло то, что вызвало обвальное разочарование общества.

А теперь я хотел бы сказать пару слов, стараясь быть совершенно объективным, с высоты своего возраста и опыта. Придется повторить то, что уже говорилось в моих записках. В чем виноват Ющенко? Он виноват в том, что обещал людям заведомо невыполнимые вещи. Занимался подстрекательской, революционной демагогией. Делал он это, как показывают его разговоры, сознательно и цинично. Правда, я допускаю, что иногда, при большом стечении народа, он и сам верил своим обещаниям и был уверен, что сможет стать настоящим народным героем, борцом за все хорошее против всего плохого. В остальном же он не виноват. Он не виноват в том, что не смог обеспечить тюрьмы если не всем, то хотя бы десятку крупнейших бандитов. Он не виноват в том, что судебная система и при нем не только остается такой же, как при мне, но стала еще более растленной. Он не виноват в том, что взяточничество выросло, а он не в состоянии что-либо противопоставить этому. Как и я, он оказался заложником нашей демократической конституции, наших,

пусть весьма и весьма относительно, но демократических порядков. Чтобы выполнить свои обещания, он должен был бы совершить государственный переворот, установить самую жестокую, не связанную никакими демократическими нормами, правилами диктатуру. Он должен был бы набрать несколько десятков тысяч «опричников» и наделить их такими полномочиями, которые позволили бы им хватать кого угодно и сажать в тюрьмы без суда и следствия, отбирать любое имущество у кого угодно без всякого следствия, ревизии и суда, потому что ревизия, следствие, состязательный судебный процесс с участием адвоката в наших условиях может только оставить преступника безнаказанным.

У Виктора Ющенко, как и у меня, не было ни желания, ни физической возможности совершить такой государственный переворот. Обновление страны может явиться только результатом длительного эволюционного процесса, результатом глубоких, но постепенных реформ. Осуществить же эти реформы невозможно без самого активного участия общества, населения, миллионов простых людей, которые должны понять - и когда-нибудь обязательно поймут! - что оздоровление жизни - это по силам только им самим, а не одному руководству, президенту и министрам.

Здесь ставлю точку и начинаю отбор и обработку своих записей и «надиктовок» для печати. Наверное, не совсем солидно публиковать дневники за такой короткий период: всего два года, но это были особые годы, на них лежал отсвет оранжевой революции. Трудно предсказать, что будет дальше. Политическая жизнь в Украине, мягко говоря, далека от спокойствия, отношения между ветвями власти обещают быть опасно напряженными. Этой книгой хотелось бы внести свою лепту в преодоление кризисных явлений, за которыми, хочется верить, последует долгий период процветания Украины в европейской семье народов.